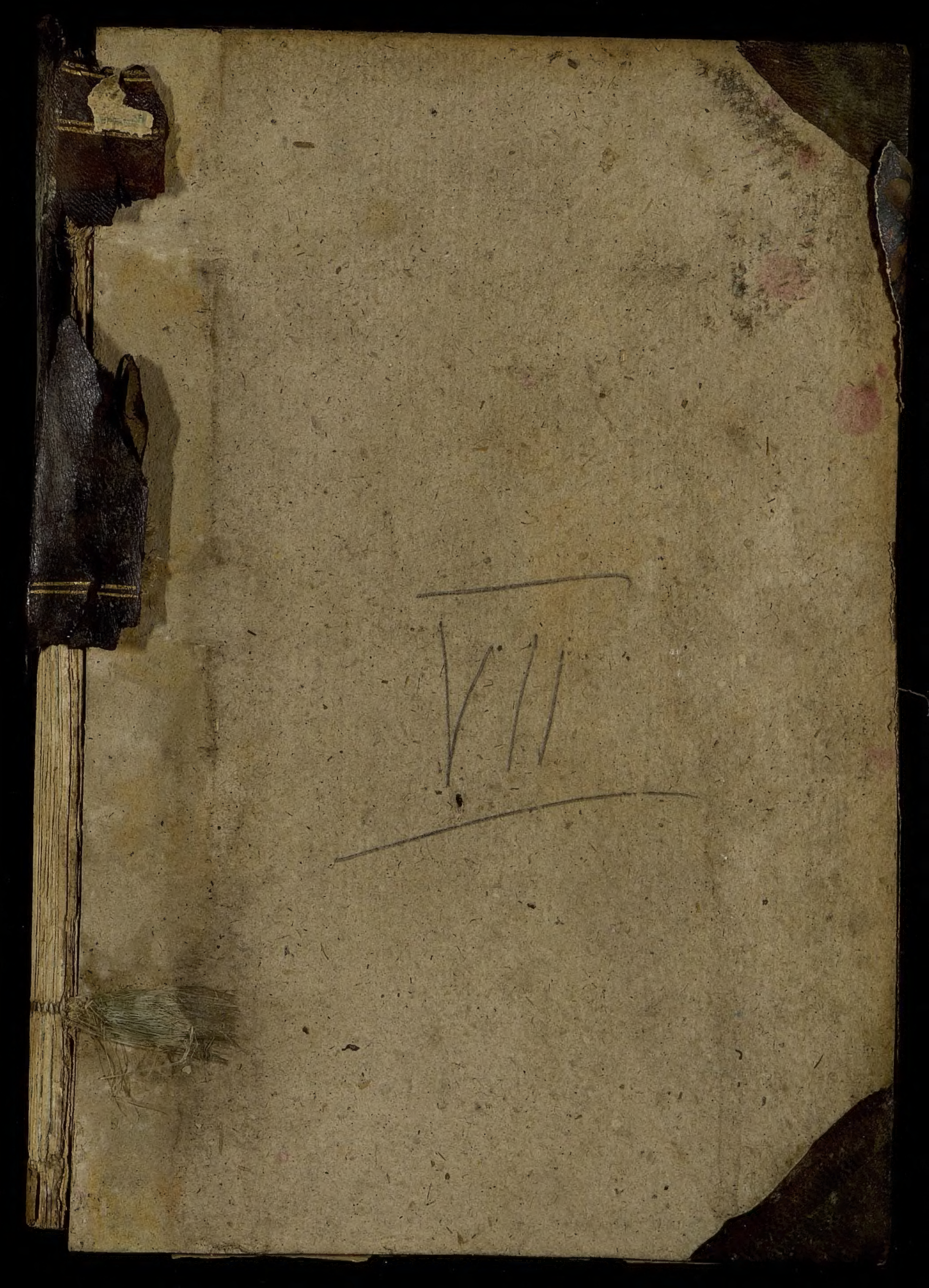

VII

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

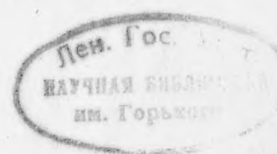
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II-го

И

ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

ГЛАВА I.

Окончаніе царствованія императрицы Екатерины I Алексѣевны.

Дѣла внѣшнія. — Персидская война. — Мнѣніе Остермана о персидскихъ дѣлахъ.—Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій назначенъ главнокомандующимъ.—Его донесенія.—Дѣла турецкія.—Неудачи Турокъ въ Персіи.—Дѣятельность Долгорукаго.—Внушенія французскаго посланника Туркамъ.—Отношенія Россіи къ Франціи.—Ганноверскій союзъ.—Появленіе англійской эскадры у русскихъ береговъ въ угрожающемъ положеніи.—Союзъ Россіи съ Австріею.—Дѣла польскія.—Торнское дѣло.—Дѣятельность коммиссара Рудаковскаго въ Могилевѣ.—Дѣла курляндскія.—Посольство Ягужинскаго въ Польшу.—Дѣла шведскія; отправленіе въ Стокгольмъ князя Василія Лукича Долгорукаго.—Приступленіе Швеціи къ Ганноверскому союзу.—Отношенія къ Даніи.—Отношенія къ Пруссіи.—Общій взглядъ на внѣшнія отношенія Россіи при Екатеринѣ 1-й.—Вопросъ о престолонаслѣдіи. — Мнѣніе Остермана о соглашеніи интересовъ.—Герцогъ голштинскій—епископъ Любскій, женихъ цесаревны Елисаветы.—Заботливость о войскѣ.—Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра.—Движенія противной стороны.—Дѣло Девьера.—Завѣщаніе Екатерины.—Кончина ея.—Провозглашеніе великаго князя Петра Алексѣевича императоромъ.

Разбираясь въ матеріалѣ преобразованія, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія финансоваго, правительство Екатерины 1-й постоянно имѣло въ виду необходимость войска. И дѣйствительно войско было нужно, ибо опасность постоянно грозила съ юга и запада. Персидская война не прекратилась петербургскимъ договоромъ, который не хотѣли подтверждать въ Персіи, да и некому было подтверждать при страшной смутѣ, господствовавшей въ этой странѣ. Въ Рящѣ русское войско съ генераломъ Матюшкинымъ постоянно должно было отбиваться отъ

нападенія Персіянъ, хотя и постоянно отбивалось съ успѣхомъ, не смотря на многочисленность враговъ. Въ Сальянѣ полковникъ Зимбулатовъ съ офицерами были зазваны на обѣдъ княгинею и измѣннически умерщвлены. Шамхалъ Тарковскій Алди-Гирей измѣнилъ и, поддерживаемый сосѣдними владѣльцами, приходилъ осаждать крѣпость св. Креста, былъ прогнанъ, но не переставалъ враждовать. Въ апрѣлѣ 1725 года сенатъ постановилъ о персидскихъ дѣлахъ слѣдующее: генералу Матюшкину послать указъ, чтобъ завоеваніе Мазандерана и Астрабата до времени отложилъ; для полученія бо́льшаго простора долженъ, по возможности, распространять русское владычество въ Гиляни и укрѣпляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ сообщенія изъ другихъ областей съ Гилянью, чтобъ получитъ безопасность отъ непріятеля; если для очищенія воздуха и безопасности отъ подходу непріятельскаго понадобится вырубить лѣсъ, пусть вырубаетъ по своему разсмотрѣнію, какіе бы лѣса ни были. На Курѣ или близь Кура долженъ занять постъ и, хотя маленькую крѣпостцу сдѣлать, по своему разсмотрѣнію, также устроить сообщенія отъ Гиляни къ рѣкѣ Курѣ и укрѣпиться въ нашихъ границахъ близь моря [1]. Такимъ образомъ кругъ военныхъ дѣйствій уже былъ ограниченъ.

При учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, представляя общій обзоръ отношеній Россіи къ чужимъ государствамъ, говорилъ о персидскихъ дѣлахъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, они находятся въ самомъ печальномъ положеніи: въ Гиляни русскія войска не только не могутъ распространяться внутрь страны, но съ великимъ трудомъ удерживаются и въ занятыхъ прежде мѣстахъ; жители всѣ разбѣжались, податей никакихъ не платится, и, кромѣ народнаго возмущенія, отъ Казбинской и Мосульской стороны собираются многочисленныя персидскія войска; изъ Сальянской области и съ рѣки Куры Русскіе принуждены отступить въ Баку; шаховы войска хотятъ идти къ Баку и засѣсть у нефтяныхъ источниковъ; окрестные князьки согласились вырубить въ Дербентѣ Русскихъ и Армянъ; горскіе народы всѣ въ собраніи, и отъ нихъ гарнизонъ въ крѣпости св. Креста находится въ великомъ утѣсненіи. При этомъ надобно обращать вниманіе на слѣдующее обстоятельство: по договору съ Портою Россія должна склонить шаха Ѳохмасиба къ принятію этого договора, или вмѣстѣ съ Портою возвести на престолъ

другаго шаха; если это дѣло затянется, то Порта можетъ большею частію Персіи овладѣть, и даже шахъ Тохмаспбъ, изъ страха предъ сильнымъ наступленіемъ Турокъ, можетъ и совершенно имъ поддаться; Турки, увидя слабость Русскихъ въ тѣхъ странахъ, могутъ соединиться съ тамошними народами и принять намѣреніе вытѣснить русскія войска. Дѣйствовать для предотвращенія этихъ опасностей Россія можетъ двумя способами: способомъ наступательнымъ: овладѣть всѣми остальными уступленными провинціями и шаха Тохмаспба низвергнуть, но для этого нужна сила и войско; другой способъ оборонительный: отложить на время завоеваніе другихъ провинцій и укрѣпляться только въ занятыхъ уже мѣстахъ; наблюдать за дѣйствіями Турокъ и приводить шаха Тохмаспба къ принятію нашего договора съ Портою; о совершенномъ же покинутіи персидскихъ дѣлъ не должно и думать, потому это значило бы отворить ворота всѣмъ этимъ народамъ въ сердце Россіи. Остерманъ больше всего опасался Турокъ, и потому совѣтовалъ показать себя твердыми въ Персіи, приготавливаться къ войнѣ турецкой, а между тѣмъ склонять всячески Персіянъ, Армянъ и Грузинъ на свою сторону, даже обѣщать шаху возвращеніе части завоеваннаго. Мнѣнія, поданныя другими членами совѣта, въ сущности были сходны съ мнѣніемъ Остермана. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній, а именно въ мнѣніи князя Меншикова проглядывало сильное желаніе отдѣлаться отъ персидскихъ завоеваній, которыя слишкомъ дорого стоятъ. 30 марта члены совѣта ходили къ императрицѣ съ доношеніями такого своего мнѣнія: персидскія провинція и мѣста всѣ содержать не только очень трудно, но почти невозможно по огромнымъ расходамъ и вредному для русскаго войска климату; въ опредѣленные туда 20 баталіоновъ отправлено уже рекрутъ 29,000 человѣкъ, а теперь еще большаго числа требуютъ: поэтому не лучше ли искать способа мало-по-малу изъ этихъ персидскихъ дѣлъ выйти, однако съ тѣмъ, чтобъ Турки не могли тамъ утвердиться; нельзя ли для склоненія шаха на свою сторону уступить ему всѣ три провинціи, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ? Императрица согласилась. [2]

Но затрудненіе состояло въ томъ, что не съ кѣмъ было заключать мира, не кому уступать выговоренныхъ въ трактатѣ областей. Шахъ Тохмаспбъ не былъ владѣльцемъ всей Персіи; въ

Испагани господствовавъ афганскій похититель Эшрефъ, убившій въ 1725 году брата своего Магомета-Мирвеиза. Турки пользовались смутою въ Персіи, дѣйствовали наступательно, и успѣхи ихъ волновали все магометанское народонаселеніе. Остерманъ въ своей запискѣ упоминалъ, что Дербентъ и даже крѣпость св. Креста находились въ опасности. Но это было не совсѣмъ такъ: въ октябрѣ 1725 года генералъ-маіоры Кропотовъ у Шереметевъ ходили опустошать владѣніе шамхала и сожгли двадцать селеній, въ томъ числѣ и Тарки, столицу шамхала, состоявшую изъ 1.000 дворовъ; всего дворовъ было сожжено 6.140. Шамхалъ, имѣя только 3.000 войска, не могъ сопротивляться превосходному числу Русскихъ, у которыхъ однихъ козаковъ и Калмыковъ было 8.000 человѣкъ, не считая регулярныхъ войскъ, двухъ полковъ пѣхоты и двухъ кавалеріи; Алди-Гирей ушелъ изъ Тарокъ вмѣстѣ съ турецкимъ посланникомъ и разослалъ грамоты къ другимъ горскимъ владѣльцамъ, прося помощи, но получилъ отказъ. Въ слѣдующемъ году, въ половинѣ мая, объявленъ былъ новый походъ; въ крѣпости св. Креста явился Андреевскій владѣлецъ Гайдемиръ и отъ имени шамхала просилъ отложить походъ на три дня: самъ шамхалъ пріѣдетъ въ это время къ генераламъ, а потомъ отправится въ Петербургъ просить милости у императрицы. Генералы велѣли ему сказать, что будутъ дожидаться его три дня, но похода не отложили. 20 мая, когда Русскіе стали лагеремъ у мѣстечка Кумтаркалы, шамхалъ прислалъ въ аманаты двоихъ мальчиковъ, внука своего Аракъ-Бека и сына одного князька, а самъ стоялъ при ущельѣ, дожидаясь, чтобъ выѣхалъ къ нему генералъ Шереметевъ и обнадежилъ, что его не убьютъ въ русскомъ лагерѣ. Вмѣсто Шереметева отправился полковникъ Еропкинъ, и привезъ шамхала въ лагерь; потомъ Алди-Гирея отправили въ крѣпость св. Креста и посадили подъ стражу. Въ Петербургѣ хотѣли отправить на Кавказъ искуснаго генерала, который бы сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ, и одинъ былъ въ отвѣтѣ. Выборъ палъ на опальнаго петровскаго времени, князя Василія Владиміровича Долгорукаго. Новый главнокомандующій въ августѣ писалъ Макарову изъ крѣпости св. Креста: «Никогда такой слабой команды я не видалъ; прошу для интереса государственнаго прислать сюда добраго и искуснаго командира. Зрѣлое око имѣть подобно на здѣшнихъ горскихъ и другихъ владѣльцевъ; что же

ко мнѣ писано о шевкалѣ, то доношу, что его отнюдь освобождать не надобно; держать его здѣсь, а если въ Астрахань послать, то всѣхъ владѣльцевъ въ конфузію и въ размышленіе можемъ привесть. Я объявлялъ шевкалу всѣ продерзости его, и чтобъ онъ вину свою заслужилъ, возвратилъ бы солдатъ и другихъ людей, кои у него были въ полону и кои лошади дѣтьми его взяты и другими подвластными; обѣщалъ возвратить и просился самъ, давалъ за себя поруки; я ему отвѣчалъ: видя тебя такого въ продерзостяхъ слабаго (неудержливаго), отпустить невозможно, покажи себя справедливымъ: будучи въ нашихъ рукахъ, чрезъ письма все возврати, пиши ко всѣмъ владѣльцамъ, подвластнымъ князьямъ и къ дѣтямъ своимъ, чтобъ они всѣ были въ вѣрности къ ея императорскому величеству; когда увидимъ отъ тебя вѣрность, можешь и свободу получить. Все то принялъ съ радостію и послалъ письма. Чтобъ шевкалу не быть, а раздѣлить его власть по другимъ зѣло полезно, только трудно дѣлать по здѣшнему состоянію; однако буду съ здѣшними владѣльцами въ Дербентѣ разговоръ имѣть; а что велѣно мнѣ написать во мнѣніи, ктобъ удобнѣе изъ владѣльцевъ на шевкалово мѣсто, о семъ не могу писать, еще ихъ не знаю, а надѣюсь всѣ равны: кто будетъ шевкалъ, всякій будетъ воръ, такого они состоянія люди; полезнѣе-бъ не быть шевкалу.»

Изъ Дербента въ сентябрѣ Долгорукій писалъ: «Какъ дагестанскіе, такъ и горскіе владѣльцы безъ противности себя показываютъ, и, по здѣшнимъ оборотамъ, я съ ними нынѣ для разграничиванія обхожусь поласковѣе, чтобъ безъ всякаго помѣшательства въ коммиссіи господина Румянцева дѣла окончились. За то мнѣ сумнителенъ и печаленъ отъѣздъ мой въ Гилянь: какъ на Сулакѣ, такъ и въ Дербентѣ безнадежны командиры, о чемъ уже многажды я доносилъ, и зѣло мнѣ удивительно, что отъ васъ скорой резолюціи не учинено. Изволь разсудить, какая крайняя нужда для государственнаго интереса, чтобъ были здѣсь командиры добрые. Здѣшній народъ такой обычай имѣетъ, чтобъ командиры были вездѣ генералы, то и боятся и въ дѣло ставятъ; они того не знаютъ, что генералъ-майоръ или генералъ-поручикъ; гдѣ имя генеральское помянется, то и боятся; а ежели гдѣ полковникъ комендантомъ, хотя бы онъ какого состоянія ни былъ, страху отъ него не имѣютъ и въ дѣло его не ставятъ, и называютъ его малень-

кой господинъ. Самая нужда быть добрымъ командиромъ на Сулакѣ и въ Дербентѣ, понеже между Дербентомъ и Сулакомъ всѣхъ владѣльцевъ жилище. Меня отправили для исправленія дѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и дали мнѣ полную мочь, чтобъ я привелъ въ доброе состояніе и безопасность: какъ возможно мнѣ одному здѣшнія дѣла въ то доброе состояніе привести? Въ такой опасности Дербентъ и Сулакъ остаются, что нималой надежды нѣтъ, кромѣ милости Божіей. Здѣшняго корпуса генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры безъ прибавки жалованья пропитать себя не могутъ по здѣшней дороговизнѣ; офицеры пришли въ крайнюю нищету несносную, что уже одинъ майоръ и три капитана съ ума сбрели, уже многіе знаки свои и шарфы закладываютъ; сначала здѣшняго похода безперемѣнно здѣсь, кромѣ несноснаго здѣшняго воздуху, въ великихъ трудахъ обрѣтаются, безпрестанно по карауламъ въ партіяхъ на работахъ; а другіе ихъ братья, всѣ служатъ въ корпусѣ на Украйнѣ, въ великой выгодѣ и покоѣ, а жалованье получаютъ ровное; что̀ на Украйнѣ купить на рубль, здѣсь на 10 рублевъ того не сыщешь; и по моему мнѣнію или въ жалованьи прибавку учинить, или офицерамъ съ перемѣною быть. Еще есть изъ перемѣны офицеровъ и государственная польза, коли офицеры обращаются въ воинскихъ случаяхъ всегда въ практикѣ; какая польза одни служатъ, другіе покоятся.» [3]

Въ это время Долгорукій былъ ободренъ неудачами Турокъ.

Мы видѣли, что еще Петръ отправилъ въ Константинополь бригадира Румянцева, который оттуда долженъ былъ ѣхать для проведенія новой границы между Россіею и Турціею во взятыхъ у Персіи областяхъ. Когда пришла страшная вѣдомость о кончинѣ Петра, то первымъ дѣломъ Румянцева было внушить французскому посланнику Дандрезелю, смѣнившему Бонака, что эта перемѣна не произведетъ въ Россіи никакихъ внутреннихъ смутъ, и просить его, чтобы онъ старался внушать то же самое и Портѣ. Румянцевъ писалъ императрицѣ: «теперь, кажется, всѣ противныя мнѣнія у Турокъ отняты; однако, по ихъ непостоянству, вполнѣ вѣрить нельзя; я и резидентъ (Неплюевъ) стараемся, и, кажется, что ничего не опущено въ дѣлахъ вашего величества. Теперь вся сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ Персіи войска наши не ослабѣли, и хотя бы знакъ сдѣлать, что туда войскъ прибавлено, потому что Турки какъ намъ, такъ и послу французскому

безпрестанно говорятъ, что нашихъ войскъ въ Персіи мало и дѣйствовать противъ Тохмаспба по силѣ трактата нельзя». Въ августѣ 1725 года, извѣщая о взятіи Турками Тавриза и дальнѣйшихъ движеніяхъ ихъ, Румянцевъ писалъ: «По силѣ вашего величества указовъ будемъ всячески сами и чрезъ французскаго посла трудиться и пристойнымъ образомъ отвращать Турокъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій; но не думаемъ, чтобъ могли ихъ удержать; а они постоянно упрекаютъ насъ, что въ Гиляни и другихъ мѣстахъ наши войска не дѣйствуютъ».

Турки заняли провинцію Лористанъ; на представленія Румянцева и Неплюева, что этимъ нарушается послѣдній договоръ, ибо перейдена граница, въ немъ означенная, получались увертливые отвѣты; а между тѣмъ русскіе министры получали извѣстія, что Турки распоряжаются отправленіемъ войска въ Дагестанъ и вошли въ переговоры съ Эшрефомъ, требуя отъ него подданства султану; объ отправленіи Румянцева для проведенія границы не было и помину, и, къ довершенію непріятностей, со стороны французскаго посла оказалась холодность. На представленіе Румянцева и Неплюева, что Порта нарушаетъ договоръ, вступая въ сношеніе съ бунтовщикомъ Эшрефомъ, имъ отвѣчали, что договоръ былъ бы нарушенъ, еслибъ Тохмаспбъ его принялъ; но такъ какъ этого не послѣдовало, и Турки съ оружіемъ въ рукахъ, съ потерею людей и денегъ, должны были забирать выговоренные въ трактатѣ города, то они не имѣютъ никакой обязанности отвергать предложеніе Эшрефа, по единовѣрію съ нимъ и потому еще, что владѣя въ Испагани, онъ ихъ сосѣдъ, и странно было бы Портѣ преслѣдовать единовѣрнаго суннита и стараться объ утвержденіи на персидскомъ престолѣ шіита. Наконецъ визирь велѣлъ объявить: вмѣсто того, чтобъ искать человѣка, кого бы возвести на персидскій престолъ, не лучше ли Россіи и Турціи раздѣлить между собою Персію, какъ добрымъ друзьямъ?

Русскіе министры не приняли этого предложенія, настаивая на точное исполненіе послѣдняго договора. 9 декабря 1725 года явился къ Румянцеву переводчикъ Порты съ объявленіемъ, что ему не будутъ болѣе даваться кормовыя деньги, ибо онъ посолъ, а не коммиссаръ. Причиною такого поступка со стороны Порты было то, что наканунѣ былъ у визиря англійскій посланникъ. Румянцевъ, обнадеживая переводчика милостію императрицы, вы-

спросилъ у него, что сообщилъ Англичанинъ. Сообщенія состояли въ томъ, что цесарь римскій, покинувъ Англію и французское посредничество, заключилъ съ Испаніею союзный договоръ; Англія же, Франція и Пруссія заключили между собою союзъ, къ которому полезно было бы присоединиться и Портѣ; Голландія будетъ вмѣстѣ съ ними же; но Россійскій дворъ въ этотъ союзъ не вступилъ, потому что герцогъ голштинскій, посредствомъ Россіи, старается отнять у датскаго короля Шлезвигъ; но Англія не можетъ на это позволить, потому что гарантировала Шлезвигъ Даніи. И съ римскимъ цесаремъ у русской государыни, по причинѣ частныхъ дѣлъ, союза быть не можетъ, и такимъ образомъ Россія находится безъ союзниковъ.

18 декабря въ Константинополѣ раздались пушечные выстрѣлы: праздновали взятіе Ардевиля. На представленіе Румянцева, что здѣсь новое нарушеніе договора, ему отвѣчали, что Турки вовсе не хотѣли брать Ардевиль, но жители сами просили принять ихъ въ подданство.

1726-й годъ Румянцевъ и Неплюевъ начали извѣстіемъ о *студености* французскаго посла, о томъ, что онъ получилъ отъ двора своего указы, послѣ чего тайно началъ сходиться съ англійскимъ посломъ въ частныхъ домахъ для совѣщаній. Но отъ этихъ совѣщаній не послѣдовало ничего вреднаго русскимъ дѣламъ, потому что, съ одной стороны, Порта обманулась на счетъ предложеній, которыя надѣялась получить отъ Эшрефова посла: вмѣсто просьбы о принятіи въ подданство, Эшрефъ объявлялъ, что онъ занялъ персидскій престолъ, какъ самостоятельный государь, и требовалъ возвращенія занятыхъ Турками персидскихъ областей; съ другой стороны, Порту встревожило извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Австріею. Въ маѣ мѣсяцѣ Румянцевъ былъ отпущенъ на свою коммиссію разграниченія, и на прощаніи визирь просилъ его увѣрить императрицу, что Порта находится въ твердомъ намѣреніи содержать дружбу. Прежде было постановлено, что вмѣстѣ съ Румянцевымъ долженъ отправиться на персидскую границу чиновникъ французскаго посольства, какъ представитель посредствующей державы; но теперь французскій посолъ далъ знать, что, не получая на свой запросъ никакого отвѣта отъ своего двора, не можетъ отпустить чиновника.

По отъѣздѣ Румянцева, Неплюевъ имѣлъ длинный разговоръ

съ великимъ визиремъ: «Я долженъ объявить откровенно, говорилъ резидентъ, что и прежде не безподозрительны были для Россіи дѣйствія Турціи, которая переходила условленную границу; но съ нашей стороны молчали. Порта начала и съ другой стороны распространять свои владѣнія: взяла Ардевиль, хочетъ овладѣть и Казбиномъ, а эти мѣста очень близки отъ Гиляни, и если Порта будетъ продолжать свои движенія, то произойдетъ нарушеніе не только персидскому трактату, но и вѣчно постановленной дружбѣ; потому что Россія не можетъ допустить къ Каспійскому морю никакой другой державы, не можетъ также допустить и Персію до паденія: давно уже мы твердимъ Портѣ, что Россія считала и считаетъ эти два пункта главными».

— «Удивительно предложеніе русское», отвѣчалъ визирь: сами вы ничего не дѣлаете, и Портѣ совѣтуете, чтобъ сложа руки сидѣла. Порта беретъ города только для того, чтобъ охранить ихъ отъ похитителя Эшрефа, и дѣлаетъ это по просьбѣ самихъ жителей и для собственной безопасности, чтобъ не отдать ихъ въ руки узурпатору. То же самое надобно дѣлать и Россіи съ своей стороны. Порта желаетъ, чтобъ персидскіе города были въ русскихъ рукахъ, а не у Эшрефа: точно также и Россія должна быть довольна, что Порта забираетъ персидскіе города въ свою протекцію, не допуская ихъ попасть въ руки общаго непріятеля Эшрефа; а послѣ обо всемъ можно по силѣ договора согласиться. Удивительно, что Россія лучше желаетъ видѣть персидскія области въ рукахъ Эшрефа, чѣмъ у Турокъ, не разсуждая того, что когда Эшрефъ утвердится, то современемъ и у Россіи отберетъ Гилянь и Дербентъ, такъ какъ теперь Портѣ заявилъ претензію на всю Персію».

— «Если будемъ препираться политическими аргументами, говорилъ Неплюевъ, то словъ наплодимъ много, а прибыли не получимъ никакой, потому что съ обѣихъ сторонъ много такихъ резоновъ найдется. Но я, оставя свой министерскій характеръ, какъ желатель покоя, въ надеждѣ на вашу благосклонность и мудрое разсужденіе, беру смѣлость показать натуральные резоны этого дѣла. Хотя Россія и въ дружбѣ съ Портою, но обѣ онѣ великія державы и не могутъ безъ подозрѣнія смотрѣть на успѣхи другъ друга, не могутъ не бояться сближенія своихъ границъ. Для сохраненія дружбы между ними необходимо самое точное исполне-

ніе договоровъ и значительное разстояніе между ихъ границами. Что же касается Эшрефа, то онъ не можетъ подать повода къ такой зависти, потому что онъ послѣдняя паутина на свѣтѣ, владѣетъ почти одною Испаганью и не пользуется любовію персидскаго народа; и съ Кандагаромъ у него сношенія пресѣклись; потому что тамъ другой владѣлецъ явился, ему враждебный, и потому силамъ эшрефовымъ не откуда умножиться, но день ото дня ослабѣваютъ, и для изгнанія его довольно одного согласія между обѣими имперіями, и легко можно разсудить, что Порта взяла Ардевиль не для защиты отъ Эшрефа, потому что этотъ городъ очень далеко отъ него.»

Визирь, разсмѣявшись, началъ говорить: «Напрасно пренебрегаете вы народомъ, который владѣетъ цѣлымъ персидскимъ государствомъ; но, оставя всѣ споры, объяснюсь и я откровенно: не вѣрю я, что Россія склонитъ шаха Тохмасиба на принятіе трактата, хотя и старается объ этомъ; шахъ упрямится, и имѣетъ причины упрямиться, потому что Россія противъ него ничего не дѣйствуетъ; одна Порта съ огромными издержками и кровопролитіемъ забрала свою долю, которую надѣялась получить по русской медіаціи; и теперь держитъ въ тѣхъ краяхъ 150,000 войска: Россія легко можетъ разсудить, какія издержки на это мы должны употреблять и можемъ ли такое число войска содержать тамъ праздно: разумѣется, мы должны употреблять его для изгнанія непріятеля и полученія себѣ покоя. Порта думаетъ, что русскія предложенія состоятъ въ однихъ словахъ, а не въ дѣлѣ; видно, что Россія хочетъ только время проводить подъ разными предлогами. Но если Россія хочетъ имѣть успѣхъ въ тѣхъ странахъ, то она должна имѣть тамъ сильный корпусъ войскъ, безъ чего тамошнихъ дѣлъ окончить нельзя, хотя бы шахъ Тохмасибъ и принялъ трактатъ, ибо по тому трактату Россія должна ему сильно помогать; не только Эшрефа надобно выгнать, но и другихъ Персіянъ привесть подъ руку шахову, ибо многіе ханы захотятъ независимости въ своихъ областяхъ. Еслибы Порта знала, что Россія непремѣнно склонитъ шаха къ принятію трактата, то могла бы еще подождать мѣсяцъ или два и удержать военныя дѣйствія въ Персіи; но такой склонности отъ шаха не надѣется». Неплюевъ сказалъ, что двухъ мѣсяцевъ мало для полученія обстоятельнаго отвѣта отъ Тохмасиба, и визирь согласился ждать четыре мѣсяца [4].

Черезъ четыре мѣсяца дѣла Турокъ пошли дурно: Эшрефъ разбилъ ихъ войска. 30 ноября Долгорукій писалъ императрицѣ съ Кавказа: «Турецкія дѣйствія въ Персіи зѣло въ слабость приходятъ; Армяне неоднократно Турокъ побили и требуютъ съ нашими войсками соединиться, слезно просятъ хотябъ нѣкоторую часть къ нимъ прислать; а мнѣ за указомъ вашего императорскаго величества того учинить нельзя для озлобленія Турокъ, и, сколько могу, Армянъ обнадеживаю, чтобъ съ терпѣливостію ожидали нѣсколько времени; однакожь видятъ они, что отъ насъ имъ никакой пользы и надежды нѣтъ, и сколько могутъ съ великою отвагою противъ Турокъ мужественно поступаютъ, и ежелибъ въ нынѣшнее благополучное время соединиться было можно нашимъ войскамъ съ Армянами, видя слабость турецкую, можно-бъ надѣяться, что дѣйства наши сильныя могли быть. А что велѣно мнѣ Армянъ уговаривать, чтобъ въ завоеванныхъ нашихъ провинціяхъ въ Персіи, гдѣ похотятъ, селились бы, и Армяне о томъ слышать не хотятъ, и правда, великой резонъ есть: оставить мѣста угодныя и идти въ безплодныя. Паша, который былъ опредѣленъ для разграничиванія съ г. Румянцевымъ, пошелъ изъ Шемахи на Армянъ, и ежели Турки пользу какую надъ Армянами получатъ и приведутъ въ подданство къ себѣ, зѣло сожалѣть намъ ихъ Армянъ, что мы ихъ оставили, и впредь намъ Армянъ трудно къ себѣ присовокупить будетъ. Еслибы въ нынѣшнее время, при здѣшнемъ зломъ и проклятомъ народѣ, не Левашова (генералъ-майора) крѣпкаго, и искуснаго, и вѣрнаго, и радетельнаго поступкомъ содержана была здѣшняя страна — великая бы опасность чаялась. О здѣшнемъ гилянскомъ состояніи доношу о воздухѣ, какой зной язвительный, нездоровый; къ тому же солдаты пропитаніе имѣютъ зѣло скудное; только хлѣбъ и вода; къ томужъ и жалованья солдаты не получали одиннадцать мѣсяцевъ; работы великія, партіи непрестанныя, трудъ несутъ несносный, а выгоды не имѣютъ, лѣкарствъ я засталъ ничего нѣтъ, а коли и отпускаютъ лѣкарствы, равно какъ на другіе полки, на Сулакъ и въ Дербентъ, а сюда надлежитъ, по здѣшнему злому воздуху, отпускать втрое противъ другихъ мѣстъ; къ томужъ лѣкарей мало зѣло и комплету нѣтъ; надлежитъ быть здѣсь дохтуру и аптекарю съ полною аптекою, а другому дохтуру въ Астрахани, понеже лазаретъ въ Астрахани великій: къ Сулаку изъ Дербени и изъ Баки присы-

лаются больные, одному дохтуру какъ можно вездѣ усмотрѣть? лучше людей жалѣть, нежели денегъ на жалованье дохтурамъ и лѣкарямъ».

Не дожидаясь распоряжений изъ Петербурга, Долгорукій велѣлъ выдать солдатамъ жалованье изъ мѣстныхъ сборовъ персидскою монетою по настоящей цѣнѣ; по недостатку лѣкарствъ велѣлъ покупать вино, уксусъ и другіе матеріалы на счетъ медицинской канцеляріи. Кавалеріи содержать было нельзя, потому что прокормленіе каждой лошади становилось въ годъ около 40 рублей, травы не было кромѣ осоки, лошадей кормили соломою и пшеномъ. Въ русскомъ войскѣ было двѣ иностранныхъ роты, армянская и грузинская, каждому человѣку въ нихъ давалось жалованья по 15 рублей; русскихъ козаковъ было 250 человѣкъ, которые служили безъ жалованья, и между тѣмъ были чрезвычайно полезны. Долгорукій назначилъ имъ жалованье по 10 рублей человѣку: «По мнѣнію моему, писалъ онъ, лучше своимъ дать жалованье,—они же и служатъ больше и непріятелю страшнѣе; правда и Армяне и Грузинцы служатъ изрядно, однако козаки отважнѣе дѣйствуютъ.»

1727-й годъ Долгорукій началъ прежними увѣщаніями—воспользоваться слабостію Турокъ и предпринять наступательное движеніе. Въ январѣ онъ писалъ Макарову изъ Рящи: «Видя турецкую слабость, не надобно пропускать благополучнаго времени и не дать въ силу войти Туркамъ; и въ слабости Турки вступаютъ въ наши провинціи, а еслибы они были въ старой своей силѣ, то не посмотрѣли бы на трактатъ: все по берегу Каспійскаго моря, что въ нашу сторону надлежитъ, намѣрены присовокупить къ себѣ. Чего намъ дожидаться? ежели нынѣ себѣ пользы не сыщемъ, а когда въ силу войдутъ Турки, то мы не только прибыли не получимъ въ Персіи, и стараго удержать трудно. Иной надежды не находится, что въ нынѣшнее благополучное время, согласясь съ кѣмъ надлежитъ, помянутыхъ мнимыхъ пріятелей выгнать изъ Персіи, и самимъ въ ней усилиться и утвердиться, и тѣмъ государственный убытокъ исправить».

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Долгорукій доносилъ самой императрицѣ изъ провинціи Ленкоранской: «Изъ Ряща поѣхалъ я, генваря 29, сухимъ путемъ ради многихъ причинъ къ нашей пользѣ: первая, чтобъ Турки и Кизильбаши (Персіяне), къ намъ недобро-

желательные, видѣли, что мы, какъ водою, такъ и землею свободно путь имѣемъ. 2) Корреспонденція будетъ скорѣе сухимъ путемъ. 3) Великое учинено обнадеживаніе обывателямъ, по Каспійскому морю лежащимъ. Во всѣхъ провинціяхъ, коими я ѣхалъ, съ великою радостію меня встрѣчали ханы, салтаны и всѣ старшины, по ихъ обычаю, съ своими музыками, и во всемъ меня довольствовали, не токмо которые въ нашу порцію достались, но которые по трактату и не въ нашей порціи, всѣ желаютъ быть въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, и просятъ меня, чтобъ я ихъ принималъ въ протекцію Россійской имперіи, чего мнѣ учинить чрезъ трактатъ и безъ указу невозможно; однакожъ, какъ могу, съ ними обхожусь ласково и вовсе не отказываю, чтобъ ихъ не озлобить до времени. И такъ весь здѣшній народъ желаетъ Вашего Императорскаго Величества протекціи съ великою охотою, видя, какая отъ насъ справедливость, что излишняго мы съ нихъ ничего не требуемъ и смотримъ крѣпко, чтобъ отнюдь ни мало имъ обиды отъ насъ не было и крѣпкими указы во всѣ команды отъ меня подтверждено подъ жестокимъ штрафомъ; а которые въ Турецкомъ владѣніи такъ ожесточены, въ конецъ раззорены и такое ругательство и тиранство Турки дѣлаютъ, какъ больше того быть нельзя. И такъ всѣ народы, какъ христіане такъ и бусурманы, всѣ противъ нихъ готовы, только просятъ, чтобъ была имъ надежда на насъ».

По возвращеніи въ Дербентъ, Долгорукій писалъ въ апрѣлѣ: «Прибылъ я сухимъ путемъ въ Дербень счатливо и въ проѣздъ свой привелъ въ подданство Вашему Императорскому Величеству провинціи, лежащія по берегу Каспійскаго моря, а именно: Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кизылъ-Агацкую, Уджаруцкую, Сальянскую, степи: Муранскую, Шегоевенскую, Мазаригскую, съ которыхъ будетъ доходу на годъ около ста тысячъ рублевъ. Пріѣздъ мой великую пользу учинилъ: какъ въ послушаніе и надежду весь народъ пришли, равнымъ образомъ непріятель въ великое сумнѣніе, понеже какъ Турки, такъ и при дворѣ Тахмаспбовомъ, и всѣ недоброжелательные Персіяне имѣли надежду о слабости нашей, будто мы только можемъ держаться по гварнизонамъ и за безсиліемъ больше не можемъ никакихъ дѣйствъ въ Персіи показывать. И я, видя помянутое ихъ мнѣніе, показалъ себя, что мы можемъ дѣйства сильныя показывать: напе-

редъ себя отправилъ бригадира Штерншанца человѣкъ въ пятистахъ, и потомъ, взявъ съ собою 300 человѣкъ драгунъ, пошелъ: изъ того числа оставилъ въ Астарѣ сто человѣкъ, а со мною двѣсти было, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ крѣпости приказалъ дѣлать, а именно: въ Астаринской и Ленкоранской, а непріятелю въ страхъ, чтобъ не думали о нашей слабости. Всѣхъ удивило, и въ великое размышленіе пришли, что мы сухимъ путемъ тракты узнали. Въ небытность мою въ Дербенѣ, писалъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Румянцевъ, что здѣсь начинаются шатости отъ Горскихъ—Сурхая и Усмея; а до прибытія моего здѣшнія мѣста содержалъ онъ, генералъ-маіоръ Румянцевъ, благоизрядно, въ чемъ я имъ за то доволенъ, и ежелибъ его Румянцева въ небытность мою здѣсь не было, тобъ немалая опасность быть могла». Къ Макарову Долгорукій писалъ: «Легко можно разсудить, что мой трудъ несносный на седьмомъ десяткѣ, въ такое злое время, такой дальній путь со вьюками проѣхалъ покалмыцки. Отъ роду своего не видывалъ, чтобъ кто въ эти лѣта началъ жить калмыцкимъ манеромъ [5]».

Въ Петербургѣ были очень довольны дѣйствіями Долгорукаго—поднятіемъ значенія Россіи съ малыми средствами; но никакъ не хотѣли принимать его совѣта и дѣйствовать противъ Турціи, тѣмъ болѣе, что со стороны послѣдней не было опасности. Неплюевъ доносилъ въ началѣ 1729 года, что султанъ, человѣкъ жестокій и трусливый, сильно испугался успѣховъ Эшрефа надъ турецкими войсками; боялся онъ возмущенія народнаго, и что Турки могутъ провозгласить султаномъ Эшрефа, по единовѣрію какъ суннита. Султанъ обратился къ визирю съ требованіемъ, чтобъ какъ можно скорѣе былъ заключенъ миръ съ Эшрефомъ; но визирь представилъ, что несчастіе произошло отъ недосмотра Ахмета, паши вавилонскаго, ввѣрившагося Курдамъ, которыхъ ему и въ службу принимать было не велѣно; а теперь можно распорядиться лучше, послать большое войско и пригласить Русскій дворъ къ общему дѣйствію, отъ чего, по договору, онъ отказаться не можетъ. Этими средствами Эшрефа можно искоренить: если же Богъ послалъ его въ наказаніе, то ничто не поможетъ; однако безвременно и безъ нужды искать у него мира не слѣдуетъ; послать къ нему теперь съ просьбою о мирѣ—значитъ обнаружить свою слабость и подвигнуть его еще больше на Турцію, а наро-

ды сосѣдніе получатъ объ насъ дурное мнѣніе. Эти представленія въ первое время не успокоили султана; онъ сердился и бранилъ визиря всячески; тотъ отвѣчалъ, что если его представленія неугодны, то султанъ воленъ смѣнить его и назначить человѣка болѣе искуснаго. Султанъ въ серцахъ уѣхалъ отъ визиря, но черезъ четыре дня прислалъ ему соболью шубу и во всемъ на него положился,

Визирь хотѣлъ продолжать войну; но французскій посланникъ внушалъ муфтію и другимъ сановникамъ, что Портѣ лучше заключить отдѣльный миръ съ Эшрефомъ какъ можно скорѣе; тогда Эшрефъ всѣ свои силы обратитъ противъ Россіи и свяжетъ ей руки, а между тѣмъ Порта могла бы въ союзѣ съ Франціею и другими ганноверскими союзниками возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, чѣмъ расторгнется сообщеніе между Австріею и Россіею и отнимется у нихъ средство помогать другъ другу. А если обѣ имперіи останутся въ покоѣ, въ связи съ Польшею и Венеціею, то Портѣ современемъ немалый вредъ произойти можетъ. Во всѣхъ мѣстахъ явились подметныя письма, что война съ Эшрефомъ беззаконная по единовѣрію [6].

Такимъ образомъ въ царствованіе преемницы Петра Великаго въ короткое время отношенія измѣнились: Франція вмѣсто того, чтобъ помогать Россіи, какъ прежде, дѣйствуетъ противъ нея въ Константинополѣ. При вступленіи на престолъ Екатерины въ Парижѣ находился старый князь Куракинъ, котораго Людовикъ XV обнадеживалъ неизмѣнною своею дружбою къ ея величеству. Все еще имѣлось въ виду примиреніе Россіи съ Англіею посредствомъ Франціи, и Куракинъ уже требовалъ отъ англійскаго правительства доказательства, что оно дѣйствительно желаетъ этого примиренія. Агентъ его въ Лондонѣ, Третьяковъ далъ ему знать, что русскій эмигрантъ, Аврамъ Веселовскій, подалъ парламенту просьбу о принятіи его въ англійское подданство. Куракинъ обратился къ государственному секретарю, графу Морвилю, съ просьбою—употребить французское вліяніе при англійскомъ дворѣ для того, чтобъ Веселовскій съ братомъ не только не были приняты въ англійское подданство, но и позволено ихъ было арестовать, что въ Петербургѣ будетъ принято за особенный знакъ дружбы французскаго короля, и дворъ англійскій покажетъ этимъ истинное свое желаніе возстановить доброе согласіе съ Россіею. Морвиль обѣщалъ ис-

полнить желаніе Куракина, который отправилъ въ Англію канцеляриста своего Колушкина съ такимъ наказомъ: отдать письмо корреспонденту Самуилу Гольдену и съ нимъ совѣтоваться—какъ бы Аврама Веселовскаго и брата его Ѳедора арестовать. Причины ареста объявить Гольдену такія: оба брата были при иностранныхъ дворахъ резидентами, и, не сдавъ своихъ коммиссій и отчета въ издержанныхъ деньгахъ, ушли въ Англію, и до сихъ поръ жили скрытно; поэтому надобно ихъ теперь арестовать, послѣ чего императорскій дворъ обстоятельно объявитъ всѣ причины и счеты. По пріѣздѣ въ Лондонъ, Колушкинъ долженъ провѣдать, гдѣ Веселовскіе живутъ и кто имъ покровительствуетъ изъ министровъ и лордовъ; узнавши о мѣстѣ жительства, стараться арестовать, при чемъ, въ нужномъ случаѣ, получить покровительство французскаго посла. Но Колушкинъ не могъ отыскать Веселовскихъ, просьба которыхъ впрочемъ отлалась безъ исполненія въ парламентѣ.

Мы видѣли, что еще Петръ Великій возложилъ на Куракина порученіе — высватать цесаревну Елисавету за Людовика XV. Отъ 22 марта Куракинъ писалъ: «Всѣ мы, министры иностранные, стараемся всячески открыть намѣреніе здѣшняго двора на счетъ женитьбы королевской, но никакъ это намъ не удается; по слухамъ, имѣется въ виду дочь Станислава Лещинскаго, но и этому слуху вѣрить еще нельзя. Вѣрно одно, что король женится въ нынѣшнемъ году и потому ищутъ принцессу, соотвѣтствующую его лѣтамъ.» Но отъ 14 мая Куракинъ далъ знать, что старанія герцога Бурбона и епископа Флёри увѣнчались наконецъ успѣхомъ: король согласился жениться на Маріи, дочери Станислава Лещинскаго. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ Куракинъ писалъ: «Понеже супружество короля французскаго уже заключено съ принцессою Станислава, и такъ сіе симъ окончилось; теперь доношу и напоминаю прежнее желаніе дука де Бурбона, который требовалъ себѣ въ супружество цесаревну Елизабету Петровну.» Въ сентябрѣ новое предложеніе по старому сватовству: «Передъ четырьмя годами, писалъ Куракинъ, его императорскому величеству было предложено отъ умершаго дука Дорлеанса о супружествѣ государыни цесаревны за сына его нынѣ владѣющаго дука Дорлеанса, перваго принца крови и наслѣдника короны французской, ежели король дѣтей имѣть не будетъ, который (дукъ) нынѣ овдо-

вѣлъ. И ежели вашего величества высокое намѣреніе къ тому супружеству государыни цесаревны есть, то велите меня снабдить указами.» Къ этому времени поспѣлъ и портретъ Елисаветы; отсылая его къ Куракину, Макаровъ писалъ: «Зѣло сожалѣю, что умедлилъ онымъ портретомъ живописецъ, ибо писалъ близко году, и нынѣ предъ тою персоною государыня цесаревна гораздо стала полнѣе и лучше.»

На Куракина было возложено и другое семейное дѣло: онъ долженъ былъ хлопотать объ интересахъ герцога голштинскаго вмѣстѣ съ посланникомъ его Цедергельмомъ; но Куракину было трудно это дѣлать по причинамъ, какія онъ самъ выставилъ въ донесеніи своемъ отъ 27 марта: «Баронъ Шлейницъ усилилъ свои интриги противъ меня и успѣлъ присоединить къ себѣ барона Цедергельма, который, по наставленію Шлейница и по своему малодушію, доноситъ своему двору все, что можетъ быть на меня вымышлено; я умолчу о другихъ разглашеніяхъ; но честь и вѣрность побуждаютъ меня упомянуть о двухъ главныхъ: вопервыхъ, разглашаютъ, что я принадлежу къ партіи внука вашего величества и потому, гдѣ только могу, повреждаю ваши интересы. Вовторыхъ, разглашаютъ, будто я здѣсь внушаю о себѣ и о сынѣ своемъ, что, по смерти великаго князя внука вашего, мы, по свойству своему съ нимъ (Куракинъ былъ женатъ на Лопухиной, родной сестрѣ царицы Евдокіи Ѳеодоровны), имѣемъ право на россійскій престолъ. Первое разглашеніе опровергается вѣрностію, какую я показалъ во время дѣла умершаго царевича, отца великаго князя; во все это время я держалъ себя чуждымъ всѣхъ интригъ и партій, ибо честолюбіе мое состоитъ въ томъ, чтобъ проводить жизнь честно и безпорочно. Что же касается до свойства моего съ великимъ княземъ, то это свойство съ самаго начала вредило моему счастію, нанося постоянное безпокойство. Я надѣялся наконецъ снискать себѣ спокойствіе своею вѣрною службою, но враги не хотятъ дать мнѣ покою.» Изъ Петербурга потребовали указанія на тѣ лица, которыя сообщили Куракину о разсѣваемыхъ противъ него слухахъ; Куракинъ отказался дать эти указанія, потому что «предостереженія бываютъ между друзьями, особами знатными и министрами иностранными; пунктъ этотъ деликатный, въ немъ состоитъ честь каждаго и жизнь.» При этомъ Куракинъ писалъ, что въ исполненіе присяги предаетъ все заб-

венію и готовъ дѣйствовать заодно съ барономъ Цедергельмомъ.

Но всѣ эти семейныя дѣла не могли имѣть успѣха вслѣдствіе охлажденія, происшедшаго между Петербургскимъ и Версальскимъ дворами по причинамъ политическимъ. Франція, разорвавъ съ Испаніею, вслѣдствіе не состоявшагося брака между Людовикомъ XV и инфантою, и угражаемая союзомъ Испаніи съ Австріею, искала союза съ Россіею, къ которому должна была приступить и Англія. Кампредонъ велъ дѣло въ Петербургѣ, Куракинъ во Франціи. «Еслибы не герцогъ голштинскій съ Бассевичемъ, то дѣло о союзѣ съ Франціею и Англіею и теперь находилось бы въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ минуту кончины царя», писалъ Кампредонъ въ концѣ апрѣля 1725 года. Причиною медленности было то, что главные вельможи раздѣлились на двѣ стороны по вопросу объ англо-французскомъ союзѣ: Меншиковъ, Апраксинъ, Голицынъ, Толстой и, повидимому, Остерманъ были склонны къ союзу; но канцлеръ графъ Головкинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Репнинъ и Ягужинскій были противъ него; особенно горячился Ягужинскій, настаивая, что никакъ нельзя союзиться съ Англіею; въ этихъ-то спорахъ объ англо-французскомъ союзѣ *шумный* Ягужинскій поссорился съ Меншиковымъ и пошелъ въ Петропавловскій соборъ жаловаться на обидчика предъ гробомъ Петра. Кампредонъ такъ распредѣлялъ 60,000 червонныхъ, назначенныхъ русскимъ вельможамъ за союзный договоръ между Россіею и Франціею: гратификаціи публичныя: канцлеру графу Головкину, графу Толстому и барону Остерману по 3000, Степанову 1500, секретарямъ и другимъ чиновникамъ 1000. Гратификаціи секретныя: Меншикову 5000, Толстому, Апраксину и Остерману по 6000, Голицыну 4000, Долгорукому 3000, Макарову 4000, Ягужинскому 2000, Бассевичу 6000, Рагузинскому 6000. Приближеннымъ къ императрицѣ дамамъ, Олсуфьевой и Вильбуа подарки на 1000 червонныхъ. Но Кампредона не столько безпокоили горячность Ягужинскаго, упорство Головкина, крайняя осмотрительность и осторожность Долгорукаго, сколько двусмысленное поведеніе Остермана, могущественное вліяніе котораго при рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики не было тайною для иностранныхъ дипломатовъ, и который не проговаривался ни предъ живыми, ни передъ мертвыми; Кампредонъ началъ подозрѣвать, что Остер-

манъ не очень расположенъ къ Франціи и Англіи. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины приверженцы ея подозрительно смотрѣли на Австрію, которой не могло быть пріятно отстраненіе отъ престола великаго князя Петра, племянника цесаревы, и эти отношенія естественно заставляли склоняться къ французскому союзу; но съ теченіемъ времени дѣла перемѣнились; обнаружилась неодолимая трудность заключенія союза съ Франціею, потому что Россія, имѣя прежде всего въ виду Турцію, съ которою ежеминутно можно было ожидать разрыва по дѣламъ персидскимъ, требовала, чтобъ Франція обезпечивала русскіе интересы относительно этой державы; но Франція, охотно желая имѣть на сѣверо-востокѣ Европы сильную союзницу, которая замѣнила бы ей обезсилѣвшую Швецію, не могла однако пожертвовать своею старинною союзницею, Турціею: «Всему свѣту извѣстно, говорилъ Морвиль Куракину, какъ Франціи полезна дружба султанова; съ какою бы европейскою державою Франція ни находилась въ союзѣ, союзъ ея съ Турціею долженъ быть ненарушимъ; надобно вспомнить, какія выгоды получили мы въ прошлые годы отъ Турціи противъ Австрійскаго дома; кромѣ того треть королевства французскаго получаетъ свое благосостояніе отъ торговли, производящейся во владѣніяхъ султана; король не можетъ согласиться ни на какое условіе, которое могло бы дать хотя малѣйшее подозрѣніе Портѣ.» Вторая трудность заключалась въ голштинскомъ дѣлѣ: Россія требовала, чтобъ герцогъ голштинскій получилъ, по крайней мѣрѣ, равносильное вознагражденіе за потерю Шлезвига, и чтобъ Франція не мѣшала Россіи добыть ему это вознагражденіе, если Датскій дворъ отвергнетъ представленія Англіи и Франціи; но Франція и Англія хотѣли только обязаться хлопотать о доставленіи герцогу какого-нибудь вознагражденія за Шлезвигъ, не нарушая гарантіи, данной ими Даніи на это герцогство. Наконецъ Россія требовала, чтобъ Франція и Англія настояли на очищеніи Мекленбургскихъ владѣній отъ ганноверскихъ войскъ; но Франція и Англія обѣщали только заботиться объ интересахъ герцога мекленбургскаго безъ нарушенія законовъ Германской имперіи.

Переговоры еще продолжались, когда въ сентябрѣ Куракинъ далъ знать своему двору о заключеніи въ Ганноверѣ союза между Франціею, Англіею и Пруссіею противъ Австріи и Испаніи.

Въ началѣ 1726 года Куракинъ доносилъ, что онъ по возможности старается переговоры продолжать, и отъ времени до времени предлагаетъ разные способы къ соглашенію, но на каждое предложеніе одинъ отвѣтъ, что французское правительство не можетъ ничего измѣнить въ своемъ послѣднемъ рѣшеніи; при чемъ французскіе министры прибавляли, что у Россіи идутъ переговоры о союзѣ съ Австріею, и потому Франція должна дожидаться, чѣмъ кончится это дѣло. «Сомнительно одно, говорилъ Морвиль, чтобъ австрійскій дворъ оказалъ Русскимъ такія же услуги, какія оказаны были Франціею. Франція повсюду старалась дѣйствовать въ интересахъ Россіи; но ваши министры повсюду дѣйствуютъ противъ интересовъ королевскихъ, особливо въ Испаніи и Гагѣ: графъ Головкинъ голландскимъ штатамъ всячески запрещалъ и мѣшалъ, чтобъ не приступали къ ганноверскому союзу».—«А вы зачѣмъ стараетесь склонить Швецію къ ганноверскому союзу? говорилъ Куракинъ: развѣ это не вредитъ русскимъ интересамъ! Вы знаете, что Швеція въ союзѣ съ Россіею, и потому вамъ слѣдовало предложить о приступленіи къ союзу не одной Швеціи, но и Россіи». Такъ какъ главный интересъ Россіи въ это время сосредоточивался въ Турціи, то Куракинъ требовалъ, чтобъ французскій посланникъ въ Константинополѣ продолжалъ свое посредничество между Россіею и Портою. На это Морвиль отвѣчалъ: «Со стороны нашего короля никогда не будетъ дано нашему послу въ Константинополѣ указовъ дѣйствовать противъ интересовъ русской государыни и помогать въ чемъ бы то ни было королю англійскому; то же самое будетъ соблюдено и относительно французскихъ министровъ при другихъ дворахъ. Но король не можетъ приказать своему послу при Портѣ продолжать медіацію въ интересахъ русскихъ; скажу прямо, что посолъ нашъ получилъ приказаніе отстать отъ медіаціи и оставить всѣ дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся».—«Это объявленіе изумляетъ меня, отвѣчалъ Куракинъ: извѣстно, какъ пламенно государыня наша желала заключенія союза съ вами, и до сихъ поръ не перестала этого желать; но дѣло остановилось по вашей винѣ; дѣла въ вашихъ рукахъ: отнимите трудности, вами противупоставляемыя, и договоръ немедленно будетъ заключенъ». Морвиль отвѣчалъ: «Всему свѣту извѣстно, въ какой тѣсной дружбѣ находится теперь вашъ дворъ съ Вѣнскимъ, и мо-

жетъ быть въ сію минуту союзный договоръ между ними уже и заключенъ; но какой бы союзъ ни былъ заключенъ вами съ цесаремъ, онъ будетъ всегда предосудителенъ Франціи. Объявляю опять: у насъ рѣшено нигдѣ ничѣмъ не вредить интересамъ Россіи, и этимъ на будущее время оставить отворенные ворота для пріятельскихъ сношеній и дружбы съ вами и вступленія, при случаѣ, въ тѣсныя обязательства, ибо Франція не отступитъ отъ плана находиться съ Россіею въ тѣсныхъ обязательствахъ». Куракинъ отвѣчалъ, что старанія Франціи привлечь къ себѣ въ союзъ Швецію должны казаться гораздо подозрительнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ переговоры Россіи съ Австріею для французскаго двора; но императрица смотритъ на это равнодушно, чтобъ сохранить дружбу съ французскимъ королемъ и на будущее время оставить отворенными ворота для тѣсныхъ обязательствъ.

Между тѣмъ Кампредонъ изъ Петербурга далъ знать своему двору, что въ Россіи дѣлаются морскія приготовленія для войны съ Даніею; а 15 апрѣля Куракинъ написалъ въ Петербургъ, что англійская эскадра изъ 20 кораблей назначена въ Балтійское море по требованію двора датскаго, также и по требованію короля шведскаго и его партіи, которая хочетъ этимъ средствомъ усилиться и настоять на приступленіи къ ганноверскому союзу.

Дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Уоджера (Wager), явилась передъ Ревелемъ, и адмиралъ переслалъ императрицѣ грамоту короля Георга, въ которой говорилось, что сильныя вооруженія Россіи въ мирное время возбудили подозрѣнія въ правительствѣ Англіи и въ союзникахъ, и потому неудивительно, что онъ, король, отправилъ въ Балтійское море сильную эскадру для предотвращенія опасностей, могущихъ произойти отъ русскихъ вооруженій. «Ваше величество, писалъ Георгъ, хорошо знаете, что мы всегда желали не только сохраненія тишины въ Европѣ, но и установленія полнаго согласія и дружбы между Великобританіею и Россіею. По вступленіи вашего императорскаго величества на престолъ, мы немедленно, вмѣстѣ съ королемъ французскимъ, объявили вамъ о нашей готовности окончить переговоры, начатые при покойномъ императорѣ; но по долговременныхъ и праздныхъ отлагательствахъ мы усмотрѣли, что министры вашего величества требовали внесенія въ проектированный договоръ такихъ отмѣнъ, кото-

рыя не соотвѣтствуютъ истинному Россійской имперіи интересу, противны обязательствамъ, въ какихъ мы находимся съ Франціею и другими государствами, и способны привести сѣверныя державы къ новымъ смутамъ. Не можемъ также скрыть нашего великаго удивленія, въ какое мы были приведены извѣстіемъ, что при вашемъ дворѣ принимаются мѣры въ пользу претендента на корону нашу. Послѣ этого вашему императорскому величеству не будетъ удивительно, что мы, принужденные заботиться о безопасности нашихъ государствъ, о соблюденіи обязательствъ, заключенныхъ съ нашими союзниками, и о сохраненіи всеобщей тишины на Сѣверѣ, угрожаемой военными приготовленіями вашего величества, признали необходимымъ отправить сильный флотъ на Балтійское море съ цѣлію предупредить новыя смуты въ тамошнихъ прибрежныхъ странахъ, препятствуя флоту вашего величества выходить изъ гаваней. Но при этомъ мы усердно желаемъ, чтобъ ваше императорское величество, зрѣло разсудя объ истинномъ интересѣ вашего народа, позволили ему пользоваться благословеннымъ миромъ, полученнымъ цѣною столькой крови и денегъ подъ руководствомъ покойнаго императора; усердно желаемъ, чтобъ ваше императорское величество вмѣсто принятія такихъ мѣръ, которыя необходимо вовлекутъ Россію въ войну и весь Сѣверъ приведутъ въ смятеніе, изволили явить своему народу и всему свѣту опытъ вашей склонности къ миру и пребыванію въ дружбѣ съ вашими сосѣдями».

Екатерина отвѣчала: «Не хотимъ скрыть своего удивленія, что мы получили грамоту вашего величества не прежде появленія вашего флота у нашихъ береговъ: было бы сходнѣе съ принятымъ между государствами обычаемъ, еслибы вашему королевскому величеству угодно было объясниться о своихъ напрасныхъ подозрѣніяхъ, по поводу вооруженія нашего флота, и не поступать такъ недружественно прежде полученія нашего отвѣта. Тогда, безъ всякихъ убытковъ съ вашей стороны, вы бы увѣрились, что мы вовсе не намѣрены нарушать покой на Сѣверѣ; напротивъ стараемся отклонить все то, что можетъ подать поводъ къ этому нарушенію. А теперь вы отвергаете всѣ дружественные и справедливые способы и пути къ окончанію переговоровъ, и требуете отъ насъ того, что нашему интересу и, важнѣе всего, нашей чести и славѣ и самой справедливости прямо противно. Изъ этого

оказывается одно, что министры вашего королевскаго величества никогда не имѣли прямаго намѣренія къ заключенію союза между Россіею и Англіею, и отправленіе эскадры есть слѣдствіе той злобы, которую нѣкоторые изъ вашихъ министровъ въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно, вездѣ и явно противъ насъ показываютъ. Ваши министры не могли придумать ничего новаго, и потому предъявили старое, ложное и гнилое нареканіе за сношенія наши съ претендентомъ. Вы вольны давать своимъ адмираламъ указы, какіе заблагоразсудите; но при этомъ не извольте принять за противное, если мы, когда захотимъ отправить флотъ свой въ море, не допустимъ себя воздержаться отъ этого вашего королевскаго величества запрещеніемъ; и какъ мало желаемъ мы сами себя возвышать и другимъ законы предписывать, такъ мало же намѣрены принимать законы и отъ кого-нибудь другаго, будучи самодержавною и абсолютною государынею, которая не зависитъ ни отъ кого, кромѣ единаго Бога. Впрочемъ мы весьма склонны и готовы съ вашимъ королевскимъ величествомъ постоянное доброе согласіе содержать, и ничего не предпримемъ, что могло бы нарушить дружбу между обоими государствами, такъ какъ оба государства должны признать, что эта дружба для нихъ очень полезна. Совершенно справедливо, что покойный императоръ, будучи оставленъ всѣми своими союзниками, съ неописанными трудами добылъ блаженный миръ своему государству, и наша главная цѣль состоитъ въ сохраненіи этого мира; но мы знаемъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда мы, по примѣру нашего супруга, будемъ всегда наготовѣ въ нужномъ случаѣ доставить нашимъ союзникамъ потребную помощь, и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ отъ всякаго нападенія оборонить. Съ этою-то цѣлію и сдѣланы тѣ приготовленія, которыя возбудили подозрѣнія въ вашемъ величествѣ.» Вслѣдъ затѣмъ, по примѣру Петра, Екатерина издала объявленіе, что, не смотря на враждебные поступки англійскаго короля, подданные его будутъ пользоваться въ Россіи свободною торговлею.

Въ половинѣ 1726 года Куракинъ далъ знать объ удаленіи герцога Бурбона отъ дѣлъ. Этотъ переворотъ былъ, повидимому, благопріятенъ для Россіи: «Теперь, писалъ Куракинъ, французскій дворъ не такъ поступаетъ, какъ при герцогахъ Орлеанскомъ и Бурбонѣ, не уступаетъ всѣмъ требованіямъ двора англійскаго, ибо

епископъ Фрежюсъ (Флёри) имѣетъ только въ виду интересъ французскій безъ всякой страсти, и пенсіи отъ Англіи никакой не беретъ; маршалъ Дюксель такого же характера, и человѣкъ упрямый, не во всемъ будетъ соглашаться съ Англіею.» Въ августѣ мѣсяцѣ Куракинъ сообщалъ Флёри о заключеніи союза между Россіею и Австріею: «Ея величество, говорилъ Куракинъ, изъ уваженія и постоянной дружбы къ вашему королю, приказалъ мнѣ объявить вамъ объ этомъ, изъ чего ясно можете видѣть, что ничего предосудительнаго для Франціи этотъ договоръ не заключаетъ. Ея величество имѣетъ непремѣнное намѣреніе пребыть всегда съ королемъ вашимъ въ добромъ согласіи и заключить союзный договоръ, если съ вашей стороны обнаружится къ тому склонность.» Флёри и Морвиль благодарили за откровенный поступокъ и взаимно обнадеживали намѣреніемъ своего короля къ содержанію дружбы съ русскою государынею. Вслѣдъ затѣмъ Куракинъ донесъ, что Англія не перестаетъ дѣйствовать враждебно противъ Россіи, именно хочетъ, вмѣстѣ съ Швеціею и Даніею, потребовать отъ Россіи, чтобъ она изъ завоеваній Петра Великаго удержала только земли до Ревеля, остальныя же земли отдала герцогу голштинскому въ вознагражденіе за Шлезвигъ; если же Россія откажется исполнить это требованіе, то союзники объявятъ ей войну. Но этотъ англійскій планъ не нравится французскому двору, который согласенъ, вмѣстѣ съ Англіею, сдѣлать упомянтыя предложенія Россіи, но участвовать въ войнѣ противъ нея никакъ не хочетъ, требуетъ, чтобъ ему оставаться нейтральнымъ. Куракинъ, извѣщая объ этомъ, совѣтовалъ готовиться къ веснѣ 1727 года, чтобъ не ограничиться оборонительною войною, но тотчасъ послѣ ея объявленія дѣйствовать наступательно противъ Швеціи и привести въ трепетъ Стокгольмъ; потомъ Куракинъ совѣтовалъ возстановить поскорѣе торговлю Архангельска, ибо въ случаѣ появленія на Балтійскомъ морѣ враждебныхъ эскадръ русская морская торговля прекратится на цѣлый годъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что этотъ совѣтъ былъ принятъ.

Но къ веснѣ 1727 года военная гроза стала собираться на другой сторонѣ: Испанцы начали осаду Гибралтара, ждали открытія военныхъ дѣйствій между Австріею и Франціею, а Россія последнимъ договоромъ обязалась, въ случаѣ нападенія на Австрію, помогать ей войсками. Это очень тревожило французское прави-

тельство, во главѣ котораго стоялъ миролюбивый, робкій кардиналъ Флёри. На конференціяхъ съ Куракинымъ Флёри увѣрялъ, что Франція первая не нападетъ на императора, почему русская государыня не будетъ имѣть никакой обязанности двигать своихъ войскъ; да и во всякомъ случаѣ можно уклониться отъ этого обязательства, потому что обыкновенно война начинается такъ, что трудно разобрать, кто первый напалъ. Флёри толковалъ также, что Англія не думаетъ предпринимать что-нибудь противъ Россіи, но высылаетъ эскадру въ Балтійское море только для того, чтобъ защитить Данію отъ Россіи, которая своими вооруженіями грозитъ нарушеніемъ покоя на Сѣверѣ [7].

Итакъ союзъ съ Австріею, о которомъ шли такіе длинные и безполезные переговоры при Петрѣ Великомъ, дѣйствительно былъ заключенъ при его преемницѣ и возбуждалъ такое опасеніе на Западѣ. Во время предсмертной болѣзни Петра, посланникъ его въ Вѣнѣ, Ланчинскій хлопоталъ о приступленіи Австріи къ шведскому союзу и о томъ, чтобъ цесарь помогъ въ дѣлѣ возвращенія герцогу голштинскому Шлезвига. Ему отвѣчали: «Окажите намъ полную довѣренность, а не половинную, какъ теперь дѣлается; ищите помощи у цесаря, чтобъ герцогу голштинскому достался Шлезвигъ: здѣшній дворъ на это согласенъ; но въ то же время съ особеннымъ стараніемъ ведете вы переговоры съ Франціею и Англіею, не только о томъ же дѣлѣ, но и о примиреніи съ Англіею, а намъ о ходѣ этихъ переговоровъ ничего не сообщаете, и по всему ясно, что на другихъ вы полагаете большую надежду. Мы хорошо помнимъ, въ какомъ положеніи находились мы съ своимъ титулярнымъ посредничествомъ сѣвернаго мира: одна воюющая держава за другою отдѣльно примирялись, а мы, державши столько лѣтъ министровъ въ Брауншвейгѣ и понесши немалые убытки, принуждены были прекратить конгрессъ безплодно и не къ чести себѣ. Не упоминаемъ другихъ случаевъ: всегда насъ къ дѣламъ послѣ праздника приглашаете, къ чему мы не привыкли. Если надѣетесь, что мы можемъ помочь, то ищите помощи; если же разсуждаете, что и безъ насъ черезъ другихъ можете достигнуть своихъ цѣлей, то не безпокойте насъ». Въ Вѣнѣ ждали, чѣмъ кончатся переговоры о примиреніи Россіи съ Англіею, и до того времени не хотѣли высказываться.

Когда Ланчинскій въ торжественной аудіенціи объявилъ Карлу

VI о кончинѣ Петра и о вступленіи на престолъ Екатерины, то цесарь сказалъ внятно: «Нынѣ правительствующая царица насъ обнадеживаетъ о желаніи своемъ продолжать дружбу, къ чему и мы, съ нашей стороны, охотно способствовать будемъ». Потомъ императоръ сказалъ еще словъ съ двадцать, но не внятно, такъ что посланникъ ничего не понялъ. Осенью Ланчинскому начали внушать, что Франція дѣйствуетъ въ Константинополѣ противъ Россіи и Австріи. Когда Ланчинскій вывѣдывалъ, что думаетъ Вѣнскій дворъ о бракѣ французскаго короля на дочери Станислава Лещинскаго и не принимаются ли по этому случаю какія мѣры съ польскимъ королемъ, то ему отвѣчали: «оставьте мысль, будто нашъ дворъ имѣетъ намѣреніе помогать наслѣдному принцу саксонскому въ полученіи польской короны; такое намѣреніе было бы явно противъ интереса цесарскихъ дочерей; развѣ захочетъ нашъ дворъ усиливать домъ саксонскій для того, чтобъ послѣ онъ помѣшалъ цесарской дочери получить въ наслѣдство австрійскія земли, или, по крайней мѣрѣ, могъ что-нибудь отторгнуть отъ Венгріи, Силезіи или Богеміи; еслибы еще у цесаря были сыновья, то могло бы еще быть подозрѣніе, хотя также неосновательное, ибо интересъ цезаря требуетъ, чтобъ польское правленіе оставалось въ безурядицѣ. Правда, двору нашему супружество французскаго короля съ дочерью Лещинскаго не совсѣмъ пріятно; но опасность отъ Лещинскаго еще очень далека; не видно, чтобъ онъ былъ очень честолюбивъ; если же что впередъ отъ него окажется, то въ свое время и мѣры принять можно. Теперь въ Европѣ образуются двѣ партіи: въ одной цесарь, Испанія и другія державы, которыя захотятъ съ ними соединиться; въ другой Франція и Англія съ союзниками: такъ вашему двору надобно рѣшиться однажды навсегда, нашей ли—или противной стороны держаться».

Успѣхи Турокъ въ Персіи произвели очень непріятное впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и хотя на требованія Ланчинскаго, чтобъ не оставались при этомъ равнодушными и подумали о слѣдствіяхъ, отвѣчали, что дѣло идетъ въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, пусть морскія державы и Россія объ немъ заботятся, однако извѣстія съ дальняго Востока не могли не имѣть вліянія на склонность Вѣнскаго двора удовлетворить давнему требованію двора Петербургскаго, приступить къ шведско-русскому оборонительному

союзу. При этомъ Ланчинскій получилъ слѣдующіе вопросы: 1) въ оборонительномъ договорѣ Россіи съ Швеціею означены только европейскія державы, и потому въ Вѣнѣ желаютъ знать, угодно ли русской государынѣ внести въ договоръ и Турокъ? 2) О Польшѣ надобно объясниться откровенно, особенно о Курляндіи; надобно постановить ненарушимымъ правиломъ, что Польшѣ оставаться при своей вольности и безъ ущерба земель, ибо интересъ обѣихъ сторонъ того требуетъ. Съ русской стороны надобно съ Польшею обходиться пріязненнѣе, потому что она не только въ общую партію годна, но и въ дѣйствіяхъ противъ Турокъ полезна. Можно думать, что Россія хочетъ если не удержать Курляндію, то, по крайней мѣрѣ, отдать ее принцу, который долженъ жениться на одной изъ русскихъ принцессъ: надобно знать, какой это принцъ. Въ это время восточную Европу сильно занимало возмущеніе, вспыхнувшее въ Торнѣ, вслѣдствіе столкновенія протестантовъ съ католиками; протестантскія державы считали своею обязанностію вступиться за своихъ одновѣрцевъ и не выдавать ихъ польскому правительству. Австрійскіе министры внушали Ланчинскому, что надобно и въ торнскомъ дѣлѣ поступать умѣренно, и такъ какъ видно, что прусскій король подъ этимъ предлогомъ хочетъ отторгнуть отъ Польши какую-нибудь провинцію, то кажется надобно съ русской стороны объявить прусскому королю, что Россія не можетъ допустить Польшу до разоренія, а тѣмъ менѣе до уменьшенія ея государственной области. 3) Надобно обозначить подробно о числѣ войска и о способѣ, какимъ Россія намѣрена помогать герцогу голштинскому въ возвращеніи ему Шлезвига.—«Знайте, внушали Ланчинскому, что всѣ противности происходятъ отъ англійскихъ интригъ; вамъ черезъ кого-нибудь третьяго совѣтуютъ удержать Курляндію, можетъ быть, для какого-нибудь гессенскаго принца; вамъ обѣщаютъ отъ того славу, а на самомъ дѣлѣ стараются поссорить васъ съ Польшею. Также стараются черезъ прусскаго короля поднять войну, будто за религію, а на самомъ дѣлѣ хотятъ васъ и насъ засуетить, чтобъ мы не были въ состояніи помочь герцогу голштинскому, ибо дѣло извѣстное, что у насъ съ Польшею старый союзъ, и въ торнскомъ дѣлѣ мы не можемъ оставить ее безъ помощи; и еслибъ за Курляндію вы поссорились съ Польшею, то какъ въ такомъ случаѣ поступать нашему двору, чью сторону держать?»

Ланчинскій получилъ отъ своего двора порученіе вести переговоръ о союзѣ; къ Петербургскому двору, гдѣ до сихъ поръ находился только секретарь посольства, отправленъ былъ посломъ графъ Рабутинъ. Испанскій посолъ, извѣстный Рипперда, устроившій союзъ между Австріею и Испаніею, пріѣзжалъ къ нему «зѣло откровенно и ласково обшелся и равно какъ есть нрава зѣло усерднаго, такъ безъ всякихъ обстоятельствъ объявилъ», что дворъ Англійскій, увидѣвъ признаки союза между Россіею, Австріею и Испаніею, понизилъ голосъ и начинаетъ искать примиренія въ Вѣнѣ.—«Но я, говорилъ Рипперда, всячески буду этому мѣшать, потому что все обманъ, стараются только о томъ, какъ бы опять разъединить и произвести холодность; я уже получилъ полномочіе договариваться съ вами и Швеціею о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, при чемъ король мой согласенъ гарантировать герцогу голштинскому Шлезвигъ; другое полномочіе получилъ я на заключеніе такого же договора съ Португаліею, и необходимо все это дѣло должно быть окончено въ нынѣшнемъ году».

Но въ концѣ 1725 года дѣло только началось и шло очень медленно. Въ началѣ 1726 года Ланчинскій былъ у принца Евгенія съ повтореніемъ многократныхъ прежнихъ представленій, чтобъ вѣнскій дворъ принялъ во вниманіе усиленіе Турокъ въ Персіи, что вредно какъ всему христіанству, такъ особенно цесарю. Принцъ отвѣчалъ, что англійскій посланникъ въ Константинополѣ подучаетъ Турокъ къ войнѣ противъ Россіи и Австріи, и для того совѣтуетъ имъ помириться съ ханомъ Эшрефомъ, при чемъ хвастается ганноверскимъ трактатомъ. «Мы, говорилъ принцъ, разумѣется, обращаемъ большое вниманіе на турецкія дѣла, и къ нашему резиденту при Портѣ скоро отправленъ будетъ указъ, чтобъ обходился съ русскими министрами откровенно и помогалъ имъ при всякомъ случаѣ». Когда послѣ этого Ланчинскій началъ говорить ему, чтобъ поскорѣе составленъ былъ проектъ союзнаго договора, то принцъ отвѣчалъ, что вѣнскій дворъ вполнѣ увѣренъ въ желаніи Россіи заключить съ нимъ союзъ, точно также какъ и Австрія желаетъ этого; но сильно сомнѣвается относительно Швеціи, которая, по многимъ извѣстіямъ, близка къ ганноверскому союзу: дѣйствуютъ деньги, Англичане 100.000 фунтовъ переслали въ Швецію; но во всякомъ случаѣ цесарь готовъ

заключить союзъ съ Россіею и безъ Швеціи. Оказывалось, что въ Вѣнѣ хотѣли, чтобъ Россія приступила къ союзу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приступила къ нему Испанія; надѣялись, что одно заключеніе союза между Россіею и Австріею удержитъ Турокъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ обоихъ дворовъ; въ случаѣ же, еслибы англійскія внушенія въ Константинополѣ взяли верхъ, то надѣялись управиться съ Турками въ союзѣ съ Россіею, къ которому должна была пристать и Венеція: эта республика сильно встревожена была успѣхами Турокъ въ Персіи и толковала о возобновленіи священнаго союза.

Въ апрѣлѣ 1726 года пріѣхалъ въ Петербургъ чрезвычайный цесарскій посланникъ графъ Рабутинъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ нимъ и пересылокъ съ Ланчинскимъ, послѣдній заключилъ наконецъ въ Вѣнѣ, 6 августа 1726 года, договоръ между «освященнымъ цесарскимъ и королевскимъ католическимъ величествомъ и освященнымъ всероссійскимъ величествомъ.» Цесарь приступилъ къ союзу, заключенному между Россіею и Швеціею 1724 года, а русская государыня приступила къ мирному трактату, заключенному между Испаніею и Австріею въ 1725 году, въ слѣдствіе чего приняли на себя гарантію всѣхъ государствъ и провинцій, находящихся во владѣніи цесарскомъ, такъ что если кто нападетъ на цесаря по причинѣ заключеннаго имъ договора съ Испаніею или по какой-нибудь другой причинѣ, то русская государыня подаетъ ему помощь и, въ случаѣ нужды, объявляетъ войну нападчику и не заключаетъ съ нимъ мира, пока цесарь не получитъ удовлетворенія. Цесарь, съ своей стороны, перенимаетъ гарантію всѣхъ государствъ и областей, находящихся во владѣніи ея всероссійскаго величества въ Европѣ, и если кто пойдетъ на нее по какой бы то ни было причинѣ, обязуется подать помощь и, въ случаѣ нужды, объявить наступательную войну и не заключать мира, пока Россія не получитъ удовлетворенія. Договаривающіяся державы обязуются не давать убѣжища и помощи взбунтовавшимся подданнымъ и вассаламъ другъ друга, и, узнавая о вредныхъ умыслахъ, немедленно другъ другу сообщать о нихъ и содѣйствовать ихъ уничтоженію. Относительно взаимной помощи въ случаѣ вражьяго нападенія условлено, что обѣ державы присылаютъ другъ другу по 30,000 войска, именно 20,000 инфантеріи и 10 тысячъ драгунъ. Еслибы Россія вознамѣрилась воору-

жить флотъ и употреблять его съ согласія цесаря, то флотъ этотъ имѣетъ безопасное пристанище не только во всѣхъ цесарскихъ, но и въ испанскихъ владѣніяхъ. Положено пригласить къ заключаемому союзу короля, королевство польское, и окончательно примирить ихъ съ Швеціею. Кромѣ того цесарь обѣщалъ помогать герцогу голштинскому въ возвращеніи Шлезвига, и наконецъ въ секретнѣйшемъ артикулѣ обязательства цесаря—подавать помощь вообще противъ всѣхъ нападчиковъ было повторено именно относительно Турціи.

По отношеніямъ къ Востоку сочли необходимымъ заключить союзъ съ Австріею; но, разумѣется, не хотѣли быть принужденными исполнять условія союза вслѣдствіе войны Австріи съ ганноверскими союзниками, и потому сильно хлопотали о примиреніи Франціи съ Испаніею, чтобъ отнять у Франціи необходимость держаться Англіи. Въ началѣ 1727 года Ланчинскій говорилъ австрійскимъ министрамъ, чтобъ они похлопотали о примиреніи Франціи съ Испаніею. Принцъ Евгеній отвѣчалъ ему: «Мы сами этого желаемъ, по добрымъ способомъ, а Франція желаетъ этого своимъ способомъ.» Въ Вѣнѣ не надѣялись на миръ, готовились къ войнѣ, вслѣдствіе чего и Россія должна была двинуть корпусъ войскъ къ границамъ [8].

Въ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины особенно занималъ вопросъ торнскій. Зная, что Петръ уже являлся въ Польшѣ покровителемъ не одного православнаго Русскаго народонаселенія, но и всѣхъ диссидентовъ, министры протестантскихъ дворовъ въ Варшавѣ обратились къ русскому министру, князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, съ требованіемъ, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ ними, поддерживалъ торнскихъ протестантовъ. Но Долгорукій совѣтовалъ своему двору поступать осторожно: «Въ дѣлѣ торнскомъ, писалъ онъ, лучше нейтрально поступить, потому что, еслибъ, паче чаянія, у польскаго двора съ прусскимъ произошло столкновеніе, то ваше величество будете тогда въ состояніи принять посредничество; также надобно смотрѣть, чтобъ не привести Поляковъ въ отчаяніе и не дать саксонскому двору повода исполнить свое намѣреніе, ибо когда Поляки увидятъ вашего величества соглашеніе съ дворомъ прусскимъ, котораго они опасаются и вообще ненавидятъ, тогда, не видя себѣ ни откуда надежды, принуждены будутъ принять предложеніе австрійскаго послан-

ника, графа Вратислава, и заключить союзъ съ дворомъ цесарскимъ. Поляки прусскаго двора не боятся, торнскаго декрета для него не измѣнятъ, и почти всѣ желаютъ войны съ Пруссіею, но при этомъ, по внушенію придворныхъ креатуръ, опасаются, что ваше величество вооружитесь противъ нихъ вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ».

Въ Могилевѣ Рудаковскій продолжалъ свою коммиссію. Отъ 24 февраля 1725 года онъ написалъ еще на имя Петра любопытное донесеніе: «Въ здѣшнихъ краяхъ отъ злоковарственныхъ и злозамышляющихъ враговъ публикуются, сердце и утробу мою проникающія, вѣдомости, что будто ваше императорское величество соизволилъ преселитися въ небесные чертоги, чему я, рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ двора вашего величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что Русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна». Извѣстіе о спокойномъ воцареніи Екатерины вывело Рудаковскаго изъ тяжелаго положенія: онъ поднялъ голову въ свою очередь, и началъ толковать, что новая императрица не оставитъ въ сиротствѣ церковь восточную, но будетъ всѣми силами ее оборонять, какъ единая благочестивая государыня и протекторка святаго благочестія. Донося о слухѣ, что будетъ война между Польшею и протестантскими державами по поводу торнскаго дѣла, Рудаковскій писалъ: «Смѣху достойна отвага здѣшняго народа, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни магазиновъ, ни войска, ни пушекъ, ни мелкаго оружія, который надѣется на одни свои сабли, да и тѣ уже очень позаржавѣли; правда, мелкая шляхта сядетъ на коней, но не для сопротивленія непріятелямъ, а только для грабежа и разоренія своего отечества. Если этотъ огонь загорится, то ни я, ни князь Четвертинскій, епископъ Бѣлорусскій, не можемъ оставаться здѣсь спокойно; да хотя бы огонь и не загорѣлся, то мнѣ безъ отряда русскихъ воинскихъ людей оставаться здѣсь нельзя, потому что многіе изъ шляхты присягнули лишить меня жизни; особенно враждебенъ мнѣ, за мою горячность къ восточной церкви, шляхтичъ Петръ Свяцкій». Страхъ предъ послѣдствіями торнскаго дѣла былъ выгоденъ для православныхъ, которыхъ теперь на время оставили въ покоѣ.

Въ апрѣлѣ 1725 года Рудаковскій былъ вызванъ въ Петербургъ, по какому случаю канцлеръ писалъ епископу князю Четвертинскому, чтобъ онъ не сомнѣвался относительно этого вызова: императрица не оставитъ православныхъ безъ защиты и какъ скоро Рудаковскій дастъ отчетъ о подлинномъ состояніи православныхъ въ Польшѣ, то или онъ возвратится или кто-нибудь другой будетъ отправленъ на его мѣсто. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе, канцлеръ Четвертинскій писалъ самъ императрицѣ: «Отзывъ Рудаковскаго сильно опечалилъ церковь Божію и меня съ православными, какъ корабельщиковъ на морѣ при усилившихся жестокихъ вѣтрахъ. Слезно прошу, да изволите подать руку помощи мнѣ, окруженному отовсюду смертными злоключеніями и немедленно отправить къ намъ какую-нибудь особу, дабы заступалъ насъ, какъ господинъ коммиссаръ, здѣсь обрѣтавшійся, или его же самого, потому что онъ знаетъ здѣшній край и его обычаи, стоялъ за правду и не молчалъ противъ враговъ нашихъ.»

Опасенія епископа не были напрасны. Въ іюнѣ онъ писалъ императрицѣ: «По отъѣздѣ коммиссара изъ Могилева двоихъ служителей моихъ посадили въ тюрьму безо всякой причины, оковали имъ руки и ноги, стоящихъ къ стѣнѣ за шею приковали и шесть недѣль голодомъ морятъ; боясь такой же бѣды, прочіе духовные и мірскіе люди разбѣжались, оставя меня съ однимъ священникомъ. Если не присланъ будетъ скоро коммиссаръ, то принужденъ буду оставить церковное правленіе. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ іезуиты на могилевскихъ мѣщанъ, которые не надѣются больше на русское покровительство. Также недавно прислали ко мнѣ мѣщане бѣшенковицкіе съ жалобою, что православный священникъ отъ нихъ изгнанъ и скоро они принуждены будутъ сдѣлаться уніатами. Виленскій бискупъ Чернявскій постановилъ, чтобъ церкви православныя не строились выше школъ жидовскихъ; въ Оршѣ запрещено строить каменныя церкви; а частныя обиды дѣлаются православнымъ каждый день.»

Но въ то же время пришелъ въ Синодъ доносъ на Сильвестра изъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря, вслѣдствіе чего Синодъ отправилъ къ нему такое посланіе: «радуемся духовно о вашемъ благочестіи, въ которомъ бѣлорусская епархія въ томъ же съ великороссійскою и всею восточною Церковію соединеніи непоколибимо пребываетъ. О семъ радуемся яко о общемъ на-

шемъ и вашемъ спасеніи. Не безпечални же есмы, слышаще о другихъ дѣлахъ твоихъ неприличныхъ православному епископу, а именно: будто ты, господинъ епископъ, не по Бозѣ и не по доброй совѣсти, но по властолюбію, православные монастыри, не подлежащія твоей власти, вооруженною силою наѣзжая, подъ власть свою подбиваешь, и по сребролюбію своему грабишь, противящихся озлобляешь и убиваешь, и своего похищеннаго тобою просящихъ предаешь анаѳемѣ и прочая и прочая. Аще убо помянутая непотребная дѣла въ тебѣ обрѣтаются, господинъ епископъ, престани, по доброжелательному нашему совѣту, оными славитися себѣ на безчестіе: не простирай насильно власти твоея за предѣлы епархіи твоея, въ монастыри, подлежащіе Кіевской каѳедрѣ; похищенное возврати Полоцкому Богоявленскому монастырю по реестру, при семъ написанному, и къ клятвѣ не буди скоръ».

Между тѣмъ въ маѣ того же 1725 года, по поводу сейма, назначенъ былъ опять чрезвычайнымъ министромъ въ Польшу князь Василій Лукичъ Долгорукій, который, по пріѣздѣ въ Варшаву, нашелъ на первомъ планѣ торнское дѣло. Въ сентябрѣ онъ писалъ императрицѣ: «По состоянію здѣшнихъ дѣлъ наилучшій способъ въ торнскомъ дѣлѣ тотъ, чтобъ склонять обѣ заинтересованныя стороны къ принятію медіаціи вашего величества; для этого нужно, чтобъ короли англійскій и прусскій и другія государства, вступающіяся вмѣстѣ съ ними за диссидентовъ, не ослабѣвали въ своихъ домогательствахъ, требуя скораго окончанія дѣла, употребляя угрозы словомъ и дѣломъ; а я въ это время всѣми способами буду склонять Поляковъ къ принятію медіаціи вашего величества и поступать съ ними умѣренно». Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Долгорукій донесъ: «Не видя совершенно твердости въ поступкахъ протестантскихъ государей, я до сихъ поръ въ торнское дѣло горячо вступать не хотѣлъ, чтобъ прежде времени не показать намѣреніе вашего величества, и тѣмъ не озлобить которой-нибудь изъ заинтересованныхъ сторонъ».

Къ концу 1725 года торнское дѣло затихло, потому что Пруссія, принявшаяся было такъ горячо за него, испугалась возможности религіозной войны и ослабѣла въ своей настойчивости. Вмѣсто торнскаго дѣла на первый планъ выдвинулось дѣло курляндское. Мы видѣли, что въ ожиданіи смерти стараго и бездѣт-

наго герцога Фердинанда, сосѣднія державы хлопотали, чтобы будущность Курляндіи устроилась согласно съ ихъ интересами, причемъ дѣло усложнялось и затруднялось тѣмъ, что претенденты на курляндскій престолъ должны были вмѣстѣ и быть женихами герцогини-вдовы Анны Іоанновны. Короли польскій и прусскій предлагали своихъ кандидатовъ; Россія колебалась и медлила, не желая проводить вліянія этихъ королей на Курляндію; а Поляки хотѣли присоединить Курляндію къ своему государству, какъ вымороченный ленъ, раздѣлить ее на воеводства, чего никакъ не хотѣли допустить Россія и Пруссія, чего не хотѣлъ и король польскій, хотя явно и не могъ этому противодѣйствовать. Самые вліятельные польскіе вельможи говорили Долгорукому: «Курляндія безспорно принадлежитъ Рѣчи Посполитой; республика готова оружіемъ защищать свои права и не допустить, чтобъ Фердинандъ имѣлъ преемника, зная, что новый курляндскій князь будетъ имѣть родственниковъ или друзей, отъ чего Рѣчи Посполитой великія безпокойства и опасность, а Рѣчь Посполитая въ своихъ владѣніяхъ хочетъ быть спокойна, и для того не пожалѣетъ не только денегъ, но и крови.» До сихъ поръ дѣло шло тихо, потому что претенденты дѣйствовали только дипломатическимъ путемъ, посредствомъ покровительствовавшихъ имъ дворовъ; но теперь явился претендентъ, который захотѣлъ взять съ бою невѣсту и герцогство. То былъ молодой Морицъ, графъ саксонскій, побочный сынъ польскаго короля Августа II. Морицъ, уже заключившій разъ бракъ по разсчету съ богатою наслѣдницею, Викторіею фонъ Лёбенъ, развелся съ нею, и теперь искалъ другой богатой невѣсты. Такою была герцогиня Анна курляндская. Кромѣ того саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, Лефортъ писалъ Морицу, что можно взять Курляндію въ приданое и за болѣе привлекательною невѣстою, именно за второю дочерью императрицы Екатерины, Елисаветою Петровною. Морицъ объявилъ Долгорукому, что желаетъ знать, согласна ли будетъ императрица на то, чтобъ онъ занялъ курляндскій престолъ, а безъ соизволенія ея величества дѣла не начнетъ. Литовскій подканцлеръ, князь Чарторыйскій, говоря Долгорукому, что напрасно Морицъ затѣваетъ такое неосновательное дѣло, прибавилъ, что, по слухамъ, дѣло начато по согласію съ русскою государынею. Долгорукій отвѣчалъ, что ея величество не имѣетъ никакого понятія о затѣяхъ Морица. Весною 1726 года

при Польскомъ дворѣ рѣшили отправить Морица въ Курляндію и Петербургъ, подъ предлогомъ претензій, которыя его мать, графиня Кёнигсмаркъ, имѣла на нѣкоторыя земли въ прибалтійскихъ областяхъ. 24 апрѣля король Августъ разговаривалъ въ своемъ саду съ Долгорукимъ въ присутствіи Морица. Разговоръ зашелъ о слухѣ, что императрица Екатерина отправляется въ Ригу; король сказалъ Морицу: «Если этотъ слухъ справедливъ, то тебѣ только половину дороги ѣхать.» Послѣ этого разговора Морицъ началъ говорить Долгорукому, что король велѣлъ ему самому ѣхать ко двору императрицы и просить ея соизволенія начинать курляндское дѣло; Морицъ при этомъ спросилъ у Долгорукаго, что̀ онъ ему присовѣтуетъ? Тотъ отвѣчалъ, что лучше ему дожидаться въ Варшавѣ извѣстія о согласіи императрицы, и Морицъ объявилъ, что будетъ дожидаться. 7 мая Долгорукій писалъ въ Петербургъ: «2 числа пріѣзжалъ ко мнѣ Морицъ и сказалъ, что король непремѣнно велитъ ему ѣхать въ Петербургъ какъ можно скорѣе, и потому онъ, Морицъ, хочетъ выѣхать того же числа; но я его разными разсужденіями удержалъ, и надѣюсь еще удержать до 14 числа, но больше не надѣюсь, потому что король очень спѣшитъ его поѣздкою; удерживаю я его здѣсь для того: если это дѣло вашему императорскому величеству неугодно, то чтобъ поѣздкою Морица не подать Полякамъ напраснаго подозрѣнія на ваше императорское величество. Я вижу, что король, не желая озлобить Рѣчи Посполитой, ничего явно въ пользу Морица дѣлать не хочетъ, и что по сіе время дѣлается, король отъ всего отрекается и хочетъ помогать только подъ рукою разными способами. Литовскій гетманъ Потѣй и нѣкоторые другіе изъ вельможъ, для короля, помогаютъ Морицу въ этомъ дѣлѣ, а другіе помогать обѣщаютъ. А вести Морица въ Курляндію думаютъ такимъ образомъ: король тайно отъ министровъ польскихъ подписалъ позволеніе Курляндцамъ созвать сеймъ для избранія герцога; но на этомъ позволеніи нѣтъ печати, и хотя Морицъ давалъ подканцлеру коронному Липскому тысячу червонныхъ за приложеніе печати, однако тотъ не согласился; поэтому король велѣлъ Морицу ѣхать въ Петербургъ черезъ Вильну, гдѣ живутъ гетманъ Потѣй и канцлеръ литовскій Вишневецкій, который долженъ приложить литовскую печать къ королевскому позволенію.

Между тѣмъ еще въ мартѣ Бестужевъ далъ знать изъ Митавы,

что туда пріѣхалъ литовскаго войска генералъ-кригсъ-коммиссаръ, курляндскій шляхтичъ Карпъ, съ вѣрющимъ письмомъ отъ литовскаго гетмана Потѣя къ курляндскимъ оберъ-ратамъ. Карпъ объявилъ, что король позволяетъ Курляндцамъ просить себѣ герцога, какого захотятъ, только бы онъ былъ угоденъ королю, который обѣщаетъ содержать Курляндію при древнихъ правахъ и вольностяхъ, при сеймѣ помогать и до раздѣленія на воеводства не допускать. Карпъ явился и къ Бестужеву съ объявленіемъ, что онъ присланъ въ Митаву разузнать, пріятенъ ли будетъ Курляндцамъ принцъ Морицъ саксонскій, также при дворѣ царевны Анны провѣдать, согласна ли она будетъ вступить въ бракъ съ Морицомъ, и если императрица будетъ согласна на этотъ бракъ, то можно въ Митавѣ сочинить и свадебный договоръ. Оберъ-раты, съ своей стороны, объявили Бестужеву, что они желаютъ имѣть герцогомъ Морица съ тѣмъ, чтобъ онъ женился на герцогинѣ Аннѣ. Несмотря на эту подготовку въ Митавѣ, король Августъ, особенно по настоянію канцлера короннаго Шембека, перемѣнилъ, разумѣется наружно, свое намѣреніе и запретилъ Морицу ѣхать въ Курляндію. Но Морицъ не послушался и тайкомъ ускользнулъ изъ Варшавы. Въ Митавѣ онъ представился герцогинѣ Аннѣ и успѣлъ ей сильно понравиться; успѣлъ онъ понравиться и курляндскому дворянству: «Моя наружность имъ понравилась», писалъ Морицъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы отправленный туда еще въ 1724 году курляндскій депутатъ Бракль и объявилъ, именемъ королевскимъ, что если Курляндцы выберутъ въ герцоги Морица, то онъ, король, склонитъ Рѣчь Посполитую признать его, и съ русской стороны не будетъ никакого препятствія; другаго же никакого кандидата ни король, ни Рѣчь Посполитая не допустятъ и раздѣлятъ Курляндію на воеводства [9].

Но что скажутъ объ этомъ въ Варшавѣ, Берлинѣ, и особенно въ Петербургѣ? Въ Петербургѣ 16 мая въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали, что Морица въ герцоги курлядскіе по многимъ причинамъ допустить невозможно, а надобно вмѣсто него пріискать другаго принца, который бы королямъ прусскому и польскому не былъ противенъ, именно двоюроднаго брата герцога голштинскаго, втораго сына умершаго епископа Любскаго. Императрица одобрила это рѣшеніе, прибавивъ, что и покойный императоръ не согласился посадить на курляндскій престолъ герцога вейсенфельскаго, какъ сак-

сонскаго принца [10]. Къ Петру Бестужеву въ Курляндію отправленъ былъ 31 мая указъ: «Избраніе Морица противно интересамъ русскимъ и курляндскимъ: 1) Морицъ, находясь въ рукахъ королевскихъ, принужденъ будетъ поступать по частнымъ интересамъ короля, который чрезъ это получитъ бо́льшую возможность приводить въ исполненіе свои планы въ Польшѣ; а планы эти и намъ и всѣмъ прочимъ сосѣдямъ курляндскимъ могутъ быть иногда очень противны, отъ чего и для самой Курляндіи могутъ быть всякія сомнительныя послѣдствія. 2) Между Россіею и Пруссіею существуетъ соглашеніе удержать Курляндію при прежнихъ ея правахъ; Россія не хочетъ навязать курляндскимъ чинамъ герцога изъ бранденбургскаго дома; но если они согласятся на избраніе Морица, то Прусскій дворъ будетъ имѣть полное право сердиться, зачѣмъ бранденбургскому принцу предпочтенъ Морицъ? И тогда Курляндія со стороны Пруссіи не будетъ имѣть покоя; Пруссія скорѣе согласится на раздѣленіе Курляндіи на воеводства, чѣмъ на возведеніе въ ея герцоги саксонскаго принца. 3) Поляки никогда не позволятъ, чтобъ Морицъ былъ избранъ герцогомъ курляндскимъ и помогалъ отцу своему въ его замыслахъ относительно Рѣчи Посполитой [11]. Но представленія Бестужева не имѣли никакой силы. Всѣ депутаты, съѣхавшіеся на сеймъ, хотя и порознь, но единогласно отвѣчали, что они со стороны Россіи имѣютъ обѣщаніе не допускать до нарушенія ихъ правъ; теперь они поступаютъ по своимъ правамъ, и крѣпко надѣются, что императрица ихъ правъ нарушить не велитъ, а позволитъ царевнѣ Аннѣ вступить въ бракъ съ графомъ Морицомъ; если они выпустятъ изъ рукъ настоящій счастливый случай, то онъ уже никогда не возвратится, Курляндія будетъ раздѣлена на воеводства и память ея погибнетъ. 18 іюня сеймъ единогласно избралъ Морица. Анна послала къ Меншикову и Остерману письма съ просьбою, чтобъ убѣдили императрицу дать согласіе на бракъ ея съ Морицомъ. Между тѣмъ, кромѣ Морица и герцога голштинскаго, явились и другіе претенденты: старый герцогъ Фердинандъ предложилъ принца гессенъ-кассельскаго. Разумѣется въ Петербургѣ не могли принять этого предложенія по извѣстнымъ отношеніямъ къ шведскому королю, также гессенскому принцу; въ Петербургѣ подлѣ прежняго кандидата, молодаго епископа Любскаго, явился новый — свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ Меншиковъ сталъ

хлопотать о курляндскомъ престолѣ, и въ 1711 году хотѣлъ предложить польскому королю 200,000 рублей, если тотъ поможетъ его предпріятію; въ Курляндіи составилась партія въ пользу Меншикова, главою которой былъ генералъ Реннс; но при Петрѣ Меншикову было трудно ставить свои личныя выгоды подлѣ государственныхъ; теперь же обстоятельства перемѣнились. 2 апрѣля 1726 года Меншиковъ написалъ князю Василью Лукичу въ Варшаву слѣдующее письмо: «Г. Бестужевъ изъ Митавы пишетъ, что королевское величество польской предлагалъ курляндскому управительству, дабы выбрали кого желаютъ въ князи курляндскіе, а понеже тогда какъ я первый разъ имѣлъ маршъ въ Помераніи, многіе знатные изъ шляхетства курляндскаго мнѣ желали въ князи, и господинъ фельтмаршалъ Флемингъ и дворъ королевской къ тому въ тѣ времена были склонны: того ради вашего сіятельства, какъ истиннаго моего друга, прошу, изволите въ семъ случаѣ меня помогать и моею персоною у тамошнихъ министровъ какъ наилутче къ тому рекомендовать, и господамъ Флемингу и Шембеку, или кому ваша милость за потребно разсудитъ, нѣкоторую сумму денежную отъ меня обѣщать, дабы въ томъ помогли, и надѣюсь, что его королевское величество за ихъ протекціею тую милость мнѣ явить изволитъ паче егда вѣрностію моею и услугами обнадеживанъ будетъ» [12]. 18 іюня императрица изволила разсуждать въ Совѣтѣ, что ни принца гессенъ-кассельскаго, по представленію герцога Фердинанда, ни принца Морица, по старанію короля польскаго, по многимъ причинамъ, допускать къ избранію въ герцоги курляндскіе не надлежитъ. Всѣ члены Совѣта единогласно совѣтовали, что для уничтоженія этихъ выборовъ и для избранія кандидатовъ, представленныхъ съ русской стороны, надобно отправить немедленно въ Курляндію знатныхъ персонъ. Императрица приказала ѣхать князю Меншикову подъ предлогомъ осмотра войскъ для предосторожности отъ англійской и датской эскадръ, а въ случаѣ надобности, для устрашенія Курляндцевъ, можно выставить полки за Двину, но при этомъ не предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій; для склоненія курляндскихъ чиновъ къ выбору русскихъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ ѣхать князю Василью Лукичу Долгорукому; если Курляндцы не согласятся на выборъ князя Меншикова, то предложить имъ герцога голштинскаго, сына епископа Любскаго; потомъ прибавлены были

еще два кандидата, принцы гессенгомбургскіе, находившіеся въ русской службѣ [13]. На мѣсто князя Долгорукаго былъ назначенъ въ Польшу бывшій въ Стокгольмѣ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

26 іюня, пріѣхавъ въ Митаву, князь Долгорукій призвалъ членовъ правительства, сеймоваго маршала, депутатовъ, и объявилъ имъ, что императрица графа Морица въ герцоги курляндскіе допустить никакъ не изволитъ, и если онъ уже избранъ, то эти выборы должны быть уничтожены, и долженъ быть избранъ или князь Меншиковъ или герцогъ голштинскій; въ противномъ случаѣ императрица лишитъ ихъ своего покровительства и, быть можетъ, возбудитъ противъ нихъ Рѣчь Посполитую. Маршалъ отвѣчалъ, что сеймъ кончился, депутаты разъѣхались, а которые остались, тѣ ничего сдѣлать не могутъ; вновь созвать депутатовъ и уничтожить выборы нельзя, ибо это противно ихъ правамъ и обычаямъ; князя Меншикова избрать нельзя, потому что онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранскаго закона; герцогу же голштинскому только 13 лѣтъ и до совершеннолѣтія никакой пользы Курляндіи отъ него не будетъ; притомъ они не могутъ избирать никого безъ позволенія королевскаго. «Когда хотятъ драться, то берутъ всегда секундантовъ», сказалъ имъ Долгорукій, намекая на то, что имъ предстоитъ борьба съ Польшею, при чемъ необходима русская помощь. Курляндцы отвѣчали, что не имѣютъ нужды въ секундантахъ, потому что биться не хотятъ; однако обѣщали подумать [14]. Но отъ этого думанія Долгорукій не получилъ никакой пользы: всѣ дальнѣйшіе переговоры оканчивались упорнымъ отказомъ. 27 іюня пріѣхалъ въ Ригу Меншиковъ, и такъ описывалъ императрицѣ случившееся съ нимъ здѣсь: «Вашему Величеству всенижайше доношу: прибылъ я въ Ригу сего мѣсяца 27 числа, а 28, увѣдавъ о моемъ прибытіи, прибыла сюда царевна Анна Ивановна въ коляскѣ съ одною дѣвушкою, и, не бывъ въ городѣ, стала за Двиною и прислала ко мнѣ служителя своего, которой мнѣ объявилъ о прибытіи ея высочества и просилъ, дабы я къ ея высочеству пріѣхалъ туда повидаться, что я выслушавъ, тотчасъ поѣхалъ, и когда прибылъ въ квартиру ея высочества, тогда изволила принять меня благопріятнымъ образомъ и, приказавъ всѣхъ выслать и не вступая въ дальніе разговоры, начала рѣчь о извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ ве-

ликою слезною просьбою, чтобъ въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее позволеніе, представляя резоны: первое что уже столько лѣтъ какъ вдовствуетъ, второе что блаженные и вѣчно достойные памяти государь императоръ имѣлъ о ней попеченіе и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактаты были написаны, но не допустилъ того нѣкоторый случай. На что я со учтивостію ея высочеству отвѣтствовалъ, что ваше величество онаго Морица до герцогства курляндскаго для вредительства интересовъ Россійскихъ и Польскихъ допустить не изволите; второе ея высочеству въ супружество съ нимъ вступать неприлично, понеже оной рожденъ отъ матресы, а не отъ законной жены, что вашему величеству и ея высочеству и всему государству будетъ безчестно; третье, ваше величество изволите трудиться для интересовъ Россійской имперіи, чтобъ оная отъ сей стороны всегда была безопасна и для пользы всего княжества курляндскаго, дабы оное подъ высокою вашего величества протекціею при своей вѣрѣ и вольности въ вѣчныя времена по прежнему было. И для того изволили указать представить сукцессоровъ, которые написаны въ инструкціи князя Додгорукова, дабы ея высочество о такомъ вашемъ высокомъ соизволеніи была извѣстна и избирала изъ того лучшее; что же Петръ Бестужевъ, имѣя вашего величества указы и вѣдая того дѣла важность, не такъ поступалъ и повидимому чинилъ факціи, объ ономъ особливой указъ имѣю, которое мое предложеніе ея высочество выслушавъ, разсудила все то свое намѣреніе оставить, и наивящшее желаетъ дабы въ Курляндіи герцогомъ быть мнѣ, понеже она во владѣніи своихъ деревень надѣется быть спокойна, ежели же другой кто избранъ будетъ, то она не можетъ знать, ласково-ль съ нею поступать будетъ, и дабы ея не лишалъ вдовствующаго пропитанія; притомъ же съ великимъ прошеніемъ упоминала, чтобъ Бестужева ни до какого бѣдства не допустить и быть бы ему при ней по прежнему, на что ея высочеству паки я отвѣтствовалъ: ежели она чрезъ трудъ свой то Морицово избраніе опровергнетъ и вмѣсто того учинитъ такъ, какъ вашего величества высокое есть изволеніе, то я о отпущеніи вины его ваше величество съ покорностію просить буду, на что съ великою охотою скло-

нилась, объявляя, что для опроверженія того Морицова дѣла призоветъ къ себѣ канцлера Кейзерлинга, и прикажетъ ему курляндскимъ управителемъ и депутатамъ къ опреверженію того Морицова дѣла всѣ вышеописанные представлять резоны, и съ тѣмъ намѣреніемъ вчерашняго числа поѣхала въ Митаву. А послѣ отъѣзду ея высочества пополуночи въ первомъ часу прибылъ въ Ригу тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Долгорукой и Бестужевъ, которые мнѣ объявили, что князь Долгорукой по силѣ своей инструкціи предаставлялъ имя мое и герцога голштейнскаго, а о гессенгомбургскихъ князьяхъ еще неупоминалъ; Курляндцы отвѣтствовали, что того учинить невозможно: меня для вѣры, а принца голштейнскаго, что еще молодъ; притомъ же депутаты князю Долгорукому объявляли, что о имени моемъ по киршпилямъ нигдѣ было не упомянуто, а ежелибъ о имени моемъ по киршпилямъ было объявлено заблаговременно, тобъ въ томъ дѣлѣ могли инако поступать; а понеже объявлено было объ одномъ Морицѣ, котораго они по своимъ правамъ избрали и перемѣнять не будутъ, а ежелибъ того не учинили, тобъ Рѣчь Посполитая раздѣлила Курляндію на воеводства и всябъ Курляндія отъ того могла пропасть, на что князь Долгорукій имъ предлагалъ, что то они учинили интересомъ Россійской имперіи весма противно, и ежели не отмѣнятъ, то съ ними другимъ образомъ поступлено будетъ, что выслушавъ, хотѣли совѣтовать. Бестужеву я говорилъ, для чего онъ по силѣ вашего величества указовъ о мнѣ и о князѣ голштейнскомъ не предлагалъ и то дѣло пропустилъ? и онъ мнѣ на то отвѣтствовалъ, что ему велѣно о томъ стараться подъ рукою, о чемъ онъ подъ рукою старался и съ нѣкоторыми о томъ на словахъ и спорилъ, на что ему я пока припоминалъ, хотябъ онъ о томъ и подлинно указу не имѣлъ, однакожъ, видя такой противной случай, писмяннобъ протестовалъ и оного Морица до того не допускалъ; но понеже изо всѣхъ его оправданій повидимому кажется, что во избраніи Морицовомъ желаніе было для того, чтобъ царевнѣ вступить съ нимъ въ супружество, а Бестужеву вѣчно остаться въ Курляндіи.» [15] По отсылкѣ этого письма Меншиковъ отправился въ Митаву съ большимъ конвоемъ и велѣлъ отряду русскихъ войскъ вступить ночью въ этотъ городъ. На другой день утромъ Морицъ явился къ нему и не заводилъ рѣчи о причинѣ его пріѣзда; Меншиковъ самъ сталъ говорить,

и говорилъ то же самое, что̀ и князь Долгорукій прежде, только съ большею силою: «Императрица желаетъ, говорилъ онъ, чтобъ курлядскіе чины собрались снова и произвели новые выборы, которые могутъ пасть только или на меня, или на герцога голштинскаго, или на одного изъ принцевъ гессенгомбурскихъ; единственно для этого дѣла я и въ Митаву пріѣхалъ.»—«Сеймъ кончился, отвѣчалъ Морицъ, чины разъѣхались; сеймъ выбралъ меня и не можетъ выбрать другаго; а если заставить выбирать силою, то принужденіе отниметъ у выборовъ всю важность. Или Курляндія будетъ раздѣлена на воеводства и присоединена къ Польшѣ, или удержитъ свою древнюю форму правленія, въ какомъ случаѣ я одинъ могу быть герцогомъ; или, наконецъ, Курляндія будетъ завоевана Россіею.»—«Ничего этого не будетъ», сказалъ Меншиковъ.—«Что же будетъ съ Курляндіей?» спросилъ Морицъ.—«Она не можетъ искать другаго покровительства, кромѣ русскаго», отвѣчалъ Меншиковъ. Въ тотъ же день онъ призвалъ сеймоваго маршала, канцлера и нѣкоторыхъ депутатовъ, и объявилъ имъ о необходимости произвесть новые выборы; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ Сибирью, а Курляндіи введеніемъ въ нее 20,000 русскаго войска [16].

Когда Меншиковъ 3-го іюля далъ знать объ этомъ въ Петербургъ, то здѣсь встревожились и разсердились на свѣтлѣйшаго за такой крутой поворотъ дѣла, могшій повлечь къ большимъ непріятностямъ при тогдашнихъ отношеніяхъ Россіи; герцогиня Анна Іоанновна, пріѣхавшая въ это время въ Петербургъ, усиливала раздраженіе своими жалобами. Императрица написала Меншикову: «Мы вполнѣ одобряемъ объявленіе, сдѣланное вами графу Морицу и курляндскимъ чинамъ, что мы избраніемъ графа Морица очень недовольны и не можемъ согласиться на него, какъ на противное правамъ Рѣчи Посполитой. Но что касается до того, что вы принудили ихъ собрать новый сеймъ для избранія кандидатовъ, по предложенію князя Василья Лукича, то мы не знаемъ, будетъ ли это полезно нашимъ интересамъ и намѣреніямъ: мы избраніе графа Морица особенно опорочили тѣмъ, что оно совершилось вопреки правамъ Рѣчи Посполитой; а если теперь мы сами, безъ вѣдома и согласія Рѣчи Посполитой, будемъ принуждать курляндскіе чины къ новымъ выборамъ, то Рѣчь Посполитая за это на насъ можетъ озлобиться, и курлядскіе чины станутъ говорить,

будто они силою принуждены къ новому избранію, и чтобъ этимъ не сдѣлать нашимъ намѣреніямъ остановки и вдругъ не затѣять безвременной ссоры съ королемъ и Рѣчью Посполитою. Поэтому, пока вы тамъ будете, надобно вамъ разсуждать и совѣтоваться съ княземъ Васильемъ Лукичемъ, который состояніе этого дѣла въ Польшѣ лучше знаетъ, и поступайте съ общаго съ нимъ согласія, какъ полезнѣе будетъ нашимъ интересамъ, чтобъ безвременно съ Рѣчью Посполитою въ ссору не вступить; и если Рѣчь Посполитая взглянетъ враждебно на новые выборы, то не лучше ли будетъ сперва хлопотать въ Польшѣ, чтобъ Рѣчь Посполитую къ нашимъ намѣреніямъ склонить, ибо потомъ легко будетъ чины курляндскіе и добрымъ способомъ привести къ тому, что будетъ сочтено для насъ полезнымъ. Хотя вы пишете, чтобъ вамъ побыть еще тамъ, пока сеймъ окончится, и хотя это было бы недурно; однако и здѣсь вы надобны для совѣта о нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ дѣлахъ, особенно о шведскихъ, ибо прошла вѣдомость, что Швеція къ Ганноверцамъ пристаетъ: поэтому вамъ долго медлить тамъ нельзя, но возвращайтесь сюда» [17].

Меншиковъ выѣхалъ изъ Митавы, а 28 іюля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ полученъ былъ указъ императрицы: «Понеже нынѣ курляндскія дѣла находятся въ великой конфузіи, и не можемъ знать, кто въ томъ дѣлѣ правъ или виноватъ, того для надлежитъ немедленно освидѣтельствовать и изслѣдовать о поступкахъ тайнаго совѣтника Бестужева, что онъ, будучи въ Курляндіи, все ли по указамъ чинилъ, и потомъ у рейхсмаршала нашего князя Меншикова и у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Долгорукаго взять на письмѣ репорты на указы наши и освидѣтельствовать, что, будучи въ Курляндіи, все ли они тако чинили, какъ тѣ наши указы повелѣвали». Совѣтъ, въ засѣданіи 2 августа, оправдалъ Бестужева; но на другой день императрица сама присутствовала въ Совѣтѣ, и объявила, что по ея мнѣнію Петръ Бестужевъ не безъ вины: указы были посланы съ осмотрѣніемъ, и еслибы по нихъ поступлено было, тобъ ни до чего не дошло. Несмотря однако на это, Екатерина приказала дѣло прекратить. Въ засѣданіи Совѣта 6-го Августа императрица разсуждала о томъ, какъ несостоятельно желаніе свѣтлѣйшаго князя, ея подданнаго, быть герцогомъ курляндскимъ, до чего конечно ни король, ни Поляки допустить не могутъ; поэтому приказала

послать указъ Михайлѣ Бестужеву, чтобъ онъ больше о Меншиковѣ при дворѣ Польскомъ не предлагалъ, но старался о другихъ кандидатахъ, и если Польскій дворъ ихъ не приметъ, то дать на его волю, кого самъ захочетъ, кромѣ Морица и принца гессенъ-кассельскаго [18].

Видѣли, что Меншиковъ раздражилъ Курляндцевъ противъ Россіи и хотѣли изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное свѣтлѣйшимъ, потому что прежде всего хотѣли поддержать въ Курляндцахъ отвращеніе къ слитію съ Польшею. Въ концѣ 1726 года положили отправить въ Митаву генералъ-майора Девьера, которому дали секретную инструкцію: «Надобно вамъ тайнымъ образомъ развѣдать, кто изъ Курляндцевъ желаетъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, и кто этого не желаетъ, кто относится доброжелательно къ Россіи и требуетъ ея покровительства. Надобно вамъ искуснымъ образомъ чины курляндскіе уговаривать, чтобъ они крѣпко стояли при своихъ правахъ, чтобъ быть имъ по прежнему, подъ особымъ своимъ герцогомъ. Доброжелательныхъ Курляндцевъ обнадежьте нашею милостію и прилежно трудитесь всякими способами имъ внушать, чтобъ они и противную партію къ себѣ склоняли, чтобъ всѣ сообща стояли при своихъ правахъ; при этомъ можно раздавать подарки и денежныя дачи; также провѣдайте, нельзя ли склонить къ принятію подарковъ тѣхъ польскихъ вельможъ, которые назначены будутъ въ коммиссію для рѣшенія курляндскаго дѣла; но такъ какъ это дѣло очень деликатное, то поступайте какъ можно осторожнѣе и скрытнѣе. Также развѣдайте о Морицѣ, гдѣ онъ теперь и въ какомъ положеніи находится; постарайтесь съ нимъ повидаться и разузнать обо всѣхъ его намѣреніяхъ, но чтобъ это свиданіе происходило тайнымъ образомъ и не могло возбудить подозрѣнія ни въ Полякахъ, ни въ Курляндцахъ».

10-го генваря 1727 года Девьеръ уже донесъ императрицѣ о своемъ свиданіи съ Морицомъ: «Вчерашняго дня удалось мнѣ видѣть тайно господина Морица, и, сколько могъ я примѣтить, желаетъ онъ сильно быть подъ покровительствомъ вашего величества и во всемъ полагается на вашу волю. Когда случалось въ разговорѣ упоминать о имени вашего величества, то у него изъ глазъ слезы выступали; замѣтивъ это раза два и три, я спросилъ у него: отъ чего это онъ плакать хочетъ? и онъ отвѣчалъ: серд-

це у меня болитъ, что добрые люди обнесли меня государынѣ напрасно; много разъ писалъ я ея величеству, чтобъ быть мнѣ въ Петербургѣ и донести обстоятельно, какъ дѣло было, и какъ насъ обнадеживали. Морицъ хочетъ просить у вашего величества высокой милости и дать такое обѣщаніе въ вѣрности, какое угодно будетъ вашему величеству. А если ваше величество подозрѣваете, что онъ можетъ поступать вопреки интересамъ русскимъ, то это дѣло несбыточное, потому что Курляндцы не обязаны никому помогать, въ этомъ состоитъ ихъ право; да хотя бы и хотѣли, то не могутъ по недостатку средствъ. Морицъ говоритъ о здѣшнемъ герцогѣ, что онъ почти никакой власти не имѣетъ, какъ будто кукла, и Курляндцы не только помогать другимъ, и самихъ себя едва прокормить могутъ.— Здѣшніе дворяне почти всѣ его любятъ и всѣ, въ честь его, носятъ такое же платье, какъ и онъ; онъ ѣздитъ часто къ нимъ по деревнямъ, и дворяне иногда говорятъ между собою въ компаніяхъ: надобно намъ за него умереть.»

Несмотря на это донесеніе Девьера, столь благопріятное для Морица, въ Петербургѣ посмотрѣли иначе на дѣло, принявъ во вниманіе тогдашнія *конъюнктуры*. Здѣсь разсуждали, что дѣло графа Морица, при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, весьма деликатно и небезопасно, вопервыхъ потому, что за него надобно въ ссору вступить съ Рѣчью Посполитою; а русскіе интересы теперь требуютъ, что если уже войны миновать невозможно, то по крайней мѣрѣ надобно стараться, чтобъ она не была на границахъ. Вовторыхъ, въ этой ссорѣ ни откуда ея величеству помощи не будетъ, ниже отъ самого короля польскаго, который ни въ качествѣ польскаго короля, ни въ качествѣ курфирста саксонскаго, съ Рѣчью Посполитою ссориться или намъ противъ нея помогать не можетъ, и до сихъ поръ никакихъ предложеній объ этомъ не сдѣлалъ. Въ-третьихъ, принявши сторону Морица, озлобляемъ короля прусскаго и вовсе его потерять можемъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на сообщеніе, сдѣланное на дняхъ отъ цесарскаго двора о согласіи и обязательствахъ, въ которыхъ будто Морицъ находится съ Англіею, и намѣренъ Англичанамъ отдать одну гавань въ Курляндіи. Вслѣдствіе этого рѣшенія, 21-го генваря императрица велѣла написать Девьеру: «Такъ какъ мы изъ реляцій твоихъ усмотрѣли, что сеймъ отложенъ до

14-го февраля, то, пользуясь этою отсрочкою, пріѣзжайте сюда къ намъ на время, и хотя писалъ къ вамъ нашимъ указомъ тайный совѣтникъ Макаровъ, чтобъ съ извѣстною персоною свиданіе отложить, но такъ какъ мы усмотрѣли изъ вашей реляціи, что свиданіе уже произошло, то быть тому такъ, только впредь свиданія съ нимъ болѣе не имѣйте, и, по возможности, отъ него удаляйтесь, чтобъ больше не нажить подозрѣнія». 4-го февраля написана была новая тайная инструкція Девьеру: «Курляндцевъ продолжайте накрѣпко обнадеживать, что мы имъ всемѣрно будемъ помогать держаться при прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, не упоминая при томъ ни о графѣ Морицѣ, ни о какомъ иномъ кандидатѣ, и эти обнадеживанія можете дѣлать явно и тайно, только словесно, а не письменно. Если Курляндцы будутъ требовать, чтобъ вы объявили имъ намѣреніе Россіи относительно графа Морица, то можно двумъ или тремъ особамъ изъ главныхъ сторонниковъ Морица, которымъ совершенно вѣрить можно, въ самомъ высшемъ секретѣ объявить, что, поспѣшивъ своимъ избраніемъ, самъ онъ виноватъ въ томъ, что Рѣчь Посполитая на послѣднемъ сеймѣ приняла такія жестокія рѣшенія, и если мы станемъ теперь тотчасъ же снова твердить о Морицѣ, то этимъ только раздразнимъ Поляковъ и сами заставимъ ихъ, какъ можно скорѣе, привести въ исполненіе принятыя на сеймѣ рѣшенія. Поэтому надобно сперва стараться какъ-нибудь утишить дѣло, и политическими, умными и умѣренными поступками хотя немного нынѣшнюю ихъ горячность утолить и основательнымъ доказательствомъ правъ курляндскихъ склонить Поляковъ къ тому, чтобъ они отъ своего намѣренія отстали. Такъ какъ герцогъ Фердинандъ еще живъ и до смерти его Полякамъ Курляндіи раздѣлить нельзя, то неприлично теперь частымъ упоминовеніемъ о графѣ Морицѣ съ Рѣчью Посполитою ссориться, отъ чего самому Морицу не только никакой пользы не будетъ, но дѣло его еще больше будетъ испорчено. Надобно Курляндцамъ внушить, чтобъ они на своемъ сеймикѣ теперь о Морицѣ помолчали, и выборовъ его не подтверждали и не уничтожали. Можете двумъ или тремъ особамъ секретно дать знать, что естественно и необходимо напередъ тайно согласиться о графѣ Морицѣ съ королемъ польскимъ и принимать съ нимъ въ этомъ дѣлѣ мѣры сообща». [19]

Итакъ курляндское дѣло могло рѣшиться только въ Польшѣ,

съ которою въ Петербургѣ не хотѣли ссориться въ виду опасностей отъ ганноверскаго союза. Бестужевъ, по прибытіи своемъ въ Варшаву, долженъ былъ объявить королю, что «императрицѣ извѣстно его желаніе доставить Курляндію принцу Морицу; но пусть онъ самъ разсудитъ, что наибольшая часть Рѣчи Посполитой этому сильно противится, и потому озлобится не только на него, но и на Россію; что будетъ сильно озлобленъ и король прусскій, ибо извѣстно, что покойный императоръ заключилъ съ нимъ договоръ насчетъ передачи Курляндіи одному изъ бранденбургскихъ принцевъ; и хотя императрица, въ угодность его королевскому величеству польскому, объ исполненіи этого договора старанія прилагать не будетъ, однако не можетъ согласиться и на избраніе принца Морица, для избѣжанія ссоры съ королемъ прусскимъ. Императрица имѣла зрѣлое разсужденіе, избирала изо всѣхъ принцевъ, кто бы не былъ никому противенъ, и особенно его королевскому величеству польскому, и никого не имѣла найти удобнѣе свѣтлѣйшаго князя Меншикова, который ни съ какими другими посторонними державами не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ, его королевскому величеству и никакому другому государю противенъ быть не можетъ. Поэтому ся императорское величество повелѣла ему, Бестужеву, просить его королевское величество, чтобъ онъ, по дружбѣ, показалъ свое снисхожденіе, и также склонилъ Рѣчь Посполитую на избраніе князя Меншикова, который всегда пользовался особенною его королевскою милостію и во всѣхъ случаяхъ показывалъ къ нему особенное благоговѣніе, а получа новое благодѣяніе, останется вѣчно благодаренъ; императрица также, съ своей стороны, можетъ показать всевозможную склонность относительно другихъ намѣреній королевскихъ».—Бестужевъ долженъ былъ склонять къ тому же и сына Августа II, наслѣднаго принца саксонскаго, давши ему искуснымъ образомъ знать, что Россія за то можетъ быть ему полезна въ его честолюбивыхъ интересахъ. Съ подобными же предложеніями Бестужевъ долженъ былъ обратиться и къ саксонскимъ министрамъ, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ короля. Вельможамъ польскимъ Бестужевъ долженъ былъ объявить, что Россія никакъ не можетъ допустить до раздѣленія Курляндіи на воеводства; Курляндія должна остаться въ прежнемъ положеніи; но такъ какъ Рѣчи Посполитой не можетъ нравиться, чтобъ

курляндскимъ герцогомъ былъ принцъ саксонскій или бранденбургскій, то Русскій дворъ и предлагаетъ князя Меншикова, который оказалъ великія услуги какъ Россіи, такъ и Польшѣ; кромѣ того по владѣніямъ своимъ въ Польшѣ онъ польскій шляхтичъ, и въ этомъ званіи всегда будетъ стараться о благополучіи Рѣчи Посполитой, которой пріятно и полезно, если на престолъ курляндскій сядетъ кто-нибудь изъ ея шляхтичей. Если ни король, ни польскіе вельможи не примутъ этого предложенія, то предложить въ кандидаты двоюроднаго брата герцога голштинскаго; если не согласятся и на это, то одного изъ князей гессенъ-гомбургскихъ.

Король на предложенія Бестужева о Меншиковѣ отвѣчалъ: «Все то, что со стороны ея величества мнѣ приходитъ, очень мнѣ пріятно»,—и болѣе ни слова. Вельможи польскіе отговорились тѣмъ, что дѣло можетъ рѣшиться только на сеймѣ, который скоро долженъ собраться въ Гроднѣ. 3 августа 1726 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили отправить въ Польшу на гродненскій сеймъ Ягужинскаго, который привыкъ при Петрѣ исполнять важныя дипломатическія порученія. Мы видѣли, что уже и къ Бестужеву былъ отправленъ указъ не хлопотать болѣе о Меншиковѣ; теперь Ягужинскому было наказано: «Всевозможные труды прилагать, дабы Рѣчь Посполитую не допустить до вредныхъ для Россіи предпріятій относительно Курляндіи; особенно не допустить до раздѣла Курляндіи на воеводства, также до утвержденія принца Морица и до избранія принца гессенъ-кассельскаго, и въ необходимомъ случаѣ стараться сеймъ разорвать; со стороны ея величества представлять кандидатовъ прежнихъ, кромѣ князя Меншикова; если же Польскій дворъ ни на одного изъ кандидатовъ не согласится, то дать на волю, пусть выберутъ кого хотятъ, толькобъ не Морица и не принца гессенъ-кассельскаго. Ягужинскій отправился прямо на сеймъ, и 26 сентября писалъ изъ Гродна: «Я представлялъ польскимъ министрамъ, что государственныя причины не позволятъ сосѣднимъ державамъ согласиться на перемѣны въ курляндскомъ устройствѣ; пусть дѣлаютъ кого хотятъ герцогомъ, только не Морица; но Поляки упрямятся и потому единственное средство помѣшать дѣлу—это порвать сеймъ.» Черезъ мѣсяцъ онъ доносилъ: «Неизвѣстно, чѣмъ кончится настоящій сеймъ: шестая уже недѣля, какъ онъ продолжается, и дѣла никакого не сдѣлано, только безпрестанный крикъ и сочиненія раз-

ныхъ проектовъ о Курляндіи; заводчикъ часовъ, бискупъ краковскій Шанявскій, который не только курляндское дѣло ведетъ со всею горячностію, но и въ диссидентскомъ дѣлѣ неусыпно трудится, т.-е. хлопочетъ объ искорененіи диссидентовъ. Я, сколько смысла и силы имѣлъ, мѣшалъ всѣмъ этимъ предпріятіямъ и не безъ нѣкотораго успѣха: благодаря разнымъ затрудненіямъ сеймъ затянулся, не сдѣлавши ни малѣйшаго дѣла, и подозрѣваютъ, что я виновникъ этого. Какъ бы то ни было, никакого основанія въ курляндскомъ дѣлѣ еще не положено, и хотя король манитъ Рѣчь Посполитую обѣщаніями выдать всѣ оригинальные документы о Курляндіи и не защищать Морица, однако все ограничивается одними обѣщаніями. Король дѣйствительно былъ уже намѣренъ выдать оригинальные документы насчетъ Морицова избранія; но пріятельницы Морица, находящіяся при королѣ, именно, жена маршалка Бѣлинская и гетманша Потѣиха слезно просили короля, чтобъ удержался отъ выдачи документовъ, въ противномъ слулаѣ получитъ дурную славу во всемъ свѣтѣ, а на споры и шумъ Поляковъ смотрѣть нечего: пошумятъ и перестанутъ. Съ другой стороны, Рѣчь Посполитая твердо стоитъ на томъ, чтобъ Морица выслать не только изъ Курляндіи, но и изъ Польши; въ Курляндію хотятъ послать коммиссію судить Курляндцевъ; сверхъ того на послѣдней сессіи подконюшій литовскій предлагалъ послать депутацію къ послу французскому и объявить Морица безчестнымъ, чтобъ онъ не былъ терпимъ и во Франціи, гдѣ имѣетъ полкъ и доходъ. Королевскіе сторонники въ посольской избѣ обнадеживаютъ Поляковъ, что король все курляндское дѣло и Морица выдастъ Рѣчи Посполитой, пусть что съ ними хочетъ, то и сдѣлаетъ, и этимъ средствомъ они достигаютъ того, что сеймъ не рвется; также стараются привести пословъ въ соединеніе съ сенаторскою избою, гдѣ надѣются все по своему желанію сдѣлать. Здѣшнія дамы къ сибирскимъ (т.-е. китайскимъ) шелкамъ большую охоту имѣютъ, и потому не худо было бы прислать сюда нѣсколько, также и мѣховъ лисьихъ, горностаевыхъ и овчинныхъ. Что же касается до короля, то онъ великій охотникъ до завѣсовъ китайскихъ и всякихъ обоевъ персидскихъ, и потому нужно и такихъ вещей сюда нѣсколько прислать. Безстыдный воевода троцкій, Огинскій безпрестанно, какъ только со мною увидится, спрашиваетъ, не пришли ли ко мнѣ мѣха, и удивляется,

что ея величество позабыла объ немъ; я отговариваюсь однимъ, что сибирскіе караваны всегда зимою приходятъ, и теперь еще не пришли.»

Сеймъ кончился 30 октября; назначена была коммиссія о Курляндіи изъ бискупа варминскаго Шембека, воеводы полоцкаго Денгофа, воеводы мазовецкаго Хоментовскаго, воеводы троцкаго Огинскаго; коммиссары должны были договариваться съ Курляндцами насчетъ будущей формы правленія у нихъ. Король кассировалъ выборы Морица и выдалъ оригинальныя бумаги, относящіяся къ этому дѣлу. Король уступилъ, чтобъ склонить Поляковъ къ утвержденію стараго договора съ цесаремъ; но Поляки позволили только вступить въ переговоры съ цесарскимъ посломъ и принять дѣло къ рѣшенію на будущій сеймъ. Было сдѣлано другое предложеніе, о вступленіи въ переговоры со Шведами, и многіе депутаты закричали, что согласны; но другіе объявили, что хотя желаютъ всегда быть въ дружбѣ съ Швеціею, но такъ какъ шведскаго министра въ Польшѣ не находится, то они не могутъ понять, откуда можетъ произойти такое предложеніе? Дѣло этимъ и остановилось. Возбуждено было подозрѣніе, что короли польскій и шведскій находятся другъ съ другомъ въ тайныхъ сношеніяхъ и посредникомъ употребляютъ литовскаго подскарбія Понятовскаго, шведскаго приверженца въ прошлую войну. Ягужинскій былъ увѣренъ въ тайныхъ соглашеніяхъ между двумя королями, тѣмъ болѣе, что со стороны Августа II-го не видалъ никакого расположенія къ Россіи. Когда посолъ хотѣлъ вывѣдать намѣреніе короля относительно курляндскаго дѣла, то Августъ отвѣчалъ ему: «Я не могу тутъ ничего ни сдѣлать, ни присовѣтовать, потому что какъ только Поляки подмѣтятъ мое желаніе, противное ихъ намѣренію, то не миновать конфедераціи; я былъ бы радъ, еслибы Морицъ получилъ помощь отъ Россіи; я сталъ бы помогать подъ рукою, по возможности.» Дальнѣйшей откровенности Ягужинскій не могъ добиться, а генералъ Флюгъ, съ которымъ онъ свелъ дружбу, сказалъ ему подъ секретомъ, что когда король у себя разговаривалъ о Россіи, то сказалъ: «Я не вѣрю Русскимъ.» Въ это время Ягужинскій получаетъ письмо отъ Анны, герцогини курляндской: «Какъ здѣсь слышу, что курляндское дѣло въ Польшѣ весьма худо идетъ, и Поляки комисію сюда отправлять хотятъ для щету моихъ деревень и моей претензіи, и ежели

до того допущено было, тобъ великое предосужденіе россійскимъ интересомъ было, также слышно, что князю Фердинанту хотятъ лёнъ дать, и то также противъ россійскихъ интересовъ, изъ чего здѣшняя земля въ великую канфузію и въ диширацію приходитъ, и то все дѣлаетца чрезъ здѣшнихъ плутовъ Костюшки іофемберховой фамиліи и Буххольца и Рацкова, которымъ предстатель великой канцлеръ Шамбекъ; я васъ прилѣжно прошу, пріискавъ къ тому удобные способы, до того не допустить, а паче до отправленія сюда камисіи, чѣмъ меня во вѣки одолжите, и за что, доколѣ жива вашу любовь буду въ памяти имѣть и пребываю вамъ всегда доброжелательна Анна.»

И въ Петербургѣ желали того же самаго; но легко было написать: «пріискавъ къ тому удобные способы, до того не допустить», трудно было исполнить. Ягужинскій видѣлъ, что единственное средство сдержать Поляковъ, это дѣйствовать рѣшительно, дѣйствовать, а не говоритъ только; но въ Петербургѣ были озабочены ганноверскимъ союзомъ, дѣлами шведскими, и не хотѣли дѣйствовать по курляндскому дѣлу, чтобъ не поссориться съ Поляками. Девьеръ писалъ Макарову изъ Митавы: «Извольте объявить ея величеству, чтобъ изволили сильное стараніе имѣть при Польскомъ дворѣ о курляндскихъ дѣлахъ, потому что безъ того ничему доброму сдѣлаться нельзя. Хотя Курляндцы истиннымъ сердцемъ хотятъ стоять при своихъ правахъ, однако принуждены требовать помощи ея величества, а безъ того держаться не могутъ по своему безсилію. Если отъ нашего двора не будетъ сильнаго старанія о томъ, чтобъ не допустить Курляндію до раздѣла или присоединенія къ коронѣ Польской, то Курляндцы принуждены будутъ отдаться въ волю Полякамъ; пословица говоритъ: сила солому ломитъ, а другая: съ сильнымъ не дерись, съ богатымъ не тяжись: такъ и въ ихъ дѣлахъ курляндскихъ, если не будетъ на кого имъ опереться, то они будутъ принуждены поступать по волѣ короны Польской. О вышеупомянутомъ дѣлѣ извольте ея величество предостерегать, чтобъ осторожно въ томъ дѣлѣ были, чтобъ не допустить до ссоры; а если допустить до ссоры, то изволите видѣть, въ какомъ состояніи наше государство. Какъ видно наши министры на сеймѣ никакого старанія о Курляндіи не имѣли, а еслибъ имѣли, тобъ никогда корона Польская не рѣшилась дѣлать того, что на сеймѣ положили.» Это

требованіе—дѣйствовать рѣшительно, какъ дѣйствовали при Петрѣ, и въ то же время уклоняться отъ ссоры—ставило Ягужинскаго въ непріятное положеніе, сердило его. Въ раздраженіи онъ написалъ слѣдующее письмо къ Макарову, 7 января 1727 года: «Въ курляндскомъ дѣлѣ здѣсь у Поляковъ никакими мѣрами ничего исходатайствовать нельзя, и хотя умные люди между ними разсуждаютъ, что силою не могутъ одолѣть, если Курляндцы хотя одни, сами собою заупрямятся, но все хотятъ попытаться: можетъ быть и удастся! Мы, съ своей стороны, должны Курляндцевъ обнадеживать, что будемъ защищать ихъ права, но при этомъ мы не должны ихъ пугать, ибо въ этомъ дѣлѣ остался только одинъ, ласковый способъ. Приходится дѣйствовать однимъ, потому что на прусскаго короля нѣтъ надежды, скорѣе надобно ожидать тайнаго согласія съ Поляками. Король польскій еще боленъ и раньше трехъ недѣль сюда не пріѣдетъ; между тѣмъ вольница польская всѣ по деревнямъ живутъ и до прибытія королевскаго мало ихъ съѣдется. Флемингъ также умиралъ, а теперь оба, и король и Флемингъ ожили, и когда съѣдутся, будетъ назначена конференція, а что на ней произойдетъ, о томъ можете узнать отъ бывшаго при здѣшнемъ дворѣ министра, князя Долгорукова, ибо уже нѣсколько лѣтъ сряду всѣмъ нашимъ министрамъ дается одинъ отвѣтъ. Но если такихъ бывалыхъ и искусныхъ людей ни съ чѣмъ отправляли, то мнѣ нечего ждать. Я неоднократно доносилъ, ясно изобразивъ все дѣло, и удивляюсь, что до сихъ поръ не присылаютъ мнѣ никакого указу, какъ далѣе поступать, а по данной мнѣ инструкціи больше дѣлать нечего, ибо Поляки, видя только наши словесныя представленія, и не опасаясь никакого дѣйствія, не могутъ быть приведены къ резону. Хотябъ велѣно было мнѣ говорить въ прибавку, что если не отмѣнятъ своего рѣшенія, то силою будемъ ихъ удерживать и коммиссаровъ въ Курляндію не пустимъ. Такъ поступаетъ съ ними цесарь: если Поляки не дадутъ удовлетворенія за пограничныя обиды, то онъ пошлетъ полкъ или два въ тѣ мѣста, гдѣ была сдѣлана обида, и сдѣлаетъ самъ себѣ удовлетвореніе; не теперь, а современемъ не миновать и съ нашей стороны того же. Князь Иванъ Юрьевичъ (Трубецкой) пишетъ ко мнѣ изъ Кіева, чтобъ я жаловался здѣсь на тамошнія обиды, которыя становятся нестерпимы; но здѣсь жалобами можно достигнуть только того, что назначатъ коммиссаровъ для

развода пограничныхъ ссоръ, а когда съѣдутся—Богъ вѣсть; а между тѣмъ обиды дѣлаются по прежнему. Къ тому же въ нашихъ пограничныхъ дѣлахъ заинтересованъ каждый шляхтичъ, ибо наши бѣглые Русскіе почти у каждаго есть, и церквей греческаго исповѣданія множество въ шляхетскихъ имѣніяхъ: то кто заставитъ ихъ добровольно выдать бѣглыхъ? поневолѣ надобно будетъ послѣдовать примѣру цесаря. Изволили вы упоминать о русскомъ орденѣ для Мантейфеля; но онъ ему не надобенъ, потому что уже польскую ленту носитъ, да и Флемингъ никакой другой не носитъ, кромѣ польской; къ тому же ни Мантейфеля ни Флеминга лентами не склонить на нашу сторону, ибо старый противный духъ еще въ нихъ находится, и еслибы Саксонцы не боялись насъ, то давно бы въ ганноверскій союзъ стали склоняться. Впрочемъ оставляю это въ глубочайшее разсужденіе другимъ, *которые только любятъ поперекъ въѣзжать, зная и не зная состоянія дѣлъ.*»

Въ мартѣ 1727 года пріѣхалъ въ Варшаву курляндскій депутатъ Медемъ съ просьбою отъ Курляндцевъ, чтобъ ихъ оставили при прежнихъ правахъ и никакой коммиссіи о перемѣнѣ ихъ правленія не было бы. Когда эта просьба была прочтена въ совѣтѣ, собранномъ у примаса Потоцкаго, то всѣ присутствовавшіе единогласно закричали, что такого бунтовщика и присланнаго отъ бунтовщиковъ надобно взять подъ стражу и судить, что и было исполнено. «Мы, писали Ягужинскій и Бестужевъ, при такомъ ихъ дикомъ поступкѣ, не знаемъ что̀ дѣлать: если прямо вступиться въ дѣло, то ихъ пуще разъяришь; если же дать имъ волю, то пуще загордятся. Будемъ смотрѣть, какъ лучше поступить. Что касается до отправленія коммиссіи въ Курляндію, то гетманы послали уже третьи подтвердительные указы къ войску, чтобъ готово было къ маю: войско станетъ у границъ курляндскихъ, чтобъ войти въ эту страну по первому требованію коммиссаровъ. Хотя это грозное войско и не очень опасно, потому что не велико; однако если имъ позволить отправить свою коммиссію, то легко могутъ осмѣлиться сыграть торнскую трагедію: дѣло зависитъ отъ мудраго расположенія вашего величества и отъ милостивой защиты бѣдной Курляндіи. О раздѣленіи Курляндіи на воеводства Поляки больше не думаютъ, хотятъ оставить правительство нѣмецкое, только не хотятъ слышать объ избраніи

новаго герцога. На наши представленія въ пользу Курляндіи одинъ жестокій отвѣтъ, что мы въ ихъ домашнія дѣла не имѣемъ права мѣшаться. Отъ другихъ министровъ помощи никакой не имѣемъ [20].»

Ягужинскій не утерпѣлъ, чтобъ не задѣть Меншикова, который «въѣхалъ поперекъ» въ курляндское дѣло. Были обвиненія и на Ягужинскаго: до насъ дошло слѣдующее любопытное письмо Михайлы Бестужева къ сестрѣ, княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ Волконской: «Изъ вашего письма увѣдомился я, что Свѣчниковъ, по приказу Павла Ивановича (Ягужинскаго), старается, чтобъ Голембовскому быть здѣсь въ Польшѣ резидентомъ, и что уже о томъ Свѣчниковъ Алексѣю Васильевичу (Макарову) говорилъ. Я даю на разсужденіе, сходно ли это съ интересомъ нашимъ, чтобъ Поляку быть министромъ въ Польшѣ, и какъ можно ему дѣла повѣрить? Можно Поляку быть нашимъ министромъ при другомъ дворѣ, какъ Ланчинскій въ Вѣнѣ, а не при Польскомъ. Злясь на то, что его здѣсь не оставили, о чемъ его стараніе было, онъ хочетъ, чтобъ и мнѣ не быть, и рекомендуетъ такого человѣка, которому быть нельзя. Къ тому же у Голембовскаго не тѣ поступки и не тѣ ухватки, какіе слѣдуетъ министру имѣть. Сію цедулку можете показать Антону Мануйловичу (Девьеру) и всячески до того не допускать, представляя означенные резоны. Павелъ все сватаетъ дочь свою за Поляковъ, а изъ Москвы велѣлъ себѣ привезти всякаго запасу и на продажу китайскихъ вещей и мѣховъ, въ той надеждѣ, что ему здѣсь остаться. Усмотрѣлъ я, что Свѣчниковъ Макарову говорилъ отъ Павла о Голембовскомъ, чтобъ ему въ Польшѣ резидентомъ быть; не извольте этого допускать для того: какъ Поляку въ Польшѣ дѣла повѣрить? И такъ Павелъ худо дѣлалъ, что ему все открывалъ; я объ этомъ уже къ вамъ писалъ, какъ скоро провѣдалъ, что Павелъ приказалъ Свѣчникову о немъ стараться. О поѣздкѣ моей за королемъ надобно умолчать: я для того писалъ, думалъ, что Павла оставятъ здѣсь; а теперь, такъ какъ онъ поѣдетъ отсюда, то надобно умолчать; развѣ сами повелятъ ѣхать, и на то надобны деньги. Можешь узнать дружбу ко мнѣ Павлову изъ того: Голембовскаго хотѣлъ сдѣлать резидентомъ, а о себѣ писалъ къ тестю своему (канцлеру Головкину), чтобъ ему здѣсь остаться, а меня бы копнуть. Онъ же будучи пьянъ, одному саксонскому министру говорилъ, чтобъ ему король далъ здѣсь староство: «я-де здѣсь ос-

танусь, а въ Россію нынѣ не поѣду», и разныхъ другихъ рѣчей множество болтаетъ, какъ напьется пьянъ, что мерзко слышать: не только министру не прилично такъ говорить, но и простому человѣку не слѣдуетъ; однимъ словомъ сказать: человѣкъ этотъ совсѣмъ плохъ, я чаялъ въ немъ больше пути и дѣла; Антонъ Мануиловичъ (Девьеръ) справедливо объ немъ разсуждаетъ: истинно я въ немъ чаялъ больше проку, а теперь вижу, что просто вѣтреница, что ни говоритъ—слушать нечего. Намъ онъ пріятелемъ не будетъ, извольте въ этомъ свои мѣры взять. Онъ писалъ о секретарѣ Голембовскомъ, который находится при мнѣ, чтобъ его сдѣлать здѣсь резидентомъ; но такъ какъ этотъ секретарь Полякъ родомъ, и ему одному повѣрить дѣлъ здѣсь нельзя, то Ягужинскому какъ полномочному здѣсь быть и другому съ нимъ. Этотъ секретарь Голембовскій не такой человѣкъ, чтобъ ему министромъ быть, Богъ его такимъ не сдѣлалъ, и онъ, кромѣ языка, не только въ резиденты, и въ секретари не годится. Онъ Ягужинскому угождаетъ сватаньемъ дочери его за Поляковъ, также и племянницу его, Ивана Головкина дочь; и такъ какъ Павелъ сдѣлалъ Ланчинскаго Поляка министромъ въ Вѣнѣ, то и этотъ того же отъ него хочетъ. Правда, что Ланчинскій въ дѣло годится, притомъ же онъ при нѣмецкомъ дворѣ; а Полякъ при польскомъ дворѣ опасенъ, хотя бы и годился, и нельзя его пускать во всѣ письма глядѣть, какъ Павелъ дѣлалъ, а я до того не допускалъ. Изволь объ этомъ съ Антономъ Мануиловичемъ въ конфиденціи поговорить, чтобъ никакъ до этого не допустить. Также Павелъ писалъ къ Макарову, чтобъ домогаться о голубой лентѣ Лосу, который у насъ прежде посланникомъ былъ, да другому, оберъ-шталмейстеру королевскому: кстати ли это? Король имъ и своей ленты не дастъ, которая не въ такомъ почтеніи какъ наша; развѣ красную ленту—то пусть даютъ. Павелъ только хочетъ чрезъ это показать силу свою, будто онъ у насъ при дворѣ силенъ. Объ этомъ также скажи Антону Мануиловичу, чтобъ не допустить» [21]. Девьеръ долженъ былъ взять свои мѣры, и взялъ; 21 генваря 1727 года онъ писалъ императрицѣ изъ Митавы: «Сказано мнѣ за тайну оберъ-ратами, что министръ вашего величества при Польскомъ дворѣ будто бы никакого старанія о курляндскомъ дѣлѣ не имѣетъ, и будто подъ рукой Полякамъ говоритъ, чтобъ они никакого опасенія не имѣли, потому что ваше

императорское величество въ курляндскомъ дѣлѣ никакого имъ помѣшательства дѣлать не соизволите, и хотя я во всемъ имъ не вѣрю, однако бѣшенство его что-нибудь можетъ сдѣлать» [22].

Девьеръ бездоказательно обвинялъ Ягужинскаго въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ Польшѣ вопреки русскимъ интересамъ; то же обвиненіе легло на Меншикова въ шведскихъ дѣлахъ, и легло съ доказательствами.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго мы оставили въ Стокгольмѣ представителемъ Россіи Мих. Петр. Бестужева. Увѣдомляя графа Головкина о разнесшейся по городу вѣсти о кончинѣ Петра, Бестужевъ писалъ: «Доброжелательные и добрые патріоты отъ всего сердца опечалились, а я въ такую алтерацію и конфузію пришелъ, что не могу опомнитьея и лихорадку получилъ; однако черезъ силу ко двору ѣздилъ и увидалъ короля и его партизановъ въ немалой радости». Новой государынѣ Бестужевъ писалъ: «Дворъ сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла ниспровергнутся; но когда узнали, что ваше величество вступили на престолъ и все окончилось тихо, то придворныя стали ходить повѣся носъ: такимъ образомъ этотъ случай открылъ сердца многихъ людей. Намѣреніе здѣшняго двора было въ мутной водѣ рыбу ловить; надѣялись, что герцогъ голштинскій принужденъ будетъ выѣхать изъ Россіи, отъ которой не будетъ имѣть болѣе поддержки, и тутъ можно будетъ вести кассельскія интриги и умножать свою партію. Эта надежда превратилась въ дымъ вступленіемъ на престолъ вашего величества; партія герцога голштинскаго здѣсь теперь не уменьшится: только при нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно ее ласкать, а враговъ приводить на истинный путь умнымъ и пріятнымъ обхожденіемъ».

Шведскимъ посломъ къ Петербургскому двору, кромѣ прежняго Цедеркрейца, назначенъ былъ одинъ изъ голштинской партіи, баронъ Цедергельмъ. Бестужевъ просился пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, чтобъ участвовать непосредственно въ переговорахъ и получить подробнѣйшую инструкцію. Это ему было дозволено; но потомъ Бестужевъ уже не возвращался въ Стокгольмъ. Объясненіемъ этому служатъ отношенія его къ голштинскому министру въ Швеціи Рейхелю, зятю Бассевича; передъ отъѣздомъ, въ домѣ Цедергельма, Рейхель подошелъ къ Бестужеву и

началъ его упрекать во враждѣ къ нему, въ желаніи удалить его изъ Стокгольма и въ неблагодарности, потому что своимъ настоящимъ положеніемъ Бестужевъ былъ обязанъ тестю его Бассевичу; въ заключеніе разговора Рейхель вызвалъ Бестужева на дуель. Шведскіе вельможи потушили дѣло, помирили Рейхеля съ Бестужевымъ; несмотря на то, послѣдній писалъ своему *патрону* Остерману, чтобъ онъ постарался до его пріѣзда въ Петербургъ, утушить злобу Бассевича. Но злоба не была утушена: 7 августа 1725 года въ тайномъ совѣтѣ, держанномъ въ иностранной коллегіи, Бассевичъ подалъ меморіалъ, чтобъ Бестужева въ Швецію не посылать и что герцогъ уже доносилъ объ этомъ императрицѣ.

Вмѣсто Бестужева въ Стокгольмъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ флотскій капитанъ графъ Николай Головинъ. Новый посланникъ далъ знать, что виднѣе всѣхъ вельможъ въ Швеціи графъ Горнъ, человѣкъ великаго ума, и его нужно всевозможными средствами уловлять въ русскую партію. Въ сентябрѣ 1725 года Головинъ далъ знать, что вѣрные друзья предлагаютъ усилить ревельскій флотъ, что должно произвести впечатлѣніе и помѣшать ганноверскимъ интригамъ; а между тѣмъ въ Стокгольмѣ уже распускались слухи, что герцогъ голштинскій скоро явится въ Швеціи съ русскимъ войскомъ для занятія престола. Въ декабрѣ Головинъ доносилъ, что часто происходятъ тайныя конференціи у короля съ министрами французскимъ и англійскимъ, въ которыхъ бываетъ иногда графъ Горнъ или гофмаршалъ Дибенъ: «Имѣю подозрѣніе, писалъ Головинъ, что эти конференціи идутъ о славнѣйшей ганноверской алліанціи, въ которую нынѣ призывается Швеція». Въ конференціи съ коммиссарами сената министры французскій и англійскій явно предлагали Швеціи союзъ. Предложеніе перешло изъ коммиссіи въ сенатъ, при чемъ поданы были письменные протесты отъ сенаторовъ Тесина, Велинга и Гилленборга.

1726 годъ Головинъ началъ извѣщеніемъ, что доброжелательные обнадеживаютъ его, что не допустятъ правительство свое приступить къ ганноверскому союзу; но французскій и англійскій министры деньгами привлекаютъ многихъ на свою сторону и разглашаютъ, что король и его партія дали имъ твердое обѣщаніе, что Швеція приступитъ къ ганноверскому союзу; посредствомъ денегъ и подарковъ; знаютъ они все, что происходитъ ежедневно

въ Стокгольмѣ. 15 февраля графъ Горнъ объявилъ Головину указомъ отъ короля и сената, что въ сенатѣ принято рѣшеніе продолжать конференціи о ганноверскомъ союзѣ и выслушивать дальнѣйшія предложенія министровъ англійскаго и французскаго, и обѣщалъ сообщить, что будетъ постановлено на этихъ конференціяхъ. Въ сенатѣ же принято было рѣшеніе не упоминать въ конференціяхъ о возвращеніи Шлезвига герцогу голштинскому до окончанія перегеворовъ: при этомъ большинство голосовъ въ сенатѣ оказалось у королевской партіи. Несмотря на то доброжелательные продолжали увѣрять, что Швеція никогда не приступитъ къ ганноверскому союзу; а баронъ Гепкинъ ручался, что изъ конференціи ничего не выйдетъ и просилъ Головина писать объ этомъ императрицѣ. Въ апрѣлѣ графъ Горнъ прислалъ въ сенатъ письмо, присланное къ нему изъ Петербурга отъ шведскаго посланника при тамошнемъ дворѣ, Цедеркрейца. Цедеркрейцъ извѣщалъ о разговорѣ своемъ съ Бассевичемъ, который будто бы сказалъ ему, что если шведское правительство будетъ дѣйствовать вопреки интересамъ герцога голштинскаго, то Россія пошлетъ къ берегамъ Швеціи галерный флотъ съ 30,000 войска. Письмо произвело сильное дѣйствіе, и въ сенатѣ состоялось рѣшеніе послать инженеровъ во всѣ крѣпости и осмотрѣть ихъ, а король предложилъ привести въ движеніе полки и дѣлать другія военныя приготовленія. Вмѣсто русскаго галернаго флота явилась англійская эскадра, и члены королевской партіи принялись говорить, что эта эскадра спасла Швецію отъ нашествія Русскихъ.

Въ концѣ іюня въ сенатѣ происходила подача голосовъ по вопросу, приступать ли Швеціи къ ганноверскому союзу или нѣтъ? Въ пользу утвердительнаго отвѣта подали голоса графы Горнъ, Таубе, Делагарди, Екиблатъ, Ливенъ, Банеръ, Шпаръ и два королевскихъ голоса; за отрицательный отвѣтъ объявили себя графы: Кронгельмъ, Тессинъ, Дикеръ, Гилленборгъ, Лагербергъ, старый Горнъ и баронъ Цедергельмъ, возвратившійся изъ Петербурга. Вслѣдствіе такого отношенія голосовъ дѣло было оставлено. Несмотря на то, въ іюлѣ Головинъ доносилъ, что, благодаря англійскимъ деньгамъ, королевская партія усиливается, и по всѣмъ обстоятельствамъ можно видѣть, что графъ Горнъ, прежде созванія сейма, постарается ввести Швецію въ ганноверскій союзъ. Горнъ прямо объявилъ Головину, что король и сенатъ давно уже при-

няли намѣреніе приступить къ ганноверскому союзу и приведутъ это въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ; и когда Головинъ замѣтилъ ему, что императрица въ такомъ случаѣ должна принимать свои мѣры, то онъ отвѣчалъ, что русская государыня можетъ принимать мѣры, какія ей угодно, а Швеція имѣетъ право входить въ договоры съ державами, смотря по единству интересовъ, и въ настоящемъ случаѣ новыя обязательства Швеціи не находятся въ противорѣчіи съ прежними ея обязательствами относительно Россіи. Наконецъ въ сенатѣ принято было рѣшеніе приступить къ ганноверскому союзу, и теперь доброжелательные начали утѣшать Головина тѣмъ, что сеймъ не согласится на это рѣшеніе.

Въ сентябрѣ собранъ сеймъ, и, не смотря на увѣренія благонамѣренныхъ, что русская партія сильнѣе, предсѣдателемъ сейма или ландмаршаломъ былъ избранъ графъ Горнъ. Головинъ приписывалъ это торжество противной партіи раздачѣ большихъ суммъ, «а которымъ отъ меня дачи происходили, писалъ онъ, и тѣ всѣ зѣло твердо и непоколебимо спорили». Головинъ доносилъ, что при этихъ выборахъ ни одного знатнаго лица не было на сторонѣ Горна, дало перевѣсъ мелкое шляхетство и офицерство, подкупленное деньгами, и еслибы извѣстная сумма пришла изъ Россіи мѣсяцемъ прежде, то большую часть офицерства и дворянства можно было бы склонить къ русской партіи. Потерпѣвши неудачу въ дворянскомъ сословіи, Головинъ обратился къ купеческому, которому далъ нѣкоторую сумму и обѣщалъ большую; купцы обѣщали склонить сословіе духовное и крестьянское; вся эта вербовка депутатовъ, по расчету Головина, не должна была стать дороже 5000 червонныхъ. Герцогъ голштинскій писалъ къ своему министру въ Стокгольмъ, чтобъ выдалъ генералъ-майору Стаалю 500 рублей на раздачу мелкому дворянству и офицерству; но у голштинскаго министра не было денегъ, и Головинъ счелъ полезнымъ выдать 500 рублей своихъ [23].

Видя такое затруднительное положеніе дѣлъ въ Петербургѣ, рѣшили отправить въ Стокгольмъ искуснѣйшаго дипломата, князя Василія Лукича Долгорукаго, какъ скоро онъ возвратится изъ Курляндіи; разсуждали, что надобно дѣйствовать подкупами, если же не удастся, то сильно протестовать. Въ засѣданіи Тайнаго Совѣта 6 августа опредѣлено послать въ Швецію вексель въ 20.000

рублей на раздачу шляхетству и другимъ мелкимъ персонамъ, которыя скудны, а силу имѣютъ, а прочимъ главнымъ обѣщать знатные подарки, если они сдѣлаютъ по желанію Русскаго двора. Князю Долгорукову опредѣлено давать по 100 рублей на день; на ливрею и экипажъ отпустить 11.000 рублей, отпустить обои на одну комнату, сервизъ серебряный. Императрица отъ себя обѣщала отпустить портретъ свой и разныхъ винъ, также балдахинъ, тотъ самый, который былъ въ Академіи, когда императрица недавно тамъ присутствовала, «разсуждать изволила, что не надобно робко съ Швеціею поступать» [24].

Князь Василій Лукичъ нашелъ въ Стокгольмѣ два враждебныхъ лагеря одинъ противъ другаго: одна партія тянула Швецію въ ганноверскій союзъ, другая, *доброжелательная* въ глазахъ русскаго посланника, не хотѣла этого союза. Сначала могло казаться, что силы обѣихъ партій находятся въ равновѣсіи; но скоро опытный дипломатъ началъ удостовѣряться, что «доброжелательные» слабѣе. Однимъ изъ самыхъ доброжелательныхъ былъ Цедергельмъ; но онъ показался Долгорукому «человѣкомъ остроты не пущей», какъ называютъ добрымъ человѣкомъ; Гепкинъ оказался поострѣе; съ Велингомъ нельзя было говорить ни о какомъ дѣлѣ, потому что къ нему приставлены были два офицера: онъ былъ обвиненъ королемъ въ томъ, что въ 1722 году побуждалъ его занять у прусскаго короля деньги и заложить островъ Вольгастъ. «Говорятъ, писалъ Долгорукій, что острѣе всѣхъ здѣсь графъ Горнъ, только я его еще не видалъ, а изъ доброжелательныхъ никого нѣтъ большой остроты; королева здѣшняя, какъ говорятъ, русскаго народа очень не любитъ». 25 ноября Долгорукій писалъ: «Третьяго дня мнѣ сказано, что король въ тотъ самый день говорилъ одному изъ сенаторовъ: «скажите мнѣ сущую правду, какія партіи составляются здѣсь противъ меня, и какими способами русская государыня хочетъ лишить меня престола?» Сенаторъ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ и не слыхалъ. Ваше величество изъ этого изволите усмотрѣть, какія со стороны Россіи опасности королю внушены, и если онъ такое мнѣніе имѣетъ, то какъ его склонить къ постоянной съ вашимъ величествомъ дружбѣ? Я для этого намѣренъ, послѣ аудіенціи, искать случаевъ, какъ бы мнѣ чаще съ королемъ видѣться и внушить ему, что онъ совершенно безопасенъ со стороны ва-

шего величества, а потомъ стану ему показывать, какая опасность грозитъ ему отъ короля англійскаго; только, какъ я слышу, король мнителенъ отъ природы и вѣритъ людямъ мало знающимъ, которые при немъ; съ чужестранцами въ разговоры глубокіе не входитъ, только развѣ что выслушаетъ; однако я буду случая искать ему самому обо всемъ донести, а черезъ людей нельзя, потому что еще никого не знаю. Надѣюсь, что аудіенціею моею здѣсь не замедлятъ и что я успѣю съѣздить съ визитами не только къ мущинамъ, но и къ дамамъ, и, отдавъ визиты, могу ихъ звать къ себѣ. Я намѣренъ былъ вчерашняго числа торжествовать тезоименитство вашего императорскаго величества и дѣлалъ къ тому приготовленія, особенно намѣренъ былъ для подлаго народа пустить вино; но нѣкоторые изъ здѣшнихъ мнѣ сказывали, будто король для того аудіенцію откладывалъ, чтобъ я не устроивалъ этого торжества, и особенно чтобъ подлаго народа не ласкалъ; хотя я королевскаго намѣренія подлинно не знаю, но какъ только я объ этомъ услышалъ, тотчасъ распустилъ слухъ, что торжество отложено, и будетъ устроено дней десять спустя послѣ аудіенціи. Иначе мнѣ было сдѣлать нельзя, потому что ни одна дама ко мнѣ не поѣхала бы, пока я не сдѣлалъ бы имъ визитовъ; а визитовъ частнымъ лицамъ прежде королевской аудіенціи сдѣлать нельзя».

29 ноября была наконецъ аудіенція. Для произведенія сильнаго впечатлѣнія, Долгорукій подарилъ золотую шпагу королевскому капитану, который привезъ его на яхтѣ, капитанъ-поручику серебряную посуду, рядовымъ матросамъ далъ по два червонныхъ, унтеръ-офицерамъ по шести. Всѣ остались очень довольны; шпагу король велѣлъ принести къ себѣ и разсматривалъ. «Мое намѣреніе, доносилъ Долгорукій, чтобъ короля, и особенно Горна, который здѣсь всемогущъ, отвратить отъ англійской стороны; если же этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, смягчить, чтобъ на нынѣшнемъ сеймѣ не приступили къ ганноверскому союзу; для того я намѣренъ къ Горну привязаться всевозможными способами, чтобъ увидать, нельзя ли какъ-нибудь съ нимъ сдѣлать по моему намѣренію; но и другихъ способовъ помѣшать союзу не упущу. До сихъ поръ король обходится со мною милостиво и говоритъ со мною чаще, чѣмъ съ другими, однако о постороннихъ дѣлахъ; у Горновой жены я дважды былъ, и тутъ видѣлъ Горна одного, на-

чалъ съ нимъ говорить о дѣлѣ, но окончить не могъ. Баронъ Спаръ, министръ шведскій при дворѣ англійскомъ, нарочно изъ Англіи пріѣхалъ сюда для сейма; какъ мнѣ сказано, король англійскій далъ ему 5000 фунтовъ стерлинговъ для склоненія здѣсь къ союзу. Я не разъ говорилъ съ нимъ противъ союза, бывали разговоры болѣе часа и споры великіе; потомъ Спаръ у меня обѣдывалъ, и я у него однажды. Это мое поведеніе относительно короля, Горна и Спара возбудило было подозрѣніе въ нѣкоторыхъ изъ доброжелательныхъ; но я главнымъ изъ нихъ объяснилъ, для чего я то дѣлаю и что я присланъ не праведныхъ спасти, а грѣшныхъ: не смогу ихъ оттянуть къ моей сторонѣ, то, быть можетъ, наведу на нихъ подозрѣніе у ихъ единомышленниковъ тѣмъ, что они со мною ласково обходятся. Противная сторона очень сильна, особенно Горномъ и дворомъ; англійскія деньги, говорятъ, раздаются здѣсь въ большомъ количествѣ, не только частнымъ людямъ, но и самъ король, говорятъ, получаетъ пенсію отъ англійскаго короля; Горнъ, говорятъ, получилъ 160,000 рублей; а доброжелательная партія очень слаба и состоитъ изъ людей робкихъ, поэтому я принужденъ здѣсь сильнѣе дѣйствовать и говорить, ибо преданные намъ люди говорить не смѣютъ, главные болѣе другихъ опасаются. Король пригласилъ меня ѣздить съ нимъ на медвѣжью охоту, и я приготовился; мнѣ сказали, что это знакъ милости и что всего удобнѣе говорить съ его величествомъ о дѣлахъ во время охоты. Здѣшній дворъ несравненно хуже датскаго, начиная съ главныхъ, большинство люди посредственные, а есть такіе, что съ трудомъ и говорятъ. Горнъ показался мнѣ человѣкъ острый и лукавый: надобно съ нимъ будетъ обходиться умѣючи и зацѣплять его тѣмъ, къ чему онъ склоненъ и что ему надобно, а силою одолѣть его очень трудно. Здѣшній сеймъ очень похожъ на ярмарку: всѣ торгуются и одинъ про другаго разсказываетъ, кому что̀ дано; только смотрятъ, чтобъ на судѣ нельзя было изобличить, ибо наказаніе — смертная казнь.»

Только 13 декабря Долгорукій началъ праздновать имянины императрицы: въ этотъ день обѣдали у него сенаторы, иностранные министры и другія знатныя особы съ женами, а 15 числа былъ балъ и *машкара:* начался въ 5 часовъ пополудни и кончился въ 5 часовъ пополуночи; позвано было 500 человѣкъ обоего пола, всѣ безъ исключенія, которые могли входить въ «знатныя компа-

нія», и всѣ ужинали; графини Горнъ и Делагарди были выбраны— одна королевою бала, а другая вице-королевою; послѣ ужина хозяинъ послалъ спросить обѣихъ дамъ, примутъ ли онѣ отъ него подарокъ, но обѣ отказались.

Ни обѣдъ, ни балъ съ машкарой не помогали. Когда Долгорукій потребовалъ конференцій, то для переговоровъ съ нимъ назначили людей противной партіи, которые спрашивали: для чего въ нынѣшнемъ году такъ сильно вооружили русскій флотъ? Зачѣмъ приведено 40,000 войска въ Петербургъ? Зачѣмъ готовили сухари съ такою поспѣшностію, что не было ни одного лучшаго дома, чтобы ихъ не пекли? Жаловались, что слышали не только словесныя, но и письменныя угрозы со стороны русской государыни. Тѣ изъ приверженцевъ ганноверскаго союза, которые не хотѣли разрывать и съ Россіею, толковали, что эта держава не имѣетъ никакой причины считать вступленіе Швеціи въ ганноверскій союзъ такимъ противнымъ для себя дѣломъ, потому что Швеція, находясь въ дружбѣ съ англійскимъ королемъ, можетъ черезъ него добиться удовлетворенія герцогу голштинскому въ шлезвигскомъ дѣлѣ и примирить Россію съ Англіею. Главами ганноверской партіи были Горнъ, Делагарди и фонъ-Кохенъ. Двое послѣднихъ, по словамъ Долгорукаго, готовы, какъ раскольники, отдать сжечь себя живыми за короля англійскаго; а Делагарди, какъ говорили, получалъ изъ Англіи ежегодную пенсію въ 4000 фунтовъ. Горнъ поѣхалъ на Святки въ деревню и взялъ съ собою двоихъ лучшихъ членовъ секретной коммиссіи, Белке и Левенгаупта, чтобъ уговаривать ихъ къ ганноверскому союзу: одному обѣщалъ деревню въ бременской области въ 30,000 рублей, другому фельдмаршалскій жезлъ.

Англійская или ганноверская партія перевѣшивала по тому, что въ ней были способные и энергичные люди, чего недоставало русской партіи. Ганноверская партія не пренебрегала никакими средствами: въ залу, гдѣ собиралась секретная коммиссія, подкинуто было извѣщеніе о заговорѣ, цѣлію котораго лишить короля и королеву престола и возвести на него герцога голштинскаго, при чемъ прописаны были имена заговорщиковъ — членовъ русской партіи. Людей, не принадлежавшихъ ни къ какой партіи, застращиваніями заставляли приставать къ ганноверской; однимъ внушали, что когда герцогъ голштинскій будетъ возведенъ на

престолъ, то у нихъ отберутъ ихъ земли и раздадутъ другимъ, указывая кому именно раздадутъ; другимъ шептали, что отнимутъ у нихъ чины. «Я никакъ не думалъ встрѣтить здѣсь такія затрудненія, писалъ Долгорукій въ январѣ 1727 года: главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что всѣ важныя дѣла рѣшаются въ секретной коммиссіи, а съ членами ея говорить никакъ нельзя, потому что имъ подъ присягою запрещено сноситься съ иностранными министрами; король въ разсужденія о важныхъ дѣлахъ не входитъ, а съ вельможами, которые хотятъ приступить къ ганноверскому союзу, говорить нечего: легче турецкаго муфтію въ христіанскую вѣру обратить, чѣмъ ихъ отвлечь отъ ганноверскаго союза; всякое дѣло и слово надобно закаулками проводить до того мѣста, гдѣ оно надобно.» Въ началѣ февраля Долгорукій писалъ: «были у меня двѣ особы изъ доброжелательныхъ и ради самого Бога просили, чтобъ я именемъ вашего величества обѣщалъ субсидіи, ибо только однимъ этимъ способомъ можно помѣшать акцессіи; Горнъ беретъ верхъ только представленіемъ, что Швеція находится въ крайней бѣдности, а король англійскій обѣщаетъ субсидію безусловно.» Долгорукій находился въ затруднительномъ положеніи: онъ имѣлъ указъ обѣщать субсидіи только въ томъ случаѣ, когда бы Швеція согласилась, вмѣстѣ съ Россіею, вступить въ шлезвигское дѣло; но если упомянуть объ этомъ условіи, то можно было все дѣло испортить, ибо придворная партія закричала бы, что Россія вовлекаетъ Швецію въ войну; сказать неопредѣленно, что получатъ субсидіи, если вступятъ съ Россіею въ какое-нибудь общее дѣло для собственной пользы, станутъ привязываться, въ чемъ состоитъ эта общая польза; а если не объявить точно и опредѣленно, то станутъ говорить, что русскій посланникъ ихъ только обманываетъ для отвлеченія отъ акцессіи. «Дѣло такое трудное, писалъ Долгорукій, что я до сихъ поръ не найду къ нему приступа.» Долгорукій нашелъ такой приступъ, что обѣщалъ неопредѣленныя субсидіи, но не получилъ никакого отвѣта на свое предложеніе.

Въ мартѣ ганноверская партія достигла своей цѣли. Нѣкоторые члены секретной коммиссіи, взявшіе русскія деньги, противились акцессіи; Горнъ рѣшился перекупить ихъ, и дня въ три уладилъ дѣло; небогатымъ купцамъ и сельскимъ священникамъ дали по пяти сотъ и по тысячи червонныхъ. Употребивши это могуще-

ственное средство, Горнъ держалъ членовъ секретной коммиссіи отъ семи часовъ утра до восьми пополудни, и довелъ дѣло до того, что, вмѣсто удовлетворенія герцогу голштинскому за Шлезвигъ, чего прежде упорно требовала коммиссія, согласились довольствоваться однѣми добрыми услугами Франціи и Англіи, и тутъ ограничились словесными обѣщаніями, потому что министры французскій и англійскій отказались внести этотъ пунктъ въ договоръ, ибо короли ихъ обязались прежде удерживать Шлезвигъ за Даніею; согласились отпустить за границу шведскія войска, въ числѣ 8000, на помощь Англіи и Франціи, которыя за это обѣщали платить субсидіи въ продолженіи трехъ лѣтъ, и платить каждый годъ впередъ по 200,000 червонныхъ; но шведское правительство просило по 300,000 червонныхъ въ годъ, и въ продолженіи всего времени, пока договоръ будетъ въ силѣ. На этомъ дѣло остановилось. Долгорукій совѣтовался съ цесарскимъ и голштинскимъ министрами, какія теперь употребить послѣднія средства для удержанія Швеціи отъ акцессіи, и не могли ничего придумать кромѣ денегъ. Долгорукій обѣщалъ съ русской стороны платить ежегодно по сту тысячъ рублей въ продолженіи трехъ лѣтъ, да столько же обѣщалъ цесарскій министръ отъ своего государя.

Но и это не помогло: акцессія была принята; король и сенатъ согласились на нее. Чтобъ истощить всѣ средства сопротивленія, Долгорукій и Фрейтагъ, цесарскій министръ, роздали еще 4000 червонныхъ, чтобъ произвести, по крайней мѣрѣ, сильный крикъ въ полномъ собраніи сейма: «Мало надежды, писалъ Долгорукій, чтобъ могли передѣлать, когда уже сдѣлано; однако увидимъ, что тотъ крикъ произведетъ?»

Крикъ не произвелъ ничего: акцессія прошла окончательно на сеймѣ. Но Долгорукаго, привыкшаго при Петрѣ къ уваженію, съ какимъ относились къ могущественной Россіи, особенно оскорбило невниманіе шведскихъ вельможъ къ предложеніямъ представителя русской императрицы. «При другихъ дворахъ, къ которымъ я былъ посыланъ, такихъ необыкновенныхъ и гордыхъ поступковъ не видѣлъ, писалъ онъ въ Петербургъ. Хотя я знатныя субсидіи отъ вашего величества и отъ цесаря обѣщалъ, однако здѣшніе правители не только не отвѣчали учтивою благодарностію, но даже не отозвались ни однимъ словомъ. По такимъ здѣшняго двора гордымъ поступкамъ, видится, ноприлично мнѣ здѣсь

быть въ характерѣ, въ какомъ я сюда присланъ». Въ концѣ марта Долгорукій писалъ: «По всѣмъ поступкамъ королевскимъ и горновымъ и ихъ партіи видится, что они мыслятъ о войнѣ противъ Россіи; а безъ такого намѣренія, такъ нагло и гордо презря обязательство съ вашимъ императорскимъ величествомъ, акцессіи они-бъ не учинили и въ такое тѣсное обязательство съ королемъ англійскимъ не вошли, особенно въ то время, когда онъ вамъ непріятель; и если они вскорѣ войны не начнутъ, то конечно за недостаткомъ и невозможностію; но на все это совершенно положиться нельзя, ибо, какъ я слышу, усильно и неусыпно трудятся экономію и государственные доходы, какъ возможно, лучше исправить, войско, флотъ и все нужное къ войнѣ въ доброе состояніе привесть. Поэтому, для всякаго опаснаго случая, нужно Выборгъ снабдить гарнизономъ, артиллеріею, амунициею и провіантомъ. Ежели ваше императорское величество повелите войска къ Выборгу или къ рубежамъ финляндскимъ послать, всепокорно прошу, прежде нежели войска посланы будутъ, повелѣть меня отсюда отозвать, чтобъ я успѣлъ выѣхать; а ежели здѣсь увѣдаютъ, что войска къ рубежамъ идутъ, то по нынѣшнимъ здѣшнимъ поступкамъ можно опасаться, что меня здѣсь удержать, о чемъ одинъ изъ друзей моихъ уже мнѣ и говорилъ». Въ секретнѣйшей реляціи Долгорукій доносилъ, что, такъ какъ графъ Горнъ былъ единственнымъ виновникомъ приступленія Швеціи къ ганноверскому союзу, то нельзя не предвидѣть его замысловъ, которые клонятся къ возвращенію завоеванныхъ Россіею провинцій и къ доставленію современемъ шведской короны англійскому принцу; нѣкоторые изъ доброжелательныхъ Россіи лицъ желаютъ, чтобъ къ Выборгу скорѣе были присланы русскія галеры съ 20,000 войска подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Голицына, дабы этимъ способомъ принудить къ созванію новаго сейма и къ выбору новаго маршала вмѣсто Горна, уничтожить союзъ съ англійскимъ королемъ и утвердить прежній союзъ съ Россіею.

10 апрѣля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали о шведскихъ дѣлахъ. Понятно было сильное безпокойство герцога голштинскаго, у котораго стокгольмскія событія грозили отнять надежду на наслѣдство шведскаго престола и на возвращеніе Шлезвига. Герцогъ говорилъ, что въ Петербургѣ находится шведскій

капитанъ, который, за убійство своего соперника на поединкѣ, принужденъ былъ покинуть отечество и предлагаетъ съ четырьмя полками конницы завоевать всю Финляндію. Герцогъ потомъ совѣтовалъ министрамъ исполнить желаніе австрійскаго посланника графа Рабутина, пригласить его на конференцію и всѣ его предложенія принимать на доношеніе императрицѣ; внушалъ, что бы не только на эту конференцію, но и на всѣ другія допускался съ его герцоговой стороны министръ его, графъ Бассевичъ. Наконецъ герцогъ совѣтовалъ писать въ Швецію къ князю Долгорукому, требовать отъ него и отъ тамошнихъ доброжелателей мнѣнія, какъ Россіи поступить со Швеціею по случаю присоединенія ея къ ганноверскому союзу. Члены совѣта согласились, и Остерманъ сейчасъ же написалъ проектъ рескрипта Долгорукому; всѣ члены одобрили проектъ; одинъ Меншиковъ требовалъ добавить, чтобъ посолъ взялъ отъ русскихъ доброжелателей списокъ ихъ имѣній, дабы въ случаѣ войны можно было щадить ихъ; но, вопреки Меншикову, въ рескриптѣ написали, чтобъ Долгорукій увѣдомилъ, какъ велика партія доброжелательныхъ къ Россіи людей, предупредивъ ихъ, что приступленіе Швеціи къ ганноверскому союзу заставитъ Россію принять сильныя мѣры, и требовалъ ихъ согласія на это.

Но прежде полученія этого рескрипта, Долгорукій объяснилъ главную причину, почему въ Швеціи рѣшились порвать съ Россіею и съ такимъ презрѣніемъ относились къ представленіямъ ея посланника. «Горнъ и его партія, писалъ Долгорукій отъ 13 апрѣля, всякому внушаютъ, что за акцессію отъ стороны вашего величества ни малѣйшаго опасенія нѣтъ и впредь не будетъ; а нынѣ въ самомъ крайнемъ секретѣ мнѣ сказано, что шведскій министръ Цедеркрейцъ, который при дворѣ вашего императорскаго величества, въ реляціи своей писалъ, будто при дворѣ вашего императорскаго величества между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія; ту его реляцію читали въ секретной коммиссіи, и король съ Горномъ и со всею его партіею очень обрадовались, и разсуждаютъ, что по причинѣ этихъ несогласій нималѣйшей опасности съ русской стороны коронѣ шведской быть не можетъ. Отъ другихъ слышу, что и въ частныхъ письмахъ о томъ сюда пишутъ, и это производитъ здѣсь немалую радость и безопасность». Въ этомъ донесеніи Долгорукій говорилъ не-

опредѣленно о великихъ несогласіяхъ между главными лицами; но гораздо опредѣленнѣе писалъ онъ Меншикову еще въ декабрѣ 1726 года: «Для собственнаго вашей свѣтлости извѣстія не хотѣлъ я преминуть, не увѣдомя вашу свѣтлость: сказывали мнѣ человѣкъ пять или шесть, всякій за секретъ, что писалъ сюда шведскій министръ Цедеркрейцъ, будто онъ имѣлъ съ вами разговоръ, въ которомъ будто вы изволили ему дать знать, что здѣшняя акцессія не весьма противна ея императорскому величеству будетъ, ежели корона шведская можетъ исходатайствовать его королевской свѣтлости (герцогу голштинскому) удовольствіе въ дѣлѣ шлезвигскомъ. Тотъ разговоръ, какъ я слышу, противная партія въ пользу себѣ толкуетъ. Прошу вашу свѣтлость содержать сіе тайно, а особливо не объявлять, что я вамъ доносилъ; я не хотѣлъ преминуть, чтобъ по должности моей вашу свѣтлость о семъ не увѣдомить». Въ послѣдствіи было узнано о письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену, гдѣ свѣтлѣйшій князь увѣрялъ, что русскіе министры въ Стокгольмѣ дѣйствуютъ противъ акцессіи только для вида, изъ угожденія новому союзу съ цесаремъ; что онъ, Меншиковъ, имѣя въ рукахъ войско, не допуститъ до войны; что здоровье императрицы очень слабо, и чтобы, въ случаѣ ея кончины, пріятельскія внушенія его не были забыты въ Швеціи, когда ему понадобится какая-нибудь помощь. Меншиковъ сообщалъ Цедеркрейцу о всемъ, происходившемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, за что получилъ черезъ него англійскими деньгами 5000 червонныхъ [25].

Голштинское дѣло сообщало особенное значеніе отношеніямъ Россіи къ Даніи. Когда въ Копенгагенѣ получено было извѣстіе о кончинѣ Петра, то произвело неописанную радость; по словамъ резидента, Ал. Петр. Бестужева: «Изъ первыхъ при дворѣ яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися было». Королева въ тотъ же день въ четыре церкви для нищихъ и въ гошпитали послала тысячу ефимковъ подъ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля; но въ городѣ повсюду говорили, что королева благодарила Бога за другое, потому что король выздоровѣлъ уже недѣлю тому назадъ, да и прежде король часто и опаснѣе болѣлъ, однако королева ни гроша ни въ одну церковь не посылала. Только король велъ себя прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную радость. Радость эта происхо-

дила отъ того, что ожидали смуты въ Россіи; уже мечтали о томъ, что цесарь дастъ королю инвеституру и гарантію на Шлезвигъ, и оба двора, какъ вѣнскій такъ и копенгагенскій, обяжутся доставить русскій престолъ великому князю Петру Алексѣевичу, что легко будетъ сдѣлать, потому что Шведы, Поляки и Турки воспользуются смутою для своихъ выгодъ. Восторгъ прекратился, когда слѣдующая почта привезла извѣстіе, что Екатерина признана самодержавною императрицею безо всякой смуты. Въ высшихъ кругахъ, впрочемъ, еще не теряли надежды на смуту: камергеръ Габель говорилъ публично и рѣшительно, что черезъ три мѣсяца получится извѣстіе о страшной смутѣ въ Россій. Въ этомъ ожиданіи и въ надеждѣ на то, что Россія во всякомъ случаѣ будетъ занята персидскими, турецкими и польскими (по поводу торнской смуты) дѣлами, королевская фамилія со всѣмъ дворомъ находилась «въ добромъ и веселомъ гуморѣ» и въ полнѣйшей безопасности, такъ что Бестужевъ писалъ, что теперь самое удобное время предпринять что-нибудь въ пользу герцога голштинскаго. Даже извѣстіе, что русскій флотъ приготовляется къ походу, не произвело впечатлѣнія; при дворѣ говорили: «мы уже привыкли, что русскій флотъ каждое лѣто воду мутитъ, выходя въ море для обученія компасу и навигаціи».

Но въ маѣ «добрый и веселый гуморъ» исчезъ по тревожнымъ вѣстямъ изъ Петербурга отъ датскаго резидента при тамошнемъ дворѣ, Вестфалена: пушки, которыя было уже начали свозить съ кораблей въ арсеналъ, опять поворотили на корабли, которые были приготовлены наспѣхъ безъ достаточнаго числа матросовъ. Слабая Данія находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи: Англія и Франція предлагали помощь противъ Россіи, но за то требовали вступленія въ ганноверскій союзъ; а съ другой стороны присылалъ цесарь съ обѣщаніями дѣйствовать въ пользу Даніи, если она обяжется не давать никому своихъ войскъ, кромѣ него, за субсидію; нужна была помощь Англіи и Франціи, и страшно было отвергнуть предложеніе цесаря, который могъ соединиться съ Россіею и Швеціею. Рѣшили тянуть время, и если съ русской стороны не будетъ нападенія, то не вступать ни съ кѣмъ въ обязательства; при первомъ же появленіи русскаго флота у датскихъ береговъ вступить въ союзъ съ Англіею и Франціею. Но ганноверскіе союзники не могли успокоиться на

такомъ рѣшеніи Даніи; они представляли ей, что бояться нечего, если она вступитъ въ ихъ союзъ: Пруссія и Голландія въ числѣ союзниковъ, Швецію уговорятъ непремѣнно приступить къ нему; съ другой стороны, Англія и Франція употребятъ всѣ усилія поднять Турокъ противъ Россіи, противъ которой вооружится и Швеція для возвращенія завоеванныхъ у нея провинцій.

Осенью, когда русскій флотъ возвратился въ Ревель, Бестужевъ имѣлъ разговоръ съ канцлеромъ графомъ Гольстомъ: «Для чего, говорилъ резидентъ, Данія каждый годъ тратится на вооруженіе флота по ложнымъ внушеніямъ, будто русскій флотъ выходитъ изъ своихъ гаваней съ враждебными противъ Даніи намѣреніями; кажется датскій дворъ можетъ ясно видѣть, что русскій флотъ выходитъ въ море только для упражненій».—«Что же дѣлать? отвѣчалъ Гольстъ: мы не можемъ помѣшать, чтобъ русскій флотъ не выходилъ въ море для упражненій, а между тѣмъ ежегодный выходъ его возбуждаетъ здѣсь подозрѣнія, и мы не можемъ не предпринимать мѣръ предосторожности».—«Лучше было бы обоимъ государямъ вступить въ соглашеніе; этимъ средствомъ Данія скорѣе достигнетъ безопасности, чѣмъ вступленіемъ въ разные союзы», замѣтилъ Бестужевъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что Данія ни въ какіе союзы не вступаетъ, и предпочитаетъ дружбу русской государыни, желая возобновить ее и утвердить древнимъ союзомъ. «Датская дружба, говорилъ Гольстъ, для Россіи надежнѣе, чѣмъ какая-нибудь другая; притворство другой новой дружбы современемъ окажется, когда Турки вооружатся противъ Россіи; Данія же всегда желала, чтобъ Россія была сильнѣе своихъ сосѣдей; для собственныхъ интересовъ Данія не можетъ соперничать съ Россіею». Пріятели внушали Бестужеву, что если оберъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ фонъ-Гагену дать тысячу червонныхъ и четыре тысячи посулить, да канцлеру графу Гольсту посулить 20,000 червонныхъ, то эти деньги болѣе принесутъ пользы герцогу голштинскому, чѣмъ 50 русскихъ линейныхъ кораблей въ Балтійскомъ морѣ, потому что датскій король охотнѣе вступитъ въ соглашеніе съ Россіею и останется нейтральнымъ, чѣмъ пристанетъ къ какой-нибудь сторонѣ. Но въ Россіи считали дѣломъ очень труднымъ уладиться съ датскимъ дворомъ насчетъ шлезвигскаго дѣла, и не хотѣли тратиться попустому; ждали, чтобъ Данія сдѣлала первый шагъ и указала какой-нибудь выходъ изъ затрудненія.

Весною 1726 года на датскихъ водахъ явился англійскій флотъ, и Бестужевъ примѣтилъ, что король и весь дворъ чрезвычайно обрадовались гостямъ, избавлявшимъ ихъ отъ безпокойства насчетъ прогулки русскаго флота. Ганноверскій министръ, Ботмаръ, встрѣтившись при дворѣ съ Бестужевымъ, спросилъ его: видѣлъ ли онъ англійскій флотъ? и сталъ хвалить его: «прекрасный флотъ»!—«Этого флота я еще не видалъ, отвѣчалъ Бестужевъ: но тотъ флотъ, который въ 1721 году возвращался отъ береговъ Швеціи въ Англію, я видѣлъ; зачѣмъ теперь флотъ сюда пришелъ: развѣ гдѣ-нибудь война?»—«Въ Петербургѣ дѣлаются большія военныя приготовленія,» сказалъ Ботмаръ. Бестужевъ отвѣчалъ ему, что по адмиралтейскому Уставу Петра Великаго треть флота ежегодно должна выходить въ море для упражненій.—«Вездѣ слышно объ угрозахъ, которыя переносить нельзя», возразилъ Ботмаръ. Бестужевъ доносилъ въ Петербургъ, что съ появленіемъ англійскаго флота всѣ стали чуждаться его резидента, какъ зачумленнаго.

Осенью англійская эскадра возвратилась, не тронувши русскаго флота. Это обстоятельство и союзъ Россіи съ Австріею удержали Данію отъ приступленія къ ганноверскому союзу; и когда весною 1727 года англійская эскадра опять появилась на датскихъ водахъ, и англійскій адмиралъ требовалъ, чтобъ датскій флотъ соединился съ его флотомъ, то получилъ отказъ; при этомъ Бестужевъ узналъ о донесеніяхъ Вестфалена изъ Петербурга, что съ русской стороны не будетъ противъ Даніи никакого непріятельскаго поступка. [26]

Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ 1-й прослезился, когда графъ Александръ Головкинъ объявилъ ему о кончинѣ Петра, и увѣрялъ, что будетъ продолжать дружбу и къ его преемницѣ: «Я по смерти своего дражайшаго друга хочу показать свою вѣрность,» сказалъ король, и сталъ носить трауръ даже въ Потсдамѣ, чего никогда не дѣлывалъ; всѣмъ велѣлъ носить трауръ четверть года, тогда какъ по другихъ государяхъ носили только шесть недѣль. На вопросъ своего посланника въ Петербургѣ Мардефельда, какъ ему носить трауръ? король отвѣчалъ: «Какъ по мнѣ». Головкинъ писалъ императрицѣ: «При нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно дорожить дружбою короля прусскаго, и если ваше величество изволите принять какія-нибудь мѣры къ продолженію взаимной дружбы, то имѣю надежду успѣть въ этомъ,

особенно если со стороны вашего величества будетъ сдѣлано королю что-нибудь угодное, именно присылкою нѣсколькихъ великановъ, потому что этимъ способомъ и при блаженной памяти императорѣ важныя дѣла были исправлены; и другія государства этимъ же способомъ его склоняютъ». Король самъ предложилъ заключить оборонительный союзъ между Россіею и Пруссіею, и особенно обращалъ вниманіе Екатерины на Польшу: «Надобно намъ между собою ближайшимъ образомъ согласиться, говорилъ онъ Головкину; надобно откровенно другъ другу объявить свое мнѣніе, ибо легко можетъ случиться, что король польскій осуществитъ свои вредные замыслы, и тогда трудно и поздно будетъ препятствовать; надобно заранѣе обо всемъ между собою согласиться: не даромъ саксонскіе полки приготовляются, какіе-нибудь злые замыслы имѣютъ». Фридрихъ Вильгельмъ велѣлъ объявить саксонскому посланнику, что если черезъ девять дней саксонскій дворъ не объявитъ подлиннаго намѣренія о приготовленіяхъ своихъ войскъ, то прусское войско соберется при саксонской границѣ. «Если Саксонцы, говорилъ король Головкину, несмотря на то, вступятъ въ свои лагери близь моихъ границъ, то я прямо на нихъ пойду, и потомъ что сдѣлается, не я буду виноватъ, и всѣ потери съ нихъ требовать буду. Саксонцы такой народъ, что имъ отнюдь ни въ чемъ вѣрить нельзя; но еслибъ какое другое сосѣднее государство войско свое сбирало, напримѣръ, еслибъ вашихъ войскъ собралось хотя бы сто тысячъ при самыхъ моихъ границахъ, то я бы ни малѣйшаго подозрѣнія не имѣлъ, потому что я ничето отъ васъ не опасаюсь».

Саксонскій дворъ уступилъ и велѣлъ своему посланнику объявить Фридриху Вильгельму, что не будетъ больше собирать полковъ на бранденбургскихъ границахъ. Король успокоился; но лѣтомъ 1725 года пришла грамота отъ англійскаго короля, что Россія вооружаетъ флотъ противъ Даніи въ пользу герцога голштинскаго, и потому Пруссія, гарантировавъ Даніи Шлезвигъ, обязана помочь и въ этомъ случаѣ дипломатическимъ путемъ, а въ случаѣ нужды и войскомъ. Отвѣтная грамота прусскаго двора была «въ генеральныхъ и прикрытыхъ терминахъ, чтобы англійскій дворъ не могъ ни за явный отказъ, ни за обѣщаніе принять». Но Европа подѣлилась на два союза — англо-французскій и австро-испанскій; Фридрихъ Вильгельмъ отправился въ Ганноверъ

для свиданія съ англійскимъ королемъ, и, по возвращеніи, объявилъ Головкину: «Такъ какъ вѣнскій дворъ съ Испаніею вступилъ въ тѣсный союзъ, и другія католическія державы къ этому союзу приглашаетъ, то король англійскій нашелъ нужнымъ образовать другой сильный союзъ, и я вступилъ въ этотъ союзъ, который имѣетъ главною цѣлію сохраненіе вестфальскаго и оливскаго договоровъ; но увѣряю васъ, что въ этомъ новомъ союзѣ нѣтъ ничего предосудительнаго русскимъ интересамъ, и всѣ желаютъ, чтобъ и Россія въ него вступила, того же особенно желаю и я». Россія не приступала къ ганноверскому союзу; но это не мѣшало Фридриху Вильгельму сохранять съ нею дружественныя отношенія; онъ объявлялъ, что съ Англіею и Франціею онъ только въ оборонительномъ союзѣ, и очень радъ быть въ такомъ же союзѣ съ Россіею. «Когда мы, говорилъ король, съ покойнымъ императоромъ русскимъ въ доброй дружбѣ были, то изрядную фигуру дѣлали».

Въ мартѣ 1726 года прусскіе министры предложили Головкину, не угодно ли будетъ русскому двору посредничество прусскаго для отстраненія препятствій, мѣшающихъ Россіи приступить къ ганноверскому союзу, и такъ какъ главное препятствіе состоитъ въ требуемомъ Россіею вознагражденіи герцогу голштинскому за Шлезвигъ, то прусскій король предлагаетъ отдать герцогу Курляндію. Головкинъ отказался принять это предложеніе на доношеніе, сообразивъ, что: 1) онъ ничего не знаетъ о намѣреніи императрицы относительно Курляндіи; 2) герцогъ голштинскій уже разъ не согласился на это предложеніе, сдѣланное ему прямо берлинскимъ дворомъ; 3) дѣло можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на Поляковъ. Въ Петербургѣ были очень довольны поступкомъ Головкина: «сей поступокъ весьма апробуется, и впредь такимъ же способомъ отъ того уклонялся бы». Дружескія сношенія петербургскаго двора съ вѣнскимъ сильно безпокоили Фридриха Вильгельма; но Головкинъ относительно австрорусскаго союза говорилъ ему то же, что король говорилъ о вступленіи своемъ въ ганноверскій союзъ: «Если и заключенъ будетъ какой-нибудь договоръ, то въ немъ не будетъ ничего предосудительнаго для Пруссіи, а, можетъ быть, еще подастся случай выговорить что-нибудь въ ея пользу». «Я желаю одного, отвѣчалъ король, чтобъ цесарь оставилъ меня въ покоѣ, тогда и я бы ос-

тавилъ его въ покоѣ; я потому и къ ганноверскому союзу приступилъ». Когда былъ присланъ изъ Петербурга давно желанный проектъ союзнаго договора между Россіею и Пруссіею, то король, изъявляя готовность принять этотъ проектъ, повторялъ, что желаетъ посредствомъ Россіи получить отъ вѣнскаго двора обнадеживаніе, что дворъ этотъ не только не будетъ дѣлать впредъ никакихъ противностей Пруссіи, но и будетъ ей благопріятствовать. «Другіе меня вовсе оставятъ, а съ цесарскимъ дворомъ у меня не гораздо большая гармонія, поэтому то я и желаю получить письменное обнадеженіе отъ цесарскаго двора, что онъ фаворабельнымъ ко мнѣ себя покажетъ, и тогда дѣла основательно поведены быть могутъ. По нынѣшней ситуаціи дѣлъ въ Европѣ легко можетъ война произойти, а мои земли въ серединѣ стали, и легко можетъ театрумъ войны въ моихъ земляхъ быть, и я все думаю, какъ бы это добрымъ способомъ отъ себя отвести».

Таковы были внѣшнія отношенія Россіи при Екатеринѣ I. Мы видѣли, какъ въ разныхъ странахъ, враждебныхъ новой имперіи, обрадовались при извѣстіи о неожиданной, преждевременной смерти великаго царя. Ожиданія были обмануты: внутренней смуты въ Россіи не послѣдовало; несмотря на то, Россія находилась въ затруднительномъ положеніи; русскіе люди прежде всего требовали отдыха, и не было болѣе человѣка, который могъ возбуждать ихъ къ постоянной дѣятельности; вниманіе было поглощено внутренними дѣлами, тяжелою разборкою въ матеріалахъ преобразованія, финансовыми затрудненіями. Хотѣли поскорѣе развязаться съ войною персидскою, особенно въ ожиданіи войны турецкой и столкновеній западныхъ. Смерть Петра произвела свое дѣйствіе: къ Россіи обращались уже не съ такимъ уваженіемъ, какъ въ послѣднее время предшествовавшаго царствованія; англійскій флотъ сторожилъ русскіе берега, и теперь надъ нимъ не насмѣялись такъ, какъ насмѣялся Петръ опустошеніемъ шведскихъ береговъ; въ Швеціи русская партія поникла; въ дѣлахъ курляндскихъ остерегались раздражить Польшу. Но и Западная Европа, съ своей стороны, боялась войны: противъ союза ганноверскаго образовался союзъ австро-испанскій, къ которому естественно примкнула Россія и возстановила равновѣсіе. Дряхлый правитель Франціи, Кардиналъ Флери, полный представитель одряхлѣвшей Французской монархіи, сильно боялся, что

австрійское войско будетъ подкрѣплено тридцати-тысячнымъ русскимъ корпусомъ; Англія также не хотѣла тратиться на войну, отъ которой не ждала непосредственныхъ для себя выгодъ, и довольствовалась тѣмъ, что защитила Данію; прусскій король боялся больше всего, чтобъ въ его землѣ не былъ театрумъ войны,—и Россія могла прожить въ мирѣ опасное время по смерти Петра Великаго, когда нужно было рѣшать столько важныхъ внутреннихъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ о престолонаслѣдіи.

Приверженцы Екатерины, настоявши на возведеніи ея на престолъ, не рѣшали страшнаго для себя вопроса, а только отсрочивали его рѣшеніе. «Не сомнѣваются, что при Екатеринѣ дѣла пойдутъ хорошо, но сердца всѣхъ за сына царевичева», писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ къ своему двору. Легко было возвести на престолъ Екатерину во время малолѣтства великаго князя Петра, но неужели этотъ единственный мужескій представитель династіи, относительно правъ котораго нельзя было навести ниматѣйшаго сомнѣнія, и въ лѣтахъ совершенныхъ будетъ отстраненъ въ пользу одной изъ дочерей Екатерины? Мужескій потомокъ царей будетъ отстраненъ въ пользу женщины, которая выйдетъ за мужъ или за иностраннаго принца, или за русскаго, своего подданнаго — въ обоихъ случаяхъ неудобство громадное. Милостями и ласками Екатерина надѣялась привязать къ себѣ и къ своимъ дѣтямъ старыхъ вельможъ; но милости и ласки способны привязать къ правительству твердому; у слабаго же берутъ награды и озираются кругомъ, ища чего-нибудь болѣе твердаго. При первомъ неудовольствіи вельможъ на правительство по поводу Меншикова, грозное имя великаго князя Петра переходило изъ устъ въ уста, и напуганному воображенію уже представлялась украинская армія, двигающаяся къ Петербургу подъ начальствомъ любимаго вождя, князя Михаила Михайловича Голицына. Неудовольствіе вельможъ, при разрозненности стремленій ихъ къ личнымъ выгодамъ, одно могло быть и не опасно; но опасно оно было тѣмъ, что находило поддержку въ огромномъ большинствѣ народа, для котораго было немыслимо отстраненіе Петра II-го въ пользу тетки, какъ немыслимо было прежде отстраненіе Петра I-го въ пользу сестры. Событія конца прошлаго вѣка были въ свѣжей памяти у всѣхъ, и для всѣхъ ясны были при-

чины паденія царевны Софьи. Поминовеніе въ церквахъ обѣихъ цесаревенъ прежде великаго князя Петра Алексѣевича, какъ намекъ на отстраненіе послѣдняго, первенство герцога голштинскаго предъ великимъ княземъ при погребеніи Петра Великаго, хвастовство Бассевича, что онъ возвелъ Екатерину на тронъ и держитъ ее въ своихъ рукахъ—возбуждали сильное неудовольствіе, которое начало высказываться подметными письмами. Послѣ 2 апрѣля 1726 года присутствія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не было двѣ недѣли: императрица была потревожена подметными письмами, направленными противъ постановленія, по которону царствующій государь имѣлъ право назначать себѣ преемника. Подозрѣвали, что эти подметныя письма есть дѣло людей значительныхъ; министры совѣтовались между собою на словахъ, и каждый изъ нихъ лично изъяснялъ императрицѣ, какими, по его мнѣнію, способами можно оградить престолъ отъ потрясеній. Остерманъ подалъ письменное мнѣніе, въ которомъ всего лучше выставлено было затруднительное положеніе правительства въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Остерманъ предлагалъ, для примиренія интересовъ, женить великаго князя Петра Алексѣевича на цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Зная, что главнымъ препятствіемъ этому браку будетъ близость родства, Остерманъ писалъ: «Въ началѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали, и чрезъ то токмо человѣческій родъ распложался, слѣдовательно такое между близкими родными супружество отнюдь общимъ натуральнымъ и божественнымъ законамъ не противно, когда Богъ Самъ оное, яко средство міръ распространить, употреблялъ.» Но для насъ важнѣе всего тѣ соображенія Остермана, изъ которыхъ оказывалась невозможность отстранить великаго князя въ пользу цесаревенъ: «Если же наслѣдство на одномъ изъ ея величества дѣтей или кровныхъ наслѣдниковъ, съ исключеніемъ великаго князя, установить, то всегда въ Россійскомъ государствѣ раздѣленія и партіи останутся, и можетъ какой бездѣльный, бѣдный и мизерабельный мужикъ, подъ фальшивымъ именемъ однакожъ, себѣ единомышленниковъ прибрать: чего же не можетъ государь при взрослыхъ лѣтахъ учинить, котораго рожденіе неложно и которое ему въ государствѣ не токмо многое почтеніе придаетъ, но и его многіе сродники знатные великую часть націи сочиняютъ, который такожъ и внѣ государства на римскаго цесаря,

яко своего дядю, сильную подпору въ способное время уповать можетъ. Не можетъ такая мудрая императрица ни 12 человѣкъ изъ своихъ вельможъ въ соединеніи содержать: какже возможно уповать, чтобъ по смерти ея принцессы, которыя въ правительствѣ гораздо не такъ обучены, безъ нападковъ и опасности остался? При которыхъ смятеніяхъ обѣ всего своего благоповеденія лишиться могутъ.»

Но Остерманъ зналъ, что бракъ между Петромъ и Елисаветою не обезпечивалъ интерессовъ дочерей Екатерины: Петръ могъ поступить съ своею женою подобно дѣду, развестись и заключить ее въ монастырь, тѣмъ болѣе, что оправданіе найти было легко: незаконность брака по причинѣ близкой степени родства. Въ избѣжаніе этого Остерманъ предлагалъ при заключеніи брака опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія: по смерти Екатерины на престолъ взойдетъ великій князь Петръ, а принцесса Елисавета получитъ въ наслѣдственное владѣніе провинціи, завоеванныя у Швеціи; въ случаѣ, если у нея кровныхъ наслѣдниковъ не будетъ, то эти провинціи поступаютъ во владѣніе наслѣдниковъ принцессы Анны Петровны, при чемъ тотъ изъ ея наслѣдниковъ, который будетъ призванъ на шведскій престолъ, не можетъ получить ихъ. Если и великій князь и принцесса Елисавета умрутъ бездѣтны, то они не должны располагать послѣ себя престоломъ, но должно опредѣлить, чтобъ находящійся тогда въ живыхъ наслѣдникъ принцессы Анны вступилъ на престолъ. Чтобъ принцесса Елисавета была безопасна во владѣніи завоеванныхъ провинцій, жители ихъ заблаговременно должны присягнуть обѣимъ принцессамъ, а находящіеся въ нихъ всѣ полки должны поклясться, что по смерти императрицы будутъ находиться въ послушаніи у принцессы Елисаветы. Весь народъ русскій и самъ великій князь должны подтвердить присягою это постановленіе; великій князь подтверждаетъ его вторично, когда придетъ въ совершенныя лѣта, и чтобы все получило надлежащее начало, принцесса Елисавета должна быть назначена немедленно губернаторомъ завоеванныхъ провинцій, какъ эрцгерцогиня австрійская была въ Брабантѣ; римскоцесарскій дворъ и Швеція должны гарантировать это постановленіе; всѣ члены императорской фамиліи должны его одобрить и съ присягою подписать. По словамъ Остермана, бракъ Петра съ Елисаветою примиритъ партіи, утушитъ смятенія, возвратитъ

спокойствіе народу и поселитъ въ сосѣднихъ державахъ уваженіе къ Россіи [28].

Въ этомъ проектѣ чрезвычайно ясно была выставлена невозможность отстранить великаго князя Петра въ пользу цесаревенъ, но, разумѣется, средство, предложенное Остерманомъ для соединенія интересовъ тетокъ и племянника, не могло быть принято: искушать русскій народъ бракомъ племянника на родной теткѣ было нельзя, и упрочивать незаконный, и потому легко расторжимый, бракъ прибалтійскими областями было безполезно, ибо гарантіи чужихъ державъ не могли спасти ихъ отъ вторичнаго завоеванія, тѣмъ болѣе, что защищать ихъ отъ русскаго императора должны были—русскіе же полки! Екатеринѣ оставалось одно: настаивать на своемъ правѣ назначать себѣ преемника и предоставить дѣло времени, предоставить себѣ рѣшить его «смотря по конъюнктурамъ». Во всякомъ случаѣ нужно было заботиться о ближайшихъ интересахъ своихъ дочерей, и мы видѣли, какъ Екатерина хлопотала о возвращеніи Шлезвига герцогу голштинскому. Относительно второй дочери, цесаревны Елисаветы, желанный отцемъ и матерью бракъ ея съ королемъ французскимъ не состоялся; бракъ съ побочнымъ сыномъ Августа II-го, искателемъ приключеній Морицомъ, былъ слишкомъ непривлекателенъ. Явился женихъ болѣе приличный. Въ Петербургъ пріѣхалъ двоюродный братъ герцога голштинскаго, старшій родной братъ назначавшагося въ герцоги курляндскіе, Карлъ, титулярный епископъ Любскій, былъ обласканъ, получилъ орденъ св. Андрея и 5 (16) декабря 1726 года написалъ императрицѣ слѣдующее письмо: «Чрезъ нѣкоторое время весь свѣтъ единому премудрому веденію всещедраго Бога удивлялся, по которому случилося, что его королевское высочество, государь герцогъ Карлъ Фридрихъ шлезвигъ-голштинскій, предъ нѣкоторыми лѣтами въ Россію пріѣхалъ, чтобъ ему здѣсь издалеча милостиво поданную сильную руку помощи нынѣ принять. Потомъ за благословеніемъ Божіимъ съ нимъ здѣсь толь счастливо учиненное кровное свойство есть тому явственное доказательство, что его королевское высочество самый тотъ путь нашелъ, чрезъ который Богъ опредѣлилъ его паки благословить, и его всему княжескому дому крѣпкую подпору ко впредбудущему благоповеденію показать. При семъ его королевскому высочеству весьма увеселительно быть имѣетъ, что чрезъ нѣко-

торое время взаимно въ нѣкоторыхъ важнымъ дѣлахъ уже явственно оказалося, что съ нимъ учиненное соединеніе россійскому государству такожъ свою превеликую пользу съ собою приноситъ и впредь тому еще вяще полезнѣе быть имѣетъ. Сіи разсужденія, всемилостивѣйшая императрица, такожъ и меня, яко его королевскаго высочества ближняго кровнаго сродника, возбудили, по его склонному совѣту, сюды пріѣхать, чтобъ такъ о помянутомъ благословенномъ слѣдованіи нынѣ вкупѣ порадоваться возмощи, какъ и особливо счастіе имѣти вашему императорскому величеству персонально знаему быть и вашу неоцѣненную превысочайшую милость въ глубочайшей покорности получить. И къ полученію оной съ Божіею помощію имѣю я толь наивящшую надежду, понеже ваше императорское величество (за что пока всепокорнѣйшее благодареніе воздаю) мнѣ чрезъ пожалованіе ковалеріи св. Андрея уже милостивый опытъ тому подали. Ежели же предвидѣніе всевысочайшаго Бога то такъ устроило, тобъ я съ моей стороны не зналъ себѣ въ свѣтѣ вящаго счастія желать, какъ чтобъ и я удостоенъ быть могъ отъ вашего императорскаго величества вторымъ голстинскимъ сыномъ (für einen zweiten Holsteinischen Sohn) въ вашу императорскую высокую фамилію воспріяту быть. Можетъ быть отъ меня весьма смѣло учинено, что я дерзаю вашему императорскому величеству вдругъ такое откровенное представленіе чинить. Но ежели я въ томъ проступился, то ваше императорское величество да соизволитъ милостиво сіе мое преступленіе токмо истинному, совершенному высокопочтенію приписать, съ которымъ я несравненныя добродѣтели и высокія дарованія прекраснѣйшей принцессы Елисаветы, ея императорскаго высочества, въ моемъ сердцѣ почитаю и которое далѣе утаить мнѣ невозможно было. Якоже и я оставить не могу вашего императорскаго величества симъ всепокорнѣйше просить ко мнѣ высокую свою милость явить, высокопомянутую принцессу, дщерь свою, ея императорское высочество мнѣ въ законную супругу матернею высочайшею милостію позволить и даровати. Утвержденіе моего временнаго благоповеденія предается симъ токмо въ руцѣ великаго Бога и вашего императорскаго величества, и присовокупляю еще токмо къ сему сіе вѣрное обнадеживаніе, что я во всю свою жизнь готовъ буду за ваше императорское величество, императорскую фамилію и за интересъ россійскаго государ-

ства и послѣднюю каплю крови радостно отдать и сакрификовать. Въ ожиданіи скорой, всемилостивѣйшей и склонной резолюціи пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій, преданнѣйшій слуга Карлъ бискупъ Любецкій [29].»

Склонная резолюція послѣдовала, принцъ Карлъ голштинскій сталъ женихомъ цесаревны Елисаветы. Старшій герцогъ голштинскій, подкрѣпленный этою новою связью, могъ думать, что крѣпко утвердился въ Россіи; это утвержденіе было ему теперь тѣмъ болѣе необходимо, что надежда на шведское наслѣдство, такъ усилившаяся въ послѣднее время царствованія Петра, начала снова ослабѣвать. Но въ то самое время, когда изъ Стокгольма приходили дурныя вѣсти о торжествѣ партіи, враждебной Россіи и герцогу голштинскому, онъ былъ пораженъ извѣстіемъ, что Меншиковъ просилъ императрицу о согласіи на бракъ его дочери съ великимъ княземъ Петромъ, и что Екатерина дала согласіе.

До сихъ поръ люди, всего болѣе содѣйствовавшіе возведенію на престолъ Екатерины, хотя и сознавали, какъ трудно будетъ въ другой разъ отстранить отъ престола великаго князя Петра въ пользу одной изъ его тетокъ, однако могли надѣяться, что Екатерина проживетъ еще долго и обстоятельства могутъ нѣсколько разъ измѣниться въ ихъ пользу. Остерманъ грозилъ возстаніями народа за Петра, какъ единственнаго законнаго наслѣдника; ему могли отвѣчать, что войско на сторонѣ Екатерины, что оно будетъ и на сторонѣ дочерей ея. Привязанность войска сильно поддерживалась. Въ газетахъ, которыми правительство старалось дѣйствовать на общественное мнѣніе, подлѣ заботливости Екатерины о просвѣщеніи, о продолженіи дѣлъ Петра, особенно выставлялась заботливость ея о войскѣ: «Ея императорское величество, печаталось въ газетахъ, матернее имѣетъ попеченіе къ своимъ подданнымъ, а наипаче въ тѣхъ дѣлахъ, кои начаты при его величествѣ, дабы ихъ всемѣрно въ дѣйствіе произвести, а наипаче о наукахъ молодыхъ шляхтичей, для которыхъ новые профессоры изъ другихъ краевъ выѣхали и ко онымъ профессорамъ великую показала милость и высокую свою протекцію, и указала имъ прежнюю академію разсмотрѣть и вновь еще молодыхъ шляхтичей набирать и школы умножать. Немалое имѣетъ попеченіе о воинскихъ дѣлахъ, и въ прочемъ, что принадлежитъ къ удоволь-

ствію полковъ, и часто изволитъ сама при экзерциціяхъ присутствовать. Между тѣми же полезными государству и подданнымъ своимъ дѣлами, не оставила въ Питергофѣ, яко въ любимомъ мѣстѣ государя императора, на память его величества славныхъ дѣлъ, нѣкоторые домы додѣлывать и игровыми водами и прочими украшеніями украшать.» Подъ девятымъ числомъ ноября 1725 года въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ читали извѣстіе, что императрица дѣлала смотръ ингерманландскому полку на лугу, гдѣ стоитъ большой глобусъ; потомъ вошла въ шатеръ и всѣхъ офицеровъ изъ рукъ своихъ напитками жаловала; тутъ же были цесаревны и герцогъ голштинскій. Въ 1726 году читали извѣстіе о слѣдующемъ случаѣ: «На гаптвахтѣ, что у Зимняго Дома караульный капитанъ-поручикъ Петръ Чичеринъ, когда поспѣшалъ ко фрунту для отданія чести цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, наткнулся на протазанъ и жестоко покололся, такъ что не чаяли живу ему быть. Ея величество тогожъ момента изволила, вставъ изъ-за кушанья, сама выйти къ тому раненому и указала его отнесть въ особливую палату, архіатеръ, лейбъ-медикусъ и лѣкари придворные призваны, и указала того раненаго при себѣ перевязать, и потомъ едва не по вся дни изволила его сама надзирать. И тако тотъ офицеръ чрезъ помощь Божію и милостивое призрѣніе животъ свой спасъ.» Потомъ читали, что на гвардейскіе полки сдѣланъ мундиръ презрядный, какого никогда въ тѣхъ полкахъ не бывало.

На войско крѣпко надѣялись; но для войска нуженъ былъ искусный предводитель, и такимъ былъ фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, первая военная знаменитость, оставленная славнымъ царствованіемъ Петра. Толстой, несмотря на весь его умъ и ловкость, не могъ занимать перваго мѣста при рѣшительномъ дѣйствіи и уступалъ его Меншикову, именно какъ полководцу. Вотъ почему Меншиковъ былъ такъ необходимъ для партіи приверженцевъ Екатерины и ея дочерей, ибо кого можно было противопоставить другому фельдмаршалу, любимому вождю украинской арміи, князю Михаилу Михаиловичу Голицыну? Вотъ почему можно принять извѣстіе, что когда, во время отсутствія Меншикова въ Курляндію, противъ него въ Петербургѣ поднялась сильная буря, то герцогъ голштинскій своимъ предстательствомъ у императрицы поспѣшилъ успокоить эту бурю. Но если Меншиковъ былъ такъ необходимъ для партіи Екатерины и дочерей ея, то легко понять

ужасъ и раздраженіе этой партіи, когда узнали, что свѣтлѣйшій измѣняетъ ей. Что же побудило главу партіи къ этой измѣнѣ?

Меншиковъ, подобно Остерману, долженъ былъ понимать, какъ трудно было бы отстранить отъ престола великаго князя Петра; долженъ былъ понимать, что на него, Меншикова, какъ на самое видное лице въ противной Петру партіи, должна была обрушиваться вся ненависть приверженцевъ великаго князя, а къ этимъ приверженцамъ принадлежало народное большинство. Въ подметныхъ письмахъ говорилось: «Извѣстіе дѣтямъ россійскимъ о приближающейся погибели россійскому государству какъ при Годуновѣ надъ царевичемъ Димитріемъ учинено: понеже князь Меншиковъ истиннаго наслѣдника, внука Петра Великаго, престола уже лишилъ, а поставляютъ на царство россійское князя голштинскаго. О горе, Россія! смотри на поступки ихъ, что мы давно проданы». Мысль, что преемникомъ Екатерины долженъ быть Петръ, не ослабѣвала въ народѣ: осенью 1726 года ходили слухи, что императрица послѣ имянинъ своихъ поѣдетъ въ Москву короновать внука. Аранскаго (Нижегородскаго) монастыря архимандритъ Исаія поминалъ на ектеніяхъ: «Благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Аксѣевича» вмѣсто «благовѣрнаго великаго князя», и когда ему возражали, отвѣчалъ: «хотя мнѣ голову отсѣките, буду такъ поминать, а противъ присланной формы поминать не буду, потому что онъ нашъ государь и наслѣдникъ» [30]. Меншикова выставляли Годуновымъ; но въ чью пользу онъ, по мнѣнію народа, готовъ былъ совершить годуновское дѣло? Въ пользу герцога голштинскаго. Въ самомъ дѣлѣ для чего Меншиковъ долженъ былъ выставлять себя въ такомъ ненавистномъ свѣтѣ, подвергаться такимъ опасностямъ, поддерживать дѣло трудное, почти невозможное. Для того чтобъ по восшествіи на престолъ цесаревны Анны или Елисаветы уступить все свое вліяніе какому-нибудь Бассевичу! Меншиковъ сталъ добиваться курляндскаго герцогства для обезпеченія будущности своей и своего семейства; потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ подумать о чемъ нибудь другомъ. Додумался ли онъ самъ? Есть извѣстіе, что другіе указали ему средство выйти изъ затруднительнаго положенія.

Россія заняла важное мѣсто среди европейскихъ державъ съ могущественнымъ вліяніемъ, особенно на судьбу державъ сосѣднихъ. Понятно, что послѣднія должны были заботливо слѣдить за

внутренними перемѣнами въ ней и сильно волноваться вопросомъ: кто будетъ преемникомъ Екатерины? Особенно этотъ вопросъ былъ важенъ для Даніи, которой вступленіе на русскій престолъ герцогини голштинской грозило страшною опасностію, а вступленіе великаго князя Петра уменьшало или даже уничтожало опасность. Датскій министръ въ Петербургѣ Вестфаленъ долженъ былъ больше всѣхъ трудить свою голову надъ придумываніемъ средствъ, какими можно было помочь возвести на престолъ великаго князя Петра, и наконецъ нашелъ средство: оно состояло въ томъ, чтобъ отнять у партіи, враждебной Петру, ея главу Меншикова и заставить его дѣйствовать въ пользу Петра. Но Вестфаленъ, по извѣстнымъ отношеніямъ своего двора къ русскому, не могъ самъ дѣйствовать, и обратился къ министру другаго двора, котораго интересы относительно престолонаслѣдія въ Россіи были тождественны съ интересами датскими. Мы видѣли, что Остерманъ, разбирая средства великаго князя Петра, указывалъ на поддержку, которую онъ долженъ найти у австрійскаго двора, будучи племянникомъ цесаревы. Теперь съ австрійскимъ дворомъ былъ заключенъ союзъ и посланникъ цесаря, графъ Рабутинъ, занималъ самое видное мѣсто въ Петербургѣ между представителями европейскихъ дворовъ, пользовался наибольшею довѣренностію и доступомъ. Къ нему-то и обратился Вестфаленъ съ предложеніемъ привлечь Меншикова на сторону великаго князя указаніемъ на блестящую будущность, которая ожидаетъ его при Петрѣ, если онъ выдастъ за него дочь свою; состороны цесаря Рабутинъ обѣщалъ Меншикову первый фьефъ какой только сдѣлается вакантнымъ въ имперіи. Разумѣется, Меншиковъ долженъ былъ съ радостію принять это предложеніе, представлявшее ему такой блестящій выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Оставалось получить согласіе императрицы на бракъ великаго князя съ княжною Меншиковою. Свѣтлѣйшій воспользовался тѣмъ, что дочь его была сговорена за польскаго выходца графа Сапегу, но императрица взяла этого жениха для своей племянницы Скавронской, и Меншиковъ въ вознагражденіе, началъ просить согласія на бракъ своей дочери съ великимъ княземъ. Императрица согласилась. Нужно ли объяснять это согласіе однимъ упадкомъ нравственныхъ силъ въ Екатеринѣ, о которомъ доносили нѣкоторые иностранные министры дворамъ своимъ, или Екатерина видѣла невозможность отстранить отъ

престола великаго князя въ пользу одной изъ дочерей своихъ, и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ человѣка, на признательность котораго имѣла право разсчитывать?

Какъ бы то ни было, дѣло было рѣшено въ мартѣ 1729 года, и это рѣшеніе привело въ ужасъ цесаревенъ и ихъ приверженцевъ. Обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ слѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; къ нимъ на помощь явился Толстой съ своими представленіями: онъ говорилъ объ опасности, какой императрица подвергаетъ своихъ дѣтей и своихъ самыхъ вѣрныхъ слугъ; грозилъ, что послѣдніе, не будучи въ состояніи съ этихъ поръ быть ей полезными, принуждены будутъ ее покинуть; онъ самъ скорѣе подвергнетъ жизнь свою опасности, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться страшныхъ послѣдствій ея согласія на просьбу Меншикова. Екатерина защищалась, говорила, что не можетъ измѣнить слову, данному по фамильнымъ причинамъ, и бракъ великаго князя на Меншиковой не перемѣнитъ нисколько ея тайнаго для всѣхъ намѣренія относительно престолонаслѣдія. Несмотря на то, представленія Толстова произвели сильное впечатлѣніе на Екатерину, и герцогъ голштинскій сталъ надѣяться на побѣду; рѣчь Толстова была положена на бумагу; Бассевичъ носилъ ее въ карманѣ и всѣмъ читалъ. Но радость была не продолжительна: Меншиковъ имѣлъ вторую секретную аудіенцію, и дѣло было рѣшено окончательно [31].

Меншиковъ торжествовалъ. На его сторонѣ, по крайней мѣрѣ повидимому, былъ представитель стараго вельможества, князь Дм. Мих. Голицынъ, который видѣлъ себя наконецъ у цѣли своихъ желаній: въ противномъ лагерѣ раздоръ, и посредствомъ того самаго Меншикова, который возвелъ на престолъ Екатерину, можно возвести Петра, а тамъ что Богъ дастъ! Соединенные противники были неодолимы, а поодиночкѣ можно одолѣть и Меншикова. Другіе понимали дѣло именно такъ, что Голицынъ ласкаетъ Меншикова только до поры до времени; но Меншикову, какъ человѣку его происхожденія, обремененному до сихъ поръ ненавистію старой знати, пріятно было думать, что теперь онъ становится съ нею за одно, въ челѣ ея. Съ нимъ за одно былъ первый дѣлецъ, Остерманъ, который видѣлъ всю невозможность обойти великаго князя, и присталъ къ партіи, на сторонѣ которой былъ теперь

вѣрный успѣхъ. Меншиковъ, Голицынъ, Остерманъ и австрійскій посланникъ Рабутинъ составляли теперь тайный совѣтъ, въ которомъ разсуждалось о будущемъ Россіи, и всего важнѣе было то, что Россія принимала охотно это будущее, которое вполнѣ ее удовлетворяло, обезпечивая ея спокойствіе.

Меншиковъ торжествуетъ, онъ въ безопасной пристани; а Толстой съ товарищами играетъ въ опасную, отчаянную игру. Гдѣ же его товарищи? Ихъ не видно, онъ одинъ, а два года тому назадъ ихъ было много, и все сильные люди. Ягужинскій, заклятой врагъ Меншикова, человѣкъ смѣлый, далеко въ Польшѣ; тесть его графъ Головкинъ слишкомъ остороженъ, напроломъ не пойдетъ; великій адмиралъ графъ Апраксинъ въ затруднительномъ положеніи между двумя друзьями—Меншиковымъ и Толстымъ, раздѣлившимися теперь въ противоположныхъ стремленіяхъ, а какъ было прежде хорошо, покойно старику опираться на такихъ двоихъ друзей, и какъ обоимъ друзьямъ было выгодно держаться за такого старика! Говорили, что Апраксинъ сдѣлалъ выборъ, сталъ на сторону Толстова; но отъ него трудно было ожидать дѣятельной помощи въ минуту рѣшительную. Такимъ образомъ Толстому нечего было надѣяться на людей, высоко стоявшихъ, великаго канцлера и великаго адмирала; онъ долженъ былъ обратиться къ людямъ второстепеннымъ, кто посмѣлѣе: таковы были старый генералъ Ив. Ив. Бутурлинъ и только что возвратившійся изъ курляндской посылки графъ Девьеръ, оба враждебные Меншикову, несмотря на то, что Девьеръ былъ женатъ на родной сестрѣ свѣтлѣйшаго, Аннѣ Даниловнѣ. Недавно, только во время курляндской посылки, Девьеръ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; но онъ уже мечталъ о мѣстѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Бутурлинъ и Девьеръ были равнодушны къ вопросу, кто будетъ преемникомъ Екатерины; они боялись одного—усиленія Меншикова, и если они желали отстраненія отъ престола Петра, такъ потому только, что Петръ вступалъ въ бракъ съ дочерью Меншикова; одинъ Толстой прямо не хотѣлъ Петра, боясь, что сынъ отплатитъ ему за то, что онъ сдѣлалъ противъ отца.

«Меншиковъ, говорилъ Бутурлинъ, что хочетъ то и дѣлаетъ, и меня, мужика стараго обидѣлъ, команду отдалъ мимо меня младшему, къ тому жъ и адъютанта отнялъ, и откуда онъ такую власть взялъ? развѣ за то онъ меня обижаетъ, что я ему много добра

дѣлалъ, о чемъ онъ самъ хорошо знаетъ, а теперь забыто! Такъ-то онъ знаетъ, кто ему добро дѣлаетъ! Не думалъ бы онъ того, что князь Дм. Мих. Голицынъ и братъ его, и князь Борисъ Ив. Куракинъ и ихъ фамиліи допустили его, чтобъ онъ властвовалъ; напрасно онъ думаетъ, что они ему друзья; какъ только великій князь вступитъ на престолъ, то они скажутъ Меншикову: «полно, миленькій, и такъ ты нами долго властвовалъ, поди прочь! Еслибъ великій князь сдѣлался наслѣдникомъ по волѣ ея величества, то князь Борисъ Ивановичъ (Куракинъ, какъ близкій родственникъ) тотчасъ прикатилъ бы сюда. Меншиковъ не знаетъ, съ кѣмъ знаться: хотя князь Дмитрій Михайловичъ манитъ или льститъ, не думалъ бы, что онъ ему вѣренъ, только для своего интереса».

Девьеръ толковалъ также о Меншиковѣ: «Что жь вы молчите? говорилъ онъ Толстому: Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ Верховнымъ Совѣтомъ; лучшебъ было, еслибъ меня въ Верховный Совѣтъ опредѣлили». Толстой толковалъ свое: «Если великій князь будетъ на престолѣ, то бабку его возьмутъ изъ монастыря, а она будетъ мнѣ мстить за мои къ ней грубости и будетъ дѣла покойнаго императора опровергать». Всѣ соглашались, что бракъ великаго князя на дочери Меншикова опасенъ: Меншиковъ будетъ больше добра хотѣть зятю своему, чѣмъ императрицѣ и ея дочерямъ. Но какъ быть? Ждать; а если что случится съ императрицею? Меншиковъ дремать не будетъ. Надобно представить императрицѣ необходимость распорядиться поскорѣе престолонаслѣдіемъ. Но которую выбрать изъ дочерей? Девьеру и Бутурлину больше нравилась старшая, Анна Петровна: «Правомъ она изряднымъ, умильна и пріемна, и умъ превеликій, много на отца походитъ и человѣчествомъ изрядная; и другая цесаревна изрядная, только будетъ посердитѣе». Но Толстой былъ за Елисавету, потому что мужъ Анны, герцогъ голштинскій смотрѣлъ на Россію только какъ на средство добыть престолъ шведскій. Елисавету Петровну надобно возвести на престолъ; но какъ освободить ее отъ страшнаго соперника, великаго князя Петра? Онъ еще малъ, пусть поучится, потомъ онъ поѣдетъ за границу еще поучиться, какъ дѣлаютъ другіе принцы, а тѣмъ временемъ цесаревна коронуется и утвердится на престолѣ.

Но главнымъ орудіемъ успѣха считалось войско, и герцогъ голштинскій говорилъ Толстому: «хочу просить себѣ у госуда-

рыни чина генералиссимуса, а лучше, еслибъ мнѣ отдали военную коллегію: я бы тогда силенъ былъ въ войскѣ и ея величеству вѣренъ».—«Изрядно, отвѣчалъ Толстой: извольте промышлять къ своей пользѣ что вамъ угодно».

Всѣ эти рѣчи происходили въ ожиданіи, что время еще не ушло, что можно еще и помѣшать браку великаго князя на дочери Меншикова, женихъ еще молодъ, ему надобно учиться въ Россіи, надобно учиться за границею, а между тѣмъ можно склонить императрицу назначить наслѣдницею цесаревну Елисавету. Разумѣется, медлить было опасно, потому что здоровье Екатерины не было надежно; надобно поскорѣе обратиться съ этою просьбою къ императрицѣ: но кто возьмется за такое деликатное дѣло? Толстой брался; подговаривалъ и Девьера, чтобъ и тотъ не упустилъ благопріятнаго случая; Девьеръ трусилъ, подбивалъ Бутурлина, котораго считалъ посмѣлѣе: «Что же вы не доносите императрицѣ? говорилъ онъ ему: я говорилъ о доносѣ съ Толстымъ, и тотъ сказалъ: лучше донесть изъ насъ кому одному.» — «Для чего вы къ ея величеству не ходите? спрашивалъ Девьеръ Бутурлина.—«Насъ не пускаютъ», отвѣчалъ тотъ.—«Напрасно затѣваете, продолжалъ Девьеръ: сами лѣнитесь и не ходите, а говорите, что не пускаютъ». Герцогъ голштинскій говорилъ, что онъ пробовалъ дѣлать императрицѣ намеки, но она промолчала.

Рѣшительная минута наступила ранѣе, чѣмъ ожидали эти господа. 10 апрѣля у императрицы открылась горячка. Герцогъ голштинскій прислалъ сказать Толстому, чтобъ пріѣхалъ для совѣщанія въ домъ къ Андрею Ушакову; Толстой отправился къ Ушакову, но не засталъ его дома, и пошелъ во дворецъ. На дорогѣ нагоняетъ его герцогъ голштинскій въ коляскѣ, сажаетъ его съ собою и везетъ къ себѣ; пріѣхавши домой, разсказываетъ ему, что императрица очень больна, мало надежды на выздоровленіе; тутъ приходитъ Андрей Ушаковъ, и герцогъ говоритъ: «Если императрица скончается, не распорядившись насчетъ престолонаслѣдія, то мы всѣ пропадаемъ, нельзя ли теперь ея величеству говорить, чтобъ объявила наслѣдницею дочь свою». — «Если прежде этого не сдѣлано, то теперь уже поздно, когда императрица при смерти», отвѣчавъ Толстой, и Ушаковъ согласился съ этимъ.

Одни, чувствуя свою слабость, говорили, что поздно; другіе, въ сознаніи своей силы, спѣшили достигнуть цѣли своихъ стре-

мленій; по поводу опасной болѣзни императрицы, созваны были во дворецъ: члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, Сенатъ, Синодъ, майоры гвардіи и президенты коллегій для совѣщанія о престолонаслѣдіи. Было три предложенія: за цесаревну Елисавету, за цесаревну Анну и за великаго князя Петра. Послѣднее, разумѣется, взяло верхъ, и согласились, чтобъ новый императоръ оставался несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ; во время малолѣтства Верховный Тайный Совѣтъ сохраняетъ свое настоящее значеніе и составъ, кромѣ того, что цесаревны—Анна и Елисавета занимаютъ въ немъ первыя мѣста; никакое его рѣшеніе не имѣетъ силы, если не будетъ подписано всѣми членами безъ исключенія; Великій князь и всѣ его подданные должны обязаться страшною клятвою не мстить никому изъ подписавшихъ смертный приговоръ его отцу. При совершеннолѣтіи государя цесаревны получаютъ по 1800,000 рублей и между ними поровну раздѣляются всѣ бриліанты ихъ матери.

Въ то время, когда Толстой рѣшилъ, что уже опоздали, Девьеръ, своимъ неосторожнымъ поведеніемъ во дворцѣ, далъ Меншикову возможность захватить въ свои руки враждебныхъ ему людей. Послѣ 16 апрѣля канцлеръ графъ Головкинъ получаетъ отъ Меншикова бумагу при слѣдующей запискѣ: «Извольте собрать всѣхъ къ тому опредѣленныхъ членовъ и объявить указъ ея величества, и всѣмъ, не вступая въ дѣло, присягать, чтобъ поступать правдиво и никому не манить, и о томъ дѣлѣ ни съ кѣмъ нигдѣ не разговаривать и не объявлять, кромѣ ея величества, и завтра поутру его допросить, и что онъ скажетъ, о томъ донесть ея императорскому величеству, а розыску надъ нимъ не чинить.» Указъ состоялъ въ томъ, что коммиссія должна была допросить генералъ-лейтенанта Девьера по слѣдующимъ пунктамъ: 1) Понеже объявили намъ ихъ высочества государыни цесаревны, что сего апрѣля 16 числа, во время нашей, по волѣ Божіей, пре жестокой болѣзни параксизмуса, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Девіеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не только не былъ въ печали, но и веселился, и плачущуюся Софью Карлусовну (Скавронскую, племянницу императрицы) вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: «не надобно плакать.» 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собою его высочество великаго князя и нѣчто ему

на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола въ той же палатѣ, плакала; и въ такой печальный случай онъ Девьеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина»! И говоря то, смѣялся и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ. 3) Когда выходила въ ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна въ печали и слезахъ, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ, и смѣялся о нѣкоторыхъ персонахъ. 4) Его высочество великій князь объявилъ, что онъ Девіеръ, въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: «поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой», и притомъ его высочеству напоминалъ, что его высочество сговорилъ жениться, а они за нею (за невѣстою его) будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать. 5) Ея высочество великая княжна (Наталья Алексѣевна, сестра великаго князя Петра) объявила, что въ то время рейхсмаршалъ, генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь, видя его Девіеровы такіе злые поступки, ея высочеству говорилъ, чтобъ она никого не слушала, но была бы всегда при матушкѣ съ нимъ свѣтлѣйшимъ княземъ вмѣстѣ.»

Девьеръ отвѣчалъ, что 16 апрѣля, въ домѣ ея величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы сидятъ, попросилъ онъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ; князя Никиту Трубецкаго называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ Девьеръ попросилъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ, то Трубецкой на это слово обернулся, и всѣ засмѣялись; великій князь спросилъ у него: чему вы смѣетесь? И онъ, Девьеръ, ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любитъ, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ. Софью Карлусовну вертѣлъ ли — не помнитъ. Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ говорилъ упомянутыя въ обвиненіи слова, утѣшая ее. Цесаревна Елисавета Петровна сама не велѣла никому вставать. Великому князю означенныхъ въ обвиненіи словъ не говорилъ, а прежде говаривалъ часто, чтобъ изволилъ учиться, а какъ надѣлъ кавалерію худо учится, и еще какъ сговоритъ жениться, станетъ ходить за невѣстою и будетъ ревновать, и

учиться не станетъ.—Коммиссія представила эти отвѣты императрицѣ, отъ имени которой было написано слѣдующее: «Мнѣ о томъ великій князь самъ доносилъ самую истину; я и сама его (Девьера) присмотрѣла въ его противныхъ поступкахъ, и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію, того ради объявить Девьеру послѣднее, чтобъ онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ.»

Получивши на пыткѣ 25 ударовъ, Девьеръ объявилъ о извѣстныхъ намъ разговорахъ съ Толстымъ и Бутурлинымъ. Кромѣ этого лицъ и Ушакова, къ дѣлу примѣшаны были извѣстный уже намъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, который, какъ мы видѣли, находился при герцогѣ голштинскомъ: всѣ эти лица высказывались противъ брака великаго князя Петра на дочери Меншикова. 6 мая состоялся указъ: «Девьера и Толстова, лишивъ чина, чести и деревень данныхъ, сослать—Девьера въ Сибирь, Толстова съ сыномъ Иваномъ въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чина, чести, деревень, и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; князя Ивана Долгорукаго отлучить отъ двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему въ деревнѣ безвыѣздно; Ушакова опредѣлить къ командѣ куда слѣдуетъ. Потомъ прибавлено: Девьеру, при ссылкѣ, учинить наказанье, бить кнутомъ [32].»

Герцогъ голштинскій находился въ самомъ печальномъ положеніи: хотя и соглашались, чтобъ цесаревны занимали первые мѣста въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и обѣщали имъ деньги и бриллiанты, но это не было обезпечено; не обезпечена была русская помощь при достиженіи главныхъ цѣлей—возвращенія Шлезвига и добытія шведскаго престола. «Гдѣ вы, мой любезный Бассевичъ, говорилъ герцогъ своему министру: если теперь вы намъ не поможете, то мы вконецъ пропали.» Бассевичъ отправляется къ Меншикову, начинаетъ ему представлять «съ умиленіемъ», что обѣ цесаревны, Анна и Елисавета дочери Петра Великаго, которому онъ, Меншиковъ, можетъ приписать свое счастіе. Меншиковъ пришелъ въ умиленіе и согласился выдать на каждую принцессу по милліону денегъ, установить порядокъ престолонаслѣ-

дія и подтвердить договоры съ герцогомъ голштинскимъ; все это должно заключаться въ завѣщаніи императрицы, гдѣ также должно быть означено, что Петръ долженъ вступить въ супружество съ дочерью Меншикова. Но кто сочинитъ завѣщеніе? Никто не отыскивался. Тогда Бассевичъ, не могши вытерпѣть, по его словамъ, чтобъ герцогъ и обѣ принцессы пришли всѣ въ крайнюю нищету, сочинилъ наскоро завѣщаніе, которое Меншиковъ далъ подписать цесаревнѣ Елисаветѣ. Герцогъ голштинскій обязывался при этомъ заплатить свѣтлѣйшему князю съ милліона 80,000 руб.: 60,000 впередъ, а 20,000 при послѣдней выдачѣ. Несмотря на то, Меншиковъ сказалъ Бассевичу, что герцогъ долженъ выѣхать изъ Россіи, потому что ему, какъ Шведу, не довѣряютъ [33].

Нужно было спѣшить съ завѣщаніемъ. Мы видѣли, что императрица занемогла 10 апрѣля; 16, когда Девьеръ неприлично велъ себя во дворцѣ, былъ кризисъ, послѣ котораго стало легче, и нѣсколько дней надѣялись на выздоровленіе; но потомъ кашель, прежде слабый, сталъ усиливаться, обнаружилась лихорадка, больная стала ослабѣвать день отъ дня и явились признаки поврежденія легкаго. 6 мая, въ девятомъ часу пополудни, Екатерина скончалась.

На другой день, 7 мая, собрались въ дворецъ: вся царская фамилія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, синода, сената, генералитетъ, и начали читать завѣщаніе покойной императрицы, подписанное собственною ея величества рукою, какъ сказано въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Завѣщаніе это состояло изъ 15 пунктовъ: 1) Великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣетъ быть сукцессоромъ; 2) и имянно со всѣми правами и прерогативами какъ мы онымъ владѣли. 3) До.... лѣтъ не имѣетъ за юностію въ правительство вступать. 4) Во время малолѣтства имѣютъ администрацію вести наши обѣ цесаревны, герцогъ и прочіе члены Верховнаго Совѣта, которой обще изъ 9 персонъ состоять имѣетъ. 5) И симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять. 6) Множествомъ голосовъ вершать всегда и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ. 7) Великій Князь имѣетъ въ совѣтѣ присутствовать, а по окончаніи администраціи ни отъ кого никакого отвѣта не требовать. 8) Ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ цесаревна Анна

съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и ея десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдовать, однакожь мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожь никогда россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ. 9) Каждая изъ цесаревенъ, понеже отъ короннаго наслѣдства своего роднаго отца выключены, въ нѣкоторое награжденіе, кромѣ приданыхъ 300 т. рублевъ и приданаго одинъ милліонъ рублей наличными деньгами получить и оныя во время малолѣтства великаго князя имъ по малу заплачены быть, которыхъ ни отъ нихъ, ни отъ ихъ супруговъ никогда назадъ не требовать; також имѣютъ онѣ обѣ цесаревны всѣ наши мобиліи въ камняхъ драгоцѣнныхъ, деньгахъ, серебрѣ, уборахъ и экипажѣ, которыя намъ, а не коронѣ принадлежатъ, у себя и у своихъ удержать, наши же лежанція маетности и земли, которыми мы, пока короны и скипетра не получили, владѣли, имѣютъ между нашими ближними сродниками нашей собственной фамиліи чрезъ правительство администраціи по праву раздѣлены быть. 10) Пока лѣта администраціи продолжаются, имѣетъ каждой цесаревнѣ сверхъ прежнихъ по 100,000 рублевъ плачено быть. 11) Принцессу Елисавету имѣетъ его любовь герцогъ шлезвигъ голштинскій и бискупъ любецкой въ супружество получить, и даемъ ей наше матернее благословеніе; также имѣютъ наши цесаревны и правительство администраціи стараться между его любовью, (т.-е. великимъ княземъ Петромъ) и одною княжною князя Меншикова супружество учинить. 12) Его королевскаго высочества герцога голштинскаго дѣло шлезвицкаго возвращенія и дѣло шведской короны по взятымъ обязательствамъ имѣетъ накрѣпко исполнено и россійское государство такъ какъ и великій князь къ тому обязаны быть. Что же его королевское высочество герцогъ здѣсь по се число получалъ, не имѣетъ никогда назадъ требовано или на счетъ поставлено быть. 13) Все сіе имѣетъ тотчасъ по смерти нашей, кромѣ что до пункта его королевскому высочеству праведно принадлежащей сукцессіи въ Швеціи касается, публиковано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противенъ будетъ, яко измѣнникъ наказанъ быть и римскаго цесаря гарантіи на сіе искать. 14) Фамилія между собою имѣетъ подъ опасеніемъ нашей матерней клят-

вы, согласно жить и пребывать и великому князю голштинскаго дому; пока нашей цесаревны потомство онымъ владѣть будетъ, не оставлять, но по полученіи совершеннаго возраста, чего еще не достанетъ, исполнить. Напротивъ того и голштинской домъ и его королевское высочество, когда герцогъ шведской престолъ получитъ, тоже съ Россіею чинить имѣетъ. 15) Также имѣетъ цесаревнамъ, когда онѣ отсюды поѣдутъ, свободный транспортъ позволенъ быть, также и на голштинское посольство способной и отъ всякихъ тягостей и судебнаго принужденія уволенной домъ изъ государственной казны купленъ быть. [34]

Когда прочтенъ былъ этотъ знаменитый тестаментъ, въ которомъ, именемъ Екатерины, отмѣнялся законъ Петра Великаго о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника, и устанавливался порядокъ престолонаслѣдія, то всѣ присутствовавшіе начали поздравлять новаго императора и присягать ему; гвардія, собранная предъ зимнемъ дворцомъ, также присягнула и крикнула: виватъ! Послѣ этого всѣ отправились къ обѣднѣ и молебну, а по возвращеніи изъ церкви, собрались въ залу, гдѣ бывало засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Здѣсь Петръ II сидѣлъ въ креслахъ императорскихъ подъ балдахиномъ; на правой сторонѣ, на стульяхъ сидѣли: цесаревна Анна Петровна, ея супругъ, великая княжна Наталья Алексѣевна и великій адмиралъ графъ Апраксинъ; по лѣвую руку цесаревна Елисавета Петровна, Меншиковъ, канцлеръ графъ Головкинъ и князь Дм. Мих. Голицынъ; Остерманъ, получившій должность оберъ-гофмейстера, стоялъ подлѣ императорскихъ креселъ справа; также «почтены были стулами» ростовскій архіепископъ Георгій да вновь вступившій въ русскую службу Полякъ, фельдмаршалъ графъ Сапѣга. Снова прочтено завѣщаніе, и рѣшено: записать въ протоколъ, что все должно потому тестаменту исполнять; протоколъ подписанъ всѣми сидѣвшими, начиная съ императора, потомъ генералитетомъ и сенатомъ. [35]

Тестаментъ былъ обнародованъ, хотя тутъ же и пошли слухи, что онъ подложный: графъ Сапѣга, не отходившій отъ постели умирающей императрицы, увѣрялъ, что онъ ничего не видалъ и не слыхалъ. Но на завѣщаніе, какъ видно, мало обратили вниманія: для огромнаго большинства права новаго государя были безспорны. Не боялись смуты и въ старой Москвѣ, и не дѣлали ни-

какихъ тамъ распоряженій. Макаровъ увѣдомилъ о восшествіи на престолъ Петра II главное лицо въ Москвѣ, старика графа Мусина — Пушкина слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ, гдѣ Петръ является государемъ по завѣщанію, по избранію и по наслѣдству: «7 мая, въ девятомъ часу утра собрались въ большую залу вся императорская фамилія, весь Верховный Тайный Совѣтъ, св. синодъ, сенаторы, генералитетъ и прочіе знатные воинскіе и статскіе чины: по ея императорскаго величества *тестаменту,* учинено *избраніе* на престолъ россійской новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу.»[36]

ГЛАВА II.

Царствованіе Императора Петра II Алексѣевича.

Меншиковъ.—Его мѣры для упроченія своей власти.—Переѣздъ императора въ домъ Меншикова.—Обрученіе Петра съ дочерью послѣдняго.—Остерманъ, Минихъ, Голицыны и Долгорукіе.—Герцогъ голштинскій; его выѣздъ изъ Россіи.—Царица-бабка.—Шафировъ.—Разогнаніе бестужевскаго кружка.—Макаровъ, Матвѣевъ и Волынскій.—Планъ преподаванія молодому императору.—Верховный Тайный Совѣтъ; Сенатъ.—Финансы.—Уничтоженіе главнаго магистрата.—Дѣятельность коммиссіи о коммерціи.—Смягченіе нравовъ.—Дѣла церковныя.—Борьба Ѳеофана Прокоповича съ его врагами.—Возстановленіе гетманства въ Малороссіи.—Паденіе Меншикова.—Положеніе Голицыныхъ.—Положеніе Остермана.—Причины выгоднаго положенія Долгорукихъ.—Царица-бабка; переписка ея съ Остерманомъ.—Переѣздъ двора въ Москву.—Отношенія императора къ бабкѣ по отцу.—Отношенія къ другой бабкѣ, по матери, герцогинѣ Бланкенбургской.—Рѣшительный фаворъ Долгорукихъ.—Меншиковъ въ Березовѣ.—Новая бѣда съ бестужевскимъ кружкомъ.—Герцогиня Анна Курляндская и ея фаворитъ Биронъ.—Герцогиня голштинская Анна Петровна; рожденіе у нея сына Карла Петра Ульриха; ея кончина.—Придворныя движенія.—Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Уничтоженіе Преображенскаго приказа.—Коллегіи.—Областное управленіе.—Полиція.—Хлопоты о составленіи уложенія.—Дѣятельность коммиссіи о коммерціи.—Дурное состояніе арміи и флота.—Дѣло адмирала Змаевича.—Дѣятельность геодезистовъ.—Академія Наукъ.—Состояніе церкви.—Продолженіе борьбы Ѳеофана Прокоповича съ врагами.—Дѣла на Украйнахъ.—Внѣшняя дѣятельность: дѣла Персидскія, Турецкія, Французскія, Австрійскія, Польскія, Курляндскія, Шведскія, Датскія, Прусскія, Китайскія.—Рѣшеніе вопроса о соединеніи Азіи съ Америкою.—Помолвка императора на княжнѣ Долгорукой.—Болѣзнь Петра.—Замыслы Долгорукихъ.—Кончина императора.

Новый императоръ былъ признанъ безпрекословно: безпокойство, вызванное вопросомъ о престолонаслѣдіи, прекратилось; но второму императору, какъ называли Петра, было только одиннадцать лѣтъ. До совершеннолѣтія долженъ управлять Россіей Вер-

ховный Тайный Совѣтъ вмѣстѣ съ цесаревнами. «Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ», было сказано въ завѣщаніи, которое всѣ поклялись исполнять; но всѣмъ было хорошо извѣстно, что въ послѣднее время Меншиковъ повелѣвалъ въ Верховномъ Совѣтѣ. Меншикову теперь уже нельзя было пріобрѣсти большей силы, большаго значенія, поэтому онъ оставилъ все какъ было, и только хлопоталъ о томъ, чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Средствами къ тому были: полное подчиненіе молодаго императора своему вліянію, сосредоточеніе въ своихъ рукахъ военнаго управленія, составленіе для себя сильной партіи изъ людей способныхъ и значительныхъ, удаленіе людей враждебныхъ или подозрительныхъ.

Оставить Петра во дворцѣ, по одну сторону Невы, а самому жить въ своемъ домѣ на Васильевскомъ островѣ было опасно для Меншикова: свой глазъ вѣрнѣй всякого другаго, и потому свѣтлѣйшій князь перевезъ императора въ свой домъ на островъ, который вмѣсто Васильевскаго велѣно было называть Преображенскимъ. 25 мая совершено было торжественное обрученіе императора на княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Меншиковой, которую стали поминать въ церквахъ великою княжною и нарѣченною невѣстою императора; 34,000 рублей ежегодно назначено было на содержаніе ея особаго двора. Еще прежде, 13 мая Меншиковъ получилъ наконецъ давно желанное званіе генералиссимуса, котораго такъ хотѣлось и герцогу голштинскому при Екатеринѣ: теперь не было въ войскѣ человѣка, равнаго Меншикову.

Но кромѣ войска всюду нужно было имѣть преданныхъ людей. Меншикову должно отдать честь, что онъ настоящимъ образомъ понялъ свои обязанности въ отношеніи къ молодому императору, понялъ, что Петру надобно долго и много учиться, чтобъ быть достойнымъ вторымъ императоромъ. Кому же ввѣрить надзоръ за воспитаніемъ? Способнѣе не было Андрея Ив. Остермана, человѣка, знавшаго много и умѣвшаго прилагать свои знанія къ дѣлу, слѣдовательно могшаго научить и другаго подобному же приложенію; притомъ Остерманъ имѣлъ уже заслуги относительно Петра: онъ въ 1726 году такъ убѣдительно представилъ невозможность отстранить его отъ престола. Еще при Екатеринѣ, какъ только улажено было дѣло о женитьбѣ великаго князя на дочери

Меншикова, Остерманъ былъ сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ Петра, съ обязанностію руководить воспитаніемъ. Вице-канцлера стали уже видать на прогулкахъ вмѣстѣ съ его воспитанникомъ. Отъ этого времени до насъ дошла любопытная записка Остермана къ Меншикову: «За его высочествомъ великимъ княземъ я сегодня не поѣхалъ, какъ за болѣзнію, такъ и особливо за многодѣльствомъ, и работаю какъ отправленіемъ курьера въ Швецію, такъ приготовленіемъ отпуска на завтрашней почтѣ, и сверхъ того разсуждаю, *чтобъ не вдругъ очень на него налегать*». По восшествіи на престолъ Петра Остерманъ сталъ получать по 6.000 рублей жалованья, тогда какъ канцлеръ Головкинъ и князь Дм. Мих. Голицынъ получали по 5.000 [37]. Остерманъ-сила, драгоцѣнный человѣкъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а между тѣмъ онъ не опасенъ, у него нѣтъ связей, знать смотритъ на него свысока, Головкинъ его не любитъ, какъ помощника слишкомъ даровитаго; обязанный такъ много Меншикову, онъ долженъ остаться ему вѣренъ, какъ человѣкъ, не могущій обойтись безъ сильной подпоры. Притомъ, какъ говорятъ, во все царствованіе Екатерины, Остерманъ, чуя гдѣ сила, постоянно держался Меншикова, тѣмъ болѣе, что Толстой былъ его заклятой врагъ, быть можетъ за расположеніе къ великому князю Петру и Австріи, а привязанность къ австрійскому союзу, кромѣ другихъ соображеній и побужденій, могла происходить въ Остерманѣ изъ убѣжденія, что великій князь, племянникъ цесаревы, не можетъ быть отстраненъ отъ престола. Изъявлено было расположеніе и къ другому даровитому иностранцу, оставшемуся послѣ Петра, Миниху: ему дано было 5.000 рублей за труды по Ладожскому каналу [38].

Мы уже видѣли, что переходъ на сторону Петра сближалъ Меншикова съ знатью, и теперь генералиссимусъ старался упрочить это сближеніе. Бутурлинъ могъ быть правъ, говоря, что князь Дм. Мих. Голицынъ наружно показывалъ преданность Меншикову, пока тотъ былъ ему нуженъ для возведенія на престолъ Петра; но, по крайней мѣрѣ, въ первое время царствованія Петра продолжались лады между ними. Меншиковъ, забывъ прошлое, старался привязать къ себѣ и другую знатную фамилію—Долгорукихъ; князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ мѣсто гофмейстера при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, мѣсто важное по тому вліянію, какое имѣла великая княжна на брата, императора; приближеніе отца необхо-

димо вело, хотя вѣроятно не вдругъ, къ приближенію сына, князя Ивана Алексѣевича, несмотря на то, что этотъ молодой человѣкъ такъ недавно еще подвергся опалѣ за противодѣйствіе браку Петра на дочери Меншикова. Князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій былъ сдѣланъ сенаторомъ. Братъ его князь Василій Владиміровичъ, еще не зная о кончинѣ Екатерины, писалъ къ Меншикову съ Кавказа 11 мая: «За высокую вашу, моего государя и отца, милость, показанную къ брату моему и ко мнѣ неотплатную попремногу благодарствую, и не могу чѣмъ заслужить до смерти моей того, только могу просить Всемогущаго Бога, да воздастъ вамъ, моему отцу, всевышние за ваше великодушіе со всею вашею высокою фамиліею. Вашей свѣтлости высокою милостію мы взысканы; по вѣрной вашей свѣтлости службѣ къ ея императорскому величеству и чистой вашей совѣсти предстательствуешь, видя всѣхъ насъ къ ея императорскому величеству вѣрныя заслуги; все получаемъ чрезъ ваше предстательство, и со всякою охотою свидѣтельствую самимъ Богомъ, всѣмъ сердцемъ, сколько слабаго моего смыслу есть, съ радостію служу, не жалѣя своего здоровья, и прошу у Всевышняго, чтобъ могъ я исправно положенныя на мнѣ дѣла управить и пользу принесть отечеству своему и вѣрную свою услугу на старости моей ея императорскому величеству показать, и всю свою надежду имѣю на вашу свѣтлость, моего милостиваго государя и отца, и надѣюсь на великодушіе вашей свѣтлости, что оставленъ вашею высокою милостію, не буду, и кромѣ васъ, моего государя и отца, надежды не имѣю какъ вашей милости самому извѣстно» [39].

Желая привязать къ себѣ съ одной стороны людей даровитыхъ, государственныхъ работниковъ неутомимыхъ, съ другой, людей знатныхъ, Меншиковъ въ то же время безпощадно преслѣдовалъ людей, въ которыхъ зналъ или подозрѣвалъ вражду къ себѣ и которые стояли на его дорогѣ. Мы видѣли, какъ еще до смерти Екатерины онъ объявилъ Бассевичу, что герцогъ голштинскій долженъ оставить Россію. 19 мая герцогъ голштинскій засѣдалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; явился Бассевичъ и донесъ Совѣту словесно объ опасной болѣзни принца голштинскаго, епископа Любскаго, жениха цесаревны Елисаветы Петровны, послѣ чего Бассевичъ подалъ меморіалъ: 1) о дачѣ цесаревнамъ двухъ засвидѣтельствованныхъ копій съ завѣщанія императрицы Екате-

рины и съ приглашенія цесаря къ гарантіи этого завѣщанія; 2) объ опредѣленіи коммиссаровъ къ описи оставшихся послѣ покойной императрицы алмазовъ, золота и проч.; 3) объ опредѣленіи, изъ какихъ сборовъ получать назначенныя герцогу голштинскому и цесаревнѣ Елисаветѣ 100.000 рублей на годъ; 4) о ежегодной уплатѣ извѣстной части изъ отказаннаго въ завѣщаніи обѣимъ цесаревнамъ милліона рублей; 5) о покупкѣ для голштинскаго посольства особаго двора въ Петербургѣ; 6) о позволеніи занять для герцогской свиты нѣсколько комнатъ въ Академіи. На этотъ разъ меморіалъ остался безъ отвѣта.

Въ тотъ же день, т.-е. 19 мая епископъ любскій умеръ. Слишкомъ черезъ мѣсяцъ, 27 іюня голштинское дѣло было возобновлено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: призванъ былъ гофмейстеръ цесаревны Елисаветы, Сем. Григор. Нарышкинъ, которому объявлено, чтобъ онъ, по данной ему копіи брачнаго договора съ герцогомъ голштинскимъ, всячески наблюдалъ и предостерегалъ, всѣ ли обязательства этого договора будутъ исполняться со стороны герцога; приданые 300.000 рублей всѣ уже выплачены, и герцогъ въ полученіи этой суммы прислалъ росписку: потому приказали, чтобъ Нарышкинъ сдѣлалъ отъ имени членовъ Верховнаго Совѣта цесаревнѣ Аннѣ представленіе, что они для выгоды ея высочества желаютъ знать, выплачиваются ли ей надлежащіе проценты? На другой день, 28 іюня министры герцога голштинскаго, Бассевичъ и Стамке явились въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявили формально о намѣреніи своего государя и его супруги выѣхать изъ Россіи, при чемъ подали новый меморіалъ, заключавшій въ себѣ тѣ же требованія, какія мы видѣли въ меморіалѣ 19 мая. Члены Совѣта согласились удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, только отказали въ выдачѣ копіи съ завѣщанія императрицы Екатерины, объявивъ, что дать эту копію неприлично и невозможно, къ тому же она герцогу и не нужна, ибо распоряженіе касательно наслѣдства русскаго престола зависитъ исключительно отъ воли императора. Разумѣется, голштинскіе министры могли возразить, что въ завѣщаніи, которое всѣ, начиная съ императора, поклялись исполнять, прямо опредѣленъ былъ порядокъ престолонаслѣдія. Наконецъ голштинскимъ министрамъ было объявлено, что изъ имѣнія покойной императрицы для цесаревны Елисаветы оставлено будетъ столько, сколько дано

уже герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ, остальное же пойдетъ въ равный раздѣлъ между обѣими сестрами [40]. 24 іюля, отъ имени императора, за подписью членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, герцогу голштинскому дана была декларація, въ которой говорилось, что всѣ трактаты и секретные артикулы, которые императоръ Петръ I заключилъ съ Швеціею въ пользу герцога и съ нимъ самимъ, равно какъ тайная конвенція, заключенная императрицею Екатериною съ цесаремъ на счетъ Шлезвига, наикрѣпчайшимъ образомъ возобновляются и утверждаются; и пока шлезвигское дѣло не будетъ окончено, герцогъ получаетъ отъ Россіи ежегодно по 100.000 цесарскихъ гульденовъ; изъ назначеннаго ему милліона рублей герцогъ получаетъ до отъѣзда 200.000, остальные выплачиваются въ восемь лѣтъ [41]. Въ послѣдствіи Бассевичъ показалъ, какъ мы видѣли, что между нимъ и Меншиковымъ было условлено, чтобъ герцогъ изъ этого милліона заплатилъ Меншикову 80.000 рублей, именно 60.000 впередъ, а 20.000 при послѣдней выдачѣ. Когда все дѣло было кончено и Бассевичъ привезъ Меншикову 60.000 рублей и письменное обязательство герцога уплатить остальныя 20.000, то Меншиковъ отдалъ это обязательство Бассевичу назадъ, сказавши ему: «Ваше превосходительство много при томъ труда имѣлъ; я дарю тебѣ эти 20.000, возьми ихъ съ герцога, ты ихъ заслужилъ». Бассевичъ взялъ записку и отдалъ ее герцогу, говоря, что отдаетъ въ его волю, чѣмъ ему угодно будетъ наградить его. Герцогъ взявши записку, надавалъ Бассевичу много устныхъ и письменныхъ обѣщаній, но не далъ ни копѣйки денегъ; напротивъ цесаревна Елисавета Петровна подарила ему алмазный крестъ, доставшійся ей послѣ отца; и этотъ крестъ герцогъ вымѣнилъ у Бассевича на свой, который, по меньшей мѣрѣ, стоилъ 4.000 ефимковъ дешевле [42].

Герцогъ и герцогиня голштинскіе уѣхали изъ Петербурга (25 іюля). По пріѣздѣ въ свою резиденцію, Киль, Анна Петровна писала къ сестрѣ въ Петербургъ: «Государыня дорогая моя сестрица! Доношу вашему высочеству, что я, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ сюда пріѣхала съ герцогомъ, и здѣсь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мнѣ; только ниодинъ день не проходитъ, чтобъ я не плакала по васъ, дорогая моя сестрица: не вѣдаю, каково вамъ тамъ жить. Прошу васъ, дорогая сестрица, чтобъ вы изволили писать ко мнѣ почаще о здравіи ва-

шего высочества. При семъ посылаю къ вашему высочеству гостинецъ: опахало, такое какъ здѣсь всѣ дамы носятъ, мушечную коробку, зубочистку, готовальню, орѣхи; прислала бъ здѣшнихъ фруктовъ, только невозможно; крестьянское платье, какъ здѣсь носятъ, а шапку прошу ваше высочество отдать Микитѣ Волокитѣ и бѣлую шляпу. Впрочемъ рекомендую себя въ неотмѣнную любовь, и остаюсь вѣрная до гроба сестра и услужница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклонъ всѣмъ петербургскимъ, а наши Голштинцы приказали отдать свой поклонъ вашему высочеству» [43].

Мы видѣли, что Толстой, вооружаясь противъ возведенія на престолъ Петра II, выражалъ опасенія на счетъ вліянія, которое должна будетъ получить бабка Петра инокиня Елена (Авдотья Өедоровна Лопухина). И Меньшиковъ, подобно Толстому, не могъ надѣяться добраго расположенія къ себѣ отъ первой жены Петра Великаго; но оставлять въ заключеніи бабку императора было нельзя: Елену освободили изъ Шлиссеельбурга и отправили прямо въ Москву, гдѣ она была помѣщена въ новодѣвичьемъ монастырѣ съ приличнымъ содержаніемъ. 3 іюня велѣно было освободить Елену; а 26 іюля въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялся именной указъ объ отобраніи манифестовъ 1718 года по дѣлу царевича, Глѣбова и Досиѳея, чтобы впередъ ни въ какихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и по церквамъ ихъ не было и не читали; а кто имѣетъ ихъ изъ частныхъ людей, тѣ должны приносить въ Петербургѣ въ Сенатъ, въ Москвѣ въ сенатскую контору, по городамъ и уѣздамъ отдавать губернаторамъ и воеводамъ; утаившіе будутъ отданы подъ судъ. Вмѣстѣ съ означенными манифестами были отобраны манифестъ 1718 года о наслѣдствѣ и уставъ о наслѣдствѣ престола россійскаго 1722 года: этимъ хотѣли показать, что Петръ II есть законный императоръ по наслѣдству, и что уставъ Петра Великаго потерялъ силу [44].

Меншиковъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ своего заклятаго врага Шафирова, который, возвращенный, какъ мы видѣли, изъ ссылки Екатериною, получилъ мѣсто президента коммерцъ-коллегіи. Но еще въ мартѣ 1726 года Меншиковъ выхлопоталъ указъ, по которому президентъ коммерцъ-коллегіи долженъ былъ отправиться въ Архангельскъ для устройства китоловной компаніи. Говорятъ, что Остерманъ, для котораго бывшій вице-канцлеръ былъ

очень опасенъ, поддерживалъ старую вражду и опасенія Меншикова. Шафировъ, по нездоровью, остановился въ Москвѣ; но 12 іюня 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили, что надобно опредѣлить въ коммерцъ-коллегію президента настоящаго, а Петру Шафирову имѣть только титулъ президента этой коллегіи, и быть ему въ Архангельскѣ для завѣдыванія дѣлами китоловной компаніи; 19 числа приказано было послать въ Москву къ графу Мусину-Пушкину указъ, чтобъ Петра Шафирова выслалъ въ Архангельскъ къ китоловному дѣлу немедлено [45]. Ягужинскуму, бывшему генералъ-прокурору, потомъ посланнику въ Польшѣ велѣно было отправиться въ противоположную сторону—въ украинскую армію.

Дѣло Девьера вскрыло для Меншикова кружокъ людей молодыхъ, невидныхъ, которые однако старались подняться наверхъ съ помощію Петра II. Въ числѣ людей, выведенныхъ Петромъ Великимъ за даровитость и образованіе, были хорошо уже извѣстные намъ члены семьи Бестужевыхъ-Рюминыхъ, состоящей изъ отца Петра, котораго мы видѣли русскимъ министромъ въ Курляндіи и сыновей: Михайлы, министра въ Швеціи и потомъ въ Польшѣ, и Алексѣя, министра въ Даніи. Бестужевымъ и особенно самому даровитому и самому честолюбивому изъ нихъ, Алексѣю не хотѣлось ограничиваться дипломатическими мѣстами, оставаться постоянно вдалекѣ отъ Россіи, безъ непосредственнаго вліянія на дѣла, въ зависимости отъ другихъ; ихъ тянуло въ столицу, ко двору, къ источнику силы и почестей. Это стремленіе во что бы то ни стало выдвинуться, заискать, пользуясь коньюнктурами, едва было не погубило Алексѣя Бестужева въ самомъ началѣ, когда онъ, по волѣ Петра, служилъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ курфирста ганноверскаго и короля англійскаго Георга. Въ 1717 году, узнавши, что царевичь Алексѣй ушелъ изъ Россіи и находится подъ покровительствомъ императора, Алексѣй Бестужевъ 7 мая отправилъ къ нему слѣдующіе письмо: «Serenissime et augustissime altesuccedens Princeps gratiosissime Domine Czarewicz. Такъ какъ отецъ мой, братъ и вся фамилія Бестужевыхъ пользовалась особою милостію вашею, то я всегда считалъ обязанностью изъявить мою рабскую признательность и ничего такъ не желалъ отъ юности, какъ служить вамъ; но обстоятельства не позволяли. Это принудило меня, для покровительства, вступить въ чужестранную

службу, и вотъ уже четыре года я состою камеръ-юнкеромъ у короля англійскаго. Какъ скоро вѣрнымъ путемъ я узналъ, что ваше высочество находится у его цесарскаго величества, своего шурина, и я по теперешнимъ конъюнктурамъ замѣчаю, что образовались двѣ партіи, при томъ же воображаю, что Ваше Высочество, при нынѣшнихъ очень важныхъ обстоятельствахъ не имѣете никого изъ своихъ слугъ, я же чувствую себя достойнымъ и способнымъ служить вамъ въ настоящее важное время, посему осмѣливаюсь вамъ писать и предложить вамъ себя, какъ будущему царю и государю, въ услуженіе. Ожидаю только милостиваго отвѣта, чтобъ тотчасъ уволиться отъ службы королевской, и лично явлюсь къ вашему высочеству. Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что единственнымъ побужденіемъ моимъ есть высокопочитаніе къ особѣ вашего высочества [46].»

Царевичъ истребилъ письмо, только нѣмецкій переводъ его сохранился въ вѣнскомъ архивѣ; бѣда не коснулась Бестужева по слѣдственному дѣлу, ибо царевичъ и устно не показалъ на него; но несчастный исходъ дѣла царевичева не истребилъ въ Бестужевыхъ убѣжденія, что права сына Алексѣева рано или поздно получатъ силу, и что надобно держаться великаго князя Петра, а также и вѣнскаго двора, котораго интересы были такъ тѣсно связаны съ интересами роднаго племянника цесаревы. Алексѣй Бестужевъ, ставши русскимъ министромъ въ Копенгагенѣ, сносился съ Вѣною, а родная сестра его, княгиня Аграфена Петровна Волконская была въ Петербургѣ душою кружка, который сосредоточивался около двора великаго князя Петра. Главною связью кружка съ этимъ дворомъ служилъ Семенъ Аѳанасьевичъ Мавринъ, завѣдывавшій съ 1719 года воспитаніемъ великаго князя. Это мѣсто, какъ видно, Мавринъ получилъ по указанію императрицы Екатерины, при которой находился безотлучно въ пажахъ съ 711 года; въ 1725 году онъ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, получилъ за службы въ вѣчное владѣніе деревни въ Гдовскомъ и Кобыльскомъ уѣздахъ [47]; въ началѣ 1727 года онъ упоминается уже въ числѣ камергеровъ [48] и пользовался немаловажнымъ значеніемъ, потому что о свадьбѣ его на камеръ-фрейлинѣ княжнѣ Лобановой, гувернанткѣ графини Софьи Скавронской, племянницы императрицыной, упоминаетъ Саксонскій посланникъ Лефортъ въ своихъ донесеніяхъ. Другими членами кружка были: кабинетъ-секре-

тарь Иванъ Черкасовъ, совѣтникъ военной коллегіи Егоръ Пашковъ, сенаторъ Нелединскій, секретарь Исаакъ Павловичъ Веселовскій, братъ извѣстнаго бѣглеца Абрама Веселовскаго, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, арабъ Петра Великаго, воспитанный имъ заграницею. Принадлежность Бестужевыхъ къ этому кружку объясняетъ намъ, почему Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ удаленъ изъ Швеціи по настоянію Бассевича и голштинскаго министра при стокгольскомъ дворѣ, какъ человѣкъ, непріязненный герцогу голштинскому. Союзъ Россіи съ Австріею и въ слѣдствіе того сильное вліяніе вѣнскаго кабинета въ Петербургѣ, потомъ извѣстіе о перемѣнѣ въ судьбѣ великаго князя внушили Алексѣю Петровичу Бестужеву большія надежды, показывая ему въ то же время основательность его расчетовъ; отъ 23 мая 1729 года онъ писалъ сестрѣ своей, княгинѣ Волконской: «какъ къ Рабутину (австрійскому посланнику въ Петербургѣ) отсюда писано, такъ и къ вѣнскому двору, дабы онъ Рабутинъ инструированъ былъ стараться о васъ, чтобы вамъ при государынѣ великой княжнѣ цесарскаго высочества (Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра II) оберъ-гофмейстериной быть, такожде чтобъ и друзья наши, Абрамъ Петровичъ (Ганнибалъ) и Исакъ Павловичъ (Веселовскій) достойнѣйше награждены были. Вы извольте согласно съ помянутымъ Рабутиномъ о томъ стараться. Что же принадлежитъ до брата нашего и до меня, и я намѣренъ потерпѣть дондеже вы награжденіе свое, чинъ оберъ-гофмейстерины получите и помянутые друзья наши, ибо награжденіе мое чрезъ вѣнскій дворъ никогда у меня не уйдетъ. Согласитесь съ Рабутиномъ о себѣ и о вышеписанныхъ друзьяхъ нашихъ, такожде и о родителѣ нашемъ прилежно чрезъ Рабутина стараться извольте, чтобъ пожалованъ былъ графомъ, что Рабутинъ легко учинить (можетъ [49].»

Но Алексѣй Петровичъ Бестужевъ жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ: Рабутинъ умираетъ, а въ бумагахъ Девьера находятъ письма къ нему отъ Бестужевыхъ, отъ княгини Волконской, изъ которыхъ видна тѣсная связь между всѣми этими враждебными Меншикову людьми, ибо свѣтлѣйшій князь былъ убѣжденъ, то Петръ Бестужевъ разстроивалъ его курляндскіе планы. Ненависть Бестужевыхъ къ камергеру Левенвольду, который былъ одинъ человѣкъ съ Остерманомъ, указываетъ на сильную борьбу Маврина и его кружка съ Остерманомъ и Левенвольдомъ, при

чемъ назначеніе Остермана оберъ-гофмейстеромъ при великомъ князѣ Петрѣ должно было возбудить крайнее ожесточеніе въ Мавринѣ и его друзьяхъ. Какъ бы то ни было, одновременно съ арестованіемъ Девьера стража была поставлена и въ домъ княгини Волконской, которой запрещенъ пріѣздъ ко двору. Важныхъ уликъ не было. Не смотря на то, къ княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ явился секретарь Меншикова Андрей Яковлевъ, и объявилъ ей, чтобъ ѣхала въ Москву, жила тамъ или въ деревняхъ гдѣ хочетъ, принесъ и подорожную, гдѣ было сказано глухо, чтобъ посланнымъ людямъ давать подводы, безъ означенія именъ. Противъ другихъ членовъ кружка также не было никакихъ уликъ, и потому ихъ могли разослать только въ почетную ссылку, давши порученія въ Сибирскіе города. Мавринъ и Ганнибалъ отправлены были въ Тобольскъ, послѣдній съ порученіемъ строить крѣпость, потому что былъ инженеромъ; изъ Казани, 29 іюня онъ писалъ Меншикову: «Не погуби меня до конца имене своего ради, и кого давить такому превысокому лицу такого гада и самая послѣдняя креатура на земли, котораго червя и трава можетъ сего свѣта лишить: нищъ, сиръ, беззаступенъ, иностранецъ, нагъ, босъ, алченъ и жажденъ; помилуй, заступникъ и отецъ и защититель сиротамъ и вдовицамъ [50]» и проч. Иванъ Черкасовъ въ званіи синодскаго оберъ-секретаря отправленъ въ Москву для описи церковной утвари; 7 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было рѣшено: «О Иванѣ Черкасовѣ въ сенатѣ объявить, чтобъ по посланному къ нимъ указу объ отправленіи его въ Москву чинили немедленно [51].» Изгнанникъ Ѳедоръ Веселовскій, не зная, что дѣлается въ Россіи, думалъ, что съ восшествіемъ на престолъ сына царевича Алексѣя наступило удобное время просить позволенія возвратиться въ Россію. 19 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ читано было письмо его изъ Лондона, гдѣ онъ, объявляя причины своего бѣгства, просилъ о помилованіи. Но въ Совѣтѣ нашли оправданія его не заслуживающими уваженія. Остерманъ понесъ письмо къ Меншикову, и тотъ объявилъ, что нельзя дать помилованія. Когда старикъ генерелъ-адмиралъ графъ Апраксинъ завелъ было рѣчь въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о Мавринѣ и Петровѣ, за что они сосланы, то Остерманъ сталъ просить его, чтобъ онъ больше объ этомъ не говорилъ.

Царевна Анна Ивановна спѣшила умилостивить Меншикова уни-

зительными письмами: «Вашей свѣтлости многія милости ко всѣмъ людямъ показаны, и какъ прежде, такъ и нынѣ чрезъ вашу свѣтлость получили многіе милости; также и государыня моя матушка и всѣ мы много отъ вашей свѣтлости одолжены. И съ покорностію прошу вашу свѣтлость: какъ прежде я имѣла вашей свѣтлости къ себѣ многую любовь и милость, тако и нынѣ и по нынѣшнемъ нашемъ свойству меня не оставить, но содержать въ милости и протекціи, въ которую протекцію вашей свѣтлости и себя нижайше рекомендую.» Въ томъ же родѣ Анна писала письмо и къ женѣ Меншикова и къ свояченицѣ его Варварѣ Арсеньевой: но все напрасно!

Петръ Михайловичъ Бестужевъ вызванъ былъ изъ Митавы въ Петербургъ и задержанъ здѣсь, не смотря на жалобные вопли герцогини о возвращеніи необходимаго ей человѣка; самой царевнѣ Меншиковъ не позволилъ пріѣхать въ Петербургъ для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ [52].

Кабинетъ, существовавшій при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I-й подъ управленіемъ знаменитаго кабинетъ-секретаря Макарова, былъ упраздненъ, какъ ненужный при малолѣтномъ императорѣ; Макаровъ лишился своего важнаго значенія, въ которомъ не могъ всѣмъ угодить, и былъ назначенъ президентомъ въ камеръ-коллегію. Пріятель его графъ Матвѣевъ по просьбѣ, за долголѣтнія службы, отъ дѣлъ уволенъ и позволено ему жить гдѣ захочетъ. Волынскій, уволенный отъ губернаторства въ Казани, жилъ въ Петербургѣ въ званіи шталмейстера; его назначили министромъ ко двору герцога голштинскаго; потомъ передумали и назначили въ украинскую армію. Герольдмейстеръ и оберъ-церемонiймейстеръ графъ Санти былъ засланъ далеко въ Сибирь по связи съ Толстымъ, которому онъ служилъ переводчикомъ.

Семена Маврина не было болѣе при императорѣ; при Петрѣ не было и учителя Зейкина. Иванъ Алексѣевичъ Зейкинъ былъ учителемъ въ домѣ Александра Львовича Нарышкина, съ которымъ ѣздилъ за границу. Въ 1722 году онъ получилъ отъ Петра Великаго слѣдующую записку: «Господинъ Зейкинъ: понеже время приспѣло учить внука нашего, того ради, вѣдая ваше искусство въ такомъ дѣлѣ и добрую вашу совѣсть, опредѣляемъ васъ къ тому, которое дѣло начни съ Богомъ по осени.» Зейкинъ сталъ отговариваться, выставляя свою неспособность къ такому важно-

му дѣлу, и дѣло затянулось надолго. Въ ноябрѣ 1723 года Зейкинъ получилъ отъ государя записку уже въ другомъ тонѣ: «Указъ г. Зейкину: опредѣляемъ васъ учителемъ къ нашему внуку, и когда сей указъ получишь, вступи въ дѣла свои немедленно.» Но и послѣ этого указа Александръ Львовичъ Нарышкинъ не отпускалъ Зейкина. Тогда Петръ написалъ Макарову: «Нарышкинъ его не отпускаетъ, притворяя удобь возможные подлоги, и также я не привыкъ жить съ такими, которыя не слушаются смирно: того ради скажи и объяви сіе письмо, что ежели Зейкинъ по указу не учинитъ, то я не надъ Зейкинымъ, но надъ нимъ (Нарышкинымъ) то учиню, что доводится преслушникамъ чинить, ибо все сіе отъ него происходитъ.» 10 іюля 1727 года Зейкинъ былъ выпровоженъ за границу въ Венгрію, его отечество. Тверской архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вооружаясь противъ лютеранства, хвалилъ благочестіе и ученіе Зейкина, говорилъ, что онъ былъ бы очень надобенъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ правилахъ и благочестіи. Мавринъ и Зейкинъ были отстранены; Остерманъ остался одинъ; но кромѣ Петра для него очень было важно подчинить своему вліянію сестру императора, великую княжну Наталью. Она была только годомъ старше брата, но была развита выше своего возраста, особенно быть можетъ, въ слѣдствіе болѣзненности, чахоточности, хотя, разумѣется, мы не имѣемъ надобности вѣрить восторженнымъ отзывамъ о необыкновенныхъ способностяхъ Натальи, сохранившимся въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ: извѣстно, какъ партія, примыкающая къ высоко-поставленному лицу, обыкновенно преувеличиваетъ достоинства этого лица, тогда какъ партія противная, наоборотъ, уменьшаетъ ихъ. Петръ очень любилъ сестру, съ которою вмѣстѣ выросъ, и слушалъ ее; Остерману не трудно было овладѣть волею великой княжны, которая была доступнѣе внушеніямъ учителя, чѣмъ мальчикъ, который думалъ объ одномъ, какъ бы изъ класса вырваться поскорѣе куда-нибудь, гдѣ повеселѣе. Въ бумагахъ Остермана сохранилось слѣдующее писаніе Петра II-го на латинскомъ языкѣ: «каждый разъ какъ я съ собою разсуждаю, сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ безопасности и благоденствію народа, не могу не принесть неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣща-

ніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда-либо забыть столько заслугъ ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе нѣкогда будетъ мое государство, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора [53].»

Должно быть еще Зейкинъ выучилъ Петра по латынѣ, ибо мы видимъ, что онъ на этомъ языкѣ переписывается съ Остерманомъ, т.-е. набираетъ латинскія слова, оставляя фразу русскою. Остерманъ составилъ планъ ученія, въ который входила: 1) Древняя исторія: «Читать исторію и вкратцѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдовавшею потомъ пользою и славою представлять. И такимъ образомъ можно во время полугода пройти Ассирійскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархіи до самыхъ новыхъ временъ, и можно къ тому пользоваться авторомъ первой части историческихъ дѣлъ Яганомъ Гибнеромъ, а для пріискиванія такъ называемымъ Билдерзааломъ. 2) Новая Исторія: «Новую исторію трактовать, и въ оной, по приводу г. Пуфендорфа, новое дѣяніе каждаго, и особливо пограничныхъ государствъ, представлять, и впрочемъ извѣстіе о правительствующей фамиліи каждаго государства, интересѣ, формѣ правительства, силѣ и слабости по малу подавать.» 3) Географія: «Географія, отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ, показывать, и къ тому употреблять краткое описаніе Гибнерово.» 4) Математическія операціи, ариѳметика, геометрія и прочія математическія части и искуствъ изъ механики, оптики и проч. Обозначены были и забавы: концертъ музыческій, стрѣльба, игра подъ названіемъ вальянтеншпиль, бильярдъ, ловля на острову. Но кромѣ того сохранилась записка, подписанная самимъ Петромъ, гдѣ говорится: въ понедѣльникъ пополудни отъ 2 до 3-го часа учиться, а потомъ солдатъ учить; по полудни вторникъ и четвергъ съ собаки на полѣ; по полудни въ среду солдатъ обучать, по полудни въ пятницу съ птицами ѣздить; по полудни въ субботу музыкою и танцованіемъ; по полудни въ воскресенье въ лѣтній домъ и въ тамошніе огороды [54].— Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ «Какимъ образомъ и порядкомъ

надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ.»

По плану Остермана Петръ долженъ былъ каждую середу и пятницу присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. 21 іюня въ началѣ одиннадцатаго часа императоръ пріѣхалъ въ Совѣтъ и объявилъ: «Послѣ какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, напвящшее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, то-есть, чтобъ народъ мнѣ подданный съ богобоязненностію и правосудіемъ управлять, чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ вспомогать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отогнать, но веселымъ лицемъ жалобы ихъ выслушать, и по похваленному императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать.» Послѣ, во все время господства Меншикова, мы не встрѣчаемъ извѣстій о присутствіи Петра въ Тайномъ Совѣтѣ. Меншиковъ присутствовалъ также очень рѣдко; Остерманъ не присутствовалъ или приходилъ поздно; къ нимъ обоимъ тайный совѣтникъ Степановъ носилъ дѣла на домъ для полученія ихъ мнѣнія; такъ подъ 19 іюля читаемъ въ журналѣ: «Написанный указъ о раздѣленіи ихъ высочествамъ государынямъ цесаревнамъ вещей носилъ тайный совѣтникъ Василій Степановъ къ барону Андрею Ивановичу Остерману, и, возвратясь, донесъ, что тому указу быть въ той силѣ Андрей Ивановичъ согласился, а свѣтлѣйшаго князя о томъ доложить не получилъ.» Иногда отъ свѣтлѣйшаго князя объявлялись приказы, чтобъ изволили издать такой-то указъ. Присутствовали обыкновенно трое: Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ.

Въ слѣдствіе предполагавшагося упраздненія Кабинета, 24 мая Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ именной указъ, чтобъ о новыхъ и важныхъ дѣлахъ, о которыхъ прежде писали прежде всего въ Кабинетъ, теперь прямо доносили въ Совѣтъ, именно о нападеніи непріятеля, о мирѣ или о какихъ-нибудь замѣшательствахъ; относительно же трехъ первыхъ пунктовъ, т.-е. злоумышленія противъ государя, измѣны и возмущенія изъ ближнихъ къ Петербургу губерній и провинцій писать въ Сенатъ, изъ дальнихъ въ Москву къ генералъ-губернатору князю Ромодановскому [55]. Относительно Сената Верховный Тайный Совѣтъ показалъ свою власть 17 іюля: впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воей-

ковъ, и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ, что съѣзды бываютъ не ежедневно и то пріѣзжаютъ поздно, по счетамъ большой суммы не взыскиваютъ, и для чего онъ, оберъ-прокуроръ, должности своей не исполняетъ; приказано неисправленіе его должности расписать, и для лучшаго въ отправленіи сенатскихъ дѣлъ порядка подавать ежедневно журналы, кто въ какой часъ пріѣдетъ и какъ будутъ отправляться дѣла [56].

Главный упрекъ Сенату былъ за невзысканіе значительныхъ суммъ. Работа надъ средствами поправленія финансовъ продолжалась въ Совѣтѣ. По указу 9 февраля запрещено было посылать коммиссаровъ и подъячихъ для сбору подушныхъ денегъ, велѣно было принимать эти деньги земскимъ коммиссарамъ въ городахъ, въ надеждѣ, что подданные будутъ платить подушную подать исправно въ указные сроки; но надежда не оправдалась: подданные не уплачиваютъ подати сами въ опредѣленное время. Въ слѣдствіе этого изданъ былъ указъ: губернаторамъ и воеводамъ посылать отъ себя нарочныхъ въ вотчины, не заплатившія податей, и, взявши въ города, править деньги на самихъ помѣщикахъ, а гдѣ ихъ самихъ нѣтъ, на ихъ прикащикахъ, старостахъ, выборныхъ и крестьянахъ, а въ дворцовыхъ и духовныхъ вотчинахъ на управителяхъ и крестьянахъ. Недоборъ будетъ взысканъ на губернаторахъ и воеводахъ; они же будутъ отвѣчать, если посланные ими нарочные позволятъ себѣ обижать уѣздныхъ людей [57]. 1 іюня въ Совѣтѣ разсуждали о томъ, чтобъ сложить поворотныя деньги; въ указѣ, обнародованномъ 20 іюля, говорилось, что поворотный сборъ съ привозныхъ всякихъ возовъ указано отставить для народной пользы и для пресѣченія воровства отъ сборщиковъ; сумму, которая получалась отъ этого сбора, взявъ сборъ средняго года, разложить на кабацкія питейныя продажи [58]. Имѣя въ виду недостатокъ людей и денегъ, продолжали разбирать, нѣтъ ли какихъ учрежденій и должностей, которыя можно было бы уничтожить. Мы видѣли, что въ предшествовавшее царствованіе рѣшились подчинить магистраты губернаторамъ и воеводамъ; теперь пришли къ мысли, что лучше совсѣмъ ихъ уничтожить, потому что люди понапрасну заняты, а дѣла въ губерніяхъ поручить губернаторамъ и воеводамъ [59]. Мысль эта не была приведена въ исполненіе; но порѣшили съ главнымъ магистратомъ: 18 августа изданъ былъ указъ: «Понеже городо-

вые магистраты повелѣно подчинить губернаторамъ: того ради указали мы въ С.-Петербургѣ главному магистрату не быть, а учинить только для суда здѣшняго купечества въ ратушѣ одного бургомистра и съ нимъ двухъ бурмистровъ, кромѣ тѣхъ, которые были нынѣ въ магистратѣ членами, и быть имъ погодно съ перемѣною за выборомъ купецкихъ людей, добрымъ и знатнымъ людямъ; а которыя дѣла имѣютъ быть между иностранныхъ купцовъ, тѣмъ дѣламъ быть въ коммерцъ-коллегіи [60].» Въ Совѣтѣ кто-то спросилъ: «Когда онаго магистрата не будетъ, то городовые магистраты, ежели имъ отъ воеводъ обида происходить будетъ, къ кому писать будутъ?» Но вопросъ этотъ остался безъ отвѣта [61]. Въ Совѣтѣ разсуждали также, чтобъ въ Москвѣ коллежскимъ конторамъ не быть, а посылать изъ коллегій указы прямо къ московскому губернатору; въ Синодѣ оберъ-секретарю не быть; московской синодальной конторѣ и дикастеріи не быть, а быть духовному приказу подъ вѣдѣніемъ крутицкаго архіерея, коллегіи экономіи и камеръ-конторѣ не быть [62]. Хотѣли перевести вотчинную коллегію въ Москву; но затруднялись тѣмъ, что прежній указъ о перепискѣ дачъ и столбцовъ былъ неисполненъ, и теперь хотѣли ограничиться только описаніемъ дачъ и столбцовъ и снятіемъ точныхъ копій съ однихъ ветхихъ дѣлъ; ибо если коллегія въ Москву отпустится, то чтобъ дѣла не распропали. Былъ вопросъ о переводѣ камеръ-и-юстицъ-коллегій въ Москву, но тутъ же рѣшили оставить ихъ въ Петербургѣ [63].

Мы видѣли, что въ предшествовавшее царствованіе забота о поднятіи торговли возложена была на Остермана, предсѣдателя коммиссіи о коммерціи. Коммиссія работала. Петръ Великій, имѣя въ виду заведеніе своихъ мануфактуръ, поднялъ пошлину съ сырыхъ произведеній, отпускаемыхъ изъ Россіи за-границу: такъ съ льняной и пеньковой пряжи бралось по $37^1/_2$ процентовъ. Коммиссія о коммерціи нашла, что съ такою высокою пошлиною пряжи отпускать нельзя, отъ чего русскому купечеству и крестьянству большое разореніе, ибо прежде пряжи отпускалось заграницу много, и какъ купечество, такъ и крестьянство имѣли отъ того пропитаніе, и пошлинъ сходило много, тогда какъ теперь ни пошлинъ въ казну, ни народной пользы. Коммиссія представляла, что надобно позволить отпускать пряжу, взимая по пяти процентовъ ефимками; а русскіе фабриканты должны уговариваться

заблаговременно съ поставщиками пряжи, чтобы поставляли имъ пряжу лучшую, чтобъ можно было дѣлать въ Россіи полотна одинакія съ заморскими. Представленіе коммиссіи было утверждено [64]. Остерманъ исходатайствовалъ указъ: «Ежели который городъ или кто и партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое недовольство или въ чемъ признаваетъ тягость, или и сами усмотрятъ, что какъ генерально и партикулярно къ распространенію и умноженію купечества полезно быть можетъ, и чтобъ объявляли безъ всякаго сумнѣнія и опасенія съ яснымъ доказательствомъ, и подавали-бъ въ городахъ письменно нашимъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ и воеводамъ, которымъ, принимая то, не удерживая, отсылать въ учрежденную коммиссію въ С.-Петербургъ, по которому чинено будетъ въ той коммиссіи разсмотрѣніе къ народной пользѣ [65].» По доношенію той же коммиссіи сибирскій торгъ мягкою рухлядью велѣно отдать въ вольную торговлю для всенародной пользы [66].

Но при этихъ заботахъ о матеріальныхъ средствахъ государства встрѣчаемъ распоряженіе, которое служитъ признакомъ смягченія нравовъ, стремленія дать народу лучшее воспитаніе, истребляя слѣды варварскихъ, азіатскихъ привычекъ. 10 іюля объявленъ былъ именной указъ: «Которые столбы въ С.-Петербургѣ внутри города на площадяхъ каменныя сдѣланы, и на нихъ, также и на кольяхъ винныхъ людей тѣла и головы потыканы, тѣ всѣ столбы разобрать до основанія, а тѣла и взоткнутыя головы снять и похоронить [67].»

Къ сожалѣнію блюстительница народной нравственности, главная участница въ народномъ воспитаніи, церковь представляла неутѣшительныя явленія, которыя ослабляли уваженіе къ ея пастырямъ. Сильныя жалобы Ростовскаго архіепископа Георгія на оскудѣніе доходовъ были теперь услышаны; 26 мая объявленъ былъ именной указъ: «Ростовской епархіи всѣ епаршескіе сборы изъ домовыхъ вотчинъ, какъ денежные, такъ и хлѣбные доходы отдать до предбудущаго нашего указу въ вѣдомство той епархіи архіепископу Георгію, на содержаніе соборной и домовыхъ и ружныхъ церквей, и на собственные его и домовыхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ служителей, обрѣтающихся въ той епархіи и въ С.-Петербургѣ, расходы, также сиропитательницы и ружниковъ, и для того, которые доходы положены были собирать въ синод-

скую камеръ-контору, нынѣ тѣхъ доходовъ не брать; также и ему, архіерею ни на какое содержаніе больше тѣхъ опредѣленныхъ съ его епархіи доходовъ не требовать, и всѣ надлежащіе расходы исправлять тѣми епаршескими и собираемыми съ домовыхъ вотчинъ доходами, кромѣ собираемыхъ съ вѣнечныхъ памятей пошлинъ, которыя по прежнему указу отсылать на гошпиталь [68]. 12 іюня члены Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждали о томъ, чтобъ деревни отдать архіереямъ по прежнему, архіереи же должны платить въ камеръ-коллегіи положенные на эти деревни сборы [69].

Но послышалась жалоба съ другой стороны, не на матеріальные недостатки, а на ослабленіе той мѣры, посредствомъ которой Петръ Великій старался поднять нравственное значеніе духовенства. Ректоръ московскихъ славено-греко-латинскихъ школъ, архимандритъ Гедеонъ Вишневскій донесъ Синоду, что указомъ 1723 года велѣно во всѣхъ монастыряхъ переписать молодыхъ монаховъ и выслать въ школы для ученія: но прислано только изъ Смоленской епархіи два іеродіакона, изъ которыхъ одинъ и теперь въ школахъ, а другой бѣжалъ, да изъ Сибирской епархіи одинъ іеродіаконъ, который въ 1726 году, по указу изъ московской синодальной канцеляріи, отпущенъ домой въ Сибирь, да своею охотою учатся четыре человѣка; изъ прочихъ епархій и изъ московскихъ монастырей, хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, изъ которыхъ бы могъ быть плодъ церкви и произошли бы въ учители и предикаторы, и понынѣ никто не присылыванъ. Синодъ приговорилъ послать подтвердительные указы о высылкѣ молодыхъ монаховъ въ Москву [70].

Въ отношеніяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Синоду мы не замѣчаемъ уваженія, должнаго верховному церковному правительству. Мы видѣли, что съ Англіею у русской церкви были постоянныя сношенія, и канцлеръ графъ Головкинъ представилъ Совѣту письмо находящихся въ Англіи русскихъ духовныхъ особъ, въ которомъ объявляли, что присланъ къ нимъ изъ Синода указъ о приводѣ къ присягѣ новому императору, но имъ приводить къ присягѣ некого. Распоряженіе Синода, если въ немъ и заключалась нѣкоторая неосмотрительность, не заслуживало однако того, чтобъ на него нужно было обратить большое вниманіе; несмотря на то, Совѣтъ рѣшилъ: синодскихъ членовъ призвавъ, выговорить,

что имъ такого указа, не спросясь, посылать не надлежало [71]. Спустя немного времени послѣ того, въ одно изъ засѣданій Совѣта явился оберъ-секретарь и объявилъ отъ свѣтлѣйшаго князя приказъ, чтобъ изволили опредѣлить указомъ коломенскому архіерею имѣть смотрѣніе надъ петербургскими попами, по примѣру архіерея крутицкаго, завѣдывающаго духовенствомъ московскимъ [72]. Странно, что петербургское духовенство поручалось коломенскому архіерею, мимо архіепископа Новгородскаго; но этотъ архіепископъ, самый представительный членъ Синода по дарованіямъ и образованности, былъ вовлеченъ въ непріятное дѣло, которое было не безъ вліянія на отношенія Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Синоду.

Мы видѣли, что церковныя преобразованія, совершившіяся при Петрѣ, возбуждали неудовольствіе не въ однихъ низшихъ слояхъ народонаселенія, но и между сенаторами, которые и указывали Синоду на нѣкоторыя крайности и неприличіе пріемовъ въ этихъ перемѣнахъ. Главными поборниками нововведеній въ дѣлѣ церковномъ считались двое главныхъ членовъ Синода, Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Первый, человѣкъ страстный, неосторожный, непослѣдовательный и не выдававшійся своими дарованіями, палъ въ началѣ царствованія Екатерины—и никто не жалѣлъ о немъ. Ѳеофанъ былъ ловокъ, остороженъ и послѣдователенъ, потому не сталкивался съ Петромъ; преобразователь видѣлъ въ немъ человѣка вполнѣ сочувствовавшаго преобразованію; разбирать же, въ чемъ Ѳеофанъ переходилъ должные предѣлы или нѣтъ, Петръ не имѣлъ возможности: Стефанъ Яворскій съ своими приверженцами упрекалъ Ѳеофана въ неправославіи; но на самого Стефана сыпались такіе же упреки изъ столицы православія, Константинополя; Петръ защитилъ Стефана отъ константинопольскаго патріарха, и тѣмъ болѣе могъ считать своимъ правомъ и обязанностію защитить Ѳеофана отъ Рязанскаго митрополита. Но другіе смотрѣли иначе на дѣло, и считали Ѳеофана главнымъ виновникомъ непріятныхъ имъ церковныхъ преобразованій. Навлекши на себя негодованіе однихъ какъ авторъ «Духовнаго регламента», Ѳеофанъ навлекъ на себя негодованіе другихъ какъ авторъ «Правды воли монаршей»,—сочиненія, направленнаго противъ правъ великаго князя Петра. Понятно, что Ѳеофанъ долженъ былъ примкнуть къ сторонѣ, которая хлопотала о

возведеніи на престолъ Екатерины, и вздохнулъ свободно, когда эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Мы видѣли, что паденіе Ѳеодосія очистило для Ѳеофана первое мѣсто въ Синодѣ; но архіепископъ Новгородскій скоро увидалъ, что твердой руки, поддерживавшей его, не было болѣе, что Екатерина и для него не могла замѣнить Петра. И человѣкъ, менѣе Ѳеофана проницательный, могъ легко усмотрѣть слабость императрицы, происходившую сколько отъ характера, столько же и отъ положенія, чрезвычайно непрочнаго, что̀ заставляло ее продолжать и на престолѣ прежній образъ дѣйствій, къ какому она привыкла при жизни мужа, т.-е. угождать всѣмъ, заискивать у всѣхъ, не обращая большаго вниманія на послѣдовательность, на подчиненіе отдѣльныхъ отношеній общему, единому плану дѣйствія; Екатерина уступала всякой силѣ, желая съ каждою жить въ ладу, не имѣть ни одной противъ себя. Она покровительствовала Ѳеофану; но въ то же время уступила просьбамъ людей, нерасположенныхъ къ нему, которые хотѣли ввести въ Синодъ ему соперника, человѣка совершенно противоположнаго направленія и характера, именно Георгія Дашкова, архіепископа Ростовскаго. Мы видѣли дѣятельность Георгія во время астраханскаго бунта,—дѣятельность, которая обратила на него вниманіе Петра; Дашковъ былъ сдѣланъ келаремъ, потомъ архимандритомъ Троицкаго монастыря, а въ 1718 году посвященъ въ епископы въ Ростовъ, несмотря на то, что не былъ ученымъ монахомъ и даже несмотря на то, что не былъ оправданъ по доносу въ злоупотребленіяхъ богатою казною Троицкаго монастыря. Въ лицѣ новаго Ростовскаго архіерея, энергическаго, честолюбиваго, ловкаго, умѣвшаго заводить связи и пробиваться къ своей цѣли всякими средствами, способнаго природными дарованіями прикрывать недостатокъ образованія,—въ лицѣ Дашкова получили своего представителя тѣ великорусскіе духовные, которые были отстраняемы отъ высшихъ степеней ненавистными *ляшенками*, малороссійскими монахами, управлявшими русскою церковію потому только, что учились въ школахъ. Георгій не могъ равнодушно снести, что ляшенки наполнили Синодъ, а онъ не былъ членомъ священной коллегіи; тотчасъ же, въ 1721 году, онъ столкнулся съ Синодомъ, написавши къ нему доношеніе «весьма противное и дерзостное во многихъ нарекательныхъ терминахъ»; Синодъ отвѣчалъ ему выговоромъ съ

угрозою, что если не испроситъ у Синода прощенія, то не останется безъ должнаго наказанія. Дашковъ смирился, но не оставилъ мысли попасть въ Синодъ какимъ бы то ни было способомъ; онъ обратился къ любимцу императрицы Монсу съ просьбою, чтобъ тотъ выхлопоталъ ему или мѣсто вице-президента въ Синодѣ или, по крайней мѣрѣ, перевода на Крутицы: мѣсто крутицкаго архіерея было очень важно, вопервыхъ потому, что онъ завѣдывалъ московскимъ духовенствомъ, вовторыхъ потому, что дворъ и Сенатъ посѣщали древнюю столицу и долго въ ней оставались. Ни то, ни другое желаніе Георгія не было исполнено въ царствованіе Петра Великаго; но онъ не долго дожидался: Екатерина въ 1725 году назначила его членомъ Синода, несмотря на нежеланіе послѣдняго. Время было благопріятное: люди, враждебные церковнымъ нововведеніямъ и нововводителямъ, могли высказываться свободнѣе безъ Петра; Екатеринѣ могли указать, и сама она могла замѣтить раздраженіе противъ неблагоразумныхъ нововводителей въ разныхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго, и, разумѣется, въ ея выгодахъ было смягчить это раздраженіе, пріобрѣтя популярность болѣе православнымъ поведеніемъ; не безъ разчета могли поступить строго съ Ѳеодосіемъ, принести его въ жертву всеобщему неудовольствію, и не безъ разчета спѣшили назначить въ Синодъ въ товарищи Прокоповичу и Лопатинскому неляшенка, человѣка съ противоположнымъ направленіемъ.

Георгій, представитель стараго направленія въ церкви, членъ Синода; Ѳеофану, представителю новаго, не ловко; онъ недоволенъ; недоволенъ Екатериною, которая измѣняла въ его глазахъ дѣлу Петра Великаго, возвышая людей, враждебныхъ этому дѣлу; недоволенъ особенно Меншиковымъ, который, какъ главный между птенцами Петра, не поддерживалъ своихъ, позволялъ давать дорогу людямъ имъ враждебнымъ. Ѳеофана не трогали какъ знаменитость прошлаго царствованія и по неимѣнію поводовъ; но поводы могли найтись, и дѣйствительно нашлись.

Еще въ началѣ 1725 года Синоду было донесено, что въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ лежатъ на полу 70 иконъ со снятыми окладами и вѣнцами, и въ допросѣ показывали, что снимать вѣнцы и оклады приказывалъ архимандритъ монастыря Маркеллъ Родышевскій, а Маркелла поставилъ архимандритомъ и судьею архіерейскаго дома Ѳеофанъ. Въ 1725 году Ѳеофану удалось за-

мять дѣло—выручить своего кліента; но въ началѣ 1726 года дѣло возобновилось, быть можетъ, не безъ цѣли привлечь къ нему и Ѳеофана, оставшагося теперь главою нововводителей. Маркеллъ пріѣхалъ въ Петербургъ отвѣчать предъ Синодомъ на обвиненіе, ходилъ къ Ѳеофану; однажды явился онъ къ нему въ большомъ страхѣ и разсказывалъ, что два раза встрѣтилъ гвардейскаго солдата, который грозилъ ему: «Будемъ васъ, Ѳедосовщину, за то, что ругаете и обираете св. иконы, съ вашими начальниками, скоро губить; помни это крѣпко! вотъ скоро дождемся колокола и будетъ вамъ»! Сначала Ѳеофанъ старался успокоить Маркелла, и, приписывая его ужасъ болѣзненному состоянію, призывалъ къ нему доктора; но потомъ счелъ необходимымъ препроводить его для допросовъ въ Преображенскую Канцелярію. Поступокъ совершенно понятный: человѣкъ свидѣтельствуетъ о приготовляющейся смутѣ; пусть онъ донесетъ объ этомъ, гдѣ слѣдуетъ; ибо если Маркеллъ самъ пошелъ бы съ доносомъ въ Преображенскую Канцелярію и въ допросѣ сказалъ, что объявлялъ объ угрозахъ солдата преосвященному новгородскому, то послѣдняго не поблагодарили бы. Ѳеофанъ впрочемъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что убѣдился въ притворствѣ Маркелла, отъ чего родился въ немъ страхъ, не знаетъ ли и въ самомъ дѣлѣ онъ чего-нибудь подобнаго и не распускаетъ ли этихъ слуховъ нарочно для смущенія народа и для опечаленія ея величества? Какъ бы то ни было, если понятенъ поступокъ Ѳеофана, то понятно также, что Маркеллъ, отосланный въ Преображенскую Канцелярію человѣкомъ, отъ котораго ждалъ только милости и защиты, сильно раздражился противъ Ѳеофана и рѣшился выпутаться изъ своего страшнаго положенія, и вмѣстѣ отомстить Ѳеофану и пріобрѣсть расположеніе и защиту его враговъ доносомъ на новгородскаго архіерея.

Въ Преображенской Канцеляріи Маркеллъ показалъ, что онъ боленъ меланхоліею, которую навели на него слова двоихъ александроневскихъ монаховъ; одинъ сказалъ ему: «Богъ знаетъ, увидимся ли съ тобою»! а другой говорилъ: «Я подарилъ тебѣ одну лютеранскую книгу, возьми у меня еще двѣ такія же». Изъ этихъ словъ Маркеллъ заключилъ, не грозитъ ли бѣда нѣкоторымъ синодальнымъ членамъ за ихъ противности къ церкви? и боялся не взяли бы и его понапрасну, потому что онъ о противностяхъ къ

церкви нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ знаетъ и объявитъ, гдѣ будетъ приказано. Меланхолія напала на него еще и отъ того, что шелъ за нимъ какой-то унтеръ-офицеръ, бранилъ бывшаго архіерея Ѳедоса за иконоборство и, обратившись къ нему, Маркеллу, сказалъ: «Вы и ваши начальники такіе же иконоборцы и церкви противники, потому что противъ Ѳедоса ни въ чемъ не спорили, помните, что за это скараетъ васъ Богъ.» На другой день гвардейскіе солдаты, указывая на него, говорили: «Это все Ѳедосовщина; хорошо бы всю Ѳедосовщину истребить». Маркеллъ объявилъ и о разговорахъ своихъ съ Ѳеофаномъ политическаго содержанія. Однажды Ѳеофанъ говорилъ ему: «Государыня императрица благоволила немного ошибиться въ томъ, что свѣтлѣйшаго князя изволила допустить до всего, за что всѣ на него негодуютъ, такъ что и ея величеству не очень пріятно, что она то изволила сдѣлать. Поистинѣ говорю, что я наипаче ея величество и на престолѣ всероссійскомъ утвердилъ, а то по кончинѣ его императорскаго величества стали было иные насчетъ этого прекословить. А нынѣ многіе негодуютъ, особенно за свѣтлѣйшаго князя, что ея величество изволила ему вручить весь домъ свой, и Богъ знаетъ, что будетъ далѣе. Подождать мало: вотъ въ скоромъ времени у насъ произойдетъ что-нибудь великое; про ея императорское величество говорятъ и то, что она иноземка и лютеранка. Когда императрица изволила смотрѣть строю, и въ то время чуть ее изъ ружей не убили дважды, и пулею убило человѣка, который былъ отъ нея въ полусажени, изъ чего видно, что многіе ея величеству не благопріятствуютъ; только одинъ кажется вѣренъ—графъ Толстой, но и тотъ, какъ всѣ вознегодуютъ, къ нимъ же приклонится; и то захотѣлось ей жеманиться, да отнюдь не пристало, потому что вотъ на нее какіе замахи; а воинство муштровать есть на то генералы, а не ея дѣло.»—При немъ, Маркеллѣ, былъ у Ѳеофана Александроневскій архимандритъ и говорилъ: «Вчерашняго числа былъ у насъ въ монастырѣ свѣтлѣйшій князь и пѣлъ молебенъ». Ѳеофанъ, покачавъ головою, сказалъ на это: «На что Бога обманывать: онъ самый недобрый человѣкъ, многимъ зло дѣлаетъ, а показываетъ себя богомоломъ и молебны поетъ». Спрошенный: кто именно синодальные члены и какія противности къ церкви имѣютъ? Маркеллъ представилъ обличеніе на Ѳеофана въ неправославныхъ

мнѣніяхъ, и указалъ на людей, которые раздѣляютъ эти мнѣнія, между прочимъ на извѣстнаго проповѣдника, Гавріила Бужинскаго. Между тѣмъ въ Синодѣ продолжалось дѣло о Маркеллѣ, и явилось на него новое обвиненіе: между его вещами нашли епитрахиль и пелену со споротыми жемчугами. Синодъ прислалъ въ Преображенскую Канцелярію вопросные пункты Маркеллу, и тотъ отвѣчалъ, что онъ обиралъ жемчугъ съ епитрахили и пелены но приказанію Ѳеофана. [73].

Императрица, по докладу Тайной Канцеляріи, приказала потребовать объясненія отъ Ѳеофана. Ѳеофанъ представилъ объясненія. Ему легко было написать, что Маркеллъ оклеветалъ его относительно «непристойныхъ словъ»; но нѣкоторымъ, особенно Меншикову, трудно было повѣрить, что Маркеллъ все это выдумалъ. Ѳеофанъ далъ такой смыслъ своимъ рѣчамъ о государынѣ и Меншиковѣ: «Когда мнѣ сказалъ страхованіе свое и слова мятежныя Маркеллъ, тогда, отводя его отъ онаго страха или мечтанія, говорилъ я, что солдатъ, который будто на него и прочихъ кричалъ и угрожалъ мятежемъ и сѣченіемъ, былъ нѣкто отъ малконтентовъ: таковый (молвилъ я), ярости полный, увидя тебя и дѣло твое объ окладахъ иконныхъ слышавъ, ядъ гнѣва своего на тебя изблевалъ. На примѣръ же малконтентовъ воспомянувъ о письмѣ подметномъ и о выстрѣленной пулѣ на экзерциціи, и приложилъ и сіе, что, можетъ быть, нѣкіи ярятся и на князя свѣтлѣйшаго за превосходство его: все же то сказалъ я вкратцѣ и не къ безчестію князя свѣтлѣйшаго и не къ поношенію ея величества, но просто къ его (Маркеллову) утѣшенію, понеже сей лукавецъ притворялъ себѣ великій страхъ и трепетъ. Нерядовой же и клеветникъ, который слово похвальное передѣлать умѣетъ на ругательное. Онъ и предики мои похвальныя перетолкуетъ на хульныя. Воспоминаю, какова извѣстная моя и къ ея императорскому величеству и ко всей ея величества высокой фамиліи и ко всему россійскому государству вѣрность: ибо не токмо никто и никогда ни въ дѣлѣ, ниже въ словѣ моемъ, никакой не могъ признать противности, но и многими дѣйствіями моими должная моя вѣрность свидѣтельствована стала. Свидѣтельствуютъ о ней многія мои проповѣди и не едина книжица изданная, въ которыхъ тщательно и многократно поучаю, какъ вѣрни подданніи и послушливы должны быть государямъ своимъ; свидѣтельствуютъ иныя

мои сочиненія, которыми, какъ ни есть, по силѣ моей, славѣ ихъ величества послужилъ я. Тожь свидѣтельствуется и отъ прошлогодскаго дѣла о Ѳеодосіи. А еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годахъ, когда Мазепина змѣна была и введенный оною въ отечество непріятель,—каковъ я тогда былъ къ государю и государству, засвидѣтельствуетъ его сіятельство, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Но, паче всего, каковое о моей вѣрности свидѣтельство блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ неоднократно произносилъ, ихъ сіятельству высокимъ министрамъ извѣстно. А о Маркеллѣ, какъ къ плутовству охотный онъ, всѣ вѣдаютъ, кто его изблизка знаетъ: и въ прошломъ 1718 году, когда онъ тщался клеветою погубить преосвященнаго Ѳеофилакта, тверскаго архіепископа, его величество государь императоръ, яко премудрѣйшій государь, и слушать не похотѣлъ».

Ссылкою на свидѣтельство Петра Великаго Ѳеофанъ начинаетъ защиту свою противъ обвиненій въ неправославіи: «Извѣстно всѣмъ, что я поученій никогда не говорилъ, развѣ въ присутствіи множества честныхъ людей, но и самого императора. Смотри же, благоразсудный, какъ бѣснуется Маркеллъ: всѣхъ честныхъ людей, безъ всякаго изъятія, въ дураки ставитъ. Самъ Петръ Великій, не меньше премудрый, какъ и сильный монархъ, въ предикахъ моихъ не узналъ ереси, а въ преблаженной кончинѣ своей и съ лобзаніемъ принималъ сіе мое ученіе (объ оправданіи вѣрою), которое Маркеллъ ересью нарицаетъ. Извѣстно же намъ, что тотъ же монархъ двѣ предики Маркелловы въ Кронштадтѣ, яко безумныя и хульныя, обличилъ, а въ моихъ не усмотрѣлъ, что̀ усмотрѣлъ Маркеллъ. Что же надлежитъ до моихъ книжицъ, первую (о отроческомъ наставленіи) апробовалъ императорское величество, и какъ именнымъ указомъ его сдѣлана, такъ егожь величество указомъ вездѣ разослана и повелѣно изъ нея учить дѣтей россійскихъ; а книжицу «о блаженствахъ» егожь величество приказалъ мнѣ написать, а написанную самъ его величество въ Низовомъ походѣ прочелъ и на письмѣ своемъ своеручномъ прислалъ объ оной книгѣ таковое въ Синодъ свидѣтельство, что въ ней показуется прямой путь спасенія. Ктожь не видитъ, коликое Маркеллово дерзновеніе? Кто бо не видитъ, что онъ терзаетъ славу толикаго монарха?»

Маркеллъ обвинялъ Ѳеофана въ мнѣніи, что одно Св. писаніе

полезно намъ къ спасенію, а св. отецъ писаніе имѣетъ въ себѣ многія неправости: потому не надобно его въ великой чести имѣть и на него полагаться. Ѳеофанъ отвѣчаетъ: «Всѣ мы учимъ и исповѣдуемъ, что едино Св. писаніе есть ученіе основательное о главнѣйшихъ догматахъ богословскихъ; пріемлемъ и преданія, оному непротивная; а св. отецъ книги, хотя и во второмъ, по Св. писаніи, мѣстѣ полагаемъ, однакоже много полезныя нарицаемъ. О моемъ къ отеческимъ книгамъ почитаніи не едино свидѣтельствуетъ дѣло мое: привожу въ предикахъ изъ книгъ отеческихъ свидѣтельства, тожь дѣлаю въ книжицѣ «о блаженствахъ» и въ книжицѣ «правда воли монаршей» и въ книжицѣ «о крещеніи» и проч.; и въ библіотекѣ моей есть особливая отъ иныхъ прочіихъ часть всѣхъ церковныхъ учителей, авторовъ числомъ больше 600 содержащая, на которыя издержалъ я больше тысящы рублевъ. И давно уже, по силѣ, обучаюсь и навыкаю вѣдать, о чемъ который отецъ св. пишетъ, дабы въ случающихся церковныхъ нуждахъ скоро можно было выписывать свидѣтельства. А Маркеллъ, подлинно вѣдаю, ни единой никогда книги отеческой и въ рукахъ не держалъ, развѣ у меня въ шкафѣ стоящія и не отверзтыя видѣлъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о Маркеллѣ: «И не ложно могу сказать, что еслибы такъ часто хлѣбъ ѣлъ онъ, какъ книги читаетъ, то въ три-четыре дни не стало бы его».

Маркеллъ обвинялъ Ѳеофана: «Св. иконъ въ чести достодолжной не содержитъ, а содержитъ такъ, какъ содержатъ люторы». Ѳеофанъ отвѣчаетъ: «Протолковалъ бы Маркеллъ, кая честь иконамъ св. достодолжная, и тогда бы то или другое говорилъ на меня. А мое о чести, иконамъ св. подобающей, толкованіе напечатано въ наставленіи отроческомъ: и не мое самого, но всего собора седьмаго». Маркеллъ доносилъ: «Мнитъ Ѳеофанъ и прочимъ сказываетъ, что водоосвященіе въ церкви суевѣріе есть и ни къ чему оное не полезно». Ѳеофанъ отвѣчаетъ: «А для чегожь въ домовой моей церкви водоосвященіе бываетъ, и въ мою и въ прочіи келіи приходитъ священникъ съ водокропленіемъ!» Между прочими обвиненіями Маркеллъ написалъ: «Чудотворца Николая многажды бранилъ Ѳеофанъ и называлъ русскимъ богомъ». Ѳеофанъ отвѣчаетъ: «Да не сподобитъ мене Богъ достигнуть онаго блаженства, которое и Николай св. и прочіи угодницы Божіи получили, если не лжетъ Маркеллъ! А то правда, что плотникамъ

и другимъ простакамъ, по случаю говорилъ, дабы св. Николая не боготворили, съ полезнымъ разсужденіемъ, для того, что память св. Николая выше господскихъ праздниковъ ставятъ». Маркеллъ написалъ: «Говоритъ, что ученія никакого добраго въ церкви св. нѣтъ, а въ лютеранской церкви все ученіе изрядное». Өеофанъ отвѣчаетъ: «Говорилъ часто со вздыханіемъ не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, кальвинкахъ, арминіанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ социніанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И ино есть ученіе, иноже ученый человѣкъ. Ученіе церковное въ Св. писаніи, такожь въ соборахъ правильныхъ и въ книгахъ отеческихъ. А ученый человѣкъ, который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго, хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ. Извѣстно всѣмъ ученымъ, каковаго ученія Маркеллъ, что не токмо нечелъ и не читаетъ ни Св. писанія, ни отеческихъ, ни соборныхъ и никакихъ книгъ, но и разумѣть не можетъ, и изъ латинскаго языка перевесть не умѣетъ: и когда нѣкую книжицу переводить тщался, то, между безчисленными смѣшными погрѣшеніи, и сей толкъ положилъ, который и доселѣ для забавы воспоминается. Написано было: «эра троянская», а онъ перевелъ: «мать троянская». И не дивно: еще бо и въ школахъ тупость его вѣдома была. Изъ котораго его невѣжества произошло, что и въ сихъ пунктахъ своихъ нѣкіе главные церкви св. догматы ересью нареклъ. Какъ же таковой невѣжа можетъ чіе ученіе разсуждать и судить? Дадимъ же ему и умѣніе и силу искусства богословскаго (которой не бывало), и если въ 47 артикулахъ мои ереси содержатся, какъ то онъ описуетъ, то я не рядовый, по мнѣнію его, еретикъ. Для чего же Маркеллъ доселѣ молчалъ? для чего не охранялъ церкви отъ толь вреднаго развратника? Еще же и вящше, для чего мене не отвращался, но благословенія у меня требовалъ, и отцемъ и пастыремъ нарицалъ мене, и имя мое, яко пастырское, въ церкви при священнослуженіяхъ возносилъ? Была бы его вина, еслибъ онъ толь многія ереси за мною вѣдалъ, не скоро, гдѣ надлежитъ, донеслъ, хотя бы и свободенъ доносилъ: а то тогда уже доноситъ, когда въ важномъ дѣлѣ за арестъ уже посаженъ. А по шестому

правилу св. собора втораго вселенскаго, не важно на архіерея доношеніе того, который самъ донесенъ, покамѣстъ самъ не оправдится». Өеофанъ заключилъ свою защиту такъ: «Если я не отъ всего сердца желаю сыномъ россійскимъ спасеннаго пути и вѣчнаго блаженства, и если Маркеллъ прямо и по совѣсти сія на мене написалъ, то да буду анаөема отъ Христа Іисуса, Господа моего! А на него клятва сія и на его (аще кіи суть) сообщниковъ и пособниковъ падетъ, аще не покаются».

Несмотря на неудовлетворительность отвѣтовъ Өеофана относительно «непристойныхъ словъ», Өеофана не могла постигнуть участь Өеодосія: Өеодосій не имѣлъ блестящихъ способностей, рѣзко выдававшихся достоинствъ, и выходки его противъ благодѣтеля еще болѣе оправдывали всеобщее нерасположеніе къ нему, тогда какъ Өеофанъ былъ знаменитъ своими дарованіями и ученостію, занималъ въ этомъ отношеніи безспорно первое мѣсто въ русскомъ духовенствѣ; былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ украшеній великаго царствованія, слава котораго осѣняла и царствованіе настоящее; Өеофанъ былъ великолѣпный памятникъ петровскаго времени: разрушить памятникъ, значило наругаться надъ этимъ временемъ; не даромъ Өеофанъ настаивалъ на то, что вся его дѣятельность, противъ которой теперь вооружаются, освящена одобреніемъ Петра Великаго: это имѣло особенный смыслъ для Екатерины, которая блистала свѣтомъ, заимствованнымъ отъ Петра; притомъ Өеофанъ не возбуждалъ противъ себя такого всеобщаго негодованія, какъ Өеодосій; напротивъ за Өеофана были люди, которымъ дорогъ былъ новый порядокъ вещей, новорожденное русское просвѣщеніе, въ глазахъ которыхъ ударъ Өеофану былъ тяжелымъ ударомъ этому просвѣщенію; можно сказать, что въ глазахъ этихъ людей, для которыхъ новый порядокъ вещей представлялся свѣтомъ въ сравненіи съ прежнею тьмою, въ глазахъ этихъ людей Өеофанъ былъ наслѣдникомъ Петра, главнымъ носителемъ идей преобразованія въ смыслѣ образованія; Өеофанъ былъ вождемъ этихъ людей въ ихъ борьбѣ съ дѣтьми мрака, Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи. Низверженіе ученѣйшаго архіепископа новгородскаго было бы въ глазахъ этихъ людей и въ глазахъ Европы самымъ вѣрнымъ знакомъ покинутія дѣла Петрова и возвращенія къ прежнему варварству; но подать этотъ знакъ никакъ не могли согласиться люди, съ устъ кото-

рыхъ не сходило, по крайней мѣрѣ оффиціально, имя великаго преобразователя. Ѳеофанъ не даромъ старается выставить свое дѣло съ Маркелломъ какъ борьбу науки, учености съ невѣжествомъ. Но еслибы даже и рѣшились низвергнуть Ѳеофана, то какимъ способомъ можно было это сдѣлать, воспользовавшись настоящимъ случаемъ, доносомъ Маркелла? Былъ одинъ доносъ безъ свидѣтелей; по обычному порядку надобно было пытать доносчика, и еслибы онъ на пыткѣ не сговорилъ, то надобно было пытать обвиненнаго, и этотъ обвиненный былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ! Разумѣется, Екатерина не могла на это согласиться, и потому данъ былъ такой указъ: «архимандрита Маркелла Родышевскаго, за его сумнительныя продерзкія слова, держать въ с.-петербургской крѣпости отъ другихъ колодниковъ особо, подъ крѣпкимъ карауломъ, до указу. А что онъ, Родышевскій, показалъ на новгородскаго архіепископа Ѳеофана о непристойныхъ словахъ и о церковныхъ противностяхъ, и тому его показанію вѣрить не указала (императрица) потому: оный архіерей въ отвѣтахъ написалъ, подъ заключеніемъ проклятія и анаѳемы, что онъ, противъ показанія его архимандричья, непристойныхъ словъ и прочихъ не говаривалъ и никакой противности къ церкви святой не имѣетъ; да и потому: оный архимандритъ въ Преображенскую Канцелярію взятъ по доношенію онаго архіерея въ его сумнительныхъ къ устрастію смертнаго мятежа словахъ, о чемъ оный архимандритъ хотя не во всемъ, однакоже показалъ, что де былъ въ нѣкоторой боязни отъ приключившейся ему меланхоліи, чего было ему, собою разсуждая, о таковыхъ страхованіяхъ говорить и сумнѣнія имѣть, не зная подлинно, не надлежало».

По этому указу Ѳеофанъ выходилъ съ торжествомъ изъ дѣла: вѣрить доносу было не указано; но Ѳеофану было сдѣлано другое объявленіе, въ которомъ ему показано, что онъ не вполнѣ оправдался, что онъ остается въ подозрѣніи не только относительно непристойныхъ словъ, но и относительно православія своего образа мыслей и поступковъ, и чтобъ впредь велъ себя какъ прилично православному, *великороссійскому* архіерею, иначе не будетъ ему такого снисхожденія, какое оказано теперь: «Слушавъ его отвѣты, *въ которыхъ нѣкоторые противъ показанія архимандрита Маркелла и неподлинно изъяснены*, слѣдовать и тому архимандритскому показанію вѣрить императрица не указала; а

впредь ему, архіерею, противностей св. церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсоблазненное житіе, какъ всѣ *великороссійскіе* православные архіереи живутъ; также чтобъ и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ нимало отмѣны не чинилъ предъ великороссійскими архіереями; а если онъ въ противности св. церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ» (8 декабря 1726 года).

Но бѣда этимъ не кончилась. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Екатерина умираетъ; на престолъ восходитъ Петръ II, противъ правъ котораго было направлено знаменитое сочиненіе Ѳеофана «Правда воли монаршей»; Меншиковъ, озлобленный на Ѳеофана по дѣлу Родышевскаго, теперь всемогущій правитель. Новгородскому архіепископу нельзя было ожидать ничего добраго для себя. Первый ударъ состоялъ въ томъ, что «Правду воли монаршей» велѣно было отбирать; второй ударъ полученъ по поводу стараго дѣла Родышевскаго. Мы видѣли, что указомъ Екатерины велѣно было держать Маркелла въ крѣпости *до указу*, слѣдовательно должны были снова поднять и пересмотрѣть это дѣло, чтобъ положить окончательное рѣшеніе. Меншиковъ не могъ низвергнуть Ѳеофана и теперь по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ онъ не могъ этого сдѣлать при Екатеринѣ, тѣмъ болѣе, что теперь нужно было еще уничтожить рѣшеніе покойной императрицы; но сочли нужнымъ повторить для Ѳеофана униженіе, уже испытанное имъ въ прошлое царствованіе. 20 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсужденіе имѣли по дѣлу новгородскаго архіерея съ архимандритомъ Маркелломъ, и положено архимандрита послать въ Невскій монастырь и жить ему тамъ въ братствѣ; архіерея призвать въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявить ему: понеже по тому дѣлу является немалая важность, *а онъ въ отвѣтахъ своихъ многаго не изъяснилъ*, о чемъ надлежало было въ подлинникъ изслѣдовать, однакожь то оставляется, но чтобъ онъ зналъ, что ему то оставленіе учинено изъ его императорскаго величества милости» [74].

Въ то время какъ представитель малороссійскихъ духовныхъ, вызванныхъ Петромъ для распространенія просвѣщенія между духовенствомъ великороссійскимъ, подвергался униженію, что естественно поднимало людей, враждебныхъ ляшенкамъ, архіереевъ

изъ Великороссіянъ, и главнаго изъ нихъ Георгія Дашкова, который уже начиналъ мечтать о патріаршествѣ,—въ это время на родинѣ Өеофана происходила перемѣна въ угоду малороссійскому народу, какъ говорили въ Петербургѣ, но вопреки мысли Петра Великаго: рѣшено было уничтожить малороссійскую коллегію и возстановить гетманское достоинство. Побужденіями къ тому могли быть: 1) общее движеніе, высказавшееся по смерти Петра, къ возстановленію прежней простѣйшей формы одноличнаго управленія, требующей менѣе денегъ и людей; 2) постоянное опасеніе турецкой войны, въ которой Малороссія, по своему положенію, должна играть важную роль, и потому хотѣли, чтобъ Малороссіяне были довольны и привязаны къ Россіи, и движенія козацкаго войска имѣли болѣе единства; еще при Екатеринѣ, въ началѣ 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было положено: прежде войны съ Турками приласкать Малороссіянъ, позволивъ имъ выбрать изъ своей среды гетмана; подати, съ нихъ собираемыя, отмѣнить, а въ разсужденіи сборовъ на жалованье и содержаніе войскъ поступать, какъ бывало прежде при гетманахъ; судъ и расправу производить имъ самимъ, и одни аппелляціонныя дѣла отправлять въ Малороссійскую Коллегію. Наконецъ, 3) къ возстановленію прежняго порядка могли побудить жалобы на членовъ Малороссійской Коллегіи и ея президента Вельяменова. Меншиковъ могъ имѣть личныя побужденія: пріобрѣсти благодарность и расположеніе вліятельнѣйшихъ жителей Малороссіи и вѣрнаго слугу въ гетманѣ, которымъ назначалъ своего стараго кліента Апостола. Новый императоръ, въ первое засѣданіе свое въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, опредѣлилъ: «Въ Малой Россіи, ко удовольствію тамошняго народа, постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всемъ по содержанію пунктовъ, на которыхъ сей народъ въ подданство Россійской Имперіи вступилъ» [75]. Еще 12 мая объявленъ былъ именной указъ: «Пожаловали мы, милосердуя о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа, указали: доходы съ нихъ денежные и хлѣбные собирать тѣ, которые надлежатъ по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, и которые сбираны при бытности бывшихъ потомъ гетмановъ; а которые всякіе доходы положены съ опредѣленія коллегіи по доношеніямъ генералъ-маіора Вельяминова вновь, тѣ оставить вовсе, и впредь съ нихъ не сбирать, и о томъ въ Малую Россію

къ тамошней старшинѣ и во всѣ полки послать наши указы изъ Сената, и притомъ ихъ обнадежить, что къ нимъ въ Малую Россію гетманъ и старшина будутъ опредѣлены впредь вскорѣ, какъ прежде было по договору гетмана Богдана Хмельницкаго; а Малороссійской Коллегіи президенту Вельяминову съ приходными и расходными книгами быть въ С.-Петербургъ немедленно» [76]. Того же числа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ отвергнуто было предложеніе Сената о позволеніи Великороссіянамъ покупать земли въ Малороссіи, «чтобъ отъ того Малороссіянамъ не было учинено озлобленія» [77]. До Петра Великаго дѣла малороссійскія и козацкія были вѣдомы въ Посольскомъ Приказѣ; Петръ Великій дѣла козацкія, какъ дѣла извѣстной части войска, отдалъ въ вѣдѣніе Военной Коллегіи, а дѣла малороссійскія передалъ изъ Иностранной Коллегіи въ Сенатъ, чѣмъ уничтожалось значеніе этихъ областей, какъ отдѣльныхъ отъ имперіи, ибо только въ этомъ смыслѣ сношенія съ ними могли производиться чрезъ Иностранную Коллегію. Теперь же, когда задумано было возстановленіе гетманства, 16 іюня, въ присутствіи Меншикова, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было положено—малороссійскимъ дѣламъ быть въ Иностранной Коллегіи попрежнему [78].

22-го іюля былъ изданъ указъ: «въ Малороссіи гетману и генеральной старшинѣ быть и содержать ихъ по трактату гетмана Богдана Хмельницкаго; а для выбора въ гетманы и въ старшину послать тайнаго совѣтника Ѳеодора Наумова, которому и быть при гетманѣ министромъ [79]. Инструкцію Наумову, составленную въ Иностранной Коллегіи, тайный совѣтникъ Степановъ носилъ къ свѣтлѣйшему князю, и его свѣтлость въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей дополнить велѣлъ: «кромѣ Жидовъ»; при томъ же разсуждать изволилъ, что полковникъ Лубенскій, шуринъ гетмана Скоропадскаго, изъ Жидовъ, и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его отставить. Относительно Жидовъ Меншиковъ остался вѣренъ взляду Петра Великаго; такъ и послѣ на докладъ о Жидахъ приказалъ: «чтобъ Жидовъ въ Россію ни съ чемъ не впускать» [80].

Малороссія получила гетмана; лифляндское шляхетство просило сейма, и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на 1727 годъ сеймъ позволили, разсуждая, что нынѣ тамъ генералъ Леси (Lacy, Ласси, Лассій) съ командою [81].

Таковы были правительственныя распоряженія въ первые четыре мѣсяца царствованія Петра II, когда власть сосредоточивалась въ рукахъ Меншикова. Черезъ четыре мѣсяца Меншиковъ палъ: какія же были причины его паденія? Отвѣчаютъ обыкновенно: придворныя интриги, указываютъ на Остермана, на Долгорукихъ, князя Алексѣя Григорьевича и его сына Ивана, какъ на главныхъ виновниковъ низверженія Меншикова. Но обратимъ прежде всего вниманіе на источникъ власти Меншикова, на его отношенія къ императору. Начнемъ съ того, что на положеніе, какое имѣлъ Меншиковъ въ описываемое время, онъ не имѣлъ никакого права; въ знаменитомъ завѣщаніи Екатерины I-й онъ не былъ назначенъ правителемъ, вся власть была передана Верховному Тайному Совѣту. Меншиковъ распоряжался, заставлялъ Совѣтъ принимать свои мнѣнія, дожидаться своихъ рѣшеній единственно потому, что никто ему не противорѣчилъ, никто не спрашивалъ у него, по какому праву онъ такъ поступаетъ. Но почему же его боялись и молчали, почему считали его сильнымъ? Во-первыхъ потому, что между людьми, могшими не молчать, не было никакого единства, всѣ жили врознь, и кто бы хотѣлъ высказаться противъ Меншикова, тотъ не имѣлъ никакой увѣренности, что другіе его поддержатъ, не выдадутъ свѣтлѣйшему; вовторыхъ, Меншиковъ былъ будущій тесть императора, который жилъ въ его домѣ, находился въ его рукахъ. До тѣхъ поръ пока существовали такія отношенія между Петромъ и Меншиковымъ, пока всѣ думали, что воля Меншикова и воля Петра одно и то же, до тѣхъ поръ всѣ преклонялись предъ Меншиковымъ. Слѣдовательно, вотъ гдѣ былъ источникъ власти свѣтлѣйшаго князя, источникъ власти всѣхъ людей близкихъ къ самодержавному государю, всѣхъ фаворитовъ. Но фаворъ Меншикова былъ самого непрочнаго свойства. Въ первые дни мальчикъ подчинился человѣку, который казался очень силенъ, который содѣйствовалъ его возведенію на престолъ; но очень скоро, безъ всякаго посторонняго внушенія, при первомъ непріятномъ чувствѣ отъ неисполненія какого-нибудь желанія, должна была явиться мысль, по какому праву этотъ человѣкъ мною распоряжается, меня воспитываетъ, держитъ въ плѣну? Эта мысль должна была явиться особенно тогда, когда надобно было расплачиваться за услуги, которыя не могли очень ясно сознаваться, когда нужно было обручиться съ дочерью Мен-

шикова, которая вовсе не нравилась. Мальчикъ былъ неохотникъ учиться, любилъ погулять, страстно любилъ охоту; но обо всемъ надобно спрашиваться свѣтлѣйшаго князя и часто ждать суроваго отказа, и по какому праву онъ отказываетъ? Баронъ Андрей Ивановичъ—другое дѣло: онъ воспитатель, умнѣйшій, ученѣйшій человѣкъ, получше Меншикова знаетъ что̀ надобно дѣлать, но и онъ не отказываетъ.

При такихъ отношеніяхъ столкновенія между Петромъ и Меншиковымъ были необходимы и должны были обнаружиться очень скоро. При такихъ отношеніяхъ что̀ было дѣлать окружающимъ? на какую сторону становиться? Легко было предвидѣть, что рано или поздно дѣло кончится разрывомъ; не вооружая пока противъ себя Меншикова, надобно упрочить свое положеніе при Петрѣ—стараніемъ ему понравиться; а ему никакъ нельзя понравиться внушеніемъ, что надобно слушаться Меншикова, да и какъ это внушать? Легко внушать мальчику, что надобно слушаться отца, сестры, наставника, кого-нибудь уполномоченнаго закономъ; но свѣтлѣйшаго князя кто уполномочивалъ распоряжаться? Положеніе Остермана было труднѣе всѣхъ: онъ былъ обязанъ смотрѣть, чтобъ молодой императоръ хорошо учился, не потакать его стремленію къ удовольствіямъ, и въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ дѣйствовать заодно съ Меншиковымъ; но нельзя же слишкомъ налегать на мальчика, особенно въ лѣтнюю пору, когда дворъ переѣхалъ въ одинъ изъ «веселыхъ домовъ», въ Петергофъ; очень удобно понравиться государю, складывая всю вину стѣснительныхъ мѣръ на Меншикова; притомъ находиться подъ властію Меншикова, отдавать ему во всемъ отчетъ очень стѣснительно: тяжелый, повелительный, несимпатичный человѣкъ, и что̀ онъ смыслитъ въ воспитаніи, и по какому праву распоряжается? когда его не будетъ, никто не будетъ мѣшать искусному воспитателю взять совершенно воспитанника въ свои руки.

И такъ баронъ Андрей Ивановичъ очень добрый человѣкъ, онъ же самый умный и ученый человѣкъ: это постоянно говоритъ сестрица Наталья Алексѣевна; а сестрица Наталья Алексѣевна необыкновенная умница, которую надобно во всемъ слушаться: это послѣднее говоритъ—Андрей Ивановичъ, самый умный и ученый человѣкъ. Съ барономъ Андреемъ Ивановичемъ весело: онъ такой добрый; весело съ сестрицей: сироты сначала при-

выкли жить душа въ душу; весело съ князьями Долгорукими: добрые люди только и хлопочутъ о томъ, какъ бы угодить, какъ бы повеселить. Но всего веселѣе съ тетушкой, цесаревной Елисаветой Петровной.

Елисаветѣ Петровнѣ было 17 лѣтъ; она останавливала взоры всѣхъ своею стройностію, круглымъ, чрезвычайно миловиднымъ личикомъ, голубыми глазами, прекраснымъ цвѣтомъ лица; веселая, живая, беззаботная, чѣмъ отличалась отъ своей серьозной сестры Анны Петровны, Елисавета была душою молодаго общества, которому хотѣлось повеселиться; смѣху не было конца, когда Елисавета станетъ представлять кого-нибудь, на что она была мастерица; доставалось и людямъ близкимъ, напримѣръ, мужу старшей сестры, герцогу голштинскому [82]. Неизвѣстно — три тяжелые удара, смерть матери, смерть жениха и отъѣздъ сестры надолго ли набросили тѣнь на веселое существо Елисаветы; по крайней мѣрѣ мы видимъ ее спутницею Петра II-го въ его веселыхъ прогулкахъ, и встрѣчаемъ извѣстіе о сильной привязанности его къ ней. Близкое родство благопріятствуетъ частымъ свиданіямъ и безцеремонному обращенію, а между тѣмъ могло быть узнано, что умнѣйшій и ученѣйшій человѣкъ, баронъ Андрей Ивановичъ подавалъ проектъ о необходимости брака Петра на Елисаветѣ,— брака, примирявшаго всѣ партіи и упрочивавшаго спокойствіе государства. Какъ было бы тогда весело! А теперь эта скучная, противная Меншикова! Баронъ Андрей Ивановичъ безспорно самый добрый, умный и ученый человѣкъ.

Прусскій дворъ хлопочетъ, какъ бы устроить бракъ Елисаветы съ однимъ изъ своихъ принцевъ, имѣя въ виду приданое — Курляндію; но Елисавета отклоняетъ предложеніе, она желаетъ остаться въ Россіи; за нее идетъ споръ у Петра съ сестрою его Натальею, которую безпокоитъ дружба брата съ теткою; но Петръ не хочетъ ничего слышать; мальчикъ сталъ упрямъ, повелителенъ, онъ не терпитъ противорѣчій и проводитъ время на охотѣ, въ веселыхъ прогулкахъ съ неразлучною спутницею — цесаревною Елисаветою Петровною. Чего же смотритъ Меншиковъ? Онъ сильно боленъ: кровохарканіе и лихорадка изнурили его въ конецъ; онъ сбирается умирать, пишетъ прекрасное наставительное письмо императору, указываетъ ему его обязанности относительно Россіи, «этой недостроенной машины», увѣщеваетъ слушаться Ос-

термана и министровъ, быть правосуднымъ; пишетъ и къ членамъ Верховнаго Совѣта, поручаетъ имъ свою семью [83]. Что будетъ, когда умретъ Меншиковъ? Многимъ будетъ легко, избавятся отъ деспота; старинныя фамиліи поднимутся; князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ будетъ имѣть первый голосъ въ гражданскихъ дѣлахъ, братъ его фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ въ военныхъ. Но уже той силы въ правительствѣ, какая была при Меншиковѣ, не будетъ. Императоръ не женится на княжнѣ Меншиковой [84].

Меншиковъ выздоравливаетъ; но роковая болѣзнь уже произвела свое дѣйствіе: Петръ пожилъ на свободѣ и, разумѣется, употребитъ всѣ усилія, чтобы не возвратиться назадъ къ своему тюремщику. Не хочетъ этого возвращенія Остерманъ, великая княжна Наталья, цесаревна Елисавета, не хотятъ Долгорукіе и весь дворъ, не хотятъ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Все готово, но никто не рѣшится начать дѣла, кромѣ императора, хотя этому императору только 12 лѣтъ. Меншиковъ вызываетъ его на борьбу, потому что въ государствѣ и во дворцѣ играетъ роль самовластнаго господина. Еще передъ болѣзнію у него была сцена съ императоромъ. Цѣхъ петербургскихъ каменьщиковъ поднесъ государю 9000 червонныхъ, которые Петръ отослалъ въ подарокъ своей сестрѣ; но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой кабинетъ, сказавши при этомъ: «Императоръ еще очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ». Петръ, узнавши объ этомъ, спрашиваетъ у Меншикова раздраженнымъ голосомъ, какъ онъ смѣлъ помѣшать исполненію его приказанія? Свѣтлѣйшій князь, который никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса отъ покорнаго до сихъ поръ мальчика, сначала обезпамятѣлъ, потомъ отвѣчалъ, что государство нуждается въ деньгахъ, казна истощена, и что онъ въ тотъ же день хотѣлъ представить проектъ, какъ лучше употребить эти деньги. Петръ топнулъ ногою и сказалъ: «Я тебя научу, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться». Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиною и пошелъ; Меншиковъ отправился за нимъ и успѣлъ успокоить мальчика, еще не привыкшаго къ подобнымъ выходкамъ [85].

По выздоровленіи, Меншиковъ, какъ видно, забылъ эту сцену. Царскому камердинеру дано было 3.000 рублей для мелкихъ рас-

ходовъ императора; Меншиковъ потребовалъ отчета у камердинера, и, узнавъ, что онъ далъ Петру небольшую сумму изъ этихъ денегъ, разбранилъ его и прогналъ. Петръ поднялъ изъ-за этого страшный шумъ и принялъ снова къ себѣ камердинера. Въ другой разъ Петръ потребовалъ у Меншикова 500 червонныхъ. Зачѣмъ? спрашиваетъ Меншиковъ. Надобно, отвѣчаетъ Петръ; и, получивши деньги, опять даритъ ихъ сестрѣ; Меншиковъ, взбѣшенный, велитъ взять деньги у великой княжны. Петръ выходитъ изъ себя, не можетъ равнодушно ни видѣть, ни слышать Меншикова [86]; а тутъ старикъ, великій канцлеръ, графъ Головкинъ умоляетъ государя заступиться за его зятя Ягужинскаго, котораго Меншиковъ ссылаетъ въ украинскую армію; Петръ говоритъ объ этомъ съ Меншиковымъ, требуетъ удержанія Ягужинскаго въ Петербургѣ; но Меншиковъ не соглашается, и послѣ крупнаго разговора съ самимъ Головкинымъ, Меншиковъ настаиваетъ на своемъ: Ягужинскій долженъ выѣхать изъ Петербурга [87]. Меншиковъ видитъ, что Долгорукіе служатъ ему дурную службу при Петрѣ, хочетъ опереться на Голицыныхъ, хочетъ устроить бракъ своего сына на дочери фельдмаршала Голицына [88]; князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, чуя бѣду, хлопочетъ о соединеніи Головкина, Голицына и Апраксина противъ Меншикова [89]. Но болѣе другихъ долженъ отвѣчать Остерманъ за поведеніе своего воспитанника. Остерманъ продолжаетъ давать отчетъ Меншикову, переписывается съ нимъ, когда отправляется на охоту съ императоромъ. 19 августа онъ писалъ Меншикову: «Сего момента получилъ я вашей высококняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе отъ 19. Его императорское величество радуется о счастливомъ вашей высококняжеской свѣтлости прибытіи въ Ораніенбомъ, и отъ сердца желаетъ, чтобъ сіе гуляніе ваше дражайшее здравіе совершенно возставить могло, еже и мое вѣрное всепокорнѣйшее желаніе есть; при семъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайше доношу, что его императорское величество намѣренъ завтра послѣ обѣда отсюда итти и ночевать въ Стрѣльнѣ, а оттуда въ понедѣльникъ въ Ропшу, и надѣюсь, что въ четвертокъ изволитъ прибыть въ Петергофъ, и хотя здоровье мое весьма плохое, однакожъ тудажъ побреду. Вашу высококняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о продолженіи вашей высокой милости, и моля Бога о здравіи вашемъ, пребываю съ глу-

бочайшимъ респектомъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайшій слуга А. Остерманъ». Петръ приписалъ: «И я при семъ вашей свѣтлости и свѣтлѣйшей княгине и невесте и своячине и тетке и шурину поклонъ отдаю любителны. Петръ». 21 августа новое донесеніе изъ Стрѣльны: «Вашей высококняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе изъ Ораніенбома я вчерашнягожъ дня во время самаго выѣзду изъ С.-Петербурха въ путь исправно получилъ, и вашей высококняжеской свѣтлости за оное всепокорнѣйше благодарствую, и при семъ въ скорости токмо сіе доношу, что его императорское величество вчерашняго дня ввечеру, въ 9 часу, слава Богу, счастливо сюда прибыть изволилъ, и сего утра, позавтракавъ, поѣдемъ въ Ропшинскую мызу при провожденіи всей охоты нашей. Его императорское величество писанію вашей высококняжеской свѣтлости весьма обрадовался и купно съ ея императорскимъ высочествомъ любезно кланяются, а на особливое писаніе нынѣ ваша свѣтлость не изволите погнѣваться, понеже учрежденіемъ охоты и другихъ въ дорогу потребныхъ предуготовленій забавлены, а изъ Ропши надѣюсь писать будутъ. Я хотя весма худъ и слабъ и нынѣшней ночи разными припадками страдалъ, однакожъ ѣду» [90]. Любопытно, что ни Петръ, ни сестра его, въ приготовленіяхъ къ охотѣ, не находятъ времени написать Меншикову.

26 августа, въ Петергофѣ, въ день пмянинъ великой княжны Натальи, Меншиковъ узналъ, что Остерманъ обманывалъ его въ своемъ письмѣ насчетъ расположенія императора къ нему. Только-что Меншиковъ начиналъ говорить съ Петромъ, тотъ поворачивался къ нему спиною, на поклоны свѣтлѣйшаго князя онъ не обращалъ никакого вниманія, и былъ очень доволенъ, что могъ унижать его: «Смотрите, сказалъ онъ одному изъ приближенныхъ, развѣ я не начинаю вразумлять его?» На невѣсту свою онъ также не обращалъ никакого вниманія; услыхавъ, что Меншиковъ жалуется на это, Петръ сказалъ: «Развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе 25 лѣтъ [91].

Приближенные видятъ, что борьба въ разгарѣ; но чѣмъ дѣло кончится—неизвѣстно, и, повидимому, Меншиковъ господствуетъ какъ прежде. Въ началѣ августа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было постановлено, что такъ какъ расходы государственные

опредѣляются вопреки назначенію своему, то не выдавать ни откуда денегъ безъ собственноручнаго повелѣнія императорскаго. Въ началѣ сентября изданъ указъ, что это постановленіе не касается князя Меншикова, потому что еще при Петрѣ I-мъ словесныя и письменныя повелѣнія его исполнялись; притомъ же онъ, по бытности его всегда при дворѣ, часто получаетъ приказы отъ самого императора.

Въ Ораніенбаумѣ, имѣніи Меншикова, къ 3-му сентября готовилось большое торжество, освященіе церкви. Меншикову хотѣлось непремѣнно, чтобъ императоръ присутствовалъ на торжествѣ: это уничтожило бы слухи о непріятностяхъ между ними, и притомъ можно было бы постараться разными средствами смягчить Петра и устроить примиреніе. Самыя униженныя просьбы со стороны свѣтлѣйшаго князя были употреблены, чтобъ склонить Петра къ посѣщенію Ораніенбаума, и тотъ сначала не отказывался; но когда все было готово, послалъ сказать, что не будетъ; есть извѣстіе, что Меншиковъ имѣлъ неосторожность не пригласить цесаревну Елисавету [92].

Церковь была освящена безъ императора. Это было въ воскресенье; на другой день, 4 числа, Меншиковъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь, и едва могъ вскользь видѣться съ императоромъ. Быть можетъ на другой день, день имянинъ цесаревны Елисаветы, можно будетъ найти случай объясниться. Тщетная надежда: рано утромъ императоръ отправился на охоту; великая княжна Наталья, чтобъ не встрѣтиться съ Меншиковымъ, выпрыгнула въ окно и отправилась вмѣстѣ съ братомъ. Осталась имянинница, цесаревна Елисавета. Меншиковъ пошелъ поздравлять ее; на сердцѣ было очень тяжело, хотѣлось облегчить себя, высказавшись; и вотъ свѣтлѣйшій начинаетъ жаловаться цесаревнѣ на неблагодарность Петра, вычисляетъ свои заслуги, и заключаетъ, что, видя всѣ свои старанія тщетными, хочетъ удалиться въ Украйну и принять тамъ начальство надъ войскомъ [93]. Не дождавшись возвращенія царя въ Петергофъ, Меншиковъ отправляется въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ. Но въ этотъ же самый день въ Петербургѣ, въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ присутствовали Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ, объявленъ былъ указъ его величества интенданту, Петру Мошкову: «Лѣтній и зимній домы, гдѣ надлежитъ починить и совсѣмъ убрать, чтобъ

къ приходу его величества совсѣмъ были готовы, и спрошенъ онъ, Мошковъ, былъ, какъ тѣ домы вскорѣ убраны быть могутъ; Мошковъ донесъ, что дни въ три убраны быть могутъ» [94].

Дворцы надобно было прежде всего убрать тѣми вещами императора, которыя находились въ домѣ Меншикова, и въ среду 6 числа, по приказанію Верховнаго Тайнаго Совѣта, всѣ вещи императора были перенесены изъ меншиковскаго дома въ лѣтній дворецъ. Въ этотъ день Петръ былъ на охотѣ и ночевалъ въ Стрѣльнѣ, а на другой день, въ четвергъ 7 числа, пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ лѣтнемъ дворцѣ. Онъ, и съ нимъ вмѣстѣ многіе другіе освобождались изъ-подъ ига Меншикова; но можно ли было имъ на этомъ успокоиться, покончить борьбу, оставивъ Меншикова въ прежнемъ значеніи генералиссимуса, члена Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ его огромнымъ богатствомъ, съ вліяніемъ на войско, на администрацію, гдѣ у него вездѣ были свои люди, или отпустивъ его начальствовать войскомъ на Украйнѣ? Борьба, разгорѣвшаяся до такой степени, что императоръ говорилъ: «Я покажу, кто императоръ: я, или Меншиковъ» [95], не могла такъ кончиться; Петръ не могъ выносить присутствія Меншикова, имъ вдвоемъ было тѣсно; прекрасное средство—освобождаться изъ подобныхъ отношеній отъѣздомъ падшаго вельможи за границу—еще не было тогда изобрѣтено; притомъ Меншиковъ выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ падшихъ министровъ: его побоялись бы отпустить за границу. Намъ говорятъ, что Петръ былъ упоренъ въ своихъ желаніяхъ не по лѣтамъ; мы знаемъ, какъ былъ упоренъ его отецъ; но у отца упорство было страдательное, потому что ему воли не было; а у сына была теперь воля; его желанія всѣми исполнялись кромѣ Меншикова, и легко понять, какъ не любилъ онъ Меншикова: «Или я императоръ, или онъ». Ненависть увеличивалась еще тѣмъ, что было обязательство жениться на дочери Меншикова; ненависть увеличивалась тѣмъ, что Меншиковъ считалъ себя въ правѣ упрекать въ неблагодарности. Ненависти можно было предаться: она оправдывалась тѣмъ, что, освобождая себя изъ-подъ ига, Петръ освобождалъ и другихъ, всю Россію: сестра Наталья Алексѣевна не можетъ выносить Меншикова; говорятъ, она первая поклялась, что нога ея не будетъ въ его домѣ [96]; цесаревна Елисавета не можетъ быть расположена къ Меншикову, особенно послѣ удаленія сестры,

цесаревны Анны. 5 сентября въ Петергофѣ Меншиковъ съ полчаса тайно разговаривалъ съ Остерманомъ, и есть очень вѣроятное извѣстіе, что разговоръ былъ крупный, ибо Меншиковъ, видя отвращеніе Петра къ себѣ, долженъ былъ прежде всего потребовать объясненія у воспитателя. Чтобъ пригрозить Остерману, Меншиковъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ старается отвратить императора отъ православія, за что будетъ колесованъ; Остерманъ отвѣчалъ, что онъ такъ ведетъ себя, что колесовать его не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который можетъ быть колесованъ [97]. Наталья, Елисавета, Остерманъ были главные привязанности и авторитеты; Долгорукіе и съ ними весь дворъ вторили имъ; члены Верховнаго Тайнаго Совѣта не окажутъ сопротивленія.

Свѣтлѣйшій князь въ страшномъ положеніи, въ какомъ никогда не бывалъ при Петрѣ I-мъ, потому что тогда отъ гнѣва грознаго царя были у него постоянно два могущественныхъ защитника—Екатерина и самъ Петръ. Но теперь гдѣ защитники? Меншиковъ въ мучительной тоскѣ ищетъ, на кого бы опереться; пишетъ къ князю Михаилу Михайловичу Голицыну: «Изволите ваше сіятельство поспѣшать сюда какъ возможно на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перспективой дорогѣ, тогда изволите къ намъ и къ брату вашему князю Дмитрію Михайловичу Голицыну прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число, въ которое намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же обоихъ насъ паки увѣдомить, понеже весьма желаемъ, дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами». Голицыны приласканы, довольны, они помогутъ, потому что не захотятъ видѣть усиленія Долгорукихъ или Нѣмца Остермана. Этотъ Остерманъ больше всѣхъ виноватъ, онъ обманывалъ, увѣрялъ въ добромъ расположеніи Петра и сестры его; Остермана надобно непремѣнно свергнуть; но кѣмъ замѣнить, кто былъ бы угоденъ? Некѣмъ больше, какъ старымъ учителемъ Зейкинымъ, и свѣтлѣйшій пишетъ къ Зейкину, который еще не успѣлъ выѣхать изъ Россіи: «Господинъ Зейкинъ! Понеже его императорское величество изволилъ вспамятовать ваши службы и весьма желаетъ васъ видѣть, того ради изволите ѣхать сюда немедленно; ежели же за распутіемъ ѣхать сюда не похочете, тогда извольте быть у Александра Львовича Нарышкина, а мы тебя весьма обнадеживаемъ,

что мы васъ не оставимъ, а паче прежняго въ милости содержаны быть имѣете».

Еще день, другой—и, быть можетъ, Меншиковъ вспомнилъ бы и о Мавринѣ; но ему не дали времени припоминать людей, на которыхъ бы онъ могъ опереться въ борьбѣ съ приближенными Петра. Въ тотъ самый день, когда онъ написалъ письма къ Голицыну и Зейкину, 7 сентября Петръ, по своемъ прибытіи въ Петербургъ, послалъ объявить гвардіи, чтобъ она слушалась только его приказаній, которыя будутъ объявлены ей майорами ея, княземъ Юсуповымъ и Салтыковымъ. Вечеромъ этого дня невѣста императора и ея сестра явились въ лѣтній дворецъ поздравить Петра съ пріѣздомъ, но были такъ приняты, что должны были очень скоро уѣхать. 8 сентября въ пятницу, въ день Рождества Богородицы, судьба Меншикова рѣшилась: поутру къ нему явился майоръ гвардіи, генералъ-лейтенантъ Семенъ Салтыковъ съ объявленіемъ ареста, чтобъ онъ со двора своего никуда не съѣзжалъ [98]. Услыхавъ это, Меншиковъ упалъ въ обморокъ; ему пустили кровь; жена его, вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою, Варварою Арсеньевою, поспѣшила во дворецъ, гдѣ на колѣнахъ встрѣтила императора, возвращавшагося отъ обѣдни; но Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы этой достойной женщины, которую всѣ уважали и о которой всѣ жалѣли. Она бросилась къ великой княжнѣ Натальѣ, къ цесаревнѣ Елисаветѣ, но и тѣ ушли отъ нея, не сказавши ни слова. Оставалась послѣдняя надежда, нельзя ли умилостивить Остермана, убѣдить его, что онъ можетъ не бояться колесованія и не погубивъ свѣтлѣйшаго князя. Три четверти часа княгиня стояла на колѣнахъ предъ Остерманомъ, понапрасну [99]. Барону Андрею Ивановичу нужно было спѣшить въ Верховный Тайный Совѣтъ, куда долженъ былъ пріѣхать самъ императоръ. Здѣсь Петръ подписалъ указъ: «Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать, и всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собственныя нашея руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта: того ради повелѣли, дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которые отъ князя Меншикова, или отъ кого-бъ иного партикулярно писаны или отправлены будутъ, не слушать, и по онымъ отнюдь не исполнять, подъ опасеніемъ нашего гнѣва; и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войскѣ изъ Сената [100].

Меншиковъ прислалъ чрезъ Салтыкова слѣдующее письмо къ императору: «Всемилостивѣйшій государь императоръ! по вашего императорскаго величества указу сказанъ мнѣ арестъ; и хотя никакого вымышленнаго предъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти моей не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ судомъ Божіимъ, развѣ, можетъ быть, что вашему величеству или вселюбезнѣйшей сестрицѣ вашей, ея императорскому высочеству, учинилъ забвеніемъ и невѣдѣніемъ, или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ: и въ такомъ моемъ невѣдѣніи и недоумѣніи всенижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству извѣстныя службы всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста свободить памятуя рѣченіе Христа Спасителя нашего: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ; сіе все предаю на всемилостивѣйшее вашего величества разсужденіе; я же обѣщаюсь мою къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего. Также сказанъ мнѣ указъ, чтобъ мнѣ ни въ какія дѣла не вступаться, такъ что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелѣли для моей старости и болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ меня уволить вовсе, какъ по указу блаженной и вѣчно достойной памяти ея императорскаго величества уволенъ генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ. Что же я Кайсарову далъ письмо, дабы безъ подписанія моего расходовъ не держать, а словесно ему неоднократно приказывалъ, чтобъ безъ моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходовъ не чинилъ: и то я учинилъ для того, что понеже штатъ еще не оконченъ, и онъ къ тому опредѣленъ на время, дабы подъ образомъ повелѣнія вашего величества напрасныхъ расходовъ не было. Ежели же ваше величество изволите о томъ письмѣ разсуждать въ другую силу, и въ томъ моемъ недоумѣніи прошу милостиваго прощенія»[101]. На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта.

На другой день, 9 сентября, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ докладывали его величеству о князѣ Меншиковѣ и о другихъ лицахъ, къ нему близкихъ, по запискѣ руки барона Остермана, которая была сочинена передъ приходомъ государя по общему совѣту всѣхъ членовъ. Меншикова лишали всѣхъ чиновъ и орденовъ, и ссылали въ дальнее имѣніе его — Ораніенбургъ. Государь согласился; по его выходѣ изъ Совѣта, указъ о лишеніи чиновъ

былъ написанъ; государь подписалъ его въ своихъ покояхъ и отправилъ объявить его Меншикову генерала Семена Салтыкова, который привезъ во дворецъ двѣ кавалеріи, взятыя у бывшаго генералиссимуса, Андреевскую и Александровскую. 10 числа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ продолжали разсуждать о Меншиковѣ. Положили дать офицеру Пырскому, назначенному провожать его, 500 рублей на расходы, да на 50 подводъ прогонныхъ денегъ, а за другія 50 подводъ князь Меншиковъ долженъ былъ платить свои деньги. Призвали новгородскаго архіерея и сказали ему указъ, чтобъ впредь обрученной невѣсты въ церквахъ не поминали. Призвали Алексѣя Макарова и Петра Мошкова и приказали имъ, чтобъ они взяли у Меншикова большой яхонтъ. Во время этихъ распоряженій Меншиковъ присылаетъ просьбу изъ четырехъ пунктовъ: 1) государыни обрученной невѣсты Маріи Александровны ея гофмейстеръ проситъ милости уволить въ деревни свои; 2) о деньгахъ, пожалованныхъ на жалованье ея высочеству и служителямъ, которые опредѣлены были и заслуженное жалованье не брали, оныя бъ (деньги) позволено было вывесть, сумма 34.000; 3) свѣтлѣйшій князь проситъ съ покорностію милости о дохтурѣ и о лѣкарѣ, который лѣкарь шведской породы и полоненъ и при немъ живетъ съ 20 лѣтъ, чтобъ повелѣно было при немъ отпустить; 4) о Петрѣ Апостолѣ, гетманскомъ сынѣ, который жилъ при его свѣтлости, позволено-ль будетъ его съ собою взять?—Прежде всего призвали гетманскаго сына и сказали ему указъ, чтобъ онъ съ княземъ Меншиковымъ не ѣздилъ, а жилъ въ Петербургѣ безвыѣздно и часто являлся въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. На остальные пункты послѣдовали рѣшенія: 1) кто захочетъ *съ нею* ѣхать, тотъбы ѣхалъ, а кто захочетъ остаться, тотъ бы оставался; 2) о жалованныхъ деньгахъ справиться; 3) дохтуру и лѣкарю съ княземъ Меншиковымъ ѣхать позволить [102]. Въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Впереди огромнаго поѣзда ѣхали четыре кареты шестернями: въ первой сидѣлъ самъ свѣтлѣйшій князь съ женою и свояченицею Варварою Арсеньевою; во второй сынъ его съ карлою; въ третьей двѣ княжны съ двумя служанками; въ четвертой братъ княгини Арсеньевъ и другіе приближенные люди; всѣ были въ черномъ. Поѣздъ провожалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ изъ 120 человѣкъ [103]. По городу ходили слухи о страшныхъ зло-

употребленіяхъ Меншикова и о томъ, что онъ не довольствовался своимъ положеніемъ, но простиралъ взоры къ коронѣ; разсказывали, что найдено письмо Меншикова къ прусскому двору, гдѣ онъ просилъ дать ему взаймы 10 милліоновъ, обѣщаясь возвратить вдвое, какъ только получитъ русскій престолъ; расказывали, что уже отданы были приказанія удалить, подъ разными предлогами, гвардейскихъ офицеровъ, чтобъ замѣнить ихъ людьми, вполнѣ преданными Меншикову. Начали толковать и о завѣщаніи Екатерины: разсказывали, что герцогъ голштинскій и Меншиковъ заставили цесаревну Елисавету подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о немъ не знала; говорили, что будетъ не хорошо и голштинскому двору, и уже читали на озабоченномъ лицѣ его министра сознаніе затруднительности своего положенія; догадывались, что Меншикова не оставятъ покойнымъ въ Ораніенбургѣ, что его вмѣстѣ съ свояченицею зашлютъ въ Сибирь, а жену съ дѣтьми оставятъ на свободѣ; а другіе предсказывали, что оба, мужъ и жена, недолго наживутъ [104].

По словамъ стороннихъ наблюдателей, трудно было изобразить всеобщую радость, произведенную паденіемъ Меншикова Многіе, разумѣется, радовались отъ души; другіе же показывали радостный видъ, чтобъ угодить радующимся отъ души. Въ Килѣ обрадовались отъ души. Цесаревна Анна Петровна писала сестрѣ: «Что изволите писать объ князѣ, что ево сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ, какъ у васъ». Въ другомъ письмѣ Анна писала: «Зѣло меня порадовало письмо ваше, что увѣдомилась о здравіѣ вашемъ, такожде, что государь вамъ пожаловалъ деревни матушкины, чѣмъ васъ поздравляю, матушка моя, и дай Боже, чтобъ такъ бы всегда счастливой вамъ быть; при томъ прошу васъ пожалуйте не отставайте отъ государя. Пожалуй Лестоку поклонъ мой райской отдай и поблагодари за обнадеженіе милости его, такожде изволь у нево спросить, такъ ли онъ много говоритъ про Гришку да Мареушку» [105].

Отъ души былъ радъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ писалъ къ одному изъ архіереевъ: «Молчаніе наше извиняется нашимъ великимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тиранніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость помѣшаннаго человѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день уси-

живалъ свое свирѣпство. А мое положенiе было такъ стѣснено, что я думалъ, что все уже для меня кончено. Поэтому я не отвѣчалъ на твои письма и, казалось, находился уже въ царствѣ молчанiя. Но Богъ, воздвигающiй мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Iаковль, разсыпавши совѣты нечестивыхъ и сомкнувши уста зiяющаго на насъ земнаго тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному Своему милосердiю» [106].

Отъ души были рады члены кружка Бестужевыхъ и Маврина, которые думали, что, по низверженiи Меншикова, опять откроется имъ доступъ ко двору, что Петръ прежде всего вспомнитъ о старыхъ своихъ приверженцахъ. Пашковъ писалъ Черкасову въ Москву: «Прошла и погибла суетная слава прегордаго Галiаѳа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ; всѣ этому очень рады, и я многогрѣшный, славя св. Троицу, пребываю безъ всякаго страха; у насъ все благополучно и такихъ страховъ теперь ни отъ кого нѣтъ, какъ было при князѣ Меншиковѣ».

Радовались напрасно.

Меншиковъ свергнутъ; надобно было подѣлить наслѣдство; это наслѣдство была воля малолѣтнаго царя, которою надобно было овладѣть, чтобъ стать въ челѣ управленiя, занять мѣсто свѣтлѣйшаго князя. Ошибались тѣ, которые думали, что власть перейдетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, а Совѣтъ будетъ находиться подъ влiянiемъ самаго виднаго изъ своихъ членовъ, князя Дмитрiя Михайловича Голицына, опиравшагося на брата своего, фельдмаршала князя Михаила, теперь первую военную знаменитость Россiи. Голицыны дѣйствительно сiяли собственнымъ свѣтомъ, но этотъ свѣтъ былъ слабъ въ сравненiи съ тѣмъ, которымъ озарялись ближайшiя къ солнцу планеты. Никто изъ вельможъ не имѣлъ большаго права на расположенiе и благодарность Петра, какъ Голицыны, изначала и постоянно приверженцы его отца и его самого, считавшiе его одного законнымъ преемникомъ дѣда. Но эта приверженность по принципу рѣдко оцѣнивается, какъ слѣдуетъ; тѣмъ менѣе могла она быть оцѣнена теперь по характеру Голицына, по характеру и положенiю Петра. Самый лестный отзывъ о князѣ Димитрiи состоялъ въ томъ, что это былъ человѣкъ честный, но жесткiй; онъ не былъ способенъ, для какой бы то ни было цѣли, отказаться отъ своей самостоятельности и независимости, передать себя въ полное распоряженiе другому; совершенно былъ

неспособенъ постоянно смотрѣть въ глаза, угодничествомъ добиться *фавору* при дворѣ, а при тогдашнихъ условіяхъ только фаворитъ могъ занять первое мѣсто. Меншиковъ, фаворитъ Петра I, не хотѣлъ быть фаворитомъ Петра II; хотѣлъ быть опекуномъ, отцомъ—и чѣмъ покончилъ? Изъ-подъ тяжелой опеки освободились, и конечно поостерегутся дать большое значеніе человѣку, который хоть сколько-нибудь напоминалъ бы прежняго опекуна. И дѣйствительно современники наблюдатели указываютъ намъ на сильное нерасположеніе Петра къ Голицынымъ, указываютъ на неблагосклонный пріемъ императоромъ первой военной знаменитости имперіи, князя Михаила Голицына, только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ [107]. Объясняли это тѣмъ, что Голицыны въ послѣднее время сблизились съ Меншиковымъ и хотѣли выдать дочь фельдмаршала князя Михаила за молодаго Меншикова. Ходилъ слухъ, что фельдмаршалъ, на представленіи своемъ императору, заступался за Меншикова [108]; быть можетъ произнесены были непріятныя слова, что не слѣдуетъ наказывать, ссылать человѣка безъ суда. Естественно, что Голицыны были не прочь поослабить значеніе свѣтлѣйшаго князя, заставить его искать въ другихъ, подѣлиться властію, были не прочь дать Верховному Тайному Совѣту то значеніе, какое предоставлено было ему въ извѣстномъ тестаментѣ, но не хотѣли совершеннымъ низверженіемъ Меншикова поднимать Долгорукихъ или Остермана съ его Левенвольдомъ. Голицынъ не могъ бороться за фаворъ: онъ не имѣлъ рѣшительно къ тому средствъ ни въ характерѣ, ни въ положеніи, не будучи человѣкомъ близкимъ, придворнымъ. Главою могущественной аристократической партіи онъ быть не могъ. Новая Россія не наслѣдовала отъ старой—аристократіи; она наслѣдовала только нѣсколько знатныхъ фамилій или родовъ, которые жили особно, безъ сознанія общихъ интересовъ и обыкновенно во враждѣ другъ съ другомъ; единства не было никакого, слѣдовательно не было никакой самостоятельной силы; сильною могла стать та или другая фамилія только черезъ фаворъ. Фавору добиваться, за фаворъ бороться могли только люди близкіе; они только могли дѣлить меншиковское наслѣдство. Послѣ паденія Меншикова, виднѣе всѣхъ при дворѣ и ближе всѣхъ къ императору остался Остерманъ. Но положеніе Остермана попрежнему было очень затруднительно: онъ былъ воспитатель молодаго императора, долженъ былъ заботиться о

томъ, чтобы Петръ хорошо воспитывался, хорошо учился; а Петръ не хотѣлъ учиться, хотѣлъ жить въ свое удовольствіе. При Меншиковѣ положеніе Остермана облегчалось тѣмъ, что онъ могъ нравиться, угождать, являясь добрѣе, снисходительнѣе свѣтлѣйшаго князя, *не налегая такъ*. А теперь Петръ слышать не хочетъ о серіозныхъ занятіяхъ, всю ночь напролетъ гуляетъ съ молодымъ камергеромъ княземъ Ив. Алекс. Долгорукимъ, ложится въ 7 часовъ утра. Всѣ представленія Остермана остаются тщетными; усиливать ихъ и раздражать Петра опасно: будетъ то же, что съ Меншиковымъ, потому что враги поджидаютъ первой вспышки неудовольствія Петра на воспитателя, чтобъ свергнуть послѣдняго; а съ другой стороны вся отвѣтственность за дурное поведеніе императора, за дурное воспитаніе его лежитъ на Остерманѣ, и враги также воспользуются этимъ, чтобъ выказать предъ своими и чужими всё недостоинство воспитателя. Однажды Остерманъ обратился къ Петру съ просьбою уволить его отъ должности воспитателя, ибо иначе ему придется дать строгій отчетъ; у Петра сердце не успѣло очерствѣть, онъ былъ очень привязанъ къ Остерману: со слезами на глазахъ онъ умолялъ его остаться; но къ вечеру не преодолѣлъ искушенія и, по обычаю, пробѣгалъ всю ночь по городу [109]; своей воли не доставало, а чужая не сдерживала. Остерманъ, видя, что плыть противъ теченія нельзя, пошелъ на сдѣлку съ совѣстью и съ обстоятельствами: онъ рѣшился остаться при Петрѣ, пользоваться своимъ вліяніемъ на него для достиженія своихъ цѣлей по дѣламъ управленія, въ которыхъ онъ теперь не признавалъ себѣ соперника, но не учить и не воспитывать человѣка противъ его воли, не одобрять поведенія Петра, не угождать исполненіемъ его желаній, но и не раздражать безполезными наставленіями.

Остерманъ удержался; Петръ перестал видѣть въ немъ скучнаго воспитателя съ вѣчными выговорами и наставленіями, видѣлъ въ немъ искуснаго, необходимаго министра съ обширными способностями и познаніями, которыхъ никто отвергать не могъ, и успокоился, не выдавалъ Остермана врагамъ; враги эти были разъединены и робки, не смѣли огорчать императора непріятными для него предложеніями, а предложеніе объ удаленіи Остермана было бы ему очень непріятно, нужно было рѣшиться на сильную борьбу и съ Петромъ, который исполнялъ только то, что

было ему пріятно, и съ великою княжною Натальею, продолжавшею имѣть сильное вліяніе на брата и продолжавшею быть подъ сильнымъ вліяніемъ Остермана.

Сначала зашевелился было старикъ, великій канцлеръ Головкинъ, которому Остерманъ былъ очень неудобенъ, какъ человѣкъ, заслонявшій его въ иностранныхъ дѣлахъ. Противъ Остермана трудно было что-нибудь выставить, кромѣ равнодушія къ религіи, и, говорятъ, Головкинъ обратился однажды къ нему съ такими словами: «Неправда ли странно, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ, человѣку не нашей вѣры, да, кажется, и никакой». Думали, что Головкинъ хочетъ замѣнить Остермана своимъ сыномъ [110]. Но борьба съ Остерманомъ была не подъ силу Головкину, особенно когда ходила страшная молва, что Голицыны хотятъ захватить власть въ свои руки и возвратить Меншикова; а мы видѣли, въ какомъ отношеніи находился Головкинъ къ Меншикову, который сослалъ зятя его Ягужинскаго въ украинскую армію; Ягужинскаго возвратили тотчасъ же послѣ паденія Меншикова, пожаловали въ генералы отъ кавалеріи и въ капитанъ-лейтенанты отъ кавалергардіи; но дѣла могли пойти иначе съ усиленіемъ Голицыныхъ и возвращеніемъ Меншикова, который, обязанный теперь Голицынымъ, конечно не будетъ препятствовать возвышенію близкаго имъ человѣка Шафирова, а Шафировъ Головкину острый ножъ; изъ двухъ золъ надобно было выбирать меньшее: Головкинъ выбираетъ Остермана; намъ указываютъ партію, членами которой были — Апраксинъ, Головкинъ и Остерманъ, и 26 сентября состоялось рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта: быть Петру Шафирову въ Москвѣ до зимняго пути, а зимнимъ путемъ ѣхать въ Архангельскъ [111].

Труднѣе было Остерману бороться съ Долгорукими, которые сначала также хотѣли свергнуть его. Положеніе Долгорукихъ и дѣятельность ихъ были очень просты и легки: они должны были какъ можно чаще находиться съ императоромъ, во всемъ угождать ему, дѣлать себя чрезъ это пріятными и необходимыми, пріобрѣсти фаворъ. Долгорукіе, какъ видно, сдѣлали уже большіе успѣхи на этомъ поприщѣ и при Меншиковѣ, когда князь Алексѣй былъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ Натальѣ; теперь, чтобъ имѣть право быть еще чаще при Петрѣ, онъ выпросилъ себѣ мѣсто помощника воспитателя, т.-е. помощника Остерманова при

самомъ императорѣ; сынъ его, князь Иванъ, сдѣланъ камергеромъ на мѣсто Левенвольда, а Левенвольдъ получилъ мѣсто гофмаршала при великой княжнѣ. Охотники до разныхъ соображеній сейчасъ же обратили вниманіе на то, что у Долгорукаго хорошенькія дочери, которыя должны играть роль. Долгорукіе въ самомъ началѣ сильно схватились съ Остерманомъ [112], который мѣшалъ имъ своимъ авторитетомъ; но получили отпоръ, увидали, что вліяніе Остермана на Петра поколебать очень трудно. Въ свою очередь, когда Остерманъ вздумалъ было указать Петру, что постоянное общество молодаго Долгорукаго вредитъ ему, то императоръ не отвѣчалъ ни слова. Остерманъ заболѣлъ отъ этого молчанія, и Петръ два раза въ день ѣздилъ навѣщать его съ сестрою и теткою, Елисаветою Петровною [113]. Несмотря на молодость, Петръ съ извѣстнаго рода смысломъ распоряжался отношеніями къ близкимъ людямъ: прямо показывалъ Остерману, что онъ его любитъ, считаетъ необходимымъ для дѣлъ правительственныхъ: пусть онъ и занимается этими дѣлами, но не вмѣшивается въ его удовольствія, гдѣ необходимы ему Долгорукіе, которыхъ онъ не выдастъ Остерману, точно такъ какъ не выдастъ Остермана Долгорукимъ. И Долгорукіе и Остерманъ наконецъ должны были понять свои взаимныя отношенія, понять предѣлы того круга дѣятельности, которые начерталъ для нихъ Петръ, и успокоились. Но это успокоеніе, разумѣется, не могло быть полно и произойти вдругъ.

Послѣ паденія Меншикова, взоры всѣхъ, хотѣвшихъ подѣлить его наслѣдство, обратились къ Москвѣ, куда свѣтлѣйшій князь перевелъ бабку императора, инокиню Елену, которая однако не иначе называла себя какъ *царицею*. Петръ и сестра его, по чужимъ внушеніямъ и сами по себѣ, должны были чувствовать неловкость въ присутствіи ославленной бабушки, репутацію которой нельзя было возстановить отобраніемъ петровыхъ манифестовъ о ея похожденіяхъ. Внуки были довольны, что они въ Петербургѣ, а бабушка въ Москвѣ; но бабушка не была этимъ довольна, и 21 сентября написала внуку: «Державнѣйшій императоръ, любезнѣйшій внукъ! Хотя давно желаніе мое было не токмо поздравить ваше величество съ воспріятіемъ престола, но паче васъ видѣть; но по несчастію моему по сіе число не сподобилась, понеже князь Меншиковъ, не допустя до вашего величества, послалъ

меня за карауломъ къ Москвѣ. А нынѣ увѣдомилась, что за свои противности къ вашему величеству отлученъ отъ васъ; и тако пріемлю смѣлость къ вамъ писать и поздравить. Притомъ прошу: естли ваше величество къ Москвѣ вскорѣ быть не изволите, дабы мнѣ повелѣли быть къ себѣ, чтобъ мнѣ по горячности крови видѣть васъ и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей». Вслѣдъ затѣмъ другое письмо: «Дай, моя радость, мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ: какъ вы родились, не дали мнѣ про васъ слышать, ниже видѣть васъ». Петръ отвѣчалъ: «Дорогая и любезная государыня бабушка! Понеже мы увѣдомились (только теперь!) о бывшемъ вашемъ задержаніи и о нынѣшнемъ вашемъ прибытіи къ Москвѣ, того ради я не хотѣлъ оставить чрезъ сіе самъ къ вамъ писать и о вашемъ намъ весьма желательномъ здравіи освѣдомиться. И для того прошу васъ, государыня, дорогая бабушка, не оставить меня въ пріятнѣйшихъ своихъ писаніяхъ о своемъ многолѣтнемъ здравіи. Такожде прошу ко мнѣ отписать: въ чемъ я вамъ могу услугу и любовь мою показать? еже я вѣрно исполнять не премину. Я самъ ничего такъ не желаю, какъ чтобъ васъ видѣть, и надѣюсь, что съ Божіею помощію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ». Это свиданіе, необходимое вслѣдствіе преднамѣренной поѣздки государя въ Москву для коронаціи, безпокоило многихъ: что если кровь заговоритъ и внукъ подчинится вліянію бабушки, единственнаго роднаго существа у круглыхъ сиротъ? Предусмотрительный Остерманъ постарался тотчасъ же пріобрѣсть благосклонность царицы, тѣмъ болѣе, что его легче можно было погубить въ ея мнѣніи, какъ иностранца, выведеннаго Петромъ І-мъ. Вмѣстѣ съ первымъ письмомъ отъ внука, Елена получила письмо и отъ его воспитателя: «Всемилостивѣйшая государыня, писалъ Остерманъ: когда я о подлинномъ состояніи вашего величества увѣдомился, то я не оставилъ его императорскому величеству немедленно о томъ доносить; и потому его величество самъ изволилъ при семъ къ вашему величеству писать, при которомъ случаѣ и я дерзновеніе возпріялъ ваше величество о всеподданнѣйшей моей вѣрности обнадежить, о которой какъ его императорское величество; такъ и впрочемъ всѣ тѣ, которые къ вашему величеству принадлежатъ, сами вяще засвидѣтельствовать могутъ». Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ баронъ

Андрей Ивановичъ обнадеживалъ царицу «въ горячести», какую чувствуетъ къ ней внукъ, и увѣрялъ, что «по своей должности не пренебрежетъ его величество при тѣхъ склонностяхъ содержать стараться». Царица отвѣчала: «Благодарна за услугу твою, что хранишь здоровье внука моего, и впредь о томъ же прошу, чтобъ мнѣ порадоваться, какъ услышу про здоровье ихъ и за писаніе твое благодарю жъ, и впредь прошу; а за твою услугу воздастъ тебѣ Богъ, а сколько силы моей будетъ, и я вамъ всегда доброхотствовать буду». Жена Остермана, Марѳа Ивановна, урожденная Стрѣшнева, также писала царицѣ, «вручала себя въ высочайшую ея величества милость», увѣряя при этомъ, что мужъ ея государю и ей, царицѣ, со всякимъ усердіемъ вѣрно служитъ и служить будетъ. 22 октября Остерманъ, посылая царицѣ службу, сочиненную на день рожденія государя, рисунокъ фейерверка, сожженнаго въ этотъ день и манифестъ о коронаціи, писалъ: «Яко я на семъ свѣтѣ ничего иного не желаю, окромѣ чтобъ его императорскому величеству безъ всякихъ моихъ партикулярныхъ прихотей и страстей прямыя и вѣрныя свои услуги показать, такъ и ваше величество соизволите всемилостивѣйше благонадежны быть о моей вѣрнѣйшей преданности къ вашего величества высокой особѣ. Потомъ не распространяю, понеже вѣдаю, что какъ его императорское величество, такъ и ея императорское высочество, государыня великая княжна, мнѣ въ томъ вѣрное свидѣтельство подать изволятъ, и вѣрная моя служба всегда болѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели пустыми словами явна будетъ». Елена поняла послѣднія слова такъ, что Остерманъ жалуется на людей, которые наносили ей на него, писали пустыя слова противъ него, и отвѣчала: «Еще жъ ты упоминаешь, что будто ясно мнѣ пустыми словами: и я истинно объ васъ ничего пустова не слыхала, кромѣ всякой услуги ко внуку моему и ко мнѣ; и ежелибъ кто мнѣ и говорилъ, и у меня никогда етова не бывало, чтобъ мнѣ вѣрить, и впредь не будетъ, что я вижу отъ васъ услугу къ нему и къ себѣ. И какъ ты началъ служить, такъ и служи и храни ево здоровье; и я чаю, что ты ни на ково ево здоровье не промѣняешь, и надѣюсь на тебя крѣпко» [114]. Объ этомъ письмѣ царицы узнали, и пошелъ слухъ, что дѣйствительно Долгорукіе, и отецъ и сынъ, писали Еленѣ письмо, въ которомъ выставляли свои заслуги, и на Остермана взводили всевозможныя обвиненія, что Елена пере-

слала письмо Долгорукихъ къ Остерману, и въ своемъ письмѣ хвалила его и благодарила за попеченія о ея внукахъ [115].

Но во время этой борьбы не забывали о Меншиковѣ. Сильно боялись энергической свояченицы свѣтлѣйшаго князя, Варвары Арсеньевой, и 5 октября, Остерманъ, пришедши въ Верховный Тайный Совѣтъ, объявилъ, чтобъ Варвару послать въ Александровъ монастырь и взять ордена у сына и дочерей Меншикова, также и у Василья Арсеньева, шурина его. Послѣ Андрей Ивановичъ объявилъ въ Совѣтѣ, что кавалеріи св. Екатерины, взятыя у сына и дочерей Меншикова, императоръ подарилъ сестрицѣ своей; кавалерія св. Александра отдана князю Ивану Долгорукому, а перстень обручальный взятъ ко двору его величества. Петръ попрежнему дѣлалъ подарки сестрицѣ, и Остерманъ заботился объ ней попрежнему: такъ еще въ сентябрѣ онъ принесъ въ Совѣтъ алмазы, которые предлагалъ купить для великой княжны за 85.000 рублей; члены Совѣта, видя, что алмазы очень дешевы, согласились купить [116]. Остерманъ приходилъ и объявлялъ; Петръ позабылъ свое обѣщаніе присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, и члены его воспользовались первымъ случаемъ, чтобъ напомнить ему объ этомъ обѣщаніи. Въ ноябрѣ русскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, графъ Головинъ, донесъ объ извѣстномъ письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену. Донесеніе Головина было прочтено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, послѣ чего члены его представили государю, что по всѣмъ поступкамъ Шведовъ видны ихъ непріязненные замыслы противъ Россіи; чтобъ дать Шведамъ отпоръ, они, министры, прилагаютъ всевозможное стараніе о содержаніи войска въ добромъ порядкѣ и приведеніи его въ лучшее состояніе, чѣмъ какъ было при Меншиковѣ, что приказано вооружить къ будущей веснѣ 24 линейныхъ корабля и 120 галеръ, и что для поощренія и усмотрѣнія трудовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта нужно присутствіе его величества. На это государь изъявилъ свое благоволеніе и обѣщалъ чаще присутствовать въ Совѣтѣ. Насчетъ Меншикова Петръ разсуждалъ, что такіе поступки его могутъ почесться измѣною, и приказалъ послать къ нему нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его съ принужденіемъ и угрозами; также приказалъ опечатать все его имѣніе и обстоятельно пересмотрѣть находящіяся при немъ и въ Петербургѣ письма. Къ Меншикову отправленъ

былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Плещеевъ, которому, кромѣ шведскихъ дѣлъ, велѣно было допросить Меншикова о деньгахъ, взятыхъ съ герцога голштинскаго [117]. Секретарь Меншикова Вистъ представилъ въ Верховный Тайный Совѣтъ біографію Меншикова (исторію о княжомъ житіи), сочиненную барономъ Гизеномъ [118].

Въ концѣ 1727 года начались сборы двора въ Москву для коронаціи. Эта поѣздка имѣла теперь совершенно другое значеніе, чѣмъ послѣднія поѣздки Петра Великаго въ древнюю столицу. Теперь на вопросъ: долго ли останется дворъ въ Москвѣ, уже слышался отвѣтъ: быть можетъ навсегда, а этотъ отвѣтъ былъ очень пріятенъ однимъ и приводилъ въ отчаяніе другихъ. Нравился онъ русскимъ вельможамъ, которые до сихъ поръ не могли привыкнуть къ неудобствамъ новооснованнаго города, въ странѣ печальной, болотистой, вдали отъ ихъ деревень, доставка запасовъ изъ которыхъ соединялась съ большими затрудненіями и расходами; тогда какъ Москва была мѣсто нагрѣтое, центральное, окруженное ихъ имѣніями, расположенными въ разныхъ направленіяхъ, и откуда такъ легко было доставлять все нужное для содержанія барскаго дома и огромной прислуги, а это было главное при отсутствіи денегъ, при неразвитой еще роскоши, требующей произведеній иностранныхъ. Ужасомъ обдавалъ этотъ отвѣтъ тѣхъ, которые въ удаленіи изъ «парадиза» видѣли удаленіе отъ дѣла Петра Великаго, удаленіе отъ Европы, пренебреженіе моремъ, флотомъ, упадокъ значенія Россіи, какъ европейской державы. Боялись переѣзда въ Москву люди созданные новымъ, преобразовательнымъ направленіемъ и въ его ослабленіи видѣвшіе ослабленіе собственнаго значенія; въ челѣ такихъ людей стоялъ человѣкъ самый видный по своей государственной дѣятельности и близкій къ государю, Остерманъ. За границей смотрѣли также на это дѣло: какъ только узнали здѣсь о паденіи Меншикова, такъ сейчасъ же явилась мысль, что вельможи увезутъ императора въ Москву, и Россія возвратится къ прежнему допетровскому порядку. Польскій король объявилъ объ этомъ испанскому герцогу Лиріа, отправлявшемуся въ Россію въ качествѣ посланника. Житель Пиренейскаго полуострова, Лиріа привыкъ приписывать англійскимъ деньгамъ страшное могущество, и потому первая мысль, пришедшая ему въ голову, была та, что ан-

глійскія деньги заставятъ и русскаго царя поселиться навсегда въ Москвѣ [119]. Одни съ надеждою, другіе со страхомъ ожидали слѣдствій свиданія императора съ бабушкою; въ Петербургъ доходили вѣсти, что Шафировъ, подъ предлогомъ болѣзни, не поѣхалъ въ Архангельскъ по первому пути, а вмѣсто того ежедневно бываетъ у старой царицы [120].

Въ началѣ генваря 1728 года дворъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; но на дорогѣ императоръ заболѣлъ и принужденъ былъ пробыть двѣ недѣли въ Твери [121]. Петръ остановился на нѣсколько времени подъ Москвою, чтобъ приготовиться къ торжественному въѣзду. Бабушка рвалась къ нему; писала къ великой княжнѣ Натальѣ: «Пожалуй, свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобъ мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, не токмо что видѣть». Писала къ Остерману: «За вѣрную вашу службу ко внуку моему и къ намъ я по премногу благодарствую, а у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое. Только о томъ васъ прошу, чтобъ мнѣ внучатъ своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть; а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что и вы мнѣ будете ради, какъ я при нихъ буду; и мнѣ истинно уже печали наскучили, и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печаляхъ и умереть; и ежелибъ я съ ними вмѣстѣ была, и я бъ такія свои несносныя печали всѣ позабыла. И такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, а я не знаю сіе чинится отъ ково». Къ самому Петру писала: «Долго ли, мой батюшка, мнѣ васъ не видать? или васъ и вовсе мнѣ не видать? а я съ печали истинно умираю, что васъ не вижу; дайте, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть! хотя бы я къ вамъ пріѣхала.» Писала опять къ Остерману: «Долго ли вамъ меня мучить, что по сю пору въ семи верстахъ внучатъ моихъ не дадите мнѣ ихъ видѣть! а я съ печали истинно сокрушаюсь. Прошу васъ: дайте хотя бъ я на нихъ поглядѣла, да умерла» [122].

4 февраля былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Когда было первое свиданіе съ бабушкою, неизвѣстно; извѣстно только, что оно было холодно со стороны внука, который потомъ явно избѣгалъ свиданій съ старою царицею; и братъ и сестра при свиданіи съ бабушкою, имѣли при себѣ цесаревну Елисавету, чтобъ старушка не увлекалась разговорами о нѣкоторыхъ деликатныхъ

дѣлахъ; но увѣряли, что царица успѣла поговорить внуку о его поведеніи, совѣтовала ему лучше жениться, хотя даже на иностранкѣ, чѣмъ вести такую жизнь, какую онъ велъ до сихъ поръ [123]. Внѣшнія приличія были соблюдены: 9 февраля Петръ явился въ Верховный Тайный Совѣтъ, и не садясь на свое мѣсто, стоя объявилъ, что онъ, изъ любви и почтенія къ государынѣ бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ ея величество, по своему высокому достоинству, была содержана во всякомъ довольствѣ: такъ пусть члены Совѣта учинятъ опредѣленіе и ему донесутъ. Сказавши это, императоръ удалился; а члены Совѣта принялись разсуждать о штатѣ для царицы и назначили ей по 60.000 рублей въ годъ и волость до 2000 дворовъ. Съ этимъ рѣшеніемъ отправились къ царицѣ князья Василій Лукичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, при чемъ донесли ей, что если и сверхъ того изволитъ чего потребовать, то его величество, по особенной своей къ ней любви и почтенію, исполнитъ ея требованіе [124]. Опредѣливши содержаніе бабушки по отцу, не забыли и бабушку по матери: Остерманъ объявилъ въ Совѣтѣ, чтобъ бабкѣ его величества, герцогинѣ бланкенбургской, давать пенсію по 15.000 рублей въ годъ [125]. Эта бабушка очень хлопотала, чтобъ внукъ велъ себя получше и берегъ свое здоровье: до насъ дошли два письма ея, какъ видно, къ брауншвейгскому повѣренному въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, въ которыхъ она поручаетъ обратиться къ князю Ивану Долгорукому и сказать ему отъ ея имени, что, зная, какъ императоръ уважаетъ его достоинства, она умоляетъ его уговорить молодаго государя, чтобъ онъ больше заботился о своемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ. Въ другомъ письмѣ герцогиня пишетъ: «Дайте почувствовать князю Ивану Долгорукому необходимость вывезти императора изъ Москвы. Князь Долгорукій, человѣкъ знатнаго происхожденія, не такой какъ Меншиковъ, вышедшій изъ черни, человѣкъ безъ воспитанія, безъ благородныхъ чувствъ и принциповъ; это обстоятельство доставляетъ мнѣ безконечное удовольствіе, ибо я не сумнѣваюсь, что этотъ вельможа (Долгорукій) всегда будетъ внушать моему дорогому императору чувства, достойныя великаго монарха» [126].

Рѣшительный фаворъ Догорукихъ обозначился тотчасъ по пріѣздѣ двора въ Москву; наканунѣ торжественннаго въѣзда, князья Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ назначены были чле-

нами Верховнаго Тайнаго Совѣта; 11 февраля молодой князь Иванъ Алексѣевичъ сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ. Князь Алексѣй и сынъ его были всѣмъ обязаны приближенію, фавору; но между Долгорукими были двое извѣстныхъ своими способностями и заслугами: знаменитый дипломатъ, князь Василій Лукичъ, какъ мы видѣли, получилъ мѣсто въ верховномъ правительственномъ учрежденіи; здѣсь онъ достойно представлялъ фамилію подлѣ главы другой, соперничествующей фамиліи, подлѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына, и подлѣ другаго соперника по приближенію и перваго дѣльца, подлѣ Остермана; но у Голицыныхъ былъ знаменитый полководецъ, князь Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ; Долгорукіе противъ него выставили свою военную знаменитость, князя Василія Владиміровича, котораго военное поприще было прервано опалою, но въ послѣднее время было возстановлено въ Персіи; Долгорукимъ было важно имѣть его при себѣ, и потому, подъ предлогомъ болѣзни, онъ былъ вызванъ изъ Персіи, и 25 февраля, на другой день коронаціи, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, губернаторомъ Кіевскимъ. Минихъ былъ пожалованъ въ графы: эту милость приписывали тому, что Минихъ сговорилъ жениться на оберъ-гофмейстеринѣ цесаревны Елисаветы, графинѣ Салтыковой. Генералъ-майоръ Волынскій, назначенный было Меншиковымъ къ удаленію въ Голштинію, остался въ Россіи и былъ возстановленъ на старомъ своемъ мѣстѣ, казанскомъ губернаторствѣ, съ порученіемъ ему дѣлъ башкирскихъ [127]. Мы видѣли, что Шафировъ не поѣхалъ по зимнему пути въ Архангельскъ; объ немъ доносили, что онъ очень боленъ, страдаетъ меланхоліею и безпрестаннымъ жаромъ; докторъ опасается за его жизнь [128]. Въ февралѣ 1728 года Шафировъ уволился отъ всѣхъ дѣлъ по его челобитной [129]; такимъ образомъ онъ избавился отъ почетной ссылки въ Архангельскъ, какую назначилъ ему свѣтлѣйшій князь.

Но самъ Меншиковъ покончилъ ссылкою въ Сибирь. Находившійся при немъ въ Раненбургѣ офицеръ Мельгуновъ прислалъ требованіе, что для лучшаго надзора необходимо прибавить еще капральство. По этому поводу 16 января Верховный Тайный Совѣтъ имѣлъ разсужденіе, не лучше-ль послать князя Меншикова куда-нибудь подальше, напримѣръ въ Вятку, и держать при немъ караулъ не такъ большой. 9 февраля Остерманъ объявилъ въ

Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, что его императорское величество изволилъ о князѣ Меншиковѣ разговаривать, чтобъ его куда-нибудь послать, а пожитки его взять, оставивъ княгинѣ и дѣтямъ тысячъ по десяти на каждаго, да нѣсколько деревень, и чтобъ объ этомъ члены Совѣта изволили впредь учинить опредѣленіе, потому что изъ Военной и другихъ Коллегій и Канцелярій подаются доношенія, что князь Меншиковъ взялъ изъ казны деньги и матеріалы, и требуютъ возвращенія изъ пожитковъ его; также Мельгуновъ пишетъ, что многіе служители Меншикова требуютъ отпуску; изъ деревень къ нему пишутъ и онъ отвѣчаетъ [130]. Верховный Тайный Совѣтъ почему-то замедлилъ своимъ рѣшеніемъ; но дѣло подвинулось тѣмъ, что 24 марта у Спасскихъ воротъ было найдено подметное письмо въ пользу Меншикова; слѣдствіемъ было то, что 9 апрѣля изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ данъ указъ Сенату о посылкѣ Меншикова съ семействомъ въ Березовъ, о дачѣ имъ и людямъ ихъ кормовыхъ денегъ по шести рублей на день, и о постриженіи Варвары Арсеньевой въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Сорскомъ женскомъ монастырѣ и о дачѣ ей по полуполтинѣ на день [131].

Но ссылка Меншикова въ Сибирь не улучшила участи тѣхъ, которые были имъ сосланы. Мы видѣли, какъ обрадовались паденію Меншикова члены бестужевскаго кружка; но оставшіеся изъ нихъ въ Петербургѣ очень скоро увидали, что возвратить сосланныхъ и пробиться ко двору будетъ очень трудно: тамъ сильные люди боролись за власть, и одинъ изъ этихъ сильныхъ людей, Остерманъ съ своимъ пріятелемъ Левенвольдомъ знали прежнія связи и стремленія Маврина и Бестужевыхъ. Въ участи Девьера произошла только та перемѣна, что женѣ его позволено было отправиться къ нему, т.-е. сочли удобнымъ сослать сестру Меншикова подъ видомъ позволенія соединиться съ мужемъ [132]. Въ сентябрѣ 1727 года Егоръ Пашковъ писалъ княгинѣ Волконской: «О суетномъ состояніи нашемъ всего вамъ описать не могу: такъ было хорошо отъ крайнихъ пріятелей нашихъ, которые насъ безъ совѣсти повреждали; много того случалось, что и смотрѣть на нихъ не смѣли; однакоже ото всѣхъ ихъ нападеній избавилъ насъ Богъ, а ихъ слава суетная пропала вся до конца. Надлежитъ вамъ чаще ѣздить въ Дѣвичій монастырь искать способу себѣ какова. О Семенѣ Мавринѣ и объ Аврамѣ стараюся, чтобъ ихъ взять изъ

ссылки, да не могу чрезъ кого учинить, всѣ проклятые злы на нихъ какъ собаки. Нынѣ у насъ много хотятъ быть первыми, а какъ видимъ по ихъ ревности безсовѣстной, не потеряютъ ли и послѣдняго. Про компанію нашу прежнюю часто и милостиво изволитъ упоминать (Петръ), только отъ прежнихъ вашихъ непріятелей не можно свободнаго способу сыскать, какъ бы порядочно донесть, однакоже хотя и съ трудомъ, только дѣлаемъ сколько возможно.» Черкасову Пашковъ писалъ: «Мнѣ кажется, лучше вамъ быть до зимы въ Москвѣ и чаще ѣздить молиться въ Дѣвичь монастырь чудотворному образу Пресвятой Богородицы. О вѣрныхъ пріятеляхъ нашихъ, объ Абрамѣ и объ Семенѣ прилежно стараюсь, какимъ бы случаемъ ихъ взять, и кажется, что многіе объ нихъ сожалѣютъ, а говорить никто не хочетъ за поврежденіемъ себя (т.-е. боясь повредить себѣ), а Левольдъ безсовѣстно старою своею компаніею ихъ повреждаетъ и всячески тщится, чтобъ ихъ не допустить ко взятію; надлежитъ вамъ съ княгинею Аграфеною Петровною стараться, чтобъ какимъ случаемъ дойти государыни царицы Евдокеи Өедоровнѣ, и будетъ допуститъ какой случай, обо всемъ донести съ яснымъ доказательствомъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь, а впредь уповая на милость Божію, какъ прибудемъ въ Москву, безсовѣстная *клеотура*, можно надѣяться, что скоро пропадетъ, а ихъ никому удержать будетъ невозможно. Нынѣ у насъ въ Питербурхѣ многіе говорятъ и показываютъ вѣрность свою, кто какія заслуги показалъ, которые безмѣрно трусятъ и боятся гнѣву государыни царицы Евдокіи Өедоровны, а паче всѣхъ боится безсовѣстная *клеотура* Левольдова; однимъ словомъ сказать, какъ будемъ въ Москвѣ, все будетъ другое.» За границею, въ Копенгагенѣ, разумѣется, дѣло не казалось такъ труднымъ, и Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, получивъ извѣстіе о паденіи Меншикова, былъ въ полной надеждѣ, что сестра его и пріятели могутъ снова явиться въ Петербургѣ и начать прежнюю дѣятельность. Въ октябрѣ онъ писалъ сестрѣ: «Конечно-бъ по желанію всѣхъ васъ и коегождо особно учинилось, ежелибъ смерть графа Рабутина въ томъ не попрепятствовала, и ежелибъ его императорское величество да не свободилъ имперію свою отъ ига варварскаго, тобъ мнѣ трудно было толь скоро всѣмъ вамъ вспомочь; нынѣ же уповаю, что вы съ друзьями нашими и безъ посторонней помощи, по отлученіи извѣстнаго варвара (Меншикова) всякой сами себѣ вспо-

мочь можете. Понеже чрезъ печатные указы публиковано, чтобъ указовъ Меншикова не слушать, того ради, не ожидая себѣ никакого позволенія, поспѣшите въ С.-Петербургъ, о чемъ и къ друзьямъ нашимъ, господину Маврину и прочимъ, совѣтуйте, ибо такъ онымъ, какъ и вамъ не отъ его императорскаго величества, но отъ Меншикова повелѣно было.» Въ ноябрѣ Алексѣй Бестужевъ писалъ: «Посолъ цесарскій, графъ Вратиславъ, въ пользу всѣхъ васъ отъ двора своего накрѣпко инструированъ, токмо оная помощь медленна будетъ, ибо онъ ко двору нашему прежде не можетъ прибыть какъ послѣ Пасхи. И того ради стараться такъ о себѣ какъ о Маврннѣ, Петровѣ и Веселовскомъ чрезъ заступу царевны Анны Ивановны.»

Ссыльные не считали возможнымъ безъ позволенія отправиться въ Петербургъ; но и они крѣпко надѣялись, что Бестужевы съ своими петербургскими пріятелями освободятъ ихъ. Абрамъ Петровъ писалъ княгинѣ Волконской изъ Томска: «Что вы мнѣ обѣщали сдѣлать, пожалуй не запамятуй, чтобъ *Панталонъ* и *Козелъ* (Михайла и Алексѣй Бестужевы) приложили къ тому свое стараніе, особливо больше моя надежда на Козла, что онъ меня не оставитъ.» Мавринъ мечталъ уже о дворѣ, о приближеніи, и писалъ Волконской изъ Тобольска: «Прошу, чтобъ вы трудъ приложили за меня, а нынѣ случай будетъ изрядный, какъ здѣсь слышно, что его императорское величество изволитъ прибыть въ Москву и конечно съ бабушкою своею будетъ видѣться, и тутъ можно будетъ обо мнѣ бѣдномъ вспоминать. Княгинѣ Настасьѣ Ѳедоровнѣ (Лобановой) можете вы растолковать, что у нихъ при его величествѣ никого нѣтъ, на кого бы они прямо свою надежду имѣли, и имъ такой человѣкъ надобенъ. Я всегда былъ ихъ слуга.»

Изъ Тобольска, Томска и Копенгагена торопили; изъ Петербурга совѣтовали поступать осторожнѣе. Пашковъ писалъ княгинѣ Волконской: «Писалъ я къ вамъ, чтобъ порядочнаго искать случая, на которое мое письмо изволите объявлять, что сыскать не черезъ кого; въ томъ опасаться не извольте, можетъ Богъ хотя одного не оставитъ компаніи нашей, то будемъ довольны; сколько мерзкой клеотурѣ (креатурѣ—Остерману и Левенвольду) не искать себѣ защищенія по своимъ худымъ дѣламъ, только имъ себя не можно никакъ закрыть; вѣдаютъ они и сами, что дѣлали худо, да миновать нынѣ никакъ нельзя, что имъ всѣмъ обидъ за-

платить. Отважно ни въ какое дѣло вступать не извольте, пока время покажетъ спокойное. Надлежитъ вамъ всѣмъ, буде станете ѣздить въ Дѣвичь монастырь, беречься Степановой Лопухина сестры, которая старицею, чѣмъ бы васъ не повредила, понеже они люди добрые и очень всѣмъ извѣстны по своей совѣсти бездѣльной.» Пашковъ отыскивалъ членовъ разогнанной партіи и просилъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома хлопотать при каждомъ удобномъ случаѣ о попавшихъ въ бѣду: «Просилъ я о васъ Кириллу Петровича Матюшкина, писалъ онъ Черкасову въ Москву, чтобъ онъ васъ не оставилъ въ случаѣ хорошемъ, что и обѣщалъ, а онъ компаніи нашей и добрый человѣкъ» [133].

Но главная надежда партіи основывалась на двухъ лицахъ царскаго дома, на старой царицѣ и на царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ. Мы видѣли, какъ послѣдняя не щадила униженныхъ просьбъ къ Меншикову и Остерману, чтобъ только отпустили назадъ къ ней въ Митаву необходимаго ей Петра Михайловича Бестужева. Понятно, въ какомъ восторгѣ была Анна, получивши извѣстіе о паденіи Меншикова. Немедленно отправила она письмо императору: «Я неоднократно просила, чтобъ мнѣ позволено было по моей должности вашему императорскому величеству съ воспріятіемъ престола россійскаго поздравить и цѣловать вашего величества дорогіе ручки; но получила на всѣ мои письма отъ князя Меншикова отвѣтъ, чтобъ мнѣ не ѣздить. Нынѣ паки всепокорно вашего императорскаго величества прошу повелѣть мнѣ, для моей поѣздки въ Петербурхъ, поставить въ прибавку почтовыхъ, какъ прежде мнѣ давано было, лошадей.» Такія же письма были отправлены къ великой княжнѣ Натальѣ и къ Остерману [134]. Но Анна позабывала, что у Остермана были такія же сильныя побужденія, какъ и у Меншикова не давать ходу Бестужевской партіи, не допускать ея покровительницу, герцогиню курляндскую, хлопотать за нее при личномъ свиданіи съ императоромъ; Остерманъ тѣмъ болѣе долженъ былъ теперь остерегаться Бестужевыхъ, что Петръ Михайловичъ не сидѣлъ сложа руки въ Петербургѣ, но, увидавши борьбу между Остерманомъ и Долгорукими, сталъ заискивать у послѣднихъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и только въ концѣ 1729 года Анна получила приглашеніе отправиться прямо въ Москву на коронацію; тогда же отпущенъ былъ къ ней и Бестужевъ, ибо стало извѣстно, что онъ не можетъ быть опасенъ, что у Анны уже другой фаворитъ.

Этотъ фаворитъ былъ знаменитый Эрнстъ Иванъ Биронъ или Биренъ, сынъ придворнаго служителя герцоговъ курляндскихъ. Говорятъ, что онъ еще въ 1714 году пріѣзжалъ въ Петербургъ искать мѣста при дворѣ принцессы Софіи, жены царевича Алексѣя, но получилъ отказъ какъ человѣкъ низкаго происхожденія. Достовѣрно одно, что въ 1722 году онъ долго сидѣлъ подъ арестомъ въ Кенигсбергѣ за то, что участвовалъ въ ночной дракѣ съ городскою стражею. По возвращеніи въ Курляндію, онъ былъ принятъ ко двору герцогини Анны, благодаря покровительству оберъ-гофмейстера Бестужева. Это покровительство объясняли связью оберъ-гофмейстера съ сестрою Бирона [135]. Оберъ-камеръ-юнкеръ Биронъ сопровождалъ герцогиню въ Москву на коронацію Екатерины въ 1724 году, и сблизился тамъ съ *своими*, съ камергеромъ Левенвольдомъ, что видно изъ письма его къ послѣднему отъ 25 іюля 1725 года: Биронъ описываетъ несчастіе, случившееся съ нимъ въ Кенигсбергѣ, говоритъ, что онъ выпущенъ оттуда только съ условіемъ заплатить 700 талеровъ штрафу, и проситъ ходатайствовать предъ прусскимъ дворомъ о сложеніи штрафа. Не знаемъ, получилъ ли Биронъ желаемое; знаемъ только, что онъ сталъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ какъ знатокъ въ лошадяхъ и хорошій человѣкъ. До насъ дошелъ указъ императрицы Бестужеву: «Немедленно отправить въ Бреславль оберъ-камеръ-юнкера Бирона, или другаго, который бы зналъ силу въ лошадяхъ и охотникъ къ тому былъ и добрый человѣкъ, для смотрѣнія и покупки лошадей» [136]. Въ отсутствіе Бестужева, задержаннаго Меншиковымъ въ Петербургѣ, Биронъ сблизился съ герцогинею и сталъ ея фаворитомъ, такъ что когда Бестужевъ возвратился въ Митаву, то былъ принятъ ласково, но между собою и Анною уже нашелъ другаго человѣка. Герцогиня отправилась въ Москву; по прежнимъ разчетамъ, тамъ своимъ вліяніемъ она должна была поднять «компанію»; но теперь сдѣлаетъ ли она это, уже высвободившись изъ-подъ вліянія Бестужева, находясь подъ другимъ, враждебнымъ вліяніемъ? Бестужевъ писалъ своей дочери, княгинѣ Волконской въ Москву: «Я въ несносной печали; едва во мнѣ духъ держится, потому что чрезъ злыхъ людей другъ мой сердечный отъ меня отмѣнился, а вашъ другъ (Биронъ) болѣе въ кредитѣ остался; но вы объ этомъ не давайте знать, вы должны угождать и твердо поступать и служить во всемъ, чтобъ въ кре-

дитѣ быть и ничѣмъ нимало не раздражать, только утѣшать во всемъ и искусно смотрѣть, что о насъ будетъ (Биронъ) говорить, не въ противность ли? Вы ищите случая, какъ бы вамъ съ вашими непріятелями помириться и брата помирить, а такъ какъ друзей Маврина допускать не будутъ, то вы осторожно поступайте; съ Дмитріемъ Соловьевымъ дружески поступайте, отпишите осторожно подъ чужимъ конвертомъ о состояніи двора ея высочества (Анны); отпишите, какъ ея высочество отъ кого принята будетъ. Степанъ Лопухинъ какъ былъ вамъ непріятель, такъ и мнѣ дѣлалъ обиды и затѣвалъ на меня, а теща его ко мнѣ добра: вы ищите чрезъ нея случай съ уклонкою съ ними въ дружбу войти. Аврамова жена (Лопухина) вамъ сватья и ласкова; вы ищите дружбы и съ другими, кто имѣетъ кредитъ. Вы про ея высочество ни съ кѣмъ ничего, кромѣ милости ея, не говорите, потому что обѣщано мнѣ въ милости содержать. Ради Бога осторожно живите и пишите, и какъ ея высочество сюда поѣдетъ, вы старайтесь съ нею ѣхать или и напередъ отпроситесь, усмотря какъ лучше. Особенно вы должны пріобрѣсть любовь князя Алексѣя Григорьевича и Павла Ивановича (Ягужинскаго), Степана Васильевича. Если вамъ станутъ говорить о фрейлинѣ Бироновой, то дѣлайте видъ, что ничего не знаете. Поговорите у себя въ домѣ со Всеволожскимъ [137], чтобъ между служителями ея высочества было какъ можно болѣе смуты и безпорядка, потому что я знаю жестокіе поступки того господина (Бирона). Вы о моей обидѣ не давайте знать, какъ будто ничего не знаете; служите старательно и вѣрно безо всякой противности, хотя что и видите—молчите, только меня увѣдомляйте; всего печальнѣе для меня то, что я не знаю, въ какомъ состояніи находитесь вы и прежніе ваши друзья; однако я слышу, что Александръ (Бутурлинъ) въ кредитѣ. Я въ такой печали нахожусь, что всегда жду смерти, ночей не сплю; знаешь ты, какъ я того человѣка (Анну) люблю, который теперь отъ меня отмѣнился.» Въ мартѣ 1728 года Бестужевъ писалъ дочери: «Послалъ я Салова къ вамъ, и велѣлъ ему побывать на Москвѣ, и отъ кого можно освѣдомиться, нѣтъ ли гнѣва на меня ея высочества, потому что изъ писемъ вижу, и опасаюсь, чтобъ нашъ пріятель (Биронъ) за наши многія къ нему благодѣянія не заплатилъ бы многимъ зломъ. Чтобъ объ немъ (Саловѣ) никто кромѣ васъ не зналъ, и чтобъ сестра ваша не знала [138], также чтобъ

онъ остерегался всѣхъ тамъ людей (при дворѣ герцогини), а особливо тенориста и Кобозова, отъ котораго все зло мнѣ происходитъ [139]. Салова у себя не держите, отправьте ко мнѣ немедленно, велите ѣхать не скоро, матери и мужу не сказывайте, что онъ у меня былъ, ради Бога осторожнѣе, чтобъ не дознались, что отсюда ѣхалъ; они могутъ мнѣ обиду сдѣлать: хотя бы она (Анна) и не хотѣла, да онъ (Биронъ) принудитъ» [140].

Никакія осторожности не помогли. Люди князя Никиты Волконскаго, Зайцевъ и Добрянскій явились къ Остерману и донесли, что помѣщицѣ ихъ княгинѣ Волконской за продерзости ея велѣно жить въ деревнѣ, не въѣзжая въ Москву, а она живетъ въ подмосковной деревнѣ двоюроднаго своего брата Ѳедора Талызина [141], откуда ѣздитъ тайно подъ Москву въ Тушино для свиданія съ Юріемъ Нелединскимъ и съ другими нѣкоторыми людьми, между прочимъ видѣлась и съ секретаремъ Исакомъ Веселовскимъ; ведетъ тайную переписку со многими лицами въ Москву и другія мѣста; недавно привезъ тайно же изъ Митавы отъ отца ея, Петра Бестужева, человѣкъ его письма, зашитыя въ подушкѣ. Волконскую схватили и со всѣми письмами отъ родныхъ и друзей. 10 мая 1728 года въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта она была допрошена и объявила, что дѣйствительно видѣлась въ Тушинѣ съ Неведииским и Веселовскимъ, съ первымъ по свойству, а со вторымъ по давнему знакомству и дружеству. У нея потребовали объясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ, къ кому относятся неблагопріятные отзывы: она нигдѣ не показала на Остермана, вмѣсто него вставляла царевну Анну, хотя иногда и не кстати. Волконская запиралась, что, по письмамъ къ ней, въ Москву не ѣздила и ни у кого не была; но у Талызина нашли отъ нея такое письмо: «Въ Слободѣ (Нѣмецкой) побывай и поговори извѣстной персонѣ, чтобъ, сколько ему возможно, того каналью хорошенько рекомендовалъ курляндца, а онъ уже отъ меня слышалъ, и провѣдалъ бы, нѣтъ ли отъ канальи какихъ происковъ къ моему родителю, понеже ему легко можно знать отъ Александра (Бутурлина), и чтобъ поразгласилъ о немъ гдѣ пристойно, что онъ за человѣкъ.» Въ допросѣ княгиня Волконская объявила, что извѣстная персона въ Слободѣ—это лѣкарь цесаревны Елисаветы Лестокъ, а каналья—Биронъ.

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось такое мнѣніе, что

«княгиня Волконская и ея пріятели дѣлали партіи и искали при дворѣ его императорскаго величества для собственной своей пользы дѣлать интриги, и тѣми интригами причинить при дворѣ безпокойство, и дабы то свое намѣреніе сильнѣе въ дѣйство произвесть могли, искали себѣ помощи чрезъ Вѣнскій дворъ, и такъ хотѣли вмѣшать посторонняго государя въ домовыя его императорскаго величества дѣла, и въ такой ихъ Волконской и брата ея Алексѣя откровенности можетъ быть что они сообщали тѣмъ чужестраннымъ министрамъ и о внутреннихъ здѣшняго государства дѣлахъ, сверхъ же того провѣдывали о дѣлахъ и словахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.» За такія вины Совѣтъ разсудилъ: княгиню Волконскую сослать до указу въ дальній женскій монастырь и содержать ее тамъ неисходно подъ надзоромъ игуменьи; сенатору Нелединскому въ Сенатѣ у дѣлъ впредь до указа не быть; Егору Пашкову въ Военной Коллегіи не быть; Веселовскаго сослать въ Гилянь; шталмейстера Кречетникова написать въ прапорщики и послать служить въ армейскіе полки; Черкасова въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ. Это мнѣніе отправлено было къ князу Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, при такомъ письмѣ: «Сіятельный князь! Понеже дѣло княгини Волконской и прочихъ по тому дѣлу ко окончанію приведено, того ради ваше сіятельство просимъ, изволите по тому мнѣнію его величества доложить, и что изволитъ указать, о томъ насъ увѣдомить. А что написано о Егорѣ Пашковѣ, чтобъ ему у дѣлъ въ Военной Коллегіи не быть, и то въ такой силѣ, что по отлученіи отъ этихъ дѣлъ опредѣлить его на Воронежъ вице-губернаторомъ. Вашего сіятельства слуги: Апраксинъ, Головкинъ, братъ вашъ князь В. Долгоруковъ.» Князь Алексѣй прислалъ отвѣтъ: «Сіятельные тайные дѣйствительные совѣтники, мои милостивые государи: по письму вашихъ сіятельствъ и по присланномъ приговорѣ его императорскому величеству докладывалъ и чрезъ сіе мое объявляю: его величество по приговору вашихъ сіятельствъ быть повелѣлъ, и тако сіе донесши, пребываю вашихъ сіятельствъ нижайшій слуга князь Алексѣй Долгорукой [142].»

Оба брата княгини Волконской, Алексѣй и Михаилъ Бестужевы, хотя и заподозрѣнные въ приговорѣ, остались однако на своихъ дипломатическихъ постахъ; но отецъ ихъ не могъ остаться спокойно въ Курляндіи. Когда дѣло Волконской вскрылось,

Бестужевъ былъ взятъ изъ Курляндіи «съ опалою», бумаги его были запечатаны. Царевна Анна съ Бирономъ были въ это время въ Москвѣ. Конечно «креатуры» дали знать «канальѣ Курляндцу», какъ онъ трактуется въ захваченныхъ письмахъ. Бестужевъ не даромъ писалъ: «Они могутъ мнѣ обиду сдѣлать: хотябъ *она* и не хотѣла, да *онъ* принудитъ». Возвратившись въ Митаву, Анна старалась поддержать «высочайшую милость» императора и сестры его «всеглубочайшимъ респектомъ», которымъ дышатъ ея письма къ нимъ, и угожденіями. Въ одномъ письмѣ она увѣдомляетъ великую княжну Наталью: «Доношу вашему высочеству, что нѣсколько собакъ сыскано какъ для его величества, такъ и для вашего высочества, а прежде августа послать невозможно: охотники сказываютъ, что испортить можно, ежели въ нынѣшнее время послать. И прошу ваше высочество донести государю братцу о собакахъ, что сысканы, и еще буду стараться». Анна старалась насчетъ собакъ для императора и сестры его; Биронъ, будучи въ Москвѣ, обѣщалъ князю Ивану Долгорукому сыскать для него собаку; по возвращеніи въ Митаву ни о чемъ больше не думалъ какъ объ исполненіи своего обѣщанія, и нашелъ собаку самой лучшей породы. За собакъ долженъ былъ расплатиться Бестужевъ. Въ началѣ августа 1728 года Анна писала царевнѣ Натальѣ: «О себѣ вашему высочеству нижайше доношу: въ разореньѣ и въ печаляхъ своихъ жива. Всепокорно, матушка моя и государыня, прошу не оставить меня въ высокой и неотмѣнной вашего высочества милости, понеже вся моя надежда на вашу высокую милость». Въ томъ же мѣсяцѣ оказалось, отъ кого было разоренье и печали. Великая княжна получила такое письмо отъ Анны: «По необходимой моей нуждѣ послала я моего камеръ-юнкера Корфа въ Москву, велѣла донести его императорскому величеству, какимъ образомъ меня разорилъ и расхитилъ Бестужевъ, котораго камеръ-юнкера рекомендую въ высокую милость вашего высочества и покорно прошу меня не оставить милостивымъ защищеніемъ. А моя вся надежда крѣпкая на ваше высочество [143]». Въ просьбѣ своей императору Анна писала: «Вашего величества свѣту похвальное правосудіе упричиняетъ, что я прибѣжище мое къ вашему величеству пріемлю и во всей покорности представляю, коимъ образомъ прежній мой оберъ-гофмейстеръ Бестужевъ обманомъ поступалъ: 1) онъ, Бестужевъ, чрезъ свою

злую диспозицію меня разорилъ; 2) подлинныя доказательства мои, касающіяся отдачи вдовьихъ маятностей моихъ, которыя отданы отъ здѣшняго княжескаго правленія, тайно утащилъ и къ великому поврежденію моему съ собою увезъ, чрезъ что я осталась безъ обороны, изъ чего довольно можно усмотрѣть, что понеже я на вѣрность его полагалась, а онъ меня невѣрно чрезъ злую диспозицію свою обманулъ и въ великій убытокъ привелъ чрезъ *финесы* свои, какъ обо всемъ отъ меня посланный камеръ-юнкеръ Корфъ обстоятельно представитъ и доказательство учинитъ». Вслѣдствіе этой просьбы учреждена была коммиссія, чтобъ считать Бестужева. Корфъ былъ обвинителемъ; но Бестужевъ, въ свою очередь, началъ насчитывать на Анну свои вещи и деньги [144]. Дѣло затянулось, несмотря на то, что Анна просила Остермана приказать какъ можно скорѣе окончить его: «Понеже вашему превосходительству извѣстно, что я разорена, а нынче мой камеръ-юнкеръ въ Москвѣ, и ежели еще долго пробудетъ, и мнѣ не безъ убытку его содержать такъ долго. А я на ваше превосходительство въ весьма великой надеждѣ, что ваше превосходительство меня не оставите по вашей ко мнѣ склонности и дружбѣ; а мнѣ изволь вѣрить, что я вамъ и вашей фамильѣ вѣчно пребуду въ вѣрности и отслужу за вашу ко мнѣ великую склонность [145]». Вмѣсто Бестужева русскій дворъ назначилъ для управленія дѣлами Анны Курляндца Рацкаго, вступившаго въ русскую службу; Рацкій писалъ Остерману, что при дворѣ герцогини много лишнихъ людей и царствуетъ сильная роскошь не по средствамъ: гофмаршаломъ Сакенъ, оберъ-гофмейстериною Фонъ-Денъ-Рекъ, камергеромъ Биронъ, сверхъ того три камеръ-юнкера, шталмейстеръ надъ двумя цугами и футтеръ-маршалъ, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау и множество гофратовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ и комнатныхъ служителей, которые всѣ ни за что получали жалованье; сверхъ того герцогиня приняла еще въ службу Курляндца Корфа, назначеннаго въ Москву резидентомъ съ жалованьемъ по 1.200 рублей въ годъ; Рацкій жаловался также, что его дурно принимаютъ при дворѣ Анны [146].

Паденіе Меншикова и вліяніе цесаревны Елисаветы должны были сближать молодаго императора съ родною его теткою, герцогинею голштинскою Анною Петровною. Въ концѣ февраля 1728 года пріѣхалъ въ Москву изъ Голштиніи майоръ Дитмаръ съ

извѣстіемъ, что 10 (21) февраля у цесаревны Анны родился сынъ герцогъ Петръ, и съ просьбою къ императору быть воспріемникомъ; Дитмаръ получилъ 300 червонныхъ въ подарокъ за радостное извѣстіе; при дворѣ былъ балъ по этому случаю. Ѳеофанъ Прокоповичъ счелъ нужнымъ отправить длинное поздравительное письмо герцогу и герцогинѣ: «Родился Петру Первому внукъ, Второму братъ, августѣйшимъ и державнѣйшимъ сродникамъ и ближнимъ—краса и приращеніе, Россійской державѣ—опора и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе,—великихъ дѣлъ величайшая надежда. А смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости, какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ. Теперь для меня очевидно, что вы у Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми». Описавши огорченія, претерпѣнныя мужемъ и женою, Ѳеофанъ особенно останавливается на притѣсненіи отъ Меншикова, и не даетъ пощады падшему: «Васъ постигло то, что почти превышаетъ мѣру вѣроятія. Этотъ бездушный человѣкъ, эта язва, этотъ негодяй, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унизить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей, былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія и, въ добавокъ, наглый человѣкъ показалъ примѣръ неблагодарной души въ такой же мѣрѣ, въ какой былъ облагодѣтельствованъ. Этотъ колоссъ изъ пигмея, оставленный счастіемъ, которое довело его до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ. Что же касается до васъ, то вы можете ожидать всего лучшаго отъ того, что поставленъ въ безопасности августѣйшій вашъ племянникъ, нашъ всемилостивѣйшій государь; но и въ вашемъ домѣ Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію, даровавъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобъ Онъ, услышавъ ваши молитвы, увѣнчалъ ваши надежды исполненіемъ, и сохранилъ родителей и рожденнаго невредимо радостными и цвѣтущими на многія лѣта».

Пожеланія Ѳеофана не пошли въ-прокъ. По поводу крещенія

новорожденнаго принца, въ Килѣ была иллюминація и фейерверкъ. Герцогиня хотѣла смотрѣть ихъ и стояла у открытаго окна въ холодную и сырую ночь; придворныя дамы представляли ей опасность и затворяли окно; она смѣялась надъ ними, хвалясь своимъ русскимъ здоровьемъ; но ихъ опасенія сбылись: герцогиня простудилась и скончалась на десятый день [147] (4 мая). Такъ какъ въ завѣщаніи она просила, чтобъ тѣло ея положено было при гробахъ родительскихъ, то велѣно было отправить въ Голштинію генералъ-майора Бибикова съ архимандритомъ, тремя священниками, дьяконами и пѣвчими и потребною утварью на кораблѣ Рафаилъ и фрегатѣ Крейсеръ подъ командою контръ-адмирала Бредаля [148].

Въ томъ же году случилась бѣда съ человѣкомъ, котораго при Петрѣ Великомъ придворные слухи назначали женихомъ цесаревны Анны Петровны, съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Мы видѣли, что онъ попался въ девьеровское дѣло и былъ сосланъ въ свои деревни. Нарышкинъ жилъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Чашниковѣ; когда ему дали знать, что императоръ охотится по близости, и что ему, Нарышкину, слѣдуетъ выѣхать къ государю съ поклономъ, то онъ отвѣчалъ: «Что мнѣ ему съ чего поклоняться? Я и почитать его не хочу; я самъ таковъ же какъ и онъ, и думалъ на царствѣ сидѣть, какъ онъ; отецъ мой государствомъ правилъ; дай мнѣ выйти изъ этой нужды—я знаю что сдѣлать!» – «Его императорское величество, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ оное дѣло розыскомъ вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло бъ разгласиться и въ народѣ разсѣяно быть, того ради его величество указалъ послать его, Нарышкина, въ дальнюю его деревню».

Цесаревна Елисавета осталась въ Россіи—предметомъ исканія для разныхъ жениховъ, предметомъ нескончаемыхъ толковъ для придворныхъ, для министровъ иностранныхъ. Виднѣе всѣхъ молодыхъ людей былъ фаворитъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, привязанность Петра къ которому достигла высшей степени; и вотъ начинаются толки, что князь Иванъ влюбленъ въ Елисавету, и что Остерманъ, безъ котораго ничто не можетъ сдѣлаться, нарочно раздуваетъ эту страсть, чтобъ погубить обоихъ, и Елисавету и Долгорукаго. Откажутъ въ рукѣ Елисаветы зна-

менитому жениху всѣхъ выгодныхъ невѣстъ, Морицу саксонскому, выскажется князь Долгорукій съ негодованіемъ о предложеніи Морица—это служитъ подтвержденіемъ, что онъ самъ имѣетъ виды на цесаревну. Другой вопросъ первой важности, занимающій всѣхъ—это въ какихъ отношеніяхъ находятся двѣ силы— Долгорукіе и Остерманъ? Остерманъ столкнулся съ фаворитомъ, поссорились; Остерманъ помирился съ фаворитомъ—вотъ важнѣйшія новости; отъ этого зависитъ возвращеніе двора въ Петербургъ, чего желаетъ Остерманъ, и чего не хотятъ русскіе вельможи; если фаворитъ помирился съ Остерманомъ, то и онъ будетъ уговаривать императора возвратиться въ Петербургъ; да прочно ли это примиреніе? Князь Иванъ ненавидитъ Остермана; а князь Алексѣй расположенъ теперь къ Остерману, считаетъ его умницею; князь Алексѣй не любитъ сына своего Ивана, фаворита, любитъ другаго; вслѣдствіе чего самые представительные изъ Долгорукихъ дѣлятся: князь Василій Лукичъ на сторонѣ князя Алексѣя, заправляетъ имъ; князь Василій Владиміровичъ на сторонѣ фаворита. Остерманъ пользуется этимъ разъединеніемъ, держится, и крѣпко держится, заправляетъ дѣлами внутренними и внѣшними. Его не любятъ, противъ него работаютъ при дворѣ; но случись какое-нибудь трудное дѣло въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, всѣ обращаются къ Остерману, потому что онъ трудолюбивъ, на него всѣ любятъ складывать тяжесть подробностей.

Остерманъ держится крѣпко, но покоенъ быть не можетъ; онъ силенъ разъединеніемъ противниковъ; но его партія слаба, ему не на кого опереться въ случаѣ невзгоды; уже толковали, что старый Головкинъ долженъ будетъ отказаться отъ должности великаго канцлера; но его мѣсто займетъ не Остерманъ, а князь Василій Лукичъ Долгорукій, человѣкъ имѣющій большую дипломатическую опытность и свой взглядъ, противоположный взгляду Остермана. Петръ отвыкъ совершенно отъ серьознаго занятія, отъ серьозныхъ разговоровъ; кто хотѣлъ приблизиться къ нему, тотъ долженъ былъ говорить о вещахъ ему пріятныхъ, доступныхъ, объ охотѣ, собакахъ и т. п. Остерманъ не могъ, не умѣлъ объ этомъ говорить, что же ему оставалось! Да и трудно было найти доступъ къ императору: онъ надолго уѣзжалъ изъ Москвы на охоту съ Долгорукими, которые могли, умѣли съ нимъ гово-

рить, умѣли забавлять его, и потому овладѣли имъ. Петръ дичалъ, горизонтъ его съуживался; ему неловко уже становилось при чужихъ людяхъ, а чужими становились всѣ тѣ, которые не участвовали въ его забавахъ. Внукъ завелъ свою *компанію;* но эта компанія походила однимъ только на компанію дѣда, безцеремонностію, грубостію обращенія. Фаворитъ охорашивался предъ иностранными министрами, которые заявляли ему, что онъ не Меншиковъ, не изъ черни, но человѣкъ знатный, образованный; что ему слѣдуетъ блюсти за молодымъ государемъ, сдерживать его; фаворитъ охорашивался, начиналъ играть роль недовольнаго и отзываться съ презрѣніемъ о компаніи, въ которой отецъ его былъ главнымъ лицомъ; фаворитъ говорилъ, что не ѣздитъ за городъ съ государемъ потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ дѣлать Петра, и наглости, съ какою компанія обращается съ нимъ [149]. Но иностранные министры подозрѣвали, что фаворитъ не ѣздитъ съ царемъ для того только, чтобъ во время отсутствія царя предаваться собственнымъ удовольствіямъ; русскіе современники своими разсказами подтверждали ихъ подозрѣнія [150].

Фаворитъ съ негодованіемъ отзывался о забавахъ императора во время его выѣздовъ; но если онъ дѣйствительно чувствовалъ негодованіе, то не имѣлъ силы характера, гражданскаго мужества для того, чтобъ воспользоваться своимъ вліяніемъ для противодѣйствія этимъ забавамъ, или считалъ, подобно Остерману, всякое противодѣйствіе безполезнымъ для царя, и только вреднымъ для того, кто захочетъ противодѣйствовать. Фаворитъ уклонялся отъ выѣздовъ по какимъ бы то ни было побужденіямъ; не провожала императора и тетка, цесаревна Елисавета: между нею и племянникомъ произошло охлажденіе; она жила въ уединеніи; но вредныя для ея репутаціи слухи не переставали кружить въ обществѣ; пріятели Долгорукихъ толковали, что князь Алексѣй нарочно увозитъ императора такъ часто и на такое продолжительное время изъ Москвы, чтобъ удалить его отъ опасной Елисаветы. Сталъ нравиться императору камергеръ князь Сергѣй Дмитріевичъ Голицынъ, сынъ князя Дмитрія, человѣкъ, по отзывамъ современниковъ, достойный; допустить вліяніе Голицыныхъ—страшная опасность для Долгорукихъ, и князя Сергѣя постарались удалить, назначивъ его посланникомъ въ Берлинъ. Прежде сильнымъ вліяніемъ на импе-

ратора пользовалась сестра его, великая княжна Наталья, проводница остермановскаго влiянiя; но болѣзненная Наталья занемогла лѣтомъ 1728 года, не могла слѣдить за братомъ, провожать его на охоту, и 22 ноября скончалась. Такимъ образомъ не было болѣе никакого влiянiя, которое бы противодѣйствовало влiянiю Долгорукихъ; изъ женщинъ Петра провожали на его прогулки княгиня Долгорукая, жена князя Алексѣя, съ двумя дочерьми, и стали толковать, что одна изъ нихъ будетъ объявлена невѣстою императора.

«Все въ Россiи въ страшномъ разстройствѣ, доносили иностранные посланники своимъ дворамъ: царь не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься; денегъ никому не платятъ, и Богъ знаетъ, до чего дойдутъ финансы; каждый воруетъ сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта нездоровы и не собираются; другiя учрежденiя также остановили свои дѣла; жалобъ бездна; каждый дѣлаетъ то, что ему придетъ на умъ. Объ исправленiи всего этого серьезно никто не думаетъ, кромѣ барона Остермана, который одинъ не въ состоянiи сдѣлать всего» [151]. Въ этихъ извѣстiяхъ была правда. Дѣйствительно съ перваго взгляда все должно было представляться въ страшномъ разстройствѣ; но, при этомъ видимомъ разстройствѣ правительственной машины, болѣе внимательные наблюдатели [152] замѣчали однако, что народъ вообще былъ доволенъ; это довольство происходило прежде всего отъ мира, продолжавшагося уже семь, восемь лѣтъ, отъ уменьшившихся тягостей, поборовъ людьми и деньгами, вслѣдствiе мѣръ, принятыхъ при Екатеринѣ I-й; но послѣдствiя этихъ мѣръ оказывались только теперь; торговля и промышленность усиливались, благодаря дѣятельности остермановской «коммиссiи о коммерцiи»; что же касается до злоупотребленiй, до безцеремоннаго обращенiя съ казенными деньгами, то всякiй иностранецъ и прежде и послѣ могъ услыхать нѣсколько поразительныхъ примѣровъ, и на нихъ основанiи провозглашать страшное разстройство. Посмотримъ же, на основанiи свидѣтельствъ неголословныхъ, что̀ было сдѣлано въ это время и хорошаго и дурнаго.

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ половина членовъ—Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ были недовольны: императоръ не присутствуетъ въ Совѣтѣ, и двое членовъ его, князь Алексѣй Долгорукiй и Остерманъ являются посредниками между императоромъ и

Совѣтомъ; сами они почти никогда не ходятъ въ засѣданія и къ нимъ нужно посылать мнѣнія Совѣта съ просьбою провести дѣло, доложивъ императору. Мы привели образчикъ подобной отсылки мнѣнія Совѣта къ князю Алексѣю Долгорукому по поводу дѣла княгини Волконской. Для примѣра подобныхъ же сношеній съ Остерманомъ можно привести слѣдующій случай: 4 сентября 1728 года въ собраніи Совѣта положено было перемѣнить при гетманѣ въ Малороссіи министра, послать вмѣсто Ѳедора Наумова когонибудь другаго, и представлены кандидаты, генералы—Матюшкинъ, Мамоновъ и Салтыковъ; съ запискою объ этомъ рѣшеніи посланъ былъ къ барону Андрею Ивановичу Остерману оберъ-секретарь, которому велѣно просить барона, чтобъ изволилъ о томъ доложить императорское величество. Остерманъ приказалъ господамъ министрамъ донесть, что по запискѣ ихъ императору докладывать нельзя, потому что не означено точно, кому изъ трехъ особъ быть при гетманѣ; онъ, баронъ, думаетъ, что императоръ изволитъ спрашивать ихъ министерскаго мнѣнія, и для того изволили бы точно опредѣлить, кому при гетманѣ быть; баронъ изволилъ при этомъ также сказать, что завтра у цесаревны Елисаветы Петровны на имянинахъ изволитъ быть императоръ, будутъ и министры, слѣдовательно тутъ всѣмъ сообща можно будетъ доложить его величеству. Министры, Апраксинъ, Головкинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и Голицынъ, написали другую записку, гдѣ указали прямо на Салтыкова; но докладъ послѣдовалъ только 23 октября, и государь посылать Салтыкова въ Малороссію не указалъ [154]. 9 ноября того же года Совѣтъ потерялъ старшаго изъ своихъ членовъ, генералъ-адмирала графа Апраксина.

Восшествіе на престолъ Петра II-го удовлетворяло огромное большинство въ народѣ, и потому не могло быть значительныхъ протестовъ; Преображенскому Приказу было мало дѣла, и его уничтожили 4 апрѣля 1729 года въ самый приличный день, въ Страстную пятницу; дѣла его были раздѣлены между Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ, смотря по важности. Сенаторамъ опять въ 1728 году Верховный Совѣтъ сдѣлалъ замѣчаніе въ небрежномъ отправленіи должности, велѣлъ спросить, для чего не сидятъ [155]? Въ коллегіяхъ попрежнему чувствовался недостатокъ въ способныхъ членахъ; опытъ показалъ, что приглашеніемъ иностранцевъ горю помочь нельзя, и Остерманъ въ маѣ 1728 года

представилъ, что въ коллежскихъ членахъ великій недостатокъ, и когда случаются ваканціи или отлучки, тогда опредѣляются отъ другихъ дѣлъ люди непривычные. Поэтому разсуждено, чтобъ во всѣ коллегіи выбрать по три человѣка изъ молодаго шляхетства, которымъ быть тамъ для обученія, и хотя имъ голосовъ не имѣть, однако разсужденія отъ нихъ требовать [156]. Лѣтомъ того же года велѣно было Коллегіямъ—военной, юстиціи, камеръ, бергъ и ревизіонъ и докладной канцеляріи быть въ Москву, знакъ, что дворъ намѣренъ былъ остаться въ древней столицѣ; въ Петербургѣ оставлены были конторы подъ управленіемъ одного члена. Въ Москвѣ уже начали чувствовать неудобства сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ губернаторской канцеляріи, и потому начали думать объ учрежденіи особыхъ приказовъ, одного для дѣлъ гражданскихъ, другаго для уголовныхъ, въ которыхъ было бы по одному судьѣ съ товарищемъ; изъ Московской губерніи было показано 21.388 нерѣшенныхъ дѣлъ [157]. Въ сентябрѣ составленъ былъ въ Сенатѣ и одобренъ въ Тайномъ Совѣтѣ наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ [158], необходимый вслѣдствіе того, что въ предшествовавшее царствованіе отступили отъ направленія Петра Великаго, соединили всѣ дѣла попрежнему въ одномъ губернаторскомъ и воеводскомъ управленіи, только подчинивши городовыхъ воеводъ провинціальнымъ воеводамъ, а этихъ губернаторамъ. Въ наказѣ говорится: всѣ прежде бывшія въ разныхъ конторахъ дѣла, *а нынѣ въ единой собранныя,* между канцелярскими служителями росписать, какъ прежде бывало, повытья или столы, то-есть: у которыхъ судныя и розыскныя дѣла или счеты и прочее имъ подобное, у такихъ никакого денежнаго прихода не было бъ, а у которыхъ денежный пріемъ и расходъ, такимъ прочихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ не придавать. Во всѣхъ городахъ въ ратушахъ бурмистрамъ судъ имѣть между купечествомъ, и кто на купцовъ будетъ бить челомъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, которыя поручены губернаторамъ и воеводамъ, въ гражданскихъ дѣлахъ отъ бурмистровъ аппелляціи къ воеводамъ и губернаторамъ, а отъ губернатора въ Юстицъ-Коллегію. Дворцовые крестьяне судятся между собою въ Дворцовой Канцеляріи, но въ уголовныхъ дѣлахъ у губернаторовъ и воеводъ. Синодскаго вѣдомства крестьянамъ и прикащикамъ и прочимъ чинамъ, кромѣ духовныхъ, въ судахъ и розыскныхъ дѣлахъ быть въ вѣдѣніи

губернаторовъ и воеводъ, а въ крестьянскихъ собственныхъ ссорахъ, въ брани, въ бою, въ займахъ, расправу имѣть управителямъ и прикащикамъ такъ, какъ помѣщики съ своими крестьянами поступаютъ. Подушный сборъ положенъ на губернаторовъ и воеводъ, которые имѣютъ окладные книги и по этимъ книгамъ собираютъ деньги по третямъ года; для сбора быть при нихъ земскимъ коммиссарамъ; деньги эти губернаторы отдаютъ штабъ-офицерамъ, присланнымъ Военною Коллегіею, а эти отсылаютъ куда слѣдуетъ по указамъ. Кромѣ подушныхъ денегъ, собираемыхъ на войско, губернаторы и воеводы должны имѣть отъ Камеръ-Коллегіи окладную книгу всякимъ доходамъ. Если гдѣ явится моровая язва, то около тѣхъ мѣстъ по всѣмъ дорогамъ и по малымъ стежкамъ поставить крѣпкія заставы, дабы отнюдь никакого проѣзда и прохода не было. Въ которыхъ домахъ язва явится, изъ тѣхъ домовъ людей вывесть въ особыя пустыя мѣста и около нихъ завалить и зарубить лѣсомъ, дабы они никуда не расходились, а пищу и питье приносить имъ и класть въ виду отъ нихъ, и, не дожидаясь ихъ, принесшимъ здоровымъ людямъ отходить немедленно, а домы ихъ съ пожитками, скотомъ и лошадьми, если возможно, сжечь съ такимъ осмотрѣніемъ, чтобъ отъ того другіе домы не погорѣли. За безопасностію отъ пожаровъ въ городахъ смотрятъ ратуши и бурмистры подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и воеводъ. Мѣры предосторожности старыя: для стряпни лѣтомъ дѣлать печи на дворахъ, въ огородахъ, подальше отъ строенія, а въ хоромахъ лѣтомъ нигдѣ не должны топить и поздно съ огнемъ не сидѣть; если особой печи за тѣснотою сдѣлать будетъ нельзя, то съ мая по сентябрь топить только два раза въ недѣлю.

Старыя предосторожности противъ огня, старые пожары! 23 апрѣля 1729 года въ шесть часовъ вечера, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ загорѣлся домъ, и въ полчаса пламя обхватило уже шесть или восемь домовъ. Гвардейскіе солдаты съ топорами въ рукахъ прибѣжали на пожаръ, и стали, какъ бѣшеные, врываться въ дома и грабить, грозя топорами хозяевамъ, когда тѣ хотѣли защищать свое добро, и все это происходило передъ глазами офицеровъ, которые не могли ничего сдѣлать. Другіе русскіе, сбѣжавшіеся на пожаръ, говорили громко: «Что за важность! горятъ все Нѣмцы да Французы.» Государя не было въ Москвѣ; увидавши зарево, онъ прискакалъ во весь духъ, и его присутствіе остановило

грабежъ; солдаты начали помогать тушить. Пожаръ однако продолжался до двухъ часовъ ночи; сгорѣло 124 дома, не считая флигелей и службъ; потеря простиралась до 300,000 рублей. Когда Петру донесено было о грабежѣ, то онъ велѣлъ забрать виновныхъ; но фаворитъ постарался затушить дѣло, чтобъ выгородить гренадеръ, которые всѣ были замѣшаны, а онъ былъ ихъ капитаномъ [159].

Другое бѣдствіе продолжало свирѣпствовать въ прежнихъ размѣрахъ: это разбои, происходившіе особенно на восточной Украйнѣ, въ странахъ близкихъ къ козачеству, гдѣ еще пахло разинскимъ духомъ. Въ 1728 году Верховный Тайный Совѣтъ узналъ что въ Алаторскомъ уѣздѣ разбойники, человѣкъ съ 40, выжгли село князя Куракина Пряшево и прикащика убили, сожжено было двѣ церкви и больше 200 дворовъ. Писали, что пострадало не одно это село, и разбойники стоятъ близъ Алатыря въ большомъ количествѣ со всякимъ оружіемъ и пушками, и хвалятся, что возьмутъ и разорятъ городъ, гдѣ гарнизона нѣтъ, и для поимки воровъ послать некого. Писали, что разбойники ѣздятъ многолюдствомъ и разоряютъ въ Пензенской провинціи и другихъ низовыхъ уѣздахъ, помѣщиковъ и крестьянъ мучатъ и бьютъ; самое главное пристанище ихъ въ селѣ Торцевѣ, гдѣ поселилось, года въ четыре, всякаго *многонабродного* народа съ пять тысячъ человѣкъ, живутъ въ горахъ, земляныхъ избахъ и лачугахъ; другіе поселились въ пустыхъ мѣстахъ на вершинѣ рѣки Хопра, по двумъ рѣчкамъ Сетреницамъ и по рѣчкѣ Терешкѣ; иные вновь селятся въ пустыхъ разореныхъ деревняхъ на рѣчкѣ Печалойкѣ, а деревни эти разорены и выжжены за воровство и жители ихъ высланы на старыя жилища. Совѣтъ предписалъ деревни эти опять разорить, бѣглыхъ бить кнутомъ и выслать на прежнія жилища, и вновь селиться не позволять; противъ разбойниковъ послать генералъ-майора или полковника съ драгунами [160].

Еще было старое зло, противъ котораго правительство тщетно придумывало разныя средства: то были грабежи и проволочка дѣлъ въ судахъ. Мы видѣли, что въ царствованіе Екатерины для скорѣйшаго составленія Уложенія придумали назначить къ этому дѣлу по двѣ персоны изъ духовныхъ, гражданскихъ, военныхъ и изъ магистрата. Но дѣло не двинулось. Теперь придумали другое средство; вѣроятно кто-нибудь вспомнилъ, что при царѣ Алексѣѣ

Михаиловичѣ были выборные изъ областей. Кромѣ того перемѣнили планъ: оставили сводъ русскаго Уложенія съ иностраннымъ, велѣли прежнее Уложеніе пополнить, для чего всѣ указы и новоуказныя статьи разобрать: которыя изъ нихъ явятся въ пополненіе старому Уложенію, а не въ противность, или что еще потребно сверхъ того пополнить, то выписывать и приносить въ Сенатъ, а въ Сенатѣ слушать немедленно; и когда будетъ утверждено, подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ, и когда здѣсь будетъ одобрено, то, напечатавъ, присоединять къ соотвѣтствующимъ главамъ Уложенія. Чтобъ не было проволочки, какъ только разобраны будутъ соотвѣтствующіе извѣстной главѣ указы, такъ сейчасъ же представлять ихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, не дожидаясь остальныхъ. Для этого дѣла выслать въ Москву изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ изъ шляхетства, которымъ давать по полтинѣ на день человѣку жалованья [161]. Новая тяжелая служба! только-что высвободились нѣкоторые изъ полковъ по недавнимъ указамъ, чтобъ пожить въ деревняхъ, и вотъ надобно снова ѣхать въ Москву! Разумѣется, начали отбывать; притомъ лучшіе и знающіе люди были у дѣлъ, и здѣсь былъ въ нихъ недочетъ; гдѣ же было сыскать праздныхъ? Прислали кого-попало, вовсе недобрыхъ и не знающихъ людей, глухихъ и хромыхъ, старыхъ и дряхлыхъ, мелкопомѣстныхъ, имѣвшихъ по одному двору, или даже и ни одного, и опять указъ: «Указали мы офицеровъ и дворянъ, которые изъ губерній высланы къ Москвѣ для сочиненія Уложенія, нынѣ отпустить въ домы ихъ попрежнему; а къ губернаторамъ послать наши указы, чтобъ на ихъ мѣсто выбрали другихъ знатныхъ и добрыхъ людей, которые-бъ къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по *два* человѣка, согласясь губернаторамъ обще съ дворянами, и тѣ выборы, закрѣпя имъ, губернаторамъ, и тѣмъ дворянамъ, прислать прежде ихъ (выборныхъ) высылки въ Верховный Тайный Совѣтъ, а ихъ самихъ до нашего указа къ Москвѣ не высылать. А ежели усмотрѣно будетъ, что губернаторы выберутъ къ тому дѣлу неспособныхъ людей, то взыскано будетъ на нихъ, и для того повелѣно будетъ съ такими людьми къ Москвѣ быть самимъ губернаторамъ или товарищамъ ихъ, чтобъ могли сами отвѣтствовать [162].»

Относительно поправленія финансовъ, казалось, все было придумано въ прошедшее царствованіе, какъ бы ограничить расходы, и оставалось только барону Остерману въ своей коммиссіи о коммерціи хлопотать о поднятіи промышленности и торговли, и посредствомъ ихъ увеличивать доходы. По доношенію коммиссіи о коммерціи, императорое величество, милосердуя къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ, повелѣлъ табачный торгъ отворить въ вольную продажу съ платежомъ пошлинъ, дабы купечество отъ прежде бывшей при табачной продажѣ службы не токмо были свободны, но тѣмъ табачнымъ торгомъ пользовались; а казенную продажу и табачные откупы отставить, и впредь онымъ не быть и ни подъ какимъ предлогомъ и вымысломъ не вчинать [163]. Коммиссія о коммерціи увидала пониженіе вексельнаго курса, вредъ отъ этого торговлѣ, убытокъ казнѣ; начала разсуждать, отъ чего это происходитъ, и нашла, что изъ разныхъ коллегій и канцелярій ежегодно за море переводятъ чрезъ вексель большія суммы денегъ; въ Россіи иноземцамъ по договору за высылку матеріаловъ выдаются изъ казны большія деньги; русскіе купцы за море на свой счетъ товаровъ мало, или и ничего не посылаютъ, и кому изъ нихъ случится въ деньгагъ нужда за моремъ, берутъ у иноземцевъ векселя: и когда на вексель изъ казны отдача случается, то иноземцы векселя низко держатъ. Для поправленія вексельнаго курса коммиссія признавала лучшимъ средствомъ то, чтобъ русскіе купцы сами умножили отпуски своихъ товаровъ за море и корреспондентовъ имѣли, потому что въ другихъ государствахъ деньги на государственные расходы чрезъ купцовъ переводятъ, а своего государственнаго капитала въ чужихъ краяхъ не имѣютъ. Но такъ какъ нельзя скоро сравнять русское купечество съ иностраннымъ въ этомъ отношеніи, то коммиссія придумала такой способъ: чтобъ казенные товары, которые продаются при русскихъ гаваняхъ, поташъ, смольчугъ, сибирское желѣзо, икру, клей, треску и сало продавать въ 1728 году на готовые ефимки, которые отдать въ Голландіи или Гамбургѣ кому-нибудь въ коммиссію, чтобъ при первомъ случаѣ хотя небольшой капиталъ въ тамошнихъ мѣстахъ завесть; если въ нынѣшнемъ году казенные товары будутъ у портовъ дешевѣть, то отпустить ихъ на казенный счетъ въ коммиссію этому извѣстному лицу и приказать, чтобъ тамъ ихъ продали, а вырученные ефимки держали

для подачи по векселямъ въ готовности; а съ 1729 года учредить особенную коммиссію или контору, которая бы, по образцу регулярныхъ купеческихъ конторъ, могла производить покупку и продажу казенныхъ товаровъ за моремъ и держать деньги и векселя для государственныхъ расходовъ, также безъ подрядовъ высылать иностранное серебро въ монетное дѣло [164]. Въ 1729 году коммиссія о коммерціи сочинила вексельный Уставъ [165] «для пользы и лучшаго распорядка въ купечествѣ и для удержанія излишнихъ расходовъ и опасностей.»

Усиленіе промысловъ было также предметомъ заботъ коммиссіи о коммерціи. Такъ она нашла, что слюденный промыселъ въ Архангельской губерніи и Сибири не размножается потому, что берутъ съ промышленниковъ въ казну десятый пудъ лучшею слюдою и другія препятствія дѣлаются. По представленію коммиссіи, промыслу слюдою дана была вольность, кто захочетъ, тотъ и промышляетъ безпрепятственно, и вмѣсто десятаго пуда брать пошлину съ настоящей цѣны по гривнѣ съ рубля [166]. По представленію той же коммиссіи, съ 1728 года соляные промыслы и продажи соли отданы были въ вольную торговлю [167]. Наконецъ коммиссія о коммерціи представила, что изъ сибирскихъ отдаленныхъ мѣстъ ѣздить за позволеніемъ заводить разные металлическіе заводы не только въ Петербургъ, но и въ Екатеринбургскій Бергъ-амтъ тяжело, притомъ же заводчикъ долженъ серебро и мѣдь отдавать въ казну и платить отъ прибыли десятую долю, что невозможно дѣлать изъ отдаленныхъ сибирскихъ мѣстъ, и потому въ землѣ скрытое богатство и общая польза остается туне. Вслѣдствіе этого представленія состоялся указъ: за Тобольскомъ въ Иркутской и Енисейской провинціяхъ всякій можетъ строить заводы, какіе захочетъ, свободно и безвозбранно, и всѣ выработанные металлы и минералы свободно продавать съ платежемъ одной таможенной пошлины; десятой доли отъ прибыли не брать десять лѣтъ; но за границу золото и серебро отпускать запрещается. Горное начальство должно оказывать этимъ заводчикамъ всякое вспоможеніе, давать мастеровъ и учениковъ безденежно. Такъ какъ въ Сибири находятся многіе цвѣтные каменья, то добыватели могутъ продавать ихъ безъ всякой пошлины и явки [168].

О крестьянахъ особой коммиссіи не было; но вопросъ, возбу-

дившій такое сильное вниманіе въ предшествующее царствованіе, вопросъ о необходимости облегченія участи крестьянъ удерживалъ свою важность и теперь: въ іюлѣ 1729 года Сенату объявленъ былъ приказъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобъ подушныхъ денегъ въ работную пору не правили [169].

Всѣ современники, какъ описывающіе черными красками состояніе Россіи въ царствованіе Петра II, такъ и находившіе свѣтлыя стороны въ этомъ времени, одинаково жалуются на печальное состояніе арміи и флота. Роспускъ офицеровъ по домамъ, предпринятый, какъ мы видѣли, въ финансовыхъ цѣляхъ, не могъ не подѣйствовать вредно на армію и флотъ; кромѣ того, послѣ ссылки Меншикова не было президента Военной Коллегіи; Минихъ былъ вице-президентомъ, но когда коллегія отправилась въ Москву, онъ остался въ Петербургѣ по другимъ своимъ занятіямъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали, что когда Военною Коллегіею завѣдывалъ князь Меншиковъ, то, вслѣдствіе непорядочнаго управленія, армія пришла въ слабость, оказывается недостатокъ въ аммуниціи и магазинахъ; многіе молодые и способные офицеры отставлены, и потому необходимо опредѣлить въ Военную Коллегію президента человѣка знатнаго, заслуженнаго и умнаго, который бы могъ все то поправить, также очень нужно быть генералу кригсъ-коммиссару для осмотрѣнія армейскихъ полковъ; въ эту должность надобно взять Григорія Чернышева изъ Риги; въ Смоленскѣ, какъ порубежномъ городѣ, нужно быть русскому губернатору; въ Ригу на мѣсто Чернышева отправить Матюшкина; въ Петербургъ генералъ-губернаторомъ назначить князя Ивана Трубецкаго. Въ октябрѣ 1729 года, Верховный Тайный Совѣтъ доложилъ государю, что въ Военной Коллегіи уже давно нѣтъ президента и членовъ недостаточно, вслѣдствіе чего въ дѣлахъ слабое отправленіе и остановка, особенно относительно добраго содержанія арміи, снабженія ея какъ людьми такъ и мундиромъ. Въ 1729 году, при императрицѣ Екатеринѣ, велѣно было для этого учредить особую коммиссію, но указъ не былъ приведенъ въ исполненіе; поэтому Верховный Тайный Совѣтъ думаетъ, что теперь надобно его привести въ исполненіе, разсмотрѣть, какимъ бы образомъ армію содержать въ добромъ и исправномъ порядкѣ, безъ излишнихъ расходовъ; освидѣтельствовать армейскіе полки съ того времени, какъ начался подушный сборъ: сколько въ каж-

домъ году который полкъ получилъ жалованья, мундира и аммуниціи, провіанта и фуража, и что противъ положенія въ которомъ году должно быть въ остаткѣ. Коммиссія должна разсмотрѣть штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, по кончинѣ Петра Великаго, отъ армейской службы отставлены и опредѣлены къ дѣламъ, также которые и вовсе отъ дѣлъ уволены, и если которые изъ нихъ окажутся еще годными къ армейской службѣ, тѣхъ опредѣлить въ нее попрежнему, чтобъ при полкахъ было больше старыхъ офицеровъ. Въ этой коммиссіи быть генералъ-фельдмаршаламъ, находящимся теперь въ Москвѣ и съ ними потребному числу изъ генералитета и полковниковъ [170]. Но обстоятельства помѣшали и теперь коммиссіи составиться; не могло осуществиться и намѣреніе Остермана—устроить весною 1729 года въ окрестностяхъ Москвы лагерь въ 12 или 15 тысячъ человѣкъ и попробовать, нельзя ли этимъ средствомъ удержать хотя на нѣсколько времени Петра отъ его безплодныхъ поѣздокъ и дать ему нѣкоторое понятіе о военномъ искусствѣ [171]. Но люди, въ рукахъ которыхъ находилась теперь власть, успѣли провести выгодную для себя мѣру, которой, какъ мы видѣли, они не могли провести при Екатеринѣ: запрещено было принимать въ полки вольницу изъ боярскихъ людей и крестьянъ [172].

Строеніе кораблей было прекращено, хотѣли ограничиться строеніемъ однихъ галеръ. Въ апрѣлѣ 1728 года въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, бывшемъ въ Слободѣ (нѣмецкой), во дворцѣ, по довольномъ разсужденіи, императоръ указалъ: для избѣжанія напрасныхъ убытковъ корабли большіе, средніе и малые и фрегаты, что касается корпуса ихъ и принадлежащаго къ нимъ такелажа, содержать во всякой исправности и починкѣ, чтобъ, въ случаѣ нужды, немедленно можно было вооружить ихъ къ походу, провіантъ и прочіе припасы заготовлять на нихъ подождать, только изготовить изъ меньшихъ кораблей пять для обыкновеннаго крейсированія въ морѣ, для обученія офицеровъ и матросъ, а въ море безъ указу не выводить; фрегатовъ къ Архангельску послать два, да сверхъ того два флейта; а въ Остзеѣ крейсировать двумъ фрегатамъ, однако не далѣе Ревеля; галерамъ же быть въ полномъ числѣ, готовить и дѣлать ихъ неослабно [173]. Разсказываютъ, что Остерманъ, желая все возвратить Петра въ Петербургъ, подговорилъ родственника его, моряка Лопухина,

представить ему, что флотъ исчезаетъ вслѣдствіе удаленія его отъ моря; Петръ отвѣчалъ: «Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море; но я не намѣренъ гулять по немъ, какъ дѣдушка» [174].

И кратковременное царствованіе Петра II-го не обошлось безъ суда надъ однимъ изъ самыхъ видныхъ людей, обвиненнымъ въ казнокрадствѣ. Въ декабрѣ 1727 года велѣно было судить адмирала Змаевича за то, что онъ, имѣя въ своемъ завѣдываніи галерную верфь, и галерную гавань и строеніе переведенцамъ свѣтлицъ, подъ видомъ займа отъ опредѣленныхъ при тѣхъ дѣлахъ оберъ-офицеровъ, бралъ на свои потребы много казенныхъ матеріаловъ; отдалъ иностранному шкиперу, будто по знакомству, казенные канаты безденежно; по его приказанію маіоръ Пасынковъ передѣлывалъ списки служителей, которымъ слѣдовали заработныя деньги съ прибавкою на тѣхъ, которымъ, по указамъ, денегъ давать не слѣдовало, и вслѣдствіе этой передѣлки Змаевичъ получилъ 333 рубля, въ чемъ и повинился; при подрядѣ присвоилъ себѣ 1100 бревенъ; большое число служителей своей команды бралъ для своей собственной работы, въ чемъ не запирался. Судъ приговорилъ Змаевича и Пасынкова къ смертной казни; но, по рѣшенію императора, Змаевичъ пониженъ былъ чиномъ, написанъ впредь до выслуги въ вице-адмиралы и посланъ въ Астрахань командиромъ тамошняго порта, а за ущербъ, причиненный казнѣ, велѣно взять съ него втрое; Пасынковъ написанъ въ капитаны и посланъ на службу въ новозавоеванныя персидскія провинціи [175].

Если поддержка арміи и флота въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась при Петрѣ Великомъ, встрѣчала сильное препятствіе въ самомъ второмъ императорѣ, который ни по лѣтамъ, ни по привычкамъ, не былъ способенъ даже играть въ солдаты и корабли, то остальныя дѣла Преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время наверху. Петръ Великій разослалъ по всему государству геодезистовъ для составленія ландкартъ и описанія областей. Дѣло шло, но къ концу не приходило. Въ 1728 году Сенатъ, видя, что изъ многихъ губер-

ній и провинцій ландкарты въ Сенатъ уже присланы, а изъ нѣкоторыхъ городовъ не присланы, слушалъ выписокъ, доношеній и справокъ, и разсуждая, что ландкарты нужны, и если полнаго описанія не кончить, то сводить сдѣланныя уже ландкарты въ общія губернскія, тѣмъ менѣе составить изъ нихъ государственную—нельзя, распорядился разсылкою геодезистовъ для составленія ландкартъ остальнымъ мѣстамъ. Изъ Сибирской губерніи прислана была только одна ландкарта Тобольскаго уѣзда, и потому сибирскому губернатору подтверждено понуждать геодезистовъ въ описаніи и составленіи ландкартъ, въ которыхъ означать не только жилье русскихъ, но и кочевья тамошняго народа; журналы вести, и изъ нихъ прилагать къ ландкартамъ экстракты, гдѣ какіе народы, какихъ вѣръ и чѣмъ питаются, и какой гдѣ хлѣбъ родится или не родится, и о прочемъ, что̀ прилично географическому описанію. Сенату стало извѣстно, что нѣкоторые геодезисты, ѣздя по уѣздамъ, понуждаютъ подавать себѣ сказки о деревняхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и разстояніяхъ, чѣмъ вводятъ крестьянъ въ убытокъ и свое дѣло задерживаютъ, и потому имъ велѣно накрѣпко подтвердить, чтобъ они письменныхъ сказокъ не требовали, но словесно спрашивали и записывали у себя въ журналѣ [176].

Мы видѣли, что по смерти Петра Великаго учрежденія прекратили присылку извѣстій для напечатанія въ газетахъ; Екатерина, узнавши объ этомъ, предписала присылать попрежнему; но Сенатъ не распорядился привести въ исполненіе указъ императрицы; теперь Академія Наукъ вошла въ Сенатъ съ доношеніемъ, что при академической типографіи печатаются газеты на латинскомъ, нѣмецкомъ и россійскомъ діалектахъ съ иностранныхъ газетъ, и чтобъ велѣно было изъ коллегій, канцелярій и конторъ всякія вѣдомости для печатанія въ газетахъ присылать въ Академію; Сенатъ привелъ въ исполненіе указъ покойной императрицы [177]. Академія имѣла свою типографію. Въ октябрѣ 1727 года, по доношенію Синода, велѣно быть друкарнямъ (типографіямъ) въ двухъ мѣстахъ: для печатанія указовъ въ Сенатѣ, для печатанія же историческихъ книгъ, которыя на россійскій языкъ переведены и въ Синодѣ одобрены будутъ, при Академіи; а прочія типографіи, которыя были въ Синодѣ и въ Александроневскомъ монастырѣ, перевесть въ Москву и печатать только одни церковныя книги, и

Синоду смотрѣть прилежно, чтобъ въ печатаніи этихъ книгъ никакихъ погрѣшеній и противности какъ закону, такъ и церкви быть не могло [178].

Академія Наукъ, требуя для печатаемыхъ ею газетъ извѣстій отовсюду, сама заявляла въ газетахъ о своей дѣятельности по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ. Такъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 22 февраля 1729 года было напечатано: «Въ будущій понедѣльникъ, т.-е. 24 дня сего мѣсяца, въ 9-мъ часу поутру, будетъ здѣшняя императорская Академія Наукъ ради торжественнаго дня коронованія Его Императорскаго Величества публичное собраніе имѣть, въ которомъ г. профессоръ Лейтманъ предлагать будетъ о новоизобрѣтенныхъ вѣскахъ безъ стрѣлки, которые зѣло исправно сдѣланы, такожде и о поліэдрѣ, которое персону Его императорскаго величества Петра Втораго безобразнѣ изображенную весма ясно показуетъ: на что г. профессоръ Мейеръ именемъ всея Академіи будетъ отвѣтствовать».—25 февраля напечатанъ былъ отчетъ о торжествѣ: «Вчерашнее публичное собраніе Академіи Наукъ зѣло преславно отправлялось. Были: епископъ псковскій Рафаилъ, адмиралъ Сиверсъ, графъ Минихъ. Обѣ машины были всѣмъ смотрителемъ, ради осмотрѣнія оныхъ, поставлены, при чемъ болшая часть особливо о искусненограненомъ поліэдрѣ удивлялася, понеже во ономъ вмѣсто написаннаго въ срединѣ доски россійскаго орла персону его императорскаго величества Петра Втораго видѣли, которая изъ многихъ межъ другими фигурами раздѣленныхъ частей паки совершенно соединялася, и оную зѣло ясно видѣть возможно было».—29 октября Академія удивила праздникомъ не въ честь какого-нибудь русскаго счастливаго событія, но въ честь рожденія дофина во Франціи. «29 октября отправлялъ г. профессоръ Делиль, ради счастливаго рожденія дофина во Франціи, великое торжествованіе. Торжество происходило въ большой академической залѣ. При входѣ въ залу и внизу на лѣстницѣ поставлено было на караулъ 30 человѣкъ гренадеровъ. Все кушанье было зѣло деликатное и въ великомъ множествѣ. Самыя лучшія виноградныя питія были каждому по требованію подаваны, а за здравіе пили при играніи на трубахъ и битіи на литаврахъ. Снаружи были такожде всѣ палаты со всѣхъ сторонъ иллюминованы; такожде имѣла бы и большая башня обсерваторія во всѣхъ жильяхъ лампадами иллюмино-

вана, и на спицѣ той башни иллуминованный лазоревыми золотыми лилѣями украшенный небесный кругъ поставленъ быть, но великій вѣтръ и дождевая погода въ томъ препятствовали. А какъ покушали, чинено пріуготовленіе къ балу, который отъ г. Штерлинга съ госпожею Делилшею и отъ г. генералъ-майора фонъ-Тессина съ фрейлиною фонъ-Сивершею начатъ».

Академія Наукъ подѣлила типографію съ Синодомъ; въ ея рукахъ изданіе «Вѣдомостей»; но у Синода осталась цензура книгъ, печатаемыхъ въ академической типографіи. Западное образованіе допускается подъ условіемъ—не вредить православію. Для многихъ вопросъ объ отношеніяхъ нововводимаго просвѣщенія, преобразованія къ старому православію, былъ на первомъ планѣ; церковь должна быть охранена отъ вліянія иновѣрныхъ учителей. Не подверглась ли уже она этому вліянію? чисты ли отъ него всѣ пастыри церкви? Новая форма церковнаго управленія достаточна ли для того, чтобъ охранить православіе въ опасной борьбѣ? не слѣдуетъ ли возвратиться къ прежней формѣ, тѣмъ болѣе, что движеніе къ старымъ формамъ уже началось въ областномъ управленіи? Эти вопросы занимали очень многихъ, и потому неудивительно, что по поводу ихъ происходитъ борьба, за нихъ хватаются люди, преслѣдуя свои личные интересы, нападая на своихъ враговъ и соперниковъ, или защищаясь отъ нихъ. Мы видѣли, какъ по смерти Преобразователя, когда свободнѣе и спокойнѣе можно было заняться разными вопросами, возбужденными преобразованіемъ, главный дѣятель преобразованія въ сферѣ церковной, Ѳеофанъ Прокоповичъ подвергся нападеніямъ; враги увидали, что это не Ѳеодосій Яновскій, что его не такъ легко свергнуть какъ послѣдняго; но за то и Ѳеофану пришлось пережить тяжелое время, когда онъ, первый архіерей русскій, оставленъ былъ въ подозрѣніи, когда ему объявили, что онъ освобождается отъ должнаго ему наказанія только по милости императора. Разумѣется, онъ не могъ быть покоенъ при Меншиковѣ, въ которомъ видѣлъ врага своего. Послѣ ссылки свѣтлѣйшаго князя, Ѳеофанъ вздохнулъ спокойнѣе, но не избавился отъ опасности; попрежнему долженъ былъ вести трудную оборонительную войну, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за движеніями враговъ. Самымъ главнымъ, самымъ опаснымъ врагомъ Ѳеофана былъ естественно самый видный по энергіи, способностямъ и свя-

зямъ архіерей Георгій Ростовскій, стремившійся къ первенству, думавшій и о возстановленіи патріаршества—для себя [179], и потому необходимо сталкивавшійся съ Ѳеафаномъ, занимавшимъ первое мѣсто. Обстоятельства послѣ ссылки Меншикова были таковы, что могли возбуждать въ разныхъ лицахъ разныя надежды и заставлять ихъ начинать движеніе, начинать борьбу; но обстоятельства были вмѣстѣ таковы, что не допускали рѣшительнаго окончанія борьбы. Когда Меншиковъ сильною рукою держалъ правленіе, тогда рѣшеніе всѣхъ вопросовъ зависѣло отъ него, и конечно онъ не могъ благосклонно отнестись къ мысли о возстановленіи патріаршества. Послѣ его паденія, такого сосредоточенія власти уже не было; все зависѣло отъ того, кто въ извѣстную минуту и въ извѣстномъ вопросѣ окажетъ больше вліянія на молодаго императора. За это вліяніе спорили или дѣлили его полюбовно Остерманъ и Долгорукіе. Остерманъ не могъ, разумѣется, желать возстановленія патріаршества, и всѣ симпатіи его были обращены къ Ѳеофану: оба они были дѣти однихъ и тѣхъ же условій извѣстнаго времени и должны были подавать другъ другу руки для поддержанія этихъ условій, для поддержанія направленія, господствовавшаго при Петрѣ Великомъ; Долгорукимъ не было ни времени, ни охоты думать о вопросахъ, подобныхъ вопросу о возстановленіи патріаршества; у нихъ было одно на умѣ—удержаться въ фаворѣ, закрѣпить его для себя какъ можно сильнѣе. Для другихъ вельможъ придворныя отношенія, придворная смута была на первомъ планѣ; все вниманіе ихъ было обращено туда, всѣ другія дѣла покидались; при случаѣ могли потолковать о Синодѣ и патріаршествѣ, и высказать свое сочувствіе къ послѣднему, высказать больше сочувствія къ Георгію, чѣмъ къ Ѳеофану; но словами это сочувствіе и ограничивалось, и Георгій Дашковъ понапрасну раздаривалъ лошадей своихъ вліятельнымъ людямъ, какъ утверждали его враги. Такимъ образомъ Ѳеофанъ могъ держаться крѣпко противъ всѣхъ нападеній, на него направленныхъ. Другая громадная выгода его положенія состояла въ томъ, что враги были гораздо ниже его по своимъ личнымъ средствамъ, борьба съ нимъ была тяжела; если и Меншиковъ не могъ рѣшиться наложить свою тяжелую руку на эту звѣзду краснорѣчія и учености, то кого другого можно было заставить содѣйствовать низверженію Ѳеофана? Многіе мог-

ли его не любить, какъ Остермана, но когда представлялся случай, требовавшій особеннаго знанія и умѣнья, то должно было обращаться къ Ѳеофану, какъ въ затруднительныхъ вопросахъ дипломатіи и внутренней администраціи обращались къ барону Андрею Ивановичу. Преобразованіе сдѣлало свое дѣло: оно породило потребности, для удовлетворенія которымъ необходимы были Остерманы и Ѳеофаны; Ѳеофанъ Прокоповичъ могъ быть свергнутъ такимъ же Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, но никакъ не Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи.

Но Георгій, послѣ паденія Меншикова, началъ борьбу, думая, что обстоятельства теперь благопріятны; его, какъ многихъ другихъ, манила надежда на Москву, куда собирался дворъ для коронаціи, манила надежда на вліяніе царицы-бабки. Средство дѣйствовать противъ Ѳеофана было указано—обвиненіе въ неправославіи; орудіе также готовое—старый обвинитель, Маркеллъ Родышевскій. Маркеллъ въ концѣ 1727 года подаетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ доносъ, что съ 1722 года появились въ Россіи разныя книжки, неизвѣстно чьего сочиненія, и неизвѣстно кто осмѣлился одобрить эти книжки указомъ императора Петра Великаго и тѣмъ опорочить его преславное имя, потому что въ нихъ содержится кальвинская и лютеранская ересь. Но прежде, чѣмъ доносъ былъ поданъ, Ѳеофанъ узналъ о немъ, досталъ его и представилъ въ Синодъ вмѣстѣ съ своими опроверженіями. «Въ этомъ злорѣчіи, пишетъ Ѳеофанъ, заключается не одна ложь, но плевелы и клеветы мятежные: Синодъ обвиняется въ ереси и въ достойной смерти дерзости, ибо выходитъ, что Синодъ дерзнулъ опорочить славное имя Петра Великаго, потому что книжки напечатаны по приказанію Синода». Въ заключеніи Ѳеофанъ внушаетъ Синоду, что «хотя мятежесловъ Маркеллъ дерзокъ и шатокъ, безстыденъ и безсовѣстенъ: однако отнюдь не отважился бы такъ поступать самъ собою, но есть одинъ или нѣсколько людей, которые для интересовъ своихъ, имъ душепагубныхъ, церкви же и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ такому возмущенію, и его въ продерзостяхъ безпечально творятъ и великими обѣщаніями дурака обнадеживаютъ». Въ доказательство этого Ѳеофанъ скоро представилъ въ Синодъ разспросныя рѣчи двухъ своихъ слугъ, которые разговаривали съ Маркелломъ въ Невскомъ монастырѣ; по ихъ показанію Маркеллъ говорилъ:

«Я желаю покориться его преосвященству (Өеофану), пошелъ бы я на колѣнахъ въ домъ его архіерейства изъ Невскаго монастыря, только-бъ меня во всей моей винѣ простилъ; да не велитъ мнѣ вышняя моя власть, преосвященный Ростовскій, который вскорѣ будетъ патріархомъ, да превысокіе мои господа и милостивцы, на которыхъ и надѣюсь».

Съ такимъ напутствіемъ отъ обѣихъ борющихся сторонъ отправился Синодъ въ Москву. 8 января выѣхалъ дворъ изъ Петербурга; 13 убѣжалъ изъ Невскаго монастыря Маркеллъ — прямо въ Москву, оставивъ на имя архимандрита любопытное письмо: «Понеже получилъ я именной его величества словесный указъ—ѣхать мнѣ, по моей челобитной, въ Москву: того ради и поѣду прямо, и гнать за мною не для чего, понеже въ лицо, а не отъ лица ѣду, и не ухожу, только отъ бѣдъ избавляюся. *Ктому несобственный никакой имѣю интересъ явитися ея величеству, всепресвѣтлѣйшей государынѣ императрицѣ Евдокіи Өеодоровнѣ.*» Когда въ Синодѣ началось дѣло Маркелла, то Өеофанъ отстранилъ Дашкова, какъ причастнаго къ дѣлу. Тогда Маркеллъ, видя бѣду, сдѣлалъ то же, что часто дѣлывали люди въ его положеніи, перевелъ дѣло въ Преображенскую Канцелярію, объявивши за собою государево слово. Здѣсь онъ донесъ, что въ службѣ на праздникѣ по случаю мира съ Швеціею заключается поношеніе чести царевича Алексѣя Петровича; въ «Правдѣ воли монаршей» написано противъ правъ царствующаго государя и т. д. Доносить объ этомъ было не нужно, потому что все это было всѣмъ извѣстно, и въ мартѣ 1729 года, по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта, Родышевскій былъ отосланъ въ Симоновъ монастырь, чтобъ быть ему тамъ неисходно [180]. Өеофанъ остался нетронутъ, и надежды Дашкова на патріаршество не осуществились; не осуществились надежды на покровительство «государыни императрицы Евдокіи Өеодоровны.»

Какъ только по смерти Петра Великаго обнаружилось враждебное движеніе противъ главныхъ дѣятелей церковнаго преобразованія, когда Өеодосій былъ сосланъ и Өеофанъ подвергся нападкамъ за неправославное, именно протестантское направленіе, такъ естественно должны были вспомнить о покойномъ Стефанѣ Яворскомъ, который обвинялъ Прокоповича въ томъ же направленіи. Мы видѣли, что еще при Екатеринѣ подняли вопросъ объ изда-

ніи книги Яворскаго: «Камень Вѣры», написаной противъ протестантовъ. При Петрѣ II Верховный Тайный Совѣтъ окончилъ это дѣло: въ засѣданіи 25 октября 1727 года велѣно книгу: «Камень Вѣры», которую свидѣтельствовалъ тверской архіерей (Ѳеофилактъ Лопатинскій), къ нему послать, чтобъ онъ на ней подписалъ своеручно, что онъ ее свидѣтельствовалъ, а какъ подпишетъ, послать въ Синодъ при указѣ, чтобъ, напечатавъ ее, пустить въ продажу. На другой день посланный къ Ѳеофилакту донесъ, что архіерей книгу своеручно не засвидѣтельствовалъ, а объявилъ, что ему ее еще надобно посвидѣтельствовать и поправить, и чтобъ на то время дано было ему до 28 числа [181]. Съ такими предосторожностями была издана наконецъ книга, которой суждено было имѣть такую громкую извѣстность.

Но въ то время, когда печатали книгу противъ протестантовъ, генералъ-майоръ Алексѣй Потемкинъ донесъ изъ Смоленска, что здѣсь между шляхтою распространяется католицизмъ, и нѣкоторые изъ принявшихъ латинство смольнянъ находятся въ Москвѣ; одинъ изъ нихъ, Ларіонъ Лярскій, уѣхалъ за польскій рубежъ и постригся въ ксензы. Верховный Тайный Совѣтъ велѣлъ смоленскаго епископа выслать въ Москву, а на его мѣсто назначить другаго, вызвать въ Москву и всѣхъ смольнянъ, принявшихъ латинство; въ Смоленскѣ завести школу. Смоленскій епископъ Гедеонъ составилъ пункты о мѣрахъ къ удержанію смоленской шляхты отъ принятія латинства; пункты были утверждены Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и состояли въ слѣдующемъ: находящимся на границѣ караульнымъ офицерамъ и драгунамъ подтвердить съ жестокимъ прещеніемъ, чтобъ изъ Польши и Литвы не допускали выѣзжать въ Россію римскихъ ксензовъ, а смоленскую шляхту выѣзжать за границу безъ указа и паспортовъ. Если какой нибудь ксензъ пріѣдетъ по своимъ дѣламъ, о такомъ объявлять губернатору, а губернаторъ даетъ знать архіерею; ксензу назначается время, въ какое онъ долженъ исправить всѣ свои дѣла, и берется съ него письменное обязательство, чтобъ онъ русскихъ людей по римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ, никакими вымыслами къ своей вѣрѣ не склонялъ, въ домы ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ, и не носилъ другаго платья кромѣ того, какое носятъ ксензы. У всѣхъ смоленскихъ шляхтичей взять сказки подъ жестокимъ истязаніемъ, чтобъ они нигдѣ съ римскими ксензами ни тайно, ни явно сооб-

щенія не имѣли, въ домы къ себѣ ихъ не пускали, для исповѣди къ нимъ не ходили и никакихъ наговоровъ отъ нихъ не слушали. Ослушниковъ ксензовъ и шляхтичей брать и, сковавъ, присылать въ Сенатъ немедленно; Сенатъ распрашиваетъ ихъ и доноситъ немедленно же въ Верховный Тайный Совѣтъ, и послабленія въ томъ никому никакого не дѣлаетъ. Смоленской шляхтѣ дѣтей своихъ для науки за границу въ Литву и никуда отнюдь не отдавать, отдавать въ смоленскія, московскія и кіевскія школы. Если кто по обученіи въ русскихъ школахъ захочетъ ѣхать въ другія государства, тѣхъ отпускать подъ присягою и брать поруки, что отъѣзжающій за границею не останется, вѣры греческаго исповѣданія не перемѣнитъ и противъ Россійской имперіи въ службу нигдѣ ни къ кому не вступитъ. Смоленской шляхтѣ въ домахъ своихъ для обученія дѣтей и родственниковъ отнюдь не держать римскихъ учителей или инспекторовъ, а имѣть инспекторовъ изъ русскихъ подданныхъ и вѣры греческаго исповѣданія; если же такихъ сыскать не могутъ, то по нуждѣ могутъ брать изъ-за границы только православной вѣры греческаго исповѣданія и со свидѣтельствомъ архіерейскимъ; а когда русскихъ инспекторовъ будетъ довольно, тогда изъ-за границы не брать никого, чтобъ подъ видомъ православныхъ не было римской вѣры ксензовъ. Если изъ-за польскаго рубежа римской вѣры дѣвицы и вдовы захотятъ выйти замужъ за смоленскихъ шляхтичей, то имъ это позволять, когда онѣ примутъ православную вѣру греческаго исповѣданія, а смоленской шляхтѣ дочерей и родственницъ за границу замужъ не выдавать за католиковъ и уніатовъ. Изъ смоленской шляхты желающихъ постригать въ монахи въ указныя лѣта, а возвратившихся изъ-за границы шляхтичей, которые стали тамъ ксензами и захотятъ быть въ греческой вѣрѣ монахами или бѣльцами, принимать и писать о томъ въ Синодъ. Школы въ Смоленскѣ завести и быть имъ въ городѣ при монастырѣ; учителей брать изъ кіевскихъ монастырей и изъ московскихъ школъ по указамъ изъ Синода; учить латинскому, французкому и нѣмецкому языкамъ, и которые захотятъ быть въ священникахъ, тѣхъ учить и греческому языку. Смольнянъ, принявшихъ католицизмъ, сначала велѣно было отправить въ ссылку и деревни отобрать въ казну; но въ сентябрѣ 1728 года Остерманъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ императорскій указъ, чтобъ ихъ не ссылать, оставить на житье въ Москвѣ и деревни не конфисковать [182].

Но въ то время, какъ принимались такія строгія мѣры, чтобъ ксензы не пробрались въ Смоленскъ и, подъ видомъ учителей и инспекторовъ, не водворялись въ шляхетскихъ домахъ, ксензъ, подъ этимъ именно видомъ, пробрался въ Москву и совѣщался здѣсь съ русскими духовными о соединеніи церквей? Этотъ ксензъ былъ аббатъ Жюбэ, пріѣхавшій въ 1728 году въ Россію подъ видомъ наставника дѣтей княгини Ирины Петровны Долгорукой, урожденной Голицыной, которая приняла католицизмъ, будучи съ мужемъ своимъ, княземъ Сергѣемъ, въ Голландіи. Пользуясь покровительствомъ двухъ самыхъ сильныхъ фамилій, Долгорукихъ и Голицыныхъ, и посланника испанскаго, герцога Лиріи, Жюбэ, въ подмосковной Голицына, толковалъ о соединеніи церквей съ тверскимъ архіереемъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и другими знатными духовными лицами [183].

Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ приняты были мѣры и противъ протестантской пропаганды. Въ ноябрѣ 1728 года препозитомъ лютеранскихъ церквей объявленъ былъ синодскій указъ, чтобъ пасторы не дерзали русскихъ православныхъ христіанъ учить своимъ догматамъ и привлекать въ лютеранскую или другія вѣры. Приходящихъ на исповѣдь дѣтей духовныхъ пасторы должны спрашивать, не были ли они въ вѣрѣ греческаго исповѣданія, и, если окажется, что были, то такихъ не принимать, но немедленно объявлять о нихъ въ канцеляріи Синода. При бракахъ спрашивать, оба ли сопрягающіяся лица лютеранской вѣры, одно изъ нихъ не греческаго ли исповѣданія, и невѣста не оставила ли живаго мужа за несогласіемъ относительно вѣры [184].

Касательно дѣлъ на Украйнахъ, на Дону шелъ старый и жизненный для козачества вопросъ о выдачѣ бѣглыхъ. Лѣтомъ 1728 года, отправился въ Черкаскъ полковникъ Таракановъ, чтобъ высланы были всѣ бѣглые, поселившіеся на Дону съ 1695 года. Козаки собрали кругъ, прочли императорскую грамоту, посовѣтовались и пришли къ Тараканову съ объявленіемъ, что во всемъ будутъ исполнять государевъ указъ и вышлютъ бѣглыхъ, поселившихся у нихъ съ 1712 года, о пришедшихъ же съ 1695 по 1712 годъ посылаютъ въ Москву старшихъ бить челомъ его императорскому величеству: выслать этихъ бѣглыхъ нельзя, потому что изъ нихъ у нихъ старшины и всѣ лучшіе люди и его императорскаго величества слуги; если ихъ выслать, то всѣ городки опу-

стошить, службы служить, границы и черты охранять будетъ некому. Вмѣстѣ съ этими вѣстями пришли вѣсти болѣе тревожныя: полковникъ Роговскій, командированный съ полкомъ въ Транжементъ на перемѣну, пріѣхалъ въ урочище Распопинскій Юртъ; наказной атаманъ Якимъ Расторгуевъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу, привезъ проводниковъ, но при этомъ началъ говорить: «Дай тебѣ Богъ дойти до Транжемента въ добромъ здоровьи, потому что у насъ по Дону и по другимъ запольнымъ рѣчкамъ не смирно: козаки волнуются, потому что хотятъ высылать бѣглыхъ съ 1695 года, опасно, чтобъ собравшись не ушли на Кубань: по степнымъ мѣстамъ къ Кубани дорога имъ безвозбранная».—Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, донося объ этомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, писалъ: «Я далъ указъ Чекину, что если изъ распросовъ Расторгуева будетъ достовѣрно козацкое возмущеніе, далъ бы мнѣ знать какъ можно скорѣе, а самъ бы съ полками былъ готовъ; смотря по ходу дѣла, я самъ пойду для усмиренія козаковъ или пошлю генерала Вейсбаха. Только доношу: Чекинъ репортовалъ мнѣ, что въ его полкахъ больныхъ болѣе 600 человѣкъ, и число ихъ безпрестанно увеличивается, на день занемогаетъ человѣкъ по 20 и по 30, штабъ-и-оберъ-офицеры едва не всѣ больны, и если козацкое возмущеніе дѣйствительно вспыхнетъ, то тамошнимъ царицынскимъ корпусомъ утушить его нельзя; въ Малороссіи и слободскихъ полкахъ находится только 10 полковъ, но и то за разкомандированіемъ очень малолюдны, едва по 300 человѣкъ въ полку; притомъ здѣшнія мѣста оставить не безопасно, и на ландмилицію за ея новостію, что люди огня не видали, слабая надежда» [185].

Когда въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ выслушано было донесеніе Голицына и отписки донскаго войска съ просьбою не выдавать бѣглыхъ раньше 1712 года, то рѣшили бѣглыхъ вывозить съ 1710 года; атамана Расторгуева подвергнуть розыску; князь Голицынъ долженъ послать въ команду свое предписаніе, чтобъ прежде времени съ донскими козаками не поступали жестоко [186]. Расторгуевъ съ пытки не повинился; но такъ какъ полковникъ Роговскій подтвердилъ свое показаніе присягою, то атамана сослали въ Сибирь [187]. При всякомъ слухѣ о какой-нибудь смутѣ, о самозванцѣ, козаки были тутъ; такъ разглашали, что у Евдокіи Лопухиной есть сынъ, котораго она хочетъ воцарить, и что онъ жи-

ветъ на Дону у козаковъ, и что подметныя письма, явившіяся въ Петербургѣ, подкинуты козаками. Смутъ впрочемъ никакихъ не было при Петрѣ II; даже раскольники въ своихъ пророчествахъ говорили: «Антихристовы страсти—исповѣдныя всенародныя тричастныя книги умершимъ, новорожденнымъ (метрическія книги), и нашимъ Россійскимъ государствомъ овладѣютъ еретики, и что нынѣ Синодъ, то антихристовъ престолъ, и будетъ князь великій императоромъ вторымъ, и при немъ сыщется истинная вѣра предъ Богомъ и будетъ людямъ жить добро, да не долго» [188].

Съ донскими козаками не велѣли поступать жестоко потому, что приходили извѣстія о калмыцкихъ и башкирскихъ движеніяхъ. Въ концѣ 1727 года получены были изъ Казани извѣстія, что Калмыки находятся не въ прежнемъ состояніи: къ Дундуку-Омбо пріѣхали башкирскіе посланцы, 12 человѣкъ, и объявили, что у нихъ пронесся слухъ, будто Калмыки намѣрены воевать противъ Россіи, и если это правда, то приняли бы они и Башкирцевъ къ себѣ въ союзъ; эти посланцы остались у Дундука-Омбо, дожидаются, на что рѣшатся Калмыки, переправившись съ луговой стороны на горную. Вслѣдствіе этого русскимъ правительствомъ отправлены были по всѣмъ дорогамъ увѣщательныя грамоты, чтобъ Башкирцы жили спокойно, и если отъ кого есть имъ обиды, чтобы жаловались, и получатъ удовлетвореніе безъ волокиты, могутъ ѣхать съ жалобами въ Петербургъ или Москву; ассессоръ уфимской провинціи Лихачевъ, обвиняемый Башкирцами въ обидахъ и взяткахъ, былъ вызванъ къ отвѣту [189].

Въ распоряженіяхъ относительно Малороссіи, состоявшихся при Меншиковѣ, не было сдѣлано никакой перемѣны. Въ тайной инструкціи Наумову говорилось: хотя въ грамотѣ его императорскаго величества, съ нимъ посланной къ малороссійскому народу и въ данной ему инструкціи написано, что его императорское величество указалъ въ Малой Россіи гетмана выбрать по прежнему обыкновенію, однако сіе избраніе написано для лица, а въ самомъ дѣлѣ его императорскаго величества соизволеніе быть гетманомъ миргородскому полковнику Данилу Апостолу, зачаемо, что отъ народу не иной кто, но онъ Апостолъ по старшинству и по заслугамъ и ради имѣющагося его у нихъ кредиту избранъ будетъ. Прибывъ въ Глуховъ, смотрѣть и развѣдывать, его ли Данила Апостола въ гетманы народъ будетъ избирать, и ежели-бъ

нѣкоторые изъ того народа о комъ иномъ намѣреніе имѣли въ гетманы обирать, въ такомъ случаѣ того предостерегать и путь къ тому предуготовить, чтобъ конечно Данила Апостола, а не иного кого въ гетманы народъ избралъ. А какъ пріѣдетъ въ Глуховъ Данила Апостолъ, и ему объявить секретно, что его императорское величество указалъ его, а не иного кого въ гетманы обрать, и чтобъ онъ служилъ вѣрно и непоколебимо. Ежели, паче чаянія, старшина и народъ малороссійскій Данила Апостола въ гетманы обирать не станутъ, а будутъ выбирать иного кого по своей волѣ, и ему Наумову того учинить не допустить, и то обраніе подъ какимъ пристойнымъ претекстомъ остановить, и писать въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Наумовъ, пріѣхавши въ Глуховъ 18 сентября, объявилъ, что государь указалъ быть у нихъ въ Малороссіи гетману попрежнему, кого они выберутъ изъ малороссійскаго народа вольными голосами по прежнему обыкновенію. Потомъ Наумовъ спрашивалъ *партикулярно и обще*, кого хотятъ выбрать въ гетманы, и получилъ единогласный отвѣтъ, что миргородскаго полковника, Данилу Павловича Апостола. 1 октября созвана была рада изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Министръ спрашивалъ всѣхъ вслухъ, кого себѣ избираютъ въ гетманы? И всѣ единогласно сказали, что желаютъ миргородскаго полковника. И долгое время всѣ его просили до послѣдняго человѣка, а онъ отговаривался, что старъ и такого великаго правленія понести не можетъ. Тогда тайный совѣтникъ и министръ объявилъ, что, по избранію малороссійскаго народа, его императорское величество жалуетъ Апостола въ гетманы. Тутъ полковники, подхватя его подъ руки, поставили на столъ, всѣ поздравляли его и шапками на него махали. Новоизбранный билъ челомъ за милость его императорскаго величества, а народъ кланялся. Изъ чиновниковъ упраздненной Малороссійской коллегіи Наумовъ долженъ былъ нѣкоторыхъ удержать въ Глуховѣ, потому что явилась странность: онъ привезъ съ собою копію съ приходныхъ вѣдомостей, получавшихся въ Сенатѣ отъ президента коллегіи Вельяминова; но когда Наумовъ сравнилъ эти вѣдомости съ поданною ему въ Глуховѣ за секретарскою рукою, то нашелъ большую разницу, а именно въ 1722 году въ сенатской вѣдомости показано было въ приходѣ 45527 рублей, а въ коллежской 22672; въ 1723 году—въ первой 85854, а во второй 47734;

въ 1724 году—въ первой 141342, во второй 108054. Наумову велѣно было подъ рукою провѣдать о коллежскихъ членахъ, и услыхалъ онъ о великихъ обидахъ отъ нихъ народу.

Сильныя жалобы поданы были Наумову также на войсковыхъ командировъ изъ Нѣмцевъ, находившихся въ Малороссіи; къ жалобамъ Малороссіянъ присоединялись жалобы полковниковъ изъ Великороссіянъ. Полтавскій полковникъ писалъ на генерала Вейсбаха, что постоянно требуетъ для разныхъ домовыхъ посылокъ подводъ, сторожей, водовозовъ, ремесленниковъ, бабъ для кухни, по обывательскимъ лугамъ коситъ сѣно даровыми работниками и возитъ его на полковыхъ подводахъ, рыбаковъ беретъ перемѣнно по четыре человѣка съ сотни, двѣ слободы поселилъ себѣ на обывательскихъ земляхъ людьми Полтавскаго полка, и уволилъ эти слободы отъ квартирной и порціонной обязанности. На генералъ-поручика Роппа и генералъ-майора Дукласа нѣжинскій полковникъ Хрущовъ съ старшиною показали, что Роппъ занялъ себѣ квартиру не по указу и безъ отводу, требуетъ неуказныхъ всякихъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ ежедневно; находящійся при немъ прапорщикъ Михневъ билъ коммиссара смертнымъ боемъ и окровавилъ, а полковника Хрущова Роппъ держалъ подъ карауломъ, отобравъ шпагу, а старшину полковую грозилъ бить кіями; племянникъ его, прапорщикъ Виттинъ, пришедши въ прилуцкую ратушу, требовалъ у войта подводъ безъ прогоновъ, войтъ не далъ, и за то былъ прибитъ плетью; обозному того же полка Виттинъ проломилъ голову. Дукласъ отяготилъ народъ въ переяславскомъ полку требованіями лѣса на постройки. Наумовъ написалъ Вейсбаху, чтобъ изслѣдовалъ о поступкахъ Роппа и Дукласа; полковникамъ посланъ указъ, чтобъ лишняго никому ничего не давали, а кто будетъ насильно брать, о томъ писали бы къ нему и присылали обстоятельныя вѣдомости. Наумовъ оканчиваетъ свои донесенія такъ: «А чтобъ въ томъ справедливость была учинена, о томъ познать не по чему, понеже и на самого его, генерала Вейсбаха, обиды показываются болѣе другихъ».

Въ наказѣ Наумову говорилось: выбрать кандидатовъ въ генеральную старшину, а именно въ обозные, генеральные судьи, генеральные писаря, есаулы, бунчуковые, хорунжіе и прочіе чины, которые при гетманахъ обыкновенно бывали, а выбирать въ тѣ кандидаты гетману по совѣту съ Наумовымъ во всякій чинъ че-

ловѣка по два и по три, и Наумову при томъ смотрѣть и предостерегать, чтобъ кандидаты были люди добрые и ни въ чемъ не подозрительные, особенно такіе, которые были вѣрны во время измѣны Мазеппной; имена избранныхъ прислать въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а до полученія указа быть при гетманѣ въ тѣхъ чинахъ наказнымъ (исправляющимъ должность), потому что безъ старшины гетману быть нельзя. Наумовъ писалъ, что въ обозные лучше всего назначить полковника Галагана, ибо хотя онъ и писать не умѣетъ, однако отличался всегда вѣрностію императорскому величеству; къ судейской должности способны Троцына и Стороженко; къ писарской Турковскій, хотя и говорятъ, что онъ не изъ знатныхъ; въ есаулы достойны Гамалѣя и Лисенко, люди добрые и смирные; въ хорунжіе Борозна; въ бунчужные Василій Савичъ.

Относительно суда и расправы было постановлено: быть по прежнему ихъ обыкновенію суду въ городахъ на ратушахъ у сотниковъ; отсюда дѣла переносятся въ полковой судъ, на который аппелляція въ Глуховъ къ генеральному войсковому суду; но такъ какъ на этотъ судъ были жалобы отъ малороссійскаго народа и теперь приходятъ, что въ немъ дѣлаются большія неправды изъ-за взятокъ, вслѣдствіе чего бѣдные козаки и посполитство бываютъ обвинены, полковая старшина, на которую подаются челобитья отъ козаковъ и простыхъ людей, случаются въ свойствѣ и дружбѣ съ генеральными судьями, и потому не можетъ быть безъ похлебства,—то императоръ указалъ въ этомъ генеральномъ судѣ засѣдать изъ русскихъ троихъ. Если кто генеральнымъ судомъ не будетъ доволенъ, тотъ можетъ подавать челобитную гетману, который разсматриваетъ и вершитъ дѣла вмѣстѣ съ Наумовымъ.

Относительно податей, Наумовъ долженъ былъ объявить малороссійскому народу, что новые сборы, положенные при существованіи коллегіи, уничтожаются.

Такъ какъ прежде полковники назначали сами сотниковъ и другихъ урядниковъ, безъ объявленія гетману, по своимъ личнымъ отношеніямъ и за взятки, то теперь велѣно было полковнику собирать раду изъ полковой старшины и сотниковъ, и на этой радѣ, по общему приговору, назначать двоихъ или троихъ кандидатовъ и присылать ихъ къ гетману и Наумову, которые изъ нихъ выбираютъ по ихъ мнѣнію достойнѣйшаго.

Но и Наумовъ долженъ былъ столкнуться съ гетманомъ, и прежде всего относительно судебнаго порядка. Мы видѣли, какъ опредѣленъ былъ этотъ порядокъ, какъ постановлена была апелляція отъ суда городоваго къ генеральному, и отъ генеральнаго къ гетману. Несмотря на то, продолжалось прежнее обыкновеніе подавать челобитныя на имя гетманское, и гетманъ, по старинѣ, принявъ челобитную, отдавалъ ее въ генеральную канцелярію генеральному писарю, который прикажетъ на оборотѣ челобитной выписать кратко, кто и о чемъ проситъ, на кого жалуется, и къ отвѣтчику посылается отъ гетмана универсалъ или позывный листъ съ приказаніемъ, чтобъ онъ или помирился съ истцомъ или явился бы на срокъ къ гетману, и когда явится, то гетманъ посылаетъ обоихъ въ генеральный судъ Это напоминаніе отъ гетмана прежде суда не худо, писалъ Наумовъ; но бываетъ у нихъ и то, что гетманъ посылаетъ, мимо генеральнаго суда, сыщиковъ, которые привозятъ свои сыски въ генеральную канцелярію, и гетманъ по этимъ сыскамъ судитъ самъ мимо генеральнаго суда. Тутъ не безъ сомнѣнія, да и порядку нѣтъ, продолжаетъ Наумовъ; и другія подобныя резолюціи бываютъ изъ генеральной канцеляріи. Я этому противлюсь; но гетманъ отвѣчаетъ мнѣ, что въ томъ состоитъ ихъ прежній судъ, а въ императорской грамотѣ написано, что суду и расправѣ быть по прежнему ихъ обыкновенію. Потомъ гетманъ, получивши челобитье, не сообщая о немъ генеральному суду, поручалъ судъ извѣстнымъ лицамъ: Наумовъ указалъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые продолжались, несмотря на представленія его гетману. Когда случалось нѣкоторыя дѣла слушать Наумову вмѣстѣ съ гетманомъ и съ общаго согласія полагать рѣшенія, по обыкновенію съ императорскимъ титуломъ, то гетманъ не скрѣплялъ этихъ приговоровъ, отговариваясь, что прежде у нихъ приговоры на письмѣ не дѣлались и не закрѣплялись. Наконецъ гетманъ, отправляясь въ Москву, посылалъ въ генеральный судъ универсалы, чтобъ до счастливаго его возвращенія на резиденцію приговоровъ по извѣстнымъ дѣламъ не приводили въ исполненіе.

Мы видѣли, что всѣ новые сборы, положенные при существованіи малороссійской коллегіи, были уничтожены. Но Наумовъ долженъ былъ привести въ извѣстность и порядокъ финансовое положеніе страны. Поэтому, до избранія гетманскаго и послѣ него,

много разъ принимался онъ говорить съ старшиною и духовенствомъ, какимъ образомъ собирать подати съ малороссійскаго народа, и спрашивалъ у нихъ, были ли прежде какія-нибудь сборы съ Малороссіи въ казну государеву? Всѣ единогласно отвѣчали, что не были. Наумовъ показывалъ имъ пункты Богдана Хмельницкаго; на это былъ отвѣтъ, хотя и не единогласный, что говорено было посланцами Хмельницкаго, а въ грамотѣ его объ этомъ не было прошено, и хотя посланцы и говорили о сборѣ въ царскую казну, но на дѣлѣ ничего не сдѣлано. Брюховецкій, будучи въ Москвѣ, согласился на сборъ доходовъ въ царскую казну, но по возвращеніи измѣнилъ, и дѣло осталось безъ исполненія. Наумовъ уговаривалъ старшину и духовенство, чтобъ Малороссія платила въ императорскую казну ежегодно извѣстную сумму денегъ, но не могъ уговорить. Изъ доходовъ, объявленныхъ малороссійскою Коллегіею на бумагѣ, на-лицо не оказалось до 100.000 рублей.

Въ 1728 году гетманъ, пріѣхавши въ Москву на коронацію, билъ челомъ, чтобъ возвращены были Малороссіи ея старыя права, по пунктамъ Богдана Хмельницкаго, чтобъ никто изъ Великороссіянъ не вступался въ суды войсковые. На это въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ былъ написанъ отвѣтъ, что Малороссіяне будутъ судиться своими въ сотенныхъ и полковыхъ судахъ; но если кто будетъ недоволенъ рѣшеніемъ послѣднихъ, то имѣетъ право переносить дѣло въ генеральный судъ, состоящій изъ трехъ Великороссіянъ и трехъ Малороссіянъ; гетманъ получаетъ значеніе президента этого суда, и мимо нижнихъ судовъ прямо въ генеральный судъ челобитенъ подавать нельзя; если же кто не будетъ доволенъ и рѣшеніемъ генеральнаго суда, тотъ можетъ бить челомъ императору въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ. На просьбу объ избраніи урядниковъ вольными голосами, изъ «родимцовъ малороссійскихъ», былъ отвѣтъ, что генеральную старшину и полковниковъ выбирать вольными голосами, нѣсколько кандидатовъ и требовать императорскаго указа, которымъ одинъ изъ кандидатовъ и опредѣляется; кандидаты же въ полковую старшину и сотники выбираются вольными голосами, и одинъ изъ нихъ утверждается гетманомъ, который обязанъ писать объ этомъ императору, съ объясненіемъ причинъ утвержденія. Относительно сбора доходовъ было постановлено, что, для предупрежденія гет-

манскаго произвола при сборѣ и расходованіи, учредить подскарбіевъ, одного изъ Великороссіянъ, а другаго изъ Малороссіянъ. Отмѣненъ былъ указъ, изданный при Меншиковѣ, чтобъ Великороссіянамъ не покупать имѣній въ Малороссіи; сказано: «Продажа во всей Россійской имперіи маетностей и прочаго недвижимаго должна быть свободна, и потому, какъ Великороссіянамъ (кромѣ иноземцевъ) въ Малороссіи, такъ и Малороссіянамъ въ великороссійскихъ городахъ всякія недвижимыя имѣнія покупать и продавать невозбранно; при чемъ опредѣляется всѣмъ великороссіянамъ, владѣющимъ землями въ Малороссіи, съ тѣхъ земель службы, подати и повинности отправлять и все нести съ прочими Малороссіянами равно и быть подъ судомъ малороссійскимъ; только великороссійскимъ вотчинникамъ запрещается въ малороссійскія деревни свои переводить крестьянъ изъ деревень великороссійскихъ». О раскольникахъ, поселившихся въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ, опредѣлено: «Выслать ихъ, по важнымъ резонамъ, невозможно; а вѣдать ихъ тому, кто при гетманѣ будетъ: онъ долженъ послать добраго офицера и освидѣтельствовать, а если ихъ сверхъ прежней переписи прибавилось, то и окладу на нихъ прибавить и собираемыя деньги присылать въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ; если раскольники обидятъ когонибудь изъ Малороссіянъ, то судить ихъ и, по сыску, указъ чинить гетману вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ при немъ отъ императорскаго величества. А что они другихъ въ свою ересь обращаютъ, за то грозить имъ смертною казнію, и велѣть по возможности ихъ самихъ отъ ереси отводить, какъ въ Великой Россіи дѣлается, и нѣкоторые обращаются. Такимъ образомъ гетманъ не получилъ желаемаго; но всего болѣе непріятно ему было то, что онъ былъ подчиненъ главнокомандующему украинскою арміею, фельдмаршалу Голицыну.

Вѣсть о возстановленіи малороссійской старины, объ избраніи гетмана скоро достигла Запорожцевъ и подала имъ надежду, что русское правительство согласится снова принять ихъ въ подданство. Кто-то распустилъ у нихъ слухъ, что гетманомъ назначенъ Сапѣга, и они прислали къ нему письмо съ шляхтичемъ Хмелевскимъ, въ которомъ выражали желаніе удалиться отъ Агарянской страны, и, поклонившись его императорскому величеству, подъ его властію попрежнему жить. Кошевымъ атаманомъ подписался

Павелъ Θеодоровичъ. Наумову и гетману велѣно было такъ отвѣчать Хмелевскому словесно: «Мы не безнадежны, что милосердый монархъ склонится на желаніе Запорожцевъ; вины ихъ проститъ и при удобномъ случаѣ въ державу свою попрежнему принять укажетъ, какъ и Малую Россію въ прежнее состояніе возстановилъ и гетману быть повелѣлъ; но для этого Запорожцамъ нужно показать непоколебимую вѣрность, въ знакъ которой должны сноситься со мною и съ гетманомъ, увѣдомляя насъ о тамошнихъ происшествіяхъ.» Но въ Запорожьѣ желали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Россіи; отсюда писали къ гетману: «Хотимъ поклониться его царскому пресвѣтлому престолу, и вашу вельможность просимъ: умилосердись, какъ щедролюбивый отецъ, не попусти насъ погибать, чтобъ мы не подпали врагамъ Татарамъ на расхищеніе. Доброувѣщательныхъ писемъ вашихъ не можемъ слышать, потому что начальствующіе, находясь подъ игомъ татарскимъ, боятся войску объявлять; а когда умилосердится ваша вельможность и подастъ намъ свою помощь войсковую, тогда все будетъ явно и ясно. Мы обѣщаемся монаршему маестату и вашей вельможности вѣрно служить до конца нашей жизни, и все войско запорожское низовое на Старую Сѣчу собирается, отъ крымской стороны совсѣмъ отступаетъ, потому что ханъ нѣсколько сотъ нашей братьи на свою службу заслалъ за море, и атамана кошеваго со всею старшиной захватилъ подъ свою державу.»

5 іюня 1728 года Верховный Тайный Совѣтъ, слушавъ доношеніе фельдмаршала князя Голицына, гетмана Апостола и тайнаго совѣтника Наумова и письма Запорожцевъ, въ которыхъ они объявляютъ свое намѣреніе — забравъ изъ Новой Сѣчи войсковые клейноты, перейти въ Старую Сѣчь и объявить, что они находятся подъ покровительствомъ его императорскаго величества,— разсудилъ: вопервыхъ, присланныхъ къ гетману изъ Запорожья четырехъ козаковъ отправить назадъ съ такимъ же словеснымъ приказомъ, какъ и въ прошломъ году, прибавя, что если они въ нынѣшнее время учинятъ какія противности турецкой сторонѣ, то они въ русскія границы никакъ впущены не будутъ. Вовторыхъ, послать указы къ фельдмаршалу и гетману, чтобъ они повсюду подтвердили — Запорожцевъ, если они придутъ многолюдствомъ и съ ружьемъ, отнюдь не принимать и отъ границъ от-

бивать оружіемъ, а подъ рукою словесно обнадеживать ихъ, что при удобномъ времени они будутъ приняты; это объявлять имъ при случаѣ тайно чрезъ важныхъ людей, а отъ другихъ содержать въ наивысшемъ секретѣ; полагается на разсужденіе фельдмаршала, къ кому изъ Запорожцевъ и подарки посылать, чтобъ ихъ содержать склонными къ сторонѣ его императорскаго величества. Въ-третьихъ, въ Царьградъ къ резиденту Неплюеву писать, чтобъ онъ принесъ Портѣ на Запорожцевъ жалобу, что, по слуху, они изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ поселены по трактатамъ, хотятъ приближаться къ русскимъ границамъ, переходить въ Старую Сѣчь и другія мѣста, гдѣ, по договорамъ, строенію быть не слѣдуетъ: такъ чтобъ Порта не допускала ихъ до этого, ибо отъ этихъ безпокойныхъ и непостоянныхъ людей и безъ того купечеству русскому происходятъ обиды. По немногу и безъ оружія Запорожцевъ велѣно было принимать и прежде и теперь, и полтавскій полковникъ доносилъ, что по первое іюня 1728 года пришло Запорожцевъ на житье въ Малороссію 201 человѣкъ, а въ послѣднихъ числахъ приходятъ ватагами человѣкъ по десяти и пригоняютъ съ собою стада; болѣе желаютъ жить по Самарѣ и ниже ея. Голицыну писали изъ Москвы, что этого много, и нельзя защищать тѣхъ Запорожцевъ, которые поселятся по Самарѣ, потому что, по договору, эта рѣка въ сторонѣ турецкой. Но въ то время, когда въ Москвѣ дѣлались распоряженія о непринятіи Запорожцевъ, они поднялись и перешли на Старую Сѣчь, приславши на имя императора такую грамоту, отъ 30 мая: «Склонивши сердецъ своихъ порушенныя мысли ко благому обращенію и повергши мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего імператорскаго величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ святой православной, церкви восточной и вашему імператорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подъ бусурманомъ магометански погибать. Отвори сердца своего источникъ къ намъ, своимъ чадамъ, разрѣши ласково преступленія нашего грѣхъ и нареки насъ попрежнему сынами жребія своего императорскаго. Еще же просимъ: подайте намъ войсковое отъ руки своей подкрѣпленіе, дабы не попали мы въ расхищеніе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ краевъ подвинулись: для того ли, что мы уже отъ нихъ отступили со всѣми своими клейнотами

24 мая, и пребываемъ уже въ Старой Сѣчи, или они это дѣлаютъ по своимъ замѣшательствамъ?»

Но вслѣдъ затѣмъ къ генералу Вейсбаху явился кошевой атаманъ Иванъ Петровъ Гусакъ и разсказывалъ: «Въ Новой Сѣчи отъ крымскаго хана было намъ много притѣсненій: въ прошломъ 1727 году въ декабрѣ мѣсяцѣ Калга-салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ козаковъ съ двѣ тысячи, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину, и тамъ показалъ хану нѣкоторыя противности; пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, Калгу схватилъ и сослалъ въ Царьградъ, а Запорожцевъ, бывшихъ при немъ, разослалъ на каторги, а другихъ распродали, будто бы за то, что они съ Калгою бунтовали, а Калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказу ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше быть попрежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей православной вѣрѣ, нежели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Когда мы забирали клейноты и хоругвь, чтобъ идти въ Старую Сѣчь, то старый кошевой измѣнникъ Костя Гордѣенко, да Карпъ Сидоренко и другіе стали намъ говорить: «для чего же намъ изъ Новой въ Старую Сѣчь идти? намъ и тутъ жить хорошо!» Однако они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобъ отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордѣенка и Карпа Сидоренка подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой Старой Сѣчи, и пріѣхавши туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу. Послѣ этого мы послали въ Глуховъ къ гетману; но посланные возвратились ни съ чѣмъ, объявивъ, что гетмана въ Глуховѣ нѣтъ, онъ въ Москвѣ; тогда войско стало волноваться, начали говорить: если мы отъ императорскаго величества милости не получимъ, то кошеваго и старшину, которые перевели насъ сюда, побьемъ до смерти; испугавшись этого, я ушелъ.»

Въ мартѣ 1729 года князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ писалъ императору, что, по вѣстямъ, Турки хотятъ объявить войну Россіи, и потому надобно принять Запорожцевъ. Ему отвѣчали изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобъ онъ въ обнадеживаніи Запорожцевъ насчетъ принятія ихъ при способномъ и удобномъ случаѣ поступалъ по своему мнѣнію и по прежнимъ указамъ, потому что теперь еще нѣтъ удобнаго времени, пока не обнаружится явная противность съ турецкой стороны.

Въ 1727 году, при возстановленіи гетманства, подвергся опалѣ лубенскій полковникъ Андрей Марковичъ; явились жалобы на его злоупотребленія; но главною причиною опалы, какъ видно, было близкое родство съ Скоропадскими и Полуботками и вражда гетмана Апостола. Сынъ Андрея Марковича, Яковъ, отправился въ Москву хлопотать за отца и вмѣстѣ за тетку, вдову бывшаго гетмана Скоропадскаго, которую тѣснилъ новый гетманъ. Этотъ Яковъ оставилъ по себѣ любопытныя записки, которыя переносятъ насъ въ тогдашнюю Москву, старую столицу новой, преобразованной Россіи, и обрисовываютъ намъ отношенія Малороссіянъ къ императорскому правительству. Съ начала эпохи преобразованія Малороссіянинъ, ѣхавшій въ Москву или Петербургъ, былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ покровителей въ землякахъ своихъ, какъ между знатнымъ чернымъ, такъ и между бѣлымъ духовенствомъ. Такъ и нашъ Яковъ Марковичъ, пріѣхавши въ Москву, прямо остановился у духовника государева, отца Тимоѳея Васильевича. Марковичъ пріѣхалъ въ Москву въ генварѣ 1728 года, когда еще всѣ думали, что царица-бабка будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла; и вотъ онъ отправляется въ Новодѣвичій монастырь, куда ведетъ его тамошній священникъ Василій и приводитъ къ игуменьѣ изъ Малороссіянокъ, Олимпіадѣ Коховской, къ которой онъ привезъ письмо отъ тетки Скоропадской; былъ у царицы, которая подчивала его изъ своихъ рукъ водкой. Когда онъ пировалъ послѣ того у священника Василія, туда же пріѣхалъ карла царицы, и Марковичъ счелъ за нужное побрататься съ нимъ и въ знакъ любви подарить пять червонныхъ. Понятно, что Марковичъ не могъ обойти представителя малороссійскихъ духовныхъ — Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ у него нѣсколько разъ и записалъ, о чемъ шла бесѣда: «Ввечеру былъ у архіерея новгородскаго, гдѣ и архимандритъ Круликъ былъ, и тутъ происходилъ разговоръ о сентенціи картезіановъ, всякое чувство отъ животныхъ всѣхъ отнимающихъ, а только единому человѣку, имущему умъ, причитающихъ, будто чувство безъ ума не можетъ быть; и потому называютъ они животныхъ автоматами. Въ разговорѣ же было то, что оное мнѣніе Картезія есть не крѣпкое, ибо явственно споритъ противъ повседневныхъ експериментовъ, по которыхъ видимы диковинные животныхъ поступки, которымъ безъ чувствій и безъ памятствованія (якое Карте-

зій чувствомъ называетъ) невозможно быть. Также о существѣ духа разсужденіе было, что не въ самомъ помышленіи онаго духа существо содержится, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы не видимъ, но должны признать. Изъ такого разсужденія можно нѣкоторый видъ дебелаго и весьма скуднаго помышленія животнымъ причесть, однако онаго безсмерным назвать невозможно, а какое оно есть, неизвѣстно, для того что не только духа, но и тѣла существъ (сущности) не знаемъ, и отъ незнаемой вещи знаемую утверждать невозможно, развѣ вопреки.» Но не всегда у Ѳеофана Прокоповича были такіе философскіе разговоры. Въ другой разъ Марковичъ записалъ: «Ѣздилъ до архіерея новгородскаго, который въ разговорѣ объявлялъ мнѣ способъ садить регулярно малину, ежевику и другія ягоды; онъ же сказывалъ и способъ дѣлать простые барометры.» Наконецъ записано: «Ѣздилъ до архіерея новгородскаго, который въ разговорѣ сказывалъ: чтобъ пиво было вскорѣ свѣтло, должно песку крупнаго, придавши къ оному мало сахару, разжарить и всыпать въ бочку, то за недѣлю, а много за двѣ, будетъ свѣтло.»

Монастырями и архіерейскими подворьями малороссійскому челобитчику, разумѣется, ограничиться было нельзя, и потому Марковичъ немедленно отправился къ секретарю Иностранной Коллегіи, Курбатову, и отдалъ ему письмо отъ отца и тетки Скоропадской вмѣстѣ съ 30-ю червонными; потомъ опять былъ у секретаря, поигралъ съ нимъ въ карты (шнипъ-шнапъ) и на другой уже день отправился къ канцлеру графу Головкину съ просительнымъ письмомъ отъ отца и Скоропадской, и черезъ день Курбатовъ далъ ему письмо Головкина къ Наумову, чтобъ не притѣснять старика Марковича. Молодой Марковичъ счелъ нужнымъ побывать и у другихъ вельможъ; но важнѣе всего было побывать у производителя дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Степанова, а къ производителямъ дѣлъ и секретарямъ съ пустыми руками ѣздить было нельзя, и Марковичъ къ письмамъ отца и Скоропадской присоединилъ 40 червонныхъ. При такихъ средствахъ дѣло пошло на ладъ, и старика Марковича велѣно сдѣлать генеральнымъ подскарбіемъ.

Между тѣмъ молодой Марковичъ, человѣкъ любознательный, покупалъ въ Москвѣ книги: купилъ шесть польскихъ книгъ за семь рублей съ гривною: Speculum Saxonum, Конституціи корон-

ныя, Статутъ, Твардовскій, о Турецкомъ государствѣ и Политику Аристотелеву, да сверхъ того книжку о небоземныхъ глобусахъ за полтину; купилъ русскую книжку — Синопсисъ за полтину, книжку о князьяхъ за полтину; для церкви годовую Минею за 23 рубли, два календаря за полтину; возвратясь въ Малороссію, онъ пересчиталъ свои книги и нашелъ, что ихъ было 340. У иноземца Морица онъ купилъ въ Москвѣ барометръ, заплатилъ рубль.

Но не одними книгами и барометрами запасался Малороссіянинъ въ столицѣ: покупалъ рыбу: за осетра, двѣ лососи и 10 стерлядей заплатилъ 3 рубля, за фунтъ икры 5 копѣекъ; за фунтъ чаю пять рублей съ полтиной, за фунтъ кофе 20 алтынъ, за фунтъ сахару канарскаго полкопы, за 20 свѣчекъ благовонныхъ 16 копѣекъ. Купилъ камлоту на кунтушъ, заплатилъ по 20 алтынъ за аршинъ; мѣхъ бѣличій купилъ за 2 рубля 20 алтынъ; 18 паръ соболей за 140 рублей; въ телѣжномъ ряду купилъ англійскую коляску за 22 рубля, карету за 38 рублей. Квартира въ Китаѣ-городѣ у Москворѣцкихъ воротъ, три избы съ кладовою и погребомъ, стоила ему три рубля въ мѣсяцъ.

Марковичъ воспользовался своею поѣздкою въ Москву, чтобъ полѣчиться у знаменитаго доктора Быдла (Бидлоо); докторъ прописалъ ему рецептъ на декоктъ, а на другой день прислалъ лѣкаря, который поставилъ ему піявки и получилъ за это четыре талера [190].

Изъ дѣлъ внѣшнихъ попрежнему болѣе всего тяготила томительная война персидская. Сначала боялись турецкихъ успѣховъ, а потомъ стали безпокоиться, что Турки, потерпѣвъ неудачу, поспѣшатъ помириться съ Эшрефомъ, который будетъ имѣть возможность обратиться со всѣми силами противъ Россіи. 17 ноября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено было императору о персидскихъ дѣлахъ, что Эшрефъ побѣдилъ Турокъ, которые теперь ищутъ мира хотя съ уступкою всего, а это можетъ быть вредно для Россіи; представляли, что солдатамъ русскимъ отъ воздуха въ тамошнихъ мѣстахъ немалая убыль. Государь, наслышавшись этихъ толковъ и жалобъ прежде, разсуждалъ, что намъ отъ Гиляни никакой прибыли нѣтъ, а только убытокъ въ людяхъ и казнѣ. Представляли о непріязненныхъ намѣреніяхъ Калмыковъ, вступившихъ въ связь съ возмутившимися Башкирцами, что между Калмыками находится турецкій поддан-

ный Бахты-Гирей-дели-салтанъ, котораго до сихъ поръ нельзя было ни приманить, ни поймать, что для этого и теперь Верховный Тайный Совѣтъ посылаетъ указы съ нарочными къ Калмыкамъ и донскимъ козакамъ. Государь изволилъ сказать, что козаки скоро поймать его могутъ.

Мы видѣли, что человѣкъ, посланный при Екатеринѣ для возстановленія единства и силы движенія русскихъ войскъ въ прикаспійскихъ областяхъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, оказался, по соображеніямъ своихъ родственниковъ, нужнѣе въ Москвѣ. При отъѣздѣ онъ получилъ рескриптъ, что хотя въ прикаспійскихъ областяхъ опасность очевидная, однако нельзя послать туда сильной помощи по европейскимъ обстоятельствамъ, которыя заставляютъ держать въ готовности армію на западѣ; что въ Персію изъ Казани и Воронежа назначены два регулярныхъ полка съ донскими козаками, но двигаются еще шесть полковъ къ Казани, чтобъ, въ случаѣ нужды, явиться на помощь персидскому корпусу.

Долгорукій сдалъ начальство генераламъ Левашову и Румянцеву, сдалъ и обязанность заключить миръ съ Эшрефомъ, хотя бы съ уступкою всѣхъ завоеванныхъ у Персіи провинцій, выговоривъ одно условіе, чтобъ Персіяне не допускали Турокъ на берега Каспійскаго моря. Въ 1729 году русскихъ войскъ въ прикаспійскихъ областяхъ было 17 пѣхотныхъ полковъ и семь конныхъ. Положено было увеличивать только нерегулярные полки, для чего написали Румянцеву, чтобъ онъ, сколько возможно, велѣлъ князю Бековичу-Черкасскому набирать изъ Грузинъ, Армянъ и горскихъ Черкесъ такихъ, которые бы къ войнѣ были обычны и во всемъ исправны, обѣщая каждому жалованья по 15 рублей въ годъ или и больше. Положено было также убѣдить донскихъ атамановъ Краснощёченка, Ивана Матвѣева и Данилу Ефремова, чтобъ они подговорили добровольно двѣ или три тысячи донскихъ козаковъ и съ ними поселились около крѣпости св. Креста и около рѣки Аграхани, за что назначить Краснощёченку жалованья по 1.000 рублей и обнадежить, что онъ будетъ надъ этими козаками войсковымъ атаманомъ [191].

Турки дѣйствительно заключили миръ съ Эшрефомъ.

Неплюевъ началъ свои донесенія новому императору сообщеніемъ словъ рейсъ-еффенди, что если въ нынѣшнюю компанію

Турки будутъ оставлены Россіею безъ помощи, то въ счастіи и несчастіи отрекутся отъ исполненія договора и не будутъ признавать за Россіею персидскихъ областей, выговоренныхъ въ трактатѣ. Резидентъ представлялъ самому визирю, что вина на сторонѣ Турокъ: тавризскій паша нарушаетъ трактатъ, вступаясь въ принадлежащія Россіи мѣста, Даудъ-Бекъ шемахинскій также поступаетъ непріятельски, коммиссія разграниченія не окончена по турецкой же винѣ; русскія войска могутъ тогда только дѣйствовать противъ общаго непріятеля, когда будутъ покойны со стороны границъ. Визирь возражалъ: «Хотя бы все это и правда была, но странно, что вы, будучи здѣсь резидентомъ, не можете намъ означить, сколько русскихъ войскъ въ Персіи, отговариваетесь, что число ихъ вамъ неизвѣстно: ясно, что тамъ войска очень мало, поэтому о числѣ ихъ и не объявляете. Пограничныя ширванскія дѣла вовсе не имѣютъ важности: надобно прежде съ общимъ непріятелемъ управиться, а другія дѣла рѣшить всегда время будетъ, и еслибъ русское войско двинулось въ Персію, то на пути могло бы всѣ мѣста взять въ свое владѣніе; если же придавать важность пограничнымъ ссорамъ, то и Порта имѣетъ право жаловаться, что Россія подданнымъ своимъ Калмыкамъ позволяетъ соединяться съ турецкими измѣнниками и грузинскаго хана Вахтанга отправила въ Персію будто для веденія переговоровъ съ Тахмаспбомъ, а Вахтангъ между тѣмъ бунтуетъ турецкихъ подданныхъ.» Резидентъ на это сказалъ: «Россія отъ принятія общихъ мѣръ по трактату не отрекается, только бы Порта отстранила зависящія отъ нея затрудненія, именно окончила бы ширванское разграниченіе по договору и велѣла Даудъ-Беку и пашамъ своимъ сохранять договоръ». Визирь отвѣчалъ: «Какъ бы ни было, мы, съ своей стороны, отстранимъ всѣ затрудненія, пошлемъ крѣпкіе указы, чтобъ паша и Даудъ-Бекъ въ русскія владѣнія не вступали и коммиссары произвели разграниченіе немедленно: за это Россія должна сдержать Калмыковъ, вызвать изъ Персіи отправленнаго ею туда грузинскаго царя Вахтанга и велѣть своимъ генераламъ, чтобъ они, по возможности, дѣйствовали противъ общаго врага Эшрефа; Порта ничего отъ Персіи не желаетъ, кромѣ своей доли; Порта не требуетъ большаго числа войскъ русскихъ; но пусть ваши генералы, по возможности, сдѣлаютъ диверсію; вступятъ съ разореніемъ въ землю общаго не-

пріятеля, пусть подойдутъ къ Казбину, если къ Испагани идти не въ состояніи; главное дѣло изгнать общаго непріятеля, послѣ чего Порта на все будетъ готова—раздѣлить ли Персію или поставить тамъ независимаго государя. Россіи надобно разсудить: если Порта одна побѣдитъ, то она отъ всѣхъ обязательствъ признаетъ себя свободною; а если, паче чаянія, Эшрефъ побѣдитъ, то онъ будетъ враждовать одинаково къ Россіи и къ Турціи, сколько мочи его станетъ».—«Извините меня за откровенность, сказалъ на это резидентъ: я не понимаю, почему Порта въ мартѣ мѣсяцѣ не приняла этого рѣшенія и упустила благопріятное время, потому что тогда мои предложенія были точно такія же, какія теперь вы сами мнѣ сдѣлали; теперь бы ширванское разграниченіе было уже окончено, всѣ затрудненія отстранены, и нашимъ генераламъ ничего больше бы не оставалось, какъ дѣйствовать противъ общаго непріятеля». Визирь смолчалъ на это и велѣлъ подавать шербетъ.

Скоро послѣ этого Неплюевъ сталъ доносить о возможности мира между Турціею и Эшрефомъ; писалъ, что не только султану и министерству, но и всему турецкому народу персидская война омерзѣла, кажется несносною. Эшрефъ прислалъ къ турецкому муфтію и ко всѣмъ мулламъ письмо, въ которомъ говорилъ, что султанъ поступаетъ противозаконно, отторгнувши персидскія провинціи и не признавая его, Эшрефа, законнымъ государемъ персидскимъ, тогда какъ онъ завоевалъ Персію у еретиковъ; Эшрефъ писалъ, что муллы отдадутъ отвѣтъ предъ Богомъ за междоусобное кровопролитіе между мусульманами; а онъ стоитъ въ ополченіи, готовый къ миру и войнѣ, надѣясь на правду свою. По выслушаніи этого письма, всѣ муллы единогласно сказали: «Изо всего видно, что помощь Божія съ Эшрефомъ, а не съ нами, слѣдовательно противъ воли Вышняго отваживаться нельзя; но лучше заблаговременно мира искать. На это визирь сказалъ, что Эшрефъ запрашиваетъ взятыхъ Турками областей и безъ того не мирится. Муллы отвѣчали, что прежде невѣрнымъ Полякамъ отдали Каменецъ: тѣмъ легче теперь можно сдѣлать уступку единовѣрному Эшрефу. Визирь остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ, ибо видѣлъ невозможность продолжать войну по безпорядочности и несклонности народа, предвидя и для себя близкую погибель, если приключится новое несчастіе, тѣмъ болѣе, что

требовали отправленія его самого въ Персію. Рѣшили приступить къ мирнымъ переговорамъ, которые были поручены вавилонскому (багдадскому) пашѣ Ахмету, и 19 октября 1727 года получено было въ Константинополѣ извѣстіе, что мирный договоръ съ Эшрефомъ заключенъ. Рейсъ-еффенди, объявляя объ этомъ Неплюеву, прибавилъ, что если и Россія пожелаетъ помириться съ Эшрефомъ, то Порта не отрекается употребить къ тому свои старанія. Русскій дворъ изъявилъ на это согласіе.

Но это согласіе не могло повести ни къ чему. Весь 1728 годъ прошелъ въ спорахъ Неплюева съ турецкими министрами насчетъ пограничныхъ столкновеній. Турки жаловались, что Калмыки, соединясь съ ихъ бунтовщикомъ Бахты-Гиреемъ, опустошали ихъ владѣнія; Неплюетъ жаловался, что турецкіе паши въ новыхъ границахъ вступаются въ принадлежащіе Россіи земли и народы. Неплюевъ писалъ своему двору: «Не думаю, чтобъ Турки легкомысленно провинціи вашего величества дѣйствительно обезпокоить дерзнули, и войны съ Россіею они удаляются по многимъ причинамъ: 1) знаютъ неискусство своихъ войскъ; 2) настоящее министерство ищетъ себѣ покоя; 3) еслибъ они и получили что-нибудь отъ Россіи со стороны Персіи, то Россіи отъ этого вреда не будетъ, а имъ можетъ быть большой вредъ отъ войны съ европейской стороны, гдѣ у нихъ никакихъ приготовленій нѣтъ, а здѣсь они одинъ Азовъ не промѣняютъ на всѣ персидскія провинціи. Однако за такой варварскій непостоянный дворъ ручаться нельзя: можетъ случиться перемѣна министерству или другой какой случай, а въ такихъ случаяхъ у нихъ принимаются скорыя и слѣпыя мѣры. Теперь они, сколько возможно, желаютъ держать персидскія владѣнія вашего величества въ безпокойствѣ». Въ 1729 году Неплюевъ писалъ: «Всѣ пограничные паши, также и Суркай, пишутъ къ Портѣ, что если она не вытѣснитъ русскихъ изъ Персіи, то никогда не можетъ обезопасить тамъ своихъ владѣній, потому что русскіе генералы возмущаютъ тамошніе народы противъ Турокъ и въ нужномъ случаѣ оказываютъ имъ покровительство; вытѣснить же русскихъ изъ Персіи можно, потому что ихъ тамъ немного». Вѣсти объ этихъ письмахъ передалъ Неплюеву переводчикъ Порты, который прибавилъ, что не знаетъ ничего о рѣшеніяхъ Порты по этому дѣлу, но замѣчаетъ въ ней холодность къ Россіи. Въ слѣдъ затѣмъ

Неплюевъ донесъ: «Изо всего видно, что Турки намѣрены въ будущую осень напасть на персидскія наши провинціи, считая это время самымъ благопріятнымъ, ибо въ октябрѣ и ноябрѣ въ европейскомъ климатѣ зима, препятствующая воинскимъ дѣйствіямъ. Я здѣсь почти не имѣю никакого значенія, потому что Турки моихъ предложеній не слушаютъ, о дѣлахъ мнѣ не сообщаютъ, посылать курьера запрещаютъ. Непріятели визиря внушили султану, что русскихъ давно можно было бы выгнать изъ Персіи, но время упущено вслѣдствіе неспособности визиря къ войнѣ; онъ заключилъ съ Россіею договоръ, предосудительный Портѣ, уступилъ Россіи многія персидскія провинціи съ единовѣрными Туркамъ народами, которыхъ султанъ долженъ былъ по единовѣрію защищать, а не отдавать въ подданство невѣрнымъ. Султанъ съ гнѣвомъ выговаривалъ за это визирю, почему тотъ принужденъ на все отважиться. Миръ можетъ сохраниться въ двухъ случаяхъ: если Турки увидятъ, что Россія готова къ войнѣ, и что находится въ союзѣ съ цесарскимъ дворомъ; азіатскимъ войскамъ уже велѣно двигаться въ персидскія области». Потомъ другое извѣстіе: «Хотя не все утихло, но и не возрастаетъ: только пограничные паши ложными своими извѣстіями не перестаютъ плевелы сѣять». Цесарскій резидентъ Дальманъ предъявилъ полномочіе быть посредникомъ въ спорахъ между Россіею и Турціею; но Неплюевъ опасался, чтобы Турки не предложили посредничества французскаго посла, на томъ основаніи, что послѣдній договоръ у нихъ съ Россіею заключенъ былъ при посредничествѣ Франціи [192].

Франціи не довѣряли попрежнему. При вступленіи на престолъ Петра II, Куракинъ, извѣщая о предстоящемъ заключеніи договора между Франціею, Англіею, Испаніею и императоромъ, писалъ, что во Франціи очень рады мирному окончанію дѣла, но что министръ англійскій въ Парижѣ, Вальполь, не доволенъ, ему лучше бы хотѣлось войны, онъ боится, что Франція, сблизившись съ Испаніею и Австріею, освободится изъ рабства Англіи: «И всю сію оперу, писалъ Куракинъ, при помощи Божеской, надѣемся увидать въ свое время». Для окончательнаго улаженія дѣлъ назначенъ былъ конгрессъ въ Камбрэ, и Россія, какъ принимавшая участіе въ послѣднихъ движеніяхъ въ качествѣ союзницы императора, назначила на конгрессъ своихъ уполномоченныхъ, князя

Бориса Куракина и графа Александра Головкина. По наказу они должны были стараться о допущеніи своемъ прямо ко всѣмъ переговорамъ, какъ представители стороны интересованной; чтобъ дѣло герцога голштинскаго было окончено на конгрессѣ; чтобъ при постановленіи генеральной гарантіи и Россія была въ нее включена. Между тѣмъ умеръ англійскій король Георгъ I, которому наслѣдовалъ сынъ его, Георгъ II: этою перемѣною хотѣли воспользоваться для возстановленія пріязненныхъ сношеній между Россіею и Англіею. Флёри былъ посредникомъ, и 27 августа Вальполь, пріѣхавши къ Куракину, объявилъ ему, что король его ничего такъ не желаетъ, какъ предать забвенію все прошлое, возстановить дружбу и сношенія съ русскимъ императоромъ, и готовъ отправить отъ себя знатнаго человѣка поздравить Петра II съ восшествіемъ на престолъ, при чемъ надѣется, что и со стороны русскаго двора будетъ поступлено такимъ же образомъ.

Но князю Борису Куракину не суждено было привести къ окончанію всѣхъ этихъ дѣлъ: 18 сентября онъ умеръ, и мѣсто его занялъ сынъ его князь Александръ, съ титуломъ совѣтника посольства. Но и князь Александръ въ 1728 году получилъ позволеніе возвратиться въ Россію, потому что весь интересъ сосредоточился теперь въ Суассонѣ, гдѣ былъ назначенъ конгрессъ вмѣсто Камбрэ. Въ Суассонъ отправился одинъ графъ Александръ Головкинъ, который получилъ новый подробнѣйшій наказъ: по пріѣздѣ въ Суассонъ онъ прежде всего долженъ освѣдомиться объ установленныхъ тамъ порядкахъ относительно церемоніала. Его императорское величество въ церемоніалѣ излишняго ничего не требуетъ, но, кромѣ цесаря римскаго, никому изъ коронованныхъ главъ первенства уступить не можетъ. Наблюдать, чтобъ съ нимъ поступаемо было такъ, какъ съ министрами ганноверскихъ союзниковъ, преимущественно съ шведскими. Относительно возвращенія Шлезвига герцогу голштинскому или достойнаго ему вознагражденія долженъ согласиться съ цесарскими министрами и дѣлать все то, что они дѣлать станутъ; особенно должно дѣйствовать на кардинала Флёри, представляя ему, что французскій интересъ требуетъ улаженія этого дѣла съ полнымъ удовлетвореніемъ герцога. Стараться, чтобъ Россія непремѣнно включена была въ общую гарантію; если же представится затрудненіе по причинѣ Турокъ и Персіянъ, то его величество будетъ дово-

ленъ, если гарантія будетъ постановлена относительно однихъ европейскихъ его владѣній. Болѣе всего графъ Головкинъ долженъ быть въ согласіи съ цесарскими министрами, искать ихъ довѣренности и помогать имъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ, которыя не противны русскимъ интересамъ; потомъ долженъ искать довѣрія кардинала Флёри, особенно стараться провѣдать о намѣреніяхъ Франціи относительно Швеціи и Даніи; внушить кардиналу Флёри, что русскій императоръ вовсе не думаетъ заставлять Швецію возвести на престолъ герцога голштинскаго, предоставляя это дѣло волѣ Божіей и склонности шведскаго народа; возбудить въ крадиналѣ подозрѣніе относительно замысловъ Англіи въ Швеціи. Съ министрами англійскими долженъ имѣть политическое дружеское обхожденіе, объявлять имъ, что съ русской стороны никакой причины къ озлобленію не подано, у обоихъ государствъ нѣтъ причины другъ другу завидовать, и потому могутъ находиться въ вѣчной дружбѣ [193].

Болѣе всего Головкинъ долженъ былъ дѣйствовать въ согласіи съ цесарскими министрами. Ланчинскій началъ свои донесенія новому императору извѣстіемъ о радости, въ какой находится Вѣнскій дворъ, начиная съ цесаря и цесаревы, что племянникъ послѣднихъ занялъ русскій престолъ, и хотя копія съ завѣщанія Екатерины и не была еще получена въ Вѣнѣ, но уже толковали, что оно написано во всемъ предусмотрительно и основательно, и только по волѣ Божіей скипетръ перешелъ изъ одной руки въ другую и спокойствіе русскаго государства упрочено. Ланчинскій, именемъ новаго имератора, повторялъ о высокомъ почитаніи его къ цесарю и цесаревѣ и о истинномъ намѣреніи не только сохранять прежнюю дружбу, но и еще болѣе укрѣплять ее. Но вслѣдъ затѣмъ Ланчинскій донесъ своему двору, что въ Вѣнѣ *безплодность* въ дѣлахъ еще продолжается; ограничивались увѣреніями, что цесарь намѣренъ на конгрессѣ стараться прилежно о шлезвигскомъ дѣлѣ, и выражали увѣренность, что на конгрессѣ ни Гибралтаръ за Англіею, ни Шлезвигъ за Даніею остаться не могутъ. Въ доказательство своей тѣсной связи съ Вѣнскимъ дворомъ, русское правительство велѣло Ланчинскому объявить цесарскимъ министрамъ, что со стороны Англіи сдѣланы предложенія о прекращеніи несогласій, но что со стороны Россіи не дано еще никакого рѣшительнаго отвѣта, ибо императоръ будетъ

ждать совѣта римскаго цесарскаго величества, какъ при настоящихъ конъюктурахъ поступить? Принцъ Евгеній отвѣчалъ: «И намъ Англичане дѣлаютъ предложенія въ разныхъ мѣстахъ, однако не видимъ ихъ прямого намѣренія, и знаемъ, что въ то же время они дѣлаютъ цесарю всевозможныя непріятности. Съ русской стороны надобно зрѣло разсудить, что Англичане отторгнули отъ русскаго союза Швецію, деньгами и интригами приклонили ее къ ганноверскому союзу, и безпрестанно при шведскомъ дворѣ куютъ противъ интересовъ русскихъ; герцога голштинскаго гонятъ несносно, и не только стараются отнять у него всякую надежду на шведскій престолъ, но, что хуже всего, стараются приготовить путь къ этому престолу для одного изъ своихъ принцевъ. Прошлаго года съ такою гордостію присылали въ Балтійское море эскадру, и если не сдѣлали никакого вреда, такъ только потому, что нашли Россію въ готовности отражать силу силою. Какъ же такія великія противности могутъ они загладить тѣмъ, что пришлютъ къ русскому двору министра? Всего лучше вамъ удержаться отъ отвѣта на англійскія предложенія и смотрѣть на обращеніе конъюнктуръ». Послѣ этого русскій дворъ считалъ себя въ правѣ требовать, чтобъ между нимъ и вѣнскимъ дворомъ произошло полное соглашеніе насчетъ того, какъ ихъ уполномоченнымъ дѣйствовать на суассонскомъ конгрессѣ, чтобъ на основаніи этого соглашенія можно было и дать инструкцію русскому уполномоченному; Ланчинскій требовалъ у австрійскихъ министровъ, чтобъ они объявили ему, какъ они намѣрены дѣйствовать на конгрессѣ относительно русскихъ интересовъ, именно гарантіи русскихъ владѣній и вознагражденія герцога голштинскаго. Министры отвѣчали уклончиво, что у нихъ еще нѣтъ системы относительно дѣйствій на конгрессѣ, что все должно зависѣть отъ хода переговоровъ, но что цесарь, съ своей стороны, употребитъ всѣ старанія для удовлетворенія желаніямъ русскаго государя; къ этому отвѣту принцъ Евгеній прибавилъ, что Англія старается оттѣснить Россію отъ европейскихъ дѣлъ; Австрія же, наоборотъ, старается ввести ее въ европейскія дѣла.

Несмотря на уклончивость Австріи относительно русскихъ требованій, въ началѣ 1729 года Ланчинскій, по приказанію своего двора, долженъ былъ объявить цесарскимъ министрамъ отъ

имени своего государя, что каковъ бы ни былъ исходъ суассонскаго конгресса, русскій императоръ никогда не отступитъ отъ цесарскаго величества и всегда пребудетъ твердо и нерушимо при союзѣ съ нимъ. За это принцъ Евгеній отплатилъ объявленіемъ, что если дойдетъ до трактата относительно шлезвигскаго дѣла, то въ этомъ трактатѣ будетъ положено доброе основаніе и опредѣлится срокъ, въ который герцогу голштинскому должно быть дано удовлетвореніе, и что цесарь ни на что не согласится прежде, чѣмъ русскій государь и герцогъ голштинскій заявятъ, что довольны рѣшеніемъ дѣла; Ланчинскому указывали надежду на благопріятный исходъ голштинскаго дѣла въ томъ, что Франція и Англія хотя и гарантировали датскому королю обладаніе Шлезвигомъ, однако признали, что герцогу голштинскому надобно дать вознагражденіе. Въ Россіи желали, чтобъ суассонскій конгрессъ кончился генеральнымъ и формальнымъ трактатомъ, а не какимъ-нибудь провизіональнымъ актомъ, ибо для Россіи и Австріи всего важнѣе порвать ганноверскій союзъ, а этого можно достигнуть только въ первомъ случаѣ. На представленія Ланчинскаго объ этомъ принцъ Евгеній отвѣчалъ: «Какъ это сдѣлать, чтобъ ганноверскій союзъ разорвался? Какъ союзникамъ ганноверскимъ запретить, чтобъ и послѣ формальнаго трактата они не продолжали оставаться въ прежнемъ союзѣ»? Другіе министры прибавляли, что какъ цесарю никто не можетъ запретить, послѣ какого бы то ни было суассонскаго трактата, оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ съ своими союзниками, такъ и ганноверскимъ союзникамъ нельзя запретить оставаться при старыхъ обязательствахъ. Остерманъ по этому случаю писалъ Ланчинскому, что австрійскіе министры не поняли въ чемъ дѣло: если въ Суассонѣ будетъ заключенъ формальный трактатъ, прекращающій всѣ столкновенія, то Франція необходимо выйдетъ изъ ганноверскаго союза, ибо кому неизвѣстно, да и сами французскіе министры, не таясь, нашему послу не разъ говорили, что настоящія ихъ обязательства собственнымъ и естественнымъ французскимъ интересамъ противны, и что они ищутъ одного, какъ бы съ честію выйти изъ этихъ обязательствъ и снова получить свободныя руки поступать по натуральнымъ своимъ интересамъ.

Россія могла еще сквозь пальцы смотрѣть на уклончивость и неопредѣленность отвѣтовъ австрійскаго кабинета на вопросы не

первой важности для нея, ибо австрійскій союзъ считался необходимымъ по отношеніямъ турецкимъ и польскимъ, преимущественно первымъ; но австрійскій кабинетъ обнаруживалъ такую же уклончивость и относительно другой союзницы своей, Испаніи, которая не хотѣла смотрѣть на это сквозь пальцы, потому что испанскій дворъ, повинуясь желаніямъ королевы Елисаветы, настойчиво добавился испомѣщенія испанскихъ принцовъ въ Италіи; въ этомъ заключалась главная цѣль союза Испаніи съ императоромъ. Франція и Англія воспользовались медленностію, уклончивостію Австріи въ исполненіи желаній Испаніи и предложили послѣдней получить желаемое съ ихъ помощію. Испанскій дворъ принялъ предложеніе, и въ ноябрѣ 1729 года былъ заключенъ въ Севиллѣ договоръ между Испаніею съ одной стороны, Франціею, Англіею и Голландіею съ другой. Австрія осталась одна съ Россіею. Этотъ севилльскій договоръ измѣнилъ отношенія иностранныхъ министровъ при русскомъ дворѣ; испанскій посланникъ, герцогъ Лирія, который прежде дѣйствовалъ заодно съ австріскимъ посланникомъ графомъ Вратиславомъ, теперь сталъ дѣйствовать наперекоръ ему, хлопотать, чтобъ Россія не исполняла обязательствъ своего договора съ Австріею, не посылала своего войска на помощь цесарю.

Кромѣ дѣлъ западно-европейскихъ, предметомъ сношеній между обоими дворами были дѣла польскія, ибо въ Москву и Вѣну приходили извѣстія о стараніяхъ Швеціи и Франціи посадить по смерти Августа II-го на польскій престолъ Станислава Лещинскаго. На представленія Ланчинскаго по этому поводу графъ Цинцендорфъ отвѣчалъ, что Вѣнскій дворъ думаетъ, согласно съ русскимъ, что Польшу надобно удерживать при нынѣшнемъ ея состояніи безъ всякой перемѣны, Станислава Лещинскаго отъ польскаго престола отстранить непремѣнно, а потомъ, смотря по ходу дѣлъ, возвести на престолъ или наслѣднаго принца саксонскаго или Пяста; получено также извѣстіе, что нѣкоторые польскіе вельможи склонны къ брату португальскаго короля, инфанту дону-Эмануелю, но что, впрочемъ, о польскихъ дѣлахъ нужно сноситься и съ королемъ прусскимъ [194].

Въ Польшѣ на первомъ планѣ продолжало стоять курляндское дѣло. Ягужинскій былъ отозванъ изъ Варшавы еще при Екатеринѣ, оставивъ тамъ одного Бестужева, который въ первомъ до-

несеніи своемъ новому императору писалъ: «По полученіи извѣстія о кончинѣ ея величества, Поляки сильно загордились и начали явно говорить, что Курляндію дѣлить на воеводства; они льстили себя надеждою, что въ Россіи, при нынѣшнемъ случаѣ, произойдетъ смута, которою они воспользуются: чего желаютъ, тѣмъ себя и льстятъ. Я всякими мѣрами опровергаю эти ихъ разсужденія, и, получая академическія печатныя вѣдомости, давалъ имъ читать, чтобъ они могли видѣть, что, за помощію Всемогущаго, въ Россіи все тихо и благополучно.» Въ іюнѣ 1727 года Бестужевъ извѣщалъ, что Морицъ отправился въ Курляндію и, будучи въ Дрезденѣ, говорилъ польскимъ министрамъ, что изъ уваженія къ королю и для общаго блага готовъ отказаться отъ притязаній на титулъ герцога курляндскаго и ограничиться штатгалтерствомъ; если же и этого нельзя, то можетъ согласиться на такую сдѣлку: когда назначенная коммиссія прибудетъ въ Курляндію, то пусть его обнадежатъ, что будутъ избирательные воеводы, при чемъ онъ надѣется быть избраннымъ, а онъ за это обѣщаетъ склонить Курляндцевъ къ принятію предложеній коммиссіи, потому что пользуется между ними большою любовію и довѣріемъ.

Въ Россіи не хотѣли допустить ни одной изъ этихъ сдѣлокъ, и чтобъ отнять у Поляковъ поводъ распоряжаться въ Курляндіи, генералъ Леси, перейдя съ войскомъ Двину, выгналъ Морица изъ этой страны (въ августѣ 1727 г.). Но Морицъ и тутъ не хотѣлъ успокоиться относительно Россіи: въ ноябрѣ того же года присланный отъ него совѣтникъ Баконъ подалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ слѣдующія предложенія: такъ какъ Морицъ одинъ только можетъ удержать Поляковъ отъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, то если Россія признаетъ его герцогомъ курляндскимъ, онъ обяжется быть русскимъ данникомъ, будетъ платить ежегодно по 40,000 рублей до того времени, пока Курляндія формально приметъ покровительство Россіи и сдѣлается леномъ ея, при чемъ онъ, Морицъ, даетъ честное слово держать столько войска, сколько ему предпишетъ Россія. Въ началѣ 1728 года Бакону было объявлено, что предложеніе его не можетъ быть принято, и чтобъ онъ немедленно выѣхалъ изъ Россіи. Но въ то же самое время саксонскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему двору, что Минихъ поднялъ вопросъ о бракѣ Морица на цеса-

ревнѣ Елисаветѣ, и отправленіе Бакона Лефортъ объяснялъ такъ: «Всѣ разговоры съ Бакономъ и поспѣшность, съ какою его отправили, имѣютъ одинъ сокровенный смыслъ: ступайте и привозите его къ намъ.» Годъ слишкомъ Лефортъ манилъ Морица этимъ бракомъ, и только въ мартѣ 1729 года написалъ, что нѣтъ болѣе надежды. Но еще прежде предложенія Морицова изумило предложеніе стараго герцога Фердинанда, который объявилъ, что желаетъ вступить въ бракъ съ цесаревною Елисаветою или съ другою русскою принцессою. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили: относительно цесаревны Елисаветы отказать, предложить ему царевну Анну Ивановну, или, если не согласится, то сестру ея, царевну Прасковью.

Но возвратимся къ Курляндіи. Здѣсь Леси, по изгнаніи Морица, послалъ польскимъ коммиссарамъ объявленіе, чтобъ они удержались отъ вступленія въ Курляндію. На жалобы польскихъ министровъ Бестужевъ отвѣчалъ, что высылкою Морица императоръ сдѣлалъ угодное королю и Рѣчи Посполитой и поступилъ согласно съ своими интересами, ибо есть извѣстіе, что Морицъ имѣлъ сношеніе съ враждебными Россіи державами; притомъ онъ вступилъ въ Курляндію съ немалыми людьми и военною аммуниціею, получивъ отъ нѣкоторой державы значительную сумму денегъ; наконецъ онъ сталъ укрѣпляться на островѣ, поджидая къ себѣ еще людей; и потому, предупреждая вредныя слѣдствія этихъ поступковъ, императоръ распорядился согласно съ своими интересами и согласно союзному договору съ королемъ и Рѣчью Посполитою; что же касается до объявленія генерала Леси, чтобъ коммиссары не вступали въ Курляндію, то коммиссія назначена была для уничтоженія выборовъ графа Морица, а такъ какъ онъ со всѣми своими людьми высланъ изъ Курляндіи, то этимъ самымъ выборы уничтожены и въ коммиссіи нѣтъ болѣе никакой нужды. Въ разговорѣ съ великимъ канцлеромъ коронным Шембекомъ Бестужевъ объявилъ, что Россія не допуститъ до перемѣны формы правленія въ Курляндіи; а Шембекъ отвѣчалъ, что Рѣчь Посполитая по смерти герцога Фердинанда никогда не допуститъ до избранія новаго герцога, хотя бы изъ этого проистекли и дурныя послѣдствія.

Несмотря на объявленія Леси, польскіе коммиссары въѣхали въ Курляндію и начали свое дѣло; Леси протестовалъ. По этому

поводу Бестужевъ имѣлъ крупный разговоръ съ польскими министрами въ октябрѣ: «Для чего, кричали Поляки, генералъ Леси противъ нашей коммиссіи протестуетъ и такъ явно въ наши домашнія дѣла мѣшается! Еще мы вами не завоеваны, чтобъ вы могли законы намъ предписывать; мы объявимъ объ этомъ не только предъ всѣми дворами европейскими, но и при Портѣ.» Бестужевъ повторялъ одно, что Курляндія Польшею не завоевана, присоединилась добровольно, и Россія не можетъ допустить нарушенія въ ея правительственной формѣ; дѣло курлядское не домашнее польское, а публичное; Турокъ императоръ не боится, и эти угрозы Портою приносятъ Полякамъ болѣе стыда, чѣмъ чести и пользы. Въ Курляндіи образовались партіи: одна, желавшая сохранить старый порядокъ и потому державшаяся Россіи, хотѣвшей того же самого, и польская; коммиссары начали притѣснять членовъ первой и выдвигать на важныя должности членовъ второй, отставили ландгофмейстера Бринка, и должность его передали главному противнику Россіи, оберъ-бургграфу Костюшкѣ, католику; канцлера Кайзерлинга посадили подъ арестъ, и на его мѣсто канцлеромъ сдѣланъ Бракель, который орудовалъ морицовымъ дѣломъ. Въ ноябрѣ Бестужевъ представилъ польскимъ министрамъ, что коммиссары ихъ въ Курляндіи позволяютъ себѣ жестокости и насилія, нѣкоторые оберраты и депутаты сеймовые были содержаны подъ стражею, и оберраты поневолѣ должны были дать коммиссарамъ запись, что по смерти герцога Фердинанда не будутъ избирать себѣ новаго герцога и даже предъявлять право свое на избраніе. Противъ такихъ поступковъ генералъ Леси протестовалъ именемъ императорскимъ, а теперь онъ, Бестужевъ, объявляетъ, что императоръ никогда не допуститъ до измѣненія правительственной формы въ Курляндіи. Поляки отвѣчали: «Еслибы Курляндцы сами просили вашего государя о покровительствѣ и помощи, то была бы еще причина ему вступаться въ это дѣло; но такъ какъ просьбы никакой нѣтъ, то удивительно, что посторанняя держава въ наши домашнія дѣла хочетъ мѣшаться; что же касается до коммиссіи, то она не имѣетъ права что-либо установить въ Курляндіи; но должна о всемъ томъ, на чемъ согласится съ Курляндцами, донести сейму, который утвердитъ эти соглашенія или не утвердитъ».

Въ концѣ 1729 года Бестужевъ получилъ отъ своего двора

приказаніе не предлагать ничего болѣе польскимъ министрамъ о курляндскихъ дѣлахъ, но дожидаться сейма. Но сейма не было въ 1728 году по причинѣ болѣзни королевской, и всѣ дѣла остановились, кромѣ одного, о притѣсненіяхъ православнымъ отъ католиковъ. Въ началѣ 1728 года бѣлорусскій епископъ, князь Четвертинскій прислалъ императору подробное описаніе бѣдствій, которымъ подвергалась его епархія послѣ отзыва коммиссара Рудаковскаго: «Повелѣно было моему смиренію доносить о своихъ нуждахъ князьямъ Долгорукимъ, Василью Лукичу и Сергію Григорьевичу, бывшимъ тогда при польскомъ дворѣ; они старательно предлагали королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ насъ оставили въ покоѣ, но ничего не воспослѣдовало, только одни деклараціи. На сеймѣ 1726 года генералъ Ягужинскій прилагалъ неусыпный трудъ, чтобъ православнымъ была отрада, и получилъ декларацію, что наше дѣло должно окончиться на конференціяхъ. Теперь министръ Бестужевъ также всячески старается о насъ, но получаетъ одинъ отвѣтъ, что дѣло рѣшится на сеймѣ, а на сеймѣ о немъ ни полслова, отлагаютъ до конференцій. Прежде всего прошу, чтобъ г. Бестужевъ исходатайствовалъ позволеніе управлять по моей смерти бѣлорусскою епархіею назначенной отъ меня особѣ до тѣхъ поръ, пока изберутъ другаго епископа, ибо многіе уніаты уже теперь стараются получить привилегію и восхитить престолъ бѣлорусскій; чтобъ выданъ былъ королевскій универсалъ, запрещающій обижать православныхъ и отбирать у нихъ церкви, пока не назначатъ къ сейму коммиссаровъ для разсмотрѣнія обидъ; прошу о присылкѣ въ Могилевъ русскаго коммиссара, потому что прежній былъ великою помощію для православныхъ; прошу дать указъ изъ св. Синода, чтобъ архіепископъ кіевскій не вступался въ мою епархію, равно какъ и другіе архіереи.»

Эта просьба была послѣдняя: 13 февраля 1728 года князь Четвертинскій скончался; духовенство немедленно избрало игумена Гедеона Шишку намѣстникомъ и архидіакона Каллиста Заленскаго администраторомъ бѣлорусской епископіи; но могилевскій магистратъ обратился къ кіевскому архіерею съ просьбою назначить намѣстника и съ жалобою на Заленскаго, что онъ при жизни епископа Сильвестра ссорился съ городомъ и братствомъ, и теперь сильно вредитъ вѣрѣ благочестивой, потому что въ немъ

нѣтъ ни вѣры, ни благочестія, ни правды, одинъ обманъ и лесть, старается всячески высвободиться изъ-подъ власти кіевскаго архіерея; магистратъ просилъ, чтобъ духовенство не дѣлало ничего безъ горожанъ, которымъ должно быть предоставлено свободное избраніе достойнаго въ епископы. Такую же жалобу магистратъ отправилъ и прямо въ Синодъ, называя Заленскаго волкомъ въ кожѣ овчей, приписывая ему то, что церковь каѳедральная, сдѣланная изъ досокъ, гніетъ, тогда какъ онъ на ея строеніе собираетъ большія деньги съ вѣнечныхъ памятей; священники, угнетаемые имъ, обращаются въ унію; а кіевскій архіерей доносилъ Синоду, что Заленскій хочетъ похитить могилевское епископство и отступить отъ православія, при чемъ многіе знатныя особы изъ католиковъ и шляхты стоятъ за него.

Синодъ передалъ дѣло въ Верховный Тайный Совѣтъ, который въ маѣ 1728 года отправилъ въ Могилевъ смоленскаго шляхтича Швейковскаго, приказавъ ему увидаться наединѣ съ архидіакономъ Заленскимъ и сказать ему, что при императорскомъ дворѣ онъ, архидіаконъ, извѣстенъ какъ человѣкъ управлявшій лѣтъ 20 всѣми дѣлами епархіи при прежнемъ епископѣ, и потому пріѣхалъ бы онъ самъ въ Москву для донесенія, какого бы человѣка добраго, благочестиваго и вѣры православной блюстителя выбрать на епископію бѣлорусскую. Потомъ Швейковскій долженъ былъ развѣдать пристойнымъ образомъ, кто изъ членовъ магистрата люди постоянные и православія ревнители, и поговорить съ такими тайно, чтобъ архидіаконъ не узналъ, сказать имъ, что прошенія ихъ приняты милостиво императоромъ, который приказалъ узнать, кого они изъ своихъ духовныхъ считаютъ достойнымъ епископства, чтобъ русскому двору можно было помочь такому при избраніи и утвержденіи королевскомъ. Наконецъ Швейковскій долженъ былъ въ Могилевѣ и въ другихъ мѣстахъ распросить у православныхъ русскихъ людей, духовныхъ и мірскихъ, въ чемъ между духовными и свѣтскими людьми, и особливо между магистратомъ и архидіакономъ распря, и каковъ самъ архидіаконъ въ благочестіи и духовномъ правленіи, можно ли ему вѣрить?

Въ августѣ воротился Швейковскій изъ Бѣлоруссіи и донесъ, что магистратъ между могилевскими духовными не знаетъ ни одного достойнаго человѣка и проситъ прислать къ нимъ кого-ни-

будь отъ Синода или изъ Кіева. Въ то же время пріѣхалъ въ Москву и Заленскій, привезъ письмо отъ всего духовенства, которое заявляло о достоинствахъ архидіакона и просило вѣрить ему во всемъ. Такъ какъ Могилевцы, не имѣя на кого указать изъ своихъ, избраніе епископа предоставили Синоду, то въ Москвѣ и выбранъ былъ межигорскій архимандритъ Арсеній Берло, и для прекращенія усобицы рѣшено было, что Заленскій не возвратится болѣе въ Могилевъ. Но смута этимъ не прекратилась: новый епископъ писалъ въ Москву, что прибытіе его въ Могилевъ тамошнимъ жителямъ и особенно братству непріятно, съ братствомъ заодно и бывшій намѣстникъ Гедеонъ Шишка, и вскорѣ по пріѣздѣ его, епископа Арсенія, явились на него пасквили, противъ чего онъ протестовалъ въ могилевской ратушѣ, объявивъ, что этотъ позоръ терпитъ онъ отъ Шишки. Арсеній писалъ также, что ругатели вѣры православной грозятъ его убить; шляхта въ селахъ и городахъ православныя церкви насильно отторгаетъ къ уніи. Іезуиты могилевскіе, имѣя у себя въ школѣ двухъ воспитанниковъ, сыновей знатныхъ горожанъ могилевскихъ, совратили было ихъ въ свою римскую церковь; стараніемъ игумена Братскаго монастыря Сильвестра мальчиковъ отняли у іезуитовъ и снова присоединили къ православію; но за это католическій епископъ позвалъ къ суду игумена и русскихъ горожанъ; епископъ прибавлялъ что всѣ эти затрудненія и бѣдствія дѣлаются по интригамъ Каллиста Заленскаго, бывшаго архидіакона могилевскаго. Канцлеръ графъ Головкинъ отвѣчалъ Арсенію, что напрасно онъ нарекаетъ на Гедеона Шишку, человѣка честнаго и заявившаго о своемъ расположеніи къ нему, Арсенію, что пасквили написаны врагами православія, и не слѣдовало ему жаловаться на нихъ въ ратушѣ, но оставить ихъ безъ вниманія, ибо въ тамошнемъ вольномъ государствѣ много того бываетъ, поляки иногда и на своихъ государей пишутъ пасквили, но такихъ злодѣевъ сыскать нельзя; о гоненіяхъ на православіе должно писать къ русскому посланнику въ Варшавѣ; интригъ отъ Каллиста Заленскаго никакихъ быть не можетъ, потому что онъ самъ не захотѣлъ возвращаться въ Могилевъ и уже поставленъ архимандритомъ въ Межигорскій монастырь: «Ваше преосвященство, писалъ Головкинъ, должны сноситься съ Заленскимъ и требовать его совѣта, потому что вы еще теперь не можете узнать тамошнихъ людей; да и съ Гедеономъ Шиш-

кою извольте пріятно обходиться, какъ съ человѣкомъ знающимъ всѣ тамошнія дѣла, и совѣтоваться съ нимъ.»

Избранный въ Москвѣ Арсеній Берло не могъ въ Могилевѣ называться епископомъ, и назывался только номинатомъ до полученія королевскаго утвержденія. Объ этомъ утвержденіи долженъ былъ хлопотать снова отправленный въ Варшаву въ качествѣ полномочнаго министра, князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій, хотя Михайла Бестужева и оставили тамъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Въ началѣ 1729 года Долгорукій писалъ: «О епископѣ бѣлорусскомъ хотя чаю быть не безъ трудности, дабы изъ кіевскихъ архимандритовъ позволили, однакожъ всемѣрно стараться буду.» При свиданіи съ примасомъ Потоцкимъ, Долгорукій объявилъ ему, что онъ присланъ для обнадеженія короля и республики непремѣнною дружбою; императоръ не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ въ королевствѣ польскомъ, имѣетъ только одинъ общій съ Рѣчью Посполитою интересъ, именно, чтобъ она въ своихъ правахъ и вольностяхъ была ненарушима во вѣки; посланникъ прибавилъ, что императоръ особенно уважаетъ его, примаса, лично и всю его фамилію. Поблагодаривши за это, примасъ началъ говорить, что короля очень долго нѣтъ въ Польшѣ; жаловался, что Августъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ, что̀ возбуждаетъ подозрѣніе, не постановили ли они чего-нибудь противнаго вольности польской и не было бы сдѣлано какого насилія относительно королевскаго избранія. Посланникъ, именемъ своего государя, обнадежилъ, что въ такомъ случаѣ Россія будетъ помогать Рѣчи Посполитой, равно какъ и Австрія. Потоцкимъ очень не нравилось возвышеніе Понятовскаго, котораго король прочилъ въ гетманы. Возвышеніе Понятовскаго, по его отношеніямъ къ Швеціи и Лещинскому, не нравилось и Россіи, и потому Долгорукій долженъ былъ дѣйствовать сообща съ Потоцкими, въ чемъ ихъ и обнадеживалъ. Брату примасову, маршалку надворному Потоцкому, хотѣлось быть гетманомъ, хотѣлось и короны; но Долгорукій писалъ къ своему двору: «Для интересовъ вашего величества, ни Лещинскаго, ни Потоцкихъ не надобно, а по моему рабскому разсужденію, годнѣе всѣхъ въ гетманы кто-нибудь изъ князей Вишневецкихъ.

Свиданіе польскаго и прусскаго королей сильно безпокоило и польскихъ вельможъ и русскаго посланника. Долгорукій отпра-

вился въ Дрезденъ, и оттуда давалъ знать въ Москву о трактатѣ, будто бы заключенномъ между Саксоніею и Пруссіею, по которому Пруссія обязалась помогать возведенію саксонскаго наслѣднаго принца на польскій престолъ, за что получитъ польскую Пруссію, а прусскій король обѣщалъ отдать свои швейцарскія владѣнія Морицу вмѣсто Курляндіи; если же Пруссіи нельзя будетъ получить польской Пруссіи, то король Августъ обязался уступить ей часть Лузаціи. Долгорукій не сомнѣвался въ существованіи подобнаго трактата: «Понеже, писалъ онъ, нужнѣе прусскому двору польскіе Пруссы, нежели кусокъ въ Швейцарахъ. Дворъ здѣшній, повидимому, никогда надеженъ не былъ на свои прогрессы какъ нынѣ, и во всѣхъ компаніяхъ говорятъ почти публично и уже какъ бы заподлинно, что королевичъ королемъ будетъ въ Польшѣ.» Изъ Москвы успокоивали Долгорукаго: «Есть ли какія секретныя обязательства между королями польскимъ и прусскимъ насчетъ польскаго престола, о томъ до сего времени подлинно провѣдать мы не могли, и можно думать, что такихъ обязательствъ нѣтъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, при нынѣшнемъ министерствѣ прусскомъ за такую химеру, какъ пріобрѣтеніе польской Пруссіи, не возьмутся, ибо никто изъ сосѣдей не допуститъ, чтобъ польская Пруссія была оторвана отъ Рѣчи Посполитой, особливо цесарь никогда на это не согласится; несмотря на то, надобно вамъ стараться подлинно провѣдывать о тайныхъ обязательствахъ между двумя дворами, чтобъ мы могли заблаговременно свои мѣры взять.» Но Долгорукій не успокоивался, и причиною безпокойства выставлялъ сильный наборъ войска въ Саксоніи и небывалую прежде дружбу съ Пруссіею; а возвратившись въ Варшаву, посланникъ доносилъ, что здѣсь всѣ убѣждены насчетъ трактата между Саксоніею и Пруссіею о возведеніи наслѣднаго принца саксонскаго на польскій престолъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ открылся сеймъ въ Гроднѣ: «Неимовѣрно, писалъ Долгорукій, съ какимъ желаніемъ король и всѣ придворные сторонники стремятся доставить гетманскую булаву Понятовскому, не жалѣя ни труда, ни денегъ, всѣ единодушно, кромѣ фамиліи Потоцкихъ, князя Сангушки и гетмана литовскаго Потѣя, которые со мною чрезвычайно сблизились; я обѣщаю Потоцкимъ милость вашего величества и вспоможеніе для полученія гетманства члену ихъ фамиліи; надѣюсь, что королю ни въ чемъ не бу-

детъ успѣха и сеймъ скоро разорвется, потому что, по рабской моей должности, неусыпное стараніе имѣю, и на сеймикахъ нѣкоторыхъ пословъ избрать помогъ пристойными дачами.» Сеймъ разорвался [195].

Въ Швеціи послѣ отъѣзда князя Василья Лукича Долгорукаго остался попрежнему въ званіи чрезвычайнаго посланника графъ Николай Головинъ. Онъ началъ свои донесенія новому императору жалобами на холодность, какую оказывало ему шведское правительство. Какой-то благонадежный другъ за великую конфиденцію сказывалъ Головину, что шведское министерство ищетъ всякаго способа, какъ бы заставить русскій дворъ объявить Швеціи войну, чтобъ можно было приписать Россіи начало враждебнаго движенія, и такимъ образомъ, въ силу договора о приступленіи къ ганноверскому союзу, требовать помощи отъ Франціи и Англіи. Съ русскимъ посланникомъ обходились холодно, а присланнаго отъ султана агу осыпали ласками. Графъ Горнъ съ товарищи вездѣ разглашалъ, что теперь самое благопріятное время для отобранія у Россіи завоеваній Петра Великаго. Отправили шведскому посланнику въ Петербургѣ Цедеркрейцу приказаніе объявить русскимъ министрамъ, что шведское правительство не будетъ давать ихъ государю императорскаго титула, если Россія не уступитъ Швеціи Выборгъ. Но Цедеркрейцъ отвѣчалъ, что такое предложеніе теперь дѣлать неудобно, потому что правительство въ Россіи идетъ порядочно, никакой смуты нѣтъ и впередъ ожидать нельзя, войско въ хорошемъ состояніи, и хотя относительно флота есть упущенія, однако все можно исправить въ непродолжительное время. Эти донесенія заставили перемѣнить тонъ: Горнъ чрезъ своихъ сторонниковъ началъ разглашать, что такъ какъ теперь герцогъ голштинскій и его министры удалены изъ Россіи, то этимъ всѣ столкновенія между русскимъ и шведскимъ дворами прекращаются. Въ сентябрѣ Головинъ сообщилъ любопытное извѣстіе: «Здѣсь недоброжелательные къ Россіи люди очень жалѣютъ объ удаленіи князя Меншикова отъ двора, говорятъ явно, что они потеряли въ своихъ намѣреніяхъ великаго патрона.» Въ то же время Головинъ далъ знать, что къ турецкому агѣ пріѣзжали министры англійскій и французскій, и говорили, чтобъ онъ отписалъ своему двору о необходимости приготовляться къ войнѣ съ Россіею и цесаремъ. Война должна быть начата будущею вес-

ною, когда Швеція, съ помощію англійскаго и французскаго флотовъ, нападетъ на Россію. Ага дѣйствительно написалъ объ этомъ къ Портѣ, за что получилъ отъ англійскаго и французскаго министровъ 2000 червонныхъ. Горнъ и сенаторъ Дибинъ, съ своей стороны, говорили агѣ, что если по его старанію Порта объявитъ войну Россіи, то онъ получитъ отъ шведскаго правительства 10.000 червонныхъ, а въ задатокъ подарили ему 1000 червонныхъ и мѣхъ соболій. Надежный пріятель сказалъ Головину, что какъ скоро турецкій ага выѣдетъ изъ Стокгольма, то король пошлетъ отъ себя къ Портѣ въ званіи чрезвычайнаго посланника Нейгебауера, который уже былъ тамъ министромъ при Карлѣ XII. Головинъ доносилъ, что такъ-называемые доброжелательные, баронъ Цедергельмъ и графъ Тесинъ, просятъ пенсіоновъ, выставляя на видъ, что пострадали за приверженность къ Россіи; къ этимъ двоимъ Головинъ прибавлялъ также графа Дикера; но въ Россіи противъ его донесенія замѣтили: «Мнится, что хотябъ и дать на годъ на другой по нѣскольку, когда усмотримъ, какъ наши дѣла съ Швеціею обойдутся.» Въ Швеціи также дожидались, какъ дѣла въ Россіи обойдутся. Головинъ доносилъ, что графъ Горнъ и его партія безстыдно льстятъ себя надеждою, что въ Россіи будетъ бунтъ и царь намѣренъ вовсе оставить Петербургъ и жить въ Москвѣ.

Но въ концѣ 1727 года вѣтеръ перемѣнился: король принялъ Головина чрезвычайно милостиво, и было узнано, что съ двухъ сторонъ, изъ Англіи и изъ Франціи, пришли внушенія не ссориться съ Россіею до времени. Горнъ также началъ разсыпаться въ увѣреніяхъ насчетъ своей преданности къ Россіи, и объявилъ, что въ скоромъ времени представитъ доказательства этой преданности. Впрочемъ Горнъ имѣлъ и другія побужденія перемѣнить обращеніе съ Головинымъ: онъ разладилъ съ королемъ; а король продолжалъ ласкать турецкаго агу, подъущая его писать къ Портѣ противъ Россіи, именно, что скоро будетъ бунтъ на Украйнѣ, и Порта можетъ воспользоваться этимъ случаемъ для приведенія Украйны подъ свою власть, а Швеція въ это время отберетъ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области.

Въ началѣ 1728 года Головинъ доносилъ, что вражда между королемъ и Горномъ день ото дня увеличивается, и Горнъ соединяется съ русскимъ сторонникомъ, фельдмаршаломъ графомъ

Дикеромъ для поддержанія шведской вольности, угрожаемой королемъ. На это извѣщеніе посланникъ получилъ отвѣтъ изъ Россіи: «Вражду между графомъ Горномъ и королемъ содержать, и, ежели возможно, еще умножать весьма-бъ полезно было; но потребно будетъ въ томъ со всякою осторожностію поступать.» — «Буду объ этомъ стараться, писалъ Головинъ, только надобно имѣть нѣкоторую сумму денегъ для раздачи фаворитамъ графа Горна, чтобъ они побуждали его къ бóльшей ссорѣ съ королемъ; теперь время перетянуть Горна на русскую сторону, и сдѣлать это легко, заплативши ему 12.000 ефимковъ, которые долженъ ему герцогъ голштинскій, потому что при послѣднемъ свиданіи графъ Горнъ упоминалъ мнѣ объ нихъ, ставя себѣ въ обиду, что герцогъ не отдаетъ ему долга.»

Въ ноябрѣ 1728 года пріѣхалъ въ Стокгольмъ на побывку бывшій въ Петербургѣ посланникомъ баронъ Цедеркрейцъ и донесъ королю, что сухопутное войско русское находится въ добромъ порядкѣ и можетъ выступить въ походъ по объявленіи указа въ три дня; касательно галернаго флота объявилъ, что хотя каждый годъ строится по нѣскольку галеръ, однако теперь галерный флотъ передъ прежнимъ сильно уменьшается, а корабельный флотъ приходитъ въ прямое разореніе, потому что старые корабли, находящіеся въ Кронштадтѣ, всѣ гнилы и на будущій годъ изъ кронштадтской гавани больше четырехъ или пяти линейныхъ кораблей вскорѣ вывести нельзя, а постройка новыхъ кораблей ослабѣла, потому что при отъѣздѣ его только два или три линейныхъ корабля при петербургскомъ адмиралтействѣ на штапеляхъ были, изъ которыхъ одинъ къ будущей осени можетъ быть готовъ; въ адмиралтействѣ такое несмотрѣніе, что флотъ и въ три года нельзя привести въ прежнее состояніе, а объ этомъ приведеніи въ прежнее состояніе и не думаютъ. Но разсказы объ упадкѣ русскаго флота не могли успокоить короля, когда въ то же время давали знать, что сухопутное войско въ порядкѣ, слѣдовательно Финляндія не можетъ быть безопасна. Король удивилъ Головина своимъ ласковымъ обхожденіемъ и высказываніемъ желанія сблизиться съ Россіею; посланникъ приписывалъ это сближенію своему съ графомъ Горномъ и неудовольствію Шведовъ на Англичанъ; но, какъ видно, была еще другая важнѣйшая причина: придворная партія интриговала, чтобъ брату королевскому, гессенъ-

кассельскому принцу Георгію, данъ былъ въ Швеціи чинъ генералъ-фельдцейгмейстера и такимъ образомъ проложенъ былъ путь къ престолу шведскому; но такъ какъ права голштинскаго дома на шведскій престолъ поддерживались Россіею, то король хотѣлъ сблизиться съ русскимъ дворомъ, въ надеждѣ, что императоръ для дружбы съ Швеціею откажется отъ покровительства герцогу голштинскому. Головинъ доносилъ, что голштинская партія слабѣетъ, вопервыхъ отъ того, что членамъ ея не выплачиваются пенсіоны, а вовторыхъ, отъ высокомѣрнаго обращенія голштинскаго резидента въ Стокгольмѣ Рейхеля, котораго перемѣнить нѣтъ надежды, потому что онъ зять Бассевича.

Предложеніе о назначеніи гессенскаго принца фельдцейгмейстеромъ не прошло въ Сенатѣ; но король все продолжалъ заискивать дружбу русскаго императора. Въ апрѣлѣ 1729 года онъ отозвалъ Головина въ свой кабинетъ и объявилъ, что желаетъ возстановленія дружбы и тѣснаго союза между Россіею и Швеціею, распространялся въ похвалахъ Петру II, мудрости его правленія, и въ заключеніе сказалъ, что получены вѣрныя извѣстія о намѣреніи императора предпринять лѣтомъ путешествіе въ Германію, и если ему угодно будетъ ѣхать чрезъ Кассель, то онъ, король, сильно желалъ бы тамъ съ нимъ повидаться. Но возстановленіе дружбы и союза зависѣло не отъ одного короля; а Горнъ объявилъ Головину, что это возстановленіе произойдетъ, когда Россія поможетъ Швеціи въ ея денежныхъ нуждахъ, именно заплатитъ за нее голландскій долгъ, и при этомъ давалъ знать, что и онъ долженъ получить за свои труды вознагражденіе. О голландскомъ долгѣ сказалъ Головину и самъ король. На донесенія объ этомъ Головинъ получилъ такой отвѣтъ изъ Москвы: «Что надлежитъ до голландской претензіи, то вовсе въ томъ не отказывай, но и не обязывайся платежемъ, а подъ пристойными предлогами отводи дѣло вдаль, ибо надлежитъ и намъ смотрѣть, какимъ образомъ Швеція впередъ будетъ поступать относительно насъ, особливо когда сеймъ будетъ» [196].

Легко понять, что извѣстіе о вступленіи на престолъ Петра II-го нигдѣ не было принято съ такимъ восторгомъ какъ въ Даніи. Ал. Петр. Бестужевъ, описывая въ своихъ донесеніяхъ этотъ восторгъ, прибавляетъ: «Король надѣется получить вашу дружбу и готовъ искать ее всевозможными способами, прямо и посред-

ствомъ цесаря; впрочемъ здѣшній дворъ съ безпокойствомъ ждетъ извѣстія, герцогъ голштинскій попрежнему ли будетъ присутствовать въ вашемъ Тайномъ Совѣтѣ, ибо въ такомъ случаѣ король датскій не можетъ поступать откровенно съ вашимъ величествомъ, и, не получа искренней вашей дружбы, не можетъ потерять дружбу королей французскаго и англійскаго; вотъ почему хотя здѣшній дворъ и не хочетъ отпустить свою эскадру въ море, тѣмъ менѣе соединить ее съ англійскою, однако долженъ въ запасъ приберегать связь съ Англіею и Франціею, и, чтобъ выманить субсидіи, велѣлъ тремъ полкамъ выступить въ Голштинію.» Герцогъ голштинскій выѣхалъ изъ Россіи, и датскій дворъ успокоился, объявляя на всѣ стороны, что хочетъ держаться строгаго нейтралитета [197].

Въ Пруссіи, въ іюлѣ 1727 года, Головкинъ замѣтилъ любопытную перемѣну во взглядѣ на польскія дѣла. Когда русскій министръ, по обыкновенію, началъ говорить Фридриху Вильгельму, что въ случаѣ смерти Августа II-го, по требованію общихъ интересовъ Россіи и Пруссіи, надобно хлопотать о возведеніи на польскій престолъ какого-нибудь шляхтича, то король отвѣчалъ: «Я и самъ того же мнѣнія; но если, паче чаянія, въ Польшѣ образуются двѣ сильныя партіи, саксонская и Станислава Лещинскаго, то лучше будетъ поддерживать саксонскую партію, чѣмъ станиславову.» Перемѣна объяснялась тѣмъ, что Франція и Англія съ своими союзниками начали стараться о возведеніи на престолъ Лещинскаго, что̀ было бы вредно для Пруссіи и всей германской имперіи, потому что Станиславъ будетъ всегда держаться Франціи и Англіи; и для общихъ интересовъ полезнѣе было бы, чтобъ наслѣдный принцъ саксонскій сталъ королемъ польскимъ, ибо онъ удобнѣе можетъ преодолѣть сторонниковъ Лещинскаго, чѣмъ пястъ. Но, разумѣется, Пруссія не хотѣла помогать Саксоніи даромъ, и та обѣщала ей не выкупать Эльбингскаго округа, но оставить его въ вѣчномъ владѣніи Пруссіи. Касательно курляндскаго дѣла прусскіе министры прямо говорили Головкину: «Если нашему принцу нельзя быть въ Курляндіи, то зачѣмъ намъ и вмѣшиваться въ дѣла этой страны; намъ пріятнѣе, чтобъ это герцогство раздѣлено было на воеводства, чѣмъ досталось такому принцу, который не былъ бы склоненъ къ нашей сторонѣ.» Между тѣмъ прусскій посланникъ Мардефельдъ сдѣлалъ Петербург-

15*

скому кабинету также предложеніе относительно кандидатуры наслѣднаго принца саксонскаго въ Польшѣ. Головкинъ, по указу своего двора, объявилъ лично королю, что такая перемѣна въ прусской политикѣ не *безудивительна* для русскаго императора, который думаетъ, что къ этимъ саксонскимъ намѣреніямъ надобно относиться осторожно. Король отвѣчалъ: «Теперь образовались въ Европѣ двѣ партіи: цесарская и французская; Польша должна непремѣнно пристать къ одной изъ нихъ, и потому надобно заранѣе принять въ разсужденіе, какая партія общимъ интересамъ можетъ быть полезнѣе, а я думаю, что наслѣдный принцъ саксонскій, принадлежащій къ цесарской партіи, гораздо полезнѣе Лещинскаго, который втянетъ Польшу во французскую партію.» Головкинъ замѣтилъ на это, что не слѣдуетъ необходимо предполагать приступленія Польши къ какой-нибудь изъ европейскихъ партій; Польша живетъ особнякомъ, и при избраніи короля будетъ смотрѣть на свои интересы, а между тѣмъ и европейскія отношенія могутъ перемѣниться; его величество можетъ самъ разсудить, какъ полезно будетъ для Россіи и Пруссіи, если на польскій престолъ вступитъ король, у котораго будетъ 20.000 и больше собственнаго войска, и какія бы выгодныя условія ни были предложены Пруссіи со стороны Саксоніи, всѣ эти условія химерическія и никогда исполнены быть не могутъ. Король отвѣчалъ, что если императоръ не желаетъ видѣть саксонскаго наслѣднаго принца на польскомъ престолѣ, то и онъ, король, не дастъ на это своего согласія и будетъ свято соблюдать договоры съ Россіею [198].

Еще въ царствованіе Екатерины, въ 1725 году, отправленъ былъ въ Китай иллирійскій графъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Савва Владиславичъ Рагузинскій: «Понеже съ китайской стороны для приключившихся пограничныхъ нѣкоторыхъ несогласій не токмо съ Россійскою имперіею отправленіе купечества пресѣчено и по прежнему обыкновенію отправленный россійскій караванъ въ Китай не пропускается, но и агентъ Лоренцъ Лангъ, бывшій при дворѣ хановѣ въ Пекинѣ и всѣ россійскіе купецкіе люди изъ китайскаго владѣнія предъ двумя годами высланы, а наиглавнѣйшая съ китайской стороны претензія и домогательство чинится въ разграниченіи земель и объ отдачѣ перебѣжчиковъ.» Какъ Владиславичъ началъ свое трудное дѣло,

видно изъ доношенія его, присланнаго изъ Иркутска въ маѣ 1726 года: «По прибытіи въ Тобольскъ, трудился я сколько могъ въ тамошней канцеляріи для пріисканія вѣдомостей о бѣглецахъ, о границахъ и о прочемъ, и что̀ могъ собрать, то взялъ съ собою, хотя ничего въ подлинномъ совершенствѣ получить не могъ за худымъ управленіемъ прежнихъ губернаторовъ и комендантовъ и за такимъ дальнимъ разстояніемъ мѣстъ и разности народовъ. Пріѣхавши въ Иркутскъ, получилъ я письма отъ агента Ланга изъ Селенгинска и при нихъ ландкарту нѣкоторой части пограничныхъ земель. Эту ландкарту я осмотрѣлъ подробно и увидалъ, что изъ нея мало пользы будетъ, потому что въ ней кромѣ рѣки Аргуна ничего не означено, а разграничивать нужно въ немалыхъ тысячахъ верстъ на обѣ стороны. Увидѣлся я здѣсь съ четырьмя геодезистами, которые посланы для сочиненія ландкартъ сибирскимъ провинціямъ, и отправилъ двоихъ изъ нихъ для описанія тѣхъ земель, рѣкъ и горъ, которыя начинаются отъ рѣки Горбицы до Каменныхъ горъ, и отъ Каменныхъ горъ до рѣки Уди, потому что при графѣ Головинѣ все это осталось не разграниченнымъ. Другихъ же двоихъ геодезистовъ отправилъ я вверхъ по Иркуту рѣкѣ, которая изъ степей монгольскихъ течетъ подъ этотъ городъ, и оттуда велѣлъ имъ изслѣдовать пограничныя мѣста до рѣки Енисея, гдѣ Саянскій камень, и до рѣки Абакана, которая близь пограничнаго города Кузнецка; также велѣно имъ ѣхать по Енисею рѣкѣ за Саянскій камень до вершинъ. Всѣ пограничныя крѣпости—Нерчинскъ, Иркутскъ, Удинскъ, Селенгинскъ находятся въ самомъ плохомъ состояніи, все строеніе деревянное и отъ ветхости развалилось, надобно ихъ хотя полисадами укрѣпить для всякаго случая. И Китайцы люди не служивые, только многолюдствомъ и богатствомъ горды, и не думаю, чтобъ имѣли намѣреніе съ вашимъ величествомъ воевать; однако разсуждаютъ, что Россія имѣетъ необходимую нужду въ ихъ торговлѣ, для полученія которой сдѣлаетъ все по ихъ желанію.»

Въ августѣ 1726 года, съ рѣчки Буры, Владиславичъ писалъ: «Сибирская провинція, сколько я могъ видѣть и слышать, не губернія, но имперія, всякими обительными мѣстами и плодами украшена: въ ней больше сорока рѣкъ, превосходящихъ величиною Дунай, и больше ста рѣкъ, превосходящихъ величиною Неву, и нѣсколько тысячъ малыхъ и среднихъ; земля благообительная къ

хлѣбному роду, къ рыболовлямъ, звѣроловлямъ, рудамъ разныхъ матеріаловъ и разныхъ мраморовъ, лѣсовъ предовольно, и чаю, такого преславнаго угодья на свѣтѣ нѣтъ; только очень запустѣла за многими причинами, особенно отъ превеликаго разстоянія, отъ малолюдства, глупости прежнихъ управителей и непорядковъ пограничныхъ. Во всей Сибири нѣтъ ни единаго крѣпкаго города, ни крѣпости, особенно на границѣ по сю сторону Байкальскаго моря; Селенгинскъ не городъ, не село, а деревушка съ 250 дворишковъ и двумя деревянными церквами, построенъ на мѣстѣ ни къ чему негодномъ и открытомъ для нападеній, четвероугольное деревянное укрѣпленіе таково, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія въ два часа будетъ все сожжено; а Нерчинскъ, говорятъ, еще хуже.»

Съ августа 1726 года до мая 1727 г. отъ Владиславича не было никакихъ донесеній, потому что онъ находился въ это время въ Пекинѣ, и всѣ сношенія, по распоряженію китайскаго двора, были пресѣчены. По словамъ Владиславича, императрицыну грамоту богдыханъ принялъ на престолѣ своими руками съ превеликимъ почтеніемъ, и прочее обхожденіе чинено по достоинству императрицы и соотвѣтственно характеру посла съ большою отмѣною противъ прежняго. Потомъ для переговоровъ опредѣлены были три верховные министра, съ которыми Владиславичъ имѣлъ болѣе тридцати конференцій. Съ китайской стороны явились сильные запросы, объявили, что монгольская земля простирается до Тобольска, потомъ спустились до Байкала и рѣки Ангары, гдѣ хотѣли провести границу; своихъ перебѣжчиковъ насчитывали больше шести тысячъ. Въ 23-й конференціи согласились на словахъ и трактатъ написали начерно, что каждая имперія должна владѣть тѣмъ, чѣмъ теперь владѣетъ безъ прибавки и умаленія. Но спустя два дня министры объявили Владиславичу, что они говорили это отъ себя и его тѣшили, а богдыханъ не согласился, потому что монгольскіе владѣльцы прислали просьбу, чтобъ Россійской имперіи земель ихъ не уступать, что послѣ головинскаго мира Русскіе завладѣли монгольскими землями на нѣсколько дней, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по недѣлѣ ходу; и если это имъ не будетъ возвращено, то они станутъ отыскивать свое, хотя и въ конецъ разорятся. Потомъ министры принесли проектъ трактата съ такими крючками и неправдою, что нема-

лая часть Сибирской губерніи отрывалась отъ Русской имперіи. Восемь конференцій Китайцы настаивали на принятіи этого проекта, то грозили послу, то обѣщали большое награжденіе. Владиславичъ отвѣчалъ *съ равномѣрною гордостію*, какъ самъ выражается, что онъ не измѣнникъ и не предѣлатель отечества и о такомъ трактатѣ и слышать не хочетъ, не только его подписывать. Тогда начали притѣснять посла и свиту его и наконецъ стали посылать свитѣ соленую воду, отъ чего половина людей занемогла. Когда и тутъ Владиславичъ объявилъ, что хотя бы всѣ и померли, но онъ договора не подпишетъ, Китайцы сказали ему: «Ты упрямецъ, а не посолъ; ты пріѣхалъ сюда только для поздравленія богдыхана и отдачи подарковъ: возьми подарки къ своей императрицѣ и поѣзжай ни съ чѣмъ.» Призванный въ Верховный Совѣтъ, Владиславичъ говорилъ: «Россійская имперія дружбы богдыхана желаетъ, но и недружбы не очень боится, будучи готова къ тому и другому.»—«Или ты намъ войну объявляешь»! сказали Китайцы.—«Войну объявить указу не имѣю, отвѣчалъ Владиславичъ: но если вы Россійской имперіи не дадите удовлетворенія и со мною не обновите мира праведно, то съ вашей стороны миръ нарушенъ, и если что потомъ произойдетъ противно и непорядочно, Богу и людямъ будетъ отвѣтчикъ тотъ, кто правдѣ противится.» Послѣ этого Китайцы потребовали проекта отъ посла и, получивъ его, поднесли богдыхану; тотъ нѣсколько разъ прочелъ и наконецъ рѣшилъ, что въ Пекинѣ ничего не заключать, дабы монгольскихъ владѣльцевъ не озлобить, а послать на границу съ Владиславичемъ трехъ министровъ, на границѣ всѣ дѣла окончить и границу опредѣлить.

«Я болѣе жилъ за честнымъ карауломъ, чѣмъ вольнымъ посломъ, писалъ Владиславичъ: какъ можно видѣть изъ всѣхъ ихъ поступковъ, они войны сильно боятся, но отъ гордости и лукавства не отступаютъ; а такого непостоянства отъ рожденія моего я ни въ какомъ народѣ не видалъ, воистину никакого резону человѣческаго не имѣютъ кромѣ трусости, и еслибъ граница вашего императорскаго величества была въ добромъ порядкѣ, то все-бъ можно дѣлать по своему; но видя границу отворену и всю Сибирь безъ единой крѣпости, и видя, что русскіе часто къ нимъ посольство посылаютъ, Китайцы пуще гордятся, и что ни дѣлаютъ, все изъ боязни войны, а не отъ любви. Въ мою бытность въ

Пекинѣ имѣлъ я письменныя сношенія съ тамошними іезуитами и многія извѣстія чрезъ нихъ получилъ; они очень усердствовали, однако могли оказать мало помощи, потому что сами терпятъ большія притѣсненія отъ нынѣшняго богдыхана; нѣкоторые бояре китайскіе, которые приняли было римскую вѣру, казнены за это, и всякая религія, кромѣ китайской, подвержена гоненію; поэтому преосвященному Кульчицкому (Иннокентію, назначенному въ Китай еще Петромъ Великимъ), хотя и договоръ заключится, въ Пекинѣ быть нельзя. Государство Китайское вовсе не такъ сильно, какъ думаютъ, и какъ многіе историки ихъ возвышаютъ; я имѣю подлинныя извѣстія о ихъ состояніи и силахъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ; нынѣшнимъ ханомъ никто не доволенъ, потому что дѣйствительно хуже римскаго Нерона государство свое притѣсняетъ и уже нѣсколько тысячъ людей казнилъ, а нѣсколько милліоновъ ограбилъ; изъ двадцати четырехъ его братьевъ только трое пользуются его довѣріемъ, прочіе же одни казнены, а другіе находятся въ жестокомъ заключеніи; въ народѣ нѣтъ ни крѣпости, ни разума, ни храбрости, только многолюдство и чрезмѣрное богатство, и какъ Китай начался, столько золота и серебра въ казнѣ не было какъ теперь, а народъ помираетъ съ голоду; народъ малодушный какъ жиды; ханъ тѣшится сребролюбіемъ и домашними чрезмѣрными забавами, никто изъ министровъ не смѣетъ говорить правду, почти всѣ старые министры отставлены, какъ военные такъ и гражданскіе; на ихъ мѣстахъ молодые, которые тѣшатъ хана полезными репортами и безпрестанною стрѣльбою, пушечною и ружейною, будто для воинскихъ упражненій, а болѣе для устрашенія народа и ханскихъ родственниковъ, чтобъ не бунтовали. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пекина я завелъ циферную переписку съ французскимъ іезуитомъ, патеромъ Парени, который пользовался большимъ расположеніемъ покойнаго хана, и хотя теперешній ханъ къ нему не очень благоволитъ, однако часто его въ совѣтъ призываютъ. Этотъ патеръ нашелъ возможность установить тайную дружбу между мною и ханскимъ тайнымъ совѣтникомъ Аллегодою Маси, который сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя полезныя предостереженія; я его одарилъ, и онъ обѣщалъ мнѣ помогать въ пограничныхъ переговорахъ, которые я буду вести съ китайскими министрами.»

20 августа 1727 года на рѣкѣ Бурѣ Владиславичъ заключилъ съ китайскими министрами договоръ, на основаніи, какого онъ

домогался въ Пекинѣ, т.-е. чтобъ обѣ имперіи на будущее время владѣли тѣмъ, чѣмъ теперь владѣютъ. Съ сѣверной стороны на рѣчкѣ Кяхтѣ караульное строеніе Россійской имперіи; съ южной стороны на сопкѣ Орогойтѣ караульный знакъ Срединной имперіи: между этими караулами раздѣлить землю пополамъ, и тутъ будетъ отправляться съ обѣихъ сторонъ пограничная торговля. Отсюда на обѣ стороны отправить коммиссаровъ для опредѣленія границы, которую проводить между русскими и монгольскими караулами и маяками; если вблизи владѣнія русскихъ или монгольскихъ людей находятся какія-нибудь сопки, хребты и рѣки, то ихъ причесть за границу; а гдѣ сопокъ, хребтовъ и рѣкъ нѣтъ, прилегли степи, то раздѣлить по серединѣ поровну отъ обоихъ владѣній. Донося объ этомъ уже императору Петру II-му, Владиславичъ писалъ: «Могу ваше императорское величество поздравить съ подтвержденіемъ дружбы и обновленіемъ вѣчнаго мира съ Китайскою имперіею, съ установленіемъ торговли и разведеніемъ границы къ немалой пользѣ для Россійской имперіи и неизрѣченной радости пограничныхъ обывателей, въ чемъ мнѣ помогалъ Богъ, счастіе вашего величества и слѣдующія причины: вопервыхъ, я былъ отправленъ съ поздравленіемъ новаго богдыхана со вступленіемъ на престолъ, что было ему чрезвычайно пріятно и онъ велѣлъ меня принять въ Пекинѣ: иначе я бы въ этомъ городѣ не былъ и ни одного бы дѣла не окончилъ. Вовторыхъ, въ бытность мою въ Сибири пріискалъ я на Китайцевъ съ русской стороны большія претензіи, которыя дали мнѣ возможность держаться твердо въ Пекинѣ; всегда я имъ на одно слово отвѣчалъ двумя и грозилъ войною, хотя и не явно; я представлялъ имъ, что Россія сносила ихъ обиды до настоящаго времени, потому что вела три войны, шведскую, турецкую и персидскую, которыя всѣ кончила чрезвычайно для себя выгодно; теперь же, не имѣя ни съ кѣмъ войны, послала меня къ нимъ искать дружбы и удовлетворенія. Въ-третьихъ, чрезъ подарки, посредствомъ отцовъ іезуитовъ, сыскалъ я въ Пекинѣ доброжелательныхъ людей, которые хотя мнѣ помочь не могли, однако посредствомъ тайной переписки открывали мнѣ многіе замыслы, лукавства и намѣренія китайскихъ министровъ; больше всѣхъ я обязанъ названному мною въ прежнемъ донесеніи тайному совѣтнику (по ихъ алегода) Маси, которому я послалъ съ карава-

номъ въ подарокъ мягкой рухляди на 1.000 рублей, а посреднику патеру Парени на сто рублей. Въ-четвертыхъ, на границѣ труднѣе всего было мнѣ спорить съ однимъ изъ китайскихъ министровъ, дядею богдыхана Лонготою, и вдругъ въ полночь 8 августа пріѣхали изъ Пекина офицеры и этого гордаго Лонготу взяли и отвезли въ столицу подъ крѣпкимъ карауломъ, оставшіеся же два министра были гораздо умѣреннѣе; кромѣ того сблизился я съ однимъ старымъ тайшою или князькомъ монгольскимъ, который пользуется большимъ уваженіемъ между китайцами: онъ меня во всемъ предостерегалъ и увѣдомлялъ о поступкахъ и замыслахъ китайскихъ министровъ, и о чемъ они днемъ съ нимъ совѣтовались, о томъ ночью давалъ онъ мнѣ знать чрезъ своего свойственника; за это я его наградилъ и обѣщалъ давать ежегодно по двадцати рублей до самой его смерти, а долго онъ не проживетъ, потому что ему за 70 лѣтъ. Въ-пятыхъ, прибытіе тобольскаго гарнизоннаго полка на границу, закрытіе нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ полисадами, построеніе новой крѣпости на Чикойской стрѣлкѣ, вѣрность ясачныхъ иноземцевъ, бывшихъ въ добромъ вооруженіи со мною на границѣ, болѣе всего помогли заключенію выгоднаго договора.» При этомъ Владиславичъ доносилъ о разныхъ злоупотребленіяхъ въ Сибири: такъ пограничные правители отправляли въ Китай своихъ людей для торгу или для другихъ частныхъ прихотей, а въ грамотахъ писали ихъ посланниками и посланцами, вслѣдствіе чего въ Китаѣ давали имъ кормъ и подводы. Сборщики ясака черныхъ соболей брали себѣ, а въ казну ставили желтыхъ, которыхъ коптили такъ искусно, что ни Владиславичъ, ни сибирскій губернаторъ не могли отличить копченаго соболя отъ настоящаго; но Китайцы различали, и это дѣлало большой подрывъ каравану, отпускаемому правительствомъ съ его товарами.

Большую заботу доставляло Владиславичу устройство церковныхъ дѣлъ въ Пекинѣ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что архіерея послать туда нельзя, ибо это возбудитъ сильное подозрѣніе Китайцевъ и взволнуетъ европейцевъ другихъ исповѣданій. Въ слѣдствіе этого Иннокентію Кульчицкому велѣно было остаться въ Сибири въ санѣ епископа иркутскаго, а въ Пекинъ назначенъ былъ архимандритъ Вознесенскаго иркутскаго монастыря Антоній, который въ сентябрѣ 1729 года и пріѣхалъ въ Селенгинскъ, но

вмѣсто іеромонаха привезъ съ собою только одного бѣлаго священника, «который совершенный шумница» (пьяница). Антоній жаловался, что Иннокентій, осердясь на него, не далъ ему священниковъ, не выдалъ за первый годъ жалованья и показывалъ всякія другія противности, какъ явному непріятелю. Иннокентій, съ своей стороны, писалъ Владиславичу на Антонія, что тотъ вконецъ разорилъ монастырь, монастырскихъ денегъ на немъ болѣе 3000 рублей, и просилъ эти деньги съ него взыскать. «Кто изъ нихъ правъ, о томъ Богъ вѣдаетъ», писалъ Владиславичъ въ Петербургъ.

Заключенный на Бурѣ договоръ былъ найденъ въ Россіи очень выгоднымъ и Владиславичъ былъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Александра Невскаго [199]. На другомъ концѣ Сибири, Берингъ, выполняя инструкцію Петра Великаго, нашелъ, что Азія отдѣляется отъ Америки широкимъ проливомъ, и послѣ пятилѣтняго путешествія въ мартѣ 1730 года возвратился въ Россію; онъ не засталъ уже здѣсь и *втораго* императора.

Въ началѣ сентября 1729 года Петръ выѣхалъ въ сопровожденіи Долгорукихъ изъ Москвы съ 620 собаками, и возвратился только въ началѣ ноября. Слѣдствія такой долгой отлучки оказались 19 ноября, когда торжественно было объявлено, что императоръ вступаетъ въ бракъ съ дочерью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, Екатериною, которой было 17 лѣтъ. 30 ноября было обрученіе, княжну Екатерину Алексѣевну уже начали называть императорскимъ высочествомъ. По рукамъ ходила рѣчь фельдмаршала Долгорукаго, сказанная имъ племянницѣ при поздравленіи: «Вчера я былъ твой дядя, нынче ты моя государыня, и я буду всегда твой вѣрный слуга. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, слава Богу, она очень богата и члены ея занимаютъ хорошія мѣста, и такъ если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, хлопочи не въ пользу имени, но въ пользу заслугъ и добродѣтели; это будетъ настоящее средство быть счастливою, что тебѣ желаю [200].

Но вмѣстѣ съ этою рѣчью ходили слухи, что фельдмаршалъ Долгорукій, наиболѣе уважаемый изо всей фамиліи, противился браку племянницы съ императоромъ, какъ не могущему повести къ

добру. Ходило много зловѣщихъ слуховъ; предсказывали, что Долгорукіе, идя по стопамъ Меншикова, будутъ имѣть одинаковую съ нимъ участь; ихъ всѣ ненавидятъ, они не хотятъ пріобрѣсти ничьего расположенія, женятъ императора силою, употребляя во зло его малолѣтство; но когда онъ достигнетъ 15 или 16 лѣтъ, то вѣрные министры разъяснятъ ему сущность дѣла, тогда онъ раскается въ своей женитьбѣ, и Долгорукіе погибли, а царица навѣрное кончитъ монастыремъ [201]. Толковали, что Долгорукіе уже дѣлятъ между собою высшія должности: Алексѣй хочетъ быть генералиссимусомъ или первымъ министромъ, Иванъ великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ великимъ канцлеромъ, Сергѣй оберъ-шталмейстеромъ. Но иностранные министры зорко подсматривали, какъ обходится императоръ съ своею невѣстою и поражались холодностію ихъ отношеній, точь-въ-точь какъ Петръ обходился съ прежнею своею невѣстою, княжною Меншиковою; но при этомъ шли слухи, что невѣста и неохотно принимала бы нѣжности жениха, потому что сердце ея отдано другому, графу Миллезимо, родственнику цесарскаго посла, графа Вратислава [202].

Петръ находился теперь въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ при Меншиковѣ. Тогда онъ вооружился за свои права противъ человѣка, беззаконно похитившаго власть и употреблявшаго ее во зло; тогда онъ схватился съ человѣкомъ, который хотѣлъ держать его въ рукахъ, не давать ему воли, оскорблялъ его, людей къ нему близкихъ, тиранствовалъ, какъ увѣряли, надъ Россіею. Но къ Долгорукимъ другія отношенія; они постоянно, самымъ ревностнымъ образомъ, исполняли всѣ его желанія, угождали, забавляли его безъ малѣйшаго прекословія; онъ самъ отдался имъ въ руки, его притянула къ нимъ его собственная страсть, нерасположеніе заниматься серіознымъ дѣломъ, желаніе забавляться, развлекаться. Какимъ бы образомъ ни было сдѣлано внушеніе о бракѣ, онъ его принялъ, согласился, не имѣя силъ порвать съ людьми, къ которымъ привыкъ, не имѣя силъ вынести печальныхъ лицъ *компаніи;* онъ согласился, дѣло не безъ него сдѣлалось, его не принуждали. Какъ легко ему было оборачиваться спиною къ Меншикову, такъ тяжело было это сдѣлать относительно Долгорукихъ. А между тѣмъ тяжело и сохранить прежнія отношенія: невѣста не нравится, самолюбіе страдаетъ: позволилъ завести себя дальше чѣмъ слѣдовало; какъ они смѣли! но самъ согласился, самъ

одобрилъ и оправдалъ ихъ смѣлость; гдѣ была сила воли, гдѣ характеръ? И всѣ считаютъ его безхарактернымъ ребенкомъ, потому что съ какой стати ему, императору, жениться на Долгорукой, которая старше его и которая вовсе ему не нравится? Раздраженіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе выходъ изъ положенія, возбуждающаго раздраженіе.

«Царь начинаетъ стряхать съ себя иго», пишутъ иностранные министры къ своимъ дворамъ въ началѣ 1730 года: недавно тайкомъ ночью уѣхалъ онъ къ Остерману и у него имѣлъ совѣщаніе еще съ двумя другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Видѣлся онъ и съ теткою цесаревною Елисаветою, которая со слезами жаловалась ему на свое печальное положеніе: во всемъ терпитъ она страшный недостатокъ, даже соли не отпускаютъ сколько надобно. Петръ отвѣчалъ, что онъ не виноватъ, онъ много разъ давалъ приказанія удовлетворить ея требованіямъ, но онъ скоро найдетъ средство разбить свои оковы. До самаго конца ходили упорные слухи, что фаворитъ хочетъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ; но что она никакъ не соглашается на это, и объявила, что скорѣе вовсе невыйдетъ замужъ, чѣмъ выйдетъ за подданнаго. Ненависть къ ней Долгорукихъ могла происходить отсюда; могла происходить и изъ опасенія ея вліянія надъ Петромъ: они постоянно могли видѣть въ ней помѣху своимъ планамъ. Слухъ, что ей грозилъ монастырь отъ Долгорукихъ, подтверждается послѣдующимъ признаніемъ князя Ивана, который приписывалъ опалу своей фамиліи наговорамъ цесаревны и объявилъ, что хотѣлъ сослать ее въ монастырь и съ отцемъ своимъ наединѣ о томъ говаривалъ для того, что казалась къ нимъ немилостива [203].

Долгорукіе готовились къ двумъ свадьбамъ: свадьбѣ императора на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и свадьбѣ фаворита князя Ивана на графинѣ Натальѣ Борисовнѣ Шереметьевой, дочери покойнаго фельдмаршала. Враги Долгорукихъ толковали о несогласіяхъ, господствовавшихъ въ фамиліи: князь Алексѣй не можетъ терпѣть сына Ивана, котораго ненавидитъ также и сестра, невѣста императора, потому что фаворитъ не даетъ ей бриліантовъ, принадлежавшихъ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

6 генваря водоосвященіе на Москвѣ рѣкѣ и парадъ: войска къ Іордани велъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій; когда они построились въ карре, пріѣхалъ императоръ изъ Сло-

бодскаго или Лефортова дворца, гдѣ жилъ въ это время, и занялъ полковничье мѣсто.

На другой день слухи, что императоръ нездоровъ; придворные озабочены, грустны—значитъ болѣзнь опасная. У государя оспа!

Иностранные министры уже толкуютъ о томъ, что будетъ, если случится несчастіе; указываютъ на четыре партіи: партію цесаревны Елисаветы, партію царицы-бабки, партію невѣсты, княжны Долгорукой, партію малолѣтнаго герцога голштинскаго; и самыя сильныя изъ этихъ партій, партія царицы-бабки и невѣсты, Долгорукой [204]. Идутъ слухи, что князь Алексѣй хочетъ обвѣнчать больнаго Петра въ постели на своей дочери. Больше всѣхъ иностранныхъ министровъ волнуется датскій, Вестфаленъ. Три года тому назадъ ему удалось отстранить герцогиню голштинскую и сестру ея отъ русскаго престола; но теперь опасность возобновляется. Вестфаленъ разъѣзжаетъ то къ Долгорукимъ, то къ Голицынымъ. Князю Василью Лукичу онъ говоритъ: «Слышалъ я, что князь Дмитрій Голицынъ желаетъ, чтобъ быть наслѣдницею цесаревнѣ Елисаветѣ, и если это сдѣлается, то сами вы знаете, что нашему двору это будетъ очень непріятно; если не вѣрите, то я вамъ письменно сообщу объ этомъ, чтобъ вы могли показывать всякому, съ кѣмъ у васъ будетъ разговоръ.» Князь Василій отвѣчалъ ему: «Теперь, слава Богу, оспа высыпала, и есть большая надежда, что императоръ выздровѣетъ; но если и умретъ, то приняты мѣры, чтобъ потомки Екатерины не взошли на престолъ; можете писать объ этомъ къ своему двору, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ.» Вестфаленъ однако прислалъ письменное заявленіе, которое состояло въ слѣдующемъ: «Слухи носятся, что его величество очень боленъ, и если престолъ россійскій достанется голштинскому принцу, то нашему датскому королевству съ Россіею дружбы имѣть нельзя. Обрученная невѣста изъ вашей фамиліи, и можно удержать престолъ за нею, какъ Меншиковъ и Толстой удержали престолъ за Екатериною Алексѣевною; по знатности вашей фамиліи вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете.» Князь Василій Лукичъ прочелъ письмо въ кругу родныхъ, но тутъ объ этомъ дѣлѣ не разсуждали, потому что императору стало легче [205].

Но скоро ему опять стало хуже. Изъ головинскаго дворца, гдѣ жилъ князь Алексѣй Григорьевичъ съ семействомъ, посланы были

гонцы по родственникамъ, чтобъ съѣзжались. Родственники съѣхались и нашли князя Алексѣя въ спальнѣ, на постелѣ. «Императоръ боленъ, началъ онъ, и худа надежда, чтобъ живъ былъ: надобно выбирать наслѣдника.» Князь Василій Лукичъ спросилъ: «Кого вы въ наслѣдники выбирать думаете»? Князь Алексѣй указалъ пальцемъ вверхъ и сказалъ: «вотъ она»! Наверху жила дочь его, обрученная невѣста. Князь Сергѣй Григорьевичъ началъ говорить: «Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинилъ ее наслѣдницею»? На это возразилъ князь Василій Владиміровичъ: «Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? не только посторонніе, но и я и прочіе нашей фамиліи никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ. Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчалась.»—«Хоть не вѣнчалась, но обручалась», сказалъ князь Алексѣй.—«Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное, возразилъ князь Василій Владиміровичъ: да еслибъ она за государемъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ея наслѣдницею не безъ сомнѣнія было.» Григорьевичи представляли ему, что стоитъ только энергически приняться за дѣло, и въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя: «Мы уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Михайловича Голицына, а если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ майоръ, и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому.»—«Что вы ребячье врете! возразилъ князь Василій Владиміровичъ: какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ.» Послѣ этого спора князь Василій Владиміровичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Михайлою. Тогда князь Василій Лукичъ, сѣвши у камина на стулъ и взявъ листъ бумаги да черниліцу, началъ было писать духовную, но скоро пересталъ и сказалъ: «Моей руки письмо худо, кто бы получше написалъ»? Сталъ писать князь Сергѣй Григорьевичъ со словъ Василья Лукича и Алексѣя Григорьевича, и написалъ два экземпляра. Тутъ князь Иванъ Алексѣевичъ, вынувъ изъ кармана черный листъ бумаги, началъ говорить: «Вотъ посмотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей слово въ слово какъ государево письмо; я умѣю подъ руку государеву подписываться, потому что я съ государемъ въ шутку писывалъ», и написалъ:

«Петръ.» Всѣ нашли, что похоже, и рѣшили, чтобъ Иванъ подписалъ подъ духовною, если государь, за тяжкою его болѣзнію, самъ подписать духовной будетъ не въ состояніи [206].

Государь уже не былъ въ состояніи подписывать. Въ бреду онъ все звалъ къ себѣ Андрея Ивановича (Остермана); наконецъ произнесъ зловѣщія слова: «запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ [207]» и скончался съ 18 на 19 генваря, во второмъ часу ночи, 14 лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ со днями.

ГЛАВА III.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

Избраніе Анны на престолъ.—Ограниченіе самодержавія.—Неудовольствія въ духовенствѣ, генералитетѣ и шляхетствѣ. — Посольство въ Митаву.— Анна соглашается на условія, ей предложенныя.—Поведеніе Ягужинскаго; его арестъ. — Мнѣнія о государственномъ устройствѣ, подававшіяся въ Верховный Тайный Совѣтъ.— Проекты Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Пріѣздъ Анны.—Похороны Петра II-го.—Торжественный въѣздъ Анны въ Москву.— Новая форма присяги.—Движенія партій.—Возстановленіе самодержавія.— Вторичная присяга. — Характеръ новой императрицы. — Уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Возстановленіе Сената въ прежнемъ значеніи.— Присутствіе императрицы въ Сенатѣ.—Уничтоженіе майората.—Учрежденіе Кадетскаго корпуса. — Мѣры относительно правосудія. — Хлопоты объ Уложеніи.—Измѣненіе въ судопроизводствѣ.—Раздѣленіе Сената на департаменты.—Возстановленіе должности генералъ-прокурора.—Учрежденіе Суднаго и Сыскного приказовъ.—Возстановленіе Сибирскаго приказа.—Распоряженіе относительно воеводскихъ злоупотребленій. — Финансовыя мѣры. — Заботы о войскѣ.—Флотъ.—Вопросъ о штатахъ.—Дѣятельность коммиссіи о коммерціи.—Полиція.—Церковь.—Дѣла на Украйнахъ.—Гоненіе на Долгорукихъ.—Биронъ, Левенвольдъ и Остерманъ.—Увеличеніе гвардіи.—Роскошь при дворѣ. — Неудовольствія.—Опала Румянцева.—Сильное ожесточеніе.— Смерть князя Мих. Мих. Голицына и опала князя Васил. Владим. Долгорукаго.—Причины торжества иноземцевъ.—Возстановленіе Преображенскаго приказа. — Учрежденіе Кабинета. — Удаленіе Ягужинскаго и Шафирова. — Переѣздъ двора въ Петербургъ. — Внѣшняя дѣятельность въ три первые года царствованія Анны.

Три архіерея, совершавшіе елеосвященіе надъ умиравшимъ государемъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и многіе изъ сенаторовъ и генералитета находились во дворцѣ во время кончины Петра. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, именемъ другихъ

свѣтскихъ сановниковъ, сперва просилъ архіереевъ подождать немного, потому что скоро должно начаться совѣщаніе объ избраніи новаго государя; но спустя нѣсколько времени явился къ нимъ опять и объявилъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось назначить собраніе въ десятомъ часу утра въ палатахъ Верховнаго Совѣта, куда приглашаются архіереи и архимандриты—синодальные члены. Архіереи уѣхали, но свѣтскіе остались и началось предварительное совѣщаніе о томъ, кому долженъ достаться престолъ; Остермана не было, по его показанію: онъ находился при тѣлѣ государя. По другимъ извѣстіямъ, когда его приглашали на совѣщаніе, то онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, и потому приметъ общее рѣшеніе [208]. Князь Алекс. Григ. Долгорукій потребовалъ престола для дочери своей и показалъ «нѣкое письмо, якобы Петра II-го завѣтъ [209]»; но на это письмо не обратили вниманія, равно какъ на предложеніе объ избраніи монахини Лопухиной, сдѣланное неизвѣстно кѣмъ. Прежде, какъ мы видѣли, толковали о четырехъ партіяхъ: цесаревны Елисаветы, царицы-бабки, герцога голштинскаго и княжны Долгорукой; но ясно, что партій не было; кончина послѣдняго изъ мужской линіи Романовыхъ поразила всѣхъ врасплохъ; притомъ мы должны осторожно обходиться съ извѣстіями иностранцевъ о партіяхъ въ Россіи. Петръ Великій, несмотря на все свое стараніе, не могъ въ короткое время пріучить русскихъ людей дѣйствовать сообща, «кумпанствами»; обыкновенно всѣ шли въ разбродъ, личные и фамильные интересы были на первомъ планѣ, что̀ и давало возможность сильному человѣку захватывать власти больше, чѣмъ сколько ему слѣдовало. Иностранцы говорятъ, что изъ означенныхъ четырехъ партій сильнѣе всѣхъ были партіи княжны Долгорукой и царицы-бабки; но эти же самые иностранцы говорятъ, что противъ Долгорукихъ было всеобщее нерасположеніе: кто же могъ составлять сильную партію княжны Екатерины? Ясно, что должно разумѣть здѣсь силу не партіи, а фамиліи; и дѣйствительно, еслибы въ фамиліи не было разногласія, еслибы всѣ Долгорукіе рѣшились дѣйствовать также энергически, какъ дѣйствовалъ Меншиковъ и Толстой въ 1725 году, то еще можно было бы ожидать успѣха; но этой энергіи недостало, а съ однимъ «нѣкіимъ письмомъ» нельзя было ничего сдѣлать. Указываютъ на силу другой партіи—царицы-бабки: это значитъ,

что много людей произносили имя Лопухиной, и понятно почему: многіе, застигнутые врасплохъ страшнымъ событіемъ, не зная, на комъ остановиться, хотѣли поскорѣе занять праздное мѣсто лицемъ, не могшимъ долго на немъ оставаться, но дававшимъ время пообдумать, приготовиться; никакой сильной партіи не было и здѣсь. При отсутствіи партій, при всеобщемъ недоумѣніи и нерѣшительности, голосъ сильнаго человѣка рѣшаетъ дѣло, особенно если онъ находитъ рѣшеніе наиболѣе удовлетворительное. Теперь это былъ голосъ князя Дмитрія Мих. Голицына, который объявилъ, что домъ Петра I-го пресѣкся смертію Петра II-го, и справедливость требуетъ перейти къ старшей линіи, линіи царя Іоанна Алексѣевича; старшую изъ дочерей его, царевну Екатерину трудно выбрать, потому что она замужемъ за герцогомъ мекленбургскимъ, тогда какъ вторая, Анна, герцогиня курляндская, свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона. Всѣ закричали: «Такъ, такъ, нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну»! Тутъ приглашенъ былъ Остерманъ и съ радостію присоединилъ свой голосъ [210].

Почему князь Дмитрій Голицынъ остановилъ свой выборъ на Аннѣ, это понятно: онъ смотрѣлъ не очень благосклонно на бракъ Петра Великаго съ Екатериною и на дѣтей, отъ этого брака происшедшихъ; притомъ, когда пресѣклось мужеское колѣно, то имѣли право обратиться къ старшей женской линіи; завѣщаніе Екатерины I-й, установлявшее порядокъ престолонаслѣдія, нельзя было приводить какъ актъ неоспоримый; кромѣ молодости и отсутствія серьозности въ поведеніи, цесаревну Елисавету отстраняли отъ трона права племянника, сына старшей сестры, герцога голштинскаго; но малолѣтство послѣдняго не давало никакого обезпеченія, а пріѣздъ герцога отца его, да еще съ Бассевичемъ, никому не могъ быть желателенъ. Анна слыла женщиною очень умною, отличалась серьозностію поведенія, величественною, царственною наружностію; пріѣзжая въ Петербургъ и въ Москву изъ Митавы, всегда съ просьбами о помощи, о поддержкѣ, она старалась заискать расположеніе всѣхъ, и потому оставляла послѣ себя пріятное воспоминаніе. Старикъ Бестужевъ не могъ нарушить этой пріятности: онъ былъ одинъ, его друзья разосланы. Были извѣстны нѣкоторыя курляндскія отношенія; но князь Дмитрій Михайловичъ уже придумалъ лѣкарство отъ болѣзней власти — ея ограниченіе.

Вспомнивъ судьбу Голицына, мы поймемъ, какимъ образомъ въ головѣ его созрѣла мысль объ ограниченіи императорской власти. Гордый своими личными достоинствами и еще болѣе гордый своимъ происхожденіемъ, считая себя представителемъ самой знатной фамиліи въ государствѣ, Голицынъ, какъ мы видѣли, постоянно былъ оскорбляемъ въ этихъ самыхъ сильныхъ своихъ чувствахъ. Его не отдаляли отъ правительства, но никогда не приближали къ источнику власти, никогда не имѣлъ онъ сильнаго вліянія на ходъ правительственной машины, а что было виною—фаворитизмъ! Его отбивали отъ первыхъ мѣстъ люди худородные, но умѣвшіе приближаться къ источнику власти, угождать, служить лично, къ чему Голицынъ не чувствовалъ никакой способности. Съ негодованіемъ смотрѣлъ Голицынъ на бракъ Петра І-го съ худородною женщиною, около которой сосредоточивались ненавистные выскочки, и долженъ былъ преклониться предъ этою женщиною, какъ предъ самодержавною государынею. Наконецъ онъ дождался счастливаго времени: вступилъ на престолъ законный наслѣдникъ, отъ честнаго брака рожденный, и какая же награда Голицыну, человѣку, сильнѣе котораго конечно никто не желалъ воцаренія сына Алексѣева? Чуть-чуть не опала, и вся власть въ рукахъ людей изъ враждебной фамиліи, вся власть въ рукахъ двоихъ Долгорукихъ и, какъ нарочно, самыхъ незначительныхъ изъ фамиліи по личнымъ достоинствамъ. Долго ли же терпѣть? Петръ ІІ-й умираетъ; Голицынъ указываетъ ему преемницу и всѣ повинуются этому указанію. Какъ же благодарна будетъ новая императрица Голицыну, главному виновнику ея избранія? Но Голицынъ наученъ горькимъ опытомъ: онъ знаетъ, что сначала будутъ благодарны, сначала поласкаютъ человѣка, не способнаго быть фаворитомъ, а потомъ какой-нибудь сынъ конюха, русскаго или курляндскаго, черезъ фаворъ оттѣснитъ перваго вельможу на задній планъ. Вельможество самостоятельнаго значенія не имѣетъ; при самодержавномъ государѣ значеніе человѣка зависитъ отъ степени приближенія къ нему. Надобно же покончить съ этимъ, надобно дать вельможеству самостоятельное значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ.

Когда всѣ изъявили свое согласіе на избраніе Анны, князь Дмитрій началъ говорить: «Воля ваша, кого изволите, только надобно намъ себѣ полегчить».—«Какъ себѣ полегчить?» спросилъ кто-то.

—«Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить», отвѣчалъ Голицынъ. Если вѣрить собственному показанію князя Василія Лукича Долгорукаго, онъ возразилъ: «Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого»; на что Голицынъ отвѣчалъ: «Правда удержимъ», и, видя что никто не рѣшается произнести своего согласія, продолжалъ: «Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты» [211]. Послѣ или прежде этого предварительнаго совѣщанія, было, какъ видно, засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ «разсуждено фельдмаршаламъ князю Михаилу Мих. Голицыну и князю Василію Владиміровичу Долгорукому присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ» [212]. Такимъ образомъ Совѣтъ прежде всего обнаружилъ свою власть, самъ назначивъ новыхъ своихъ членовъ. Это назначеніе было знакомъ соединенія двухъ самыхъ сильныхъ фамилій. Объ этомъ соединеніи, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [213], сильно хлопоталъ въ послѣднее время князь Алексѣй Долгорукій, чтобъ не встрѣчать въ Голицыныхъ сопротивленія своимъ замысламъ насчетъ женитьбы государя на своей дочери; но теперь Голицынъ, для проведенія своихъ замысловъ, нуждался въ помощи Долгорукихъ и самыхъ лучшихъ изъ нихъ; для поддержанія значенія Верховнаго Тайнаго Совѣта было необходимо, чтобъ между его членами находились обѣ военныя знаменитости, принадлежавшія къ обѣимъ фамиліямъ; притомъ было извѣстно, что князь Василій Владиміровичъ вовсе не жилъ въ-ладахъ съ княземъ Алексѣемъ, а при паденіи значенія послѣдняго и князь Василій Лукичъ не сталъ бы ему поддакивать. Обыкновенно число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ описываемое время полагается восемь, и къ извѣстнымъ уже намъ семи присоединяютъ князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; но мы не знаемъ, когда послѣдовало его назначеніе.

Въ этихъ совѣщаніяхъ и распоряженіяхъ прошло время до десятаго часа, когда въ залахъ дворца собрались Сенатъ, Синодъ и генералитетъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта вышли къ собравшимся, и канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ, что, по мнѣнію Совѣта, россійская корона слѣдуетъ курляндской герцогинѣ, но требуется согласіе всего отечества въ лицѣ собравшихся чиновъ. Согласіе послѣдовало полное и Ѳеофанъ Прокоповичъ изъявилъ желаніе духовенства немедленно отслужить благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ; но при этомъ, столь есте-

ственномъ, предложеніи, верховники (какъ называли членовъ Совѣта), смутились и отвѣчали, что надобно еще подождать съ молебномъ [214].

Между тѣмъ Голицынъ все хлопоталъ съ *пунктами;* видя, что многіе изъ генералитета уже расходятся, онъ вошелъ и сказалъ: «Надобно ихъ воротить, чтобъ не было отъ нихъ чего», и воротили Дмитріева-Мамонова, Льва Измайлова, Ягужинскаго и нѣкоторыхъ другихъ; Голицынъ говорилъ имъ: «Станемъ писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію» [215].

Написали сперва письмо отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ новоизбранной императрицѣ: «Премилостивѣйшая государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ вашему императорскому величеству Верховный Тайный Совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году генваря 18, пополуночи въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго государя, его императорскаго величества Петра II-го не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди того жъ времени заблагоразсудили россійскій престолъ вручить вашему императорскому величеству, а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ вашему величеству отправили изъ собранія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ князь Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ и з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ, и всепокорно просимъ оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды в Москву ѣхать и россійскій престолъ и правительство восприять. 19 генваря 1730». Кондиціи, которыя должна была подписать Анна, были написаны въ такой формѣ: «Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ вьосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не всчи-

нать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ статскіе такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 5) У шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины какъ русскихъ такъ и иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской». Подъ письмомъ подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь В. Долгорукій, князь Дмитрій Голицынъ, князь Алексѣй Долгорукій, Андрей Остерманъ [216].

Какъ только узнали о новости, затѣянной въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, сильное волненіе и неудовольствіе обнаружилось въ высшихъ слояхъ общества. Вмѣсто одного государя—восемь. Россія должна потерять всякое значеніе, снизойти на степень Польши и Швеціи, гдѣ иностранныя державы пріобрѣтаютъ вліяніе деньгами, которыя онѣ раздаютъ членамъ ограничивающихъ королевскую власть учрежденій. Россія, Австрія и Пруссія постоянно договариваются, чтобъ въ Польшѣ сохранялся существующій порядокъ, т.-е. чтобъ Польша оставалась постоянно слабою; а теперь въ Россіи хотятъ заводить подобный порядокъ! Всѣ гарантіи для осьми, а противъ осьми для остальныхъ гдѣ гарантіи? И кто эти восемь? Четверо Долгорукихъ и двое Голицыныхъ, остальные Головкинъ и Остерманъ. Пятеро принадлежали къ двумъ знатнымъ фамиліямъ, двое къ людямъ, выдвинувшимся въ эпоху преобразованія: нѣтъ никакого равновѣсія между сторонами, обозначившимися по смерти Петра Великаго. Сначала восторжествовала вторая восшествіемъ на престолъ Екатерины, и мы видѣли, какъ это торжество выразилось въ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ одинъ Голицынъ былъ изъ древняго знатнаго рода. Измѣна Меншикова своей сторонѣ, ссылка Толстова, ссылка Меншикова, смерть Апраксина, господство Долгорукихъ перемѣнили отношенія, и птенцамъ Петровымъ, оставшимся въ такомъ меньшинствѣ, стало страшно среди Голицыныхъ и Долгорукихъ, они

не могли спокойно и радостно принять новое величіе, осѣнившее верховниковъ, вовсе не обезпеченные въ томъ, долго ли они останутся верховниками, долго ли старинные князья, потомки Рюрика и Гедимина, позволятъ засѣдать съ собою ненавистнымъ выскочкамъ. Такимъ образомъ среди самаго Верховнаго Совѣта были люди, несочувствовавшіе новости. Взглядъ этихъ людей раздѣляли другіе дѣти преобразованія, и въ челѣ ихъ первый архіерей и первая знаменитость въ духовенствѣ по талантамъ и учености, преосвященный новгородскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Ѳеофанъ вздохнулъ свободно послѣ паденія Меншикова; но еще свободнѣе вздохнулъ онъ, когда по смерти сына Алексѣева избрана была герцогиня курляндская, не имѣвшая никакого отношенія къ его предшествовавшей дѣятельности. Но вотъ страшная новость, что новая императрица не будетъ имѣть никакой власти; вся власть будетъ въ рукахъ людей, отъ которыхъ Прокоповичу нечего ждать добра, которые смотрятъ на него какъ на еретика и рабскаго исполнителя повелѣній деспота. Андрей Ивановичъ Остерманъ не можетъ удержаться при такомъ порядкѣ, и тогда придется проиграть дѣло съ Георгіемъ Дашковымъ. У Ѳеофана есть друзья и почитатели, истые дѣти преобразованія, преданные наукѣ, обожающіе Преобразователя, считающіе его непогрѣшительнымъ и не терпящіе никакой реакціи его направленію; они убѣждены въ необходимости самодержавія для Россіи, они требуютъ стройности, порядка, единства и силы въ государственномъ управленіи. Таковъ князь Антіохъ Кантемиръ, второй сынъ пріютившагося въ Россіи молдавскаго господаря; таковъ уже извѣстный намъ Василій Никитичъ Татищевъ. Какъ смотрѣли на дѣло люди видные по своимъ талантамъ, люди изъ шляхетства и генералитета, но не изъ первыхъ фамилій, видно изъ письма казанскаго губернатора Волынскаго: «Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожь впредь конечно у нихъ безъ разборовъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ

миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ. Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлебствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. И такъ хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожь бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильный хотя бъ и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ. Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что̀ надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ; а что̀ и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ. Четвертое, если офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю, не будетъ. Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ, и правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и въ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя конечно по-

теряемъ. Притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можно команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ? Еще же и то, ежели изъ армiи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкiй будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочiе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскiя пристани у себя въ домахъ держать будутъ, а для того, хотя бъ и выпускать, однакожъ, по моему мнѣнiю, развѣ съ такимъ разсмотрѣнiемъ, чтобъ за кѣмъ было 50 и по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодыя и шаткiя свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей воли прожилъ»

Движенiе идетъ сильное: Сенатъ, генералитетъ, знатнѣйшее шляхетство недовольны. Насчитываютъ человѣкъ 500, которые волнуются, собираются, кричатъ противъ верховниковъ. Но эта масса безъ вождя; она уже дѣлится на два стана: одни хотятъ употребить смѣлую, рѣшительную мѣру: напасть внезапно на верховниковъ съ оружiемъ въ рукахъ, и если они не захотятъ отстать отъ своихъ замысловъ, то перебить ихъ. Другiе противъ такой насильственной мѣры; они хотятъ войти спокойно въ собранiе Совѣта и представить верховникамъ, что затѣи ихъ не тайны, что немногимъ передѣлывать составъ государства преступно; еслибы даже они придумали и что-нибудь очень полезное, то нельзя этого скрывать. Первая мѣра оказывается слишкомъ сильною, вторая слишкомъ слабою; третьи не придумываютъ, спорятъ; одни хотятъ удержать прежнюю форму правленiя непремѣнно; другiе готовы и перемѣнить, сердятся на верховниковъ только за то, зачѣмъ они взяли все себѣ, съ другими не подѣлились. Верховники знаютъ обо всемъ: между пятью стами человѣкъ не безъ предателей, да и вообще трудно удержать тайну въ такомъ множествѣ; верховники знаютъ и дѣйствуютъ угрозами и увѣщанiями, распускаютъ слухи, что мятежныя сборища имъ извѣстны, что безпокойныя головы, ихъ составляющiя, уже отмѣчены, судятся какъ враги отечества, и скоро будутъ перехватаны; что напрасно надѣются они на свое множество: войско въ рукахъ Верховнаго

Совѣта, между членами котораго находятся оба фельдмаршала; напрасно надѣются, что можно будетъ укрыться отъ бѣды: стоитъ только схватить нѣсколько человѣкъ, и тѣ на пыткахъ укажутъ всѣхъ своихъ товарищей. Угрозы произвели свои дѣйствія: многіе, особенно тѣ, которые не могли надѣяться на сильную поддержку, испугались до того, что боялись жить въ своихъ домахъ, переходили по ночамъ съ мѣста на мѣсто переодѣтые, подъ чужими именами. Напугать людей незначительныхъ было легко; но этимъ цѣль не достигалась: сильные не трусили, и неудовольствіе ихъ получитъ особенное значеніе, когда пріѣдетъ императрица и захочетъ опереться на нихъ, чтобъ высвободиться изъ-подъ опеки Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ отношеніи къ этимъ сильнымъ надобно дѣйствовать иначе, не угрозами, а ласкою, надобно соединить ихъ интересы съ своими. И вотъ верховники призываютъ къ себѣ значительнѣйшихъ противниковъ, принимаютъ съ распростертыми объятіями, клянутся, что начали дѣло не въ собственныхъ интересахъ; жалуются, что напрасно обвиняютъ ихъ въ утайкѣ этого дѣла отъ общаго свѣдѣнія: прежде всего они хотѣли узнать, какъ взглянетъ на это новая государыня, а какъ скоро она согласится, то Верховный Тайный Совѣтъ намѣренъ созвать всѣ чины и просить у нихъ совѣта, какъ съ наибольшею пользою устроить на будущее время государственное управленіе. Нѣкоторые заподозрили искренность верховниковъ, но другіе, и большая часть, рѣшились спокойно дожидаться отвѣта изъ Митавы и призыва къ совѣщанію о новыхъ правительственныхъ формахъ [217].

Втораго февраля повѣстка отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: *просятъ* на другой день членовъ Сената, Синода и генералитета пожаловать въ собраніе, зачѣмъ — неизвѣстно; посланные говорятъ, что будетъ разсуждаться о государственномъ установленіи. Большая часть приглашенныхъ повѣрили этому показанію; другіе, не отличавшіеся храбростію, начали говорить, что не надобно ѣхать: тутъ новая хитрость верховниковъ, или силою заставятъ принять свой планъ или вдругъ захватятъ противниковъ. Верховники и слуги ихъ очень веселы — дурной знакъ! Говорятъ, что изъ Митавы пришло какое-то извѣстіе: должно быть желаніе верховниковъ исполнилось.

3 февраля чины собрались; вошли верховники, пригласили къ

молчанію и велѣли читать письмо императрицы: «Хотя я разсуждала, писала Анна, какъ тяжко есть правленіе толь великой и славной монархіи, однакоже, повинуясь Божеской волѣ и прося Его, Создателя, помощи, къ тому-жь не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе такъ и духовные, могли быть довольны. А понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для предъ вступленіемъ моимъ на россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли мы за потребно, для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячность и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечествію нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ, какими способы мы то правленіе вести хощемъ, и подписавъ нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ. Дано въ Митавѣ 28 генваря 1730 года.» Вслѣдъ за этимъ письмомъ прочтены были извѣстные пункты, подписанные Анною: «По сему обѣщаю вся безъ всякаго изъятія содержать.»

Пусть Ѳеофанъ Прокоповичъ на своемъ оригинальномъ языкѣ разскажетъ намъ о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ этихъ бумагъ: «Никого, почитай, кромѣ верховныхъ не было, кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и, остро глазами посматривая, притворяясь, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи, удивляются. Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ часто похаркивалъ: «Видите-де, какъ милостива государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвигнулъ къ пи-

санію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!» Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но также упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарекать сталъ: «Для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ-де ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердой государынѣ!» И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «Не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло государынѣ такъ писать!» то на его слова ни отъ кого отвѣта не было». Слова, выражавшія неудовольствіе, исчезли въ толпѣ, и присутствующіе стали подписывать протоколъ, въ которомъ говорилось, что «Верховный Тайный Совѣтъ, св. Синодъ, Сенатъ, генералитетъ и прочіе тѣхъ рангов, выслушавъ, за такую ея императорскаго величества показанную ко всему государству неизрѣченную милость, благодарили Всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою милостію весьма довольны и подписуемся своими руками. Первая подпись — Ѳеофана Прокоповича; потомъ: Георгія Ростовскаго, Игнатія Коломенскаго, Сильвестра Казанскаго, Гавріила Рязанскаго, Леонида Крутицкаго, Іоакима Переяславскаго, графа Ивана Мусина-Пушкина, князя Ивана Трубецкаго, князя Михаила Долгорукаго, *енарала* Матюшкина и т. д., всего подписей съ пятьсотъ [218]. Но при этомъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій потребовалъ на словахъ, чтобъ ему и другимъ позволено было подать мнѣнія о новомъ государственномъ устройствѣ. Верховники согласились [219], исполняя этимъ свое прежнее обѣщаніе. Имъ нельзя было раздражать людей, которые согласились съ ними въ основаніи дѣла и не соглашались только относительно подробностей; но они хотѣли показать примѣръ строгости надъ человѣкомъ, который рѣшился пойдти прямо наперекоръ основанію ихъ дѣла: въ самомъ собраніи 3 февраля былъ арестованъ Ягужинскій.

Между показаніями князей Долгорукихъ находятся любопытныя извѣстія о поведеніи Ягужинскаго во время избранія Анны 19 января. Послѣ того какъ Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ Синоду, Сенату и генералитету объ этомъ избраніи и всѣ согласились на него, Ягужинскій подошелъ къ князю Василію Лукичу и сталъ говорить ему: «Батюшки мои! прибавьте намъ какъ можно воли!» Князь Василій отвѣчалъ ему: «Говорено ужь о томъ было.» Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій показывалъ, что Ягужин-

скій и ему въ то же время говорилъ: «Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ: долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ, теперь время думать, чтобъ самовластію не быть.» Князь Сергѣй отвѣчалъ ему: «Не мое это дѣло.» Мы видимъ также, что Ягужинскій былъ изъ числа тѣхъ немногихъ вельможъ, которые, по распоряженію князя Дмитрія Голицына, были возвращены въ залу собранія для написанія пунктовъ. Мы не знаемъ, какъ велъ себя при этомъ случаѣ Ягужинскій; только видимъ, что онъ немедленно же перемѣнилъ свои мысли: рѣшимость верховниковъ сосредоточить всю власть въ однихъ своихъ рукахъ; не выборъ Ягужинскаго, бывшаго генералъ-прокурора, въ члены Верховнаго Совѣта, несмотря на ревность, высказанную имъ къ дѣлу, задуманному верховниками; пополненіе Совѣта только изъ двухъ фамилій—Голицыныхъ и Долгорукихъ, показывавшее аристократическое стремленіе и лишавшее людей новыхъ надежды получить когда-либо въ немъ мѣсто; опасность, которая начала вслѣдствіе этого грозить и Головкину, тестю Ягужинскаго — все это могло повліять на перемѣну мнѣній послѣдняго и заставить его рѣшительнѣе всѣхъ дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. Несмотря на заставы, расположенныя около Москвы, на удержаніе почтъ, чтобъ никто не могъ проѣхать въ Митаву прежде посланной туда отъ Верховнаго Совѣта депутаціи, отправленный Ягужинскимъ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ успѣлъ пробраться туда и передать Аннѣ отъ Ягужинскаго, что «ежели изволитъ его послушать, чтобъ не всему вѣрить, что станутъ представлять князь Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы, до того времени, пока сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь Василій Лукичъ по тѣмъ пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого письма за подписаніемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народу оное привезли, ежели скажутъ, что съ согласія народа; а ежели письма дать не похотятъ, то бъ объявили, что ея величество оное учинитъ по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ, чтобъ оное такъ было какъ представляютъ.» Ягужинскій велѣлъ также сказать Аннѣ, чтобъ была благонадежна, что они всѣ желаютъ прибытія ея въ Москву [220]. Князь Василій Лукичъ съ товарищами, узнавъ, что Сумароковъ въ Митавѣ, велѣли схватить его, допросили, и допросныя его рѣчи и его самого въ оковахъ отправили съ гене-

раломъ Леонтьевымъ, который повезъ письмо Анны и подписанные ею пункты въ Москву. Вслѣдствіе этого верховники схватили Ягужинскаго и другихъ, которые знали о поѣздкѣ Сумарокова; но одного изъ знавшихъ о поѣздкѣ Сумарокова, именно Воина Корсакова, не нашли въ Москвѣ; онъ отправился въ свои новгородскія деревни; это обстоятельство очень обезпокоило верховниковъ, которые тотчасъ же отправили нарочнаго къ новгородскому губернатору, чтобъ велѣлъ схватить Корсакова и держать подъ крѣпкимъ карауломъ.

Обрадованные согласіемъ Анны на пукты и въ то же время озабоченные дѣломъ Ягужинскаго, верховники забыли о дѣлѣ чрезвычайной важности: 3 февраля, послѣ того какъ объявлено было о согласіи Анны принять престолъ и объ извѣстной милости ея къ вѣрнымъ подданнымъ, синодальные члены стали говорить, что теперь уже не для чего болѣе откладывать благодарственное молебствіе; никто не возражалъ, и въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, при чемъ протодіаконъ провозгласилъ Анну по прежней формѣ самодержицею. Верховники спохватились, но уже было поздно; съ этимъ же титуломъ Синодъ въ тотъ же день разослалъ извѣщенія по епархіямъ [221]. Чтобъ не было разногласія, положили оставить пока по старому до присяги, которую отложили. 4 февраля Верховный Тайный Совѣтъ издалъ манифестъ объ избраніи Анны, и что она согласилась принять престолъ и находится на дорогѣ къ Москвѣ; манифестъ оканчивался словами: «А какъ ея императорское величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впредь немедленно.» 5 февраля изданъ былъ указъ, что новая императрица будетъ имѣть такой же титулъ, какъ и покойная императрица Екатерина [222]. Дѣло это однако сильно безпокоило верховниковъ: 7 февраля въ засѣданіи Совѣта смотрѣнъ былъ манифестъ печатный, и разсуждалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, чтобъ «въ оный внести кондиціи и письмо ея величества, чтобъ народъ вѣдалъ ради соблазну.» Головкинъ и оба Голицыны говорили: «чтобъ о кондиціяхъ объявленіе тогда учинить, когда ея императорское величество прибудетъ, отъ ея лица, для того, чтобъ народъ не сумнѣвался, что выданы отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ ея величества; а когда пріѣдетъ ея величество, тогда отъ своего лица ту свою

милость объявить изволитъ.» Остерманъ согласился съ ними; но князь Алексѣй Григовьевичъ Долгорукій объявилъ, что «въ Москвѣ всемѣрно надлежитъ публиковать кондиціи, чтобъ инако ихъ не толковали» [223].

Между тѣмъ въ Верховный Тайный Совѣтъ начали подаваться мнѣнія, и всѣ они требовали увеличенія числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта вообще и уменьшенія числа членовъ изъ одной фамиліи, слѣдовательно всѣ посягали на настоящій составъ Совѣта. Подъ однимъ мнѣніемъ подписались: одинъ полный генералъ, одинъ генералъ-лейтенантъ, статскихъ того ранга четыре, генералъ-маіоровъ пять, статскихъ того ранга четыре, и того 15 человѣкъ. Мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: 1) къ Верховному Тайному Совѣту, къ настоящимъ персонамъ мнится прибавить, чтобъ съ прежними было отъ 12 до 15; 2) нынѣ въ прибавокъ и впредь на ваканціи въ Верховный Тайный Совѣтъ выбирать обществомъ, генералитету военному и статскому и шляхетству на одну персону по три кандидата, изъ которыхъ одного выбрать предоставляется Верховному Тайному Совѣту; 3) или выбравъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ трехъ персонъ, и изъ тѣхъ трехъ персонъ баллотировать (балантировать) генералитету военному и статскому и шляхетству не меньше 70 персонъ, въ которомъ бы числѣ одной фамиліи болѣе двухъ персонъ не было; а которые будутъ выбираться въ кандидаты, тѣмъ бы не баллотировать, а для баллотированія выбрать бы другихъ такимъ же образомъ, только бъ было не менѣе вышеозначеннаго числа.

Подъ вторымъ мнѣніемъ подписались: генералъ-лейтенанта 3, статскихъ того ранга 4, генералъ-маіоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13, оберъ-прокуроръ Синода, всего 30 человѣкъ. Въ мнѣніи говорилось: 1) въ началѣ учредить вышнее правительство изъ 21 персоны; 2) дабы оное множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія прочихъ дѣлъ учинить Сенатъ въ 11 персонахъ; 3) въ вышнее правительство, и въ Сенатъ, и въ губернаторы и въ президенты коллегій кандидатовъ выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при баллотированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, а при баллотированіи быть не меньше 100 персонъ; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ Сенатѣ впредь кромѣ

обрѣтающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, считая въ обоихъ, какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ Сенатѣ. Въ третьемъ мнѣніи графа Ив. Алекс. Мусина-Пушкина также говорилось, что число членовъ въ государственномъ правленіи должно быть увеличено и должны быть они выбраны общимъ совѣтомъ и между ними не должно быть болѣе двухъ персонъ изъ одного рода. При этомъ высказывались разныя требованія, не относившіяся къ главному дѣлу, которыя и были удовлетворены въ царствованіе Анны: такъ требовалось ограничить срокъ шляхетской службы двадцатью годами, уничтожить майоратъ.

Верховный Тайный Совѣтъ отвѣчалъ на эти мнѣнія: «Понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ Сенатомъ, и для апробаціи представлять ея императорскому величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминая объ иноземцахъ). И смотрѣть того, дабы въ такомъ первомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ законъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для онаго въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣютъ для Совѣту и разсужденія собраны быть—Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство, буде же что касаться будетъ къ духовному правленію, то и синодскіе члены и прочіе архіереи по усмотрѣнію важности дѣла.»

Видя, что этотъ отвѣтъ не удовлетворяетъ, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ начали разсуждать о новыхъ уступкахъ: полагали впустить въ свою среду еще четырехъ членовъ, чтобъ было 12. Для привлеченія высшаго духовенства полагалось уничтожить коллегію экономіи, и управленіе имѣніями отдать епархіямъ и мона-

стырямъ. Обѣщали, что какъ архіереи, такъ и іереи почтеніе имѣть будутъ какъ служители престола Божія. Въ Сенатъ, Коллегіи, Канцеляріи и въ прочія управленія будутъ выбираться члены изъ фамильныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго шляхетства, достойные и доброжелательные обществу, также и все шляхетство будетъ содержано, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ надлежащемъ почтеніи и въ ея императорскаго величества милости и консидераціи, а особливо старыя и знатныя фамиліи будутъ имѣть преимущества, получатъ ранги и къ дѣламъ будутъ опредѣлены по ихъ достоинству. Шляхетство въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять; а чтобъ воинское дѣло не ослабѣвало, то для обученія военнаго устроить особливыя кадетскія роты, изъ которыхъ опредѣлять, по обученіи, прямо въ оберъ-офицеры и производить чрезъ гвардію, а въ морскую службу чрезъ гардемариновъ. Которые находятся въ управленіи гражданскомъ хотя и не изъ шляхетства, а дослужились ранговъ, тѣ будутъ присоединены къ шляхетству и опредѣлятъ ихъ къ дѣламъ какъ заблагоразсудится. Приказныхъ людей производить по знатнымъ заслугамъ и «по опыту вѣрности всего общества,» а людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ. Послѣ казненныхъ смертію у женъ ихъ, дѣтей и сродниковъ имѣнія не отнимать, и тѣмъ ихъ не укорять. О солдатахъ и матросахъ смотрѣть прилежно, какъ о дѣтяхъ отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли, а до обидъ ихъ не допускать. Лифляндцы и Эстляндцы, какъ шляхетство такъ и гражданство, да будутъ содержаны равною ея императорскаго величества милостію, какъ и россійскіе, и во всемъ поступаться будетъ по ихъ правамъ и привилегіямъ; также и къ прочимъ иноземцамъ, которые теперь находятся и которые впредь будутъ въ русской службѣ, имѣть почтеніе и склонность ко всякой любви и по контрактамъ жалованье да будетъ неотъемлемо. Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ него всякія обиды и неволи, и въ торгахъ имѣть ему волю, и никому въ одни руки никакихъ товаровъ не давать, и въ податяхъ должно купцовъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшаться. Крестьянъ въ податяхъ сколько можно облегчать. Резиденціи, убѣгая государственныхъ излишнихъ убытковъ и для исправленія всему обществу домовъ своихъ и дере-

вень, быть въ Москвѣ непремѣнно, и въ другое мѣсто никуда не переносить [224].

Не знаемъ, было ли извѣстно объ этихъ уступкахъ недовольнымъ; во всякомъ случаѣ онѣ не могли удовлетворить; надобно было дѣйствовать рѣшительнѣе, немедленно же назначить четверыхъ новыхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта изъ самыхъ сильныхъ людей между недовольными; но этого не сдѣлали. Духовенство, разумѣется съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ челѣ, усердно работало противъ верховниковъ: князь Дмитрій Голицынъ не скрывалъ своего презрѣнія къ членамъ Синода за то, что по смерти Петра Великаго они позволили возвести на престолъ Екатерину мимо Петра II-го [225], и члены Синода не могли быть благодарны за это самому видному изъ верховниковъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда новой императрицы. Верховники, желая, по крайней мѣрѣ, уничтожить неудовольствіе въ собственной средѣ, успокоить старика Головкина, рѣшились выпустить зятя его Ягужинскаго изъ-подъ ареста и возстановить его въ прежнемъ значеніи; но Ягужинскій не согласился принять отъ нихъ прощеніе въ винѣ, которой за собою не признавалъ: «Вы меня запятнали, говорилъ онъ, но очистить меня вы не можете [226].»

10 февраля получено было извѣстіе, что императрица уже недалеко отъ Москвы, и три архіерея съ тремя сенаторами отправились къ ней навстрѣчу; на заставѣ офицеръ потребовалъ отъ нихъ паспортовъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и когда паспорты были объявлены, то офицеръ пересчиталъ всѣхъ, и господъ, и слугъ. Архіереи и сенаторы нашли Анну въ Чашникахъ, и въ то время какъ они ее привѣтствовали, сопровождавшій ее князь Василій Лукичъ Долгорукій зорко оглядывалъ ихъ съ ногъ до головы. Въ тотъ же день Анна пріѣхала въ село Всесвятское подъ Москвою, и здѣсь остановилась, давши приказаніе похоронить на другой день Петра II-го.

11 февраля чѣмъ-свѣтъ собрались всѣ чины въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ находилось тѣло покойнаго государя, и долго дожидались: причиною медленности оказалось то, что невѣста, княжна Долгорукая, требовала себѣ въ церемоніи мѣста и всей обстановки особы императорскаго дома. Эта безтактность со стороны Долгорукихъ возбудила противъ нихъ сильное негодованіе [227].

Погребальное шествіе тронулось безъ невѣсты. Но въ то время какъ многіе бранили княжну Екатерину и ея родственниковъ, на печальную церемонію смотрѣла изъ окна шереметевскаго дома другая женщина, которой суждено было дать фамиліи Долгорукихъ другаго рода блескъ, блескъ нравственной чистоты и мужества въ страданіяхъ: то была невѣста бывшаго фаворита, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, Наталья Борисовна Шереметева. Когда она обручилась съ Долгорукимъ, то отовсюду только и слышала восклицанія: «ахъ какъ она счаслива»! Но это счастіе продолжалось только нѣсколько дней. Послѣ извѣстія о смерти Петра II-го «не можно было плачь мой пресѣчь», писала потомъ Наталья Борисовна: «я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ чего было и мнѣ ожидать? И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средство, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня уговаривать, что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время, правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, и сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла... Пришелъ тотъ назначенный несчастливый день: нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго

чину; потомъ несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, короны, въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявшись противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или мной: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю [228].» Петра погребли въ Архангельскомъ соборѣ, вынувши для его гроба два гроба сибирскихъ царевичей [229].

Мысли многихъ присутствовавшихъ 11 февраля въ Архангельскомъ соборѣ обращались въ Всесвятское. Верховники уже были недовольны: тотчасъ по пріѣздѣ Анны въ Всесвятское, явился туда батальонъ Преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ: Анна вышла къ нимъ, объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, и каждому изъ послѣднихъ поднесла сама по рюмкѣ водки. Это распоряженіе насчетъ полковничества и капитанства гвардіи было явнымъ нарушеніемъ условій; однако 14 числа Верховный Тайный Совѣтъ, Сенатъ и генералитетъ отправились въ Всесвятское благодарить императрицу за дарованную народу милость, при чемъ графъ Головкинъ, какъ старшій кавалеръ, поднесъ ей орденъ св. Андрея; есть очень вѣроятное извѣстіе, что Аннѣ не понравилось это поднесеніе отъ Верховнаго Совѣта, ибо она считала себя въ правѣ на этотъ орденъ, какъ императрица: «Ахъ, правда, я и позабыла его надѣть», сказала она, взяла орденъ и велѣла надѣть его на себя одному изъ окружающихъ, не допуская сдѣлать это кого-нибудь изъ членовъ Верховнаго Совѣта [230]. На другой день, 15 февраля, императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. Всѣ чины были созваны къ присягѣ въ Успенскій соборъ, который былъ обставленъ войскомъ. Въ синодской палатѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ внушалъ духовенству, что присяга есть дѣло великое; бѣда, если кто присягаетъ на томъ, что̀ противно совѣсти, или чего онъ не хочетъ или не знаетъ, и настоялъ, чтобъ Синодъ прежде всего потребовалъ отъ Верховнаго Совѣта форму присяги, которая, какъ ходили слухи, измѣнена. Нѣсколько разъ ходили секретари изъ Синода въ Верховный Совѣтъ съ требованіемъ формы присяги;

верховники нѣсколько разъ обѣщались ее прислать, но не присылали, и вдругъ прислано сказать архіереямъ, что члены Верховнаго Совѣта уже въ церкви и дожидаются духовенства. Ѳеофанъ совѣтовалъ не ходить, но другіе архіереи двинулись, и онъ не рѣшился остаться одинъ. Только-что архіереи вошли въ соборъ, какъ верховники приступили къ нимъ съ убѣжденіемъ, чтобъ первые присягнули, какъ всего народа пастыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. Тутъ Ѳеофанъ началъ опять говорить о важности присяги; въ толпѣ шляхетства послышались вздохи и восклицанія, что присяга дѣло страшное. Ѳеофанъ настаивалъ, чтобъ форма присяги прежде всего была прочтена всѣмъ вслухъ съ амвона. Князь Дмитрій Голицынъ возражалъ ему, но другіе верховники, боясь смуты, согласились. Новую форму присяги прочли: въ ней хотя нѣкоторыя прежнія выраженія, означавшія самодержавіе, и были исключены, однако не было и выраженій, которыя бы означали новую форму правленія, и, главное, не было упомянуто о правахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и о подтвержденныхъ императрицею условіяхъ; существенная перемѣна состояла въ томъ, что присягали государынѣ и отечеству; поэтому присутствовавшіе, разсудивъ, что новая форма не приноситъ верховникамъ никакой пользы, рѣшились принять ее и присягнули [231]. Говорятъ, была попытка заставить присягнуть государынѣ и Верховному Совѣту: такую форму присяги попытался было предложить фельдмаршалъ князь Василій Владим. Долгорукій Преображенскому полку, но получилъ отвѣтъ, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то ему ноги переломаютъ [232].

Отъ новой формы присяги не было пользы верховникамъ; но не было и вреда; они были сильны безсиліемъ своихъ противниковъ, недостаткомъ единства между ними, отсутствіемъ энергическихъ вождей. Ѳеофанъ Прокоповичъ не рѣшился, или ему не позволили сказать громко привѣтственную рѣчь новой императрицѣ въ день ея торжественнаго въѣзда въ Москву; онъ подалъ рѣчь на письмѣ; въ ней говорилось: «Твое персональное доселѣ бывшее состояніе всему міру извѣстно: кто же, смотря на оное, не воздохнулъ, видя порфирородную особу, въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ, впадшую въ сиротство отшествіемъ державныхъ родителей, тоску вдовства пріемшую лишеніемъ любезнѣйшаго подружія, не по достоинству рода пропитаніе имущую, но, и что вос-

помянуть ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній отъ неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго злодѣя, страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе претерпѣвшую. На сія смотря, которіи о промыслахъ Божіихъ искусно разсуждаютъ, узнавали величество ваше быти въ числѣ любимыхъ чадъ Божіихъ; а суемудріи человѣцы, можетъ быть, въ сердцахъ своихъ говорили: Богъ оставилъ ю. А се нынѣ Отецъ нашъ небесный, сира и вдову пріемлющій, всему міру ясно показалъ, какъ не оставилъ тебе.»

Ѳеофанъ здѣсь указывалъ на гоненіе, претерпѣнное Анною отъ Меншикова, «неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго злодѣя»; но онъ старался внушить, что Анна и теперь терпитъ страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе отъ неблагодарныхъ рабовъ и весьма безбожныхъ злодѣевъ; люди, дѣйствовавшіе по мысли Ѳеофана, духовенство, били на чувство преданности къ царской особѣ и возбуждали состраданіе къ печальному положенію государыни, которая находится въ неволѣ: князь Василій Лукичъ Долгорукій помѣстился во дворцѣ, и никому нельзя было приблизиться къ императрицѣ безъ его позволенія; даже сестры ея могли говорить съ нею только въ его присутствіи: «Смотрите, говорили, она никуда не показывается, народъ не видитъ ея, не встрѣчаетъ радостными криками; князь Василій Лукичъ стережетъ ее какъ драконъ; неизвѣстно, жива ли она, и если жива, то на силу дышетъ.»— «Симъ и симъ подобная когда вездѣ говорено, другой компаніи (противной верховникамъ) ревность жесточаѣ воспламенялась; видать было на многихъ, что нѣчто весьма страшное умышляютъ», разказываетъ самъ Ѳеофанъ. Но у верховниковъ было не безъ приверженцевъ, которые также не молчали; образчикомъ ихъ рѣчей можетъ служить разсказъ бригадира Козлова казанскому губернатору Волынскому о московскихъ происшествіяхъ: «Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было. А если будетъ между ими согласіе, такъ какъ положено, то конечно никто сего опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ; а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партишкою князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій), однакожъ ничего не успѣваютъ, и не сдѣлается. И о государынѣ такъ поло-

жено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100.000, и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея императоръ и съ теткою ея довольствовался только 60.000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта; также и деревень никакихъ, ни денегъ не повинна давать никому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ свойственниковъ своихъ не держать, и другихъ ко двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволитъ Верховный Тайный Совѣтъ. И теперь Салтыковыхъ и духу нѣтъ, а впредь никого не допустятъ. И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время, помазка по губамъ.»

Борьба между двумя «компаніями» состояла въ томъ, что верховники старались убѣдить Анну поскорѣе явиться въ ихъ засѣданіе и торжественно подтвердить новое государственное устройство, а противная компанія уговаривала императрицу, чтобъ она этого не дѣлала. Но князь Василій Лукичъ стерегъ Анну какъ драконъ, и потому послѣдней компаніи сноситься съ нею было трудно; надобно было дѣйствовать тайкомъ, черезъ женщинъ; главною посредницею была свояченица князя Черкасскаго, штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, по мужу свойственница императрицѣ [233]. Разсказывали, что употреблялись и другія средства сноситься съ императрицею, будто приносили къ ней каждый день ребенка, биронова сына, и клали ему за пазуху записки о ходѣ дѣла; наконецъ будто Ѳеофанъ Прокоповичъ подарилъ Аннѣ столовые часы, въ которыхъ подъ доскою она нашла увѣдомленіе, что преданные ей люди положили дѣйствовать рѣшительно [234]. Ходилъ также слухъ, что верховники, устрашенные всеобщимъ неудовольствіемъ и не надѣясь выиграть дѣло, предложили Аннѣ провозгласить ее самодержицею, на что она отвѣчала: «Это для меня слишкомъ мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ» [235].

Какъ бы то ни было, въ то время какъ «другая компанія» со-

биралась въ разныхъ домахъ для совѣщаній о рѣшительныхъ мѣрахъ, для подписанія просьбы императрицѣ о пересмотрѣ подписанныхъ ею въ Митавѣ пунктовъ, Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ распоряжаться, и 24 февраля рѣшилъ участь лицъ, къ которымъ императрица не могла быть равнодушна, а именно: тайный совѣтникъ Петръ Бестужевъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній Новгородъ; арапа Аврама Петрова велѣно освободить изъ-подъ караула и быть ему въ Тобольскѣ при полкахъ майоромъ [236]. На другой день, 25 числа, члены Совѣта также собрались на обычное засѣданіе; сидѣли князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, его братъ князь Дмитрій, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій и занимались разными дѣлами [237], какъ вдругъ входитъ князь Василій Лукичъ и зоветъ ихъ къ императрицѣ. Въ большой залѣ дворца нашли они государыню и множество изъ Сената, генералитета и шляхетства, человѣкъ 800, отъ имени которыхъ начали читать просьбу: въ ней говорилось, что императрица, по своей неизрѣченной милости, изволила подписать условія, предложенныя ей Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, за что всѣ вѣрноподданные приносятъ ей глубочайшую благодарность за себя и за потомковъ своихъ, которые не перестанутъ благословлять имя ея величества; несмотря на то, обязанность вѣрноподданныхъ заставляетъ представить ея величеству, что въ означенныхъ пунктахъ заключаются обстоятельства, заставляющія опасаться впредь для народа событій непріятныхъ, которыми враги отечества могутъ воспользоваться; послѣ зрѣлаго размышленія объ этихъ условіяхъ, сдѣланы были Верховному Тайному Совѣту письменныя представленія, требовалось, чтобъ по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія. Но Верховный Тайный Совѣтъ отвѣчалъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія ея величества. Зная натуральное милосердіе императрицы, присутствующіе нанпокорнѣйше просятъ приказать разсмотрѣть различные проекты, предложенные ими, призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамиліи, для установленія такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу. Хотя просьба подписана и немногими лицами, потому что боялись собираться, однако присутствующіе увѣряютъ, что все шляхетство ее одобряетъ.

Когда чтеніе было кончено, князь Василій Лукичъ обратился

къ императрицѣ съ просьбою обдумать вмѣстѣ съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, какой отвѣтъ дать на подобное прошеніе. Тутъ вдругъ подлѣ Анны очутилась сестра ея, Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, съ перомъ и чернилицею въ рукахъ: «Нечего тутъ думать, государыня, сказала она сестрѣ: извольте подписать.» Анна подписала; но тутъ встала буря, и не со стороны членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые стояли совершенно пораженные: гвардейскіе офицеры и другіе изъ шляхетства, хотѣвшіе полнаго возстановленія прежней правительственной формы, начали кричать: «Не хотимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы, она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи.» Когда Анна, раздраженная шумомъ, стала ихъ унимать, то они бросились передъ нею на колѣна съ крикомъ: «Государыня, мы вѣрные подданные вашего величества; мы вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ, и сложимъ свои головы на службѣ вашего величества; но мы не можемъ терпѣть, чтобъ васъ притѣсняли. Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ.» Тутъ Анна сказала капитану гвардіи: «Вижу, что я здѣсь не безопасна; повинуйтесь генералу Салтыкову и только ему одному.»

Шляхетство имѣло теперь въ рукахъ подписанную императрицею просьбу о пересмотрѣ всѣхъ проектовъ и установленіи, съ общаго согласія, новой правительственной формы. Но къ чему повело бы это, когда уже такъ громко было заявлено желаніе, чтобъ возстановленъ былъ старый порядокъ вещей, когда представители вооруженной силы высказались, что не позволятъ предписывать законовъ государынѣ? Благоразумно ли было давать опереживать себя въ преданности и подвергаться явной опасности? Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ голосъ людей, требовавшихъ полнаго возстановленія самодержавія, взялъ верхъ, и дворянство, вышедши въ другую залу, положило просить императрицу о принятіи самодержавія. Но для написанія новой просьбы требовалось время, и потому стали просить о допущеніи на аудіенцію послѣ обѣда. Анна согласилась и пошла за столъ, къ которому пригласила и членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [238]: такимъ образомъ послѣдніе не имѣли возможности подумать вмѣстѣ о своемъ положеніи.

Въ четвертомъ часу пополудни дворянство возвратилось во дворецъ съ новою просьбою, въ которой говорилось: «Когда ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за тако превосходную вашего императорскаго величества милость. Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущаго времени нынѣ установить. Мы напослѣдокъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе раби надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному величества вашего благоутробію презрѣнны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ.» Февраля 25, 1730. Подписи: князь Иванъ Трубецкой, Григорій Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, князь Григорій Юсуповъ, Михайла Матюшкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, Сукинъ, Олсуфьевъ, князь Никита Трубецкой, графъ Михайла Головкинъ и т. д., подписей 150.

Когда прочли эту просьбу, императрица притворилась удивленною: «Какъ, сказала она: развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, были составлены не по желанію цѣлаго народа.»

«Нѣтъ!» отвѣчали собравшіеся.—«Такъ, значитъ, ты меня, князь Василій Лукичъ, обманулъ,» сказала Анна [239]. О послѣдующемъ въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта записано: «Пополудни въ четвертомъ часу къ ея императорскому величеству призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ и приказано ему пункты и письмо принесть къ ея величеству, которые въ то жъ время и отнесены, и ея величеству отъ господъ министровъ поднесены, и тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила принявъ разорвать. Февраля 26: Господа министры изволили быть во дворцѣ, куда призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ и велѣно ему сочинить вновь присягу о самодержавіи ея величества, которая въ то-жъ время и сочинена, и ея величество тое присягу опробовать соизволила, и господа министры тое присягу подписавъ вручили ея величеству. 28 февраля по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ объявлено, чтобъ завтра, т.-е. 1-го марта, въ 8 часовъ утра всѣ шли паки къ присягѣ въ соборы и церкви.»

Бригадиръ Ив. Мих. Волынскій такъ увѣдомилъ объ этихъ событіяхъ двоюроднаго брата своего, Артемія Петровича Волынскаго: «Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ его величества выбрали царевну Анну Ивановну съ подписаніемъ пунктовъ, склонныхъ вольности, и чтобъ быть въ правленіи государства Верховному Совѣту восьми персонамъ и въ Сенатѣ одиннадцати. И въ ономъ спорило больше шляхетство, чтобъ быть въ Верховномъ Совѣтѣ 21 персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ. И за то шляхетство подало челобитную ея величеству, чтобы быть въ 21 персонѣ, и оная челобитная ея величества собственною рукою подписана тако: «По сему разсмотрѣть,» и потомъ ея величество и онужю челобитную изволила отдать князю Алекс. Мих. Черкасскому. И съ шляхетствомъ подавалъ челобитную князь Алексѣй Михайловичъ, и потомъ за опасностію шляхетство подало челобитную другую ея величеству, чтобъ соизволила принять суверенство, и тако учинилась въ суверенствѣ, и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все князь Алексѣй Михайловичъ и генералитетъ, съ нимъ и шляхетство, и что отъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, и живетъ онъ вверху и ночуетъ при ея величествѣ, а большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются, двѣ

фамиліи и съ ними Матюшкинъ, Измайловъ, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣй Воейковъ, и такова дѣла отъ начала не бывало [240].»

Присягнули самодержицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, ей одной только, и, за очень немногими исключеніями, всѣ были очень довольны; перепугались только, какъ говорятъ, когда вечеромъ 25 числа красный цвѣтъ сѣвернаго сіянія покрылъ горизонтъ. Въ кругу людей близкихъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ произносилъ зловѣщія слова: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть; пострадаю за отечество; мнѣ уже не много остается, и тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего [241]».

Но отъ кого же плакать? отъ самой императрицы? Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ герцогинею курляндскою и все въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ея жизни. Жизнь до сихъ поръ, дѣйствительно, была незавидная. Раннее и бездѣтное вдовство въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которою спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны игрушку политическихъ отношеній и соображеній; она стала невѣстою всѣхъ бѣдныхъ принцевъ, желавшихъ получить Курляндію въ приданое; планы о бракѣ ея составлялись и раздѣлывались смотря по отношеніямъ между Россіею, Польшею и Пруссіею; непріятно было положеніе Анны при великомъ дядѣ; еще непріятнѣе при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ. Чаша униженія была выпита до дна, а натура была жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію. Во всемъ препятствія, борьбы; за отношенія къ Бестужеву гоненіе отъ матери, царицы Прасковьи, на которую Анна была очень похожа жесткостію и энергіею; понравился Морицъ саксонскій—«неблагодарный рабъ» разстроиваетъ дѣло; изъ-за Бирона непріятная исторія съ Бестужевымъ. Выбрали въ императрицы, когда уже Аннѣ было 37 лѣтъ; но князь Василій Лукичъ Долгорукій привезъ ограничительные пункты, и требуетъ, чтобъ Биронъ не ѣздилъ въ Москву [242]; князь Василій Лукичъ стережетъ какъ драконъ. Наконецъ тюрьма отпирается, Анна на полной свободѣ, она самодержавная императрица; наконецъ-то можно пожить; но уже молодость прошла, оставивъ много горечи на сердцѣ; да и дадутъ ли спокойно пользоваться властію? Выбрали съ ограниче-

ніемъ; ограничительные пункты разорваны, но остались недовольные, и недовольны сильные и знатные люди; при первомъ неудовольствіи къ нимъ пристанутъ и другіе, и начнутъ смотрѣть въ другую сторону: въ Голштиніи соперникъ опасный, родной внукъ Петра Великаго! Надобно смотрѣть зорко и жить въ постоянномъ страхѣ; а подозрительность и страхъ — это такія чувства, которыя не умягчаютъ душу. Русское знатное шляхетство подозрительно; правда, оно было противъ верховниковъ; но оно сочиняло разные проекты государственнаго устройства, и 25 февраля просило свободы просмотрѣть эти проекты и составить одинъ наиболѣе удовлетворительный; только энергическое движеніе гвардіи заставило поспѣшить возстановленіемъ самодержавія. Надобно привязать къ себѣ эту гвардію, увеличить ее число и, главное, сосредоточить всю власть въ рукахъ людей вполнѣ преданныхъ, которыхъ интересы неразрывно связаны съ интересами Анны, которымъ грозила и постоянно грозитъ бѣда, если власть перейдетъ въ руки русской знати. Эти люди — иностранцы. Но возвышеніемъ иностранцевъ, и особенно одного изъ нихъ, который въ глазахъ народа не имѣлъ никакого права на возвышеніе, оскорблялись русскіе; Анна, при своемъ умѣ, котораго у нея никто никогда не отнималъ, не могла не сознавать этого, и потому не могла быть покойна. Чтобъ успокоиться, забыться среди постоянно тяжелыхъ обстоятельствъ жизни для натуры неспособной уходить во внутренній міръ души и оттуда вызывать успокоеніе, для натуры недоступной, неприготовленной образованіемъ къ высшимъ средствамъ возстановленія падающихъ силъ духа,— для такой натуры оставалось одно средство—внѣшнее развлеченіе, празднества, окруженіе себя существами, которыя бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство, и Аннѣ необходимо имѣть подлѣ себя женщинъ, которыя бы болтали безъ умолку. Такъ она писала въ Москву: «У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась: то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ что она много говоритъ.» Въ другой разъ Анна писала въ Переяславль: «Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ пасадскихъ, которыя бы похо-

жи были на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ посороку и также-бъ говорливы, какъ та Новокщенова или какъ были княжны Настасья и Анисья [243]». Въ послѣдствіи люди знатные оскорблялись тѣмъ, что при Аннѣ въ числѣ шутовъ были два князя—Волконскій и Голицынъ [244]; но желаніе развлечься насчетъ ближняго, поймать его, посмѣяться надъ нимъ было такъ сильно въ Аннѣ, что она не останавливалась ни предъ какимъ саномъ, что̀ видно изъ письма ея къ казанскому архіерею: «Преосвященный архіерей! Письмо ваше изъ Казани мы получили, въ которомъ пишешь, что ты пріѣхалъ туда въ самой Благовѣщеньевъ день и даешь знать, что то есть марта 25 числа; за то мы благодарствуемъ, что научилъ насъ здѣсь въ Петербургѣ знать, въ которомъ числѣ оный день бываетъ: а мы до сихъ поръ еще не знали, однакожъ уповали, что то какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается [245]». Въ заключеніе представимъ два портрета Анны, нарисованные въ разныя времена, однимъ наблюдателемъ совершенно безпристрастнымъ, другой наблюдательницею очень пристрастною, но все же и второй портретъ заслуживаетъ вниманія. Голштинскій камеръ-юнкеръ, Берхгольцъ, въ 1724 году такъ описываетъ визитъ, сдѣланный его герцогомъ курляндской герцогинѣ Аннѣ: «Она приняла его высочество очень ласково, но не просила его садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе». Другой портретъ отъ 1730 года: невѣста князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, Наталья Борисовна Шереметьева смотрѣла на торжественный въѣздъ Анны въ Москву и описала ее такъ: «Престрашнаго была взору; отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше и чрезвычайно толста.»

Какъ же началась дѣятельность новаго правительства?

Просьба генералитета и шляхетства объ уничтоженіи Верховнаго Совѣта и о возстановленіи Сената въ томъ значеніи, какой онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, была немедленно исполнена (4 марта) [246]. Число сенаторовъ, какъ именно просили, было назначено 21: канцлеръ графъ Головкинъ, фельдмаршалы князья

Голицынъ, Долгорукій и Трубецкой, князь Иванъ Өедоровичъ Ромодановскій, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, генералъ Ягужинскій (освобожденный изъ-подъ ареста 25-го же февраля), Григорій Петровичъ Чернышевъ, Иванъ Ильичъ Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой, князь Иванъ Өедоровичъ Борятинскій, Семенъ Ивановичъ Сукинъ, Василій Яковлевичъ Новосильцевъ, князь Григорій Алекс. Урусовъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Этотъ списокъ не поражалъ новостію въ сравненіи съ прежними временами: изъ двадцати одной фамиліи только одна была нѣмецкая—Остермана, но и барона Андрея Ивановича, какъ прежде Брюса, переставали считать иностранцемъ. На другой день, 5 марта, сенаторы присягали и немедленно имѣли разсужденіе, надлежитъ ли въ Сенатѣ быть генералъ-прокурору, оберъ-прокурору и рекетмейстеру? Разсудили, что рекетмейстеру быть надлежитъ; но отъ безпокойныхъ блюстителей и напоминателей закона себя освободили [247]. 18 марта ея императорское величество изволила присутствовать въ Сенатѣ и засѣдать въ своемъ мѣстѣ. Притомъ изволила отдать пункты и указала по онымъ о сбавкѣ подушныхъ денегъ разсмотря доложить ея императорскому величеству. Изволила же дать указъ о благочестивомъ содержаніи православныя вѣры и прочаго, что̀ касается ко св. церкви, и по прочтеніи оныхъ, министры за такую ея императорскаго величества милость благодарили. Изволила слушать реестръ докладамъ и указала тѣ доклады взнесть современемъ въ домъ ея императорскаго величества, и тогда разсматривать изволитъ. Потомъ изволила отсутствовать» [248].

Мы видѣли, что Верховный Тайный Совѣтъ, желая удовлетворить недовольное шляхетство, обѣщалъ уничтоженіе майората и учрежденіе военнаго училища, изъ котораго молодые шляхтичи могли бы выходить прямо офицерами, не подвергаясь унизительной службѣ въ солдатахъ. Самодержавная императрица признала за нужное исполнить эти обѣщанія уничтоженнаго ею Совѣта. Въ декабрѣ 1730 года утвержденъ былъ докладъ Сената, что въ 1714 году Петръ Первый, императоръ, по первенству одного наслѣдникомъ учинить соизволилъ, въ такомъ всемилостивѣйшемъ намѣ-

ренія: 1) чтобъ отъ раздѣленія деревень въ разныя руки фамиліи и знатные домы не упадали, и крестьяне не отягчены были помѣщиковыми податьми, и для того-бъ исправнѣе государственныя подати платить могли. 2) Чтобъ тѣ дѣти, которыя къ деревнямъ наслѣдники не будутъ, принуждены были хлѣба искать службою, ученіемъ и торгами. Но нынѣ усмотрѣно, что тѣ пункты по состоянію здѣшняго государства не къ пользѣ происходятъ, а именно: 1) отцамъ не только естественно, но и законъ Божій повелѣваетъ дѣтей своихъ всѣхъ равно награждать, и для того, которые у себя имѣютъ по два или по три сына и по нѣскольку дочерей, тѣ всячески ищутъ, какимъ бы образомъ всѣхъ равно удовольствовать, и если прочихъ движимымъ наградить нечѣмъ, то принуждены съ крестьянъ излишнее брать или деревни продать въ чужой родъ, чтобъ деньги на раздѣлъ прочимъ оставить, или тѣ-жъ деревни перепродавать чрезъ нѣсколько лицъ для укрѣпленія меньшимъ дѣтямъ, и въ платежѣ пошлинъ несутъ великіе убытки; а если кто при себѣ не сдѣлаетъ, то принужденъ написать въ духовной на себѣ немалый долгъ и съ клятвою наслѣднику завѣщать подъ тѣмъ образомъ заплатить меньшимъ дѣтямъ, и нѣкоторые, исполняя волю отцовскую, платятъ, продавъ тѣ же отцовскія деревни; а иные наслѣдники, вѣдая, что на отцѣ ихъ такого долгу не было, духовныя оспариваютъ, и происходятъ между братьями ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и въ такой ненависти и злобѣ вѣчно принуждены оставаться, и не безъизвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти. 2) Хлѣбъ, лошадей и всякій скотъ за движимое почитаютъ и отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами, и такимъ образомъ у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быть не могутъ, а у меньшихъ братьевъ безъ деревень хлѣбъ и скотъ пропадаютъ, и какъ наслѣдники, такъ и кадеты отъ того въ разореніе приходятъ. И хотя опредѣлено, чтобъ тѣ, которые къ деревнямъ не наслѣдники, искали-бъ себѣ хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ, но того на самомъ дѣлѣ не исполняется, ибо всѣ шляхетскіе дѣти, какъ наслѣдники такъ и кадеты, берутся въ службу сухопутную и морскую въ нижніе чины, что кадеты за двойное несчастіе себѣ почитаютъ, ибо и отеческаго лишились и въ про-

должительной солдатской или матросской службѣ бывають, и до такого отчаянія приходятъ, что уже всѣ свои шляхетные поступки теряютъ. 3) Деревень въ приданое за дочерьми давать не велѣно, чтобъ онѣ въ чужіе роды не выходили; это также съ немалою тягостію происходить, ибо вмѣсто того, чтобъ дать въ приданое деревни, принуждены ихъ продавать, и тѣ деньги за дочерями давать, потому что безъ этой продажи дать нечего, и потому деревни стали больше прежняго выходить изъ роду, тогда какъ отдачею деревень въ приданое ущерба фамиліямъ быть не можетъ: когда кто деревню отдастъ за дочерью, то вмѣсто того сынъ его возметъ за женою изъ другого рода. 4) Въ дѣлахъ превеликое затрудненіе и волокита происходятъ, потому что Уставъ, какъ въ государствѣ необычный, разнымъ образомъ толкуется; а такъ какъ благополучіе государства и польза состоятъ въ правосудіи и благосостояніи подданныхъ, то мы, всеподданнѣйшіе вашего императорскаго величества рабы, собраніе правительствующаго Сената, доносимъ и всепокорно просимъ вѣрныхъ рабовъ своихъ пожаловать, повелѣть съ сего указа въ раздѣленіи дѣтямъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ имѣній чинить по уложенью, и то, какое награжденіе давать женамъ и дочерямъ, опредѣлить вновь пунктами; которыя дѣла рѣшены по пунктамъ 1714 года, а спору и челобитья нѣтъ, тѣмъ быть такъ; а которые отцы уже сдѣлали наслѣдникомъ одного изъ сыновей, а теперь пожелаютъ раздѣлить всѣмъ, или кто изъ братьевъ по смерти отцовой сдѣланъ одинъ наслѣдникомъ, а пожелаетъ самъ съ меньшими братьями раздѣлить полюбовно и о томъ будутъ бить челомъ, тѣмъ дать на волю» [249].

При Екатеринѣ I и Петрѣ II происходили отмѣны уставовъ Петра Великаго; но майоратъ не былъ тронутъ, потому что власть находилась въ рукахъ немногихъ людей самыхъ богатыхъ и знатныхъ, старыхъ или новыхъ — все равно; самое установленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта уже обозначало это выдѣленіе немногихъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей, для которыхъ майоратъ не могъ быть тяжекъ: они имѣли средства наградить своихъ младшихъ сыновей или кадетовъ, какъ тогда называли, движимымъ, имѣли возможность выгодно устроить ихъ браки, выгодно устроить ихъ службу. Но для массы землевладѣльцевъ майоратъ, разумѣется, былъ страшно тяжекъ въ государствѣ земледѣльческомъ, съ сла-

бымъ промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, съ ничтожнымъ потому количествомъ денегъ; новая Россія, несмотря на средства, данныя ей преобразованіемъ, была еще очень недалека отъ старой Россіи, гдѣ, за отсутствіемъ денегъ, землею платили за государственную службу, землею платили за поминъ души, и гдѣ надобилось движимое, тамъ вмѣсто денегъ употребляли звѣриныя шкуры, мѣха; понятно, что землевладѣльцу неоткуда было добывать денегъ для надѣла младшихъ сыновей и дочерей, онъ могъ жить только день-за-день доходами съ земли, получая ихъ преимущественно натурою, и отсюда всѣ, указанныя въ сенатскомъ докладѣ, неудобства; пропущено еще одно зло, что при рѣдкости денегъ желавшимъ продавать деревни трудно было найти покупщиковъ, и деревни должны были продаваться за низкую цѣну. Понятно, что верховники, желая привлечь на свою сторону массу землевладѣльцевъ, бывшую противъ нихъ, не могли придумать лучшаго средства, какъ обѣщать уничтоженіе майората, и правительство Анны точно также нашло необходимымъ для себя исполнить это обѣщаніе. Масса землевладѣльцевъ или шляхты, требуя равенства правъ для всѣхъ своихъ членовъ и восторжествовавши надъ верховниками, этими людьми, которые хотѣли быть старшими, привиллегированными братьями въ семьѣ дворянской,— масса землевладѣльцевъ воспользовалась своимъ торжествомъ, чтобъ просить о возстановленіи равенства между братьями въ каждой частной семьѣ шляхетской.

Другое обѣщаніе верховниковъ было исполнено неранѣе половины 1731 года, вѣроятно по финансовымъ затрудненіямъ. 29 іюля данъ былъ указъ Сенату объ учрежденіи Кадетскаго корпуса: «Весьма нужно, говорилось въ указѣ, дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были; того ради указали мы: учредить корпусъ кадетовъ, состоящій изъ 200 человѣкъ шляхетскихъ дѣтей, отъ 13 до 18 лѣтъ, какъ россійскихъ такъ и эстляндскихъ и лифляндскихъ провинцій, которыхъ обучать ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, артиллеріи, шпажному дѣйству, на лошадяхъ ѣздить и прочимъ къ воинскому дѣйству потребнымъ наукамъ. А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при томъ учителей чужестран-

ныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованію, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять. И на содержаніе того корпуса и учителей и на прочіе расходы опредѣляемъ сумму 30.000 рублей.» Въ ноябрѣ изданъ былъ Уставъ корпуса, гдѣ говорилось, что «Корпусу кадетовъ быть въ С.-Петербургѣ, понеже тамо они какъ въ опредѣленной при Академіи Наукъ Гимназіи въ разныхъ наукахъ обучены быть, также и отъ Академіи самой, къ вящшему ихъ въ наукахъ успѣху, потребные способы получать могутъ; сверхъ того-жъ въ С.-Петербургѣ всегда знатное число войскъ, артиллерія и полный арсеналъ содержится, также ежедневно цивильной и милитарной архитектуры строенія отправляются, при чемъ обучаемые молодые люди, купно съ теоріею, современемъ и практику видѣть могутъ, не меньше же къ обхожденію съ разными иностранными націями и къ обученію ихъ языкамъ больше и лучше случая имѣется.» Для помѣщенія корпуса отданъ домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ. Корпусъ раздѣляется на 4 класса; въ четвертомъ или нисшемъ кадеты обучаются русскому и латинскому языкамъ, чистописанію и ариѳметикѣ; въ третьемъ классѣ геометріи, географіи и грамматикѣ; во второмъ фортификаціи, артиллеріи, исторіи, правильному въ письмѣ складу и стилю, риторикѣ, юриспруденціи, морали, геральдикѣ и прочимъ воинскимъ и политическимъ наукамъ. Въ первомъ классѣ обучаются далѣе тѣмъ наукамъ, къ которымъ въ прежнихъ классахъ больше склонности, прилежанія и понятія показали; переводятся въ этотъ классъ и выпускаются изъ него военными и гражданскими чинами послѣ строгаго экзамена. Русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ кадеты обучаются во всѣхъ классахъ, также и латинскому — по охотѣ. Въ кадетскомъ домѣ высшихъ трехъ классовъ всякому кадету должно пять или шесть лѣтъ неотлучно въ ученіи быть, чтобъ фундаментальное знаніе могли получить; а которые, имѣя охоту къ высшимъ гражданскимъ наукамъ, желаютъ еще болѣе ими заниматься, тѣ могутъ учиться у профессоровъ Академіи Наукъ. Число русскихъ кадетъ должно быть 150, эстляндскихъ и лифляндскихъ 50» [250].

Новое учрежденіе представляетъ намъ естественное развитіе въ исторіи учебныхъ заведеній въ Россіи. Академія Наукъ, по плану Петра Великаго, заключала въ себѣ Академію Наукъ, Универси-

тетъ и Гимназію. Теперь выдѣлилось высшее учебное заведеніе, вовсе не спеціально военное, ибо это спеціализированіе, по тогдашнимъ средствамъ Россіи, было еще невозможно; новое учрежденіе носитъ характеръ военный и гражданскій вмѣстѣ, ибо, какъ говорится въ указѣ и Уставѣ, не всякій способенъ къ военной службѣ, и гражданское образованіе также нужно въ государствѣ, какъ и военное.

Мы видѣли, что императрица въ первомъ засѣданіи своемъ въ Сенатѣ дала указъ о «благочестивомъ содержаніи православной вѣры»; послѣ она сочла необходимымъ придать другой указъ о рѣшеніи дѣлъ судьямъ по чистой совѣсти: «понеже правосудіе есть цѣлость и здравіе государства, а гдѣ того нѣтъ, тамъ Божіе благословеніе и милость отъемлются и въ праведный Его гнѣвъ впадаютъ» [251]. Но одни подобныя провозглашенія не могли подѣйствовать на судей, и въ іюнѣ 1730 года данъ былъ Сенату указъ, чтобы каждую субботу подавались императрицѣ два рапорта за подписью сенаторовъ: въ одномъ должно быть означено, сколько въ прошедшую недѣлю рѣшено было въ Сенатѣ такихъ дѣлъ, которыя могли быть рѣшены на основаніи существующихъ законовъ; во второмъ рапортѣ должны быть означены такія дѣла, которыя не могутъ быть покончены безъ собственнаго рѣшенія и указа императрицы, и за полученіемъ этого указа сенаторы должны являться каждую субботу къ императрицѣ, или всѣ или, по крайней мѣрѣ, отъ 5 до 6 человѣкъ [252].

Но «ничто такъ не было нужно къ праведному и незазорному суду, какъ совершенное Уложенье, ибо послѣ стараго россійскаго Уложенья многіе разные указы и въ разныя времена выдавались и затѣмъ есть одинъ съ другимъ не вовсе согласные, чрезъ что случай подается безсовѣстнымъ судьямъ, подбирая указы, на которую сторону хотятъ дѣло рѣшить неправедно.»—«Относительно Уложенья до сихъ поръ ничего не сдѣлано», говорилось въ указѣ 1-го іюня 1730 года: «и мы, послѣдуя нашего дяди намѣренію, милосердуя къ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, чтобъ во всей нашей имперіи былъ судъ равный и справедливый, повелѣваемъ начатое Уложенье немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касаю-

щіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ; а чтобъ поспѣшнѣе оканчивали, то, коль скоро которую главу окончятъ, слушать въ Сенатѣ всѣмъ собраніемъ, и, утвердя по крайнему разсужденію и подписавъ, взносить къ намъ, и какъ отъ насъ аппробовано и подписано будетъ, тогда, напечатавъ, публиковать и по онымъ дѣла рѣшать, и такъ одну по другой главы къ совершенству привесть»[253]. Мысль о присутствіи выборныхъ изъ областей при составленіи Уложенія не была покинута, и вслѣдъ за приведеннымъ указомъ Сенатъ распорядился, чтобъ дворянъ, которые по указу 1729 года выбраны въ губерніяхъ, для сочиненія Уложенія, достойные по выбору тамошняго шляхетства, тѣхъ выслать въ Москву непремѣнно къ 1-му сентября 1730 года, а гдѣ еще не выбраны, тамъ выбирать и высылать къ тому же сроку[254].

Сенатъ воспользовался поднятіемъ дѣла объ Уложеніи, чтобъ возбудить вопросъ о майоратѣ: въ іюлѣ сенаторы разсуждали: если ея императорское величество дастъ позволеніе, чтобъ о наслѣдствахъ поступать по прежнимъ указамъ и Уложенью, то въ сочиненіи новаго Уложенья вотчинной главы трудъ очень уменьшится, потому что многіе пункты прежняго Уложенья достаточны будутъ»[255]. Но надобно было немедленно исполнять указъ объ окончаніи новаго Уложенія. Мы видѣли, что это дѣло было поручено Ивану Познякову и секретарю Сверчкову. Они были призваны въ Сенатъ и спрошены: что дѣлаютъ? Отвѣчали, что сведена глава о богохульникахъ, которую и представили. Потомъ сенаторы начали разсуждать, что первому титулу о законодателѣ быть не надобно; что надлежащую до духовности главу надобно разсматривать Синоду или опредѣлить съ свѣтскими нѣкоторыхъ духовныхъ персонъ. Разсмотрѣвши форму главы о богохульникахъ, приказали Познякову и Сверчкову, чтобъ сводили по той формѣ, только что касается изъ Кормчей книги до гражданства, того также не выписывали бы, и шли-бъ по оглавленіямъ, и титулъ по титулѣ, на основаніи прежняго Уложенія, разнося по приличности главъ. Сочли необходимымъ прибавить работниковъ, и приказали быть у сочиненья Уложенія: Григорью Ергольскому, Степану Колычову, Семену Карпову, Ивану Кожину, Петру Лобкову[256]. Пріѣхали выборные изъ областей, но Сенатъ убѣдился, что они не могутъ принести никакой пользы дѣлу, и потому въ концѣ 1730 года опредѣлилъ отпустить ихъ по домамъ, новыхъ не

вызывать, а увеличить число знающихъ людей: въ декабрѣ приказали у сочиненія и *окончанія* Уложенья быть, сверхъ прежде опредѣленныхъ, тайному совѣтнику Θеодору Наумову; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: Алексѣю Зыбину, Алексѣю Баскакову, бригадиру Петру Засѣцкому; статскимъ совѣтникамъ: Аθанасью Савелову, Ивану Вельяминову, совѣтнику Дмитрію Потемкину, Ивану Алмазову, Василью Высоцкому, и для скораго сочиненія и окончанія Уложенья присутствовать изъ членовъ прав Сената по одной персонѣ съ перемѣною понедѣльно; а какъ будутъ сочиняться надлежащія до юстицъ-и-вотчинной коллегій главы, въ то время быть при томъ тѣхъ коллегій членамъ [257].

Окончаніе Уложенія было только на бумагѣ; а между тѣмъ громко вопили противъ несправедливыхъ рѣшеній въ судахъ. Сенатъ думалъ, какъ помочь дѣлу, и въ началѣ 1731 года придумалъ такое средство: «Прежде во всѣхъ приказахъ, и особенно въ судныхъ, спорныя дѣла судьи слушали при самихъ истцахъ и отвѣтчикахъ, и челобитчики были этимъ очень довольны, потому что подъячіе не могли неправо докладывать, и еслибъ захотѣли одной сторонѣ сдѣлать ущербъ, а другой норовить и для того выпустить что-нибудь изъ дѣла или утаить, то истцы и отвѣтчики предостерегали сами и тогда же судьямъ о томъ спорили и напоминали. А теперь не только въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, и въ самыхъ нижнихъ судахъ, въ Москвѣ и городахъ воеводы, въ ратушахъ бурмистры спорныя дѣла слушаютъ безъ истцовъ и отвѣтчиковъ; и хотя утверждаются на томъ, что по спорнымъ дѣломъ истцы и отвѣтчики прикладываютъ къ выпискамъ руки: однако тутъ бываетъ не безъ грѣха; часто случается, что одна какаянибудь рѣчь всю силу дѣла въ себѣ содержитъ, а секретарь или подъячій эту сильную рѣчь или содержаніе указа пропуститъ, что судьи и усмотрѣть не могутъ, и такимъ образомъ истецъ или отвѣтчикъ обвиненъ быть можетъ. Для избѣжанія этого приказали: во всѣхъ судныхъ мѣстахъ спорныя дѣла слушать при истцахъ и отвѣтчикахъ, какъ такой порядокъ былъ прежде, а притомъ имъ никакихъ излишнихъ рѣчей и споровъ не имѣть, дабы отъ того въ слушаніи дѣлъ помѣшательства и затрудненія не происходило [258].

Ошибки въ докладахъ и выпискахъ выставлены главнымъ побужденіемъ въ указѣ 1 іюня 1730 года, которымъ предписыва-

лось раздѣленіе Сената на департаменты: «Такъ какъ всѣ дѣла въ прав. Сенатѣ опредѣляются по докладамъ и выпискамъ, дѣлаемымъ канцелярскими служителями, и легко случиться можетъ, что въ этихъ докладахъ и выпискахъ, не по пристрастію, а отъ простоты, многодѣльства, поспѣшности, или отъ какого-нибудь другого случая бываютъ погрѣшности, отъ которыхъ, и безъ всякой вины прав. Сената, въ резолюціяхъ по временамъ могутъ произойти какія нибудь несходства; къ тому же отъ множества дѣлъ, какъ государственныхъ такъ и челобитчиковыхъ, которыя надобно слушать и рѣшать всѣму собранію, недостаетъ времени для рѣшенія государственныхъ дѣлъ безъ продолженія и челобитчиковыхъ безъ волокиты: поэтому разсуждаемъ за благо, въ правит-Сенатѣ, по примѣру другихъ государствъ, всѣ дѣла раздѣлить по разнымъ департаментамъ, напримѣръ: 1) о духовныхъ дѣлахъ, въ чемъ они до правит. Сената касаться будутъ. 2) О военныхъ сухопутныхъ и морскихъ дѣлахъ. 3) О Камеръ-коллегіи дѣлахъ и доходахъ и расходахъ государственныхъ. 4) О юстиціи и челобитческихъ дѣлахъ. 5) О купецкихъ дѣлахъ и государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и бергверкахъ. При каждомъ департаментѣ были бы четыре или пять человѣкъ изъ членовъ правит. Сената, которыхъ должность въ томъ состоять будетъ, что когда въ правит. Сенатъ какія дѣла войдутъ, касающіяся ихъ департамента, то они напередъ между собою эти дѣла сами разсмотрятъ, надлежащимъ образомъ изслѣдуютъ, однимъ словомъ все то изготовятъ, что къ полному рѣшенію и опредѣленію его потребно; а потомъ, съ объявленіемъ своего мнѣнія, въ полномъ собраніи правит. Сенату для рѣшенія предложатъ. Чрезъ это: 1) всякія погрѣшности въ канцеляріи правит. Сената упредятся; 2) всякія дѣла съ лучшимъ основаніемъ и благоугоднымъ правосудіемъ и 3) безволокитно и безъ остановки рѣшены и отправлены будутъ; 4) правит. Сенату великое облегченіе сдѣлается» [259].

Мы видѣли, что при возстановленіи своемъ въ прежнемъ значеніи, господа Сенатъ хотѣли избавиться отъ прокуроровъ; но наверху кто-то постарался представить, что это установленіе великаго дяди необходимо, безъ него дѣла идутъ дурно, и, главное, какимъ образомъ исчезли прокуроры, о томъ никто не знаетъ. 2 октября 1730 года явился манифестъ: «Не безъизвѣстно намъ есть, что въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ въ государственныхъ дѣ-

лахъ слабое чинится управленіе, и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скораго рѣшенія получить не могутъ, и бѣдные, отъ сильныхъ утѣсняемые, обиды и разоренія претерпѣваютъ. А такъ какъ блаж. пам. дядя нашъ и государь, при сочиненіи должности сенатской, такіе непорядки и утѣсненія бѣднымъ не точію отвратить искалъ, но дабы оныя весьма искоренить и совершенный добрый порядокъ ввести, разсудилъ учинить особое опредѣленіе. Для этого не понапрасну чинъ генералъ-прокурора и ему помощника оберъ-прокурора при Сенатѣ, а въ коллегіяхъ и тогда бывшихъ Надворныхъ Судахъ прокуроровъ учредить изволилъ. *Какимъ же указомъ оный чинъ, по кончинѣ дяди нашего, отставленъ и кѣмъ отрѣшенъ, о томъ намъ неизвѣстно.* Поэтому повелѣваемъ и учреждаемъ быть, по опредѣленію дяди нашего и государя, при Сенатѣ чину генералъ-прокурора и ему помощникомъ оберъ-прокурору; также во всѣхъ коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ быть попрежнему.» Временно исправлять должность генералъ-прокурора поручено было Ягужинскому; оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ стат. совѣт. Масловъ [260].

Мы видѣли, какъ скоро почувствовано было, что въ стремленіи сократить число учрежденій, явившихся при Петрѣ Великомъ, перейдена была граница, какъ скоро почувствовано было, что въ Москвѣ нельзя было уничтожить Надворный и Провинціальный судъ и всѣ дѣла сосредоточить въ губернской канцеляріи. Въ мартѣ 1730 года Сенатъ подалъ докладъ, что до учрежденія губерній въ Москвѣ было семь приказовъ для суда и расправы, и волокиты челобитчикамъ не было! (Черезъ 30 лѣтъ старина уже начала забываться, стали забываться жалобы людей XVII вѣка на знаменитую московскую волокиту!) Потомъ были учреждены Надворные и Провинціальные суды; но въ 1727 году Надворнымъ судамъ быть не велѣно, а судъ и расправа была положена на губернаторовъ и воеводъ, вслѣдствіе чего судныя и розыскныя дѣла взяты въ Московскую Губернскую канцелярію, и въ томъ числѣ невершенныхъ дѣлъ 21.388. По обширности города Москвы и губерніи, Сенатъ считалъ необходимымъ учредить въ Москвѣ Судный и Сыскной приказы: въ первомъ давать судъ всякаго чина людямъ, которые будутъ находиться въ Москвѣ; во второмъ вѣдать воровскія, разбойныя и убійственныя дѣла, съ аппелляціею на оба приказа въ Юстицъ-коллегію. Докладъ былъ

утвержденъ [261]. Въ декабрѣ того же года Сенатъ представилъ о необходимости возстановленія Сибирскаго приказа, потому что сибирскіе губернаторы имѣютъ слишкомъ обширную власть, воеводы не могутъ мимо ихъ ни о чемъ писать ни въ Сенатъ, ни въ Камеръ-коллегію, и въ такомъ дальнемъ краю ничего не видно, какъ воеводы поступаютъ. Докладъ былъ утвержденъ и возобновленный приказъ былъ порученъ Ягужинскому [262]. Относительно коллегій въ октябрѣ 1731 года Бергъ-коллегія и Мануфактуръ-контора соединены были съ Коммерцъ-коллегіею, «потому что отъ раздѣленія ихъ никакой пользы не было, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія и между ними излишнихъ переписокъ» [263].

Мы видѣли, что еще при Петрѣ II-мъ стали тяготиться отмѣною мѣръ Петра Великаго относительно областнаго управленія, сосредоточеніемъ всей власти въ рукахъ воеводъ, которыхъ сами правительственныя лица называли волками. Волки бросились на добычу, и отовсюду поднялись страшные вопли, какъ было въ допетровской Россіи, и вотъ появляется указъ, какъ будто списанный съ указовъ прежнихъ царей: «Извѣстно учинилось, что многіе воеводы, какъ посадскимъ такъ и уѣзднымъ людямъ, чинятъ великія обиды и разоренія и другіе непорядочные поступки, и берутъ взятки, о чемъ уже и челобитныя многія въ правит. Сенатъ на нихъ поданы, а на иныхъ и бить челомъ опасаются, для того, что тѣ воеводы многіе годы живутъ безпеременно: того ради великая государыня императрица указала во всѣхъ городахъ воеводамъ быть съ перемѣною на два года, и по перемѣнѣ пріѣзжать имъ съ росписными и счетными списками приходу и расходу вѣдомства ихъ, и съ вѣдомостьми о доимкахъ, какъ денежныхъ такъ и рекрутскихъ, въ Сенатъ. И буде который исправенъ, и послѣ смѣны въ годъ челобитчиковъ на него не будетъ, такихъ опредѣлять въ воеводы же по разсмотрѣнію» [264]. Потомъ догадались, что воеводы безъ секретаря или подъячаго все равно что безъ рукъ, и потому велѣно пріѣзжать вмѣстѣ съ воеводами для отчета и секретарямъ или, гдѣ секретарей нѣтъ, подъячимъ, составлявшимъ вѣдомости, «дабы воеводы по тѣмъ вѣдомостямъ и счетнымъ спискамъ лучшую отповѣдь чинить имѣли безъ всякихъ отговорокъ» [265].

Губернаторовъ и воеводъ обвиняли въ безпорядкахъ относи-

тельно сбора подушныхъ денегъ съ крестьянъ, и на этомъ основаніи возстановили систему Петра Великаго. Въ указѣ, данномъ Сенату въ октябрѣ 1730 года, говорится, что Петръ Великій на крестьянъ всего государства положилъ одну подать, и для того велѣно армейскіе и гарнизонные полки росписать по уѣздамъ и расположить на вѣчныя квартиры, и чтобъ крестьянамъ излишнихъ тягостей сверхъ подушнаго не было, сборъ порученъ былъ земскимъ коммиссарамъ подъ смотрѣніемъ полковниковъ; земскихъ коммиссаровъ по окончаніи года считали и на ихъ мѣста выбирали новыхъ сами помѣщики, которые имѣли власть наказывать коммиссаровъ, которые были замѣчены въ отягощеніи крестьянъ; сверхъ того польза отъ расположенія войскъ по уѣздамъ была очевидна въ удержаніи воровства, разбоевъ, крестьянскихъ побѣговъ и въ охраненіи крестьянъ отъ гражданскихъ правителей. Въ 1727 году, продолжаетъ указъ, это полезное опредѣленіе отмѣнено, подушный сборъ положенъ на губернаторовъ и воеводъ, офицеры отъ сбору отрѣшены, отъ чего въ уѣздахъ отъ воеводъ и отъ подъячихъ многіе непорядки и крестьянамъ тягости, а именно послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена, что крестьянамъ къ большему разоренію, а не къ пользѣ произошло, коммиссары излишніе и вымышленные сборы производили, и, принявъ деньги, отписей не давали, а писали въ доимку; произошло многое въ уѣздахъ воровство и разбои, и крестьяне бѣгутъ. Поэтому подушный сборъ положенъ попрежнему на полковниковъ съ офицерами [266]. Въ слѣдующемъ 1731 году новый именной указъ, что по вѣдомостямъ, присланнымъ отъ офицеровъ, показано множество доимокъ, которыхъ запускать не надлежало, и потому императрица повелѣла объявить, чтобъ помѣщики, архіереи и монастырскія власти заплатили эту доимку въ три мѣсяца безъ всякаго отлагательства, а взыскивать на нихъ офицерамъ безъ всякаго послабленія [267]. Въ то же время былъ изданъ регламентъ Камеръ-коллегіи, въ которомъ постановлялось: «Подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, прикащикамъ и старостамъ, или тѣмъ людямъ, кому эти деревни приказаны; а дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ самимъ управителямъ, не дожидаясь повѣстки, деньги отвозить самимъ въ городъ и отдавать воеводамъ; въ случаѣ непривоза денегъ въ срокъ, полковники вмѣстѣ съ воеводами посылаютъ въ

незаплатившія деревни экзекуцію, велятъ немедленно править на помѣщикахъ или прикащикахъ и старостахъ [268]. Въ концѣ 1731 года первый указъ былъ повторенъ съ угрозою штрафовъ [269]. Тогда же данъ былъ указъ Дворцовой Канцеляріи, что на дворцовыхъ волостяхъ много доимокъ, которую взыскать на судьяхъ и управителяхъ, которыхъ несмотрѣніемъ доимка запущена [270].

Подушныя деньги шли на войско, состояніемъ котораго были недовольны и въ прошлое царствованіе. Еще Верховный Тайный Совѣтъ, наканунѣ знаменитаго 25 февраля, издалъ указъ о принятіи иностранныхъ инженеровъ въ русскую службу «за недовольствомъ въ инженерномъ корпусѣ оберъ-офицеровъ, и въ тотъ же день на содержаніе пограничныхъ крѣпостей и артиллеріи опредѣлена сумма въ 70.000 рублей на годъ [271]. Въ іюнѣ 1730 года самодержавная императрица издала указъ: «Всякій вѣрный сынъ отечества признать долженъ, что крѣпость и безопасность государства, содержаніе мира и святаго покоя отъ чужихъ непріятелей и слѣдовательно благополучіе всѣхъ подданныхъ по Бозѣ отъ содержанія порядочной и благоучрежденной арміи зависитъ; а по кончинѣ дяди нашего многіе непорядки и помѣшательства при ней явились и нынѣ еще являются и происходятъ, для поправленія которыхъ еще при теткѣ нашей и племянникѣ нашемъ особливыя коммиссіи учреждены были, но въ дѣйство не произведены. Наше соизволеніе есть—учрежденіе Петра Великаго крѣпко содержать, всѣ непорядки и помѣшательства исправлять и привести армію въ доброе состояніе безъ излишней народной тягости, и потому мы заблагоразсудили учредить особливую коммиссію съ двоякою цѣлію: 1) дабы сухопутную нашу армію въ порядочномъ состояніи всегда содержать; 2) дабы обстоятельно можно было знать, какая сумма именно на содержаніе войска необходима» [272]. Въ іюнѣ 1730 года въ Сенатѣ разсуждали, что Военная Коллегія и Коммиссаріатъ состоятъ не въ такомъ порядкѣ какъ надлежитъ, многое упущено и вѣдомостей Коллегія въ Сенатъ не подаетъ; Коммиссаріату надобно быть особо, а не въ вѣдѣніи Военной Коллегіи. Впущенъ былъ завѣдывавшій Коммиссаріатомъ генералъ-майоръ Кропотовъ, спрошенъ о вѣдомостяхъ и доносилъ, что въ Военную Коллегію поданы, и притомъ говорилъ, что нѣкоторые расходы Коллегія дѣлаетъ мимо Коммиссаріата и сообщаетъ для вѣдома послѣ. Собраніе объявило ему, чтобъ онъ

вѣдомости въ Сенатъ отъ себя подавалъ прямо, мимо Военной Коллегіи, потому что впредь онъ въ вѣдомствѣ этой Коллегіи не будетъ. Кропотовъ отвѣчалъ, что если такъ, то онъ будетъ подавать въ Сенатъ вѣдомости съ показаніемъ непорядковъ Военной Коллегіи; онъ же доносилъ, что коммиссары должны быть не изъ офицеровъ, потому что отъ нихъ много продерзостей; но Сенатъ разсуждалъ, что могутъ быть и офицеры, только по прошествіи каждаго года они должны быть присылаемы въ Коммиссаріатъ къ отвѣту и отчету [273]. Тогда же Сенатъ слушалъ доношеніе Военной Коллегіи о рекрутахъ, въ какія лѣта и въ какую мѣру ихъ брать? Приказали принимать мѣрою не меньше двухъ аршинъ съ четвертью, а лѣтами отъ 15 до 30 [274].

Относительно флота, въ іюлѣ 1730 года императрица дала указъ Сенату: «Мы, послѣдуя дяди нашего установленію и разсуждая о нуждѣ, которая для благополучія и безопасности государства нашего въ содержаніи корабельнаго и галернаго флотовъ имѣется, повелѣваемъ нашему правительствующему Сенату въ Коллегію Адмиралтейскую накрѣпчайше подтвердить, чтобъ корабельный и галерный флоты содержаны были по уставамъ, регламентамъ и указамъ, не ослабѣвая и уповая на нынѣшнее благополучное мирное время» [275]. Но въ слѣдующемъ году толковали, что флотъ погибаетъ, едва 12 кораблей могутъ выйти въ море. Нѣкоторые стали выражать мысль, которую имѣлъ еще Меншиковъ, не лучше ли уничтожить военные корабли и оставить однѣ галеры? Мысль эта нравилась при дворѣ, потому что освобождала отъ издержекъ; но противъ нея возсталъ дядя императрицы, Салтыковъ; онъ говорилъ, что главныя издержки на флотъ уже сдѣланы при Петрѣ Великомъ, а теперь остается только поддерживать. Адмиралъ Сиверсъ былъ того же мнѣнія, говорилъ, что галерный флотъ одинъ безъ военныхъ кораблей не можетъ выйти въ море, первая буря дастъ возможность непріятельскимъ кораблямъ уничтожить его; притомъ Россія безъ флота потеряетъ значеніе на сѣверѣ. Рѣшено было увеличивать число военныхъ кораблей [276].

Сенатъ сильно занималъ вопросъ о штатахъ: въ ноябрѣ 1730 года князь Василій Владиміровичъ Долгорукій предложилъ, что статскіе чины жалованья получаютъ много, а военные противъ нихъ находятся въ обидѣ, вопервыхъ, умаленіемъ ранга, вовторыхъ, жалованья получаютъ гораздо меньше, вслѣдствіе чего от-

нимается охота къ военной службѣ, и стараются быть опредѣленными къ статскимъ дѣламъ; поэтому надобно статскимъ чиновникамъ убавить жалованья. Остерманъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Князь Черкасскій предложилъ, что до 1715 года въ приказахъ дьяковъ и подъячихъ было гораздо меньше, а дѣла исправлялись безъ остановки; а какъ съ 1715 года опредѣлено жалованье, то секретарей и подъячихъ стало больше, и теперь въ коллегіяхъ такія дѣла, которыя прежде бывали у одного повытчика, раздѣлены на многія повытья, и отъ того увеличено число секретарей и подъячихъ; а въ вѣдомостяхъ изъ коллегій показываютъ, что безъ такого числа въ дѣлахъ исправиться нельзя. Для этого надобно сенатскимъ членамъ, хотя поденно, свидѣтельствовать коллежскихъ и канцелярскихъ служителей, какія у нихъ дѣла, и можно ли изъ нихъ убавить, дабы лишнихъ служителей не было, потому что лучше оставить хотя немногихъ, только достойныхъ, которымъ по ихъ достоинству и жалованье опредѣлить. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ, что у статскихъ жалованья убавить нельзя и приказныхъ служителей убавлять не слѣдуетъ, чтобъ коллегіи недостаточнымъ числомъ служителей въ исправленіи дѣлъ впередъ не отговаривались; а хотя и свидѣтельствовать, только не о числѣ служителей, но о суммѣ, какой коллегіи за излишній трудъ передъ прочими прибавить, а гдѣ меньше труда, у тѣхъ убавить. Князь Черкасскій представлялъ, что для сочиненія штата надобно разсмотрѣть о числѣ коллегій, всѣмъ ли имъ надобно быть или убавить, потомъ привести ихъ въ лучшій порядокъ; а затѣмъ опредѣлить, сколько надобно гдѣ членовъ и служителей и съ какимъ жалованьемъ, а особливо говорилъ о Бергъ-коллегіи, что не такъ смотритъ надъ заводами какъ слѣдуетъ, и надобно въ коллегіяхъ раздѣлить дѣла между членами по частямъ.

Относительно торговли продолжала работать остермановская коммиссія о коммерціи. По ея донесенію въ 1731 году позволена была свободная торговля по всей Россіи всякаго званія иноземцамъ съ уплатою положенной пошлины [277]. Въ 1730 году Сенатъ занималъ вопросъ о казенныхъ товарахъ; въ послѣднее время эти товары отдавались прусскимъ купцамъ, которые за то поставляли сукна на русское войско; но теперь, вслѣдствіе того, что враждебныя отношенія между Россіею и Англіею готовы были пре-

кратиться, англійскіе купцы явились соперниками прусскимъ, и Сенатъ явно склонялся на ихъ сторону. Въ іюнѣ мѣсяцѣ сенаторы согласно разсудили: написавъ предложенія какъ англійскихъ такъ и прусскихъ купцовъ, доложить ея величеству, и притомъ представить, что съ Англичанами изстари русскій торгъ производится, отъ котораго большая польза: Англичане покупаютъ русскіе товары на свои деньги, и сукна англійскія лучше прусскихъ; русскіе купцы въ своихъ торговыхъ дѣлахъ съ Англичанами довольны ими, тогда какъ на прусскихъ купцовъ и отъ своихъ и отъ иностранцевъ много жалобъ, притомъ же Прусаки деньги изъ государства вывозятъ. Коммиссія о коммерціи представила въ Сенатъ донесеніе русскихъ купцовъ о помѣхѣ торгамъ ихъ вслѣдствіе поставки прусскихъ суконъ. Выслушавъ это донесеніе, сенаторы начали разсуждать, не лучше ли казенные товары послать для продажи за море въ коммиссію, чтобъ не было монополіи. Въ пользу этого мнѣнія Остерманъ представлялъ, что если здѣсь продажу казенныхъ товаровъ и поставку суконъ заключить на пять лѣтъ съ одними купцами, то будетъ двѣ монополіи: первая въ продажѣ въ однѣ руки товаровъ, вторая въ поставкѣ одними купцами сукна; а если товары отпустить въ коммиссію, то хотя расходовъ на нихъ будетъ и больше, только не будетъ монополіи и помѣхи русскимъ купцамъ въ ихъ торгахъ; если казенные товары продавать и въ Россіи, то не всѣ, а небольшое число, чтобъ поднять имъ цѣну, а сукна покупать у вольныхъ продавцовъ, кто изъ нихъ возьметъ дешевле, не входя ни съ кѣмъ въ обязательство; впредь казенныхъ товаровъ, поташа и смольчуга для заморскаго отпуску или продажи въ Россіи заготовлять съ нѣкоторою убавкою по слѣдующимъ причинамъ: 1) отъ многаго заготовленія этихъ товаровъ лѣсъ истребляется; 2) чѣмъ больше заготовлено товаровъ, тѣмъ цѣна на нихъ меньше; 3) если товаровъ заготовлять меньше, то цѣна ихъ будетъ высока и лѣсъ не такъ будетъ выводиться. Дѣла не рѣшили безъ совѣта съ знающимъ человѣкомъ; послали спросить Осипа Соловьева: казенные товары здѣсь ли продать полезнѣе на извѣстныхъ условіяхъ, или послать за море и на какихъ судахъ, и кому ихъ въ коммиссію поручить? Соловьевъ отвѣчалъ: если отпускать на своихъ корабляхъ, то довольно отпустить въ Амстердамъ, на коммиссію 1.500 бочекъ смольчуга, 500 поташа, сверхъ того, если Виллерсъ или

Мееръ примутъ на свои руки 1.000 бочекъ и пошлютъ къ своимъ корреспондентамъ на коммиссію, то это будетъ полезно. Мееръ объявилъ, что возьметъ 1.500 бочекъ поташа по 17 ефимковъ. Но Остерманъ представилъ, что императрица, по докладу его, указала: поташъ отправить въ Англію на коммиссію, на какихъ условіяхъ Сенатъ заблагоразсудитъ, а смольчугъ и прочіе товары продать русскимъ купцамъ. Осипъ Соловьевъ донесъ, что для нагрузки ластовыхъ судовъ, которыя должны отправиться съ казенными товарами, чтобъ наемъ не былъ даромъ, надобно купить у Архангельска пеньки, холста, льну и пряжи. Спросили его: какому надежному человѣку поручить покупку? Онъ отвѣчалъ: Льву Семенникову, который учился въ Англіи. Согласились [278].

Относительно полиціи обратились къ мѣрамъ Петра Великаго противъ нищихъ. Въ іюлѣ 1730 года императрица говорила Сенату въ своемъ указѣ: «Усмотрѣли мы, что нищіе прямые, престарѣлые, дряхлые и весьма больные безъ всякаго призрѣнія по улицамъ валяются, а иные бродятъ; съ другой стороны намъ извѣстно, что въ богадѣльни, вмѣсто прямыхъ нищихъ, записываютъ такихъ, которые могутъ работою питаться, а иные и въ богадѣльняхъ не живутъ, но одно жалованье получаютъ, и не безъ грѣха, что бѣдные безъ призрѣнія страждутъ, а вмѣсто нихъ тунеядцы хлѣбъ похищаютъ; поэтому повелѣваемъ немедленно тунеядцевъ изъ богадѣленъ выслать, или опредѣлить на работу, а прямыхъ нищихъ въ богадѣльни ввесть; помѣщичьихъ отдать помѣщикамъ, посадскихъ въ посады для пропитанія; малолѣтныхъ мужескаго пола опредѣлять въ гарнизонныя школы, чтобъ, выросши, годились въ службу вмѣсто рекрутъ; дѣвочекъ на фабрики, или кто захочетъ взять ихъ на воспитаніе и въ услуженіе» [279]. Сентаъ распорядился немедленнымъ исполненіемъ указа; но въ ноябрѣ долженъ былъ писать, что многіе нищіе по улицамъ бродятъ, и грозить полиціи жестокимъ наказаніемъ [280]. Полиція не имѣла никакихъ средствъ исполнить указъ Сената и обратилась къ Синоду, признаваясь, что несмотря на строгіе указы, число нищихъ умножилось, и особенно находятъ они себѣ убѣжище въ церквахъ и рядахъ: чтобъ св. Синодъ далъ указъ священникамъ не позволять просить милостыни при церквахъ [281]. Синодъ далъ указъ; но какія средства имѣли священники для его исполненія?

Плохое состоянiе медицинскаго дѣла побудило къ смѣнѣ архiатера (Блументроста); медицинской канцелярiи дали коллегiальное устройство, назначивъ ея членами докторовъ: Быдла, Шоберта, фонъ Дегульста, Севаста и Теульса. Главною обязанностiю конторы было смотрѣть за аптекою, лабораторiею и магазиномъ, и отправлять въ войско искусныхъ лѣкарей «безъ всякаго похлѣбства, ни по дружбѣ, ниже по ненависти» [282].

Такъ какъ Москва была резиденцiею, то въ 1730 году озаботились объ ея освѣщенiи. Для зимнихъ ночей по большимъ улицамъ велѣно сдѣлать изъ полицмейстерской канцелярiи и поставить на столбахъ фонари стеклянные, на разстоянiи 10 саженъ одинъ отъ другаго; горѣло въ нихъ конопляное масло съ фитилемъ въ тѣ ночи, когда объ этомъ данъ будетъ приказъ отъ двора; содержать ихъ и чинить должны были обыватели [283].

Съ какимъ трудомъ отвыкали русскiе люди отъ дикихъ привычекъ въ пользу общежитiя, видно между прочимъ изъ того, что указы противъ скорой ѣзды по улицамъ, начавшiеся издаваться еще съ XVII вѣка, оставались безъ дѣйствiя. «Хотя прежде сего на Москвѣ публиковано, говоритъ указъ 1730 года, дабы всякихъ чиновъ люди, какъ дневнымъ такъ и ночнымъ временемъ, ѣздили, какъ въ саняхъ такъ и верхами, смирно и никого лошадьми не давили и не топтали: однако нынѣ ея величеству извѣстно стало, что многiе люди ѣздятъ въ саняхъ рѣзво, и верховые ихъ люди предъ ними необыкновенно скачутъ и, на другихъ наѣзжая, бьютъ плетьми и лошадьми топчутъ.» Велѣно было посылать разъѣзды изъ драгунъ и солдатъ и ловить такихъ рѣзвыхъ людей [284]. Правительство сочло нужнымъ напомнить указомъ, что за волшебство законъ опредѣляетъ сожженiе. «Извѣстно ея величеству, что въ Россiи нѣкоторые люди показываютъ себя, будто волшебства знаютъ и обѣщаются простымъ людямъ чинить всякiе способы» [285].

Мы видѣли, что верховники потребовали прежде всего отъ новой императрицы, чтобъ она была вѣрна православiю. Анна, сдѣлавшись самодержавною, не опускала случая показывать свою ревность къ православiю, чтобъ не подумали, что долговременное пребыванiе въ странѣ иновѣрной ослабило эту ревность. 17 марта подписанъ былъ ею манифестъ, въ которомъ она провозглашала, что прилежное попеченiе имѣетъ о храненiи и защищенiи право-

славнаго закона христіанскаго восточныя церкви и прочихъ преданій, славы ради и хвалы Божія учрежденныхъ, и повелѣвала правит. духовному Синоду «прилежное попеченіе имѣть, дабы всѣ христіане законъ Божій сохраняли, тайны святыя, на спасеніе наше отъ Спасителя нашего намъ преданныя, и прочія преданія, отъ церкви святой узаконенныя, со тщаніемъ и благоговѣніемъ исполняли, и въ праздники и въ воскресные дни на службу Божію въ церковь приходили со тщаніемъ, и во время службы святой въ церквахъ благочиніе сохраняли; сущіе же подъ властію нашею разные народы, которые не знаютъ христіанскаго закона, также раскольниковъ, невѣжествомъ своимъ противляющихся св. церкви, обращать увѣщаніемъ и ученіемъ во благочестіе и соединеніе св. церкви; храмы же святые и нищепитательные домы, которые отъ скудости или инымъ какимъ образомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать. Училища учредить по Регламенту Духовному. Установленные же въ нашей имперіи крестные ходы и благодарныя моленія во дни тезоименитства нашего и нашей фамиліи и въ прочіе опредѣленные дни, также на памяти усопшихъ предковъ нашихъ молитвы и поминовенія отправлять неотложно, и во время посылаемыхъ отъ Бога разныхъ наказаній молитвы и прошенія творити объ отвращеніи праведнаго Его гнѣва со смиреніемъ, благоговѣніемъ и съ наложеніемъ по разсужденію поста, по примѣру Ниневитскому, и во оныхъ всѣхъ ходахъ и молитвахъ, для чести и показанія собою образа, присутствовать архіереямъ и отправлять благочинно и порядочно, не оставляя ничего, *такъ какъ прежде сего при ихъ величествѣ дѣдѣ и отцѣ нашемъ было*, и притомъ присутствовать по одной персонѣ изъ сенаторовъ и по двѣ персоны къ тому изъ другихъ чиновъ по разсмотрѣнію сенаторскому» [286].

Манифестъ былъ, повидимому, направленъ противъ архіереевъ нововводителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, на что сердился Сенатъ еще во времена Петра Великаго; архіереемъ нововводителемъ считался Ѳеофанъ Прокоповичъ; въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ дяди-Преобразователя, объявлялось, что все будетъ по старинѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ государыни. Но все это было повидимому, въ первыя минуты, когда, въ страхѣ предъ сильною борьбою, хотѣли прикрыться ревностію къ православію и прикрыть Бирона. Усердіе Ѳеофана

Прокоповича не могло остаться безъ награды, его не могли выдать врагамъ. Ѳеофанъ въ стихахъ прославлялъ 25 февраля:

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Растерзавши на себе хирографъ подложный,
И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада,
И тѣмъ стала Россія весела и рада.
Таково смотрѣніе продолжи намъ, Боже.
Да державѣ Россійской не вредитъ ничто же.
А ты всякъ, кто ни мыслитъ вводить строй отманн ый,
Бойся самодержавной, прелестниче, Анны.
Какъ оная бумажка, всѣ твои подлоги
Растерзанныя падутъ подъ царскія ноги.

Неизвѣстно, съ какой стороны было внушено, что Синодомъ надобно заняться, и 20 мая данъ былъ указъ: «Всѣмъ извѣстно, какъ дядя нашъ, Петръ Великій, правит. духовный Синодъ учредилъ и регламентами принадлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ; а нынѣ Синодъ не въ такомъ состояніи какъ прежде былъ. Разсуждая объ этомъ какъ объ очень благопотребномъ дѣлѣ, благоизволяемъ Синодъ въ добрый порядокъ привесть, и повелѣваемъ духовному правит. Синоду, снесшись съ правит. Сенатомъ, общимъ совѣтомъ постановить: такому же ли числу персонъ быть въ Синодѣ, какъ положено въ Регламентѣ, или еще прибавить, и по скольку изъ какихъ чиновъ быть? Персонамъ опредѣленнымъ въ Синодъ неперемѣннымъ ли быть или перемѣннымъ; и если положено будетъ перемѣнять, то во сколько времени перемѣнять? Выбрать кандидатовъ по именамъ для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ. Такъ какъ въ Синодѣ число персонъ очень малое, только четыре, то повелѣваемъ, для совѣта о вышеписанномъ дѣлѣ, взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ людей къ тому достойныхъ» [287].

Сенатъ, прежде совѣщанія съ Синодомъ, обсудилъ это дѣло одинъ и рѣшилъ: быть въ Синодѣ членомъ съ перемѣною по два года, а именно, изъ архіереевъ по 4, изъ архимандритовъ и игуменовъ по 2, да два протопопа, въ томъ числѣ половина Малороссіянъ и половина Великороссіянъ. 9 іюня была конференція у Сената съ Синодомъ. Сенаторы объявили свое рѣшеніе; но члены Синода предлагали, чтобъ быть членамъ изъ архіереевъ и архимандритовъ 12 человѣкамъ безъ перемѣны, потому что если всѣхъ

вдругъ перемѣнять, то новые не могутъ знать, что прежде ихъ въ Синодѣ дѣлалось, также и обхожденія канцелярскаго не знаютъ; игуменамъ и протопопамъ не быть, потому что они при начальникахъ своихъ свободнаго голоса имѣть не могутъ; притомъ протопопы еще указомъ Петра I-го отставлены; въ епархіи для управленія опредѣлять викаріевъ, или сами архіереи, присутствующіе въ Синодѣ, могутъ по временамъ посѣщать свои епархіи. Во второй конференціи сенаторы стояли за свое прежнее мнѣніе о перемѣнѣ членовъ Синода, говорили, что отъ такой перемѣны въ дѣлахъ остановки не будетъ, ибо въ Синодѣ такія же церковныя дѣла, какія и въ епархіяхъ бываютъ, а викаріямъ быть не слѣдуетъ, потому что они потребуютъ лишняго расхода; если же неперемѣннымъ членамъ Синода для осмотра епархій отъѣзжать на время, то въ такое короткое время ничего осмотрѣть нельзя, а когда будутъ члены Синода перемѣнные, то и въ епархіяхъ лучшее смотрѣніе будетъ. Синодъ, видя, что надобно уступить, предлагалъ, чтобъ изъ 11 членовъ быть шести архіереямъ, и если имъ быть перемѣннымъ, то перемѣняться каждый годъ по одному, такъ что въ шесть лѣтъ могутъ всѣ перемѣниться. Синодальные члены, и особенно Ѳеофанъ Новгородскій, предлагали, чтобъ архіереевъ и архимандритовъ выбирать баллотировкою, или каждому члену, написавъ имена кандидатовъ, не означать своего имени, кто кого выбираетъ; но Сенатъ настаивалъ, чтобъ написать всѣмъ росписи и выбирать достойныхъ. Императрица, по выслушаніи всѣхъ этихъ мнѣній, указала: въ Синодѣ присутствовать новгородскому и нижегородскому архіереямъ безперемѣнно, и къ нимъ еще опредѣлить двоихъ архіереевъ, да архимандритовъ и протопоповъ, чтобъ всѣхъ было одиннадцать персонъ, между которыми половина (?) была бы изъ Великороссіянъ, а другая изъ Малороссіянъ [288]. Но число членовъ не достигло одиннадцати: въ концѣ 1731 года назначено было жалованье только девяти членамъ: новгородскому архіепископу прежній его вицепрезидентскій окладъ 2500 рублей, прочимъ тремъ архіереямъ каждому по 1500 рублей, тремъ архимандритамъ по 1000 рублей, двумъ протопопамъ по 600 рублей [289].

Ѳеофанъ Прокоповичъ и Питиримъ Нижегородскій, знаменитый борецъ противъ раскола, два самые видные архіерея эпохи преобразованія на первомъ планѣ, они непремѣнные члены Си-

нода. Θеофанъ и Питиримъ одинъ человѣкъ, значитъ Θеофанъ въ силѣ; эта сила ему очень нужна, потому что враги не оставляютъ его въ покоѣ.

Мы видѣли, какъ по смерти Петра Великаго, защищавшаго людей, которые помогали ему въ церковныхъ преобразованіяхъ, и бравшаго на себя всю отвѣтственность, поднялись люди, враждебные этимъ преобразованіямъ и напали на помощниковъ Преобразователя, оставшихся теперь безъ прикрытія. Послѣ паденія Θеодосія Яновскаго, нападенія сосредоточились на Θеофанѣ; но онъ стоялъ, отбиваясь ловко и упорно. Смутное время царствованія Петра II, останавливая всѣ вопросы, всякое движеніе, остановило и борьбу Θеофана съ его противниками; восшествіе на престолъ Анны возобновило ее. Знаменитый манифестъ 17 марта обманулъ враговъ Θеофана, заставивъ ихъ думать, что пришло наконецъ удобное время низвергнуть еретика, котораго не будетъ защищать правительство, провозгласившее, что въ церковномъ отношеніи обращается къ старинѣ допетровской. Мы оставили Маркелла Родышевскаго въ заточеніи въ Симоновѣ монастырѣ. Такъ какъ были люди, и люди значительные, считавшіе Маркелла борцомъ за правое дѣло, мученикомъ, то заключеніе его не могло быть очень тѣснымъ: вольно было къ нему приходить, вольно было ему самому выѣзжать, содержали его хорошо. Въ это время познакомился съ нимъ человѣкъ, считавшійся дѣльнымъ и знающимъ, вѣрный слуга преобразованія и Преобразователя, который однако былъ встревоженъ движеніемъ преобразованія, показавшимся ему опаснымъ для вѣры, для церкви, и сталъ употреблять усилія, чтобъ остановить это движеніе: то былъ управлявшій прежде типографіею, извѣстный намъ Михаилъ Петровичъ Аврамовъ. Самъ Аврамовъ разсказываетъ, что еще при Петрѣ Великомъ, когда никто не смѣлъ говорить противъ церковныхъ преобразованій и преобразователей, онъ своими представленіями и внушеніями государю сдерживалъ опасное движеніе. «Благоволилъ Богъ чрезъ меня, послѣдняго изверга, о заблужденіи и лукавыхъ вымыслахъ еретиковъ—Θеодосія, Θеофана, Гавріила (Бужинскаго) и прочихъ ихъ единомышленниковъ объявить такимъ образомъ. Когда эти льстецы, вкравшись въ многоутружденную святую монаршескую душу и обольстя государя, смѣло начали поносить древнее благочестіе, тетрадками, книжечками и словесно

старались вводить свое злочестивое лжеученіе, явно начали посты святые разорять, дѣла добрыя, какъ ненужныя для спасенія, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти выставлять баснословіемъ, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать, дѣвство представлять дѣломъ невозможнымъ и, подъ покрываломъ имени христіанскаго, стали вездѣ осматривать и перебирать св. мощи, ломать часовни и обирать св. образа, обдирать ихъ привѣсы и оклады, уничтожать всѣ чудотворные образа; когда лютерскаго еретичества пьянствомъ бѣснующійся ересіархъ Ѳедосъ въ приходской церкви образъ Богородицы Казанской ободралъ и возилъ съ собою ругательствомъ: тогда я, написавши челобитную на него еретика и единомышленниковъ его, во дворцѣ подалъ его величеству, и государь въ тотъ же день, въ домѣ генерала Чернышева на крестинахъ болѣе часа со мною уединенно разговаривалъ и отпустилъ милостиво, и скоро послѣ того, въ день рожденія цесаревны Елисаветы Петровны, на старомъ почтовомъ дворѣ при мнѣ публично за столомъ, въ присутствіи императрицы, архіереевъ и министровъ, долго говорилъ о чудотворныхъ образахъ и другихъ св. церкви догматахъ. И послѣ того эти отчаянные смѣльчаки, какъ земляные кроты забившись въ норы, съ излишними своими вымыслами на долгое время было утихли, а потомъ опять мало-по-малу начали подниматься и, укрѣпившись пуще прежняго, достигли того, что государь подписалъ Духовный Регламентъ, подъ которымъ подписались, изъ страха, духовные и мірскіе особы, безъ разсмотрѣнія скрывавшихся въ этомъ Регламентѣ ересей. Съ этихъ поръ, въ наказаніе, испортилось здоровье государя.»

При Петрѣ II Аврамовъ сочинилъ книгу: «О благихъ въ обществѣ дѣлахъ», и подалъ ее императору; но книга «досталась въ руки лукаваго Остермана и у него до времени погасла.» Теперь Аврамовъ подалъ императрицѣ Аннѣ проектъ: «О должности, какъ ея императорскому величеству управлять христіанскою, боговрученною ея величеству имперіею.» Здѣсь Аврамовъ требовалъ уничтоженія присяги; возстановленія патріарха, только не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей: «во всемъ съ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввесть благочиніе и доброе благосостояніе. И всѣ гражданскіе уставы

и указы обрѣтающіеся съ нимъ разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ Божіимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными, и, буде которые не согласны, тѣ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго закона и церковнаго разума.»

Кто же будетъ патріархомъ? Для такого искренняго ревнителя древняго благочинія, какъ Аврамовъ, который для искупленія старыхъ грѣховъ (а между страшными грѣхами своими считалъ онъ и напечатаніе миѳологіи) умерщвлялъ плоть свою веригами,—для такого искренняго ревнителя кандидатомъ на патріаршество не могъ быть Георгій Дашковъ, котораго немонашеская дѣятельность, немонашескій образъ жизни слишкомъ выдавались наружу; не могъ быть и Ѳеофилактъ Лопатинскій, котораго нѣкоторые прочили за его ученость, но противъ котораго было также нареканіе за немонашескія привязанности: объ немъ говорили, что скрипочки, да дудочки мѣшаютъ ему быть патріархомъ; для людей хотѣвшихъ ученаго патріарха и знавшихъ, что такого можно найти только между Малороссіянами, идеаломъ былъ покойный Стефанъ Яворскій, подобнаго которому не находили, и надобно замѣтить, что, кромѣ другихъ неблагопріятныхъ условій, возстановленію патріарха именно мѣшало то, что не было лица достойнаго; кромѣ того между людьми, желавшими возстановленія патріаршества, господствовало сильное разногласіе; новые потребности были сильны и потому многіе не могли себѣ представить неученаго патріарха; другіе ни подъ какимъ видомъ не хотѣли на этомъ мѣстѣ Малороссіянина. Аврамовъ, для котораго чистота православія и благочестія были на первомъ планѣ, не думалъ объ учености, и остановилъ свой выборъ на духовникѣ императрицы, троицкомъ архимандритѣ Варлаамѣ, отличавшемся монашескою жизнію, благочестіемъ, не скажемъ наружнымъ, потому что историкъ не можетъ произносить своего суда, выслушавши только одну сторону, не можетъ основаться на сатирическомъ представленіи Варлаама, сдѣланномъ противниками.

Аврамовъ убѣждалъ Варлаама попросить императрицу объ освобожденіи Маркелла Родышевскаго и для показанія его невинности возобновить дѣло о доносахъ его на Ѳеофана. «Пусть напишетъ прошеніе, а на книги, что̀ знаетъ, изъясненіе», отвѣчалъ Варлаамъ, и Родышевскій написалъ прошеніе, чтобъ дали ему съ

новгородскимъ архіереемъ очную ставку; при этомъ Родышевскій просилъ, чтобъ еретическія руки Ѳеофана не допускать до муропомазанія и коронованія ея величества, потому что втораго императора, Петра Алексѣевича, короновалъ Ѳеофанъ, и государь скоро скончался: такъ чтобъ и ея величества здравіе охранить.» Еще болѣе распространился объ этомъ въ своемъ доносѣ на Ѳеофана дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома Носовъ, который писалъ, что Ѳеофанъ хуже Ѳеодосія, церкви и монастыри грабилъ, деньги, полученныя за проданныя церковныя вещи, на непристойную монашеству роскошь употреблялъ, напримѣръ на покупку вина; несмотря на то, онъ, какъ безпорочный, надъ духовными начальствуетъ и подвизаетъ гнѣвъ Божій, который и обнаруживается: онъ былъ допущенъ до коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны и Петра II-го, и царствованіе ихъ величествъ было очень кратковременно; Петра II-го Ѳеофанъ обручалъ съ двумя невѣстами, а свадьбы не было; вѣнчалъ цесаревну Анну Петровну съ герцогомъ голштинскимъ и цесаревна скоро скончалась.

Несмотря на эти доносы, новгородскій архіепископъ первенствовалъ и при коронаціи Анны, совершенной 28 апрѣля; первенствовалъ не по сану только, первенствовалъ умѣньемъ говорить краснорѣчивыя предики. А между тѣмъ Ѳеофану приготовляли полное торжество люди, возбуждавшіе подозрительность Анны, тогда какъ преданность архіепископа новгородскаго заподозрить было нельзя; и притомъ странно было бы вѣрить его врагамъ, выставлявшимъ его неправославіе, когда онъ недавно просилъ императрицу за православныхъ Сербовъ, принуждаемыхъ австрійскимъ правительствомъ къ уніи [290]. Подозрительность императрицы была возбуждена происшествіемъ въ Воронежѣ: когда здѣсь полученъ былъ манифестъ о кончинѣ Петра II-го и восшествіи на престолъ Анны, то епископъ Левъ Юрловъ въ недѣлю Православія (первое воскресенье великаго поста), гдѣ надобно было поминать государыню, велѣлъ возглашать: «О благочестивѣйшей великой государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ», потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Вице-губернаторъ, извѣстный намъ Пашковъ, требовалъ, чтобъ архіерей объявилъ манифестъ; тотъ отвѣчалъ, что безъ точнаго указа изъ Синода

этого не сдѣлаетъ, потому что можетъ случиться какая-нибудь перемѣна. Пашковъ донесъ въ Москву; потребовали объясненія отсюда; Левъ отвѣчалъ, что Пашковъ клевещетъ на него напрасно, по злобѣ. Когда въ Синодѣ 20 марта слушали это объясненіе, то Георгій Дашковъ сказалъ: «У воронежскаго архіерея съ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія.» Дѣло этимъ на первый разъ кончилось, потому что на первыхъ порахъ опасались употреблять строгія мѣры противъ подозрительныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Но въ половинѣ года нашли, что можно дѣйствовать посмѣлѣе. Мы видѣли, что непремѣнными членами Синода назначены были двое—Ѳеофанъ и Питиримъ; къ нимъ были приданы смѣняемые—крутицкій Леонидъ и суздальскій Іоакимъ, а трое прежнихъ—Георгій Ростовскій, Ѳеофилактъ Тверской и Игнатій Коломенскій увольнялись; уволены были такимъ образомъ люди, непріязненные Ѳеофану, который теперь сталъ господствовать въ Синодѣ, ибо остальные члены коллегіи были его покорные слуги. Теперь уже не боялись никакой помѣхи и возобновили дѣло Юрлова, съ котораго сняли архіерейскій санъ и монашество и отослали въ Сенатъ для розыска, какъ обвиненнаго въ государственномъ преступленіи. По высочайшему именному указу, Юрлова сослали въ Крестный монастырь, гдѣ велѣли содержать въ кельѣ неисходно, не допуская къ нему никого, не давая чернилъ и бумаги, водя въ церковь за карауломъ. Юрловъ оговорилъ Дашкова и Игнатія, что писалъ къ нимъ о заступленіи и помощи, при чемъ Дашкову послалъ чувалъ винныхъ ягодъ. Игнатія лишили сана и послали въ Свіяжскій Богородицкій монастырь; Дашкова сначала приговорили сослать въ Харьковскій монастырь съ сохраненіемъ сана, потомъ, *за тѣ же вины*, велѣли снять санъ и сослать въ Каменный Вологодскій монастырь: здѣсь мы должны обратить вниманіе на это постепенное усиленіе наказанія, что увидимъ и въ судьбѣ свѣтскихъ людей. Въ томъ же 1730 году лишенъ былъ сана и сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ за то, что не отслужилъ благодарственнаго молебна о восшествіи на престолъ Анны.

Но въ то время какъ Ѳеофанъ торжествовалъ надъ враждебными ему архіереями, Маркеллъ Родышевскій писалъ: «Житіе нов-

городскаго архіепископа, еретика Ѳеофана Прокоповича»; монахъ Іона, добавляя это сочиненіе разными вставками въ видѣ гимновъ, псалмовъ и молитвъ, распространялъ его въ народѣ. Въ началѣ 1731 года списокъ «Житія» попался въ руки Ѳеофану и онъ донесъ объ немъ, указавъ на Родышевскаго, какъ автора, и на другихъ, какъ распространителей возмутительныхъ тетрадей. Въ то же самое время архимандритъ Варлаамъ представилъ императрицѣ другія обличительныя сочиненія Родышевскаго на Ѳеофана. Родышевскій, Іона и Аврамовъ были арестованы.

Въ бумагахъ Родышевскаго заключались возраженія на Духовный Регламентъ и на указъ о монашествѣ. Онъ доказывалъ, что патріаршество есть древнѣйшая и единственно-законная форма церковнаго управленія. Въ возраженіяхъ на указъ о монашествѣ Родышевскій не отрицаетъ необходимости исправленія монашества; но ему не нравятся способы, опредѣленные въ указѣ; онъ представляетъ свой способъ: «Первое дѣло власти императорской — велѣть духовному правленію искать себѣ отъ монашескаго чина самыхъ богодухновенныхъ монаховъ, и, освидѣтельствовавъ, что они дѣйствительно таковы, какъ о нихъ слухъ идетъ, производить въ архіереи и архимандриты. Когда такіе добрые епископы будутъ, то станутъ всячески стараться по епархіямъ своимъ исправить все монашество, особенно когда въ главнѣйшемъ духовномъ правленіи будутъ такіе же, или такой человѣкъ будетъ поставленъ главнымъ правителемъ церкви, ибо онъ будетъ производить въ епископы только подобныхъ себѣ. Которые же въ семинаріи будутъ учиться у лютеранскихъ учителей, или хотя и у своихъ, но духомъ еретическимъ зараженныхъ, такіе начнутъ не назидать, но развращать всю церковь, и хотя постригутся въ монахи, но сдѣлаютъ это не ради монашества, а въ надеждѣ архіерейства и архимандритства. А въ архіереи и архимандриты не такъ нужны люди ученые, какъ богодухновенные и добродѣтельные, которые учили бы не столько словомъ, сколько дѣломъ.»

Іона показалъ, что «по означеннымъ въ пунктахъ Родышевскаго резонамъ, новгородскій архіерей званія своего недостоинъ; о тѣхъ резонахъ онъ, Іона, самъ не свѣдомъ, и видѣлъ ихъ въ екстрактѣ Родышевскаго. Долгорукіе, архіерей ростовскій и прочіе за вины свои сосланы; а по показанію Родышевскаго на новгородскаго архіерея указа не учинено, и потому мыслилъ онъ,

Іона, что объ немъ ея величеству отъ господъ не донесено; поэтому и написалъ на нихъ господъ, что божескую честь презираютъ, должно быть охраняя его архіерея, потому что еслибъ ея величеству о томъ было донесено, то по показанію Родышевскаго, давно бы изслѣдовано было, ибо ея величество благочестивую вѣру содержитъ твердо и по вступленіи своемъ на россійскій престолъ прежде ревность возъимѣла о св. Божіихъ церквахъ, чѣмъ о гражданскихъ дѣлахъ. А противныхъ дѣлъ за новгородскимъ архіереемъ онъ, Іона, не знаетъ, а усмотрѣлъ о томъ изъ писемъ Родышевскагэ. Только знаетъ онъ, Іона, за нимъ архіереемъ то, что онъ церкви у себя въ домѣ не имѣетъ и въ мясоѣды и во всѣ посты мясо ѣстъ; а о томъ мясоястіи свѣдомъ онъ, Іона, отъ повара его Петра.»

По окончаніи слѣдствія состоялся указъ: «такъ какъ Маркеллъ Родышевскій въ доносахъ своихъ на Ѳеофана, архіепископа новгородскаго, доказательствъ, кромѣ своей персоны, никакихъ не представилъ; такъ какъ дерзнулъ развратно толковать Регламентъ Духовный и разныя книги, изданныя изволеніемъ Петра Великаго и совѣтомъ всего освященнаго собора; такъ какъ раздіаконъ Осипъ (Іона) къ непристойнымъ укоризнамъ Родышевскаго на архіепископа Ѳеофана прибавилъ отъ себя еще другія, которыя, хотя темно, однако касаются къ поношенію высочайшей чести и власти; такъ какъ Михайла Аврамовъ эти книги съ Родышевскимъ читалъ и почиталъ ихъ полезными къ защитѣ церкви, и старался о представленіи ихъ ея императорскому величеству; такъ какъ они всѣми этими дѣлами противъ присяги своей дерзали миру и тишинѣ церковной вредить, самодержавную ея императорскаго величества честь поносить, сочиненныя книги развращенно толковать и тѣмъ причину подавать къ отвращенію людей отъ пути спасительнаго и благонравнаго житія, за что по всѣмъ государственнымъ правамъ должны быть казнены смертію; однако ея величество смертію казнить ихъ не указала, а указала Маркелла послать въ Бѣлозерскій монастырь, Аврамова въ Иверскій, Осипа, бивъ кнутомъ, въ Кексгольмскій Валаамскій, не выпускать ихъ никуда, чернилъ и бумаги не давать.»

Такъ разсѣялись надежды, возбужденныя въ ревнителяхъ древняго благочестія манифестомъ 17 марта; знаменитый нововводитель, тотъ архіерей, котораго они называли еретикомъ, восторжествовалъ;

мечта о патріаршествѣ исчезла. Но эта борьба автора Духовнаго Регламента и указа о монашествѣ съ ревнителями древняго благочестія имѣетъ важное значеніе: побѣда была куплена очень дорого, что научило осторожности, указало границы, дальше которыхъ идти было нельзя. Петръ Великій, по своему смыслу, могъ положить эти границы, могъ въ своихъ преобразованіяхъ не увлечься, какъ увлекся Генрихъ VIII въ Англіи; но Петръ Великій представлялъ явленіе чрезвычайное; для будущаго Россіи важно было не то только, какъ вопросъ былъ поставленъ въ бурное время преобразованія волею великаго человѣка, важно было то, какъ этотъ вопросъ рѣшался обществомъ при спокойномъ разбирательствѣ въ матеріалахъ преобразованія, безъ руководства преобразователя, которое могло являться насильственнымъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ восторжествовалъ, сказали мы; но здѣсь дѣло идетъ не о торжествѣ одного отдѣльнаго лица: восторжествовала коллегіальная форма церковнаго управленія, восторжествовалъ тотъ принципъ преобразованія, по которому пастыри церковные долженствовали быть учеными; Аврамовъ съ товарищи, изъ опасенія односторонняго результата этого принципа, поворачивали къ другой односторонности, вредъ которой сознала еще до-Петровская Россія: они требовали пастырей благочестивыхъ только, а не ученыхъ, ибо наука, говорили они, можетъ только заразить ересями. Очень важно было, что обѣ стороны были сопоставлены, изъ чего увидали, что раздѣлять ихъ нельзя. При Петрѣ Великомъ выставлялось преимущественно одно требованіе, требованіе образованія, учености, и Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ порожденіемъ этого требованія; послѣ Петра Великаго указали на односторонность его и выставили другое требованіе, котораго односторонность была также очевидна; но очевидно было и то, что на оба требованія нужно было обратить вниманіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ восторжествовалъ, но какого рода было это торжество? Далъ ли онъ торжество тѣмъ убѣжденіямъ, за которыя на него нападали? Нисколько. Необычайными усиліями, постоянною борьбою ему удалось *защититься*, избѣгнуть участи Ѳеодосія Яновскаго; онъ защищался отъ упрековъ въ неправославіи, слѣдовательно долженъ былъ стараться быть православнымъ, и здѣсь-то смыслъ дѣла; отсюда дальнѣйшая невозможность того направленія, проводникомъ котораго считали Ѳеофана. Намъ вовсе не нуж-

но изслѣдовать, справедливо или несправедливо считали Ѳеофана проводникомъ этого направленія, потому что общая исторія Россіи не нуждается въ этой біографической подробности; для насъ важно то, что Ѳеофанъ защищался отъ обвиненій въ неправославіи. Онъ защитился или его защитили, обвинителей его заточили; но они заставили Ѳеофана клясться, что онъ православный, отчураться всѣми средствами отъ протестантскаго направленія.

Въ описываемое же время Синодъ и Сенатъ занимало дѣло казанскаго архіерея Сильвестра съ Іосифомъ Салникѣевымъ, бывшимъ архимандритомъ Спасскаго Казанскаго монастыря Іоною. Сильвестръ обвинилъ Іону въ разграбленіи имущества ввѣреннаго ему монастыря; Синодъ приказалъ отрѣшить Іону отъ управленія монастыремъ и взыскать съ него деньги за проданныя вещи; тогда Іона, въ свою очередь, подалъ доносъ на Сильвестра, какъ «ругателя указовъ и императорскаго величества.» Доносъ былъ найденъ неосновательнымъ, Іону разстригли и высѣкли кнутомъ; но онъ подалъ новый доносъ на Сильвестра, что тотъ рвалъ челобитныя и другія бумаги, писанныя на высочайшее имя. По этому доносу наряжено было слѣдствіе въ Казани, и въ числѣ слѣдователей былъ тамошній губернаторъ Волынскій. У Сильвестра съ Волынскимъ давно уже были неудовольствія; архіерей уже прежде подавалъ на губернатора жалобы въ Сенатъ, Юстицъколлегію и другія мѣста; теперь, чтобъ отстранить Волынскаго отъ слѣдствія, Сильвестръ подалъ прошеніе въ Синодъ съ прописаніемъ всѣхъ обидъ, нанесенныхъ ему губернаторомъ: Волынскій отнялъ землю, принадлежавшую архіерейскому дому; матеріалъ, приготовленный для построекъ, взялъ себѣ и употребилъ на строеніе своего дома; въ архіерейскомъ саду и огородѣ травилъ собаками волковъ и зайцевъ, молодыя деревья велѣлъ выкопать и перенесть на свой загородный дворъ; вырубилъ рощу около архіерейскаго монастыря; дьякона и двоихъ церковниковъ велѣлъ отстегать прутьями до полусмерти; велѣлъ до полусмерти прибить архіерейскаго домоваго иконописца и духовной школы авдитора; за секретаремъ духовнаго приказа гонялся съ обнаженною шпагою и тотъ едва ушелъ; увидавши во время крестнаго хода на одномъ діаконѣ стихарь изъ персидской золотой парчи, велѣлъ принести его къ себѣ, распоролъ, парчу оставилъ у себя, а оплечье прислалъ назадъ; по дѣлу Салникѣева велѣлъ привести

къ себѣ секретаря архіерейскаго Богданова, сперва билъ его и за волосы дралъ самъ, а потомъ велѣлъ бить палками и топтунами солдатамъ и оставилъ едва жива; даромъ заставлялъ работать на себя архіерейскихъ мастеровыхъ людей; потворствуетъ раскольникамъ; лѣтомъ и зимою ѣздитъ со псовою охотою многолюдствомъ и топчетъ архіерейскій и монастырскій хлѣбъ, ночуетъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ деревняхъ и разоряетъ крестьянъ; въ Чебоксарахъ, по согласію съ тамошнимъ воеводою, велѣлъ изъ пушекъ палить, и въ то время отъ потѣхи ихъ пушку разорвало и побило человѣкъ съ пятнадцать. «Объ этомъ наше смиреніе, писалъ Сильвестръ, боясь суда Божія, по должности моего званія, и умолчать опасся, понеже отъ ихъ господскихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божіи безъ всякаго христіанскаго исправленія лишены сего свѣта безвременно.»

Волынскій съ восшествіемъ на престолъ Анны и съ принятіемъ ею самодержавія могъ надѣяться для себя всего хорошаго по родству съ Салтыковыми. Мы видѣли, что онъ былъ за самодержавіе и донесъ дядѣ своему Салтыкову о рѣчахъ бригадира Козлова. Салтыковъ написалъ ему, что императрица приказала прислать обстоятельное доношеніе, какіе имѣлъ Козловъ разговоры и кто былъ при его разговорахъ съ Волынскимъ, «чтобъ произвесть въ дѣйство можно было.» Волынскій отвѣчалъ: «Служить ея императорскому величеству такъ, какъ самому Богу, я и по должности, и по совѣсти долженъ. Притомъ же и предостерегать, конечно, повинность моя, не только что къ высокой ея императорскаго величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ вашего превосходительства надлежитъ служить мнѣ, какъ свойственнику и милостивому моему благодѣтелю, за толикія ваши ко мнѣ отеческія милости. А чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколько то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать? И понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доносчикахъ и въ доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза мои показать? Изволите сами разсудить, кто отважится честный человѣкъ итить въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумный или уже ни къ чему непотребный. Понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ

людяхъ, и не только кому, но и самому себѣ потомъ мерзокъ будетъ.»

Салтыковъ, который не понималъ, что доносить тайно есть обязанность, а доказать справедливость доноса безчестно, такъ что доноситель и съ своею правдою самому себѣ мерзокъ будетъ,—Салтыковъ написалъ племяннику: «Понеже уповая я на то, что вы, государь мой, изволили писать ко мнѣ, и я думалъ, что писали вы очень благонадежно, что слѣдъ какой покажется отъ васъ. А какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя: на что-бъ такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ничего не сдѣлалъ. И будто о томъ приносилъ я напрасно, а то все пришло чрезъ письмо отъ васъ ко мнѣ, понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то, стало быть, и мнѣ не хорошо, что будто неправо я сказывалъ, и потому видно, что лучше-бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ, а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвесть въ дѣйство. Понеже какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привесть. Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждается, худобы къ вамъ никакое не причтется, развѣ причтетъ тотъ, который доброй совѣсти не имѣетъ.» Но Волынскій отвѣчалъ, что его обязанность была донести тайно, обязанность же правительства повѣрить ему на-слово и не требовать доказательствъ: «Должность моя была къ вамъ писать, и вамъ, конечно, надобно было о томъ сообщить той персонѣ, повѣря мнѣ, что я не лгу и не затѣю, въ чемъ и теперь изволите мнѣ повѣрить; я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что̀ писалъ, не отопруся никогда, но все какъ было не отрекаюся подробно самъ донесть, да только приватно, а не публично. Ежелибъ я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благости Господней видимъ, поистинѣ я бы, несмотря на то, хотя-бъ кто лучше меня былъ, конечно, и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ, и то-бъ мнѣ приличнѣе было, да не зналъ, что такое благополучіе намъ будетъ. И вправду донесть, имѣлъ къ тому не-

малый и резонъ; но, понеже и тогда еще дѣло на балансѣ было, для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть. Понеже прежде нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что впредь будетъ. И для того всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ себя и своей чести не повредить.»

Салтыковъ сердился, и вотъ, къ усиленію его раздраженія, Синодъ пересылаетъ въ Сенатъ жалобу Сильвестра на Волынскаго, и тотъ обращается къ дядюшкѣ съ просьбою о помощи и съ оправданіями: «Есть ли какая моя вина, по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти сыщется, я не буду просить никакого милосердія; а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды обороненъ былъ. Для того я ваше превосходительство, милостиваго государя и отца, всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость, пожаловать поговорить архіереямъ, также и господамъ сенаторамъ, чтобъ приказали про меня, безо всякаго мнѣ послабленія, изслѣдовать, какія я кому дѣлалъ обиды. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, если онъ на меня что докажетъ дѣльно. Покажи Божескую надъ мной милость, обороните меня, Бога ради, отъ такого плута! Понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, и что многіе, по его старости и чину, вѣрятъ ему.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, государь мой, лучше жить посмирнѣе. Что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ. И такъ, кромѣ архіерея, жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить посмирнѣе. Лучше вамъ будетъ самимъ. А какъ казанскій архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свой, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что истинно-де я не зналъ того, что Артемій Петровичъ свой тебѣ, а то-бъ ни о чемъ просить не сталъ; хотябъ-де и обидно было, лучше-бъ могъ вытерпѣть. И не знаю, продолжаетъ Салтыковъ, для чего такъ вы, государь мой, себя въ людяхъ озлобили, что, сказываютъ, до васъ доступъ очень тяжелъ и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить. Которые на васъ пункты подалъ архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно. Не токмо, чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать, какъ будутъ честь.

Я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать. А я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ помянуть не хочетъ. Я какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казани съ такимъ сердцемъ, и на кого осердишься, велишь бить при себѣ, также и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на что поступалъ и всѣхъ озлобилъ? Я напредь сего до васъ, государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ (о Козловѣ). На что изволили ко мнѣ писать: какъ-де я покажу себя въ люди доносителемъ? А мнѣ кажется, что развѣ кто не можетъ разсудить, чтобъ тебя могъ этимъ порекать. А нынѣ сами то себя показали присланныя ваши два доношенія на архіерея, въ которыхъ нимало какого дѣйства, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя, какъ отъ архіерея, такъ и отъ другихъ. Я вижу здѣсь, сколько вамъ недрузей, на сколько друзей, что вы и сами извѣстны; а я, воистину, сколько могу, васъ охраняю; однакожъ трудно противъ многихъ охранять.»

Вслѣдъ затѣмъ Сильвестръ подалъ новую жалобу Салтыкову на его племянника: Волынскій пыталъ передъ собою канцеляриста Плетеневскаго въ застѣнкѣ тремя стрясками смертно, спрашивая: что къ вамъ архіерей и вы къ нему пишете, и въ чемъ онъ въ Москвѣ на меня доноситъ? У Плетеневскаго выломали руки и ноги бревномъ; кромѣ того губернаторъ съ великимъ боемъ и нестерпимыми пытками производилъ слѣдствіе о церковныхъ пошлинахъ, желая подъискаться подъ архіерея. Въ сентябрѣ состоялся страшный для Волынскаго указъ: «Казанскому губернатору Волынскому, пока изслѣдовано будетъ по дѣлу съ архіереемъ, губернію не вѣдать, а вѣдать товарищу его Кудрявцеву.» Волынскій видѣлъ, что одно родство съ Салтыковымъ не поможетъ, и отправилъ въ Москву лошадей въ подарокъ сильнымъ людямъ. Нѣкоторые приняли, другіе нѣтъ; богачъ Черкасскій принялъ двухъ иноходцевъ, сказавши: «хотя и мелки, только не стары.» Но и лошади не помогли: Волынскій лишенъ былъ совершенно губерніи и получилъ приказъ пріѣхать въ Москву. Волынскаго утѣшали, что эта перемѣна послужитъ ему въ пользу; но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе, и отправилъ въ Москву довѣреннаго человѣка съ наказомъ ста-

раться, чтобъ его не смѣняли, а только во время слѣдствія не засѣдать ему въ губернской канцеляріи и въ команду не вступать; съ другой стороны и архіерея отрѣшить на то время отъ епархіи и Кудрявцеву не присутствовать въ канцеляріи, потому что у него съ Волынскимъ ссора. Онъ отправилъ прошеніе на имя императрицы, которое долженъ былъ подать ей Салтыковъ; по этому поводу Волынскій писалъ дядѣ: «Ежели вы меня нынѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, и я съ печали умереть могу.» Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ Волынскій потерялъ жену, «человѣка добраго» по его словамъ, то онъ наказывалъ довѣренному человѣку «навѣдаться о невѣстѣ, нѣтъ ли какой.»

Доброжелатели совѣтовали Волынскому ѣхать какъ можно скорѣе въ Москву; Волынскій умолялъ оставить его въ Казани до весны 1731 года; но просьба его не была исполнена, несмотря на оправдательную записку его, въ которой онъ отвѣчалъ на каждый пунктъ сильвестровыхъ обвиненій: нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій онъ рѣшительно отрицалъ, другіе поступки свои выставлялъ въ иномъ видѣ, чѣмъ какъ они были представлены у Сильвестра. Напримѣръ относительно порубки рощи Волынскій писалъ: «Все оное архіерей солгалъ, понеже того ничего не бывало, оная роща и теперь цѣла вся.» Побои, нанесенные дьякону и дьячкамъ Волынскій объяснялъ тѣмъ, что эти люди купались передъ его домомъ и за то были отогнаны прутьями; относительно стихаря утверждалъ, что обмѣнялъ его на новый съ согласія архіерейскаго и т. д.

Волынскій пріѣхалъ въ Москву, и въ началѣ 1731 года послѣдовало назначеніе его въ Украинскій корпусъ. Но Волынскій увидалъ въ Москвѣ, что бѣды еще не прекратились, враговъ много; извѣстно, какъ въ это время тяготились персидскою войною, какъ сильно желали поскорѣй окончить ее, и вотъ Волынскій узнаетъ, что его выставляютъ виновникомъ этой ненавистной войны, этого бѣдствія! Волынскій пишетъ въ свою защиту: «Ежели принесено на меня то, будто я причиною былъ начинанію персидской войны, на сіе отвѣтствую. Не только я въ томъ невиненъ, но ниже самъ отъ себя его императорское величество Петръ Первый сіе намѣреніе воспріять изволилъ, но послѣдовалъ тѣмъ дѣломъ родителю своему, царю Алексѣю Михайловичу, о чемъ явно доказать можно. Понеже въ морскомъ Уставѣ имянно о томъ напечатано, какъ его

царское величество восприялъ намѣреніе дѣлать корабли и навигацію на Каспійскомъ морѣ, и какъ вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровъ и матрозовъ, которые и сдѣлали корабль, именуемый Орелъ, да яхту или галіотъ; но сему дѣлу препятствовалъ бунтовщикъ Стенька Разинъ, который, въ нашествіи своемъ на Астрахань, оное начатое дѣло разорилъ и капитана Бутлера убилъ, и прочіе той компаніи избиты, а двое изъ нихъ, а имянно лѣкарь Иванъ Термунтъ, да корабельный мастеръ Брантъ ушли чрезъ Персію въ Индію, откуда паки, по умиреніи бунта, возвратились въ Москву, и лѣкарь Термунтъ во время государствованія Петра Перваго титулованъ докторомъ и взятъ ко двору и въ крайней его величества былъ милости, отъ котораго, а притомъ и отъ корабельнаго мастера Бранта о вышепомянутомъ отеческомъ дѣлѣ, также и о Персіи изволилъ наслышаться, какъ я отъ его императорскаго величества о томъ самъ слыхалъ, понеже до семисотаго года присланы были мастеры иноземцы въ Казань, которые сдѣлали кромѣ галеръ и другихъ мелкихъ судовъ, большихъ шмаковъ 150 или 160 такой пропорціи, что на каждое судно можно было посадить для транспорта по 300 человѣкъ, да провіанта положить тысячи полторы или по двѣ тысячи четвертей. Изъ которыхъ судовъ уже нѣсколько десятковъ сплавлены были къ Астрахани еще въ то время, когда тамъ воеводою былъ Иванъ Алекс. Мусинъ-Пушкинъ, и нѣсколько туда морскихъ офицеровъ иноземцевъ съ матрозами было отправлено; только и сему астраханскому флоту такое-жь несчастье приключилось, какъ и первому, понеже, когда забунтовали тамъ стрѣльцы, тогда и оныхъ офицеровъ и матрозовъ побили, а суда оныя разорили. И когда такіе флоты начинали на Каспійскомъ морѣ оные славные монархи, отецъ и сынъ, какая тамъ нужда была имѣть военные корабли и иныя великія суда, еслибъ не имѣли издавна намѣренія воевать Персію? Не вѣдаю намѣренія царя Алексѣя Михайловича (понеже я тогда не родился): что же о его императорскомъ величествѣ, конечно, могу безъ сомнѣнія сказать поистинѣ, не меньше великаго Александра оный августѣйшій монархъ нашъ желалъ вездѣ славу свою показать. Понеже по замысламъ его величества не до одной Персіи было ему дѣло. Ибо еслибъ посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Ин-

діи; а имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до Китайскаго государства, что я сподобился отъ его императорскаго величества, по его ко мнѣ, паче достоинства моего, милости, самъ слышать и, кромѣ себя, могу въ томъ и нынѣ на сіе его величества намѣреніе и высокіе замыслы нѣсколько свидѣтелей представить, которые, надѣюсь, многократно и пространнѣе, нежели я, сами отъ его величества о томъ слыхали. Буде же кто нарекаетъ на меня и клепаетъ тѣмъ, будто бы я склонилъ его императорское величество и привелъ къ тому, что онъ изволилъ воспріять походъ свой въ Персію, и то явная ложь, понеже памятуется мнѣ, что я еще былъ въ турецкой землѣ, а его императорское величество изволилъ послать нѣсколько морскихъ офицеровъ и навигаторовъ въ Астрахань описать Каспійское море и берега. А потомъ въ прошломъ 715 году ни я искалъ, ниже желалъ быть въ такомъ отдаленномъ, а паче въ варварскомъ государствѣ, токмо принужденъ ѣхать по волѣ его императорскаго величества, и теперь имѣю инструкцію ту, которая тогда дана мнѣ (слѣдуетъ изложеніе извѣстной намъ инструкціи). Посему всякому добросовѣстному легко можно разсудить, что не по выѣздѣ моемъ изъ Персіи, но за нѣсколько лѣтъ прежде уже имѣлъ конечно его императорское величество оное свое намѣреніе, и что подлинно не я тому причина. И что же, мнѣ ли-бъ возможно было обуздать моими слабыми представленіями такого мудраго монарха и вести туда, куда-бъ его величество самъ итить не изволилъ, и потому-бъ было не моей силы дѣло, понеже тогда уже его величество былъ въ лучшей крѣпости совершеннаго мужества своего, а я моложе его величества былъ безъ мала двадцати лѣтами? А какая деференція противу его величества въ недостаткѣ ума моего, о томъ, сколько я о себѣ вѣдаю, столько бъ и прочимъ знать мощно, понеже сіе не закрытое, но всѣмъ было явное. Сверхъ того, представляю и сіе послѣднее мое оправданіе: когда его императорское величество изволилъ вступить уже въ персидсую войну, видѣлъ совершенно самъ въ томъ дѣлѣ многіе неудачи и убытки въ людяхъ и въ прочемъ, однакожь того ничего на мнѣ взыскивать не изволилъ; самъ его величество подлинно изволилъ вѣдать, что тому дѣлу не я былъ виною, и не только Персію оставить не хотѣлъ, но и самъ паки въ прошломъ 1725 году итить былъ по вскрытіи воды намѣренъ, токмо то скорая смерть пресѣкла.»

«А кто, злодѣйствуя мнѣ, говорилъ то, что его императорское величество гнѣвался на меня въ низовомъ походѣ, и вмѣняетъ въ томъ образѣ, будто-бъ прогнѣвался за неудачу персидскаго дѣла, и то подлинно солгано, понеже тогда еще ни Персію мощно было разсмотрѣть, ни о будущихъ неудачахъ возможно было вѣдать; а сдѣлалось сіе мнѣ несчастье такимъ образомъ: когда мы при его величествѣ перешли море, и сталъ флотъ на якоряхъ подлѣ персидскихъ береговъ, повелѣлъ его величество, забавляясь, купать въ морѣ, начавъ съ адмирала всѣхъ до послѣдняго (а при томъ и самъ купаться изволилъ); между тѣмъ хотѣлося адмиралу и Петру Толстому, чтобъ и я былъ купанъ, къ чему и его величество склоняли; но я поупрямился въ томъ, понеже тогда былъ пьянъ, и тѣмъ своимъ упрямствомъ его величество прогнѣвалъ; подъ то-жъ время получены были письма отъ бригадира Витерянова о взятіи города, именуемаго Андреева деревня, которой велѣно было тому бригадиру доставать; но онъ непорядочно въ томъ поступалъ и потерялъ одного подполковника и съ 80 человѣкъ драгунъ. Подъ такой случай адмиралъ и Толстой, злодѣйствуя мнѣ, привели его величество на наибольшій гнѣвъ; претворяя себѣ въ жалость о убыткахъ, такъ какъ бы уже многія тысячи пропали, и при томъ разсуждали, что тѣмъ дѣломъ непріятелю, на кого шли, будто великій авантажъ будетъ и прочее тому подобное внушали его величеству; но онымъ господамъ ни побитыхъ жаль было, ни о непріятелѣ нужда разсуждать была; кромѣ что до меня одного было дѣло, чтобъ тѣмъ больше повредить и ввести въ побои, что по ихъ желанію и сдѣлалось. Понеже его величество скоро съ адмиральскаго судна на свое изволилъ притить (хотя тогда и ночь была), однакожъ изволилъ прислать по меня, и тутъ, гнѣваяся, бить тростью, полагая вину ту, что будто тотъ городъ явился многолюднѣе, нежели я доносилъ, токмо всемилостивѣйшая государыня императрица до большихъ побой милостиво довести не изволила. Но хотя-жъ и претерпѣлъ я, однакожъ не такъ какъ мнѣ рабу надлежало терпѣть отъ своего государя, но изволилъ наказать меня какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою, и назавтра самъ всемилостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моей въ томъ не было, милосердуя раскаялся, и паки, какъ милосердый отецъ и государь нашъ, изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость.»

Но гораздо труднѣе было Волынскому отвѣчать на жалобы ясачныхъ иновѣрцевъ, которые обвиняли его въ лишнихъ поборахъ. Волынскій былъ арестованъ и признался, что взялъ съ ясачныхъ 2500 рублей за освобожденіе ихъ отъ корабельной работы. Въ награду за признаніе его освободили и оставили въ Москвѣ, хотя онъ числился между генералами Украинскаго корпуса. Съ Сильвестромъ случилось хуже: онъ былъ впутанъ въ дѣло Игнатія Коломенскаго, и въ концѣ 1731 года сосланъ въ Невскій монастырь; но, какъ тогда обыкновенно водилось, въ слѣдующемъ году наказаніе усилено: его заперли въ Выборгскую крѣпость [291].

Преслѣдуя отдѣльныя лица въ духовенствѣ, правительство оставалось вѣрно манифесту 17 марта. Мы видѣли, что при Петрѣ II обращено было вниманіе на католическую пропаганду среди смоленской шляхты. При новой императрицѣ, въ апрѣлѣ 1730 года Сенатъ распорядился: присланнаго изъ Смоленска бернардина Вербицкаго, который вышелъ изъ-за польской границы въ Россію для навращенія русскихъ обывателей въ римскую вѣру, послать въ Смоленскую губернію подъ карауломъ при указѣ, велѣть его отдать за польскую границу тамошнимъ командирамъ и объявить, чтобъ такимъ въ Россійскую имперію выходъ былъ запрещенъ; а если впредь такіе будутъ выходить, то съ ними поступлено будетъ по правамъ; также и на учрежденныхъ форпостахъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ такихъ отнюдь не пропускать [292]. Не хотѣли потакать и лютеранамъ. Въ Малороссіи стоялъ отрядъ нѣмецкаго войска, взятый еще Петромъ Великимъ у герцога мекленбургскаго, и потому извѣстный подъ именемъ мекленбургскаго корпуса. Черниговскій епископъ жаловался, что начальники этого корпуса не хотятъ хоронить своихъ мертвецовъ внѣ городовъ и селъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, самовольно хоронятъ при православныхъ церквахъ и дѣлаютъ каменныя капища; также принуждаютъ священниковъ пріобщать св. таинъ находящихся при нихъ Малороссіянокъ, по роду жизни своей этого недостойныхъ; когда священникъ отрекается, то присылаютъ къ нему солдатъ, бранятъ, грозятъ побоями. Синодъ послалъ указъ въ Военную Коллегію, чтобъ какъ въ мекленбургскомъ корпусѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ находящихся на службѣ императорской лютеранъ, кальвинистовъ и другихъ иновѣрцевъ при церквахъ не хоронили, надъ ними капищъ не дѣлали и священниковъ не обижа-

ли; а черниговскому епископу построенныя капища велѣть сломать [293]. Относительно раскольниковъ возстановлено было распоряженіе Петра Великаго и Синода его времени, по которымъ Питириму Нижегородскому для обращенія раскольниковъ отданы были изъ синодальной области города Балахна, Юрьевецъ Поволжскій, Галицкій уѣздъ по рѣку Унжу, Ярополчъ, Гороховецъ, Арзамасъ и Вязниковская слобода «для ревностнаго его преосвященства тщанія, чтобъ раскольническому суемудрію размноженія не происходило» [294]. По смерти Петра Великаго противодѣйствіе его распоряженіямъ шло дальше отобранія нѣсколькихъ городовъ изъ питиримовой епархіи: въ сентябрѣ 1727 года, по распоряженію Синода, велѣно было отобрать отъ всѣхъ церквей службу св. Александру Невскому на 30 августа и запрещено праздновать святому въ этотъ день, а велѣно праздновать попрежнему 23 ноября. Теперь, въ сентябрѣ 1730 года, по именному указу императрицы и по опредѣленію Синода, опять велѣно праздновать 30 августа [295].

Синодъ долженъ былъ обратить вниманіе на явленіе, которое приверженцы старины могли также приписывать вредному вліянію новаго духа. Мы видѣли, что въ до-Петровской Россіи мужья легко отдѣлывались отъ нелюбимыхъ женъ, заставляя ихъ постригаться въ монахини; теперь это было невозможно, и потому естественно должны были умножиться случаи разводовъ; для противодѣйствія этому, въ декабрѣ 1730 года изданъ былъ указъ: которыя люди съ женами своими, не ходя къ правильному суду, самовольно между собою разводиться будутъ, то отцамъ ихъ духовнымъ ни къ какимъ разводнымъ ихъ письмамъ рукъ отнюдь не прикладывать подъ тяжкимъ штрафомъ и наказаніемъ и подъ лишеніемъ священства [296].

Мы видѣли, что съ торжествомъ Ѳеофана Прокоповича должно было восторжествовать требованіе образованности отъ духовенства, и потому въ правѣ ожидать, что Синодъ, въ которомъ новгородскій архіепископъ получилъ такую силу, выскажетъ громко это требованіе. Дѣйствительно въ концѣ 1731 года встрѣчаемъ указъ, въ которомъ говорится, что, по доношенію ректора Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, священники, дьяконы и причетники не отдаютъ своихъ сыновей въ эту Академію вопреки указамъ Петра Великаго, отъ чего число учениковъ ума-

лилось и распротраненіе ученія пресѣкается; а вмѣсто Академіи духовенство отдаетъ дѣтей своихъ въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе. Синодъ предписалъ духовенству отдавать дѣтей своихъ въ Академію безъ всякаго отлагательства и отговорокъ, и въ подъячіе не отдавать подъ страхомъ лишенія чиновъ и безщаднаго наказанія; а въ Сенатъ сообщено вѣдѣніе, чтобъ сыновей духовенства запрещено было принимать въ подъячіе и другіе свѣтскіе чины [297].

Таковы были правительственныя распоряженія въ два первые года царствованія Анны. Относительно Украйнѣ въ августѣ 1730 года канцлеръ и вице-канцлеръ докладывалъ императрицѣ о малороссійскихъ денежныхъ доходахъ, что въ 1728 году положено разнаго званія сборовъ по 85.577 рублей на годъ, а теперь не соизволитъ ли ея величество изъ тѣхъ сборовъ убавить до указу, а именно со пчелъ, за табачную десятину, съ мостовъ, съ перевозовъ и съ гребель, отъ чего убудетъ 26.624 рубля; императрица согласилась. Тутъ же князь Алексѣй Шаховской подтвержденъ министромъ при гетманѣ, и въ тайной инструкціи ему, кромѣ обычныхъ пунктовъ, помѣщено: «Еслибы стали ему говорить о сборѣ съ Малороссіи доходовъ, что прежде у нихъ такой тягости не бывало, то отвѣчать: прежде когда всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ, подскарбіевъ не было, и вѣдали сборы гетманскіе люди, то по гетманской волѣ съ однихъ доходы собирались, а съ другихъ нѣтъ, собранными деньгами сборщики корыстовались, расходъ имъ былъ не порядочный по одной гетманской волѣ, въ войсковомъ скарбѣ ничего не оставалось, и народу была несносная и немалая обида: а теперь ея величество указала доходы собирать въ войсковой ихъ скарбъ съ однихъ только промысловъ для ихъ же пользы, и чтобъ ея величество о доходѣ съ нихъ могла знать.» Замѣтное въ новомъ правительствѣ возвращеніе къ мѣрамъ великаго дяди не обѣщало Малороссіи, что возстановленное при Петрѣ II-мъ гетманство будетъ долго существовать. Это всего яснѣе обозначалось въ письмѣ Анны къ находившемуся при гетманѣ императорскому министру князю Алексѣю Шаховскому, отъ 31 декабря 1730 года. Письмо это было написано по поводу индуктнаго откупа, который, согласно указу Петра Великаго, велѣно было отдавать только природнымъ Малороссіянамъ. Шаховской имѣлъ неосторожность представить, что

откупъ лучше отдать Гаврилѣ Владиславичу Рагузинскому, иначе прежніе откупщики, сѣвскіе жители Шереметцевы возьмутъ его себѣ, подставивъ какихъ-нибудь Малороссіянъ для наружнаго соблюденія закона. Раздраженная этимъ представленіемъ императрица отвѣчала Шаховскому: «Доношеніе твое отъ 5 ноября не только намъ удивительно, но и странно: ты въ немъ объ индуктѣ малороссійской такое дѣлаешь представленіе, какова мы отъ тебя не надѣялись, потому что должность твоя состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть прилежное смотрѣніе объ однихъ дѣлахъ публичнаго интереса безъ всякой страсти, но изъ дѣла видно, что ты поступаешь болѣе похлѣбственно или, паче чаянія, корыстно, потому: хотя гетманъ противъ Шереметцевыхъ и имѣлъ бы какое нарѣканіе, и то надлежитъ прежде освидѣтельствовать, и еслибъ найдено было что противное, то можно-бъ тогда въ томъ имъ отказать; а что угадываніемъ забѣгаешь, что Шереметцевы могутъ, малороссійскаго народа людей сыскавъ, въ откупщики представить, а подъ ихъ именемъ сами индуктою владѣть и купечество разорять, то эта предосторожность безъ всякаго основанія: вопервыхъ, ты знаешь, что дядя нашъ именнымъ своимъ указомъ накрѣпко утвердилъ, чтобъ индуктному откупу быть за малороссійскими природными обывателями; вовторыхъ, тѣхъ Малороссіянъ, которые будутъ требовать, чтобъ имъ дали на откупъ, можно освидѣтельствовать, справиться о ихъ состояніи и имуществѣ; въ-третьихъ, какъ ты можешь дать Гаврилѣ Владиславичу право считаться между малороссійскими жителями? Ты объявляешь, что онъ содержитъ индукту порядочно и купцы довольны: это можетъ служить похвалою его персонѣ, но тебѣ въ этомъ никакой выправки нѣтъ, ибо ты затѣмъ тамъ и живешь, чтобъ народъ нашъ вѣрный малороссійскій отъ всякихъ обидъ и непорядковъ былъ охраненъ. Болѣе всего чувствительно намъ то, что и ты, приставъ къ неосновательному разсужденію, стращаешь насъ, что народъ малороссійскій, будучи легкомысленъ, всякую новизну за противность принять можетъ: объясни, что ты подъ этимъ разумѣешь; а намъ довольно извѣстно, что при блаж. пам. дядѣ не только такое малое дѣло, о которомъ народъ едва знаетъ, *но самая перемѣна въ правленіи малороссійскомъ отъ народа съ великою благодарностію принята, только старшинъ, грабительства и другихъ злыхъ намѣреній ради, то было противно.* И такъ видно, что ты, послѣ-

дуя прежнимъ нарушителямъ благоопредѣленія дяди нашего, то же что и они дѣлаешь и должностію своею пренебрегаешь. Мы слышимъ, что малороссійскаго народа въ купечествѣ обращается самое малое число, но болѣе торгуютъ Греки, Турки и Жиды: и такъ нечего опасаться, чтобъ легкомысленный народъ новизну эту принялъ за противность, потому что въ этомъ дѣлѣ ни новости, ни великой народу простому пользы не обрѣтается» [298]. И такъ императрица знала, или ей внушили, что уничтоженіе гетманства при дядѣ ея большинствомъ малороссійскаго народа было принято съ великою благодарностію, но не понравилось только старшинѣ изъ дурныхъ побужденій.

Относительно прибалтійскихъ областей замѣчательно было одно изъ засѣданій Сената въ іюнѣ 1730 года: слушали доношеніе ревельскаго губернатора и приложенную при томъ челобитную тамошняго рыцарства на ревельскихъ депутатовъ. При этомъ Остерманъ собранію предлагалъ, что съѣздовъ и сеймовъ, о которыхъ упомянуто въ губернаторскомъ донесеніи, безъ здѣшняго (т.-е. сенатскаго) указа и безъ вѣдома губернаторскаго дѣлать не надлежитъ [299].

И отдѣльныя лица, имѣвшія причины быть довольными, и оффиціальные органы прославляли въ стихахъ и прозѣ, по-латыни и по-русски, новое царствованіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ воспѣвалъ:

Прочь уступай прочь
Печальная ночь!
Солнце восходитъ,
Свѣтъ возводитъ.
Радость родитъ.
Прочь уступай прочь
Печальная ночь!
Коликій у насъ мракъ былъ и ужасъ!
Солнце Анна возсіяла—
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ вѣнчанна
Августа Анна!
Ты нашъ ясный свѣтъ,
Ты красный цвѣтъ.
Ты красота,
Ты доброта,
Ты веселіе
Веліе.

Твоя держава
Наша то слава.
Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ
Враги твоя побѣждая,
Тебя въ бѣдахъ заступая.
Рцыте всѣ люди:
О буди, буди [300]!

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ писали изъ Москвы отъ 22 іюня: «Хотя ея величество еще непрестанно въ Измайловѣ при нынѣшнемъ лѣтнемъ времени пребываетъ, однако о государственныхъ дѣлахъ превеликое попеченіе имѣть изволитъ, понеже не токмо Сенатъ здѣсь (т.-е. въ Москвѣ) свои ежедневныя засѣданія имѣетъ, но такожде и два дня въ недѣлю назначены, чтобъ оному у ея императорскаго величества въ Измайловѣ собираться, и въ ея присутствіи въ среду иностранныя, а въ субботу здѣшнія государственныя дѣла воспринимать; такожде изволитъ ея величество сверхъ того министровъ до аудіенціи ежедневно допускать.» Извѣщая о поѣздкѣ Анны къ Троицѣ на праздникъ св. Сергія (5 іюля), Вѣдомости прибавляютъ: «Изволила при отправленіи службы Божіей Всевышнему Богу съ великимъ благоговѣніемъ молитися.» Въ Вѣдомостяхъ объявлялось также, что императрица экзерцировала полки. Подъ 15 марта 1731 года читаемъ: «Ея величество изволитъ еще непрестанно о правительствѣ неизреченное матернее попеченіе имѣть. Ея императорское величество изволила вновь знакъ высокой своей природной императорской милости и великодушія явно показать: оставшуюся послѣ бывшаго князя Меншикова (умершаго въ Березовѣ въ октябрѣ 1729 года) фамилію (сына и дочь) паки сюда привезти повелѣть изволила. При прибытіи оныхъ, сына и дочери, въ Москву, поѣхали они прямо во дворъ ея императорскаго величества и представлены того-жъ часа въ ихъ черномъ платьѣ, въ которомъ они изъ ссылки прибыли. Сынъ пожалованъ попрежнему въ поручики Преображенскаго полка, а дочь въ камеръ-фрейлины, и онымъ на надлежащій экипажъ нѣкоторую сумму денегъ съ алмазными вещми пожаловать изволила.»

Этимъ знакомъ великодушія къ дѣтямъ «неблагодарнаго раба», быть можетъ желали ослабить впечатлѣніе, производимое опалами. 25-е февраля поставило новое правительство во враждеб-

ныя отношенія къ двумъ самымъ виднымъ фамиліямъ—Голицыныхъ и Долгорукихъ; обѣ желательно было удалить; но боялись дѣйствовать круто и начинать царствованіе опалами; соображали, противъ которой изъ двухъ фамилій и противъ кого именно изъ ея членовъ можно безопаснѣе начать преслѣдованіе. Разумѣется, безопаснѣе всего было начать съ Долгорукихъ. Фаворъ послѣднихъ въ предшествовавшее царствованіе и неумѣренное пользованіе этимъ фаворомъ возбудили къ нимъ нерасположеніе очень многихъ. Иностранные наблюдатели писали: «Радуются, что смерть Петра II-го убавитъ спѣси у Долгорукихъ, которая стала нестерпима и своимъ и чужимъ; посланники австрійскій и испанскій по цѣлымъ часамъ дожидались у нихъ въ передней, когда они пили кофе» [301]. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая разсказываетъ, что когда, въ день въѣзда Анны, она возвращалась изъ дворца домой и проѣзжала черезъ полки, то одни кричали «это отца нашего невѣста»! подбѣгали къ ней: «матушка наша, лишились мы своего государя»! а другіе кричали: «прошло ваше время, теперь не старая пора»! Мы видѣли, какъ возбуждалось общество противъ Долгорукихъ внушеніями, что они захватили себѣ въ руки всю власть и томятъ государыню какъ плѣнницу. Несмотря однако на то, что Долгорукіе не могли найти себѣ защитниковъ, ждали, думали болѣе мѣсяца; лично ненавистнаго Аннѣ князя Василья Лукича удалили въ подмосковную; въ продолженіе нѣсколькихъ дней Анна совѣтовалась съ Остерманомъ [302], и наконецъ 8 апрѣля Сенатъ получилъ указъ за подписаніемъ собственной руки императрицы, что дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Долгорукій опредѣляется губернаторомъ въ Сибирь; князь Михаилъ Долгорукій—въ Астрахань; тайный совѣтникъ князь Иванъ (Григорьевичъ) Долгорукій воеводою въ Вологду; князю Алексѣю Григорьевичу со всѣмъ семействомъ и брату его князю Сергѣю велѣно жить въ дальнихъ деревняхъ. Въ тотъ же день Сенатъ получилъ указъ, что назначенный было Верховнымъ Совѣтомъ въ губернаторы въ Нижній, Петръ Бестужевъ ссылается на житье въ дальнія деревни; дочь его, княгиню Волконскую, велѣно было содержать въ Тихвинѣ дѣвичьѣ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Но участь ея пріятеля, Абрама Петрова, была облегчена: въ сентябрѣ 1730 года Ягужинскій объявилъ собранію Сената, что ея величество указала лейбъ-гвардіи

отъ бомбардиръ поручика Абрама Петрова, которому велѣно быть въ Тобольскомъ гарнизонѣ майоромъ, послать въ команду графа фонъ Миннихена, а ему опредѣлить его въ Перновѣ къ инженернымъ и фортификаціоннымъ дѣламъ по его рангу [303].

Подождали еще нѣсколько дней, прислушались—ропота нѣтъ, и ударили посильнѣе; быть можетъ также внушили, что озлобленные вельможи будутъ опасны какъ правители отдаленныхъ областей. 14 Апрѣля изданъ былъ манифестъ: «Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Понеже всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ извѣстно есть, коимъ ненадлежащимъ и противнымъ образомъ князь Алексѣй Долгорукой съ сыномъ своимъ князь Иваномъ, будучи при племянникѣ нашемъ, блаженной памяти Петрѣ Второмъ, Императорѣ и Самодержцѣ Всероссійскомъ, не храня его величества дражайшаго здравія, поступали, а именно: по пришествіи его величества къ Москвѣ, вопервыхъ, стали всѣми образы тщиться и не допускать, чтобъ въ Москвѣ его величество жилъ, гдѣбъ завсегда правительству государственному присматривался и своихъ подданныхъ, какъ вышнихъ и знатныхъ чиновъ такъ и прочихъ, обхожденіе видѣть могъ; но всячески приводили его величество, яко суще младаго монарха, подъ образомъ забавъ и увеселенія, отъѣзжать отъ Москвы въ дальныя и разныя мѣста, отлучая его величество отъ добраго и честнаго обхожденія, что тогда народу весьма прискорбно и печально было. И какъ прежде Меншиковъ, еще будучи въ своей великой силѣ, ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ, его величество взявъ въ свои собственныя руки, на дочери своей въ супружество сговорилъ, такъ и онъ князь Алексѣй съ сыномъ своимъ и съ братьями родными его величество въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, которыя еще къ супружеству не приспѣли, Богу противнымъ образомъ, безъ всякаго ближайшимъ кровнымъ нашей императорской фамиліи и прочимъ, которымъ вѣдать о томъ надлежало, сообщенія, и Совѣту, и противно предковъ нашихъ обыкновенію, привели на сговоръ супружествомъ дочери его князь Алексѣевой княжнѣ Катеринѣ. Многія и непорядочныя и противныя дѣла, и въ чины, по своимъ прихотямъ, производили, о чемъ отъ насъ впредь разсмотрѣно и указомъ объявлено будетъ. Не храня его императорскаго величества дражайшаго здравія и не имѣя о томъ попеченія, непрестанными и дальними отъ Москвы отлуча-

ми, не токмо въ лѣтніе дни, но и въ самыя осеннія студеныя времена и зимою, привели къ безпокойству, отъ чего его императорскаго величества здравію вредъ учинили, и въ послѣднюю его величества тяжкую болѣзнь, даже до дни кончины, о томъ министрамъ подлинно не объявили, но все то тайно содержали, не допуская знать, не точію министровъ и прочихъ, но и придворныхъ. Они-жъ, князь Алексѣй и сынъ его князь Иванъ многій нашъ скарбъ, состоящій въ драгихъ вещахъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, къ себѣ забрали и заграбили, не точію при жизни племянника нашего, но и по кончинѣ уже, при вступленіи нашемъ на россійскій нашъ престолъ, что нынѣ указомъ нашимъ у нихъ сыскано и отобрано. И понеже всѣ тѣ продерзости и преступленія чинили онъ князь Алексѣй съ сыномъ своимъ князь Иваномъ и съ братьями своими родными по согласію обще, за что по государственнымъ правамъ подлежали жестокому истязанію; однакожъ мы того чинить имъ не указали, а повелѣли ему князь Алексѣю съ женою и со всѣми дѣтьми, и брату его князь Сергѣю съ женою-жъ и съ дѣтьми, жить въ дальнихъ ихъ деревняхъ, а братьевъ его князь Ивана и князь Александра опредѣлить въ отдаленные города воеводами, и чины у всѣхъ у нихъ, которые получили не по заслугамъ и къ намъ вѣрности, такожъ и кавалеріи, данныя имъ, у нихъ отобрать. А князь Василья княжъ Лукина сына Долгорукова, за многіе его намъ самой и къ государству нашему безсовѣстные противные поступки, и что онъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ насъ весьма вымышленными и отъ себя самого токмо составными дѣлами безбожно оболгать (обмануть) и многихъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ въ невѣрство и подозрѣніе привесть, какъ онъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ уже самъ повинную принесъ: и за такія его преступленія хотя и достоинъ былъ наижесточайшему истязанію, однакожъ мы, милосердуя, пожаловали вмѣсто того, указали, лиша всѣхъ его чиновъ и кавалеріи снявъ, послать въ дальнюю его деревню, въ которой жить ему безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ» [304].

Такимъ образомъ одни изъ Долгорукихъ наказывались за явныя вины; князь Василій Лукичъ за какую-то таинственную вину противъ самой императрицы. Въ послѣдующихъ показаніяхъ князя Василія находится любопытное извѣстіе, относящееся къ описывае-

мому времени: «Какъ ея императорское величество соизволила шествовать въ Москву, и въ то время, будучи въ пути, доносилъ онъ, что духовная о наслѣдствіи княжны Екатерины сочинена и нынѣ помнится ему, что и о томъ, что оную подписалъ князь Иванъ, онъ доносилъ же, и по пришествіи ея величества въ Москву, какъ онъ высланъ былъ въ подмосковную, и тогда пріѣзжалъ къ нему генералъ Чернышевъ и объ оной духовной его спрашивалъ, и онъ, сожалѣя своихъ братьевъ, сказалъ, что не помнитъ. доносилъ ли ея величеству о духовной. И потомъ пріѣхалъ къ нему князь Александръ Григорьевичъ Долгорукій и говорилъ, что прислалъ къ нему братъ его Алексѣй и приказалъ сказать: ежели будутъ его, князь Василія спрашивать о духовной, чтобъ онъ отнюдь не могъ сказывать, понеже отъ того можемъ пропасть; и послѣ того пріѣхалъ къ нему гвардіи капитанъ Хрущовъ и спрашивалъ его объ оной же духовной, и онъ, сожалѣя своихъ братьевъ, сказалъ, что онъ, князь Василій, доносилъ государынѣ ложно, желая чрезъ то получить ея милость» [305]. Но дѣйствительно, по какому побужденію могъ князь Василій сказать объ этомъ Аннѣ во время дороги? Неужели для того, чтобъ получить ея милость? Вѣроятнѣе для того, чтобъ напугать ее извѣстіемъ о существованіи духовной въ пользу княжны Долгорукой; что же касается до подписи духовной княземъ Иваномъ, то самъ князь Василій говоритъ, что *помнится ему*, что доносилъ и объ этомъ: при вторичномъ страшномъ допросѣ ему было выгодно сказать такъ, хотя и тутъ онъ не рѣшился сказать утвердительно.

Теперь пока и за это донесеніе съ послѣдующимъ отрицаніемъ князь Василій подвергался обвиненію въ оболганіи, обманѣ, хотя таинственное обвиненіе главнымъ образомъ относилось къ другому: «Такъ ты, князь Василій Лукичъ, меня обманулъ», сказано ему было 25 февраля. Фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго не тронули: онъ остался съ прежнимъ значеніемъ. Еще болѣе опасались тронуть Голицыныхъ. Люди, господствовавшіе при дворѣ, Левенвольдъ сдѣланный оберъ-гофмаршаломъ и фаворитъ Биронъ хотѣли *раздѣляя властвовать*; говорили, будто они послали сказать Голицынымъ, что если они будутъ держаться ихъ стороны, то они помогутъ имъ и будутъ ихъ вѣрными друзьями [306]. Дѣйствительно фельдмаршалъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ при коронаціи былъ пожалованъ волостя-

ми, селами и деревнями въ Можайскомъ уѣздѣ изъ дворцовыхъ [307], сдѣланъ былъ президентомъ Военной Коллегіи; но Голицыны могли тотчасъ же замѣтить, что приближенія и вліянія на дѣла имъ не дадутъ. Самый приближенный человѣкъ, фаворитъ, былъ иностранецъ низкаго происхожденія. Анна и Биронъ понимали очень хорошо, что русскіе люди, и прежде всего русская знать, не могли сносить этого спокойно; Анна и Биронъ чувствовали, что есть оскорбленные и, естественно, оскорбители питали непріязнь къ оскорбленнымъ. Естественно было окружить себя людьми, которые не могли быть оскорблены иноземствомъ фаворита, для которыхъ онъ былъ свой и давній пріятель: таковъ былъ Остерманъ, умнѣйшій и опытнѣйшій государственный человѣкъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, котораго сами русскіе признавали необходимымъ; таковъ былъ неразлучный другъ Остермана, Левенвольдъ. Но у русскихъ двѣ военныя знаменитости, два фельдмаршала, Голицынъ и Долгорукій; надобно противопоставить имъ своего, и такой есть — генералъ-фельдцейгмейстеръ Минихъ, военный талантъ первокласный: Минихъ является председателемъ упомянутой нами выше коммиссіи объ исправленіи военной части въ Россіи. Такимъ образомъ, опираясь на Остермана въ дѣлахъ внутреннихъ и въ дѣлахъ внѣшней политики, на Миниха въ дѣлахъ военныхъ, на Левенвольда при дворѣ,—можно быть покойну. Можно ласкать и русскихъ, людей неопасныхъ, безъ претензій: таковъ князь Алексѣй Михаиловичъ Черкасскій, знатный человѣкъ и первый богачъ, но не опасный по личнымъ средствамъ, способный удовольствоваться однимъ почетомъ; Салтыковы—родственники императрицы также не опасны по личнымъ средствамъ; великій канцлеръ графъ Головкинъ и въ молодости не отличался безпокойнымъ характеромъ: его можно держать въ большомъ почетѣ, какъ развалину славнаго царствованія великаго дяди; безпокоенъ и очень безпокоенъ зять его, Ягужинскій; но съ однимъ человѣкомъ можно справиться.

Еще передъ коронаціею фельдмаршалъ Голицынъ со слезами жаловался на презрѣніе, какое оказываютъ заслуженнымъ особамъ. Во время коронаціи (28 апрѣля) Голицыны представляли печальную фигуру: императрица не удостоивала ихъ взглядомъ, тогда какъ особенное вниманіе оказывала Остерману, пожалованному въ графы, и князю Черкасскому. Противъ заслугъ графа

Андрея Ивановича трудно было спорить; князь Черкасскій знатный человѣкъ и въ послѣднюю смуту очень выдвинулся своимъ усердіемъ. Но неизвѣстный Курляндецъ Биронъ пожалованъ въ оберъ-камергеры, наслѣдство прежняго фаворита, князя Ивана Долгорукаго, украшенъ кавалеріями! Онъ пожалованъ въ оберъ-камергеры за то, говорилось въ рескриптѣ, что «сіятельный, особливо намъ любезно вѣрный графъ Яганъ Эрнестъ фонъ Биронъ, чрезъ многіе годы будучи въ нашей службѣ при комнатѣ нашей (камергеромъ), во всемъ такъ похвально поступалъ и такую совершенную вѣрность и ревностное радѣніе къ намъ и нашимъ интересамъ оказалъ, что его особливые добрые квалитеты и достохвальные поступки и къ намъ показанныя многія вѣрныя, усердныя и полезныя службы не инако какъ къ совершенной всемилостивѣйшей благоугодности нашей касаться могли.»

Уже въ маѣ 1730 года иностранные министры замѣчаютъ, что Биронъ и Левенвольдъ управляютъ императрицею какъ хотятъ, и русскіе ненавидятъ этихъ Нѣмцевъ [308]; но сзади ихъ стоитъ Остерманъ и управляетъ имперіею [309]. Противъ неудовольствія надобно принять мѣры. Надобно увеличить число гвардейскихъ полковъ. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, будучи главнокомандующимъ украинскою арміею, составилъ изъ мелкой шляхты шеститысячный корпусъ милиціи; изъ этого корпуса выбрано было 2.000 человѣкъ для составленія новаго гвардейскаго полка, который названъ измайловскимъ, по имени села Измайлова, любимаго подмосковнаго пребыванія императрицы. Князь Голицынъ надѣялся, что ему, въ благодарность, будетъ порученъ выборъ офицеровъ; но императрица сама назначила графа Карла Густава Левенвольда полковникомъ новаго полка и поручила ему набрать остальныхъ офицеровъ «изъ Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ и изъ русскихъ.» Этотъ Левенвольдъ былъ братъ оберъ-гофмаршала, графа Рейнгольда Левенвольда; въ званіи лифляндскаго ландрата явился онъ въ Москву въ числѣ другихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ просить новую императрицу о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій, остался въ Москвѣ, былъ пожалованъ генералъ-лейтенантомъ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ. Шотландецъ Кейтъ, перешедшій изъ испанской службы въ русскую, назначенъ былъ подполковникомъ измайловскаго полка [310].

Національное чувство было сильно оскорблено; но въ то же время обнаружилось посягательство и на матеріальное благосостояніе. Мы видѣли, что уже въ Курляндіи жаловались на сильную роскошь, которою отличался дворъ герцогини вдовы. Сама Анна любила роскошь, развлеченія, празднества; люди, къ ней близкіе, чужіе для Россіи, спѣшили весело пожить на чужой счеть, ибо получали деньги даромъ, отъ щедротъ императрицы. И вотъ праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, балъ смѣнялся маскерадомъ, и отличались они необыкновенною роскошью, требовали огромныхъ издержекъ. «Во всемъ городѣ устроены иллюминаціи и такія великолѣпныя, подобныхъ которымъ не видали въ этой странѣ. Вчера мы были приглашены во дворецъ, гдѣ былъ балъ и ужинъ, и никогда не видалъ я такого блестящаго праздника и такого отличнаго ужина. Вы не можете себѣ вообразить роскошь этого двора. Я былъ при многихъ дворахъ, но могу увѣрить, что здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, не исключая и Французскаго»[311]. Такъ писали иностранные министры къ своимъ дворамъ; но у насъ есть и русскія оффиціальныя извѣстія, изъ которыхъ видимъ, что не пропускалось никакого случая для празднества; въ 1731 году, 15 февраля праздновали даже годовщину публичнаго въѣзда Анны въ Москву. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ писали по этому случаю: «Кушали при дворѣ всѣ иностранные и здѣшніе министры съ знатнѣйшими дамами. Пополудни былъ балъ, при чемъ такожде и машкарадомъ увеселялись; въ 10 часу ввечеру имѣетъ изрядный фейерверкъ зажженъ быть.» Отъ 18 февраля извѣстіе изъ Москвы: «Машкарадомъ здѣсь еще и нынѣ непрестанно забавляются (маскерадъ начался 8 февраля), при чемъ машкарадное платье всегда перемѣняется. Италіанскіе придворные комедіанты короля польскаго сюда уже прибыли и будутъ на сей недѣлѣ первую комедію при дворѣ дѣйствовать.» Извѣстіе отъ 25 февраля: «Въ прошедшее воскресеніе былъ машкарадъ при дворѣ; во вторникъ былъ машкарадъ у великаго канцлера, а потомъ у фельдмаршала князя Долгорукаго, сегодня у вице-канцлера Остермана.»

Не забудемъ, что эти великолѣпные праздники «при чемъ машкарадное платье всегда перемѣнялось», происходили въ государствѣ чрезвычайно бѣдномъ. Знать была очень небогата; обязанная службою, она, еслибъ даже хотѣла и умѣла, не могла успѣш-

но заниматься хозяйственною дѣятельностію, откуда и неодолимое у многихъ стремленіе увеличивать свои скудные доходы служебными же средствами, на счетъ казны, на счетъ управляемыхъ и подсудимыхъ. При Петрѣ Великомъ было тяжело, принуждены были для нуждъ военныхъ и преобразовательныхъ платить много; разорилъ Петербургъ, гдѣ нужно было строить домы, гдѣ жизнь была дорога вдали отъ деревень, доставлявшихъ продовольствіе; но за то не было никакой роскоши, самъ царь подавалъ примѣръ сокращенія расходовъ вслѣдствіе умѣренности и простоты жизни. При Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ отдохнули отъ войны и сильнаго преобразовательнаго движенія, успѣли перебраться и въ Москву; удобства жизни увеличивались, но роскоши замѣтно не было. Теперь со вступленіемъ на престолъ Анны начинается сильная роскошь; къ каждому празднику новое платье! До сихъ поръ богатый человѣкъ, т.-е. имѣвшій много деревень, доставлявшихъ ему много съѣстныхъ припасовъ, показывалъ свою роскошь тѣмъ, что давалъ сытные пиры, кормилъ много приживальцевъ и приживалокъ, содержалъ большую дворню, множество лошадей; но денегъ было мало, и потому не щеголяли перемѣннымъ платьемъ, не стыдились, по старинѣ, носить платье отцовское и материнское; а теперь требуется къ каждому празднику новое платье: гдѣ же взять денегъ на покупку дорогихъ заморскихъ матерій? Приходится продавать деревни! ропотъ страшный; вздыхаютъ о временахъ Петра Великаго [312], о знаменитыхъ, теперь уже, несмотря на близость, баснословныхъ временахъ простоты и умѣренности, временахъ гоненія на роскошь. Неудовольствіе не могло ограничиться знатью, людьми имѣющими пріѣздъ ко двору. Въ мирныя царствованія Екатерины I-й и Петра II-го, при убѣжденіи, что надобно льготить крестьянина, отъ благосостоянія котораго зависитъ благосостояніе другихъ частей народонаселенія, смотрѣли сквозь пальцы на доимки; но зачѣмъ теперь вдругъ приводятся въ исполненіе строгіе указы противъ доимокъ? Развѣ нужно заводить снова войско и флотъ, развѣ снова Шведъ вступилъ въ русскіе предѣлы? Въ три мѣсяца помѣщики, архіереи и монастырскія власти должны заплатить доимки; на помѣщикахъ или ихъ прикащикахъ офицеры правятъ доимки. Войны нѣтъ — куда же пойдутъ деньги? на фаворитовъ-Нѣмцевъ, на балы и маскарады!

Въ связи съ неудовольствіемъ на роскошь было дѣло Румянцева. Мы видѣли, что одинъ изъ близкихъ къ Петру Великому людей былъ отправленъ съ дипломатическо-военнымъ порученіемъ на персидско-турецкія границы. Румянцевъ, игравшій такую роль въ дѣлѣ царевича Алексѣя, разумѣется, не могъ пользоваться особенною благосклонностію правительства въ царствованіе Петра II-го. При Петрѣ Великомъ онъ получилъ часть деревень, отобранныхъ у Лопухиныхъ и другихъ опальныхъ; при Петрѣ II у него отобрали эти деревни для возвращенія прежнимъ владѣльцамъ. Анна, разчитывая на неудовольствіе Румянцева предшествовавшимъ царствованіемъ и желая пріобрѣсти вѣрнаго слугу въ видномъ генералѣ и, главное, въ одномъ изъ любимцевъ великаго дяди, не могшемъ имѣть ничего общаго съ Голицыными и Долгорукими, вызвала Румянцева въ Москву и приняла необыкновенно любезно: онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, подполковникомъ гвардіи, получилъ 20,000 рублей въ вознагражденіе за отобранныя при Петрѣ II-мъ деревни. Но императрица и фавориты ошиблись въ разчетѣ: Румянцевъ былъ человѣкъ совершенно петровскаго закала; господство Нѣмцевъ и роскоши при дворѣ его возмутили; онъ столкнулся съ братомъ Бирона и отдѣлалъ его. При дворѣ забили тревогу: Аннѣ стали внушать, что она жестоко ошиблась въ Румянцевѣ, что это человѣкъ подозрительный, какъ любимецъ Петра Великаго онъ радѣетъ потомству своего благодѣтеля. Императрица призываетъ его къ себѣ, упрекаетъ въ неблагодарности, говоритъ, что она не можетъ оставить его подполковникомъ гвардіи, какъ человѣка къ ней нерасположеннаго, но назначитъ его президентомъ одной изъ финансовыхъ коллегій. Румянцевъ отвѣчаетъ, что онъ всегда служилъ вѣрою и правдою, что, будучи всегда солдатомъ, онъ ничего не смыслитъ въ финансахъ, и, разгорячившись, начинаетъ высказывать то, что было на душѣ у русскихъ людей; говоритъ, что онъ не умѣетъ выдумывать средствъ для удовлетворенія роскоши, введенной теперь при дворѣ. Тутъ Анна прервала его, выгнала вонъ, велѣла арестовать и отдать на судъ Сената. Сенатъ рѣшилъ, что Румянцевъ за неповиновеніе воли императрицы, достоинъ смерти; Анна перемѣнила смертную казнь на ссылку въ казанскія деревни; Александровская лента была съ него снята и 20.000 рублей взяты назадъ.

Опала Румянцева, явившагося героемъ, произвела страшное

раздраженіе противъ Нѣмцевъ. Польскій посланникъ Потоцкій въ разговорѣ съ секретаремъ французскаго посольства Маньяномъ, сказалъ: «Боюсь, чтобъ Русскіе теперь не сдѣлали того же съ Нѣмцами, что сдѣлали съ Поляками во время Лжедимитрія, хотя Поляки тогда и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію.» Маньянъ отвѣчалъ ему: «Не безпокойтесь: тогда не было гвардіи, а теперь у Русскихъ нѣтъ вождя по смерти фельдмаршала Голицына» [313].

Голицынъ умеръ въ концѣ 1730 года, и легко понять, какъ отлегло на сердцѣ у фаворитовъ. Оставался другой фельдмаршалъ—изъ Долгорукихъ; ему передали мѣсто Голицына, президентство въ Военной Коллегіи; но и онъ недолго оставался въ покоѣ. Долгорукихъ продолжали казнить постепенно, жечь медленнымъ огнемъ. Послѣ извѣстныхъ распоряженій относительно ихъ участи въ апрѣлѣ, въ серединѣ 1730 года послѣдовали новыя распоряженія: князя Алексѣя съ дѣтьми сослали въ Березовъ; князя Василія Лукича въ Соловки, князя Сергѣя въ Ораніенбургъ, князя Ивана Григорьевича въ Пустозерскъ; мать князя Алексѣя въ Ораніенбургъ [314]. Судьба князя Алексѣя не могла возбуждать сожалѣнія, потому что одновременно съ этими распоряженіями въ журналахъ Сената записывалось: «Допущенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шереметевъ и подалъ за своею, да за князя Петра Черкасскаго и князя Якова Голицына руками доношеніе и при немъ реестръ забраннымъ изъ дому покойнаго дяди ихъ, генералъ-адмирала графа Апраксина, князь Алексѣемъ Долгорукимъ бездснежно вещамъ, и чтобъ тѣ вещи или за нихъ деньги къ нимъ возвратить.» Но въ концѣ 1731 года изданъ былъ манифестъ, изъ котораго узнали, что самый видный и самый почтенный изъ Долгорукихъ за какія-то таинственныя преступленія заточенъ въ крѣпость: «Хотя всѣмъ извѣстно, говорилось въ манифестѣ, какіе мы имѣемъ неусыпные труды о всякомъ благополучіи и пользѣ государства нашего, что всякому видѣть и чувствовать возможно изъ всѣхъ въ дѣйство произведенныхъ государству полезныхъ нашихъ учрежденій, за что по совѣсти всякъ добрый и вѣрный подданный нашъ долженъ благодареніе Богу воздавать, а намъ вѣрнымъ и благодарнымъ подданнымъ быть. Но кромѣ чаянія нашего, явились нѣкоторые безсовѣстные и общаго добра ненавидящіе люди, а именно: бывшій фельдмар-

шалъ князь Василій Долгорукій, который, презря нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, въ чемъ по слѣдствію дѣла изобличенъ; да бывшій гвардіи капитанъ князь Юрій Долгорукій, прапорщикъ князь Алексѣй Борятинскій, Егоръ Столѣтовъ, которые, презрѣвъ свою присяжную должность, явились въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ не токмо противъ нашей высочайшей персоны, но и къ поврежденію государственнаго общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились. За которыя ихъ преступленія собранными для того министры и генералитетомъ приговорены они всѣ къ смертной казни. Однакожъ мы, по обыкновенной своей императорской милости, отъ той смертной казни всемилостивѣйше ихъ освободили, а указали: отобравъ у нихъ чины и движимое и недвижимое имѣніе, послать въ ссылку подъ карауломъ, а именно князь Василья Долгорукова въ Шлиссельбургъ, а прочихъ въ вѣчную работу—князь Юрья Долгорукова въ Кузнецкъ, Борятинскаго въ Охотскій острогъ, а Столѣтова на Нерчинскіе заводы»[315].

Двоихъ русскихъ фельдмаршаловъ нѣтъ болѣе—одинъ въ могилѣ, другой въ крѣпости. У Русскихъ нѣтъ вождя, говоритъ умный Французъ, и потому неудовольствіе ихъ неопасно. Сила Нѣмцевъ упрочена, потому что у нихъ есть вожди—Остерманъ, Минихъ. Какъ же это случилось, что Русскіе очутились безъ вождей, куда исчезли люди, которыхъ оставилъ Россіи Петръ Великій? Много важныхъ задачъ завѣщалъ рѣшить русскимъ людямъ Преобразователь, для чего такъ старался возбудить ихъ духовныя силы, пріучить къ самодѣятельности, къ дѣйствію сообща; но самая важная задача состояла въ томъ, чтобъ выйти невредимо изъ страшной опасности, необходимо связанной съ преобразованіемъ: выучиться всему нужному у чужихъ, не давши учителямъ значенія больше, чѣмъ сколько имъ слѣдовало, сохранивъ свое національное достоинство, удержавъ за своею національностію господство. Мы видѣли, какъ Петръ заботливо охранялъ достоинство русской національности, какъ высоко держалъ ея знамя, какъ, привлекая отовсюду полезныхъ иностранцевъ, не давалъ имъ

первыхъ мѣстъ, которыя принадлежали Русскимъ. Петръ оставилъ судьбы Россіи въ русскихъ рукахъ. Чтобъ такой порядокъ вещей продолжался, нельзя было ограничиться однимъ физическимъ исключеніемъ иностранцевъ; для этого нужно было поступать такъ, какъ училъ Петръ Великій: не складывать рукъ, не засыпать, постоянно упражнять свои силы, сохранять старыхъ людей способныхъ и продолжать непрестанную гоньбу за новыми способностями. Появленіе Остермана между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта показывало, что русскіе люди, стоявшіе наверху, не могли преодолѣть искушенія сложить тяжелый трудъ изученія подробностей на даровитаго и приготовленнаго иностранца. Это бы еще не бѣда: для такого человѣка, какъ Остерманъ, можно было сдѣлать исключеніе и изъ правила Петра Великаго. Но что всего хуже, русскіе люди, оставленные Петромъ наверху, начинаютъ усобицу, начинаютъ истреблять другъ друга. Двое людей, которые при соединеніи своихъ силъ были такъ могущественны, что дали престолъ Екатеринѣ, начинаютъ усобицу, и Меншиковъ засылаетъ Толстова въ Соловки; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Меншиковъ очутился въ ссылкѣ; по смерти Петра II дворянство и генералитетъ, раздраженные олигархическими стремленіями верховниковъ, выдаютъ ихъ новому правительству, и въ два года не досчитываются двоихъ даровитыхъ дѣятелей, князей Василія Владиміровича и Василія Лукича Долгорукихъ; смерть поражетъ фельдмаршала князя Михайла Михайловича Голицына, и чрезъ это отнимается значеніе у брата его, князя Дмитрія. Апраксинъ умеръ еще при Петрѣ II, Головкинъ одряхлѣлъ, да и никогда не отличался энергіею; изъ знаменитостей петровскаго времени остался одинъ Ягужинскій, но одинъ въ полѣ не воинъ. Ряды разрѣдѣли; на Салтыковыхъ и Черкасскихъ не было благословенія Петра Великаго, и на праздныя мѣста выступаютъ таланты, завѣщанные также Преобразователемъ, но иностранцы—Остерманъ и Минихъ. Можно было помириться съ возвышеніемъ этихъ иностранцевъ, очень даровитыхъ и усыновившихъ себя Россіи, неразрывно соединившихъ свою славу съ ея славою, благоговѣйно чтившихъ память великаго человѣка, давшаго ихъ Россіи; но нельзя было помириться съ тѣми условіями, которыя ихъ подняли и упрочили ихъ значеніе: передъ ними стоялъ фаворитъ, оберъ-камергеръ графъ Биронъ, служившій связью между

иностранцами и верховною властію. Биронъ и Левенвольды, по личнымъ своимъ средствамъ вовсе недостойные занимать высокія мѣста, вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ ими поднятыхъ и имъ подобныхъ, были тѣми паразитами, которые производили болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны. Биронъ, красивый и привлекательный въ своемъ обращеніи господинъ, нравившійся не однимъ женщинамъ, но и мужчинамъ своею любезностію, не былъ развращеннымъ чудовищемъ, любившимъ зло для зла; но достаточно было того, что онъ былъ чужой для Россіи, былъ человѣкъ, не умѣрявшій своихъ корыстныхъ стремленій другими высшими; онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ случаемъ, своимъ временемъ, фаворомъ, чтобъ пожить хорошо на счетъ Россіи; ему нужны были деньги, а до того, какъ онѣ собирались, ему не было никакого дѣла; съ другой стороны, онъ видѣлъ, что его не любятъ, что его считаютъ недостойнымъ того значенія, какое онъ получилъ, и, по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, преслѣдовалъ людей, которыхъ считалъ опасными для себя и для того правительства, которымъ онъ держался. Этихъ стремленій было достаточно для произведеній *бироновщины*.

Въ началѣ царствованія, именно въ апрѣлѣ 1730 года издан былъ указъ противъ ложныхъ доносовъ; велѣно было обнародовать, въ какой силѣ состоятъ первые два пункта; запрещено вѣрить доносамъ воровъ и разбойниковъ, приговоренныхъ къ смерти «дабы, продолжая животъ свой, не затѣвали, и невинные бы по лживымъ ихъ доносамъ напрасно не страдали»[316]. Но въ мартѣ 1731 года нашли нужнымъ возстановить учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Преображенскаго Приказа, и уничтоженное, какъ мы видѣли, при Петрѣ II; возстановленное учрежденіе было поручено генералу Ушакову[317] и получило названіе Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ[318]. Тайныя дѣла были взяты изъ Сената, потому что, какъ сказано въ указѣ, они мѣшали отправленію прочихъ государственныхъ дѣлъ. И относительно другихъ дѣлъ поспѣшили избавиться отъ многолюднаго собранія сенаторовъ, между которыми были люди непріятные. Еще въ началѣ царствованія, въ апрѣлѣ 1730 года въ высшихъ сферахъ носились слухи объ учрежденіи Кабинета или Совѣта изъ четырехъ или пяти приближенныхъ лицъ[319]. Но только 10 ноября 1731 года былъ данъ указъ Сенату: «Для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія

всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, заблагоразсудили учредить при дворѣ нашемъ Кабинетъ, и въ оный опредѣлить изъ министровъ нашихъ—канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Черкасскаго.» На слѣдующій день новый указъ: «Нынѣ мы, ревнуя закону Божію и имѣя о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ богоугодное попеченіе, чтобъ всѣмъ судъ происходилъ нелицемѣрный, неотмѣнно и безволокитно, по учрежденіи нашего Кабинета заблагоразсудили, изо всѣхъ обрѣтающихся здѣсь вышнихъ и нижнихъ судебныхъ правительствъ, какъ изъ Сената и изъ Синода, такъ изъ коллегій, приказовъ и канцелярій, для собственнаго нашего въ тѣхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, безволокитно-ль онымъ рѣшенія бываютъ, собирать въ Кабинетъ нашъ краткіе рапорты помѣсячно» [320].

Также рано, въ маѣ 1730 года императрица начала уже публично говорить о переѣздѣ въ Петербургъ, даже назначала для этого время слѣдующую зиму; но прибавляла при этомъ, что не останется въ Петербургѣ навсегда, главная резиденція будетъ въ Москвѣ. Зима прошла, дворъ оставался въ Москвѣ; только въ концѣ 1731 года переѣздъ въ Петербургъ былъ рѣшенъ окончательно. Мы видѣли, что фельдмаршалъ Долгорукій вмѣсто Петербурга отправился въ Шлиссельбургъ; изъ старыхъ верховниковъ возвращались въ Петербургъ графъ Головкинъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и Остерманъ. Генералъ-прокуроръ Ягужинскій не переѣхалъ въ Петербургъ; это былъ безпокойный и опасный человѣкъ, способный усиливать глазную болѣзнь, которою часто страдалъ Остерманъ. Въ 1731 году, въ праздникъ восшествія на престолъ Анны, Ягужинскій, во дворцѣ, выпивши или, какъ говорятъ, притворившись пьянымъ, принялся бранить Остермана и брата его, мекленбургскаго посланника; императрица, любившая подобныя сцены, смѣялась и говорила, что это дѣйствуетъ вино; но Остерманъ не смѣялся и говорилъ: «Жаль, что законъ не позволяетъ обиженному самому отомстить обидчику.» На другой день Анна сдѣлала Ягужинскому легкій выговоръ; тотъ клялся, что ничего не помнитъ, что̀ наболталъ подъ вліяніемъ бахуса и, по обычаю, давалъ зарокъ не пить больше [321]. Императрица не выдавала Ягу-

жинскаго, а тутъ еще новая связь по женѣ: третій сынъ графа Головкина, Михаилъ, женился на княжнѣ Ромодановской, двоюродной сестрѣ императрицы (княгиня Ромодановская и царица Прасковья Ѳедоровна были родныя сестры). Несмотря на то, къ концу 1731 года успѣли удалить и Ягужинскаго въ почетную ссылку, отправили его посланникомъ въ Берлинъ. Былъ еще человѣкъ неудобный, хотя и не такъ опасный и безпокойный какъ Ягужинскій: то былъ старый вице-канцлеръ Шафировъ, о которомъ не переставали твердить какъ о человѣкѣ способностей необыкновенныхъ; Меншиковъ хотѣлъ заслать его въ Архангельскъ; теперь послали его въ противоположную сторону, на персидскія границы съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Въ августѣ 1730 года дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Петръ Шафировъ призванъ былъ въ Сенатъ и предъ собраніемъ объявленъ ему указъ ея императорскаго величества о бытіи въ Гиляни вторымъ полномочнымъ министромъ. Шафировъ доносилъ, что онъ ея императорскому величеству со всякою вѣрностію и усердіемъ служить готовъ, только имѣетъ великія болѣзни и безпамятство, и чтобъ отъ того въ дѣлахъ ея величества не учинилось упущенія; къ тому-жъ онъ, Шафировъ, одолжалъ немалыми долгами и отправиться ему туда нечѣмъ, и просилъ о томъ доложить ея величеству. Средства, съ чѣмъ отправиться, были даны; на болѣзни и безпамятство не обратили вниманія. Опасные и безпокойные люди были всѣ отстранены; съ Головкинымъ и Черкасскимъ Остерману было легко отправиться въ Петербургъ; князь Алексѣй Михайловичъ одно время побезпокоился было: у него была одна только дочь, наслѣдница громаднаго имѣнія, на которое обратилъ вниманіе Левенвольдъ и предложилъ княжнѣ свою руку. Отецъ былъ въ страшномъ затрудненіи: сильно не хочется выдать дочь за Левенвольда, и отказать нельзя; согласился; обручили; но наверху сочли неудобнымъ огорчать Черкасскаго и позволили разорвать дѣло даже послѣ обрученія.

Въ началѣ 1732 года дворъ былъ уже въ Петербургѣ. Оставленный въ Москвѣ главнокомандующимъ, оберъ-гофмейстеръ и генералъ Семенъ Салтыковъ получилъ слѣдующій наказъ: 1) чтобъ во всемъ здѣсь на Москвѣ надлежащій добрый порядокъ содержать, и всякіе непорядки, конфузіи и замѣшанія по крайней возможности престережены и отвращены были. 2) И для того над-

лежитъ ему какъ явно, такъ и подъ-рукою за оставшимися здѣсь, какъ главными такъ и прочими управителями, коллегіями и командирами прилежно смотрѣть, дабы всѣ ихъ поступки были порядочные, и каждый должность свою по своему званію съ такимъ вѣрнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ отправлялъ, какъ по присяжной всеподданнической должности надлежитъ. 3) А ежелибъ кто тому противно поступалъ, то не токмо намъ о томъ немедленно доносить, но и смотря по важности дѣла, съ общаго сношенія съ оставшимися здѣсь сенатскими членами, съ такимъ поступать какъ наши указы и регламенты повелѣваютъ. 4) А ежелибъ такое дѣло случилось, о которомъ ему-бъ и сенатскимъ членамъ сообщить было невозможно и которое-бъ времени не терпѣло, то въ такомъ случаѣ чинить и ему одному все то, что къ нашимъ интересамъ и къ престереженію опасныхъ непорядковъ потребно будетъ, и намъ о томъ безъ всякаго упущенія времени репортовать. 5) Ему-жъ прилежно въ Сенатѣ присутствовать и смотрѣть, дабы дѣла порядочно и во всемъ по нашимъ указамъ и регламентамъ въ ономъ отправлены были безъ всякой волокиты и остановки. 6) Надлежитъ же ему смотрѣть, дабы оставшіеся здѣсь батальоны отъ полковъ гвардіи нашей въ добромъ порядкѣ и военной дисциплинѣ содержаны были, тожъ смотрѣть и за прочими здѣшней команды полевыми полками, и чтобъ оная команда порядочно и по военнымъ нашимъ регламентамъ во всемъ отправлена была. 7) Впрочемъ имѣетъ онъ обо всемъ, что здѣсь происходить станетъ и къ нашему вѣдѣнію для интересовъ нашихъ принадлежитъ, намъ часто и обстоятельно доносить, и впрочемъ сіи пункты весьма секретно содержать и никому, кто-бъ ни былъ, объ оныхъ сообщать или объявлять [322].

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ.

Смерть Петра II, разумѣется, должна болѣе всего огорчить австрійскій дворъ; цесаревѣ не рѣшились вдругъ объявить объ этомъ несчастіи, но приготовили ее исподоволь; узнавши, она сказала, что сердце ея съ самаго начала предчувствовало бѣду. Цесарь, выслушавъ у Ланчинскаго извѣщеніе о смерти Петра и восшествіи на престолъ Анны, отвѣчалъ: «Сердечно сожалѣемъ о преждевременной кончинѣ государя, подававшаго такія великія надежды; потеря намъ очень чувствительна какъ по дружбѣ, такъ и по свойству, но преклоняемся предъ волею Божіею. По-

хвальна осторожность россійскихъ чиновъ, что праздный престолъ немедленно замѣстили; и съ новою царицею мы готовы продолжать ту же дружбу и обязательство, какія имѣли съ покойнымъ царемъ и его предшественниками.» Прусскій король обнадеживалъ также своею дружбою новую императрицу; но особенную радость Фридрихъ Вильгельмъ обнаружилъ, когда узналъ о возстановленіи самодержавія въ Россіи; за столомъ пилъ за здоровье Анны изъ большаго бокала и давно не былъ такъ веселъ: «Теперь, говорилъ онъ, я уже не стану смотрѣть на Польшу въ дѣлахъ курляндскихъ.» Король шведскій изъявилъ желаніе усилить дружбу съ русскою государынею; король польскій обнадеживалъ постоянную дружбою и *партикулярнымъ* почтеніемъ. Въ Копенгагенѣ радовались всего болѣе, что преемницею Петра была Анна, ибо видѣли въ этомъ утвержденіе своей безопасности со стороны Россіи.

Прежде всего нужно было покончить съ Персіею, гдѣ Тахмаспбъ бралъ верхъ надъ Эшрефомъ, благодаря знаменитому визирю своему, Тахмасу Кулы-хану. Посолъ Тахмаспба находился въ началѣ 1730 года въ Москвѣ, и въ конференціи объявилъ слѣдующіе пункты: 1) чтобъ Россія помогла его шаху очистить его государство отъ непріятелей, послѣ чего шахъ уступитъ императрицѣ всѣ провинціи, какъ занятыя русскими войсками, такъ и обѣщанныя въ договорѣ, заключенномъ съ Петромъ Великимъ; 2) если же съ русской стороны помощи не будетъ, то Россія должна возвратить ему всѣ провинціи, и дружба и торговля между обоими государствами будетъ попрежнему, русскимъ купцамъ дастся позволеніе торговать въ Персіи безпошлинно, также дадутся имъ мѣста для построенія домовъ, гдѣ они сами пожелаютъ; 3) такъ какъ Турки и Афганцы очень непостоянны, и потому Русскіе не должны имъ ни въ чемъ вѣрить: они могутъ у Россіи обманомъ взять персидскія провинціи, чего шахъ не сдѣлаетъ.

Иностранная Коллегія представила разсужденіе о мѣрахъ для успѣшнѣйшаго окончанія персидскихъ дѣлъ. Въ разсужденіи говорилось, что у Россіи съ Турціею заключенъ былъ договоръ, въ которомъ оба государства обязались покончить персидскія дѣла съ общаго согласія. Несмотря на то, Турки, увидя силу Эшрефа, заключили съ нимъ формальный трактатъ безъ согласія Россіи. Эшрефъ теперь побѣжденъ законнымъ шахомъ Тахмасп-

бомъ, который усиливается и, по всѣмъ вѣроятностямъ, утвердится на персидскомъ престолѣ. Порта всѣми способами старается помириться съ Тахмаспбомъ и сильно вооружается, чтобъ тѣмъ скорѣе склонить его къ миру или, въ противномъ случаѣ, силою оружія удержать за собою завоеванныя мѣста. Такъ какъ сомнительно, чтобъ шахъ Тахмаспбъ вдругъ согласился на уступку Турціи занятыхъ ею областей, то Порта предлагаетъ Россіи исполнить договоръ, т.-е. окончить персидскія дѣла съ общаго согласія: это она дѣлаетъ нарочно, чтобъ Россія не заключила отдѣльнаго договора съ Тахмаспбомъ, или, что еще хуже, не соединилась бы съ нимъ противъ Порты. Россія хотя также, по примѣру Турціи, заключила договоръ съ Эшрефомъ, но при этомъ не порвала сношеній и съ Тахмаспбомъ, котораго посолъ и теперь находится въ Москвѣ. Съ одной стороны, война персидская ея императорскому величеству очень убыточна и тяжка становится, а содержаніе завоеванныхъ персидскихъ провинцій очень трудно, и едвали когда-нибудь могутъ быть получены отъ нихъ выгоды, какихъ сначала ожидали; съ другой стороны Турки не желаютъ расширенія и утвержденія русскаго владычества въ Персіи, точно такъ какъ и усиленіе Турокъ тамъ противно русскимъ интересамъ, и Россія никакимъ образомъ не можетъ допустить Турокъ до Каспійскаго моря: на этомъ основаніи еще генералъ-фельдмаршалу князю Долгорукому даны были указы, подтвержденные потомъ и Левашову—если усмотрятъ, что въ Персіи утвердится такой владѣтель, который въ силахъ поддержать себя, то заключить съ нимъ миръ, хотя бы и съ уступкою занятыхъ областей. Изъ этого краткаго предисловія видна уже дорога, по которой надобно будетъ идти въ настоящемъ дѣлѣ, но здѣсь однако должно различать двѣ части: отношенія турецкія и отношенія собственно персидскія.

Такъ какъ турецкія дѣла въ Персіи находятся не въ цвѣтущемъ состояніи, то нельзя думать, чтобы Порта могла объявить войну Россіи, особливо зная союзъ ея съ цесаремъ, и потомъ персидская война становится Туркамъ очень тягостна. Поэтому они предлагаютъ теперь Россіи рѣшить персидскія дѣла съ общаго согласія, и еслибы на Турокъ можно было положиться, еслибъ можно было ожидать отъ нихъ умѣренности, то этотъ способъ и для Россіи былъ бы самый надежный: но на Турокъ полагаться

нельзя; гораздо болѣе вѣроятія, что они предлагаютъ это только для того, чтобъ усыпить Россію; притомъ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ Персіи, еслибъ Порта по общему соглашенію стала ихъ требовать, тяжелы для Россіи, тѣмъ болѣе, что она никакихъ дальнѣйшихъ завоеваній себѣ тамъ не желаетъ, и эти дѣйствія могутъ приносить пользу однимъ Туркамъ. Но такъ какъ русскій интересъ требуетъ, чтобъ Порта одна, безъ соглашенія съ Россіею, не оканчивала своихъ дѣлъ съ шахомъ Тахмаспбомъ, то надобно подать Портѣ надежду, что ея императорское величество склонна поступать въ персидскихъ дѣлахъ съ общаго согласія и въ то же время всевозможно стараться отводить Турцію отъ отдѣльнаго примиренія съ шахомъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ необходимо поступать съ твердостію и всегда быть въ состояніи, въ нужномъ случаѣ, дать надлежащій отпоръ, ибо общее и неопровержимое правило говоритъ: кто хочетъ избѣжать войны, тотъ долженъ быть всегда къ ней готовымъ.

Что касается Персіи, то тамъ надобно поступать попрежнему, именно подтвердить Левашову, чтобъ старался какъ можно скорѣе заключить договоръ съ шахомъ Тахмаспбомъ и употреблялъ всѣ способы для отклоненія его отъ договора съ Портою. Если шахъ не согласится на договоръ безъ уступокъ, то уступка можетъ быть обѣщана въ договорѣ, но дѣйствительно сдѣлать ее опасно до тѣхъ поръ, пока шахъ не утвердится на престолѣ и окончитъ свои дѣла съ Турками, ибо при неудачной войнѣ Тахмаспба съ послѣдними, они могутъ овладѣть уступленными областями. Передъ Турціею можно отговориться тѣмъ, что: 1) у Россіи съ шахомъ Тахмаспбомъ давно уже заключенъ договоръ, и новый договоръ есть только подтвержденіе стараго; 2) что Турки подали примѣръ, заключивъ миръ съ Эшрефомъ безъ общаго согласія; 3) что въ договорѣ Россія не обязалась помогать шаху противъ Порты. Такъ какъ исходъ дѣла еще неизвѣстенъ, то надобно держать наготовѣ значительныя силы и потомъ стараться удерживать тамошніе народы при русской сторонѣ, для чего находящихся здѣсь посланниковъ отъ тамошнихъ владѣльцевъ надобно вполнѣ удовольствовать и отпустить домой. 23 мая императрица одобрила этотъ планъ. Найдено также неудобнымъ, что начальство въ Закавказьѣ дѣлилось между двумя генералами, Левашовымъ и Румянцевымъ; Румянцевъ былъ отозванъ и вся

власть поручена одному Левашову; но на помощь ему при веденіи дипломатическихъ переговоровъ былъ отправленъ, какъ мы видѣли, Шафировъ.

1730 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ; въ началѣ 1731 г. Левашовъ доносилъ изъ Рящи, что состояніе шахова двора «худое, удивительное и развращенное является; безмѣрно наполнены гордости и суевѣрія, ничего слушать не хотятъ, по безпутной амбиціи признаютъ себя умнѣе всего свѣта, и по разногласію партій одинъ боится другаго.» При этомъ еще глубокіе снѣга зимою мѣшали сообщеніямъ. Весною Левашовъ и Шафировъ получили отъ своего двора указы—оставя всѣ претензіи на денежное вознагражденіе, объявить шаху, что императрица не хочетъ оставить за собою ни одной изъ персидскихъ провинцій и повелѣла вначалѣ очистить всѣ занятыя земли по рѣку Куру, когда шахъ прикажетъ заключить договоръ о возстановленіи сосѣдственной дружбы и ратификуетъ его; и прочія провинціи отъ рѣки Куры будутъ уступлены, когда шахъ выгонитъ непріятелей изъ своего государства. Предписывалось спѣшить заключеніемъ договора, чтобъ предупредить Турокъ. Левашовъ и Шафировъ исполнили волю императрицы; но когда донесли въ Москву объ этомъ исполненіи, то получили замѣчаніе, что уступку провинцій слѣдовало шаху только обѣщать, а не вдругъ покидать свою прежнюю твердость, что Персіяне могутъ почесть признаніемъ въ слабости и возгордиться, тѣмъ болѣе, что персидскія дѣла въ надежный порядокъ еще не пришли и Турки изъ Персіи еще не изгнаны; вслѣдствіе этого повелѣвалось стараться о заключеніи договора по прежнимъ указамъ, объ уступкѣ Гиляни до Куры только обѣщать, а уступку земель отъ Куры до Баки и прочихъ мѣстъ вдругъ не обѣщать и не утверждать, что и они будутъ уступлены, но объявлять только на словахъ, что когда Турки изо всей Персіи будутъ выгнаны, тогда и объ этихъ земляхъ будетъ соглашеніе и склонность императрицы къ шаху можетъ быть показана; если же шахъ будетъ требовать уступки областей по послѣднему предложенію, то требовать съ него за это знатной суммы денегъ. Новый указъ впрочемъ заключался тѣмъ, что все предоставляется на разсужденіе Левашова и Шафирова, которые должны сообразоваться съ тамошнимъ состояніемъ дѣлъ и движеніемъ Турокъ. Левашовъ и Шафировъ отвѣчали, что не

признаютъ никакой пользы для интересовъ императрицы въ отступленіи отъ проекта договора, уже предложеннаго ими персидскому двору; требовать съ шаха денегъ за уступленныя провинціи также безполезно, потому что, вслѣдствіе крайняго разстройства въ финансахъ, онъ заплатить ничего не въ состояніи; это требованіе можетъ повести только къ разрыву и заставить Персіянъ поспѣшить заключеніемъ мира съ Турками.

Но въ Москву пришли извѣстія, что Турки одержали надъ Персіянами значительную побѣду подъ Эриванью, и потому отложили всякую мысль мириться съ шахомъ, прежнихъ пословъ его отдали подъ стражу, новаго отправили въ ссылку и вознамѣрились энергически вести войну въ Персіи; съ другой стороны Афганцы начали опять усиливаться, одержали верхъ надъ Тахмасъ-Кулы-ханомъ, и Магометовъ братъ Гуссейнъ уже сталъ величать себя персидскимъ шахомъ. Остерманъ подалъ мнѣніе: «По вышеозначеннымъ турецкимъ и персидскимъ вѣдомостямъ прилично ли тотчасъ уступить гилянскую провинцію, или нѣтъ? По отправленнымъ къ Левашову и Шафирову послѣднимъ указамъ такъ просто сдѣлать уступку не велѣно, но положено на ихъ разсужденіе, смотря по тамошнимъ конъюнктурамъ и опасностямъ. Главнымъ основаніемъ русскихъ интересовъ въ персидскихъ дѣлахъ положено было то, что никакъ не допускать Турокъ къ Каспійскому морю и въ сосѣдство къ нему. Теперь, хотя Турки заключенный съ ними Россіею договоръ и не соблюли, однако этотъ договоръ во всѣхъ дѣлахъ съ Портою служилъ основаніемъ; по нему гилянская провинція съ прочими остается за Россіею, вслѣдствіе чего Турки до сего времени явно и на дѣлѣ къ нимъ не прикасались. Но если русскія войска теперь изъ этой провинціи выступятъ, то мы сами отступимъ отъ договора, и Турки получатъ желанную возможность направить свои дѣйствія къ Каспійскому морю, утвердиться тамъ, и порвать всѣ сообщенія русскихъ съ шахомъ. Выступленіе русскихъ войскъ изъ Гиляни безовсякой видимой нужды можетъ быть почтено знакомъ слабости, почему тамошніе народы могутъ возмутиться и обезпокоить Русскія войска, соединившись съ дагестанскими и ширванскими народами, находящимися въ турецкомъ подданствѣ. Если выступить только изъ Гиляни, а страну по сю сторону Кура удерживать до тѣхъ поръ, пока Турки выгнаны будутъ изъ Персіи, то отъ

этого Россіи никакого облегченія не будетъ, только потеряются доходы, получаемые изъ Гиляни, велики ли они или малы. Русская торговля въ Персіи, начавшая было приходить въ нѣкоторый порядокъ, вслѣдствіе уступки Гиляни, можетъ опять остановиться, и если, по несчастію, Турки засядутъ въ Гиляни, то можетъ совсѣмъ прекратиться къ немалому государственному убытку. Противъ этого могутъ возразить: занимаемыя нами персидскія области слишкомъ обширны и нашимъ небольшимъ тамъ войскомъ всѣ онѣ не могутъ быть охранены отъ непріятельскихъ нападеній; если не выступить изъ Гиляни, то находящіяся тамъ наши войска могутъ быть отрѣзаны Турками или Персіянами и пропасть; что персидская война очень тяжела и отъ тамошняго климата люди умираютъ въ большомъ числѣ. На это можно отвѣчать: 1) если охранять каспійскіе берега отъ Турокъ признается необходимымъ, то самая обширность земель заставляетъ остерегаться, чтобъ Турки въ какомъ-нибудь мѣстѣ внезапно не утвердились; 2) по нынѣшнимъ вѣдомостямъ не видно никакой опасности ни съ турецкой, ни съ персидской стороны, и Турки не посмѣютъ напасть на Гилянь, пока тамъ находятся русскія войска, зная, что слѣдствіемъ этого будетъ генеральная война; 3) чтобъ русскія войска не могли быть отрѣзаны въ Гиляни, можно генералу Левашову подтвердить, чтобъ онъ, въ случаѣ явной опасности, выходилъ изъ Гиляни и отступалъ за Куръ; 4) уже восемь лѣтъ Русское государство несетъ эту тягость, и въ болѣе опасныхъ обстоятельствахъ Гилянь и другія области удерживало за собою не для чего иного, какъ только для того, чтобъ не допустить Турокъ къ этимъ мѣстамъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, кажется, выгоднѣе будетъ помедлить теперь дѣйствительною уступкою Гиляни; надобно подождать и посмотрѣть, какъ пойдутъ въ Персіи турецкія дѣла, а генералу Левашову дать позволеніе уступить Гилянь, когда персидскія дѣла такъ поправятся что отъ Турокъ опасности больше не будетъ; а Персіянъ между тѣмъ подъ рукою всѣми способами побуждать къ сильнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ.

Въ концѣ сентября, увѣдомляя о турецкихъ успѣхахъ, Левашовъ и Шафировъ писали: «Мы прикажемъ увѣрять шаха, что мы готовы заключить договоръ, только бы онъ насъ увѣдомилъ, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать противъ Турокъ; велимъ его ободрять,

чтобъ онъ, собравши войско и призвавъ Тахмасъ-Кулы-хана, не допустилъ Турокъ до расширенія въ своихъ наслѣдныхъ провинціяхъ; однако, не увидя въ его дѣлахъ прямой надежды, не посмѣемъ съ нимъ договоръ заключить безъ указа; мы сомнѣваемся, успѣютъ ли наши представленія при его слабости послѣ пораженія и при его безумныхъ поступкахъ, происходящихъ отъ шумства (пьянства); еслибъ онъ не былъ такъ безпутенъ, имѣлъ хорошихъ полководцевъ и сохранялъ порядокъ, то вслѣдствіе численнаго превосходства своихъ войскъ надъ турецкими, вышелъ бы побѣдителемъ изъ борьбы. Мы теперь находимся въ крайней печали и опасаемся, что если Турки покажутъ хотя малую склонность къ миру, то онъ, не видя себѣ ниоткуда помощи, помирится съ ними на какихъ бы то ни было условіяхъ; а упредить намъ Турокъ никакъ нельзя, какъ по указамъ вашего величества, такъ и по нашему о нынѣшнемъ состояніи шаха разсужденію: отдать ему областей нельзя, Турки у него ихъ отнимутъ; а безъ уступки областей, шаховъ посланникъ мирза Ибрагимъ не соглашается заключать мирнаго договора. Въ такихъ обстоятельствахъ мы рѣшились послать тайно изъ здѣшняго народа вѣрнаго и неглупаго человѣка къ Тахмасъ-Кулы-хану побуждать его къ дѣйствіямъ противъ Турокъ и обнадеживать помощію съ нашей стороны, увѣряя въ склонности вашего величества къ ихъ персидской сторонѣ и къ нему особенно, признавая его одного изъ всѣхъ персидскихъ полководцевъ добрымъ воиномъ и благонамѣреннымъ оборонителемъ своего отечества; при этомъ мы прикажемъ своему посланцу вывѣдать намѣренія Тахмасъ-Кулы-хана, хочетъ ли онъ вступиться за шаха или искать своихъ выгодъ, и смотря по тому велимъ и говорить.»

Въ концѣ года Левашовъ и Шафировъ получили отъ своего двора указы ни подъ какимъ видомъ не позволять Туркамъ предупредить Россію заключеніемъ мира съ Персіею; съ другой стороны разнесся слухъ, что главнокомандующій турецкими войсками Ахметъ-паша уже заключилъ этотъ страшный миръ, и Персіяне стали упрямѣе: посланникъ шаха, мирза Ибрагимъ объявилъ, что не заключитъ мирнаго договора съ Россіею, если еще до шаховой ратификаціи хотя часть Гиляни не будетъ очищена отъ русскихъ войскъ. Левашовъ и Шафировъ сочли нужнымъ согласиться на это требованіе, разсуждая, что еслибъ послѣ отдачи

одной крайней провинціи, а именно Лагеджани, шахъ и не подтвердилъ договора, чего впрочемъ никакъ ожидать нельзя, то можно будетъ эту провинцію и опять занять, потому что въ ней никакихъ крѣпостей нѣтъ; согласились и на то, чтобъ отданы были шаху доходы съ областей за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ нихъ русскихъ войскъ на томъ соображеніи, что когда жители областей узнаютъ объ уступкѣ ихъ Персіи, то станутъ всѣми мѣрами уклоняться отъ платежа податей въ русскую сторону и ничего съ нихъ получить будетъ нельзя, развѣ силою оружія. Договоръ съ Ибрагимомъ былъ заключенъ 21 генваря 1732 года, а 22 марта получена шахова ратификація [323].

Ходъ персидскихъ дѣлъ зависѣлъ отъ турецкихъ отношеній: главнымъ основаніемъ политики служило то, чтобъ не допускать Турокъ къ берегамъ Каспійскаго моря; заключеніемъ мира съ Персіянами спѣшили, чтобъ предупредить миръ Порты съ ними. Кромѣ дѣлъ персидскихъ предметомъ сношеній у Россіи съ Турціею были пограничныя ссоры. Извѣстный намъ Суркай напалъ на русскія владѣнія; Румянцевъ наказалъ его; Порта требовала удовлетворенія за эту расправу Румянцева съ подданнымъ турецкимъ, отказалась имѣть дѣло съ Румянцевымъ. Неплюевъ писалъ новой государынѣ: «Порта не будетъ вступать въ ссору съ вашимъ величествомъ, но, по варварскому своему обыкновенію, хочетъ испытать васъ при восшествіи вашемъ на престолъ, какъ вы поступите. И по смерти императора Петра I Турки такимъ же образомъ поступали, пока не получили рѣшительнаго отвѣта отъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Очень вѣроятно, что по состоянію своихъ внутреннихъ дѣлъ и по персидскимъ отношеніямъ, Порта не отважится на ссору съ вашимъ величествомъ, развѣ, паче чаянія, ослѣпится, чего при настоящемъ министерствѣ ожидать нельзя; хотя Турки по природѣ и горды, но слабость свою хорошо знаютъ.»

Порта не менѣе Россіи желала поскорѣе заключить миръ съ Персіею, и чтобъ вынудить у шаха выгодныя условія, стращала его самозванцемъ, который жилъ въ Константинополѣ и выдавалъ себя также за сына Гуссейнова, слѣдовательно брата Тахмаспбова; въ конференціяхъ съ персидскимъ посланникомъ турецкіе министры говорили, чтобъ шахъ прежде отобралъ отъ Россіи свои провинціи, а потомъ нашелъ бы средство и съ Портою друже-

ски согласиться, какъ государь единовѣрный; посланникъ отвѣчалъ, что у нихъ съ Россіею ссоры нѣтъ, желаютъ они прежде съ Портою покончить, а потомъ найдутъ средство къ соглашенію и съ Россіею, которая обѣщаетъ имъ уступку. Порта такой уступки не обѣщала, Персія не хотѣла мириться безъ уступки; Неплюевъ нашелъ средство сноситься съ персидкимъ посланникомъ и уговаривалъ его не уступать, потому что шахъ находится въ лучшемъ положеніи чѣмъ прежде, и Россіею покинутъ не будетъ, русская императрица непремѣнно хочетъ охранять Персію противъ всѣхъ враговъ и особенно противъ Турокъ. Въ половинѣ 1730 года въ Константинополѣ былъ написанъ проектъ мирнаго договора между Турціею и Персіею, по которому Порта отказывалась отъ послѣднихъ своихъ завоеваній, довольствуясь уступкою Грузіи, Арменіи и Ширвани; но Порта не вѣрила, что шахъ согласится подтвердить этотъ договоръ, а потому объявленъ былъ походъ визиря и самого султана въ Азію.

Осенью 1730 года Неплюевъ донесъ о переворотѣ въ Константинополѣ: 17 сентября произошелъ бунтъ, и султанъ, въ угоду бунтовщикамъ, долженъ былъ предать смерти визиря, муфтія и капитанъ-пашу; но этимъ бунтовщики не удовольствовались, свергли султана и возвели на престолъ племянника его Махмуда, сына султана Мустафы. Крымскій ханъ Капланъ-Гирей находился при новомъ султанѣ и участвовалъ во всѣхъ совѣтахъ; Неплюева безпокоили слухи, что ханъ вооружаетъ Порту противъ Россіи; другіе успокоивали резидента, утверждая, что при настоящемъ волненіи ханъ не выражаетъ самостоятельныхъ мнѣній, а слѣдуетъ только мнѣніямъ другихъ: «Чему вѣрить не знаю, писалъ Неплюевъ: за хана ручаться нельзя, понеже и онъ того же ехиднина порожденія сынъ; буду смотрѣть прилежно.» Безпокоилъ резидента и другой слухъ, будто французскій посолъ черезъ хана склоняетъ Порту вступиться въ польскія дѣла и поддерживать кандидатуру Станислава Лещинскаго, потому что когда послѣдній будетъ польскимъ королемъ, то, вмѣстѣ съ Франціею, будетъ постоянно держаться турецкой стороны. «По природному французовъ легкомыслію и склонности къ интригамъ, писалъ Неплюевъ, отъ сего рода кромѣ пакости ожидать ничего невозможно; но не думаю, чтобъ преуспѣть въ чемъ могли, покуда Порта своего интереса гдѣ не усмотритъ.» Скоро однако Неплюевъ счелъ себя

въ правѣ донести своему двору, что ханъ, по внушеніямъ французскаго посланника, дѣйствуетъ противъ Россіи: слѣдствіемъ этихъ интригъ было то, что, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ новаго султана, къ русскому двору былъ назначенъ чиновникъ низшаго ранга, чѣмъ къ дворамъ французскому и вѣнскому. Неплюевъ протестовалъ, что Россія не Рагуза, и настоялъ, что отправляемаго въ Россію чиновника повысили въ чинѣ, хотя все не сравняли съ отправленнымъ въ Вѣну, отговариваясь старымъ обычаемъ. Неплюевъ писалъ, что отправленный въ Россію Саидъ-еффенди человѣкъ знатный и умный; не худо-бъ его удовольствовать, а если можно, то и другомъ сдѣлать, подкупить хотя бы и большими подарками, а на подкупъ онъ подается, потому что человѣкъ повадный и мало суевѣренъ, говоритъ по-французски, и потому вицеканцлеръ можетъ давать ему деньги непосредственно.

Конференціи резидента съ турецкими министрами о дѣлахъ персидскихъ не оканчивались ничѣмъ; Неплюевъ въ началѣ 1731 года обратился къ капитанъ-пашѣ за объясненіемъ, почему Порта не хочетъ въ этихъ дѣлахъ дѣйствовать сообща съ Россіею. Капитанъ-паша отвѣчалъ, что совѣтуетъ не докучать болѣе Портѣ персидскими дѣлами,—ибо не взирая на заключенный прежнимъ правительствомъ договоръ съ шахомъ, Персіяне нанесли Туркамъ много обидъ, и теперь Порта вооружается, чтобъ отомстить и покончить дѣло; отъ Россіи же требуетъ одного, чтобъ она Персіянамъ не давала помощи и оставалась при своихъ владѣніяхъ, въ которыя Порта не вступается и вступаться не будетъ. «Порта ищетъ мира со всею горячностію, писалъ Неплюевъ, но можетъ ли его получить—время покажетъ; отвратить Турокъ отъ этого желанія мира нельзя, потому что трудность веденія войны для нихъ очевидна; но Порта не хочетъ и не можетъ покинуть всѣхъ завоеванныхъ въ Персіи провинцій, ибо въ такомъ случаѣ произойдетъ новый бунтъ, такъ какъ весь народъ знаетъ, что прежнее правительство заключило договоръ, по которому Персіяне уступали Турціи многія мѣста.» Персидскіе послы теперь именно требовали этихъ уступокъ, и потому война должна была рѣшить дѣло.

Мы видѣли, что въ этой войнѣ успѣхъ обнаружился на турецкой сторонѣ, и видѣли, какое вліяніе этотъ успѣхъ произвелъ на

взглядъ русскаго Кабинета относительно мирныхъ переговоровъ съ Персіею. Но мирные переговоры не остановились, тѣмъ болѣе, что съ осени 1731 года у Россіи начинаются столкновенія съ Турціею на другой сторонѣ. Преемникъ князя Мих. Мих. Голицына въ начальствованіи украинскою арміею, генералъ-аншефъ графъ-фонъ Вейсбахъ прислалъ въ Москву изъ Полтавы отъ 25 августа донесеніе, что крымскій ханъ съ крымскою, бѣлгородскою и ногайскою ордами и Запорожцами изъ Сѣчи стоитъ готовый къ походу, а куда пойдетъ неизвѣстно: нѣкоторые думаютъ, что на Кабарду, другіе указываютъ иныя мѣста. Вейсбахъ приказалъ регулярнымъ войскамъ тотчасъ выступить къ границамъ, и написалъ малороссійскому гетману, чтобъ онъ немедленно шелъ туда же со всѣми козацкими войсками. Неплюевъ принесъ визирю жалобу на хана «въ самыхъ крѣпкихъ терминахъ», требуя, чтобъ войска ханскія были немедленно распущены. Визирь отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ и не думаетъ, чтобъ ханъ могъ сдѣлать какую-нибудь дерзость, потому что ему накрѣпко приказано сохранять сосѣдственную дружбу съ Россіею, и обѣщалъ повторить это приказаніе. «Уповаемъ на Бога, писалъ Неплюевъ, что до ссоры не дойдетъ, потому что сама Порта ея не желаетъ: визирь человѣкъ старый и увѣчный, и хотя не глупъ, но и не очень уменъ, человѣкъ откровенный и не самовластный, потому что до сихъ поръ султанскимъ умомъ владѣетъ Кизляръ-Ага; кромѣ того Турки, отягченные персидскою войною, принуждены сохранять дружбу съ вашимъ величествомъ. Визирь, при окончаніи конференціи сказалъ, чтобъ мы о ханскихъ поступкахъ въ народѣ не разглашали; а потомъ рейсъ-еффенди, призвавши къ себѣ нашего переводчика, сказалъ ему, что султанъ удивился, и руками и ногами замахалъ, какъ ханъ крымскій осмѣлился поступать противъ его воли и указовъ, и велѣлъ изготовить указъ къ хану, чтобъ не только не смѣлъ приближаться къ русскимъ границамъ, но и оставилъ свои вооруженія противъ Кабардинцевъ и жилъ бы въ тишинѣ. Рейсъ-еффенди объявилъ также резиденту, что въ Азовъ отправленъ изъ Кандіи губернаторомъ паша перваго класса Бенгли-Мустафа, которому накрѣпко наказано охранять всякую сосѣдственную дружбу съ Россіею. Муфтій и другіе сановники говорили Неплюеву, что если ханъ хотя малую дерзость себѣ позволитъ, то не только смѣненъ, но

и смертію казненъ будетъ, потому что имъ Туркамъ теперь ссориться ни съ кѣмъ нельзя. Но дѣло этимъ не покончилось: Неплюевъ получилъ отъ своего двора извѣщеніе, что татарское войско вступило въ Большую Кабарду, при чемъ не оставило въ покоѣ и Малой. На жалобы Неплюева, въ концѣ 1731 года, рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что, какъ видно изъ ханскихъ доношеній, Крымцы ходили въ Кабарду для успокоенія народовъ подвластныхъ хану, и этимъ походомъ никакого подозрѣнія Россіи не подано, тѣмъ менѣе показана какая-нибудь обида; мало того, хотя это дѣло касалось одного хана, однако, по указамъ отъ Порты, ханъ оставилъ его и распустилъ свое войско.

Но тутъ начался споръ о Кабардѣ и Черкесахъ—кому они принадлежатъ, потому что Неплюевъ никакъ не хотѣлъ признать надъ ними господства крымскаго хана. Въ началѣ 1732 года рейсъ-эффенди велѣлъ объявить Неплюеву, что указъ, данный прежде Портою хану о выводѣ войска его изъ Кабарды, произошелъ отъ незнанія настоящаго дѣла: ханъ имѣлъ полное право вводить свое войско въ эту страну, потому что Кабарда, и Большая и Малая, изстари принадлежитъ Крыму, и Россія, по договору, никакого права на Кабарду не имѣетъ; русскихъ земель хану касаться не велѣно, и такъ какъ онъ человѣкъ умный и хорошо знаетъ миролюбивыя намѣренія визиря, то никогда въ чужое вступаться не дерзнетъ. Неплюевъ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что не зналъ отношеній Россіи къ Кабардамъ: онъ писалъ: «Прошу снабдить меня указомъ, какъ мнѣ въ кабардинскихъ дѣлахъ поступать, а именно, какъ о Большой Кабардѣ объявить? И какъ давно Малая Кабарда находится подъ русскимъ покровительствомъ? Какъ давно ея князья даютъ намъ аманатовъ, и гдѣ эти аманаты содержались до персидской войны, чтобъ я могъ Портѣ обстоятельно доказать и тѣмъ ханскія ложныя донесенія опровергнуть. Это кабардинское дѣло больше безпокойства принесетъ, чѣмъ послѣднее Суркаево, потому что ханъ крымскій при Портѣ гораздо больше имѣетъ значенія, чѣмъ Суркай, особенно если Россія захочетъ присвоить себѣ Большую Кабарду. Этимъ дѣло поднимется; если же держать въ своей защитѣ одну Малую Кабарду и тамъ имѣть хотя немного русскаго войска, то хотя и за это много спору будетъ, однако не думаю, чтобъ Порта позволила хану начать ссору;

только съ нашей стороны надобно сдерживать князей Малой Кабарды, чтобъ они Нагайцевъ и Кубанцевъ не обижали.» Положеніе Неплюева затруднялось еще тѣмъ, что, основываясь на грамотѣ Петра Великаго къ султану 1722 года и на указѣ императрицы Анны 1731 года, онъ объявилъ Большую Кабарду вольною, и только недавно узналъ, что русскіе генералы на Кавказѣ принимаютъ подъ русское покровительство и князей Большой Кабарды. Турецкіе министры настаивали, чтобъ пограничныя дѣла улаживали пограничные командиры, и дворовъ своихъ ими не утруждали; но когда съ русской стороны было сдѣлано объ этомъ распоряженіе, то намѣстникъ хана крымскаго (Калга) на Кубани отказался сноситься о кабардинскихъ дѣлахъ съ генераломъ Еропкинымъ, командовавшимъ въ крѣпости св. Креста, грозился не только Кабарду разорить, но послать и въ Россію Татаръ и Запорожцевъ, крича, что можетъ Россію плетьми заметать. Рейсъ-еффенди говорилъ переводчику русскаго посольства: «Резидентъ намъ кабардинскими дѣлами голову вскружилъ, представилъ претензію на Кабарду Большую и Малую съ доказательствами изъ своихъ архивовъ, такъ что мы не знаемъ, что хану крымскому писать, потому что прежде такихъ претензій съ русской стороны никогда не бывало.» Переводчикъ отвѣчалъ: «Прежде не представляли съ нашей стороны доказательствъ о Кабардахъ, потому что крымскіе ханы никогда не присвояли себѣ права на владѣніе ими.»

Турецкое министерство молча соглашалось съ Неплюевымъ, что Кабарду должно оставить въ покоѣ, какъ страну нейтральную, и не начинать объ ней разговора, пока со стороны хана не окажется какого-нибудь новаго непріязненнаго поступка. Но Крымцы не успокоивались: ханскій намѣстникъ на Кубани, Нурадинъ-султанъ, называя Кабарду своею, грозилъ вступить въ нее съ войскомъ, и Неплюевъ въ октябрѣ 1732 года объявилъ рейсъ-эффенди, что при первомъ движеніи Татаръ русскія войска вступятъ въ Кабарду для ея защиты. Неплюеву было трудно говорить съ Турками, потому что въ 9-мъ пунктѣ послѣдняго мирнаго договора было прямо сказано, что Черкесы принадлежатъ хану. Произошло и другое столкновеніе: извѣстный намъ калмыцкій ханъ Дундукъ-Омбо отложился отъ Россіи и отдался подъ покровительство крымскаго хана; Россія требовала его выдачи; но

въ томъ же 9-мъ пунктѣ мирнаго договора и о Калмыкахъ было сказано такъ, какъ будто бы они были вольные. Турецкіе министры налегали на этотъ 9-й пунктъ не такъ сильно только потому, что были обезпокоены со стороны Персіи, гдѣ Тахмасъ-Кулы-ханъ вышелъ изъ повиновенія шаху и объявилъ, что будетъ продолжать войну съ Турками. Подкупленные Неплюевымъ турецкіе чиновники дали ему знать, что къ хану отправлены указы не подавать ни малѣйшаго повода къ ссорѣ съ Россіею, которой дружба теперь очень нужна Портѣ; какимъ бы то ни было образомъ поскорѣе выслать Дундукъ-Омбо, и въ Кабарду войскъ не посылать, въ такомъ случаѣ и русскія войска туда не пойдутъ. Указы возымѣли свое дѣйствіе, потому что, какъ выражался Неплюевъ, у Порты довольно было чаду въ головѣ отъ персидскихъ дѣлъ: Тахмасъ-Кулы-ханъ свергнулъ шаха Тахмаспба, обвиняя его въ заключеніи послѣдняго мира съ Турками, провозгласилъ шахомъ новорожденнаго сына Тахмаспбова и взялъ всю власть въ свои руки; война между Персіею и Турціею была слѣдовательно неизбѣжна [324].

Какое же положеніе должна была принять Россія при такихъ конъюнктурахъ? Какъ должна была воспользоваться ими? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ состоянія дѣлъ европейскихъ. Европа попрежнему представляла два враждебныхъ лагеря, хотя и съ перемѣною отношеній вслѣдствіе севильскаго договора. Вѣнскій дворъ не хотѣлъ уступить требованіямъ Испаніи и ея союзниковъ относительно надѣла испанскихъ принцевъ въ Италіи: вслѣдствіе этого толковали о неизбѣжности войны, хотя никто не хотѣлъ ея. Но если война откроется, то Австрія, по договору, получитъ русскій тридцатитысячный вспомогательный корпусъ, и въ Москвѣ австрійскій посланникъ графъ Вратиславъ хлопочетъ, чтобъ новое правительство выполнило договоръ; испанскій посланникъ Лиріа и секретарь французскаго посольства Маньянъ хлопочутъ о противномъ; Англія смотритъ равнодушно на эти континентальныя отношенія, пока они не касаются прямо ея интересовъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ даетъ знать Россіи, что сильно желаетъ возобновить съ нею дружбу. Австрія ничего не теряла со смертію племянника цесаревы, Петра II-го, пока при новой императрицѣ находился въ силѣ Остерманъ, убѣжденный въ необходимости австрійскаго

союза по отношенію Россіи къ сосѣднимъ державамъ, Турціи, Польши и Швеціи, и такъ какъ восточныя дѣла находились въ томъ же положеніи, какое привело къ австрійскому союзу при Екатеринѣ I-й, и такъ какъ со дня на день нужно было ждать перемѣны въ Польшѣ, то, по мнѣнію вице-канцлера, и надобно было поддерживать австрійскій союзъ, хотя бы даже и пришлось двинуть вспомогательный корпусъ. За Остермана былъ, разумѣется, Левенвольдъ; Биронъ не вмѣшивался въ важныя вопросы политики; но его легко привлечь подарками. Биронъ будетъ имѣть вліяніе на императрицу; но она не подчинится этому вліянію безпрекословно; она самолюбива любитъ показывать свое значеніе, свое вліяніе на дѣла, прислушиваться къ разнымъ мнѣніямъ, ее надобно убѣдить. Противъ Остермана сильная партія, такъ-называемая русская, во главѣ которой находится Ягужинскій. Хотѣлось, во что бы то ни стало, сохранить миръ, необходимый при скудости финансовыхъ средствъ страны; не для того спѣшили покончить персидскія дѣла съ уступкою Петровыхъ пріобрѣтеній, чтобъ вмѣшаться въ совершенно чуждыя для Россіи дѣла западныя и тратить войско безо всякой выгоды. Маньяну передали, что когда въ апрѣлѣ 1730 года графъ Вратиславъ пріѣхалъ къ Ягужинскому и настаивалъ, чтобъ Россія помогла цесарю войскомъ, то Ягужинскій отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія Россія останется вѣрна своимъ обязательствамъ и поможетъ императору; но когда Вратиславъ вышелъ, то Ягужинскій расхохотался и сказалъ: «Они считаютъ насъ дураками! очень намъ нужно вмѣшиваться въ отдаленныя распри, тогда какъ мы можемъ у себя наслаждаться покоемъ» [325].

Но Ягужинскому трудно было бороться съ Остерманомъ. Въ іюнѣ 1730 года графъ Вратиславъ вручилъ оберъ-камергеру Бирону дипломъ на графство священной Римской имперіи, портретъ императора, осыпанный бриліантами и 200.000 талеровъ, на которыя, прибавивъ своихъ денегъ, Биронъ купилъ помѣстье Вартенбергъ въ Силезіи. У Вратислава въ запасѣ было еще четыре портрета, и Лиріа доносилъ своему двору: «Графа Вратислава и прусскаго посланника при здѣшнемъ дворѣ осыпаютъ любезностями, а со мною ограничиваются только обыкновенными вѣжливостями: изъ этого ясно, что отличія, которыми меня удостоивали прежде, были оказываемы въ уваженіе тогдашней нашей дружбы съ Вѣнскимъ дворомъ, который можетъ теперь здѣсь дѣлать все

что ни захочетъ. Думаю, что 30.000 войска тотчасъ же выступятъ въ походъ, какъ только ихъ потребуетъ императоръ, хотя русскіе вельможи и противятся этому. Они смертельно ненавидятъ иностранцевъ, приближенныхъ къ царицѣ, явно говорятъ, что тѣ думаютъ только о своихъ собственныхъ интересахъ, а не объ интересахъ страны, служатъ больше чужимъ государямъ, чѣмъ своему, что Биронъ удостоился такой чести отъ императора конечно не за службу своей государынѣ; прибавляютъ, что и Нѣмцы будутъ имѣть такой же конецъ, какой имѣли и прежніе временщики.» Въ іюлѣ подаренъ былъ портретъ императора украшенный брилліантами князю Черкасскому [326]. А между тѣмъ французскій дворъ оказалъ услугу австрійскому, протестовавши слишкомъ поспѣшно противъ выступленія тридцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса и употребивши въ своемъ протестѣ выраженія, которыя заключали въ себѣ угрозу. Маньянъ объявилъ Остерману отъ имени своего правительства, что такъ какъ участники севильскаго договора вовсе не имѣютъ намѣренія нападать ни на императора, ни на имперію, то трудно себѣ представить, почему бы русская государыня стала вмѣшиваться въ предстоящую войну; что весь вопросъ заключается въ занятіи крѣпостей Тосканы и Пармы гарнизонами или испанскими или швейцарскими, что не имѣетъ никакой важности для русскаго двора; такъ какъ было всегда доброе согласіе между Франціею и Россіею, то король его государь надѣется, что царица не приметъ участія въ войнѣ; въ противномъ же случаѣ король не будетъ въ состояніи скрыть свое неудовольствіе. Остерманъ смутился и, дрожа, отвѣчалъ: «Нельзя не удивляться, что это не было объявлено русскому посланнику въ Парижѣ, не сдѣлано ему даже никакого намека. Императрица всегда желала сохранить дружбу съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, но она знаетъ свои обязательства и предѣлы, до которыхъ они простираются. Ея величество не входила въ причины, заставившія короля вступить въ новыя обязательства по севильскому трактату, но она не откажется и отъ своихъ обязательствъ; моя государыня и ея союзники никогда не потерпятъ, чтобъ какой-нибудь монархъ предписывалъ имъ законы.» Маньянъ дрожаніе Остермана принялъ за слѣдствіе затрудненія, въ какое онъ поставилъ его своимъ объявленіемъ; но Лиріа доносилъ своему двору: «Я его (Остермана) знаю, и приписываю это дрожаніе

гнѣву и бѣшенству, потому что, несмотря на свое низкое происхожденіе, это одинъ изъ самыхъ высокомѣрныхъ людей.»

Въ то же время французскій посланникъ въ Стокгольмѣ сдѣлалъ такое же объявленіе при шведскомъ дворѣ. По поводу этихъ объявленій графъ Александръ Головкинъ имѣлъ разговоръ въ Компьенѣ съ кардиналомъ Флёри и хранителемъ печати Шовеленомъ. Онъ представлялъ кардиналу, что оборонительный договоръ Россіи съ цесаремъ не вредитъ никому и заключенъ прежде севильскаго договора, что Россія готова заключить такой же оборонительный союзъ и съ Франціею. Кардиналъ отвѣчалъ, что и Франція имѣетъ одинаковое желаніе быть въ доброй дружбѣ съ Россіею; но такъ какъ Россія дружнѣе съ цесаремъ, то съ такимъ раздраженіемъ и принимаетъ объявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ въ Швеціи и секретаремъ Маньяномъ; лучше объ этомъ позабыть, потому что все произошло на словахъ. а не на бумагѣ. Флёри изъявилъ сожалѣніе, что цесарскій дворъ не показываетъ нималаго снисхожденія, и потому война необходима, хотя онъ, кардиналъ, всячески трудился объ ея отвращеніи. Хранитель печати высказался съ большею горячностію. Головкинъ представилъ ему о неприличіи поступка Маньяна, который не аккредитованъ при русскомъ дворѣ, представилъ, что его слова не согласны съ уваженіемъ, какое самодержавные государи между собою сохранять должны, и съ дружбою, которая существовала всегда между Россіею и Франціею, и неужели употребленіе угрозъ есть прямая дорога къ сохраненію мира, о которомъ Франція хлопочетъ съ такою достохвальною ревностію. Хранитель печати отвѣчалъ: «Представленіе сдѣлано именно вслѣдствіе намѣренія Франціи сохранить дружбу съ Россіею; кромѣ того, всему свѣту извѣстно, что севильскіе союзники не намѣрены напасть на царя, которому сдѣланы такія умѣренныя и разумныя предложенія, что по справедливости ему нельзя ихъ отвергнуть, развѣ онъ имѣетъ намѣреніе овладѣть всею Италіею; въ такомъ случаѣ помы должны употребить силу. Но если дѣла находятся въ такомъ ложеніи, то вашъ оборонительный союзъ съ цесарскимъ дворомъ едвали имѣетъ силу въ этомъ случаѣ. Мы не отводимъ васъ отъ вашего союзника, но представляемъ вамъ, чтобъ вы не шли далѣе условій вашего союза; а впрочемъ какъ вы въ этомъ случаѣ будете поступать съ нами, такъ и мы съ вами. Мы вашей

дружбы всегда искали и думали даже прежде министра къ вамъ отправить.» Когда Головкинъ замѣтилъ ему, что императрицѣ будетъ пріятно имѣть при дворѣ своемъ французскаго министра, то хранитель печати отвѣчалъ: «Дѣло теперь въ такомъ положеніи, что не только новаго министра посылать, но и Маньяна есть ли зачѣмъ держать» [327].

Между тѣмъ въ Москвѣ шла борьба между Ягужинскимъ и Остерманомъ, и сначала толковали, что первый беретъ верхъ, особенно когда онъ былъ снова назначенъ генералъ-прокуроромъ [328]. Но въ 1731 году, какъ мы видѣли, Остерманъ пересилилъ, и Ягужинскій долженъ былъ отправиться въ Берлинъ. Россія не вмѣшалась въ войну, потому что войны не было: императоръ уступилъ требованіямъ Испаніи и Англіи, которыя за то признали прагматическую санкцію. На этотъ разъ миролюбивая политика восторжествовала; но впереди готовились новыя борьбы. Послѣ борьбы религіозной, окончившейся въ XVII вѣкѣ Тридцатилѣтнею войною, въ Европѣ начали господствовать чисто свѣтскіе интересы. Усилить себя, разширить свои владѣнія и не дать другому усилиться—вотъ основаніе политики европейскихъ государствъ отъ Вестфальскаго мира до конца XVIII вѣка. Въ это время важное значеніе имѣли вопросы о наслѣдствѣ, возбуждаемые прекращеніемъ династій, когда, вслѣдствіе кровныхъ связей, государства могли соединяться подъ одною властію или подъ одною, по крайней мѣрѣ, династіею, и такимъ образомъ нарушать политическое равновѣсіе. Неудивительно, что въ это время мы видимъ три войны за наслѣдство. Въ началѣ новой исторіи не было войны за то, что Габсбургскій домъ соединялъ подъ своею властію государства западной и средней Европы; но XVIII вѣкъ начинается страшною войною за наслѣдство испанскаго престола. Теперь предстояло два подобныхъ же вопроса: вопросъ о томъ, кто будетъ въ Польшѣ преемникомъ Августа II, которому оставалось очень недолго жить, и вопросъ о томъ, кто будетъ въ австрійскихъ владѣніяхъ преемникомъ императора Карла VI, у котораго не было сыновей, и который хотѣлъ оставить всѣ владѣнія свои дочери Маріи Терезіи. Признанія правъ этой дочери на наслѣдство или такъ-называемой «прагматической санкціи» отъ европейскихъ державъ онъ старался получить дипломатическимъ путемъ, но встрѣчалъ препятствія. Саксонія, Баварія, Пфальцъ не хотѣли признать санк-

ціи вслѣдствіе претензій своихъ государей на австрійскія владѣнія по родственнымъ связямъ. Извѣчная соперница австрійскаго дома, Франція не хотѣла, чтобъ всѣ владѣнія этого дома остались нераздѣльными подъ одною властію, тѣмъ болѣе, что наслѣдница ихъ, Марія Терезія, была обручена за герцога Франца Лотарингскаго, и такимъ образомъ страна, находившаяся въ такой тѣсной связи съ Франціею, должна была примкнуть къ Австріи. Съ вопросомъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ для Франціи тѣсно соединялся вопросъ польскій. Въ своей постоянной борьбѣ съ Австріею, Франція всегда домогалась вліянія на востокѣ Европы, именно въ сосѣдней съ Австріею Польшѣ. Теперь домогаться этого она должна была въ виду борьбы за австрійское наслѣдство, и къ тому же претендентъ на польскій престолъ, имѣвшій болѣе другихъ надежды на успѣхъ, былъ Станиславъ Лещинскій, тесть французскаго короля. Но теперь на востокѣ Европы существовала новая могущественная держава, которой интересы были сильно замѣшаны въ польскомъ вопросѣ: то была Россія. Отсюда понятно, что въ Петербургѣ, куда переѣхалъ теперь русскій дворъ, Австрія и Франція должны были вступить въ окончательную дипломатическую борьбу для рѣшенія вопроса, на чьей сторонѣ будетъ Россія.

Повидимому вопросъ былъ рѣшенъ еще въ Москвѣ удаленіемъ Ягужинскаго, торжествомъ Остермана, главнаго поборника австрійскаго союза. Но въ Петербургѣ Остерманъ нашелъ себѣ другого соперника. Смерть фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына и заключеніе въ крѣпости фельдмаршала и президента Военной Коллегіи князя Василія Владиміровича Долгорукаго выдвигали на первый планъ даровитаго иностранца: генералъ фельдцейгмейстеръ Минихъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, президентомъ Военной Коллегіи, губернаторомъ петербургскимъ. Русскіе стерты; иностранные министры пишутъ къ своимъ дворамъ: «Нѣтъ болѣе помина о партіи старыхъ русскихъ (parti des vieux Russes): вожди удалены и никто не посмѣетъ внушать что-нибудь противъ настоящаго порядка вещей» [329]. Но если Русскіе не имѣютъ никакого значенія, то нельзя ли обратиться къ могущественному Нѣмцу—Миниху, противопоставить его Остерману? Франція такъ и сдѣлала. Въ срединѣ 1732 года у Маньяна съ Минихомъ былъ разговоръ. Минихъ говорилъ: «Швеція дала нашей госуда-

рынѣ императорскій титулъ; мы не ждемъ съ ея стороны никакого безпокойства, какъ по причинѣ превосходства нашихъ силъ, такъ и по формѣ ея правленія. Съ Даніей не можетъ быть никакого столкновенія, когда голштинское дѣло рѣшено; съ Англіей и Голландіей также; съ Персіею миръ. Остается Турція, которая связываетъ наши интересы съ интересами императора: че въ этомъ отношеніи должны ожидать отъ Франціи? Намъ тяжело переносить, что Азовъ у Турокъ; быть можетъ, мы пойдемъ вырывать его у нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, если не удастся достигнуть этого мирнымъ путемъ, если султанъ не согласится взять Дербентъ за Азовъ. Кромѣ Турціи—Польша; Поляки не даютъ намъ удовлетворенія: подлѣ Кіева находится пространство земли, которое по договорамъ должно оставаться пустымъ; но Поляки его населяютъ, и кѣмъ же? Бѣглыми изъ Россіи, которые принимаются радушно и потому толпами переселяются въ Польшу! Потомъ Польша не отказывается отъ своихъ притязаній на Ливонію. Далѣе интересъ Россіи требуетъ, чтобъ Курляндія, отдѣляющая ее отъ Пруссіи, была отдѣльнымъ владѣніемъ, чего Поляки не хотятъ. Въ случаѣ смерти короля, у императрицы большая партія въ Польшѣ, и Россія будетъ дѣйствовать, чтобъ не былъ избранъ человѣкъ, преданный императору. Будетъ ли Франція во всѣхъ этихъ вопросахъ поступать согласно желаніямъ Россіи? Наконецъ согласится ли французскій король дать государынѣ императорскій титулъ и платить субсидіи, ибо здѣсь нѣтъ денегъ? Если да, то императрица согласится держать въ распоряженіи Людовика XV не только 30, но 40 и 50 тысячъ войска, 12 или 15 хорошихъ кораблей и 100 галеръ.»

Когда Маньянъ далъ знать объ этомъ разговорѣ своему правительству, то оно отвѣчало ему: «Что вамъ сказалъ Минихъ о тождествѣ интересовъ императора и Россіи относительно Турокъ справедливо въ теоріи, но на практикѣ это вещь чисто идеальная, и мы всегда удивлялись, что Русскіе серьозно разчитываютъ на исполненіе своего договора съ императоромъ за помощь тридцатитысячнымъ корпусомъ; тогда какъ мы можемъ сказать безъ хвастовства, что, благодаря нашему вліянію въ Константинополѣ, мы оказали во времена Петра I такія услуги Россіи, какихъ имперія не могла бы оказать, хотя бы употребила всѣ свои силы. Такимъ образомъ благоразумная политика требуетъ, чтобъ Россія

не вводила насъ ни въ какое обязательство, которое могло бы насъ поссорить съ Портою; но вы можете увѣрить именемъ королевскимъ, что какъ скоро у насъ будетъ заключенъ союзъ съ Россіею, мы будемъ поддерживать русскіе интересы въ Константинополѣ такъ, что въ умѣ царицы не останется ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ вѣрности и пользы нашей дружбы, и потому достаточно, если въ договорѣ будетъ заключаться взаимная гарантія всѣхъ европейскихъ владѣній. Обратите вниманіе г. Миниха на то, что никогда Россія не получитъ существенной помощи отъ императора противъ Турокъ, и что никогда этотъ государь не станетъ поддерживать Турокъ противъ Россіи. Относительно Польши чрезвычайно трудно заключить какія-нибудь опредѣленныя условія, не повредивши дѣламъ царицы; дайте почувствовать фельдмаршалу Миниху, что Россія можетъ быть покойна насчетъ сохраненія Ливоніи, если въ договорѣ будетъ условлена общая гарантія европейскихъ владѣній; что касается Курляндіи, то мы будемъ очень рады видѣть на ея престолѣ кого-нибудь угоднаго царицѣ; но никакъ не слѣдуетъ прямо идти противъ послѣдняго сеймоваго рѣшенія въ Польшѣ относительно Курляндіи; это рѣшеніе должно быть предметомъ переговоровъ, въ которыхъ мы будемъ охотно помогать Россіи. Мы достигнемъ здѣсь большихъ результатовъ, если современемъ будетъ въ Польшѣ король, на котораго мы могли бы вполнѣ положиться; итакъ мы думаемъ, что было бы опасно входить въ подробности, и что достаточно на словахъ согласиться въ принципахъ, по которымъ будемъ дѣйствовать впослѣдствіи. Мы съ удовольствіемъ дадимъ царицѣ императорскій титулъ. Мы увѣрены, что съ русской стороны не будутъ настаивать на субсидіи, такъ какъ мы не хотимъ быть въ тягость Россіи, заставляя ее держать наготовѣ чрезвычайныя силы. Когда мы будемъ находиться именно въ обстоятельствахъ, обозначенныхъ въ договорѣ, то понятно, что мы сочтемъ своимъ долгомъ помочь Россіи, и мы это сдѣлаемъ безъ предварительныхъ обязательствъ. Если Минихъ будетъ настаивать, то можно постановить вообще, что мы будемъ поддерживать интересы Россіи при Портѣ безъ означенія, въ чемъ именно и не называя Азовъ. Относительно Курляндіи никакъ нельзя составить никакого условія; еслибы въ Польшѣ узнали о соглашеніяхъ Россіи съ Франціею, противныхъ послѣднему сеймовому рѣшенію, то ко-

роль Августъ воспользовался бы этимъ для соединенія Поляковъ въ пользу своего сына, который охотно согласится поддерживать распоряженія республики относительно Курляндіи, и царица тогда только достигнетъ своихъ цѣлей, когда будетъ содѣйствовать возведенію на польскій престолъ человѣка, который бы могъ находиться совершенно подъ нашимъ вліяніемъ. Подарки, которые мы сдѣлаемъ участникамъ при составленіи договора, будутъ болѣе значительны, если мы не будемъ обязаны платить ежегодныя субсидіи» [330].

Французскія предложенія должны были поставить Миниха въ затруднительное положеніе: разрозненность русскихъ и французскихъ интересовъ по отношеніямъ къ Турціи и Польшѣ была очевидна, а при такой разрозненности союзъ могъ ли быть возможенъ? Россія постоянно имѣла въ виду войну съ Турціею; война послѣдней съ Персіею давала возможность выгоднаго вмѣшательства для уничтоженія тяжкихъ условій договора 1711 года; а Франція продолжала твердить одно: не ссорьте меня съ Турціею, я вамъ буду помогать въ Константинополѣ, какъ помогла при Петрѣ I; но тогда Франція могла помочь, потому что Россія, имѣя на плечахъ персидскую войну, не хотѣла разрывать съ Турціею; теперь же обстоятельства были совсѣмъ другія: Россія искала союзника въ войнѣ, а не помощника для избѣжанія войны. Въ Польшѣ Франція обѣщала также помогать, но твердила, что Россія прежде всего должна была помочь ей возвести на польскій престолъ человѣка, вполнѣ подчиненнаго французскому вліянію, т.-е. Станислава Лещинскаго: кто же могъ повѣрить, что Франція въ угоду Россіи будетъ ослаблять значеніе преданнаго ей короля и свое собственное вліяніе, заставляя Рѣчь Посполитую уступать русскимъ требованіямъ? Неискренность, явное желаніе употреблять Россію только орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей просвѣчивали въ каждомъ словѣ французскихъ предложеній, и въ такомъ видѣ Минихъ, разумѣется, не могъ настаивать на ихъ принятіи, долженъ былъ требовать отъ Маньяна большей опредѣленности и широты въ предложеніяхъ. 23 сентября онъ объявилъ ему, что очень доволенъ вчерашнимъ вечеромъ: вмѣстѣ съ Бирономъ онъ объяснялъ императрицѣ пользу союза съ Франціею; Анна и Биронъ убѣждены въ этой пользѣ; императрица непремѣнно хочетъ отдѣлаться отъ связей съ Австріею, ибо праг-

матическая санкція до нея вовсе не касается, тѣмъ болѣе, что сама она ни у кого не проситъ гарантировать ея наслѣдство. Но при этомъ Минихъ внушалъ Маньяну, что со стороны Остермана сильное сопротивленіе, и особенно вице-канцлеръ возражаетъ на предложенія о Польшѣ, слѣдовательно, чтобъ уладить дѣло несмотря на сопротивленіе Остермана, Франція должна еще болѣе приблизиться къ требованіямъ Россіи. Маньянъ отвѣчалъ, что Франція не можетъ выйти по этому предмету изъ своихъ принциповъ, и что если дѣло поступило на разсмотрѣніе Остермана, то напрасно будетъ съ нимъ спорить. «Я этимъ очень огорченъ, говорилъ Маньянъ: Остерманъ непремѣнно дастъ знать въ Вѣну обо всемъ.»—«Не посмѣетъ, отвѣчалъ Минихъ: во всякомъ случаѣ, если союзъ съ Франціею не состоится, то и союза съ императоромъ не будетъ; онъ никогда не получитъ тридцатитысячнаго корпуса на помощь, Россія останется нейтральною; императрица объявила рѣшительно, что она непремѣнно хочетъ освободиться отъ вѣнскихъ трактатовъ, что Екатерина заключила ихъ единственно въ интересахъ герцога голштинскаго, а теперь этихъ интересовъ не существуетъ для русскаго двора.» При этомъ Минихъ внушалъ, что Франція должна подарить Бирону 100.000 экю, а самой императрицѣ прислать гобелиновъ [331].

Чѣмъ затруднительнѣе было положеніе Миниха, тѣмъ легче было положеніе Остермана, которому немного труда стоило показать несостоятельность французскихъ предложеній и пользу стараго союза съ Австріею. Относительно предложенія французской гарантіи европейскихъ владѣній Россіи онъ замѣчалъ: «Надобно зрѣло подумать о томъ, можно ли для французской гарантіи пренебречь всѣми другими, и надобно еще знать, какъ Франція, при такомъ дальнемъ разстояніи, можетъ на самомъ дѣлѣ исполнить свое обязательство относительно гарантіи, чтобы Россія могла быть вполнѣ безопасна; также естественно можно ожидать, что тѣ державы, съ которыми вслѣдствіе французскаго союза разойдемся, могутъ противъ Россіи принимать всевозможныя мѣры.» Относительно Курляндіи: «Подлинное намѣреніе всего предложенія не очень ясно; нельзя понять, какъ согласить два дѣла: герцогъ долженъ быть выбранъ, а между тѣмъ нельзя дѣйствовать противъ послѣдняго сеймоваго рѣшенія, по которому герцога быть не должно, Курляндія должна быть присоединена къ Поль-

нѣ? Ясно, что пока сеймовое опредѣленіе не будетъ уничтожено, то и герцогъ не можетъ быть выбранъ. Вести дѣло переговорами, особенно при французскомъ посредничествѣ, это значитъ связать у Россіи руки поступать согласно съ своими интересами и въ нужномъ случаѣ употребить силу. Такъ какъ Поляки, на основаніи французскаго договора, не будутъ ничего опасаться отъ Россіи, то тѣмъ меньше будутъ склонны къ уничтоженію своего сеймоваго рѣшенія, развѣ въ другомъ мѣстѣ получатъ какія-нибудь выгоды и удобства; но такъ какъ Франція, за великою отдаленностію, ничего такого доставить имъ не можетъ, то вся тяжесть и падетъ на одну Россію.» Относительно Турціи: «Зрѣлѣйшаго разсужденія требуетъ то, можно ли русскіе интересы отдать въ руки одной Франціи; а Франція прямо объявляетъ, что она не сдѣлаетъ никакого поступка, которымъ бы могла возбудить нерасположеніе къ себѣ Порты, что и естественно по ея интересамъ. Что римскій цесарь Туркамъ противъ Россіи никогда помогать не будетъ—это естественно; но чтобъ онъ также Россіи противъ Турокъ никогда помогать не захотѣлъ—объ этомъ, какъ о будущемъ, подлинно узнать нельзя; а по человѣческому разсужденію и по естественнымъ цесарскимъ интересамъ надобно ожидать, что онъ помогать будетъ, ибо цесарь, отступивъ отъ договоровъ съ Россіею, нанесетъ вредъ только самому себѣ: Россія будетъ тогда въ состояніи чувствительно отомстить ему за неисполненіе договоровъ.» Относительно выборовъ польскаго короля: «Франція требуетъ согласнаго дѣйствія; но такъ какъ она объ этомъ ничего подлиннаго постановить и слѣдовательно ни въ какія обязательства насчетъ одного какого-нибудь кандидата вступить не хочетъ, то и не видно, какъ можно поступать согласно съ нею. Французскій интересъ требуетъ быть съ Швеціею и Портою въ тѣсной дружбѣ, слѣдовательно и на польскій престолъ возвести такого кандидата, который одинакія съ нею склонности и намѣренія имѣетъ; во сколько это согласно съ русскими интересами не видно. Предложеннымъ обязательствомъ съ Франціею у Россіи будутъ связаны руки поступать по своимъ прямымъ интересамъ, не говоря уже о томъ, что другіе, особенно ближайшіе сосѣди, не замедлятъ воспрепятствовать согласному дѣйствію Россіи съ Франціею. Франція обѣщаетъ признаніе императорскаго титула и субсидіи, если по поводу союза съ нею

у Россіи произойдетъ разрывъ съ другими державами. Опредѣленіе субсидій, повидимому, предоставляется великодушію Франціи, и за это она требуетъ, чтобъ Россія отступила отъ всѣхъ своихъ союзниковъ, и хочетъ платить субсидіи, когда за это у Россіи начнется съ ними война: но стоятъ ли такія субсидіи опасности войны и разрыва съ союзниками? Франція требуетъ, чтобъ Россія не гарантировала австрійскому дому прагматическую санкцію и не вступала ни съ кѣмъ ни въ какія обязательства насчетъ этой санкціи безъ согласія съ Франціею. Это требованіе предосудительно, ибо Россія за то ничего, кромѣ признанія императорскаго титула и до дѣйствительнаго разрыва отлагаемыхъ и числомъ не опредѣленныхъ субсидій, не получаетъ, потому что прочія всѣ французскія предложенія прямымъ русскимъ интересамъ болѣе вредны, чѣмъ полезны» [332].

Между тѣмъ шли переговоры и заключались конвенціи насчетъ Польши съ старыми союзницами—Австріею и Пруссіею. Осенью 730 года графъ Вратиславъ подалъ слѣдующій проектъ договора между Россіею и Австріею на случай смерти Августа II: 1) Станиславъ Лещинскій рѣшительно не допускается къ занятію польскаго престола; 2) наслѣдный принцъ саксонскій допускается только въ томъ случаѣ, если согласится на требованія союзниковъ; 3) въ кандидаты долженъ быть предложенъ кто-нибудь изъ Пястовъ; 4) если нельзя будетъ выбрать кого-нибудь изъ Поляковъ, то можно имѣть въ виду какого-нибудь нѣмецкаго принца, одного изъ младшихъ сыновей владѣльческихъ. Кадетъ или младшій сынъ назначался потому, чтобъ не было соединенія Польши съ какимъ-нибудь нѣмецкимъ владѣніемъ. Проектъ былъ принятъ русскимъ дворомъ [333]. Скоро Австрія выставила кандидата, котораго предлагала и прежде русскому двору, инфанта Эммануила, брата португальскаго короля, который въ 1730 году пріѣзжалъ въ Москву съ цѣлію получить руку императрицы, но уѣхалъ съ отказомъ; отказано было и прежнему жениху, Морицу Саксонскому; Анна рѣшилась не выходить замужъ, а упрочить русское наслѣдство въ линіи царя Іоанна посредствомъ брака племянницы своей Анны Леопольдовны, дочери герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны, и братъ гофмаршала, генералъ-поручикъ графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ отправился за границу искать жениха, при этомъ ему поручено было также улаживать въ Вѣнѣ и Берлинѣ польское дѣло.

Мы видѣли, какую радость произвело въ Берлинѣ извѣстіе о возстановленіи самодержавія въ Россіи. Когда князь Сергѣй Голицынъ далъ знать объ этой радости въ Москву, то ему велѣно было увѣрить Фридриха Вильгельма, что императрица, по своему высокопочитанію къ его особѣ, будетъ нерушимо сохранять дружбу къ Пруссіи и приложитъ особенное стараніе усилить ее и утвердить, и исполнитъ всѣ обязательства, какъ прилично вѣрной союзницѣ. Король отвѣчалъ, что у Россіи съ Пруссіею дружба старая, и еслибъ онъ самъ не хотѣлъ этой дружбы, то государственный интересъ принуждаетъ его къ ней; что хотя его области находятся и близко отъ Россіи, однако съ обѣихъ сторонъ нѣтъ никакихъ претензій и запросовъ, которые могли бы повести къ нарушенію согласія. Король спѣшилъ предложить возобновленіе союзныхъ договоровъ между Россіею и Пруссіею; русскій дворъ отвѣчалъ, что охотно исполнитъ желаніе королевское, пусть только пришлется проектъ, въ какой формѣ желаютъ возобновленія договора. Въ сентябрѣ заключенъ былъ договоръ, по которому оба двора обязались не допускать на польскій престолъ Лещинскаго и наслѣднаго принца саксонскаго, поддерживать существующій порядокъ вещей въ Польшѣ, не позволять ни отреченія Августа II въ чью бы то ни было пользу, ни избранія новаго короля при жизни стараго.

Въ октябрѣ того же года князь Сергѣй Голицынъ былъ отозванъ изъ Берлина; на его мѣсто былъ назначенъ отозванный отъ польскаго двора Мих. Петр. Бестужевъ, который въ декабрѣ размѣнялся съ прусскими министрами ратификаціями возобновленнаго союзнаго договора.

Мы уже упоминали, что въ концѣ 1731 года былъ отправленъ къ прусскому двору Ягужинскій. Въ инструкціи, ему данной 23 ноября, говорилось: «Такъ какъ ея императорское величество, по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и обращаемымъ дѣламъ въ Европѣ, за потребно разсудить изволила, ради лучшаго предостереженія высокихъ своихъ интересовъ, имѣть при дворѣ королевскаго величества прусскаго знатную персону: потому изволила повелѣть обрѣтающагося нынѣ тамъ министра Михайла Бестужева отозвать и отправить ко двору шведскому, а его господина генерала графа Ягужинскаго къ тому прусскому двору избрать» [334]. Но «знатная персона» не была довѣренною персоною, и графъ Карлъ Густавъ

Левенвольдъ два раза являлся въ Берлинъ для переговоровъ по польскому дѣлу. Во вторую поѣздку въ 1732 году онъ объявилъ, что отношенія въ Петербургѣ очень натянуты: Минихъ овладѣлъ волею императрицы, Биронъ колеблется, Августъ II предложилъ ему Курляндію и полмилліона, Франція дѣлаетъ императрицѣ огромныя обѣщанія; теперь ему, Левенвольду и его братьямъ удалось поддержать Остермана, котораго Минихъ старается удалить, но всего лучше поддержитъ его заключеніе союза между тремя черными орлами. Союзный договоръ былъ написанъ: союзники обязывались употребить всѣ средства, чтобъ на польскій престолъ избранъ былъ кандидатъ, способный сохранять доброе согласіе съ сосѣдними державами; обязывались во время выборовъ выставить армію на польскихъ границахъ, не для стѣсненія выборовъ, а наоборотъ, для охраненія польской вольности отъ чужестраннаго стѣсненія; цесарь выставляетъ кавалерійскій корпусъ въ 4000 человѣкъ и одинъ гусарскій полкъ; русская императрица 6000 конницы и 14000 пѣхоты; король прусскій 12 батальоновъ пѣхоты и 20 эскадроновъ конницы; войска должны быть расположены такимъ образомъ, чтобъ могли соединиться въ теченіи четырехъ недѣль. Союзники обязывались, въ случаѣ нужды, увеличить это число и даже дѣйствовать всѣми своими войсками, пока цѣль союза не будетъ достигнута, и если въ это время какая-нибудь посторонняя держава нападетъ на одного изъ союзниковъ, другіе помогаютъ ему. Курляндія должна сохранить прежнюю форму правленія, а не сливаться съ Польшею; новый герцогъ курляндскій долженъ отказаться за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ владѣнія другими землями; Польша попрежнему сохраняетъ свое верховное право надъ Курляндіею. Къ договору присоединены были сепаратные артикулы: 1) союзники постановили предложить въ кандидаты на польскій престолъ португальскаго принца Эммануила. Для доставленія успѣха своему кандидату каждый изъ союзныхъ дворовъ долженъ отправить своимъ посламъ въ Варшавѣ не менѣе 36.000 червонныхъ, при чемъ цесарь будетъ стараться у португальскаго короля, чтобъ эти деньги или вовсе не понадобились, или были возвращены союзникамъ. 2) Русская императрица обѣщаетъ стараться всѣми силами, чтобъ по смерти нынѣшняго герцога курляндскаго былъ избранъ второй сынъ прусскаго короля. Въ составленіи договора участво-

валъ и австрійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, графъ Секендорфъ.

Когда, 5 декабря, договоръ надобно было подписывать, Левенвольдъ объявилъ, что онъ готовъ подписать трактатъ, но не сепаратные артикулы; если же король дастъ письменное обѣщаніе заплатить Бирону 200.000 талеровъ, то онъ ручается головою, что не только получитъ приказаніе подписать трактатъ, но и доставитъ ратификацію императрицы. Секендорфъ совѣтовалъ отпустить Левенвольда въ Петербургъ съ условіемъ, чтобъ онъ въ шесть или восемь недѣль доставилъ ратификацію. Левенвольдъ отправился съ письменнымъ королевскимъ обѣщаніемъ для Бирона, и въ Берлинѣ могли считать дѣло конченнымъ [335].

Обратимся къ скандинавскимъ государствамъ.

Легко понять чувство, съ какимъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ узналъ въ Копенгагенѣ о восшествіи на престолъ Анны; горесть должна была еще усиливаться мыслію, что года два тому назадъ воцареніе Анны было бы для него величайшимъ счастіемъ. Но чувство было сжато въ груди, и Бестужевъ спѣшилъ написать новой императрицѣ: «Что Всемогущій императора Петра Алексѣевича изъ сего временнаго въ вѣчное блаженство преселилъ, а ваше императорское величество по единогласному всѣхъ чиновъ Россійской имперіи совѣту и желанію ко всенародному порадованію *(наипаче мнѣ, вашему издревле вѣрному рабу и служителю)* на россійско-императорскій престолъ державнѣйшею императрицею и самодержицею всея Россіи щедро-милостиво избрать соизволилъ: того ради, падая къ подножію высочайшаго вашего престола, дерзаю изъ глубины сердца моего со всеподданнѣйшимъ респектомъ ваше императорское величество со счастливымъ восшествіемъ на престолъ съ неописанно-веліею радостію поздравить и притомъ всею крѣпостію силъ моихъ сердечно пожелать, да возложитъ всещедрый Богъ вѣнецъ благословенія на освященную главу вашу со всякимъ изобиліемъ по желанію сердца вашего и да одаритъ ваше императорское величество счастливо-разумно-премудрымъ правленіемъ и долгоденствіемъ до высочайшей степени человѣческой жизни къ вѣчной радости всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ. Могу засвидѣтельствовать, что не только король, министерство и весь дворъ, но и весь народъ оказываетъ великую радость о восшествіи вашего императорскаго величества

на престолъ, тѣмъ болѣе, что не племянникъ вашего величества принцъ голштинскій или кто другой къ тому избранъ, ибо чрезъ нынѣшнее избраніе корона здѣшняя не токмо почитаетъ себя отъ россійской имперіи въ безопасности, но и уповаетъ въ прежнюю дружбу, доброе согласіе и тѣснѣйшія обязательства притти.»

18 апрѣля Бестужевъ повторилъ свое поздравленіе и привелъ письмо Анны къ себѣ изъ Митавы отъ 10 февраля 1729 года: «Очень сожалѣю о вашемъ пожарномъ разореніи, а что вы просите о вспоможеніи вамъ, я истинно буду рада вамъ вспоможеніе учинить, понеже я отъ васъ никакой противности къ себѣ не видала, кромѣ вашихъ ко мнѣ вѣрныхъ службъ; ежели Богъ меня исправитъ, по возможности моей васъ не оставлю.»—«Государыня всемилостивѣйшая, пишетъ Бестужевъ: Всещедрый Богъ молитву мою услышалъ, и толь ваше императорское величество исправилъ, что нынѣ не токмо по возможности вспомочь мнѣ въ состояніи, но и все сіе временное по Бозѣ въ высочайшей десницѣ, власти и силѣ вашей и самовѣчную мнѣ и всей моей бѣдной фамиліи фортуну учинить.» Перечисляя свои заслуги, Бестужевъ жалуется, что не имѣетъ никакого авансаменту: «По успеніи Петра Великаго повсягодно многимъ авансаменты, промоціоны и разныя награжденія учинены, и не токмо россійскимъ служителямъ разныя граціалы учинены, но и здѣшнему министру Вестфалю кавалерія пожалована; а я бѣдный и безпомощный кадетъ (за десятилѣтнія мои вѣрно-рабскія услуги и за мое здѣсь претерпѣніе для присутствія герцога голштинскаго въ Россіи и для его претензіи на Шлезвигъ всегда былъ здѣсь ненавидимъ и житіе мое было нелегче полону) однако всегда я былъ забвенію преданъ. Съ начала моего сюда прибытія и понынѣ всегда я высочайшую вашу ко мнѣ и къ бѣдной моей фамиліи милость прославлялъ и прославляю, чего ради всему двору здѣшнему извѣстно, что у вашего императорскаго величества былъ я оберъ-камеръ-юнкеромъ, и что ваше императорское величество у всѣхъ моихъ трехъ сыновей всемилостивѣйше соизволила быть высочайшею воспріемницею, и того ради при восшествіи вашего императорскаго величества на россійско-императорскій престолъ всѣ мнѣ при дворѣ здѣшнемъ и въ городѣ знакомые поздравляли къ скорому моему авансаменту, и ежели я забвенію преданъ буду, какія при дворѣ здѣшнемъ разныя о мнѣ рефлекціи учинены быть могутъ, не толь-

ко къ чувственнѣйшему моему прискорбію и печали, но и толь паче къ предосужденію вашего императорскаго величества высочайшаго здѣсь респекту и интересамъ россійской имперіи, что я толь наипаче во уничтоженіе здѣсь приду и нигдѣ толь свободнаго приступу и съ достойною дистинкціею обхожденія имѣть весьма не буду.»

30 сентября 1730 года умеръ король Фридрихъ IV и ему наслѣдовалъ сынъ его Христіанъ VI-й. Бестужевъ воспользовался этимъ случаемъ и написалъ императрицѣ: «Слезно прошу, да соизволите во всемилостивѣйшую консидерацію принять, что уже я въ осьмой годъ вступаю яко камергеромъ и въ одиннадцатый яко резидентомъ, такъ что уже во ономъ характерѣ четыре кредитива подалъ; для Всещедраго Бога да соизвольте помплосердствовать надо мною безпомощно-бѣднымъ и весьма сирымъ кадетомъ, пожаловать меня при дворѣ здѣшнемъ чрезъ сей новый и пятый кредитивъ чрезвычайнымъ посланникомъ.»

Вмѣсто повышенія, весною 1731 года, Бестужеву велѣно было отправиться резидентомъ въ ганзейскіе города Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, а на его мѣсто въ Копенгагенъ отправленъ былъ человѣкъ *вѣрный*, курляндецъ фонъ-Бракель, принятый въ русскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Бракель, по пріѣздѣ въ Копенгагенъ, писалъ императрицѣ въ особой реляціи: «Ваше императорское величество приказали, чтобъ я вамъ партикулярно доносилъ, о чемъ сочту нужнымъ: а потому доношу, что здѣшній оберъ-камергеръ Плейсе, королевскій фаворитъ у меня былъ съ объясненіемъ, что датскій король охотно съ вашимъ величествомъ желаетъ вступить въ тѣсный союзъ, при чемъ сдѣлаетъ все въ угоду вашего величества и даже кой-что въ пользу герцога голштинскаго, если ваше величество гарантируете королю герцогство шлезвигское. Я ему отвѣчалъ, что еще указу не имѣю, но думаю, что императрица будетъ довольна, если герцогство шлезвигское останется за королемъ при условіи нѣкотораго вознагражденія за это герцогу голштинскому.—Цесарь, Швеція, Пруссія молчатъ относительно голштинскаго дѣла, а вашего величества интересъ требуетъ освободиться отъ этого дѣла и привести въ забвеніе голштинскую партію въ Россіи, императорскій титулъ и другія полезныя условія отъ Даніи получить и вступить въ естественный и полезный союзъ, который Россіи никогда не вре-

дилъ, а герцогъ голштинскій можетъ быть доволенъ и тѣмъ, что онъ изъ Россіи получилъ. Поэтому я не вижу, для чего пропускать удобный случай сблизиться съ Даніею и ссориться съ нею за такое дѣло, которое вашему величеству никакой пользы принести не можетъ, ибо надобно выбирать одно изъ двухъ: или оставить герцога голштинскаго, или изъ-за него начать войну. Прошу это мое письмо въ совѣтъ не приносить, чтобъ оно мнѣ не надѣлало враговъ.»

Мнѣніе Бракеля, разумѣется, очень понравилось; но переговоры затянулись по медленности вѣнскаго двора, который, по своимъ обязательствамъ, долженъ былъ принять участіе въ голштинскомъ дѣлѣ. Только весною 1732 года пріѣхалъ въ Копенгагенъ цесарскій посолъ при прусскомъ дворѣ, графъ Секендорфъ для рѣшенія этого дѣла. Начали торговаться; датскіе министры объявили, что король ихъ относительно герцога ничѣмъ не обязанъ и съ нимъ никакого дѣла не имѣетъ: но для возстановленія добраго согласія и старой дружбы съ цесарскимъ и русскимъ дворами онъ соглашается дать 600.000 ефимковъ, а издержать болѣе Данія не въ состояніи. При этомъ датскіе министры показали Секендорфу и Бракелю договоръ, заключенный Даніею съ Ганноверомъ, по которому Георгъ I-й обязался, что если Данія когда нибудь будетъ принуждена заплатить что-нибудь за герцогство шлезвигское, то онъ платитъ половину; но нынѣшній король англійскій, Георгъ II-й, велѣлъ объявить датскому кабинету, что онъ не намѣренъ давать ни одного ефимка, потому что не видитъ, кто можетъ принудить Данію къ уплатѣ при англійской и французской гарантіи. Бракель настаивалъ на уплату двухъ милліоновъ, и требовалъ, чтобъ дѣло было донесено въ Петербургъ и Вѣну; но Секендорфъ не соглашался такъ долго жить въ Копенгагенѣ, а датскіе министры объявили, что если шлезвигское дѣло не будетъ окончено теперь же въ присутствіи цесарскаго министра, то они болѣе ждать не будутъ и заключатъ союзъ съ Франціею, которая предлагала милліонъ ливровъ субсидій; съ другой стороны Англія требовала отъ Даніи, чтобъ она не обѣщала Россіи никакой гарантіи, а заключила бы союзный договоръ съ Швеціею, къ которому приступитъ и Англія и также будетъ платить Даніи субсидіи. Въ такихъ обстоятельствахъ Секендорфъ и Бракель сочли необходимымъ заключить такой договоръ: Данія упла-

чиваетъ герцогу голштинскому милліонъ ефимковъ; если онъ на это не согласится, то Россія и Австрія прекращаютъ въ отношеніи къ нему свои обязательства; Данія соглашается на прагматическую санкцію и гарантируетъ русскія владѣнія, а Россія и Австрія гарантируютъ настоящія владѣнія датскаго короля. Договоръ былъ заключенъ 26 мая 1732 года [336].

Изъ Швеціи графъ Головинъ началъ свои доношенія новой императрицѣ извѣстіемъ, что онъ отдалъ 5000 червонныхъ графу Горну; мужъ не бралъ, такъ онъ отдалъ женѣ, послѣ чего мужъ заставилъ его дать клятву держать дѣло объ этомъ подаркѣ въ величайшей тайнѣ, а самъ увѣрялъ, что будетъ прилагать стараніе при всякомъ случаѣ къ распространенію дружбы между обоими государствами и удержанію равновѣсія между королемъ и герцогомъ голштинскимъ, какъ прилично истинному патріоту. Фельдмаршалъ и сенаторъ графъ Дикеръ получилъ 2000 червонныхъ, обѣщалъ свои покорныя услуги до смерти; графъ Белке и баронъ Дибинъ получили 2000 червонныхъ; графы Гилленборгъ и Гилленстернъ, баронъ Кронштетъ 1000; гофъ-канцлеръ фонъ-Кохенъ и графъ Бонде по 1000; послѣдній прямо сказалъ, чтобъ деньги были отданы не ему, а женѣ, хотя и въ его присутствіи. Несмотря на 5000 червонныхъ, данныхъ Горну, Головинъ сильно хлопоталъ, чтобъ на будущій сеймъ, назначенный въ январѣ 1734 года, Горнъ не былъ избранъ ландмаршаломъ, уговаривалъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ, чтобъ они не подавали своихъ голосовъ въ пользу Горна. Въ декабрѣ Головинъ извѣщалъ, что партія Горна сильна, потому что французскій и англійскій посланники помогаютъ ему покупать голоса. Къ 1731 году Головину было переведено изъ Россіи 10.000 рублей «на употребленіе при сеймѣ потребнымъ особамъ»; при этомъ Головину писали именемъ императрицы: «Мы на твое искусство и извѣстное къ нашимъ интересамъ радѣніе надѣемся, что ты всемѣрное стараніе имѣть будешь, дабы выборъ маршала по нашему намѣренію къ интересамъ нашимъ произведенъ былъ; но ежели-бъ ты, паче всякаго чаянія, предусмотрѣлъ, что тебѣ никакимъ образомъ въ томъ предуспѣть не возможно было, въ такомъ случаѣ себя содержать тихо, всѣ твои поступки съ такою осторожностію поведены быть имѣютъ, дабы противную сторону, ежели-бъ она очень сильна была, явно не озлоблять, и тѣмъ имъ къ предосу-

дительнымъ относительно насъ поступкамъ поводъ не подать.» Графъ Головинъ отвѣчалъ, что «англійскій министръ Финчъ получилъ отъ своего двора 60.000 фунтовъ стерлинговъ, и почти ежедневно угощаетъ у себя сенаторовъ и другихъ знатныхъ особъ.» «Поэтому, писалъ Головинъ, я переведенною ко мнѣ суммою никакъ не въ состояніи отвратить предложенія англійскаго двора, и хотя въ секретной коммиссіи находится много доброжелательныхъ персонъ, однако они мнѣ откровенно сами и черезъ другихъ даютъ знать, чтобъ имъ дано было нѣкоторое награжденіе, въ противномъ случаѣ они могутъ пристать и къ другой сторонѣ; поэтому я переведенную ко мнѣ сумму на нихъ почти всю употребилъ, такъ что другимъ доброжелательнымъ и на покупку новыхъ голосовъ для сопротивленія англійскимъ интригамъ денегъ недостанетъ.»

Маршаломъ сейма былъ выбранъ графъ Горнъ, и въ апрѣлѣ 1731 года Головинъ доносилъ, что маршалъ старается склонить членовъ секретной коммиссіи къ французскому союзу, обѣщая хорошія субсидіи. Члены секретной коммиссіи увѣряли Головина, что Горново предложеніе не пройдетъ, но между тѣмъ объявили, что Швеція смотритъ на одно, откуда бы ей субсидіи получить, потому что ей безъ того пробавиться никакъ нельзя: такъ еслибы они могли быть увѣрены, что получатъ субсидію отъ Россіи, то легко провели бы предложеніе о возобновленіи союза съ нею. Горнъ явно избѣгалъ разговоровъ съ русскимъ министромъ, извиняя себя тѣмъ, что по своей должности онъ не можетъ сноситься съ иностранными министрами, хотя въ то же время должность не мѣшала ему имѣть тайныя конференціи съ французскимъ посланникомъ графомъ Кастежа.

Но Англія и Голландія помирились съ цесаремъ; ганноверскій союзъ рушился, Франція оставалась одна, и потому союзъ съ нею не былъ очень выгоденъ. Гофъ-канцлеръ фонъ-Кохенъ пріѣхалъ къ Головину съ предложеніемъ, не можетъ ли Россія перенять на себя уплату денегъ, которыя Швеція должна Голландіи. Головинъ отвѣчалъ, что если съ шведской стороны будутъ показаны знаки дружбы, то можно надѣяться, что императрица переиметъ на себя голландскій долгъ. — «Что же Швеціи надобно для этого сдѣлать?» спросилъ Кохенъ. — «Возобновить союзъ съ Россіею», отвѣчалъ Головинъ: «изготовьте проектъ, я его отпра-

влю къ своему двору.» Члены коммиссіи, выслушавъ донесеніе Кохена о разговорѣ его съ Головинымъ, изъявили сильное желаніе составить требуемый проектъ союза; но Горнъ возразилъ, что дѣло требуетъ зрѣлаго разсужденія, ибо, какъ видно, русскій дворъ желаетъ, чтобъ Швеція начала его.

Въ маѣ Головинъ узналъ, что датскій посланникъ Шметтау хлопочетъ также о союзѣ, при чемъ поддерживается французскимъ посланникомъ; Кастежа прибавилъ, чтобъ и его дворъ былъ включенъ въ датско-шведскій союзъ, за что Франція будетъ давать субсидіи — по 100.000 ефимковъ ежегодно. Между тѣмъ король, зная, что новое русское правительство не имѣетъ сильныхъ побужденій хлопотать за герцога голштинскаго, оказывалъ Головину особенные знаки вниманія: однажды нечаянно пріѣхалъ къ нему въ шесть часовъ вечера, ужиналъ и оставался до двухъ часовъ пополуночи, при чемъ говорилъ, что болѣе всего желаетъ усиленія дружбы между Россіею и Швеціею. Головинъ отвѣчалъ, что теперь, по случаю сейма, самый удобный случай исполнить это желаніе, именно возобновить прежній союзъ. «Очень бы я желалъ, отвѣчалъ король, возобновить союзъ; но здѣсь въ Швеціи много другихъ господъ королей, которые, руководясь своими интересами, дѣлаютъ что хотятъ; но я съ своими приверженцами буду внушать чинамъ о возобновленіи союза.»

Предложеніе о датскомъ союзѣ было отстранено на томъ основаніи, что еще неизвѣстно, какъ поступятъ Испанія и Франція вслѣдствіе вѣнскаго договора, заключеннаго между Австріею, Англіею и Голландіею; отложено было и дѣло о возобновленіи русскаго союза; ждали, не предложатъ ли цесарь и Англія, чтобъ Швеція приступила къ вѣнскому договору. Въ іюнѣ сеймъ окончился, и французскій посланникъ остался очень недоволенъ Горномъ за то, что тотъ не настоялъ на заключеніи союза съ Даніею.

Въ 1732 году графъ Головинъ былъ смѣненъ переведеннымъ изъ Берлина Михайломъ Петровичемъ-Бестужевымъ. Новый «чрезвычайный посланникъ» началъ свои донесенія извѣстіями о движеніяхъ французскаго посланника графа Кастежа, для привлеченія Швеціи во французскій союзъ. Такъ какъ теперь у Франціи съ Россіею уже было покончено, то Кастежа не довольствовался тѣмъ, что предлагалъ субсидіи, но внушалъ, что королю его было бы всего пріятнѣе видѣть Швецію въ прежнемъ могущественномъ

положеніи, давая этимъ знать, что Франція скорѣе всѣхъ можетъ помочь Швеціи въ возвращеніи отъ Россіи завоеванныхъ Петромъ областей. Извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Даніею было пріятно королю и королевѣ, какъ доказательство, что русскій дворъ отступилъ отъ герцога голштинскаго, и непріятно министрамъ, которые досадовали, что позволили Россіи предупредить себя. За эту непріятность они отплатили русскому двору тѣмъ, что заключили миръ съ Польшею, тогда какъ по ништадтскому договору миръ между Швеціею и Польшею долженствовалъ быть заключенъ при посредствѣ Россіи [337].

Обратимся наконецъ къ Польшѣ, изъ-за которой было столько хлопотъ. Первое важное извѣстіе, полученное въ новое царствованіе изъ Варшавы, было извѣстіе о продолжающемся гоненіи на православныхъ. Въ началѣ 1730 года къ русскому посланнику, Михаилу Петровичу Бестужеву, приходили жалобы изъ Бреста Литовскаго, изъ Бѣльска,—вездѣ главными дѣятелями были іезуиты. «На конференціи и въ другое время, писалъ Бестужевъ, я настаиваю чтобъ православнымъ дано было удовлетвореніе, но ничего изъ этого не выходитъ, потому что римское духовенство имѣетъ здѣсь большую силу, всякими средствами дѣйствуютъ у министровъ, чтобъ православнымъ не дано было удовлетворенія, не дано было покоя; поэтому я считаю нужнымъ, чтобъ ваше величество прислали объ этомъ грамоту къ королю и Рѣчи Посполитой. чтобъ мнѣ, при подачѣ грамоты, можно было дѣлать болѣе сильныя представленія. Также нужно прислать другую грамоту на счетъ утвержденія бѣлорусскаго епископа Берла, потому что на первую до сихъ поръ нѣтъ отвѣта, а между тѣмъ есть опасность, чтобъ и на эту послѣднюю епархію не посадили уніата, ибо здѣшніе духовные немалое лакомство къ тому имѣютъ и постараются исполнить свое желаніе.»

Осенью собрался сеймъ въ Гроднѣ; но полномочнымъ министромъ туда былъ отправленъ не Бестужевъ, а генералъ Вейсбахъ, который увѣдомилъ, что король выдалъ указъ противъ Берла, который выставлялся человѣкомъ, пріѣхавшимъ на бѣлорусскую епархію нахально, безъ вѣдома и воли короля и Рѣчи Посполитой, и потому могилевскимъ жителямъ, подъ страхомъ наказанія, запрещалось признавать его владыкою и слушаться его. Сеймъ былъ разорванъ по интригамъ Потоцкихъ, которые хотѣли, чтобъ

гетманство великое коронное досталось одному изъ нихъ, но когда увидали, что король на это не соглашается, то чрезъ одного изъ своихъ креатуръ и разорвали сеймъ. Вейсбахъ отправился въ Варшаву и представилъ королю о притѣсненіяхъ, которымъ подвергается епископъ Берло и вообще всѣ православные; король отвѣчалъ, что всякое удовольствіе въ желаніяхъ русской государыни показать стараться будетъ; Вейсбахъ подалъ промеморію вице-канцлеру Липскому о гоненіяхъ на православныхъ, и слѣдствіемъ было то, что отправлено было къ могилевскому эконому письмо, въ которомъ приказывалось оставить Берла жить спокойно и безопасно въ Могилевѣ; наконецъ Вейсбахъ выхлопоталъ и грамоту королевскую, по которой Берло могъ пріѣхать въ Варшаву для представленія королю и министрамъ и полученія привилегіи на епископство.

Вейсбахъ долго не остался въ Польшѣ. Полномочнымъ министромъ туда былъ отправленъ графъ Левенвольдъ третій, (Фридрихъ Казимиръ, дѣйствительный камергеръ). Въ началѣ 1731 г. министры — прусскій, англійскій и голландскій, находившіеся при польскомъ дворѣ, обратились къ Левенвольду съ просьбою ходатайствовать вмѣстѣ съ ними за диссидентовъ; Левенвольдъ согласился. Но, ходатайствуя вмѣстѣ съ другими за диссидентовъ вообще, онъ никакъ не могъ добиться, чтобъ Берлу дана была привилегія на бѣлорусское епископство, и тотъ принужденъ былъ ни съ чѣмъ уѣхать изъ Варшавы назадъ въ Могилевъ. «Я нахожу, писалъ Левенвольдъ, что если со стороны вашего величества сильная резолюція принята не будетъ, то отъ Рѣчи Посполитой во всѣхъ этихъ обидахъ скораго удовлетворенія трудно дождаться.» Главное препятствіе относительно утвержденія Берла Левенвольдъ встрѣтилъ въ вице-канцлерѣ Чарторыйскомъ, «русскому двору и всѣмъ его интересамъ явномъ непріятелѣ.» Мало того, что Берла выпроводили изъ Варшавы: ему приказали по пріѣздѣ въ Могилевъ, немедленно забрать свои вещи и ѣхать откуда пріѣхалъ, и это приказаніе прописано было въ паспортѣ, выданномъ ему Чарторыйскимъ; въ Могилевъ отправленъ былъ королевскій указъ, который грозилъ жителямъ лишеніемъ всѣхъ вольностей и жестокою казнію, если они немедленно не выпроводятъ Берла, и экономъ объявилъ послѣднему, чтобъ чрезъ недѣлю непремѣнно выѣхалъ, въ противномъ случаѣ велитъ солдатамъ выкинуть его за

городъ; войты могилевскіе съ цѣлымъ магистратомъ и посполитыми людьми приходили къ Берлу и говорили ему: «изволь преосвященство твое, не дожидаясь бо́льшей конфузіи, немедленно выѣхать отъ насъ, больше твое преосвященство держать не можемъ, потому что король грозитъ намъ отнятіемъ вольностей и смертною казнію.» По полученіи этого извѣстія, въ Москвѣ сдѣлано было сообщеніе польскому посланнику Потоцкому, который написалъ могилевскому эконому, чтобъ тотъ удержался отъ насильственныхъ дѣйствій противъ Берла до будущаго рѣшенія между обоими дворами. Поэтому канцлеръ графъ Головкинъ писалъ епископу, чтобъ онъ оставался въ Могилевѣ и ѣхалъ въ Москву только въ случаѣ принужденія. «Но, и въ такомъ случаѣ, писалъ Головкинъ, весьма потребно вамъ надлежащую твердость возымѣть и выѣздомъ не торопиться; ибо нельзя ожидать, чтобъ Поляки дѣйствительно показали къ вамъ какой-нибудь непріятельскій поступокъ: по извѣстному польскому обыкновенію, они болѣе угрозами стращаютъ, а въ самомъ дѣлѣ того не отваживаются чинить».

Берло остался въ Могилевѣ; но въ концѣ 1731 года писалъ императрицѣ: «Шляхта бѣлорусская продолжаетъ отторгать церкви православныя къ уніи; меня, бѣднаго, нестерпимымъ ругательствомъ поносятъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ только 30 мужиковъ имѣется, превеликую обиду и разореніе чинятъ, а недавно и совсѣмъ отнять хотѣли, такъ что я, продавъ лошадей и платье свое, принужденъ былъ оплачиваться, и оплатился на время: все это они дѣлаютъ для того, чтобъ меня отсюда выжить. Хотя я живу здѣсь по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу для правленія духовныхъ дѣлъ и для всякихъ епархіи бѣлорусской порядковъ: однако духовенство здѣшнее, зная о королевскихъ указахъ, запрещающихъ имѣть меня епископомъ, и не боясь Бога, самовольно живутъ, отъ чего происходитъ всенародный соблазнъ и великое безчинство, меня, мнимаго своего архіерея, ни во что вмѣняютъ, ни съ какими дѣлами ко мнѣ не обращаются, мура освященнаго отъ меня принимать не хотѣли, сверхъ того заочно меня ругаютъ; изъ нихъ едва кто твердо стоитъ въ православіи, болѣе же готовы къ уніи. А я всегда боленъ обрѣтаюсь, и для того не могу здѣшнихъ польскихъ церемоній и политикъ трактовать, и, какъ зарубежный

человѣкъ, здѣшнихъ правъ не вѣдаю, а теперь въ старости обучаться имъ не могу, также и православію святому, во всегдашнемъ гоненіи обрѣтающемуся, никакой пользы и помощи въ здѣшнемъ свободномъ народѣ не учиню. Слезно прошу, да повелитъ ваше императорское величество меня отъ сего послушанія, которое выше силы моей, освободить.»

Въ генварѣ 1732 года Головкинъ писалъ Арсенію, что на требованіе его утвержденія, польскій посланникъ Потоцкій отвѣчалъ: «Король и республика вовсе не препятствуютъ, чтобъ на бѣлорусской епархіи былъ епископъ греческой вѣры, но не могутъ допустить Арсенія Берло, потому что онъ не изъ Поляковъ и не шляхтичъ польскій; если обыватели бѣлорусской епархіи выберутъ себѣ въ епископы другого кого-нибудь, польскаго происхожденія, то король и республика безъ малѣйшаго отлагательства дадутъ ему конфирмацію.» Ему сказали, что императрица соглашается на это подъ такимъ условіемъ, чтобъ Арсеній Берло безъ всякаго безпокойства могъ оставаться въ Могилевѣ и отправлять всѣ духовныя должности, пока будетъ избранъ и подтвержденъ другой епископъ, въ чемъ Потоцкій и обнадежилъ. «И такъ ваше преосвященство, писалъ Головкинъ, извольте, по этому соглашенію, жить въ Могилевѣ до избранія и утвержденія новаго епископа, ведите себя тихо, исправляйте одну духовную должность, а по избраніи новаго епископа будете по своему достоинству въ Россіи къ пристойной епархіи опредѣлены.»

11 іюля 1732 года вольными и согласными голосами избранъ былъ въ бѣлорусскіе епископы находившійся въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей игуменомъ Іоасафъ Волчанскій, природный польскій шляхтичъ. Левенвольду посланъ былъ изъ Петербурга указъ «прилежное стараніе приложить и ревностно домогаться,» чтобъ Волчанскому дано было королевское утвержденіе: «Если же усмотрите, говорилось въ указѣ, что для скорѣйшаго исходатайствованія королевской привилегіи надобно кому-нибудь презенты небольшіе учинить, то можете на то употребить пристойное число денегъ изъ имѣющейся у васъ нашей казны.» Левенвольдъ прилагаетъ всевозможное стараніе получить привилегію; но папскій нунцій также прилагаетъ всевозможное стараніе, чтобъ удержать ее; наконецъ, благодаря добрымъ людямъ, привилегія была напи-

сана въ литовской Канцеляріи и отправлена въ Саксонію для подписи королевской [338].

Но подлѣ русскаго вопроса стоялъ вопросъ собственно польскій, занимавшій одинаково и Россію, и Австрію, и Пруссію, и Францію,—вопросъ о томъ, кто будетъ преемникомъ Августа II, которому уже оставалось очень недолго жить. Въ началѣ 1733 года онъ пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ созванъ чрезвычайный сеймъ. Вельможи и земскіе послы волновались слухами, что король непремѣнно хочетъ насильственными средствами сломить польскую конституцію въ пользу своего дома. Дѣйствительно Августъ заискивалъ въ Берлинѣ и ставилъ Фридриха Вильгельма въ затруднительное положеніе между Россіею и Австріею съ одной стороны, и Саксоніею съ другой: Россія и Австрія обѣщали одну Курляндію и то не непосредственно, тогда какъ Августъ, за содѣйствіе его планамъ, обѣщалъ Польскую Пруссію, часть Великой Польши, Курляндію. Приманка была сильная, но и дѣло было крайне опасное, и потому въ Берлинѣ заключили Левенвольдовъ договоръ; но Августъ не отставалъ, обѣщалъ, что опасности никакой не будетъ, что онъ удовлетворитъ и Россію и Австрію, и что «четыре орла раздѣлятъ между собою пирогъ.» Сеймъ начался среди обычной борьбы партій, изъ которыхъ одна старалась довести его до конца, а другая разорвать, какъ 1 февраля король умеръ. Вѣсть объ этомъ событіи отозвалась въ Европѣ призывомъ къ войнѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. Протоколы Сената, въ архивѣ Мин. Юстиціи.
2. Дѣла Верхов. Тайнаго Совѣта въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.
3. Кабинетъ II, кн. № 77, 78.—Записки Марковича, ч. 1; С.-Петербургскія Вѣдомости 1726 года.
4. Дѣла Турецкія 1725 и 1726 годовъ.
5. Кабинетъ II, № 85.
6. Дѣла Турецкія 1727 года.
7. Дѣла Французскія 1725—1727 годовъ. Донесенія Кампредона въ госуд. архивѣ; дѣла Англійскія.
8. Дѣла Австрійскія 1725—1727 годовъ.
9. Дѣла Польскія 1725—1726 годовъ.
10. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ моск. архивѣ мин. ин. д.
11. Кабинетъ II, кн. № 77.
12. Дѣла Польскія и Курляндскія 1726 года.
13. Дѣла Верхов. Тайн. Совѣта.
14. Журналъ Морица—Кабин. II, кн. № 77; дѣла Курляндскія.
15. Дѣла Меншикова въ москов. архивѣ мин. ин. д.
16. Кабин. II, кн. № 77.
17. Тамъ же I, кн. № 59.
18. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта.
19. Письма Девьера въ госуд. архивѣ; дѣла Курляндскія.—Лефортъ продолжалъ сватать Морицу невѣстъ и требовалъ, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ «qu il fasse belle figure, grande table, fêtes, cadeaux, car les femelles aiment la joye et le parti russien demande ca. J'osedire aussi qu'il faut des largesses à propos.» Графъ Мантейфель спрашивалъ Лефорта: «Dites moi a l'oreille, combien vous croyez qu'il faudroit au C. de S. pour gagner les amis en vos cantons?» Лефортъ отвѣчалъ: «La chose n'est pas facile à determiner, il s'agit

de savoir si c'est pour Nan (Анна) on pour Lis (Елисавета). La princesse Elisabeth est une place forte à emporter non impossible, car à l'aide du cofre fort la place ser endra. La D. de Courlande coutera, mais pas tant. L'on jugeicy, que si la pr. Elisabeth manque, l'on serait mieux de s'attacher à ia fille de Menzikow, qu'à la D. de Courlande, elle aura des especes, sera bien fournie. Потомъ Лефортъ предлагалъ графиню Софью Карловну Скавронскую. Weber's Moritz Graf von Sachsen.

20. Дѣла Польскія 1726—1727 годовъ; Кабинетъ I, кн. № 59.
21. Дѣла Курляндскія.
22. Письма Девьера въ госуд. архивѣ.
23. Дѣла Шведскія и Голштинскія означенныхъ годовъ.
24. Протоколъ Верхов. Тайн. Совѣта.
25. Кабинетъ I, кн. № 59. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Дѣла Меншикова тамъ. же.
26. Дѣла Датскія означенныхъ годовъ.
27. Дѣла Прусскія.
28. Москов. архивъ министр. иностр. дѣлъ, портфели Миллера, № 140.
29. Кабин. I, кн. № 59.
30. Дѣла Тайной Канцеляріи въ госуд. архивѣ.
31. Донесенія Вестфалена и Маньяна тамъ же.
32. Дѣло Девьера въ госуд. архивѣ.
33. Отвѣты Бассевича тамъ же.
34. Въ такомъ видѣ дошелъ до насъ русскій текстъ завѣщанія; въ такомъ видѣ онъ находится въ госуд. архивѣ и напечатанъ въ Пол. Собр. Зак. подъ № 5070. Нѣтъ цифры, опредѣляющей—до какихъ лѣтъ императоръ долженъ считаться несовершеннолѣтнимъ; не достаетъ 12 пункта, въ одиннадцатомъ же пропущено, кого именно регентство обязано было женить на княжнѣ Меншиковой, и выходитъ, что и цесаревна Елисавета и княжна Меншикова должны выйти за одно и то же лицо—герцога голштинскаго младшаго! Былъ ли исправленный русскій текстъ, подписанный Екатериною или Елисаветою? Существовало преданіе, будто былъ, и истребленъ императрицею Анною. Составитель свода дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта подъ заглавіемъ «Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта,» рукописи, находящейся въ москов. архивѣ минист. иностр. дѣлъ, говоритъ, что объ этомъ объявляла ему особа, достойная вѣроятія по своему высокому положенію; иностранный текстъ правиленъ относительно пунктовъ о бракахъ, и въ 3-мъ пункѣ означено, что императоръ считается несовершеннолѣтнимъ д. 16 лѣтъ.
35. Журналъ Верх. Тайн. Сов.

36. Записная книга Кабинета въ госуд. архивѣ. О слухахъ насчетъ подложности завѣщанія см. донесенія Лефорта въ 3-мъ томѣ Сборника русск. истор. общ.

37. Дѣла Меншикова въ моск. арх. мин. иностр. дѣлъ. Журналы Верх. Тайн. Сов.

38. Журналъ 2 іюня Верх. Тайн. Сов.

39. Дѣла Меншикова въ моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

40. Дѣла Верх. Тайн. Сов. тамъ же.

41. Пол. Собр. Зак. № 5128.

42. Отвѣты Бассевича въ госуд. архивѣ.

43. Письма цесаревны Анны къ сестрѣ, въ госуд. архивѣ. Въ одномъ изъ писемъ Анна Петровна пишетъ сестрѣ: «Доношу вамъ, что герцогъ да Маврушка извлочились: ни одного дня дома не сидятъ, все водной каретѣ ѣздятъ либо въ гости, или въ комедію.»

44. Пол. Собр. Зак. № 5131.

45. Журналы Верх. Тайн. Сов.—Лефортъ.

46. Приложенія къ VI тому Исторіи царств. Петра В. Устрялова, № 82.

47. Кабинетъ II, кн. № 73, 75. Въ 1722 году конюхъ Тяпкинъ говорилъ, что Семенъ Мавринъ имѣлъ связь съ княжной Анной Лобановой (дѣла Тайн. Кан.).

48. С.-Петербургскія Вѣдомости 1727 года.

49. Слѣдственныя дѣла о Бестужевѣ и кн. Волконской въ госуд. архивѣ.

50. Дѣла Меншикова въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

51. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

52. Письма русскихъ государей.

53. Сборникъ русск. историч. общества, II, 233. Документы, относящіеся къ Зейкину уже напечатаны въ статьѣ Есипова: «Ссылка князя Меншикова» въ Отечеств. Зап. 1860 и 1861 года. Отзывъ Лопатинскаго, см. въ книгѣ Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ,» стр. 467.

54. Записка въ госуд. архивѣ.

55. Пол. Собр. Зак. № 5078.

56. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

57. Пол. Соб. Зак. № 5079.

58. Тамъ же, № 5125.

59. Журналы Верх. Тайн. Сов. 12 іюня.

60. Пол. Собр. Зак. № 5142.

61 Журналы Верх. Тайн. Сов. 4 августа.

62. Тамъ же, іюня 23.

63. Тамъ же, іюня 1, 12, 13.
64. Пол. Собр. Зак. № 5080.
65. Тамъ же, № 5093.
66. Тамъ же, № 5110.
67. Тамъ же, № 5118.
68. Тамъ же, № 5081.
69. Журналы Верх. Таін. Сов.
70. Полн. Собр. Зак. № 5091.
71. Журналъ Верх. Таін. Сов. 25 іюля.
72. Журналъ 14 августа.
73. Все это дѣло подробно изложено въ книгѣ г. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.» Мы не можемъ согласиться съ объясненіями г. Чистовича, ибо не думаемъ, чтобъ историкъ имѣлъ право бездоказательно приписывать историческимъ лицамъ то или другое дѣло. Такъ г. Чистовичъ доносъ Маркелла на Ѳеофана рѣшительно приписываетъ наущенію Дашкова, тогда какъ на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, и дѣло объясняется гораздо проще негодованіемъ Маркелла на Ѳеофана, отославшаго его въ Преображенскую Канцелярію. Эту отсылку г. Чистовичъ приписываетъ желанію Ѳеофана отклонить синодское дѣло о похищеніи церковныхъ вещей, говоритъ: «Нельзя не сознаться въ хитрости этого маневра.» Въ другомъ мѣстѣ г. Чистовичъ говоритъ: «Ѳеофанъ держалъ Маркелла въ Тайной Канцеляріи такъ крѣпко, что его не вырветъ оттуда никакая *духовная* сила. Пустить его въ Синодъ, значило погубить дѣло, на которое потрачено столько ума и хитрости, значило обречь себя участи Ѳеодосія.» Никакого ума и хитрости мы тутъ не видимъ, ибо цѣль не была достигнута, и Ѳеофанъ былъ такъ уменъ, что сознавалъ невозможность достигнуть цѣли, невозможность дѣломъ Тайной Канцеляріи затушить синодское дѣло. *Духовная* сила не вырвала Маркелла изъ Преображенской Канцеляріи, но ей и не нужно было этого: Маркеллъ и въ Преображенской Канцеляріи отвѣтилъ на допросные пункты Синода, и отвѣтилъ обвиненіемъ Ѳеофана, большаго онъ не могъ бы сказать и въ Синодѣ; да еще кромѣ того онъ обвинилъ Ѳеофана въ еретичествѣ. Ясно, что Ѳеофанъ отослалъ Маркелла въ Преображенскую Канцелярію подъ вліяніемъ страха, наведеннаго на него рѣчами Маркелла о готовящемся возстаніи противъ иконоборцевъ, т.-е. противъ самого Ѳеофана. Въ Синодѣ Маркеллъ могъ сказать противъ Ѳеофана одно, что онъ приказалъ ему спарывать жемчугъ и снимать оклады съ иконъ, а въ Преображенской Канцеляріи онъ обвинилъ его въ еретичествѣ а въ продерзостныхъ рѣчахъ. Еслибы было малѣйшее доказательство въ пользу объясненій г. Чисто-

вича, то уже никакъ нельзя было бы назвать поступокъ Прокоповича хитрымъ маневромъ, а надобно было бы удивляться страшной ошибкѣ его. Также совершенно бездоказательно г. Чистовичъ приписываетъ Ѳеодосію Яновскому и синодскому оберъ-прокурору Болтину доносъ на Маркелла въ снятіи окладовъ съ иконъ.

74. Журналы Верх. Тайн. Сов.

75. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

76. Пол. Собр. Зак. № 5073.

77. Журналы Верх. Тайн. Сов.

78. Тамъ же.—Пол. Собр. Зак. № 5098.

79. Пол. Собр. Зак. № 5127.

80. Журналы Верх. Тайн. Сов.

81. Тамъ же.

82. Weber—Moritz Graf von Sachsen, p. 92: Портретъ Елисаветы, сдѣланный саксонскимъ посланникомъ Лефортомъ: «c'est une blonde, qui n'est pas aussi grande que sa soeur et qui incline à devenir plus puissante. Elle est d'ailleurs bien faite et d'une belle moyenne taille; un visage rond, fort gracieux, des yeux bleus remplis de jus de moineau, le teint beau et bolle garge. Pour l'humeur et les inclinations, elles sont bien differentes de son ainèe, c'est un esprit extremement enjoué qui se soucie peu de la pluye ou du beau temps, d'une grande vivacité, qui tire assez sur l'etourderie, toujours un pied en l'air et ne songeant à'rien de solide, ayant d'ailleurs l'admirable talent de savoir contrefaire la demarche et les gestes d'un chacun, elle n'epargne pas même ses proches p, e. le Duc. Possedant tres bien le francois, l'allemand passablement, il semble qu'elle soit née pour la France, n'aimant que faux brillant.

83. Письма въ государ. архивѣ.

84. Депеша Лефорта въ Сбор. русск. истор общества, т. III.

85. Manstein Mémoires sur la Russie.

86. Лефортъ.

87. Депеши Маньяна.

88. Лефортъ.

89. Маньянъ.

90. Дѣла Меншикова въ москов. архивѣ минист. иностр. дѣлъ; тамъ же портфели Малиновскаго.

91. Лефортъ.

92. Маньянъ.

93. Лефортъ.

94. Журн. Верх. Тайн. Сов.

95. Лефортъ.

96. Тамъ же.
97. Тамъ же.
98. Журналы Верх. Тайн. Сов.
99. Лефортъ.
100. Журналы Верх. Тайн. Сов.—Пол. собр. зак. № 5151.
101. Москов. архивъ министер. Иностр. дѣлъ.
102. Журналы Верх. Тайн. Сов.
103. Лефортъ.
104. Тамъ же.
105. Письма въ государ. архивѣ.
106. Труды кіевск. дух. Академіи 1865 г.
107. Лефортъ.
108. Маньянъ.
109. Лефортъ.
110. Маньянъ.
111 Журналы Верх. Тайн. Сов.
112. Лефортъ.
113 Тамъ же.
114. Письма русскихъ государей.
115. Лефорръ.
116. Журналы Верх. Тайн. Сов.
117. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.
118. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
119. Осмнадцатый вѣкъ, кн. II, письма о Россіи въ Испанію дука де Лиріа.
120. Тамъ же.
121. Манштейнъ.
122. Письма русскихъ государей.
123. Лиріа.
124. Журналы Верх. Тайн. Сов.
125. Тамъ же.
126. Письма въ госуд. архивѣ.
127. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
128. Донесенія въ Верх. Тайн. Сов., въ государ. архивѣ.
129. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
130. Тамъ же.
131. Тамъ же—Пол. Собр. Зак. № 5252.
132. Журналы Верх. Тайн. Сов.
133. Дѣло княг. Волконской въ государ. архивѣ.
134 Письма русскихъ государей.
135. Тамъ же. Здѣсь на 154 стр. Переписки Анны Ивановны напечатанъ доносъ на Бестужева, присланный кѣмъ-то въ Петербургъ.

Здѣсь говорится, что Бестужевъ обкрадываетъ герцогиню и водитъ къ себѣ фрейлину Биронъ и даетъ ей по 1000 талеровъ и припасы, а придворные служители гибнутъ съ голода. Говорится, что Бестужевъ укралъ болѣе 20.000; фрейлинамъ дѣтей надѣлалъ и проч.

136. Кабинетъ I, кн. № 65; Чтенія москов. истор. общ. годъ 1862, кн. I.

137. Въ извѣстномъ доносѣ говорится: «На разбой посылалъ (Бестужевъ) ночью трехъ человѣкъ, одинъ изъ нихъ прапорщикъ Всеволожскій.

138. Въ другихъ письмахъ Бестужевъ пишетъ: «Я и всѣ мы въ такое несчастіе пришли черезъ сестру вашу, только надобно имѣть терпѣніе.»

139. Въ извѣстномъ доносѣ говорится: «У него (Бестужева) есть бѣглый солдатъ Кабозовъ.»

140. Дѣло кн. Волконской.

141. Деревня Талызина Дѣдово въ 30 верстахъ отъ Москвы.

142. Дѣло кн. Волконской.

143. Письма русскихъ государей.

144. Дѣло въ государ. архивѣ.

145. Письма русскихъ государей.

146. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ министр. иностр. дѣлъ.

147. Записки Штелина о Петрѣ III.

148. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

149. Маньянъ, Лиріа. Лефортъ у Германа—Geschichte des russ. Staates.

150. Князь М. Щербатовъ (о поврежденіи нравовъ въ Россіи) говоритъ: «Кн. Ив. Алекс. Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ роспутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены младые люди, не имѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что слюбился онъ, или, лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ между прочими жену К. Н. Е. Т. рожденную Головкину, и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ; но при частыхъ съѣздахъ у К. Т. съ другими своими младыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ ковалергардовъ, имѣющаго чинъ генералъ-майора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единожды бывъ въ домѣ сего кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ

окошко, и еслибы Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабкѣ его Лопухиной, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было. Но любострастіе его одною или многими не удовольствовалось, и онъ иногда пріѣзжающихъ женщинъ, изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ.

151. Лиріа, Лефортъ.

153. См. Отзывъ Манштейна о царствованіи Петра II.

154. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

155. Тамъ же.

156. Тамъ же.

157. Тамъ же; Пол. Собр. Зак. № 5281; дѣла Верх. Тайн. Сов. въ госуд. архивѣ.

158. Пол. Собр. Зак. № 5333.

159. Маньянъ и Лиріа.

160. Журналы Верх. Тайн. Сов.; Полн. Собр. Зак. № 5290.

161. Пол. Собр. Зак. № 5287.

162. Тамъ же, № 5412. Сборникъ русск. истор. общ. II, 394.

163. Пол. Собр. Зак. № 5164.

164. Тамъ же, № 5273.

165. Тамъ же, № 5410,

166. Тамъ же, № 5171.

167. Тамъ же, № 5219.

168. Тамъ же, № 5163.

169. Тамъ же, № 5451.

170. Тамъ же, № 5474; дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ гос. архивѣ.

171. Лиріа.

172. Пол. Собр. Зак. № 5161.

173. Журналы Верх. Тайн. Сов.

174. Маньянъ.

175. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ госуд. архивѣ.

176. Пол. Собр. Зак. № 5320.

177. Тамъ же, № 5267.

178. Тамъ же, № 5175.

179. Письмо протоіерея Алексѣева къ императору Павлу, гдѣ авторъ, на основаніи дошедшихъ до него слуховъ, говоритъ, что Дашковъ добивался въ патріархи (Русск. Архивъ 1863 г.). На Дашкова

указываетъ Кантемиръ во II сатирѣ: «Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати, когда лошади свои раздарилъ некстати.»

180. Чистовича — Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.
181. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
182. Тамъ же. — Полн. Собр. Зак. № 5238, 5251, 5322.
183. Le Catholicisme Romain en Russie — par M. le Comte Dm. Tolstoy, I, 164. — Чистовича — Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 369.
184. Пол. Собр. Зак., № 5343.
185. Донесеніе фельдмаршала Голицына въ Государ. Архивѣ.
186. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
187. Дѣла Тайной Канцеляріи въ Государ. Архивѣ.
188. Выписка изъ тайныхъ дѣлъ въ Государ. Архивѣ.
189. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.
190. Дѣла Сената по Малороссійской экспедиціи въ Архивѣ Мин. Юстиціи. — Дневныя Записки Якова Марковича, ч. I.
191. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта.
192. Дѣла Турецкія.
193. Дѣла Французскія.
194. Дѣла Австрійскія.
195. Дѣла Польскія и Курляндскія; Протоколы Верх. Тайн. Совѣта; Weber's Moritz Graf von Sachsen.
196. Дѣла Шведскія.
197. Дѣла Датскія.
198. Дѣла Прусскія.
199. Дѣла Китайскія.
200. Маньянъ.
201. Лиріа.
202. Лефортъ.
203. Тамъ же; Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ въ Госуд. Архивѣ.
204. Лиріа.
205. Маньянъ.—Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ.
206. Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.
207. Лефортъ.
208. Слѣдственное дѣло объ Остерманѣ въ Государ. Архивѣ. — Маньянъ.
209. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ приложеніи къ Запискамъ Дюка Лирійскаго, изд. Д. Языкова.
210. Маньянъ.—Остерманъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря, что «спустя полчаса за нимъ прислали, и объявили, что выбрана Анна.»
211. Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ.
212. Протоколъ Верх. Т. Сов. 19 января, въ Государ. Архивѣ.

213. Өеофана Прокоповича.

214. Тамъ же.

215. Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.

216. Бумаги эти хранятся въ Госуд. Архивѣ.

217. Чтенія Москов. Истор. Общ. 1868 года, кн. III: Дѣло Салникѣева.—Өеофанъ Прокоповичъ.

218. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ.

219. Өеофанъ Прокоповичъ.

220. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ.

221. Өеофанъ Прокоповичъ.

222. Пол. Собр. Зак., № 5499, 5500, 5501.

223. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.

224. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Государ. Архивѣ.—См. также предложеніе, помѣщенное въ Запискахъ Марковича, I, 346.

225. Маньянъ, Лефортъ.

226. Лефортъ.

227. Өеофанъ Прокоповичъ.

228. Записки кн. Нат. Бор. Долгорукой въ Русск. Архивѣ 1867 г., № 1.

229. Журналы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи. 9 апрѣля 1730 года: дѣйств. статскій совѣтникъ Зыбинъ докладывалъ, что гдѣ погребено въ Архангельскомъ соборѣ государево тѣло вынуто два гроба сибирскихъ царевичей, а по синодскому, такожь и по его разсужденію, гробницъ особыхъ имъ дѣлать не надлежитъ, а поставить въ стѣнѣ и учинить надпись. Отъ собранія приказано быть по тому разсужденію.

230. Манштейнъ.

231. Өеофанъ Прокоповичъ.

232. Лефортъ.

233. Щербатовъ — О поврежд. нравовъ.

234. Примѣчанія къ изданію Д. Языкова Записокъ Дюка Лирійскаго.

235. Лефортъ.

236. Протоколы Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ.

237. Тамъ же.

238. Маньянъ, Лиріа.

239. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.—Чтенія Москов. Истор. Общ. 1868 года, № 3.

240. Манштейнъ.

241. Тамъ же.

242. По всему видно, что князь Василій Лукичъ имѣлъ порученіе настоять на то, чтобы Биронъ не ѣздилъ въ Москву, и что Биронъ дѣйствительно пріѣхалъ не вмѣстѣ съ Анною. (См. Записки кн. Нат. Бор. Долгорукой.)

243. Письма Анны въ Госуд. Архивѣ.
244. Щербатовъ — О поврежденіи нравовъ.
245. Письма въ Государ. Архивѣ.
246. Полн. Собр. Зак., № 5510.
247. Протоколы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи.
248. Журналы Сената тамъ же.
249. Пол. Собр. Зак., № 5653.
250. Тамъ же, № 5881.
251. Тамъ же, № 5565.
252. Тамъ же, № 5566.
253. Тамъ же, № 5467.
254. Тамъ же, № 5577.
255. Журналы Сената.
256. Тамъ же.
257. Пол. Собр. Зак. № 5654.
258. Тамъ же, № 5689.
259. Тамъ же, № 5570.
260. Тамъ же, № 5625.
261. Тамъ же, № 5521, 5597.
262. Тамъ же, № 5659.
263. Тамъ жа, № 5860.
264. Тамъ же, № 5522.
265. Тамъ же, № 5598.
266. Тамъ же, № 5638.
267. Тамъ же, № 5780.
268. Тамъ же, № 5789.
269. Тамъ же, № 5873.
270. Тамъ же, № 5924.
271. Тамъ же, № 5504 и 5505.
272. Тамъ же, № 5571.
273. Журналы Сената.
274. Тамъ же.
275 Пол. Собр. Зак., № 5593.
276. Маньянъ.
277. Пол. Собр. Зак, № 5806.
278. Журналы Сената.
279. Полн. Собр. Зак., № 5594.
280. Тамъ же, № 5644.
281. Пол. Собр. Зак., № 5832.
282. Тамъ же, № 5620.
283. Тамъ же, № 5650.
284. Тамъ же, № 5512.

285. Тамъ же, № 5761.
286. Тамъ же, № 5518.
287. Чистовича — Ѳеоф. Прокопов., стр. 259.
288. Журналы Сената.
289. Пол. Собр. Зак., № 5891.
290. Русскій Архивъ 1863 года.
261. Чистовича — Ѳеофанъ Прокоповичъ. — Чтенія Москов. Истор. Общ. 1868 г. № 3.
292. Пол. Собр. Зак., № 5538.
293. Тамъ же, № 5560.
294. Тамъ же, № 5564.
295. Ттмъ же, № 5621.
296. Тамъ же, № 5655.
297. Тамъ же, № 5882.
298. Письмо въ Государ. Архивѣ.
299. Журналы Сената.
300. Чистовича — Ѳеофанъ Прокоповичъ.
301. Маньянъ.
302. Тамъ же.
303. Журналы Сената.
304. Пол. Собр. Зак., № 5532.
305. Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.
306. Лиріа.
307. Петербург. Вѣдомости.
308. Лиріа.
309. Лефортъ.
310. Пол. Собр. Зак., № 5623. — Маньянъ.
311. Лирія.
312. Маньянъ.
313. Тамъ же.
314. Журналы Сената.
315. Пол. Собр. Зак., № 5916.
316. Тамъ же, № 5528.
317. Тамъ же, № 5727.
318. Тамъ же, № 5738.
319. Лиріа.
320. Пол. Собр. Зак., № 5871, 5872.
321. Маньянъ.
322. Дѣла Кабинета въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
323. Дѣла Персидскія.
324. Дѣла Турецкія.

325. Маньянъ.
326. Лиріа.
327. Дѣла Французскія 1730 года.
328. Лиріа.
329. Лефортъ.
330. Маньянъ.
331. Тамъ же.
332. Бумаги Бирона въ Госуд. Архивѣ.
333. Дѣла Австрійскія означенныхъ лѣтъ.
334. Дѣла Прусскія.
335. «Droysen: Friedrich Wilhelm I.—II, 178.
336. Дѣла Датскія 1730—1732 годовъ.
337. Дѣла Шведскія 1730—1732 годовъ.
338. Дѣла Польскія тѣхъ же годовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

1) *Выписка о переводчикѣ Суворовѣ въ Сербіи.*

Въ 1724 году февраля 5-го дня, именнымъ указомъ бл. пам. Его Императорскаго Величества Петра I-го опредѣлено послать изъ св. Синода въ Сербію для обученія тамошняго народа дѣтей латинскаго и словенскаго діалектовъ двухъ учителей, а жалованья давать имъ по 300 рублей на годъ человѣку. И въ 1725 году въ августѣ мѣсяцѣ отправленъ въ Сербію въ Бѣлградъ синодальный переводчикъ Максимъ Суворовъ. А въ 1732 году, сентября въ 16 день, по указу изъ Сената въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ опредѣлено, что онъ Суворовъ чрезъ доношенія свои требовалъ съ прибавкою, объяляя себѣ немалыя нужды, также и о позволеніи, чтобъ ѣхать оттуда въ Россію и о подъемныхъ деньгахъ, также новоопредѣленный въ Сербіи митрополитъ отъ тамошняго въ Сербіи ему ученія отказалъ и его Суворова содержать не хочетъ и живетъ онъ тамо праздно, возвратиться ему въ Россію попрежнему, и для того его выѣзду перевесть къ нему изъ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ до ста рублевъ, которые бъ онъ Суворовъ для ускоренія времени на дорожный проѣздъ въ Вѣнѣ занялъ. Противъ чего Суворовъ посланнику Ланчинскому представилъ, что указу Его Императорскаго Величества повиноваться готовъ и радъ тамошнее бѣдственное житье перемѣнить, но что ему въ Вѣнѣ взаймы денегъ дать никто не повѣритъ и путь свой онъ въ Россію ста рублями отнюдь съ женою и младенцемъ управить не можетъ. А хотя получилъ онъ Суворовъ жалованье на 1731 и на 1732 годы, то всѣ тѣ деньги одному Сегединскому жителю за долги, которые еще въ Сербіи нажилъ, заплатилъ. И хотя ему Суворову новосербскій митрополитъ предъ нѣкоторымъ

временемъ объявилъ, что онъ учительства его Суворова въ Сербіи не требуетъ, но какъ потомъ оный митрополитъ почасту въ болѣзни припадать сталъ и оказалася оная болѣзнь быть водяною и не безопасною, то петроводынскій епископъ Висаріонъ къ нему Суворову отъ 19 и отъ 24 іюня того 1733 году писалъ, объявляя желаніе свое и прочихъ сербскихъ архіереевъ имѣть его Суворова попрежнему въ Сербіи учителемъ, хотя бы помянутый митрополитъ и не хотѣлъ, которыя писма онъ Суворовъ ему Ланчинскому казалъ. И потомъ онъ же епископъ Висаріонъ къ нему Суворову отъ 12 іюля того-жъ 1733 году паки писалъ, требуя, чтобъ онъ Суворовъ пріѣхалъ въ городъ Петроводынъ какъ скоро можетъ, гдѣ самъ онъ выразумѣетъ его епископа и народное требованіе быть ему тамо попрежнему учителемъ. Въ той же силѣ писалъ къ нему Суворову отъ 6 іюля и епископъ хратской Исаія. При таковыхъ обстоятельствахъ онъ посланникъ Ланчинской, видя поправленіе зазора, которой оный Суворовъ претерпѣлъ, что хотя новой митрополитъ сербской отказалъ было оному отъ ученія, то нынѣ иные архіереи его Суворова имѣть для того ученія желаютъ; къ тому-жъ заподлинно вѣдая, что римско-цесарскому двору обученіе Сербскаго народа весма не непріятно, то хотя тотъ Суворовъ уже ему Ланчинскому 150 гульденовъ былъ долженъ, увидя епископа Висаріона собственноручныя письма, не могъ онъ Ланчинской уклониться дать ему еще 100 гульденовъ какъ на проѣздъ въ Петроводынъ, а больше еще на оплату его въ Вѣнѣ квартеры и чтобъ необходимо себя содержать, тако-жъ жену и младенца въ Вѣнѣ до повороту своего могъ на пропитаніе снабдить. А потомъ въ реляціи посланникъ Ланчинской изъ Вѣны отъ 15 сентября того-жъ 1733 году доносилъ: что сверхъ писемъ къ переводчику Суворову отъ петроводынскаго епископа Висаріана присланныхъ, еще весьма сильный новый опытъ оказался Сегединскаго города жителей: прислали къ нему Ланчинскому зѣло докучное просительное письмо за подписью и печатми 9 знатнѣйшихъ персонъ, которымъ просятъ о присылки къ нимъ помянутаго переводчика Суворова для обученія дѣтей ихъ. А потомъ онъ же посланникъ Ланчинской изъ Вѣны отъ 1-го февраля 1735 года доносилъ, что вскрылося отъ новоопредѣленнаго митрополита сербскаго отрѣшеніе Суворова отъ школьнаго ученія, что имѣя оной митрополитъ при Вѣнскомъ

дворѣ агента Іосифа Ямбрековича, ему вѣрилъ, который, вѣдая за собою тяжкія преступленія и дабы оныя не вскрылися, старался всякія персоны отъ митрополита отдалять, которыя бы либо его коварствы проникнуть могли, въ томъ же числѣ предпринялъ и на Суворова лживымъ внушеніемъ клеветать, якобы цесарскому двору было противно, что чужестранная персона въ учители употребляли. Чего не только никогда не бывало, но и весьма тому насупротивъ при избраніи нынѣшняго митрополита камисаръ цесарской генералъ Локателли всему собранію указомъ деклароваль, что чѣмъ болѣе народъ Сербскій во обученіи прилежать будетъ, тѣмъ милостивѣе цесарское величество сіе приметъ; но онъ Ямбрековичъ толковалъ сіе будто сказано за лице и свои ковы распространялъ; когда же Суворовъ изъ Сербіи въ Вѣну пріѣхалъ, то и изъ Вѣны наипаче его выбить старался, и митрополиту весма лживо доносилъ, будто онъ весь народъ тамо въ Вѣнѣ оглашаетъ. Но наконецъ исподоволь все вскрылося и онъ арестованъ, и дѣло его слѣдуется. Чего ради сербской митрополитъ Викентій Іоанновичъ писалъ именемъ всего клира и общества къ россійскому Синоду какъ со объявленіемъ о вышеупомянутыхъ Ямбрековича тяжкихъ преступленіяхъ, такъ и съ прошеніемъ, дабы указомъ ея императорскаго величества Суворовъ у нихъ былъ попрежнему оставленъ.

Въ Синодъ переводчикъ Суворовъ доносилъ изъ Сегедина, отъ 1-го марта и отъ 17 мая 1736 года, что онъ Суворовъ по писму епископа сегединскаго Виссаріона и съ позволенія по оному посланника Ланчинскаго поѣхалъ чрезъ Горватскую землю, гдѣ видѣлся съ епископомъ Симеономъ, прежде бывшимъ его Суворовымъ ученикомъ, и оттуда въ Сегединъ пріѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но епископа Виссаріона не засталъ, понеже прежде пріѣзду его Суворова съ асистенціею нѣмецкой команды бѣлградской митрополитъ взялъ его нагло безъ всякаго суда за арестъ и въ Корловицкомъ своемъ дворѣ заперъ въ тѣсной комнатѣ, имѣніе же его все освоилъ, и предъ народомъ всюду писмомъ и словомъ публиковалъ его безмѣстнымъ беззаконникомъ и хотѣвшимъ быть уніатомъ и тайнымъ съ россійскимъ царствомъ и посланникомъ корреспондентомъ. Помянутое гоненіе, начатое отъ митрополита, дѣло не знающихъ причины сначала всѣхъ удивило, что видѣлось изъ подъ руки, якобы всюду команды, различными мѣрами якоже и

духовенство римское, ему помогали и въ разговорахъ рѣчми мирволили; но 30 генваря сего году Сегединскій капитанъ, онъ же и цесарскій толмачъ римлянинъ (Румунъ?) греко-россійскія вѣры предъ тремя офицерами сказалъ, что митрополитъ обѣщался быть у нихъ и весь клиръ и народъ Сербскій подъ цесарскою державою сущій на унію привесть, и для того де-епископъ Виссаріонъ, что онъ не есть и унитомъ быть не хочетъ, подъ крутымъ арестомъ содержится. Но епархіане его, несмотря на публикаціи митрополитовы, гдѣ надлежитъ, просительныя протестаціи учинили и въ Вѣну депутатовъ послали, и собравшися нѣсколько въ декабрѣ мѣсяцѣ въ ночи внезапно изъ ареста епископа Виссаріона освободили и въ Сегединъ привезли, гдѣ онъ испросилъ себѣ у Сегединскаго коменданта караулъ, подъ которымъ въ своемъ домѣ пребываетъ; а потомъ въ великій четвертокъ онъ епископъ Виссаріонъ указомъ цесарскимъ отъ Надворнаго Военнаго Совѣта ареста свобожденъ и караулъ отъ него сведенъ и оставленъ до будущей коммиссіи, яко подъ протекцію цесарскую ему прибѣгшу; а митрополитъ Бѣлградской, впавъ въ болѣзнь, которую доктора врачевать отреклись, привезенъ 10 мая въ Петроворадынъ. Помянутой же митрополитъ домогался чрезъ знатную персону о указѣ, чтобъ Сегединской комендатъ его Суворова яко выгнаннаго изъ Россіи волочая взялъ подъ арестъ, но комендантъ сіе учинить яко съ чужестраннымъ человѣкомъ и союзной потенціи подданнымъ извинился (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

2) Въ листѣ къ его императорскому величеству архіепископъ и митрополитъ бѣлоградскій Моисей изъ Вѣны, отъ 20 февраля 1728 года, пишетъ: что они его императорское величество за протектора признаваютъ, а они нынѣ, т.-е. сербословенскій народъ, кой есть подъ властію римскаго цесаря, великіе имѣютъ налоги и несносныя и прямыя неправды и напасти, подъ коими скрытое творится насиліе вѣрѣ православной, дабы они были уніаты, какъ Кроаціи и Транзильваніи учинено, о чемъ многіе командующіе Римляне явно имъ говорятъ и они сами видятъ, что для того утѣсняютъ ихъ и данныя имъ привилегіи уничтоживаютъ и поущаемы суть отъ своихъ духовныхъ, которые весма нашу церковь ненавидятъ паче жидовской. Проситъ именемъ всѣхъ, дабы его императорское величество благоволилъ въ вѣрѣ ихъ православной предложеніемъ цесарскому величеству римскому вспомоществова-

ніе учинить, якоже отъ самого и предецесоровъ его дарованныя имъ привилегіи гласятъ, однако таковымъ благоразумнымъ способомъ (дабы отъ нихъ не познано было, якобы они о семъ что донесли его императорскому величесту) да бѣдный народъ ихъ въ подозрѣніе-бъ коварства не пришелъ, а наипаче-бъ ко двору папы римскаго какое за нихъ заступленіе быть могло, дабы духовенству заповѣдано было ихъ не напаствовати ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ претекстомъ коварнаго насилія имъ не чинить, ибо они въ такомъ случаѣ сильны, гдѣ сами не дѣлаютъ, то больше чрезъ мірскую власть дѣйствуютъ, и ежели за нихъ заступленія не будетъ, то они пропасть могутъ. И нынѣ, по ихъ мнѣнію, изрядный случай быть можетъ на будущемъ конгрессѣ имперіальномъ о томъ стараться. Въ докладѣ канцлеру невскій архимандритъ Петръ представлялъ о томъ же, ссылаясь на письмо, полученное имъ изъ отечества изъ Сербской земли (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

3) Письмо княгини Аграфены Петровой Волконской къ Дивьеру: «Государь мой милостивый Антонъ Мануйловичъ. Сего время изволила у меня быть Анна Даниловна, и при ней принесли съ почты письма, въ которыхъ были ваши, токмо письма принесены пакеты оба подпечатаны, что мнѣ очень удивительно, и ваши писма отъ царевны и отца моего безъ всякова куверта положены, которыя Анна Даниловна изволила взять. Въ письмѣ отца моего къ вамъ писано о желтомъ гродетурѣ и о золотомъ позументѣ; я зѣло жалѣю, что она вѣдала о желтомъ гродетурѣ, только мнѣ заказать изволила, чтобъ я не сказывала, что она читать изволила. Я надѣюсь канешно ваши писма были запечатаны въ кувертѣ, только мой кувертъ былъ въ чьихъ-нибудь рукахъ и съ вашева кувертъ снятъ. Впрочемъ остаюсь вамъ, государю моему милостивому, со особливымъ почтеніемъ верная слуга А. В. Сіе прошу изодрать. (Курляндскія дѣла въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ).

4) *Листъ гетмана Апостола.* Мои ласковые пріятели войсковой канцеляріи и судовъ енеральныхъ правители. Памятно намъ есть добре же при отъѣздѣ нашемъ въ Москву полѣцаючи вашимъ милостемъ правленіе судовъ войсковыхъ енералныхъ, приказалисмо о томъ, дабы справа судіи полковаго черниговскаго з нецнотливымъ сыномъ Лисеневичемъ и публичною курвою То-

маровною, а его женою была реферована до щастливаго нашего на свою резиденцію повороту, а поневажъ зпевнаго донесенія извѣстилисмося же ваша мосць, презирая нашъ указъ, дерзнулисте самоволно чинити въ томъ слѣдствіе и по своему мнѣнію децидовати неправильно, тому немало удивляемся, таковое же ваше дерзновеніе въ небреженіи нашего указу знатое чинимъ, а оразъ пилно упоминаемъ, а бысте до тѣхъ дѣлъ, которые до нашего повороту отложены суть, неинтересовалися, и нетилко децизіи, но и слѣдствія онымъ чинити не дерзали о тѣхъ нецнотахъ, понеже и тая неправильно по вашемъ мнѣніи окончаная справа за прибытемъ нашимъ обновлена и по артикуламъ правнымъ слушною мѣетъ быть окончана децизіею (Архивъ Мин. Юстиціи, Дѣла Сената по Малорос. Экспедиціи).

5) О Копуцинѣ Петрусѣ Хризологусѣ явилось слѣдующее сего 1725 года: Данъ ему былъ пашпортъ 20 дня генваря сего года, по которому велѣно ему изъ Россійской имперіи чрезъ Ригу за границу выѣхать въ мѣсяцъ, а онъ того не учинилъ, а жилъ своевольно въ Ревелѣ. Онъ же, Копуцинъ, будучи въ С.-Петербурхѣ, своего закона людемъ разглашалъ, якобы ея величество римская императрица рекамандавала ему россійскаго великаго князя Петра Алексѣевича и искать тайно способу его высочество видѣть, а учрежденнымъ при его высочествѣ персонамъ о томъ не сказывалъ (Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

6) Письмо княжны Маріи Алекс. Меншиковой къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ: «Милостивѣйшая государыня великая княжна. Зѣло сожалѣю, что вчерашняго числа ходила я къ вашему высочеству проститься, но не получила за отъѣздомъ ваше высочество видѣть; однакожь чрезъ сіе яко персонально ваше высочество поздравляю и мой достодолжной отдаю поклонъ и нижайше прошу отъ меня поздравствовать его императорскому величеству вседражайшему вашего высочества братцу: не могла я того оставить, чтобъ вашему высочеству не донести, что государь мой дражайшій родитель зѣло печалится: 1) что его величество вчерашняго числа не получилъ видѣть; 2) что по прибытіи сюда услышалъ, якобы его величество и на дворѣ его свѣтлости стоять не изволитъ, и нынѣ прибылъ сюда генералъ-лейтенантъ господинъ Салтыковъ и объявилъ, что его величество весма переѣздомъ изъ дому его свѣтлости поспѣшать приказалъ;

напротиву же того его свѣтлости неизреченную приноситъ радость милостивое вашего высочества предстательство, что изволили его величество о свиданіи зъ батюшкомъ вчерашняго числа дважды просить; того ради о семъ вашему высочеству донесши прошу: изволите его императорское величество просить, чтобъ по прибытіи сюда изволилъ прибыть въ домъ его свѣтлости дражайшаго родителя моего и съ нимъ видѣться, дабы какъ внутренніе его императорскаго величества и вашего высочества и его свѣтлости непріятели, такъ и пограничные сосѣди, видя такія отмѣны, не порадовались» (Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ). Письмо безъ подписи, едвали было отправлено.

7) Отзывъ князя Куракина объ испанскомъ министрѣ Рипердѣ: «Я онаго Риперда зналъ довольно въ Голландіи, когда былъ депутатомъ въ собраніи статовъ и мнѣ былъ добрымъ пріятелемъ, котораго портретъ въ состояніи описать: есть человѣкъ смѣлый и нахальный, правда ума довольнаго, но не очень основательнаго, и, по своей великой дерзновенности, уповать надобно, что правленіемъ своимъ всеконечно приведетъ до войны въ Европѣ, и что есть внутреннимъ непріятелемъ Англіи не токмо нынѣ, но когда еще и въ Голландіи былъ, и что безъ сумнѣнія въ интересъ кавалера св. Георгія будетъ стараться» (Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

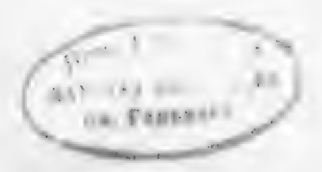
8) Письмо графини Остерманъ (урожденной Стрѣшневой) къ мужу: «Любимый мой другъ, дорогой батюшка Андрей Ивановичъ. Отъ всего моего сердца желаю тебѣ моему дорогому многихъ лѣтъ и добраго здравія. Я тебя поздравляла со вчерашнимъ торжественнымъ праздникомъ въ двухъ моихъ письмахъ и нынѣ еще повторяю: здравствуй мой батюшка дорогой, и дай Богъ многія лѣта тебѣ моему другу жить въ добромъ здоровьѣ и въ радости, и мнѣ бы тебя любимаго своего друга видѣть поскорѣе; а я благодарю Бога, что сей праздникъ прошелъ; я желала, чтобъ вся недѣля прошла поскорѣе для того, что мнѣ пуще въ праздникъ тошно и скучно. Самъ ты, мой другъ, можешь разсудить, есть ли мнѣ причина тужить: праздникъ такой великій, всѣ веселятся въ домахъ своихъ съ своими мужьями, также съ своими сродниками, а я бѣдная теперь одна была. Я вчера у обѣдни сколько могла крѣпилась, что въ такой великій день не плакать, только не могла укрѣпить: слезы сами пошли. Когда я поѣхала отъ церкви, по-

думала, что севодни великій праздникъ, я пріѣду домой—кто меня встрѣтитъ? Кто меня ласковымъ словомъ утѣшитъ? Кто обо мнѣ попеченье имѣетъ? Когда ты мой другъ при мнѣ былъ, я пріѣду домой—ты меня встрѣчаешь съ пріятными милостивыми словами и имѣешь обо мнѣ попеченіе: Ма́рѳушка! что тебѣ севодни ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно: нынѣ кто обо мнѣ такъ имѣетъ попеченіе? Когда я сіе все стану думать, какъ я могу бѣдная не плакать? Хотя я надѣюсь на Бога, что онъ дастъ тебѣ моему другу здоровье и дастъ мнѣ тебя видѣть, и ты меня содержишь въ неотмѣнной своей милости, однакожъ не могу вѣрить, что тебя милаго друга скоро видѣть. Вчера у меня послѣ обѣдни былъ Семенъ Ивановичъ съ женою; я просила ихъ, чтобъ они обѣдали у меня: они сказали, что у нихъ дѣти дома, желаютъ быть съ ними обѣдать. Еще пришелъ Шубертъ поздравствовать, я его удержала обѣдать; обѣдали у меня Шубертъ и наша мама и я, и это первый разъ, что я безъ тебя обѣдала въ средней горницѣ. Послѣ обѣда, дѣлать нечего, сидѣть не съ кѣмъ, я бѣдненькая посидѣла маленька съ Ѳедяшей, онъ ничего не смыслитъ, пришла къ себѣ и легла на постелѣ, не вставала до вечеренъ; послѣ пріѣхалъ Синявинъ и жена его, ради ихъ встала съ постели и сидѣла съ ними» (Бумаги Остермана въ Государственномъ Архивѣ).

9) Дѣло черниговскаго епископа Иродіона Жураковскаго съ бунчуковымъ товарищемъ Лизогубомъ. Доношеніе Иродіона св. Синоду: «Въ доношеніи епархіи моей Шостовицкаго попа Алексѣя Незридовича написано: ѣздилъ-де онъ съ письмомъ изъ консистору къ Семену Лизогубу въ обидѣ своей просить, чтобъ онъ заграбленные его кони войтомъ Лизогубовымъ ему попу возвратилъ, и когда о возвращеніи грабежа только помянулъ Лизогубу, тогда безъ всякой причины началъ бранить его попа Алексѣя м..., называя блазномъ и скурвымъ сыномъ, злодѣемъ, послежде велѣлъ наготовити кіовъ и батожья и принести оные, въ якомъ разѣ два его Лизогуба служители великороссійской породы тыя до побою инструмента принесли, и, взявъ его попа за руки, распяли и держали распятаго, самъ же онъ Лизогубъ многократно прискаковалъ и порывался съ кулачемъ хотя бить, но не билъ, плювалъ во очи и отошедчи въ комнаты велѣлъ вести до тюрмы, но не ведучи толко выбить въ шію съ двора приказалъ и выби-

то. Онъ же Лизогубъ моего смиренія называлъ бездѣльникомъ, чортомъ и прескаредными поносилъ словами, и тѣ слова велѣлъ попу, чтобы мнѣ сказалъ. Убо хотя на тѣ слова священника отца Алексѣя и доносъ его уповати не для чегобъ, обаче понеже неединократно уже Лизогубомъ предъ паствою поносится имя мое, чрезъ что и во исправленіи церковномъ кого-либо о томъ извѣстнаго наклонити пастырски потрудно, здѣсь же честь архіерейская въ Малой Россіи дешева, и хотя просить, то весма не у кого. Да онъ же Лизогубъ возбраняетъ роковщини по древнему обычаю на препитаніе давать священникамъ, виновныхъ къ суду духовному подлежащихъ не выдаетъ людей, посилаетъ вѣнчатися людей своихъ внѣ епархіи моей за границу въ Польшу, иные-жъ обвѣнчани и живыхъ имущіе женъ; говорилъ же еще многимъ людемъ и сіе по нѣкоторымъ дѣламъ: что-де вашъ Синодъ? и онъ сице архіерею своему въ силѣ яко не надъ нимъ Синодъ и я не его пастырь: того ради прошу святѣйшества вашего не мене ради старца, но чести ради архіерейской въ юрода мѣсто Лизогубомъ безъ зазрѣнія вмѣняемой и въ прочіихъ церквѣ противныхъ дѣйствіяхъ милостивый его императорскаго величества указъ учинить, безъ зазрѣнія бо совѣсти мнѣ донесено и азъ доношу.» Лизогубъ заперся во всемъ, дѣло же съ священникомъ объяснилъ такъ, что священникъ самъ прежде пограбилъ у его мужиковъ четырехъ лошадей и возъ съ солью, которыя, лошади и соль, до сихъ поръ у епископа (Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Малороссійской Экспедиціи).

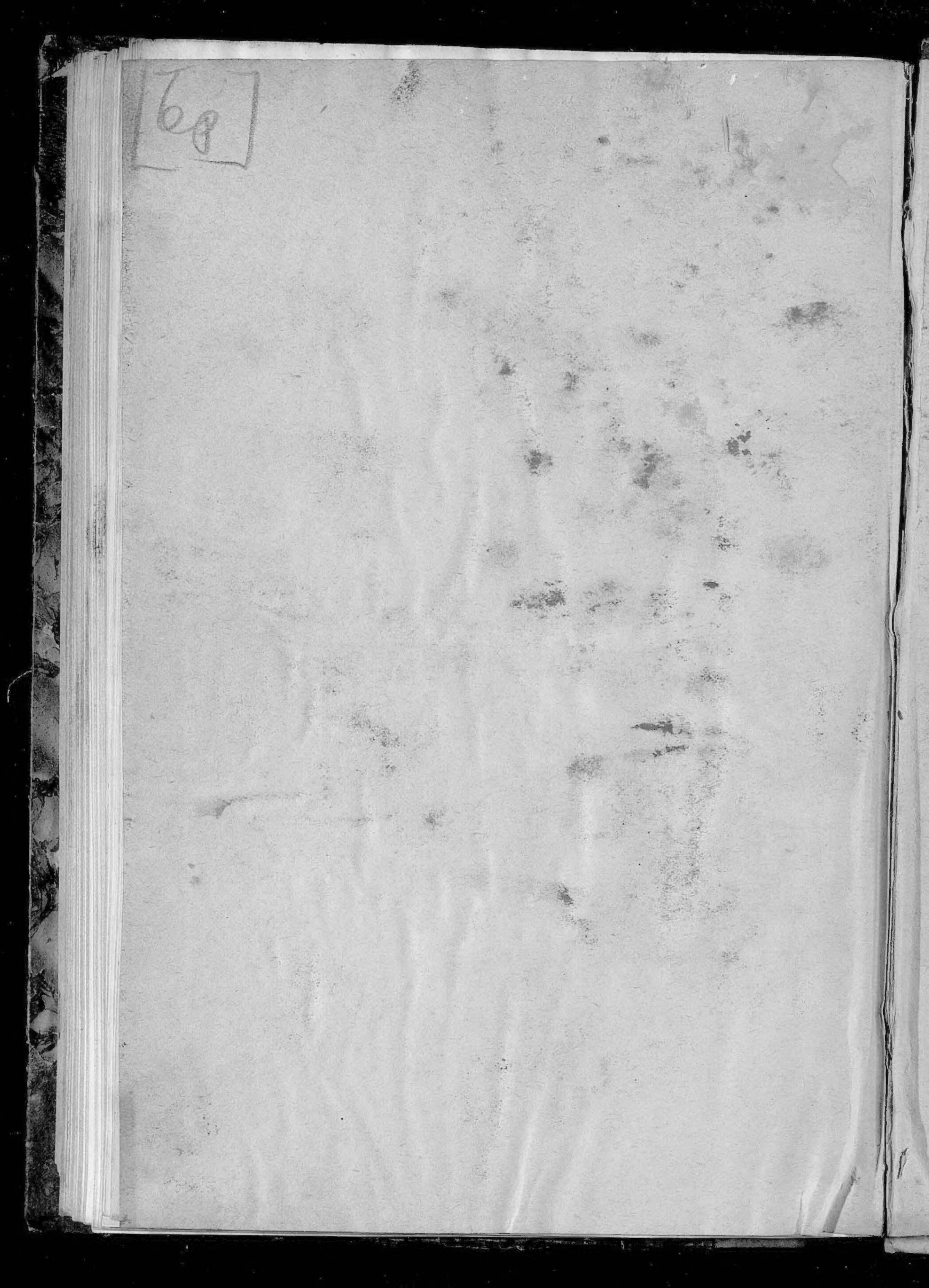
ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка.	Напечатано:	Должно читать:
8	7	Кропотовъ у Шереметевъ	Кропотовъ и Шереметевъ
—	38	подобно	надобно
28	7	приказалъ	приказала
33	20	приняли	приняла
34	7	обязательства	обязательство
36	8	увѣдомленіе, канцлеръ Четвертинскій	увѣдомленіе канцлера, Четвертинскій
63	33	въ Петербургѣ, рѣшили	въ Петербургѣ рѣшили
113	32	о мирѣ	о морѣ
120	19	пріобрѣтя	пріобрѣсти
176	18	высвободились нѣкоторые	нѣкоторые высвободились
186	34	безпечально	безпечальна
203	6	безсмернымъ	безсмертнымъ
204	9	записался	запасался
206	13	войска	войскъ
211	11	крадиналѣ	кардиналѣ
214	7	добавился	добивался
231	5	предѣлатель	предатель
247	28	Пятеро	шестеро
250	28	третьи	третьей
253	2	также	понеже
254	4	Мы видимъ	Мы видѣли
—	32	объявили	объявила
284	5	много доимокъ	много доимки
311	2	возстановлено было распоряженіе	возстановлены были распоряженія
312	11	докладывалъ	докладывали
315	9	отъ 22 іюня	отъ 22 іюня 1730 года.

68